

ДАРЬЯ ШАТИЛ

Ведьмы Алистера

В жизни Алистера было много ведьм. Пожалуй, даже слишком много. Любимая? Ведьма. Дочки? Ведьмы. Подруга? И та ведьма. Да даже врагом, отнявшим у него всё, была Ведьма. Может, именно поэтому Алистер никогда и не был главным героем, ведь эта история всегда была о Ведьмах. Ведьмах Алистера. И мальчике, которого он держал в подвале.

Глава 1. Тайна за дубовой дверью

Огни полицейских мигалок слепили и заставляли щуриться. Напряженная, она стояла на бордюре, взглядом скользя по покореженным машинам и людям, что столпились вокруг них. Порывы холодного осеннего ветра бросали ее короткие светлые волосы из стороны в сторону, мешая следить за происходящим. В который раз она уже заправила их за уши, но тщетно, ветер вновь подхватывал их и швырял в лицо. Девушка собрала их рукой, да так и стояла держась за волосы и злым взглядом сверля темную трассу.

Ожидание было долгим, и она уже не просто начинала злиться, а приходила в бешенство, ведь полицейские ходили кругами вокруг участников аварии, мельтешили от одной кучи металла к другой, словно мухи, создавая, как ей казалось, лишь видимость работы.

Девушка глубоко вздохнула и выдохнула, мысленно пытаясь успокоить себя, хотя все внутри нее клокотало, хотелось подойти к полицейским и отвесить каждому по смачному подзатыльнику для скорости. Неподобающее желание для воспитанной девушки.

Где-то вдалеке раздался вой сирен, а затем показались огни скорой помощи. Она проследила взглядом за приближающимися огнями, не зная радоваться их появлению или нет, потому что в голове настойчиво билась одна единственная мысль.

«Надеюсь, он не выживет»

Навязчивая мысль. Неправильная мысль. Воспитанные девушки не должны так думать. И она это понимала, но отделаться от нее не могла, ведь его смерть была тем, чего ей хотелось больше всего. Точнее она думала, что ей этого хотелось. Не будет этого человека — не будет и пустоты внутри, которую он вызывал.

Так что да, человек из той машины просто не должен выжить. Он не имеет на это право. Ведь если он выживет, ничего не изменится.

Врачи, доктора, медработники или как их там еще называют, высыпались из машин скорой помощи и присоединились к танцу, который уже отплясывали полицейские и зеваки на холодном ветру. Единственное, что девушка никак не могла понять, так это откуда взялись сторонние наблюдатели на объездной трассе в столь позднее время суток. Но немного поразмыслив она пришла к выводу, что в их маленьком городке любое малозначимое событие становится целой сенсацией за считанные минуты. А авария на объездной трассе, в которой пострадали целых две машины — огромная сенсация.

— Марта Рудбриг? — обратился к ней подошедший полицейский, и она лишь кивнула ему в ответ, не видя особого смысла спрашивать имя мужчины. — Кем вы приходитеесь пострадавшему?

— Дочь, — сухо ответила та, немного удивившись, что полицейский не знает кто она и кем приходиться пострадавшему.

Пострадавший — слово то какое красивое, она так и видела его завтра в заголовке местной газеты, выведенное большими красными буквами.

Полицейский сделал несколько пометок в планшете, который держал в руках, а затем поднял взгляд и посмотрел на Марту с сочувствием.

— Его достали из машины и сейчас начнут грузить в скорую. Вы поедете с ним?

— Он жив? — холодно спросила Марта.

— Да, но в критическом состоянии... — полицейский сделал паузу, помявшись — что

натолкнуло Марту на мысль: он скорее всего еще новичок, — а затем продолжил коряво, словно тщательно подбирая слова. — Но вы не переживайте раньше времени — ребята говорят, что у него есть шанс выкарабкаться... может всё и обойдется...

— Ребята? — непонимающе переспросила девушка. Картинка в ее голове не складывалась. Ей представились маленькие дети, в сланцах и летних шортах, которые бегали вокруг машины и обсуждали все ли хорошо с ее отцом, жив не жив, кто-то плачет, кто-то смеется, а кто-то ковыряется в носу. И все это на фоне царившей на объездной дороге неразберихи.

— Ну... да... ребята из неотложки... Так вы поедете с ним?

— Ясно, — недовольно хмыкнула Марта. Картинка сложилась. — Да, я поеду с ним.

Больше ничего не сказав, она аккуратно спустилась с высокого бордюра, на котором стояла все это время, на проезжую часть и направилась к машине скорой помощи. Ее походка была быстрой но тяжелой, казалось, будто все свое раздражение она выплескивала ударами каблуков об асфальт. Хотя почему казалось? Так оно и было. Сегодняшний день от начала и до конца был испытанием для ее способности держать себя в руках и рационально мыслить. И стоило отдать ей должное — Марта пока держалась.

Она обходила обломки машин, стараясь не наступать на разлетевшиеся повсюду осколки стекла и лужи из бензина и моторного масла. Ее совершенно не прельщала мысль отмывать потом свои любимые осенние ботильоны неизвестно отчего.

В голове появилась шальная мысль кинуть в одну из луж подождённую спичку, чтобы рядом со скорой, в которую грузили ее отца, вспыхнул пожар. Но было слишком много свидетелей, и шанс того, что кто-то из зевак непременно снимет инцидент на видео, заставил Марту отказаться от этой прекрасной идеи. И не потому, что у нее не было с собой спичек.

Марта отдернула себя, так и хотелось, чтобы кто-то подошел взял за руку и строго приказал: “Хватит! Прекрати уже срывать струпья с зарубцевавшейся раны!” К сожалению у нее такого человека не было и нравучать себя приходилось самой.

Марта подошла к машине скорой помощи как раз в тот момент, когда каталку с ее отцом закончили грузить.

— Кто вы? — с улыбкой спросил санитар, заметивший ее. Он начал закрывать одну из задних дверей и замер, держась за ручку.

Марта перевела взгляд с распахнутых дверей машины, на мужчину, окликнувшего ее. Высокий, хотя по сравнению с Мартой все люди были высокими, и широкоплечий. Темные толи коричные толи и вовсе черные волосы — ночью и не разглядишь — торчат из-под шапки. Глаза тоже темные, а нос кривит, явно не единожды сломанный. Обычный такой мужчина, с самой что не наешь типичной внешностью. Таким как он можно иллюстрировать художественные журналы с пометкой “стандартная мужская особь”. И все бы ничего, вот только его улыбка была уж слишком широкой для медика на месте ДТП.

— Его дочь, — повторила Марта, стараясь не скривится, когда слова сорвались с ее губ. — В какую больницу его повезут?

— Святого Моисея. Она ближе всего.

Ближе всего... нет бы так и сказал, что это единственная больница на весь город, какой она собственно и была.

— Понятно, — Марта недовольно поджала губы. Если бы они выбрали больницу подальше, к примеру в соседнем городе, ее отец скорее всего просто не дожил бы. — Какая

жалость... Я же могу поехать с ним?

— Да, конечно. Запрыгивайте.

Санитар отошел в сторону, пропуская Марту в салон. Она схватилась за ручку и забралась в фургон, где ее ждали еще два врача неотложки и отец. Он лежал на носилках, перетянутый ремнями. В фургоне скорой помощи он, обычно грузный и высокий человек, выглядел слабым и ничтожным. Порванный черный костюм еще больше подчеркивал бледность перепачканного кровью лица, прикрытого кислородной маской. Темные волосы грязными паклями прилипли ко лбу. Дышал он слабо, маска едва покрывалась паром, который тут же пропадал.

Марте никогда раньше не приходилось ездить в машине скорой помощи, так что она заинтересованно разглядывала огонечки и трубочки, назначения которых не знала.

Девушка села на свободное откидное сиденье рядом с доктором — или же докторессой? — потому что та определенно была женщиной, хотя в мешковатой спецформой все врачи на одно лицо.

Санитар, оставшейся на улице, закрыл вторую дверь и, наверное, обошел машину и сел к водителю — так решила Марта после того, как услышала хлопок еще одной двери.

Дорогу до больницы девушка безотрывно следила за мониторами датчиков, к которым был подключен ее отец. Немного воодушевляясь каждый раз, когда его пульс замедлялся, и возвращаясь в реальность, когда он стабилизировался. Она не была медиком и не знала, хорошо это или плохо. Она лишь надеялась, что в этот момент ему было максимально плохо.

Злорадство — вот что она испытывала. Вот только после всего того, что он учинил ему должно было быть плохо. Марте вспомнилось сегодняшнее утро, но она отогнала от себя эти мысли. Сейчас не время. С тем, что ждало ее дома, она разберется, когда вернется, незачем нагружать голову еще и этим.

Марта не знала, какие эмоции отражались на ее лице, но почему-то докторша, та, что сидела ближе всего к ней, похлопала ее по руке и обнадеживающе произнесла:

— Не переживайте так сильно, ваш отец выкарабкается... верьте в это, и все будет хорошо...

Марта еле сдержала смешок, который был готов сорваться с ее губ.

— Конечно... все непременно будет хорошо...

«... если он умрет» — вот что она хотела добавить в конце, но не стала, оставив мысли только для себя.

Стеклянная створка, ведущая в кабину водителя, открылась, и в проеме появилась голова того самого все еще улыбающегося санитара.

— Мы подъезжаем. Будьте готовы.

Марта посмотрела на наручные часы — они ехали уже минут десять, и за все это время ее отцу ни разу не стало критически плохо. А она так на это надеялась.

Машина скорой помощи вскоре остановилась. Двери распахнулись, и Марта первой вышла, вновь становясь сторонним наблюдателем происходящего. Откуда-то налетела туча медицинского персонала — они буквально окружили машину. Каталку с ее отцом быстро спустили по пандусу. Марту не особо интересовали манипуляции, которые они проводили над отцом, прежде чем повезли его к дверям, над которыми висела огромная светящаяся вывеска «Отделение неотложной медицинской помощи».

Немного постояв и подумав над необходимостью своего присутствия в больнице, Марта все же последовала за ними, мысленно прикидывая, сколько нулей будет в счете

медицинских услуг, и пытаюсь вспомнить номер страхового полиса отца.

Почему он не мог просто спокойно умереть? Зачем нужно было создавать столько проблем?

— Вам дальше нельзя, — ее остановил санитар, протянув руку перед ней и преграждая тем самым путь.

— Почему? — непонимающе спросила Марта. Она была настолько погружена в свои мысли, что его появление стало для нее неожиданностью.

На губах санитаря появилась очередная легкая улыбка и Марта сразу же решила, что он насмехается над ней, и его слова или скорее тон еще больше убедили ее в этом:

— В операционную родственникам путь закрыт, — рукой он показал на горящую табличку «Вход воспрещен» над стеклянными дверьми впереди.

— Ясно, — протянула Марта, недовольная тем, что он продолжал улыбаться. Эта улыбка ее бесила.

Конечно, ее отношения с отцом не были такими уж теплыми, да и не сказать, что она хоть на толику была расстроена тем, что он попал в аварию, но одно она знала точно — насмехаться над человеком, член семьи которого находится в операционной, недозволительно и отвратительно. Так что она не смогла сдержаться, хотя возможно она всего-то нашла человека, на котором можно было сорвать злость.

— Вы понимаете, что ведете себя неправильно? — спросила она, направив в него суровый взгляд и уперев руки в боки для внушительности. Она всегда так делала, потому что внушительности ей как раз и не хватало.

— Что конкретно вы имеете в виду? — раздражающая улыбка не сползала с его лица, но явно дрогнула.

— Вы улыбаетесь! Вы хоть понимаете, что вести себя так перед человеком, у которого в семье случилось такое... это мерзко... Вам что, не преподавали уроки этичности в детстве? — и только произнеся свои слова поняла насколько они нелепы, но продолжила гнуть свою линию.

— Что?.. Нет... простите... Я ни в коем случае не насмехаюсь над Вами! — принялся оправдываться тот, наконец-то перестав улыбаться.

— Тогда что? — продолжила давить на него Марта, чувствуя себя сукой докапывающейся до нивчем неповинного человека.

— Просто... — начал было он, но запнулся.

— Просто что?

— Просто вы безумно милая, — словно сдаваясь, произнес он, всплеснув руками.

— Милая? — недоверчиво повторила Марта. Его ответ обескуражил ее.

— Ну да... я всегда улыбаюсь, когда вижу милых людей... как условный рефлекс... Вы же улыбаетесь, когда видите милых котят или щенят?

Разговор стал нелепым. Марте скривилась, не зная как отреагировать. Ее отчего не оставляла мысль, что говорил он неправду, просто пытался выкрутиться, сказать что-то, что шокирует ее. И если таким был его план, то он удался.

— Никогда, — холодно ответила Марта, ощущая себя дискомфортно и испытывая желание развернуться и уйти. Санитар казался ей по-настоящему странным.

— Правда? — неуверенно спросил он, вскинув брови.

— Абсолютная, — равнодушно пожала плечами Марта. Она потеряла интерес к разговору.

— Странно, — вновь улыбнулся он.

— Почему?

— Вы выглядите, как человек, которому должны нравиться животные.

— Не делайте преждевременных выводов. Обычно они ни к чему хорошему не приводят.

— Обычно я не ошибаюсь в людях, — его улыбка стала еще шире.

Марта никак не могла понять, чему он улыбался. Да и вообще к чему этот разговор? Она даже подумала не пытается ли он ее закадрить, но тут же отдернула себя, настолько абсурдной была ее мысль.

— Как вас зовут? — спросила Марта, поджав губы, и думая как отвязаться от этого разговора и уйти так, чтобы он за ней не последовал.

— Джон.

— Знаете, Джон, в жизни все бывает впервые и на мой счет вы ошиблись. Где я могу оплатить больничные счета?

— Операция только началась, и неизвестно, сколько она еще продлится, — пожал плечами мужчина.

— И?

— Счетов пока нет.

— Понятно, — ее губы сжались в тонкую линию, а на лбу проступили мимические морщинки. — Тогда где я могу оставить свои данные, чтобы со мной связались после?

— Вы не хотите подождать?

— Я оставлю свой номер, чтобы со мной связались после того, как это... — Марта указательным пальцем ткнула на двери, ведущие в операционную. В свете флуоресцентных ламп ее старинный рубиновый перстень пускал блики на стены. — ... закончится... Не вижу смысла ждать здесь, раз неизвестно, на сколько операция растянется.

— Вы можете оставить свои данные в регистратуре.

Отчего-то его ответ был совсем уж не радушным, но Марта похоже знала причину. Он был разочарован, что ошибся в своих суждениях касаясь ее характера или понял, что с ней ему ничего не светит. Вот только на оба варианта Марте было плевать. Его проблемы — пусть сам их и решает.

— Где я могу найти регистратуру? — она широко улыбнулась, чтобы немножко поиздеваться над ним. Было приятно наблюдать за тем, с каким разочарованием он на нее смотрел.

Мужчина, казалось, пытался найти что-то на ее лице, а Марта натянула улыбку пошире и вскинула брови, ожидая ответа.

— Вернитесь по коридору к выходу и поверните направо, там будет основное отделение неотложки и регистратура, — наконец произнес он и выдохнул.

— Отлично, — коротко ответила Марта и, развернувшись на каблуках, поспешила напрямик в направлении регистратуры.

Ей не хотелось оставаться здесь ни минутой дольше. Не то чтобы ей было некомфортно в больнице, но она не любила тратить время впустую. Сегодня у нее было еще много дел.

Санитар Джон ее не обманул: справа действительно оказалась регистратура.

Разговор с медсестрами был коротким. Пару фраз — и в ее руках оказались бланки, которые необходимо было заполнить, чем она и занялась. Она быстро по памяти записала персональные данные ее отца и себя самой, выступающей в роли его опекуна. Это было впервые, когда ей пришлось находиться в этой роли, и оттого она чувствовала себя немного

неуверенно и некомфортно, благо медсестры попались доброжелательные и отвечали на каждый ее вопрос, что значительно облегчило задачу. И вскоре с чувством выполненного долга она отдала заполненные бумаги и покинула больницу.

На улице Марта поймала такси и направилась напрямик в особняк Рудбрига. Забавная конечно штука, но в подростковые годы у нее язык не поворачивался назвать это место домом, так что она скептически окрестила его «особняком Рудбрига» и, каждый раз возвращаясь туда, она чувствовала себя пловцом, который набирает полную грудь воздуха перед погружением. Годы прошли, и подростковый максимализм поутих, а привычка называть дом подобным образом осталась.

Для Марты такое понятие как “дом” всегда привязывалось к людям, а не к месту. Ее домом была мать и сестра, но никак не особняк Рудбрига, в котором после смерти матери она и дышать-то не могла, хотя и до этого ей все равно было там некомфортно. Ее мама, теплая и светлая Терра Рудбриг, всегда была буфером между Мартой и отцом, тщетно пытаясь сглаживать холод их отношений. И временами у нее это даже получалось, вот только то время закончилось.

Марта тяжело вздохнула, когда такси остановилось возле высоких кованых ворот, и, рассчитавшись с водителем, вышла из машины. Впереди ее ждал тот самый «особняк Рудбрига». Она толкнула тяжелую металлическую калитку, и та с протяжным скрипом подалась вперед. Сколько девушка себя помнила, калитка всегда скрипела, и ничто из того, что пробовали, не помогало справиться с этой проблемой.

Марта прикрыла за собой калитку, которая не несла никакой защитной функции: на ней никогда не было даже шпингалета, чтобы ее можно было закрыть.

Девушка прошла по узкой дорожке, вымощенной природным камнем, по обе стороны от нее все еще цвели розы, несмотря на позднюю осень, которая до недавнего времени стояла теплой, но морозы уже начинали брать свое и некоторые бутоны почернели.

Старое поместье в глазах Марты всегда выглядело идеальным жилищем ведьмы. Двухэтажный дом, строители которого не имели ни малейшего понятия о симметрии, производил нужное впечатление с его темными фасадами, высокими фронтонами, огромными распашными окнами в мелком переплете и большим чудным дымоходом. Это место будто кричало: «Здесь живет могущественная ведьма! Гадание на картах и любовное зелье по акции!»

Марта усмехнулась своим мыслям, доставая ключи из сумки. К счастью, в этом доме никогда не жила могущественная ведьма и Марте хотелось верить, что и не появиться, ведь она знала, что ведьмы существуют и не испытывала ни малейшего желания с ними связываться.

Она вставила ключ в замок и повернула его три раза, после чего дверь распахнулась вовнутрь. Первое, что насторожило Марту, — горящий в холле свет, который она точно выключала, уходя.

Она вошла внутрь и прикрыла за собой дверь, на всякий случай не став закрывать ту на замок.

— Мегги? — позвала она, отдаленно заметив каким взволнованным стал ее голос.

Из смежной с холлом гостиной вышла худощавая светловолосая девочка. Довольно высокая для своего небольшого возраста, Мегги почти доставала Марте до плеча. Нервно теребя край ночной сорочки, сестра взволнованно и укоризненно смотрела на Марту. Одним своим взглядом она умудрялась передать такую степень недовольства, для которой

остальным нужна целая часовая тирада.

— Где ты была? — ее голос дрожал.

— Дай угадаю: ты опять включила везде свет? — спросила Марта, закрывая дверь на щеколду и не то, чтобы игнорируя заданный вопрос, но стараясь отвести внимание сестры в другую сторону.

Не тут-то было.

— Где ты была? И где папа? — вновь спросила девочка и Марта поняла, что ей не отвертеться.

— Отец в больнице, я ездила к нему, — холодно ответила Марта, сев на банкетку у входа, и принялась снимать сапоги. Она брезгливо поморщилась, все же заметив пятно машинного масла.

— Что? — взвизгнула Мегги, подлетев к ней. Она уставилась на нее своими большими зелеными глазами. — Что с папой?

— Он попал в аварию, — пожала плечами Марта.

— Что? О боже! Как так получилось? С ним все в порядке? — тараторила девочка.

Несмотря на тревогу и панику, что читалась в глазах сестры, Марта не считала нужным скрывать от нее правду. Ведь ей и без того было хорошо знакомо чувство, когда от нее намеренно скрывают что-то важное. Да и Мегги потом сама бы все выяснила и дулась бы на сестру, которая не рассказала всю правду сразу.

— Я не знаю всех подробностей, — ответила Марта, снимая плащ и вешая его в шкаф для верхней одежды.

— Почему ты не взяла меня с собой? — с обидой в голосе буркнула Мегги. — Ты же знаешь, я боюсь оставаться одна... тем более ночью... Да еще и папа! Я должна была быть там. Ты отвратительная старшая сестра!

— Уж какая есть, — не стала спорить Марта и щелкнула выключателем.

Свет в холле мгновенно погас и от неожиданности Мегги взвизгнула.

— Что ты творишь? — ее дыхание сбилось.

В холле не стало темно, потому что из гостиной в него продолжал литься свет и Марта отчетливо видела, как подрагивали плечи сестры. Ей совсем не хотелось пугать ее подробностями на сон грядущей, а то будет еще всю ночь ворочаться и толком не выспится.

— Пошли в постель. Утром что-нибудь решим.

Она взяла ее за руку и повела по витиеватым коридорам в сторону хозяйских спален, попутно выключая весь свет, который Мегги успела включить. Она завела сестру в принадлежащую той спальню и уложила ее в кровать. Их с Мегги комнаты сильно отличались. Марта все еще помнила, с каким воодушевлением ее обычно холодный отец делал ремонт, когда пришла пора отселять Мегги из родительской спальни. Комната Мегги вопреки представлениям о милой розовой девчоночьей спальне, была темно-зеленой с большой мягкой кроватью и коврами с длинным ворсом, которые покрывали деревянные полы. Игрушек здесь было достаточно, но все они стояли в идеальном порядке на полках вперемешку с книгами, которые отчего-то прельщали сестру куда больше, чем плюшевые зверята, с которыми подобает играть девочке ее возраста.

Марта очень любила свою маленькую взрослую сестренку. Пожалуй, Мегги была единственной, кто относился к Марте, как к обычному человеку, а не бомбе замедленного действия, за которой нужен глаз да глаз. И рядом с ней Марта тоже чувствовала себя обычной.

Она укрыла сестру одеялом и села на край кровати.

— Я посижу с тобой, пока ты не уснешь, — впервые за день она искренне улыбнулась. Ей не хотелось, чтобы Мегги переживала.

— Только свет не выключай, — настойчиво потребовала девочка.

— Как скажешь, — усмехнулась Марта и взяла с прикроватной тумбы книгу, что сестренка начала читать сегодня вечером. Она открыла ее на заложенной странице. — Тебе почитать на ночь?

— Нет. Я спать, — покачала головой девочка и зевнула. — Читай про себя, потом обсудим, о чем там рассказывается.

Марта вновь усмехнулась. Факт был неоспорим: Мегги была милым, но до безобразия избалованным ребенком. Хотя возможно она просто точно знала, чего хочет.

Чтобы скоротать время, пока сестра заснет, Марта начала читать про себя, не особо вникая в смысл прочитанного. Ее мысли были далеко. В «особняке Рудбрига» всегда существовало негласное правило: чердак принадлежал маме, а подвал отцу. Глупое конечно правило, Марта даже не знала, когда оно появилось. Просто когда родители ссорились отец тихо, лишь недовольно сопя, уходил в подвал и громыхал там. И туда девушку нисколько не тянуло, хотя спускаться в подвал ей никто не запрещал, с чердаком же у Марты отношения были еще сложнее. Там находилось что-то наподобие маминого кабинета, в который Марта не заглядывала уже много лет.

Собственно, как и в подвал.

Последнее время отец вел себя странно, пропадал в подвале чуть ли не часами, еще и еду с собой таскал. Поэтому Марта и решила туда спуститься.

И то, с чем она столкнулась сегодня утром, напугало ее. Она на своей шкуре знала, что ее отец был не самым добрым человеком, нет, не жестоким. Жестоким Алистера Рудбрига назвать было нельзя. Холодным и отстраненным — да, но только в определенные моменты.

Вот только Марта никогда не могла даже предположить, что он способен на нечто подобное. С утра у нее не получилось найти ответов — времени было слишком мало, ведь отец был дома, — но теперь ей никто не мешал. Конечно, жестоко было радоваться тому, что отец попал в аварию, но в тоже время именно это принесло ей немного свободы действий.

Марта дождалась, пока Мегги заснет, и погасила в комнате свет, оставив только ночник. После чего вышла в коридор, тихо прикрыв за собой дверь. Марта знала, куда идет. В подвал и только туда. Больше оттягивать было нельзя.

Она достала ключ, что хранился в шкатулке со всякой мелочевкой на тумбочке у входа, и, нацепив домашнюю куртку с резиновыми ботинками, вышла из дома. Прошла по узкой тропинке, обогнув дом. Хоть подвал и находился под домом, попасть в него можно было только снаружи. Марта отперла тяжелый старый замок, что висел на такой же старой двери. Дубовая дверь была невероятно тяжелой: ребенок ни за что бы не открыл ее, даже не будь на ней замка. Неудивительно, что в детстве Марта никогда не думала о том, чтобы спуститься в подвал. Она просто бы не смогла туда попасть.

В полумраке Марта нащупала выключатель и зажгла свет. Ее ладони вспотели и начали подрагивать. Она ощущала, как сердце колотится в груди, но старательно игнорировала сей факт. Страх не то, чувство которому она могла поддаться в данный момент. Вот только услужливая память так и подкидывала ей картинки из фильмов ужасов. Ей казалось, что в какой-то момент из-за спины появится отец и остановит ее, схватив за руку. Но в реальности

ее некому было остановить, и она не знала радоваться или огорчаться, потому что в душе самую малость хотела, чтобы кто-то пришел и решил эту проблему за нее.

Марта спустилась по лестнице. Прямо туда — вниз. В окутанный тайной подвал, где на старом деревянном табурете сидел связанный человек...

Марта старалась шагать уверенно и не подавать виду, что мужчина, сидящий на стуле перед ней, ее хоть как-то беспокоит. Хорошо хоть, что годы жизни в «особняке Рудбрига» научили ее неплохо скрывать свои эмоции и чувства.

Она подошла к мужчине и резким движением сорвала с его рта липкую ленту, услышав, как он протяжно простонал. Похоже, это было больно. Она посмотрела на ленту, что осталась в ее руках, и заметила несколько волосков, по-видимому, из усов мужчины. Марта мысленно скривилась, прекрасно зная, насколько больно бывает даже просто выщипывать брови, что уж говорить о том, когда тебе вырывают усы скотчем.

Краем глаза она заметила складной пластиковый стул, что стоял у стены и, подтащив его к пленнику, села напротив него. Все это время она ощущала на себе пристальный настороженный взгляд, от которого мурашки по спине бежали. Он смотрел на нее не как пленник, он смотрел на нее, как пленитель. Марта старалась сидеть максимально непринужденно, при этом ощущая, как ее позвоночник, натянутый будто струна, просто не дает ей расслабиться.

— Кто Вы? — холодно и без тени сомнения спросила Марта. Уж чего у нее было не отнять, так это умения говорить величественно и наполнять каждое свое слово силой. В ее жизни было слишком много женщин, с которых можно было взять пример.

Глаза пленника сузились, а на его высоком лбу проступили морщинки. Тусклый свет одинокой лампы бросал на его лицо жутковатые блики, делая его исхудавшее лицо с ярко очерченными скулами и выступающим вперед подбородком подобием гипсовой маски. Мужчина усмехнулся.

— Оливер Кромвель, — ответил он, а в его темных глаза заиграли чертики.

Толи глупая ложь, толи ирония, толи насмешка — Марта так и не определила чего больше было в его словах.

— Неплохо сохранились, — подыграла пленнику девушка, подавшись вперед. — Я не сильна в истории, сколько Вам сейчас? Где-то 400 лет или уже больше? А шрам где?

Марта провела пальцем по шее, намекая на отсеченную голову.

— Немного больше, — продолжил ухмыляться он. Для пленника он был уж слишком спокойным и ироничным. — Для своих-то лет я и правда неплох. А что, до шрама, то я с радостью бы показал, вот только руки связаны.

— Неплохо было бы, если бы вы еще и правду говорили, — Марта откинулась на спинку стула, ощущая, как спина предательски сопротивляется. Это была ее давняя проблема — каждый раз, когда она подходила к критической точке нервоза, ее спина будто начинала жить своей жизнью, не давая ей свободно двигаться.

— А что такое правда? — он пожал плечами, а улыбка на его губах стала еще шире.

— Вы не боитесь? — осенило Марту.

— Нисколечко.

— Ни меня, ни моего отца? — спросила Марта и только после поняла, насколько опрометчиво с ее стороны было давать ему возможность понять, кто она такая.

— Что же... дочь Алистера Рудбрига, ты определенно могла бы быть опаснее своего отца, но есть одно «но»... — улыбка сползла с его лица бесследно, а глаза сжались в

настолько тонкие щелочки, что Марта засомневалась, мог ли пленник так хоть что-то видеть. — Вы с отцом совсем не похожи.

Общеизвестный факт. Они с Мэгги были больше похожи на мать, чем на отца. Единственная их схожесть проявлялась в тонких губах с едва заметно опущенными уголками, что придавало их лицам вечный налет печали.

— Если уж Вы знаете кто я, было бы неплохо, если бы я знала, кто Вы, — Марта скрестила руки на груди. Ее начинало раздражать его поведение. Она просто не понимала, зачем он отшучивается и пытается ломать комедию там, где это было неуместно. Она даже не могла представить себя в подобной ситуации, что уж говорить о вызывающем поведении.

Хотя уже то, что ее отец мог держать в подвале человека, наталкивало на нехорошие мысли. Что, черт возьми, творил Алистер Рудбриг? Чем он вообще думал, связывая человека в подвале дома, где живут его дети? Ладно Марта, о ней он никогда особо не заботился, но Мегги...

Неужели он ни на секунду не задумался, что это может навредить ей?

Эти вопросы также не давали Марте покоя, как и то, кем был человек, сидящий перед ней и внимательно изучавший ее лицо.

— Зачем ты пришла сюда? — его тон был все таким же игривым. — О... Неужели ты пришла освободить меня? Тогда почему не сделала этого еще тогда, когда заходила сюда ранее? Утром, кажется?

Марта сжала руки в кулаки, ее нервы были на пределе.

— Ваше освобождение зависит от Ваших ответов на мои вопросы, — буркнула она. — Пока что у меня нет ни малейшего желания отпускать Вас.

— Знаешь, твое поведение наводит на мысль, что мистер Рудбриг даже не в курсе, что задумала его дочь. Сама-то не боишься, что папа по головке не погладит, если тыпустишь меня?

«Как будто он хоть когда-то гладил меня по головке», — мысленно усмехнулась Марта.

— Вы не хотите отвечать на мои вопросы? — спросила она, осознавая всю бессмысленность происходящего. Он не хотел сотрудничать, но и отпустить его она тоже не могла. Ведь первым местом, куда он пойдет, освободившись, непременно окажется полиция. А этого Марта не могла допустить никоим образом. Каким бы человеком ни был ее отец, она не могла позволить Мегги стать дочерью психопата, похищавшего людей.

— Мисс Рудбриг, знаешь, в чем между нами разница? — он сделал паузу, наверное, ожидая какой-то реакции от Марты, но та не пошла на провокацию. Она лишь молча смотрела на него. — Я знаю о тебе все... абсолютно все...

Марта ощутила, как где-то в глубине ее души начинает зарождаться тревога. Нет, боялась она и раньше. Но слышать неприкрытую угрозу из слов пленника?

— Старшая дочь Алистера Рудбрига, преподаватель художественной академии «Мария-Роза». Что же ты там преподаешь? — от его взгляда Марте стало жутко. Он следил за ней? — Ах, точно... учишь малышей рисовать... И чем они думали, нанимая тебя на работу? Они хоть знают, кто ты? Нет, ну правда, кто тот человек, который додумался допустить тебя...

— Ох... надо же... — ее губы искривились в легкой ухмылке. — Думаю, на этом достаточно. Очень подробный рассказ, браво. Я даже в какой-то степени восхищена, хотя признаюсь, что довольно страшно слышать такие вещи от незнакомого человека.

В подвале повисла зловещая тишина. Было слышно, как едва покачивалась одинокая

лампочка. И в этом тихом полумраке лишь они двое продолжали буравить друг друга взглядами. Незримое противостояние, в котором Марта не желала проигрывать.

— Это не меня стоит запереть здесь, а тебя... Чокнутая ведьма!

В этот момент Марта заметила перепачканные кровью кабельные стяжки, что валялись на полу у задних ножек стула. Но было уже поздно...

Мужчина подскочил и в один шаг преодолел расстояние, разделяющее их. Марта не успела заметить как его жилистые грубые руки сомкнулись на ее шее, а ножки шаткого складного стула подкосились, и она вместе с мужчиной повалились на пол. Тупая боль разлилась по ее затылку, отдаваясь гулом в ушах.

Все произошло за долю секунды — и вот она уже лежит на полу, тщетно пытаясь хватать губами воздух, а кольцо из рук на ее шее продолжает сжиматься. Его узкие как щелки глаза с безумием смотрели на нее, и ей начало казаться, что кровь в ее венах леденеет, хотя вполне возможно, что так сказывалась нехватка кислорода.

Не желая проигрывать, она уперла в него, как сама надеялась, холодный без тени испуга взгляд и попыталась поднять руки, чтобы ослабить его хватку. Бесполезно. Он всем телом навалился на нее, не давая пошевелиться, а взгляд его становился все безумнее. Бороться с ним было бессмысленно — в физическом плане он в три, а то и в четыре раза был сильнее ее.

Как же она могла так просчитаться?

Сознание ускользало от нее, но она понимала, что нужно сделать хоть что-то... Все не могло закончиться так.

— Ты уж прости, — прохрипел он в потугах. — Но таким, как ты, не место в этом мире. Не место в этом мире? Да кем он себя возомнил? Вершителем судеб?

Его слова так сильно задели Марту, что она собрала остатки своего сознания и попыталась сосредоточиться. Ну уж нет! Она не умрет от удушения в собственном подвале. Что за жалкая была бы смерть!

Несмотря на то, что ее руки были придавлены к полу, она все же смогла сжать их в кулаки, представляя, как точно такие же грубые жилистые руки сжимаются на шее бывшего пленника, перекрывая малейший доступ кислорода. Она видела это так четко...

Марта ощутила, как хватка мужчины ослабла, и первый поток воздуха ворвался в ее легкие, проясняя разум. Теперь уже задыхался пленник: он жадно глотал губами воздух, а его безумный взгляд все так же был направлен на Марту, но теперь она видела в нем кое-что еще: неподдельный страх.

— Ты... — прохрипел он.

— Я... — сипло вторила ему Марта, ощущая, как мужчина над ней продолжает терять силы, однако своей «хватки» она не ослабила. Плевать на последствия, она не даст подобному ничтожеству убить себя.

Только когда глаза пленника закатились и он рухнул на нее, Марта позволила себе расслабиться. Она разжала кулаки, ощущая энергию, которая тянущей болью отдавалась в руках. Она уже отвыкла от этого чувства.

Мужчина все еще дышал. Слабо, конечно, но дышал. Убить его для Марты было непозволительной роскошью. С немалым трудом она все же смогла скинуть его с себя. Перекатившись на бок, попыталась встать хотя бы на четвереньки, но даже это было не так уж и легко. Голова кружилась, а руки и ноги просто отказывались сотрудничать друг с другом.

Была бы ее воля, она бы продолжила лежать и понемногу приходить в себя. Вот только это ее желание тоже было непозволительной роскошью. Неизвестно, сколько времени этот мужчина пробудет без сознания — десять минут или десять часов, — но гадать она была не намерена.

Плывущим взглядом Марта окинула подвал, ища хоть что-то, чем можно было бы его связать. Веревку, кабель — даже машинный трос подошел бы. Но единственным, что попало ей на глаза, оказались кабельные стяжки. Было ли разумно вновь связывать его ими, если он один раз уже смог из них выбраться? Только вот альтернатив у нее не было.

Она поднялась и на дрожащих ногах поплелась к стеллажу, на котором лежала начатая пачка стяжек.

Да уж... Ну папочка и удружил. Запер в подвале чокнутого психопата, который, к тому же, знал их секрет. И что теперь делать?

Возможность быть раскрытыми вселяла в Марту ужас. Как много в мире таких повернутых фанатиков, которые из страха захотят ее убить? Да и как вообще этот человек узнал ее секрет? В обычной жизни она ведь не использует свои силы. Хотя вернее будет сказать, что она их вообще не использует.

Марта скептически посмотрела на валяющегося на полу пленника. Каков был шанс, что он специально вынудил ее использовать способности, чтобы получить доказательства?

Ну нет, Марта махнула головой, отбрасывая эти мысли. Этот мужчина не производил впечатления настолько продуманного и гениального человека.

Вернувшись к нему, она опустилась перед ним на колени и, заведя его руки за спину, стянула их кабельными стяжками. На всякий случай стянула еще и ноги. Поднять его и усадить на стул она физически не смогла бы, поэтому просто оставила валяться на полу.

Поднимаясь по лестнице, Марта ощущала, как с каждым шагом ее сердце начинало биться сильнее. На последних ступенях оно уже было готово буквально выпрыгнуть из груди. Марта не знала, был ли это страх или последствия проявления способностей.

Она с трудом закрыла за собой тяжелую дверь. Руки тряслись, и она минут пять стояла, просто пытаясь попасть в замок. Наконец справившись с непосильным заданием, она, едва передвигая ноги, поплелась к дому, мысленно коря себя за глупость. Почему она не предусмотрела все? Почему не заметила те кабельные стяжки, что валялись на полу? Он играл с ней — и это бесило ее сильнее всего.

Поднимаясь по порожкам к входной двери, она держалась за перила. Своим ногам она уже не доверяла: они буквально дрожали под ней. Радуюсь тому, что додумалась не запираť дом, Марта распахнула дверь и ввалилась в холл. Та захлопнулась за ней, а Марта, растянувшись на полу, с облегчением выдохнула. Каким же счастьем было просто лежать. Ее сердце продолжало бешено колотиться о ребра, но это волновала ее меньше всего.

Главное, что сейчас она была в относительной безопасности, ведь маловероятно, что тот мужчина из подвала в данный момент сможет хоть что-то сделать.

Наверное, на сегодня ее лимит стрессовых ситуаций был превышен — Марта и сама не заметила, как провалилась в сон прямо на полу.

Глава 2. Плата

В тот момент, когда четырехлетняя Терра Грабс прошла через двери поместья Рудбриг, юный Алистер Рудбриг понял одну негласную истину: его жизнь уже никогда не будет прежней. Она была, как яркое полуденное солнце, пробивающееся сквозь серые облака его жизни, как свет, заполнивший собой все вокруг. Позднее Алистер Рудбриг, которому сейчас едва исполнилось семь лет, неоднократно назовет эту встречу судьбоносной.

В силу возраста он многого не знал, да и знать особо не хотел. Все, что для него теперь было важно — это то, что с того дня Терра Грабс жила в их поместье: в третьей комнате справа на втором этаже, — и, чтобы дойти до нее, ему всего-то и нужно было спуститься с третьего этажа и пройти пять метров до ее двери. А все, что его радовало — это возможность всюду следовать за Террой.

Терра была яркой и живой, с ее лица никогда не сходила улыбка, что было так непохоже на всех остальных членов семьи Рудбриг: они были холодными. Даже во взгляде своей собственной матери он никогда не ощущал того тепла, с которым на него смотрела юная Терра Грабс.

К его большому сожалению, первые несколько недель они не разговаривали. Терра улыбалась и молчала. В какой-то момент Алистеру начало казаться, что, возможно, новая обитательница поместья просто не умела говорить, ведь за это время он ни разу не услышал ее голоса.

Ему нравилось наблюдать за тем, как она играет в саду в кукол, что привезла с собой. Их было три: большая тряпичная кукла с короткими белыми волосами из ниток в цветастом платье — она была настолько большой, что, находясь в руках Терры, была чуть ли не в половину нее; маленькая пластиковая кукла в утонченном королевском платье и с пышной рыжей шевелюрой, а также небольшой пупс с тряпичным телом, но резиновыми ручками и ножками и пластиковой головой, в то ли старом потрепанном платьице, то ли в ночной сорочке.

Бывшая няня Алистера выводила Терру в сад строго по часам: с десяти до двенадцати и с четырёх до шести. К великому огорчению мальчика, с приходом осени он больше не мог наблюдать за ее утренними играми, и ему оставалось только с грустью наблюдать за вечерними.

Терра заговорила с ним в октябре, и в тот момент он был счастлив, как никогда. Он столкнулся с ней на лестнице рано утром, когда они оба спускались к завтраку. Сонная Терра без сопровождения няни аккуратно спускалась по ступеням, держась за нижнюю часть витиеватых перил.

Увидев столь занимательную и милую картину, Алистер замедлил шаг и постарался идти так же медленно, как и она, но в тот момент, когда Терра была уже на последних ступенях, ее правая нога зацепилась за ковер, и она чуть не упала. Вовремя подоспев, Алистер подхватил ее и поднял на руки. Для него, мальчика семи лет, Терра, которую все называли «пушинкой», оказалась невероятно тяжелой. Но в тот момент их глаза встретились, и ему было уже все равно, что его руки были настолько напряжены, что, казалось, не выдержат и просто оторвутся. Но это было не так важно. Куда важнее были огромные лучистые зеленые глаза, которыми она смотрела на него. Этот чистый бесхитростный взгляд. Он впервые видел его так близко и был по-настоящему заморожен

этим чудом.

А затем произошел второй удар прямо в сердце.

— Спасибо, — тихо, едва шевеля губами, произнесла Терра. Ее голос был подобен сказочной мелодии, которую он слышал впервые. В тот момент он понял одно: он окончательно и бесповоротно пропал.

Первым, что увидела Марта, открыв глаза, были босые ноги Мегги. Сестра стояла над ней, укоризненно смотря прямо на нее.

— И почему ты спишь на полу в холле? — спросила она, слегка выгнув брови. — Опять куда-то ходила, пока я спала?

Марта села на полу, разминая затекшие плечи. Возможно, остаться спать на холодном полу в середине осени было не самым разумным решением. Спина продолжала нещадно ныть.

— Я выходила в сад — подышать свежим воздухом, — ни секунды не задумываясь, ответила Марта. Сейчас ложь была только во благо — незачем Мегги знать о чокнутом фанатике, запертом в подвале. — Не могла уснуть и решила немного проветрить голову.

— И проветрила ее настолько, что уснула прямо у входной двери? — в глазах сестры читалось явное недоверие.

Было в этом нечто странное. Марта чувствовала, что находится будто на исповеди. На исповеди у малолетки. Марта усмехнулась абсурдности своих мыслей и коротко ответила:

— Что-то вроде того...

— Не ври! — воскликнула Мегги, и ее по-детски звонкий голос эхом разнесся по пустому холлу.

Марта знала наверняка: Мегги была слишком громкой — и такой она была с самого рождения. Еще будучи младенцем, она одним своим воплем умудрялась поставить весь дом на ноги.

— Я не вру, — пожалала плечами Марта, и тут взгляд девушки упал на ее руки.

Они были черные. словно она обе руки опустила в черную краску или мазу. Чернота начиналась на кончиках пальцев и заканчивалась где-то под рукавами ее домашней куртки. Надеясь, что Мегги этого не заметила, Марта в спешке спрятала руки в карманах.

И именно в этот момент Марта услышала, как кто-то вставил ключ в замок. Повертев ключом в открытом замке, человек, который это делал, наверное, понял, что дверь и так была открыта, потому что в следующую секунду та распахнулась настежь и Марта увидела её. самого опасного, по ее скромному мнению, человека.

Мадам Маргарет Рудбриг.

— Бабушка! — радостно воскликнула Мегги.

Но Марта воодушевления сестры не разделяла. скорее именно в этот момент Мадам Рудбриг была последним человеком, которого Марта хотела бы видеть. Возможно, причиной тому был суровый холодный взгляд глаз, покрытых старческой пеленой. Годы оставили на ее лице беспощадные следы, пролегая глубокими морщинами вокруг глаз и губ, пятнами и родинками покрывая щеки и лоб. Но Марта знала точно, что, даже когда десятилетия ее жизни сменит столетие, этот взгляд не дрогнет ни на секунду. От него не просто бежали мурашки по коже и волосы вставали дыбом где-то на затылке. Нет, этим взглядом Мадам Маргарет Рудбриг с легкостью и играючи могла забивать гвозди в крышку гроба своего противника.

Марта никогда не могла понять, как в обычном человеке может быть столько силы воли, столько стати, столько властности, что буквально одним своим взглядом она заставляла Марту беспрекословно слушаться ее.

Мадам Рудбриг переступила порог, и ее сморщенных, похожих на высохший изюм, губ коснулась едва уловимая улыбка.

— Доброе утро, девочки, — ее голос был слаб и уже сильно осип, как и всегда в это время года. Мадам Рудбриг уже много лет страдала от бронхита, нападающего на нее к концу осени.

Она стянула со своей худощавой шеи огромный шерстяной шарф и положила его на банкетку, а затем и сама неуклюже приземлилась на нее же.

— Утро доброе, — ощущая, как вспотели ладони в карманах, процедила Марта. Она толком не могла понять, с чего вдруг бабушка решила почтить их своим присутствием в это утро.

Мегги подлетела к ней, расплываясь в радостной улыбке, и принялась помогать бабушке снять вычурные сделанные на старинный манер сапожки. Сама же Марта не сдвинулась с места ни на сантиметр. Она не знала, что ей делать. Стоит ли бабушке знать о мужчине в подвале, который знал ее секрет? Или же об отце, который был в больнице? И самое главное, говорить ли о колдовстве, к которому ей пришлось прибегнуть прошедшей ночью? Или все это лучше оставить тайной?

Так много вопросов, ответов на которые у Марты просто не было.

Мегги отставила бабушкины сапоги в сторону и протянула той пару домашних тапочек. Единственную пару. Ведь тем самым единственным человеком в особняке Рудбрига, который носил бы тапочки, была никто иная, как редко заходящая Мадам Маргарет Рудбриг.

Почему редко? Потому что с ее последнего посещения прошло ни много ни мало, а полтора месяца. Чаще всего они сами ездили к ней — в ее старое, огромное и полупустое поместье, которое куда больше заслуживало называться «особняком» со своими огромными садами, богато украшенными залами и витиеватыми лестницами.

— Мегги, милая, принеси, пожалуйста, бабушке водички. В горле совсем пересохло, — произнесла та, опуская ноги в тапочки.

Марта поднялась с пола, намереваясь выполнить просьбу вместо сестры. А если быть точной, намереваясь как можно скорее скрыться от глаз бабушки и сделать хоть что-то со своими руками. Она приняла решение скрыть все, что могла.

— Не ты, — сказала, как отрезала. — Воду принесет Мегги, а ты следуй за мной на чердак.

Марта застыла словно громом пораженная. Ей перекрыли все пути к отступлению.

— Хорошо, — покорно ответила она.

Мегги подскочила и понеслась в сторону кухни, Марта же подошла к бабушке и протянула той локоть, продолжая держать руки в карманах, чтобы та не заметила. Щуплая рука Мадам Рудбриг была невесомой и практически неощутимой.

Марта старалась идти медленно, чтобы попадать в шаркающий шаг старушки. Они поднялись по лестнице на второй этаж и, минуя узкий коридор с деревянными дверьми, за которыми скрывались никогда не заселяемые гостевые спальни, направились напрямик к шаткой старой лестнице, ведущей на чердак.

Мамин чердак. За три года, прошедшие со дня смерти матери, Марта ни разу туда не

поднялась. Было тяжело. Даже слишком тяжело. Где-то в глубине души что-то болезненно сжалось: это было ее сердце, вокруг которого сужалось кольцо из воспоминаний. Радостных воспоминаний, которые теперь вызывали лишь тяжесть.

Марта знала, что, когда они ступят на первую ступеньку, она протяжно скрипнет. Эта ступенька была неотъемлемой частью ее детства. Марта помнила, как ее дико злила эта предательница, которая не давала ей тайно проникать на чердак, чтобы почитать мамины книги. Хотя ей никогда не запрещали подниматься в мамину обитель, все же ей хотелось, чтобы такой момент был чем-то тайным и волшебным — тем, что принадлежало бы только ей.

Мадам Рудбриг взяла ключ, что хранился на покрытой пылью полке между резной деревянной музыкальной шкатулкой и старым потрепанным томиком «Молота Ведьм» — книгой, не вызывающей у Марты ничего, кроме смеха.

Они ступили на скрипучую ступеньку и начали подниматься. С каждым шагом Марта ощущала, как бешено начинает колотиться ее сердце. Мадам Рудбриг вставила ключ в замок двери, что ждала их на вершине лестницы, и сердце Марты пропустило один удар, прежде чем бабушка распахнула дверь, впуская свежий воздух в затхлую темную комнату.

Марта не стала включать свет, хотя прекрасно знала, где именно находился рубильник. Мадам Рудбриг отпустила руку Марты и прошла вперед — к круглым окнам, спрятанным за тяжелыми плотными шторами, которые пропускали в комнату лишь небольшое количество света, который Марте был не особо-то и нужен, ведь чердак матери она знала наизусть.

Стеллажи вдоль стены были заставлены книгами так, что на полках не было ни одного свободного места. Квадратный, расположенный рядом с окном, дубовый стол, который отец с каким-то своим знакомым с трудом сюда затащили, всегда был заставлен свечами и причудливой формы деревянными и каменными мисками. Даже в тусклом свете Марта с легкостью могла различить их очертания. От одного круглого окна до другого тянулась низкая консоль, заставленная склянками и баночками странного наполнения, некоторые из которых отвратительно воняли на весь дом, если их открыть. Небольшая деревянная лавочка, заваленная разными аляповатыми подушками, на которой Терра Рудбриг читала по вечерам Марте детские книжки до того времени, пока Марта не научилась читать сама. Это место было пропитано важными для сердца воспоминаниями.

Но было здесь и то, чего Марта никогда не хотела бы ни вспоминать, ни переживать снова. Эпицентр ее боли был в центре комнаты.

Ванная. Старая чугунная ванная на черных ножках, напоминающих львиные лапы.

Что ж... Именно этого и следовало ожидать, раз уж Мадам Рудбриг решила вдруг приехать.

— Вы в курсе... — едва шевеля губами, выдала Марта, ощущая, как подкашиваются ноги. Она тяжелым грузом рухнула на пол.

— Да, — коротко ответили Мадам Рудбриг, раздвинув шторы на окне, выходящем на улицу, впуская в комнату больше света.

— Но как? — Марте было сложно осознать происходящее, ведь ее бабушка была обычным человеком.

— Помнишь, когда ты прибегла к своим способностям в старшей школе? — спросила бабушка, изучая что-то за окном.

Марта рассеянно кивнула, прекрасно понимая, что Мадам Рудбриг этого не увидит. Но это было единственным, на что она была способна, ведь язык ее просто не слушался.

— Так вот, — не дожидаясь ее ответа, продолжила пожилая женщина. — Из-за того случая Терра изготовила несколько маяков для меня и Алистера, чтобы мы могли отследить, если произойдет... что-то... и помочь тебе... А прошлой ночью мой маяк загорелся, и я поняла, что ты сделала нечто недопустимое.

Мадам Рудбриг обернулась к ней, пронзая Марту своим леденящим взглядом.

— Что это было, девочка моя?

— Магия... Что же еще? — выдохнула Марта, доставая руки из карманов и выставляя напоказ свою черную, как смоль, кожу.

— О, милая, я знаю, что это была магия, — губ Мадам Рудбриг коснулась легкая улыбка. — Но зачем ты ее использовала? Ты ведь почти десять лет к ней не прибегала... Что произошло?

— Я... — начала было Марта, но, услышав скрип ступени, закрыла рот и снова спрятала руки в карманах.

Держа двумя руками бокал с водой, Мегги вошла в комнату и медленно пошла к бабушке, боясь расплескать воду по полу.

— Спасибо, милая, — произнесла Мадам Рудбриг, принимая бокал из рук внучки.

— А зачем вы сюда пришли? — спросила Мегги, плюхнувшись на лавку.

— Нужно найти кое-какие книги для моей диссертации, — и глазом не моргнув ответила бабушка, сделав несколько глотков воды.

Она поставила полупустой бокал на консоль и направилась к книжным полкам. При этом она не делала вид, что что-то ищет, а действительно искала — и Марта прекрасно знала, что.

— Третья полка, ближе к столу, — указала она бабушке, поднимаясь с пола, что было весьма сложно сделать с руками, спрятанными в карманах.

Мадам Рудбриг достала старый потрепанный блокнот, обложка которого была покрыта маслянистыми пятнами, и положила его на стол.

— Когда мы поедем в больницу? — спросила Мегги, склонив голову к плечу и рассеянно болтая ногами в воздухе.

— В больницу? — удивилась Мадам Рудбриг и обернулась к девочке. — Зачем? Ты заболела?

— Не совсем... — ответила сестра и покосилась на Марту, наверное, ища поддержки. А Марта лишь рассеянно пожала плечами. Смысл скрывать правду, если она и так скоро вылезет наружу? — Папа...

— Алистер? — лицо Мадам Рудбриг исказилось еще больше. — Что с ним случилось?

— Он попал в аварию, — опустошенно выдохнула Марта, уже готовясь к тому, что грянет молния.

Глаза бабушки округлись от шока.

— И ты говоришь мне об этом только сейчас? — ее сиплый голос был на удивление громким в тихом доме. — Марта, ты должна была позвонить мне сразу же, как это случилось! Ты поэтому...

Начала было она, но, покосившись на Мегги, вовремя остановилась.

— Нет, — ответила на незаданный вопрос Марта.

— Понятно... Мегги, — обратилась Мадам Рудбриг к внучке. — Иди собирайся, мы тут закончим и спустимся вниз, а затем все вместе поедем к папе.

Сухой приказ. Ни в голосе, ни на лице пожилой женщины не отразилось ни одной

эмоции. Так что Марте было сложно понять, что в тот момент было на уме у Мадам Рудбриг и насколько сильно она была зла. Похоже, что Мегги тоже чувствовала, как накалилась обстановка, ведь она, больше не сказав ни слова, встала с кушетки и вышла из комнаты.

Марта наблюдала, как сестра спускается по лестнице, и лишь когда та скрылась за поворотом по коридору, позволила себе немного расслабиться. Было сложно всю жизнь скрывать от Мегги их семейную тайну.

— Закрой дверь, — еще один суровый приказ. — И немедленно рассказывай мне все, что происходит в этом чертовом доме.

Мадам Рудбриг выругалась. Что ж, похоже, она была по-настоящему зла. Марта нервно сглотнула и пошла к двери, мысленно подбирая подходящие слова для того, чтобы рассказать все достаточно мягко и не нарваться на дикий смерч ярости.

Она прикрыла дверь и на всякий случай дернула щеколду. Мало ли — вдруг Мегги взбредет что-то в голову, и она решит вернуться.

Марта села на лавочку, где до этого сидела сестра, и, сделав несколько глубоких вдохов, принялась рассказывать:

— В последнее время отец вел себя предельно странно: пропадал в подвале по несколько часов. Так что я решила проверить, что он там делал, и поэтому спустилась туда вчера утром, пока он спал, — Марта сделала паузу, собираясь с мыслями, прежде чем огорошить бабушку еще одной новостью. — Там я нашла связанного мужчину.

— Что? — губы Мадам Рудбриг округлились, так же как и ее глаза.

— Я и сама не знаю, откуда он там взялся, точнее... в тот момент не знала. Я была шокирована, и мне было как-то совсем не до расспросов... Я ушла оттуда сразу же, надеясь вернуться и расспросить его после того, как отец уедет на работу, но у меня не получилось. Я отвела Мегги в школу, а затем мне позвонили из студии — нужно было срочно приехать. Одна из учительниц заболела, и меня попросили ее заменить, — под полным недоумения взглядом бабушки Марта продолжала кратко пересказывать свой день. — В итоге, когда я освободилась и вернулась домой, было уже около восьми, но отца дома не было. Мы с Мегги поужинали, и я уложила ее спать, а потом мне позвонили из полицейского участка и попросили приехать на место ДТП...

— Авария? — переспросила Мадам Рудбриг, слегка выгнув бровь.

— Я не знаю всех подробностей... Насколько мне известно, пьяный водитель несся по встречке и, не справившись с управлением, зацепил машину отца и еще несколько транспортных средств.

— Боже мой, — протянула бабушка. — Он в порядке?

— Я не знаю, когда я уходила из больницы, он был на операции...

Казалось, что Мадам Рудбриг была шокирована. Она обеими руками схватилась за стол позади нее, чтобы удержаться на ногах. Но в тоже время было видно, что она не поддавалась панике и сохраняла холодный рассудок.

— Так вот... А потом я...

— И ты ушла? — перебила Марту Мадам Рудбриг, не веря своим ушам.

— Да.

— Марта! — с упреком произнесла Мадам Рудбриг. — Ты должна была остаться там и узнать, как пройдет операция.

— Я оставила свой номер телефона на всякий случай, — пожала плечами Марта.

— Ты должна была остаться там, со своим отцом, — сухо и с подавляемым гневом в

голосе ответила бабушка.

— Я должна была узнать, что за мужчина сидит у нас в подвале! — крикнула Марта, а потом осеклась, понимая, что кричать было неправильно. — Извини.

— Ты могла бы узнать и у Алистера, если бы не игра в шпиона, — холодно бросила Мадам Рудбриг, всем своим видом показывая, как сильно она недовольна своей внучкой.

— Не могла! Как будто он хоть что-то мне рассказывает.

— Марта! Прекрати немедленно! Ты ведешь себя непозволительным образом!

— Ладно, — буркнула Марта. — Проехали. Я вернулась домой, спустилась в подвал. А этот мужчина каким-то образом сумел освободиться и набросился на меня, пытаюсь убить. Я использовала магию для защиты. Все!

На одном дыхании она выдала все оставшиеся события вчерашнего дня, ощущая, как внутри закипает нечто похожее на злость. Она не любила, когда кто-то пытался нравоучать ее в отношении отца. В отношении него слово «терпимость» она не могла и не желала применять

— Марта... — протянула Мадам Рудбриг, и в этот момент на ее лице отчетливо читалось разочарование.

Но Марта даже не хотела гадать, что конкретно так сильно разочаровало ее бабушку. Хотя где-то в глубине души прекрасно все понимала, ведь точно таким же взглядом на нее смотрел и вчерашний санитар. Что ж... она давно уже привыкла к тому, что ее взгляды на жизнь могли не совпадать со взглядами других, и потому она постоянно разочаровывала окружающих.

— Давай на этом закончим, — выдохнув, попросила Марта. Она не хотела злиться на бабушку и чувствовать всей кожей ее недовольство, а избежать этого можно было, только прекратив разговор.

— Хорошо, — согласилась Мадам Рудбриг, но от нее буквально несло желанием высказать все, что было у нее на уме. В этом они с Мартой были похожи — всегда знали, когда стоит остановиться и за какую черту переступать нельзя.

Марта стянула с себя куртку и, оставив ее на лавке, подошла к бабушке. Она взяла старый блокнот со стола и принялась листать страницы в поисках нужного рецепта. Ощущая, как с каждой перевернутой страницей все ее нутро содрогалось, прекрасно помня, что ждет впереди и как избавляются от следов магии.

И вот нужная страница, где по-детски корявым почерком ее матери были выведены пропорции. Пропорции личного маленького ада, ведь следы от магии нельзя было просто смыть, их в буквальном смысле нужно было выжигать с кожи. Только так можно было избавиться от внешнего проявления, в то время как от следов в душе избавиться было невозможно.

Но Марте не хотелось думать о том, что станет с ней, когда в ее душе не останется ни одного чистого места. Точнее она не знала, что с ней будет. Так же, как не знала и Терра Рудбриг. Мать всегда говорила, что эта правда сгорела вместе с домом ее родителей, и она сама не знает, что ждет за этой чертой. Хотя вполне возможно, что так она просто отмахивалась от нежелательных вопросов.

Марта опустилась на колени перед консолью и принялась искать порошок из корня мандрагоры, что был первым в списке, стараясь не замечать, как подрагивают ее черные руки. Тело помнило боль. Высшая степень морального наказания — все равно что самому варить яд, которым тебя отравят.

Вдруг на запястье Марты, прикрытым рукавом, сжалась шуплая морщинистая рука Мадам Рудбриг. Марта подняла голову и посмотрела в мутные полные сожаления глаза бабушки. Марта не любила, когда на лице столь сильной женщины проскакивало нечто похожее на жалость, ведь в такие моменты бесследно пропадал тот волевой образ, которым Марта так восхищалась.

— Девочка моя, сядь, я сама все подготовлю. Не нужно мучать себя еще больше, — казалось, что сиплый голос Мадам Рудбриг в тот момент буквально сочился теплом, и Марта не нашла в себе сил, чтобы отказать.

Она отдала блокнот и, встав на ноги, вернулась обратно на кушетку. Марта рассеянно наблюдала за тем, как бабушка берет в руки маленькую корзинку, что стояла на консоли, и начинает складывать туда склянки по списку. Девушка всеми силами гнала от себя образы того, как мать точно так же набирала компоненты для зелья, ведь в воспоминаниях не было никакого смысла, но образы все равно навязчиво продолжали возвращаться. И вот, затуманенному взору уже было не понять, кто именно подошел к ванной и крутанул вентиль. Горячая вода с диким гулом и паром вырывалась из крана, создавая еще больше шума, ударяясь об чугунное дно.

Мадам Рудбриг заткнула слив и принялась поочередно высыпать и выливать содержимое флаконов. Казалось, этот процесс занимал целую вечность, хотя на самом деле не прошло и десяти минут. Но это время было невыносимым. От пара в комнате стало душно, Марта ощущала, как по ее спине и лицу побежали ручейки пота. На чердаке было практически нечем дышать. Пар смешивался с ароматами трав, воздух стал тяжелым, казалось, что каждый вдох обжигает горло. В то время как для Мадам Рудбриг не изменилось ровным счетом ничего, Марте казалось, что ее легкие буквально горят изнутри.

Ванная набралась, и Мадам Рудбриг закрыла кран. Она обернулась к Марте и тихо произнесла.

— Другого выхода нет...

Марта поджала губы и принялась раздеваться. Она скинула рубашку и брюки, оставшись в одном нижнем белье. Ее руки были черными практически до локтей, заканчиваясь рваными краями. Жуткое зрелище.

Ей потребовалась собрать всю свою силу воли в кулак, чтобы просто подойти к этой ванне. Она не знала, стоило ли вчерашнее использование магии того, что ждало ее теперь. Сейчас ей было страшно. По-настоящему страшно. Но в то же время, случись такое еще раз, она поступила бы так же. Ведь она любила и ценила свою жизнь, несмотря ни на что. И если за жизнь придется платить своей или чьей-то еще болью, она непременно заплатит. Таковы были ее взгляды на жизнь. Взгляды, от которых она не хотела отступаться.

Сделав глубокий вдох, пронесшийся раскаленным металлом по легким, она задержала дыхание и шагнула в воду. Воспоминания были бессмысленны. Воспоминания не передавали пожар, разливающийся от кончиков пальцев вверх по икрам и выше. Стараясь не тянуть время и не мучать себя еще больше, Марта плюхнулась в воду, расплескав зеленоватое варево по полу. Пожар начал растекаться быстрее. Та часть ее тела, что была погружена в воду, будто горела живо. Это было нестерпимо. Марта стиснула зубы, стараясь сдержать крик, готовый вырваться из ее горла.

Но это еще не конец. Марта разжала руки, которыми держалась за края ванной и опустила их тоже. Зеленоватая вода начала чернеть, забирая темные следы ее колдовства.

Еще немного...

Совсем немного... Осталось только опуститься под воду полностью и все, мучения будут кончены. Пожар прекратится. На глазах проступили слезы. Еще немного... Нужно только опуститься...

Но Марта не знала, как заставить себя это сделать.

Она ощутила на своих плечах руки Мадам Рудбриг.

— Девочка моя, давай я помогу...

Марта зажмурилась и неуверенно кивнула.

А затем казалось бы слабые руки бабушки с невероятной силой надавили ей на плечи, заставляя погрузиться под воду полностью. Обожгло слизистую. Теперь она горела полностью, до самых кончиков волос.

Отвратительно. Она словно бы горела и внутри, и снаружи. Марта начала считать, чтобы хоть как-то отвлечься, что совсем не помогало. Шум воды в ушах заглушал все посторонние звуки. Марта не знала, так ли себя чувствовали ведьмы, которых сжигали на кострах. Она не могла представить запах горелой человеческой плоти. Ведь тот пожар, который обуревал ее сейчас, не оставлял после себя следов.

Мадам Рудбриг подняла ее голову над водой, и первый глоток воздуха обжег легкие. Но ощущения были уже не те: все, что можно было выжить, уже сгорело. Жадно глотая воздух губами, Марта распахнула глаза и взялась ослабшими руками за скользкие борта ванной. Боль отступила, но это не значило, что она останется там еще хоть на долю секунды. От зеленоватой воды не осталось и следа, теперь она сидела в отвратительной черной липкой жиже.

Именно такой была ее магия. Мерзкой и грязной. Оставляющей отвратительные шрамы в душе. Возможно тот псих из подвала был прав, и такой как она действительно не было места в этом мире.

Стараясь не свалиться на пол, Марта выбралась из ванной и, оттолкнув бабушкину руку, поплелась к выходу. Ноги не слушались совсем, заплетаясь. Но Марта продолжала идти. Все, чего ей сейчас хотелось, это принять душ. Смыть с себя остатки мерзкой слизи. А ближайшая душевая была в гостевой на втором этаже.

Трясущейся рукой она дернула щеколду и распахнула дверь. Хорошо, что Мегги не было поблизости. Марта не хотела сейчас видеть сестру и хоть как-то объяснить ситуацию, потому что не было разумного объяснения происходящего. Держась за перила, Марта медленно спускалась по лестнице, ощущая, как с каждым шагом начинают крепнуть ее ноги. Она потихоньку приходила в себя, вновь собираясь в единое целое.

Глава 3. Членские взносы

Марта выключила воду и вышла из душа. Она наскоро вытерлась полотенцем и натянула гостевой халат. Чувствовала она себя, мягко говоря, паршиво. Кожу саднило и стягивало, но с этим ничего нельзя было поделать. Если она правильно помнила, пройдет еще минимум пару дней, прежде чем она начнет чувствовать себя хотя бы сносно.

Она стерла влагу с запотевшего зеркала и посмотрела на свое мутное отражение. Что ж, выглядела она так же паршиво, как и чувствовала себя. Из-за огромных темных кругов казалось, что ее глаза как будто впали в череп и практически исчезли с лица. А и без того тонкие губы стянулись еще сильнее и стали похоже на сплошную ровную линию. Кожа на носу натянулась, и тот стал невероятно острым и немного крючкообразным. Сейчас она определенно выглядела, как ведьма из детских сказок. Синюшные отпечатки пальцев на шее ситуацию не улучшали.

— Тут никакая маска не поможет, — выдохнула она, взъерошив свои короткие светлые волосы. — Ни дать ни взять — проклятая ведьма.

Она нацепила капюшон и вышла из ванной. Времени на то, чтобы окончательно прийти в себя, не было — нужно было собираться в больницу к отцу. Марта не могла позволить бабушке и Мегги одним поехать туда. Конечно, ничего страшного бы не случилось и без нее, но в то же время она просто не могла представить, как Мегги отреагирует, если увидит все своими глазами. Марта не могла оставить сестру в такой момент.

Она спустилась на первый этаж и поплелась в свою комнату, петляя по широким, отделанным деревянными панелями, коридорам. Их с Мегги спальни были довольно близко — чудо, что они с сестрой не столкнулись по пути. Марта не хотела, чтобы ее видели такой... никчемной и слабой.

Мегги... У Мегги не было никаких магических сил, чему родители бесконечно радовались, а потому запретили Марте каким-либо образом проявлять свои способности при сестре. Что, на самом деле, довольно глупо, ведь, если у девочки нет сил, они не появятся, даже знай она секрет Марты.

Но в то же время Марта была согласна с ними в одном: если у Мегги нет сил — ей незачем знать о магии, ведь тогда Марта будет последней в своем роде, и с ее смертью все это закончится.

Марта не могла даже представить, как обрекает своего ребенка на подобную судьбу, на боль и страх, что прилагались к ней, а потому она уже давно решила, что детей у нее никогда не будет. Магия не благословение, она — проклятье. Тяжелая ноша, которую приходится нести всю жизнь.

Марта открыла дверь своей спальни и вошла внутрь. Здесь все было абсолютно таким же, каким она вчера все и оставила. Незаправленная двуспальная кровать, пижама, валяющаяся комком у изножья, недочитанная книга на тумбочке, а рядом с ней — пустой стакан и перевернутый будильник. На старом зеленом кресле у окна — полотенце, которое Марта в спешке кинула туда вчера после душа. Бардак в открытом шкафу.

Да, все было в точности как и вчера утром. Вот только теперь весь вчерашний день казался таким далеким, словно все случившееся было когда-то очень-очень давно.

Еще бы... Огненные ванны способны чью угодно жизнь поделить на «до» и «после».

Марта направилась напрямиком в свою ванную. Наводить порядок в комнате было

бессмысленно, а вот навести порядок на лице, наверное, стоило бы попытаться — чего зря людей пугать. Конечно, Марта приложила все свои силы, чтобы накраситься и хоть как-то исправить ситуацию.

Вот только было одно жирное НО — лучше не стало.

Так что в итоге психанув, она смыла все с лица и, вернувшись в спальню, выудила из шкафа пару не мятых брюк и водолазку с высоким воротом. Даже если ее семья и заметила следы на ее шее, никто об этом и словом не обмолвился. Но вот выходить на улицу и показывать всему миру, что ее пытались задушить, Марта абсолютно не хотела.

Она бросила вещи на кровать и направилась к небольшому комоду. К единственному месту, которое она держала в идеальном порядке. Она выдвинула один из ящиков, любуясь ровными рядами бюстье и трусиков. Марта любила красивое нижнее белье. Это было для нее чем-то вроде хобби. Своего рода коллекция. Ведь большую часть из них она никогда не надевала — на некоторых до сих пор были этикетки с ценниками.

Ничто не поднимало ей настроение и не придавало уверенности в себе так, как красивое белье. Она выбрала комбинацию из кружевного бежевого бюстье с широкими лямками и высоких трусиков и аккуратно, почти бережно, положила их на кровать.

Отыскав пару чистых носков в нижнем ящике комода, Марта быстро оделась и вышла из комнаты. Услышав голоса, она направилась туда, откуда они доносились. Кухня. По мере того как она приближалась, голоса становились все четче. В какой-то момент можно было разобрать о чем бабушка с Мегги говорили:

— В больнице ты должна вести себя спокойно, — в своей обычной манере читала нотацию Мадам Рудбриг. — Бегать и повышать голос нельзя. Ты меня поняла?

— Да, бабуль, — безрадостно ответила Мегги, и это заставило сердце Марты сжаться.

Сестра переживала о случившемся гораздо сильнее самой Марты. Хотя, если быть честной, Марта не переживала от слова «совсем». Она испытывала пренебрежение, недовольство... Но на этом — все. Она не боялась за жизнь отца. Скорее была бы даже рада, если бы его не стало. Да, между ними никогда не было теплых семейных отношений. Но столь холодное безразличие, которое она испытывала к нему, было странным даже для Марты.

Она воспринимала его, как абсолютно чужого человека.

Случись нечто подобное с бабушкой или Мегги, Марта не смогла бы остаться такой же бесчувственной. Где-то внутри она знала, что это разрушило бы ее точно так же, как и смерть мамы.

Тогда почему...?

Это не давало ей покоя, но, войдя в кухню, она решила отложить свои раздумья на некоторое время и заняться куда более насущными вопросами.

Мегги с Мадам Рудбриг сидели за столом, и младшая сестра медленно поглощала яичницу. Марта окинула до безобразия захламленную кухню и увидела на разделочном столе еще две тарелки с поджаренными яйцами.

— Отвратно выглядишь, — протянула Мегги, привлекая к себе внимание девушки. — Не будешь спать, где попало.

Марта, наградив сестру недовольным взглядом, оставила ее замечания без комментария. Какой смысл уподобляться восьмилетнему ребенку? Она взяла свою порцию яиц и села на соседний от Мегги стул. Марта не особо хотела есть, но не могла отказаться от еды, раз уж бабушка приготовила для них завтрак.

— Бабуль, а ты есть не будешь? — спросила Мегги, отломив кусочек хлеба и собирая им остатки желтка с тарелки.

Марта сначала не заметила, но слова Мегги заставили ее обратить внимание на то, что перед бабушкой стояла только чашка с дымящимся чаем, хотя еще одна порция стояла на столе.

— Я не голодна, милая, — ответила Мадам Рудбриг, подув на чашку.

— Тогда зачем? — спросила Марта покосившись на разделочный стол.

Мадам Рудбриг обернулась и так же посмотрела на одинокую тарелку с завтраком.

— Ах это... Я сначала думала, что захочу поесть вместе со всеми, но потом поняла, что мне кусок в горло не лезет, — пожалала плечами та. — Может отнесешь их бродячим собакам? Они, наверное, очень голодны...

— Бродячим собакам? — усмехнулась Марта, прекрасно понимая, кого именно имела в виду Мадам Рудбриг. — С чего вдруг я буду кормить псину, которая меня покусала?

— Тебя укусила собака? — ужаснулась Мегги, и ее глаза округлились от шока. — Нужно сделать прививку от бешенства. Вдруг ты заразилась... может поэтому так плохо выглядишь сегодня...

Марта сделала глубокий вдох, чтобы не вспылить, и потрепала сестру по волосам.

— Непременно сегодня сделаем. Вместе с тобой.

— А мне зачем?

— На всякий случай, вдруг бешенство заразно... Мы же не хотим, чтобы ты заразилась...

— Немедленно прекратили! — сухо осекла их Мадам Рудбриг. — Сейчас не время для перепалок. Марта покормит собак, и мы поедем.

— Не хочу, — буркнула Марта, вилок оторвав кусок от идеально ровного яйца и отправив его в рот.

— Голодная собака тебе и руку откусить может, так что будь разумной, — в голосе бабушки слышалась сталь. — Или ты хочешь, чтобы это сделала я?

Против этого аргумента у Марты не было ничего. Она не могла отправить туда бабушку. Это даже не обсуждалось.

— Хорошо, — выдохнула Марта и встала из-за стола. Кормить человека, который пытался ее убить. Она даже не могла представить, что ей когда-нибудь придется сделать нечто подобное. Со вчерашнего дня ее жизнь превратилась в череду событий, которые, как она думала, никогда не произойдут с ней.

В горле будто встал ком, и она просто не могла есть дальше. Марта отложила вилок и встала из-за стола.

— В холодильнике есть еще копченые колбаски, возьми парочку. Кроме Алистера их все равно никто не ест, — они с Мадам Рудбриг встретились взглядом. Марта знала, что противостояние бессмысленно, но постаралась вложить в свой взгляд все недовольство, которое испытывала, а ответом ей была лишь легкая улыбка. Мадам Рудбриг прекрасно знала, что Марта послушается ее, и не стеснялась использовать давление. — Почем зря пропадут.

— Действительно, — Марта выдавила из себя улыбку, надеясь, что та будет такой же высокомерной, как и у бабушки.

Под внимательным взглядом Мадам Рудбриг Марта достала из холодильника несколько небольших колбасок и положила их на тарелку. Ей стоило огромных усилий не хлопнуть

дверью холодильника. Схватив тарелку, она вылетела из кухни. В коридоре она быстро обулась и отыскивала ключи от подвала, которые валялись на полу под лавкой.

Спускаясь по порожкам крыльца, Марта старалась глубоко дышать, пытаясь хоть немного умерить бушевавшую в ней ярость. Бабушка буквально вывела ее из себя.

Больше всего Марта ненавидела это чувство. Чувство полной безысходности и поражения, когда тебе просто нечего противопоставить своему противнику. Именно такими были их с бабушкой отношения. Иногда ей казалось, что они настолько похожи характерами, что живи они под одной крышей постоянно, то непременно в какой-нибудь момент поубивали бы друг друга.

Обойдя дом и подойдя к двери подвала, Марта поставила тарелку на землю и отперла замок. Дверь за собой она поплотнее закрыла, надеясь, что, даже если Мегги отправится на ее поиски, в подвале она уж точно не будет искать. Хотя скорее всего Мадам Рудбриг не допустит ничего подобного.

Искать выключатель не пришлось — свет все еще горел. Вчера ей определенно было не до переживаний о чрезмерном потреблении электроэнергии. Усмехнувшись самой себе, Марта спустилась по ступеням вглубь подвала.

К мужчине, который все так же лежал на холодном бетонном полу, где она его и оставила, в той же неудобной позе: лицом в пол, со связанными за спиной руками и перетянутыми кабельными стяжками щиколотками.

— Ну здравствуй, — услышала Марта хриплый голос мужчины, когда ее ноги показались в его поле зрения.

— Утро доброе, — холодно ответила она, поставив тарелку на столик у стены. Девушка присела на край стола, гадая над тем, как поднять этого придурка. Предыдущий опыт подсказывал, что это будет непосильной для нее задачей.

Она закусилла ноготь большого пальца, ожидая, что еще может сказать ее пленник. Но он, похоже, и сегодня был не самым общительным человеком.

— Как спалось? — мило спросила она с одной единственной целью — поиздеваться. Этот мужчина не вызывал у нее ничего кроме ненависти. Она даже немного пожалела о том, что остановилась до того, как его дыхание оборвалось навечно.

— Отвратительно, — последовал хриплый ответ.

— Что, кошмар приснился? Бедный... Наверное испугался....

— Сука, — выплюнул он.

— Сука! — театралью возмутилась Марта. — Боже мой, да как же так можно! Я даже свет включенным оставила, чтобы тебе не страшно было спать одному. А ты так жестоко со мной! Совсем не ценишь, когда о тебе заботятся!

— Ну ты и конченная тварь...

— Тварь? — все так же наигранно взвизгнула девушка. Пожалуй, издеваться над ним было довольно весело. — Знаешь что, милый? Еще никто из тех, кто меня так унижал, не выжил, — протянула она.

Откровенный блеф. В ее окружении просто не было людей, которые позволяли бы себе подобные высказывания. Скорее уж она сама была тем не самым приятным человеком, который мог бы сказать другим отвратительные вещи.

— Нравится издеваться над людьми? — прохрипел мужчина, пытаясь хоть немного сменить позу, но у него ничего не получилось.

— Не особо, — усмехнулась Марта, пожимая плечами.

— Чокнутая ведьма! За твои деяния тебе воздастся!

— Воздастся? Ага, как же... И что же я такого сделала, за что мне должно воздасться?

— Ты пыталась убить меня! — выкрикнул мужчина.

Глаза Марты округлились от шока.

— А ты нет? Напомню, что это ты первым попытался меня убить!

— Это было бы правосудие, а не убийство! — взвыл мужчина.

Марта просто смотрела на него неверящим взглядом. Этот фанатик на полном серьезе считал, что его попытка убить ее была правосудием. Это же какая каша должна была быть в его голове, что он нес подобное?

Марта действительно жалела, что не убила его вчера. Без такого мусора миру было бы только лучше. Сделав несколько глубоких вдохов, чтобы немного успокоиться, она подошла к нему и села на корточки. Нужно было как можно быстрее накормить его и свалить оттуда. Если он выдаст еще хоть одну свою гениальную идею о правосудии, возмездии и всякой подобной ахинее, она непременно оторвет ему голову и не испытает по этому поводу ни малейших сожалений.

Марта толкнула его в плечо и, к ее большому удивлению, у нее получилось перевернуть его. Мужчина взвыл то ли от боли, то ли от неудобства, когда приземлился на свои заведенные назад руки.

Но не это удивило Марту. Огромное темное пятно на его брюках привлекло ее внимание и заставило опешить от собственной глупости. Она сидела напротив него и просто пялилась на его мокрую промежность.

Ну и что сказать в данной ситуации? Что делать? Сделать вид, что не заметила и проигнорировать?

Она ведь даже подумать не могла, что ее пленнику нужно было сходить в туалет.

— Черт... — выдохнула Марта. Как бы она к нему ни относилась, но оставить его в таком состоянии просто не могла. Марта выпрямилась и пошла к лестнице, но, остановившись в последний момент, бросила ему короткое. — Сейчас вернусь.

Марта вышла из подвала, но закрывать его на ключ не стала. Она вернулась домой и в прихожей столкнулась с Мадам Рудбриг.

— Уже все? — спросила женщина, сидящая на банкетке, полностью готовая к выходу.

— Не совсем, — буркнула Марта. — Поезжайте в больницу без меня, нужно позаботиться о дворовых собаках.

Марта на всякий случай говорила завуалированно. На случай, если Мегги шныряла где-то поблизости. Она взяла небольшой блокнот для записей, что всегда лежал на полке рядом со входом вместе с карандашом.

— Что случилось? Собака умерла? — немного обеспокоено осведомилась Мадам Рудбриг, и по ее лицу было понятно, что она уже готовит план на случай подобного исхода.

Марта отрицательно покачала головой, своим не самым разборчивым почерком выводя адрес больницы на чистом листочке.

— Нет, но от этого проблем не меньше... — она сделала паузу подбирая слова. — Она... нагадила...

Губы Мадам Рудбриг округлились, но она не проронила не слова. Похоже, ни одна Марта не ожидала подобного исхода.

Марта вырвала листок с адресом из блокнота и протянула его бабушке.

— Бери Мегги и поезжайте, а я пока разберусь здесь со всем. Я тогда наберу тебе, когда

вы сможете спокойно вернуться...

— И что ты собралась делать? — спросила все еще немного шокированная Мадам Рудбриг.

— Ну... — протянула Марта. — Собаку, наверное, стоит помыть, а потом вернуть обратно, нельзя же её в таком состоянии оставлять...

— Хорошо. Будь осторожна.

Марта кивнула в ответ, прекрасно понимая, что имела в виду бабушка.

«Не используй магию» — красноречиво говорили ее глаза. Но это было и не нужно — Марта не собиралась прибегать к своим способностям.

— И еще... Не спускай с Мегги глаз. Я боюсь, она может закатить истерику.

— И кому ты это говоришь? — усмехнулась Мадам Рудбриг. — Не переживай из-за нее так сильно. Мегги хоть и ребенок, но она куда смышленей своих сверстников.

— Дело не в смышлености, а в том, что вся эта ситуация может стать для нее тяжелым ударом! — возмутилась Марта. Если бы у нее был выбор, она непременно бы поехала с сестрой, вот только выбора не было. И это немного коробило ее.

— Я это прекрасно знаю. Но Марта... тебе не стоит чересчур драматизировать... ты не ее мать, ты ее сестра... относись к ней немного проще...

— А это то тут причем? — удивилась Марта, сама не понимая, как их разговор зашел в это русло.

Мадам Рудбриг посмотрела на нее с сожалением и чем-то отдаленно напоминающим понимание.

— Не бери на себя слишком много. В моих глазах ты такой же ребенок, и я не хочу, чтобы ты брала на себя обязанности взрослого, — бабушка наградила ее очередным странным взглядом, а затем сипло крикнула. — Мегги, милая, поторопись, такси скоро подъедет.

Мадам Рудбриг ясно дала понять, что на этом их разговор окончен. Но Марта была даже рада, ведь сама не особо жаждала говорить на эту тему.

Она дождалась, пока бабушка с Мегги покинут дом, а затем направилась в отцовскую спальню. Нужно было найти сменную одежду для пленника. И единственным спонсором мужской одежды в их доме был ни кто иной как Алистер Рудбриг. Вот только в его гардеробе сложно было найти хоть что-то, что не являлось классической рубашкой или дорогим брючным костюмом. Пришлось приложить немало усилий, чтобы откопать там обычный серый свитер и пару спортивных штанов, которые отец надевал лишь раз на осеннем фестивале пару лет назад.

Марта решила, что раз уж он запер человека в подвале, то ему и делиться одеждой. Но все же копать в нижнем белье отца было не самым приятным занятием, и она с превеликим счастьем стерла бы это событие из памяти.

Надеясь, что все выбранные вещи подойдут пленнику, Марта покинула спальню отца, прихватив с его рабочего стола нож для бумаги, и, оставив «щедрый дар» на банкетке в холле, направилась обратно в подвал. На то, чтобы разобраться с проблемой, времени у нее было предостаточно, но все же ей хотелось покончить со всем этим как можно скорее. Ее напрягала складывающаяся ситуация.

Она спустилась в подвал и, подойдя к пленнику, посмотрела на него сверху вниз. Марта не совсем понимала, как правильно вести диалог, чтобы он ее слушался. Мужчина как и прежде крайне недовольно смотрел на нее, но хотя бы больше не пытался осыпать ее своими

гневными комментариями.

И Марта не знала, молчал ли он из-за уязвленной гордости или же страха, но ее это и не особо волновало. Последнее, чего бы ей хотелось, так это заботиться о его чувствах.

— Послушай, — после недолгого молчания наконец начала она. — Давай договоримся: я предоставляю тебе душ, чистую одежду и еду, а ты слушаешься меня и не выкидываешь никаких фокусов.

Она довольно четко высказала свои требования, но была не готова встретиться с его озлобленным взглядом.

— С чего я должен тебя слушаться? — прохрипел он, морщась при каждом слове.

Похоже, его уязвленная гордость вполне неплохо соседствовала с озлобленностью.

Марта вновь опустилась на корточки рядом с ним, немного удивленная тем, что абсолютно не ощущала никакого запаха, хотя он определенно должен был вонять так, что хотелось бы заткнув нос выбежать из комнаты. И причиной этого она считала свои утренние купания.

— Может быть потому, что мне достаточно всего лишь щелкнуть пальцами, чтобы убить тебя? — она нацепила свою злорадную ухмылку и демонстративно щелкнула пальцами перед его носом, наблюдая, как его карие глаза темнеют, наполняясь страхом.

Она блефовала, но тот ужас, который сменил его озлобленность, стоил того.

— Надеюсь, мы друг друга поняли? — спросила Марта для закрепления результата.

Пленник сглотнул и кивнул.

— Отлично, — протянула девушка, улыбнувшись еще шире.

Она надеялась, что страха было достаточно, чтобы не позволить ему напасть снова. Но несмотря на свои опасения, Марта все же разрешила стяжку на его щиколотках и помогла мужчине подняться, жестом приказывая ему идти вперед. Это показалось разумнее, чем позволить ему идти позади. Мало ли что ему в голову взбредет? Доверять этому человеку она не могла.

Так они и дошли до крыльца, а затем девушка распахнула перед ним дверь, и они вошли в дом. Марта забрала вещи, которые оставила в холле, и кратко дала мужчине понять, куда идти дальше. Вести его в свою ванну или ванну отца было глупо, так что единственным вариантом была гостевая, где сама же Марта купалась сегодня утром.

Именно туда они и направились. Марта действительно была благодарна, что ее пленник не натворил чего-то из ряда вон выходящего. Хотя его внешний вид и показывал, что он был настолько ослаблен, что даже ноги у него заплетались так же, как и у Марты вчера. Он физически не был способен сейчас сделать хоть что-то против нее.

Но разница была в том, что даже ослабленный мужчина был бы сильнее ее, среднестатистической и абсолютно не спортивной женщины. Так что Марта не сомневалась — если он нападет, единственным шансом на спасение будет магия. Но она после прошлого раза еще не до конца оклемалась, и мало на что сейчас была способна. Вот только пленнику этого знать было совсем не обязательно.

Марта в очередной раз открыла перед ним сначала дверь гостевой спальни, а затем и дверь в ванную. Мужчина вошел, и она последовала за ним. Она определенно не собиралась оставлять его одного в своем доме без присмотра.

Пленник застыл посреди маленькой комнаты и вопросительно посмотрел на Марту.

— Что? — спросила Марта, ответив ему точно таким же взглядом. Вот только он все равно смотрел на нее немного не так. Он был на голову, а то и более, выше нее, что

придавало его взгляду немного высокомерия.

Он повернулся к ней спиной и буркнул:

— Руки.

Да уж... Марте оставалось лишь гадать о причинах своей сегодняшней заторможенности. Она положила заготовленные вещи на край раковины и все тем же ножом разрезала кабельные стяжки. Возможно ей показалось, но мужчина выдохнул с облегчением.

— Уходить не собираешься? — услышала она его хриплый голос.

— С чего бы? — довольно высокомерно спросила Марта. — Чтобы ты сбежал и напрямик помчался в полицию?

— Сбежал из закрытой ванной? — в его голосе послышалась усмешка.

— Здесь есть окно, — пожала плечами Марта.

Мужчина обернулся и посмотрел на нее с недоумением.

— Ты действительно думаешь, что я протиснусь в эту форточку?

Марта лишь вновь пожала плечами и, подойдя к унитазу, опустила крышку и уселась на него.

— Да уж... — протянул мужчина. — Как хочешь...

Мужчина стянул через голову кофту, представая перед Мартой не в самом лучшем виде. При других обстоятельствах она непременно бы залипла на его худощавом подкаченном торсе со слегка выделяющимися кубиками пресса. Вот только сейчас ей мешали омерзительные синяки, перетягивающие на себя все внимание. Парочка старых синяков были россыпью раскиданы по всему его телу, но не они привлекали большего внимание. Куда страшнее было кровавое месиво вместо его запястий. Они были синюшно-фиолетовые, перепачканные запекшейся кровью, под которой проглядывались только зарубцевавшиеся шрамы. Марта даже не могла представить, насколько это больно, когда тебе самому приходится разрывать свою плоть, чтобы освободиться от пут. А он... Да как этот монстр мог душить ее с такими-то руками, да еще и с легкостью справляться с этим?

С ним действительно нужно быть все время настороже. Ведь единственным оружием против него была магия. Как отец вообще умудрился посадить такого, как он, в подвал?

Но было кое что еще, что привлекло внимание Марты: свежие фиолетово-синеватые отпечатки пальцев и ладоней на шее. Их она узнала. Мало того, что они были яркими и буквально бросались в глаза, так еще и были окружены едва уловимым зеленоватым свечением. Марта впервые видела что-либо подобное. Казалось, шея пленника все еще находится в кольце из магии. Оно было чем-то отдаленно похоже на те черные следы, что остались на руках самой Марты, и, что с этим делать, она не знала.

Пропадет ли это кольцо само или же нужно было что-то предпринять, чтобы избавиться от него? Марта задавалась этим вопросом, продолжая изучать его шею, пока пленник разувался и стягивал носки. Его синяки на шее, за исключением магического следа, были полностью идентичны тем, что прятались под водолазкой самой Марты.

Повернувшись к ней спиной, он стянул брюки, оставаясь в одних трусах.

— Послушай, — начала было Марта, отвернувшись к стене. Уж что что, а лицезреть чужую голою задницу ей не хотелось. — Может все-таки скажешь свое настоящее имя? И дураку будет ясно, что «Оливер Кромвель» — это твоя неудачная шутка.

— Зачем тебе знать мое имя? От этого ничего не изменится... Будь я хоть Оливер, хоть Дэниэль... Да даже если бы Арнольд... Это малозначительный фактор... — его голос был все еще хриплым, но нотки скептицизма делали его более живым, а не как у сломанного

робота.

— Ну ты же знаешь мое имя, — рассеянно ответила Марта, изучая состав освежителя воздуха, что стоял на маленькой полочке вместе с туалетной бумагой.

— Ах да... Марта Рудбриг... И что? Это что-то меняет? Меняет тот факт, что ты ведьма продавшая душу дьяволу?

Краем глаза Марта заметила, как он залез в ванную и задернул шторку.

— Я никому свою душу не продавала, — выпалила Марта, не особо веря своим же словам. — Скорее меня прокляли задолго до моего рождения.

Марта и сама не знала всех тонкостей своих способностей. Родители не особо жаждали посвящать ее в эти тайны. В одном была уверена точно — она действительно платила своей душой за использование магии. Чувствовала, что с каждым разом теряет что-то важное. Вот только что именно — понять не могла. Так что, возможно чудик, который открыл кран, был прав, и она действительно постепенно продавала свою душу кому-то. Только это больше напоминало выплаты по кредиту, чем единоразовую сделку.

Но эти свои размышления она решила оставить при себе.

— Ну так что, если уж от этого ничего не изменится, может все-таки скажешь мне свое имя? Или мне лучше называть тебя просто «Неудачник»?

— Можешь звать меня Коул, — донеслось сквозь шум воды после минутного молчания.

— Хорошо, — протянула Марта, откинувшись на бочок. — Пусть будет Коул... это больше похоже на правду.

По какой-то неведомой причине у Марты было чувство, что он не соврал.

Она смотрела на пар, поднимающийся над ванной, и слушала шум воды, думая о том, ответит ли он честно, если она задаст еще вопросы, или же бабушка была права, и не стоило связываться в эту шпионскую игру. Даже несмотря на то, что отношения с отцом были не самые радужные, возможно, тот был бы с ней куда честнее, раз уж их семейная тайна стояла на кону.

— Как ты узнал обо мне? — все же решила спросить Марта. Она уже давно не прибегала к магии, так что тот факт, что Коул знал о ней, был довольно-таки странным.

— Грабс, — донеслось до нее сквозь шум воды. — Среди охотников на ведьм уже давно ходят слухи о вашей семье.

Марта буквально ощутила, как округляются ее глаза. Только вот не знала, от чего больше: от того факта, что в мире все еще существовали охотники на ведьм, или же то, что им было известно о том, что в семье ее матери были ведьмы?

— Так ты охотник на ведьм? — Марта решила не акцентировать внимание на фамилии матери.

— Не совсем. Я еще не внес членский взнос, — прохрипел Коул.

— Членский взнос? — переспросила Марта, немного шокированная его словами. Неужели теперь, чтобы стать охотником на ведьм, нужно платить членские взносы? Вот они — прелести бюрократического общества!

— Да, необходимо сделать взнос... Если точнее, необходимо «внести» голову ведьмы.

Марта подавилась воздухом и закашлялась. Это было вроде бы ожидаемо, но в тоже время шокировало ее.

— И что, ты хотел внести мою голову в качестве членского взноса? И это ты еще смеешь рассуждать о правосудии? — воскликнула Марта, ощущая, как ее буквально начинает подташнивать от отвращения.

Она встала с унитаза и, подойдя к раковине, открыла кран с холодной водой и брызнула ею себе на лицо, чтобы хоть немного прийти в чувства. Но это было бесполезно: в мыслях отчетливо предстал образ Коула, достающего ее окровавленную голову из мешка и кидающего ее перед ногами группы усмехающихся мужчин.

Мерзко. Это было мерзко.

Глава 4. Грабс

Алистер надеялся, что он спрятался достаточно хорошо, ведь ему хотелось, чтобы Терра искала его подольше. С одной стороны его закрывал высокий книжный шкаф, а с другой — тяжелые бордовые портьеры, которые висели на каждом окне в доме.

Он никогда не понимал материнской любви к этим вычурным шторам, от которых буквально становилось тяжело дышать. С годами родительский дом начал казаться ему душным и давящим. И единственной отрадой была легкая и воздушная Терра Грабс. Находясь в комнате, она наполняла ее светом и воздухом. Рядом с ней Алистер мог дышать.

Когда мальчик услышал, как в коридоре скрипнули половицы, он затаил дыхание. В его укрытии в библиотеке был лишь один недостаток: прячась за шкафом он не мог видеть дверь, а потому переживал каждый раз, когда кто-то проходил мимо.

Половицы скрипнули еще раз, а затем дверь распахнулась, с глухим стуком впечатавшись в стену. Это определенно была не Терра — у нее не хватило бы сил для этого. Однако даже прекрасно зная, что в библиотеку вошла не она, он все равно продолжал молча скрываться в своем убежище. Ему не хотелось быть раскрытым кем-то кроме Терры, поэтому он еще сильнее вжался в угол, чтобы быть уж точно незаметным.

Шаги вошедшего были легкими, почти что невесомыми, но за каждым шагом следовал цокающий удар. В их доме только мать Алистера всегда ходила в тапочках. В тапочках с небольшим квадратным каблучком, который и издавал этот цокающий звук.

И если одного из вошедших Алистер с легкостью смог распознать, то вот вторая пара глухих шагов была ему незнакома. Шаги тоже были легкими, но, в отличие от матери, шаркающими.

Похоже, у Мадам Рудбриг были гости. Осознавая это, Алистер начал теряться в сомнениях. С одной стороны, ему следовало бы немедленно выйти из-за штор и, извинившись, покинуть комнату, а с другой — сама мысль о том, что он будет тайным слушателем приватной беседы, будоражила неизведанные до этого струны его детской души.

И он пошел на сделку со своей совестью, оставшись в углу.

Старое викторианское кресло протестующе скрипнуло, принимая на себя вес то ли его матери, то ли её гостя.

— О чем ты хотела поговорить? — услышал он недовольный и немного отстраненный голос матери. Алистер по голосу мог определить настроение матери, и обычно, когда она говорила в такой манере, это значило лишь одно: она не настроена вести светскую беседу.

— О той девочке, которую вы приютили, — ответила женщина.

Голос женщины был давяще-душным и притворно-сладким. Что ж, теперь Алистер прекрасно понимал, почему его мать говорила в столь неприветливой манере. Он бы тоже не хотел разговаривать с обладательницей этого голоса. Его воображение тут же начало рисовать невысокую худощавую женщину, одетую в до смешного вычурное платье, обязательно с маленькой сумочкой, в которую мог поместиться только носовой платок, и, конечно же, с маленькой шляпкой-котелком на голове. Он считал, что у этой женщины непременно должны быть светлые волосы, уложенные в идеальные волны. На секунду ему даже захотелось отодвинуть штору в сторону, чтобы убедиться в том, насколько его фантазии и реальность были похожи, но шанс быть раскрытым заставил его отказаться

от этой идеи и довольствоваться лишь тошнотворным голосом гостя.

— О Терре?

— Зачем спрашивать? Или вы приютили еще кого-то?

— И что же ты хочешь о ней узнать? — из голоса матери пропали нотки недовольства, но вот чего в нем стало больше всего, так это подчеркнутого холода. И Алистер мог даже поспорить на то, что в этот момент Мадам Рудбриг слегка вскинула свои тонкие брови и направила свой леденящий взор на гостью.

— Почему ты так смотришь на меня? Думала, я не узнаю? Все думали, что девочка погибла год назад вместе с родителями в пожаре... и — вот уж совпадение — примерно в это же время у тебя неожиданно появилась маленькая иждивенка, — от ее слов Алистер ощутил, как начинает закипать от злости. Эта женщина не имела права называть Терру иждивенкой. — Мило, конечно, что вы взяли девочку на попечение. Вот только непонятно, зачем вы это скрываете?

— Потому что она обычный ребенок, — выдохнула Мадам Рудбриг. В отличие от Алистера, слова гостьи на нее никак не повлияли, она говорила так безразлично, что создавалось впечатление, будто она уже устала от этой беседы.

— Обычный ребенок? — чуть ли не взвизгнула гостья.

— Джослин, не смей повышать голос в моем доме! — мать будто нажимала на каждое слово.

— Она последняя Грабс!

— И что? Повторю еще раз: Она. Обычный. Ребенок.

Алистер не мог понять, о чем они говорили. Их диалог был похож на бред сумасшедшего. Взрослые люди обсуждали тот факт, была ли обычная пятилетняя девочка обычным или необычным ребенком. Ему даже начало казаться, что таким образом они пытались зашифровать что-то, как в тех шпионских детективах, которые он любил читать вечерами.

— Маргарет, не носи чепухи. Последняя Грабс априори не может быть обычным ребенком, — голос гостьи слегка дрожал.

— А получается, что может... — Мадам Рудбриг сделала глубокий вдох, прежде чем продолжить. — Ей уже пять, и у нее нет никаких способностей. Весь этот год я наблюдала за ней, думала, в ней проявится хоть что-то, но нет — девочка абсолютно пуста.

— Не может такого быть, — шокировано протянула женщина. — Грабс — сильнейшие ведьмы, которым не нужны артефакты, чтобы творить... еще с младенчества... И ты говоришь, что последняя живая наследница этой поистине великой силы рождена без способностей?

— Они были проклятыми ведьмами, их сила никакой не дар, которым ты так восхищаешься, а тяжелое бремя. Их сила убивает их изнутри, так что даже хорошо, что девочка родилась без способностей... Вероятнее всего, так она сможет прожить чуть дольше своих предшественниц.

Алистер не мог поверить своим собственным ушам. Ведьмы, магия, проклятия. И в эпицентре всей этой неразберихи маленькая хрупкая Терра Грабс. Насколько абсурдным казался ему этот разговор, настолько же он был уверен в том, что все, о чем говорили его мать со своей гостьей, было правдой. Ведь Мадам Маргарет Рудбриг не бросала слов на ветер и никогда не сотрясала воздух бессмысленными небылицами.

— Я просто не могу в это поверить! Позволь мне увидеть ее и удостовериться самой...

— И как ты собралась удостовериться? — перебила ее Мадам Рудбриг. — Напугать десятiletнего ребенка? Чтобы она заикой на всю жизнь осталась?

— Маргарет, ты преувеличиваешь. Не делай из меня такого уж монстра, я всего лишь хочу взглянуть на нее, — женщина стала еще более приторной, пытаясь умастить его мать, в то время как сам Алистер надеялся на отказ.

— Мой ответ нет, Джослин, — Алистер выдохнул от облегчения. — Если на этом все, я думаю, тебе стоит уйти. Дворецкий за дверью, он проводит тебя к выходу.

— Маргарет, — возмущенно протянула женщина.

— Не заставляй меня повторять. Не унижайся — лучше уйти самой, чем быть выставленной за дверь, — сухо ответила Мадам Рудбриг.

Сначала Алистер в очередной раз услышал шаркающие шаги гостыи, а затем вся комната сотряслась от удара двери, и мальчик чуть не подпрыгнул на месте от неожиданности. В их доме было не принято хлопнуть дверьми.

А затем произошло то, что повергло его в ужас.

— Алистер Рудбриг, немедленно выйди из-за шкафа, — голос матери пронесся по комнате, заставив волосы на затылке встать дыбом.

Трепеща от ужаса, он отодвинул портьеру в сторону и встретился взглядом с матерью. К его огромному удивлению и облегчению, она смотрела на него равнодушно. Но когда на ее лице проступила легкая полуулыбка, которая обычно не предвещала ничего хорошего, мальчик насторожился и неуверенно вышел из своего укрытия.

Он никак не мог понять, каким образом мать узнала, что он спрятался за шкафом, ведь он старался не подавать ни малейших признаков своего присутствия.

— Я не хотел подслушивать...

— Не ври, — холодно осадила его мать.

— Мы с Террой играем в прятки, — попробовал еще раз Алистер, переминаясь с ноги на ногу. — Я спрятался там до того, как вы пришли...

— Это и так понятно. Садись, — Мадам Рудбриг взглядом указала на кресло рядом с ней, и Алистер, подойдя ближе, сел в него.

— Мам...

— То, что ты слышал, — правда, — сухо ответила она на еще не заданный вопрос. — Алистер, раз уж ты стал невольным слушателем этого не самого приятного диалога, то у меня, похоже, нет выбора: придется тебе рассказать небольшую историю. Она касается не только Терры, но и нас с тобой.

Мадам Рудбриг откинулась на спинку кресла, поудобнее устроившись в нем, в то время как нервничающий Алистер сжимал худыми дрожащими руками свои по-детски уродливые колени. Он прекрасно понимал, что мать не станет его ругать, но ничего не мог поделать с обуревающим его трепетом.

— Эх... — вздохнула мать. — С чего бы начать? Алистер, ты же понимаешь, что все, о чем я расскажу, ты ни в коем случае не должен никому рассказывать? Это что-то вроде нашей семейной тайны.

Алистер неуверенно кивнул, ощущая, как на его плечи начинает давить груз ответственности.

Приняв его кивок за достойный ответ, Мадам Рудбриг начала рассказ:

— Эта история началась очень давно, задолго до моего рождения, никто не знает точного года и было ли это на самом деле, но последствия тех событий до сих пор волнуют

нас и даже мешают спокойно жить. И виновниками тех событий были два ребенка: девочка Грабс и ее младший брат Рудбриг, — услышав свою фамилию, Алистер занервничал еще сильнее, прямо как в школе, когда на классных чтениях читают рассказы, и вдруг в тексте всплывает твое имя — тогда весь класс непременно оборачивается и смотрит на тебя, хихикая. Да, Алистер чувствовал что-то подобное. — Время тогда было не самое мирное, большим чудом было, если люди доживали хотя бы лет до тридцати. Так вот. Вместе со своим отцом дети жили в небольшом ветхом домике рядом с морем. Мать их умерла, когда Рудбригу еще не исполнилось и трех лет, оттого его старшая сестра взяла на себя всю заботу о мальчике, ведь их отец, занимающийся рыбалкой, мог по несколько дней не появляться дома. Грабс пришлось повзрослеть слишком быстро. На плечи семилетней девочки свалилось так много обязанностей, что у нее не было и минуты свободной. Она содержала дом, присматривала за братом, помогала отцу чистить и солить рыбу, а по выходным, когда в соседней деревушке открывалась ярмарка, отправлялась туда вместе с отцом и младшим братом. Так они и жили, пока однажды перед началом суровой зимы их отец ушел в море и больше не вернулся. То была по-настоящему суровая зима. Их терзала не только чудовищно безжалостная погода, но и голод. Средств к существованию не было, они жили рядом с довольно бедной деревушкой, слуги в которой никому не были нужны.

Алистер слушал мать, не понимая, как то, что она описывала, было связано с ведьмами и магией, которую она обсуждала со своей гостьей.

— Февраль выдался самым тяжелым. Они изнывали от холода и голода. Грабс понимала, что скорее всего они не доживут до весны, но озвучить своих опасений не осмеливалась. И вот, когда уже, казалось бы, их жизнь была обречена закончиться, одной темной беззвездной ночью дверь их жалкого домика распахнулась и вместе с ветром и снегом внутрь вошла скрюченная фигура, закутанная с головы до ног в черную мантию, — Мадам Рубриг старалась повторять слова, которые однажды сказал ей ее собственный отец, и не приплетать ничего своего. — Когда фигура скинула капюшон своей мантии, Грабс увидела женщину. Старую скрюченную женщину, морщинистое лицо которой было покрыто странными черными пятнами. Пятнами, которые вселяли ужас. Старуха принесла с собой бутылку почти застывшего молока и буханку черствого, почти засохшего, хлеба и отдала его детям, тем самым расположив их к ней. Старуха осталась жить с ними, и благодаря ей они смогли дожить до весны. Последней весны, которую брат и сестра провели вместе. В последний день весны старуха попросила плату за свою помощь — и благодарная Грабс не смогла отказать. Тринадцатое лето своей жизни Рудбриг встретил один в пустом доме. Ночью его сестра и старуха, имя которой они так и не смогли узнать, будто исчезли в воздухе. С того дня жизнь Рудбрига пошла на удивление гладко. Проходящая мимо военная процессия подобрала мальчика — по какой-то неведомой причине он приглянулся местному генералу. То был потрепанный старик, у которого нещадная война отобрала всех детей. Он поселил мальчика в своем поместье и обучил всему, что знал сам: письму и мечу. Манерам и этикету Рубригу пришлось учиться по книгам, ведь тот генерал не знал ничего, чего так или иначе не коснулась война.

Мадам Рудбриг умолкла и устремила свой взгляд куда-то вдаль. Ее взгляд почему-то показался Алистеру пустым, словно его мать в этот момент ни о чем не думала, а потому ему стало как-то не по себе и по спине побежали мурашки. В комнате повисла гробовая тишина, но мальчик не решался ее нарушить. Он просто продолжал сидеть и смотреть на мать, которая в этот момент словно была где-то очень далеко.

В этой тишине Алистеру было очень неуютно: нервничая, он начал ерзать в кресле, а, чтобы хоть немного успокоиться, откинулся на спинку, но это не особо помогло — скорее даже совсем не помогло. Он хотел знать, что произошло дальше и как это отразится на Терре. И что стало с той Грабс, имя которой теперь являлось фамилией Терры.

— Извини, я немного задумалась, — вздохнула Мадам Рудбриг и посмотрела на Алистера прояснившимся, но до странного печальным взглядом. — Вскоре генерал умер, оставив все то ненавистное принесенное ему войной богатство Рудбригу. Так он и жил теперь уже в своем большом доме много-много лет, пока однажды на пороге его дома не появилась странная фигура, с ног до головы завернутая в черное. Воспоминания из детства нахлынули на него — он надеялся узнать хоть что-то о своей сестре, бесследно исчезнувшей в ту ночь. Но какого было его удивление, когда под капюшоном мантии он разглядел не ту чахлую старуху из своих воспоминаний, а женщину — не молодую и не старую — но отчего-то такую родную. То была его сестра, но счастью, обуревавшему его тогда, было суждено длиться недолго. В тот момент, когда он заметил черные, как ночь, пятна на ее лице, что-то глубоко внутри него оборвалось, и его накрыл ужас. Не задавая лишних вопросов, он впустил сестру в дом. Та откинула мантию, и он увидел крохотного ребенка, пару недель от роду, в ее жутких черных руках. Малышка крепко спала. «Мой конец близок, Рудбриг, — сильным, казалось бы, мертвым голосом произнесла она. — Это моя дочь. Позаботься о ней, как я когда-то заботилась о тебе, ведь я уже точно не смогу этого сделать». Сестра прожила с ним недолго. И каждый раз, когда он спрашивал у нее, как она жила все это время или кем был отец ее дочери, ответ был всегда один: «Я уже и не помню».

Алистер буквально ощутил, как в комнате стало холодно. За окном пошел дождь, но размеренный стук капель о стекла не успокаивал его, а лишь нагонял еще больше ужаса. В его голове роилось столько вопросов, но язык, будто отказав ему, не давал задать ни одного.

— Грабс прожила не долго, — продолжала мать. — И на смертном одре она сказала ему то, что навечно омрачило его жизнь и связало крепкими нерушимыми узами наши семьи. «Она попросила плату за твое благополучие — и этой платой была моя душа. Она дала мне силу и сказала, что если я буду ее использовать, то твоя жизнь станет чудесной. Разве это не счастье?»

Голос матери затих. А на Алистера обрушилось жуткое осознание.

— Алистер, ты понимаешь, о чем я тебе сейчас рассказала? — Мадам Рудбриг пронзила его холодным взглядом — тем, которым не раз смотрела на него до этого.

— Она отдала свою жизнь за благополучие брата, — неуверенно ответил Алистер, слушая, как дрожит его голос.

— Она отдала не только свою жизнь, но и жизнь всех своих потомков за жизнь и процветание нашей семьи. Каждый раз, когда девушка из рода Грабс применяет силу, наша семья крепнет, становится богаче, смертельные болезни отступают, беды проходят. Вот только платой за наше благополучие становятся жизни невинных людей. Поэтому мы должны защищать их во чтобы то ни стало.

— Мама, но ведь Терра... ты сама сказала, что у нее нет способностей к магии... значит ли это, что с ней все будет хорошо? Что ей не придется платить собой за наше счастье?

— Я надеюсь на это, милый. Надеюсь, а то, что ее сила не пробудится никогда — ни у

нее, ни у ее детей.

Тот разговор навечно отпечатался в памяти Алистера. С того самого дня что-то в нем щелкнуло и внутри него начал образовываться неведомый до силе страх. Каждый раз глядя на Терру, он ощущал, что это неприятное чувство начинает обуревать его. Он следил за ней, следил за каждым ее движением или словом, боясь что вот-вот взорвется бомба над его головой, когда Терра воспользуется магией. Хотя сам толком не понимал значения этого слова.

Что конкретно должна была сделать Терра, чтобы он понял, что в ней пробудилась сила? Воспарить в воздухе? Или, быть может, проклясть кого-то, как это делали ведьмы из сказок? А может она должна была взглядом разжечь огонь под его ногами?

Он ведь даже не знал, действительно ли ведьмы были способны на подобное или же это была его больная фантазия. У Алистера не было ответов, а мать не особо жаждала помогать ему в их поиске. Каждый раз, когда он заводил разговор о Терре и ее способностях, Мадам Рудбриг обрывала все короткой фразой: «Алистер, не доставляй неприятностей Терре».

Мать считала его ребенком и не желала впутывать его в еще большие неприятности. Похоже, она считала, что ему было достаточно той информации, что она уже дала. Но она не брала в расчет пытливым ум влюбленного мальчишки. Он жаждал лишь одного — узнать как можно больше, чтобы быть способным помочь Терре в нужный момент.

И так как Мадам Рудбриг наотрез отказывалась становиться помощницей в его нелегком деле, а отец, как однажды выяснил Алистер, и вовсе ни о чем не знал, мальчик пришел к выводу, что единственным человеком, способным дать ответы на терзающие его вопросы, была лишь та обладательница самого отвратительно сладкого голоса, которая посетила мать в тот день.

Джослин. Он мало что знал о ней. В кругу знакомых своей матери он никогда не встречал никого, кто обладал бы таким именем и таким незабываемым голосом. Он поставил перед собой задачу во что бы то ни стало найти ее. Вот только для мальчишки десяти лет, который покидал дом только с родителями — и то по особым случаям, — задача была непосильной.

А потому, все, что ему оставалось, это ждать, когда мадам Джослин соблаговолит вновь посетить их дом, попутно ища крупницы информации в книгах, хранящихся в семейной библиотеке.

Глава 5. Хозяйка Ведьминой обители

Плеснув водой на лицо еще раз, Марта подняла голову и встретила взглядом со своим отражением. С изможденного лица на нее взирали яркие горящие безумным огнем голубые глаза. Почему-то от этого взгляда у нее мурашки побежали по телу. Она выглядела безумной, как те обитатели лечебниц для душевно больных. Да и кто бы выглядел нормально, если бы ему сказали, что его голова послужит *членским взносом*?

Марта глубоко дышала, стараясь не поддаваться панике и отгонять от себя эти мерзкие мысли. Она пыталась внушить самой себе, что Коул боится ее гораздо больше, чем она его. Тщетно... Паника нарастала с новой силой, стоило ей только взглянуть на силуэт мужчины за шторкой. Ей даже начало казаться, что события последних дней пошатнули ее здравый рассудок.

Еще несколько глубоких вдохов, несколько встреч лица с ледяной водой, и, кажется, кровь отхлынула от ее лица и перестала стучать где-то в ушах. Марта откинула прилипшие мокрые пряди со лба и вытерлась. Ворот водолазки намок и слегка сполз вниз, но это не так уж и волновало ее.

Куда важнее было понять, что дальше делать с Коулом. Воспоминания о его окровавленных запястьях отменяли вариант вновь связать его в подвале. Она не была садисткой, намеренно причинявшей людям боль. А потому, смотря в свои испуганные глаза, она искала решение этой проблемы. Просто оставить его в подвале и закрыть дверь на замок было глупо. Дверь была бы серьезной преградой для нее, но уж точно не для него. Стоит ему хоть немного окрепнуть и, как она думала, он с легкостью сможет выбить дверь и выбраться наружу.

Было два исхода его побега: либо он приведет своих дружков, и они вместе убьют Марту, либо он приведет полицию — и Марта загремит в тюрьму. Длительное участие в оранжевых пижамных вечеринках не нравилось ей в равной степени со смертью. А потому позволить ему выбраться на свободу было нельзя.

Единственным вариантом, приходившим Марте в голову и казавшимся лучше предыдущих, были магические тувроты ее матери.

Коул выключил воду. В отражении Марта увидела, как шторка немного отодвинулась в сторону и в появившейся щели показалась мокрая голова пленника.

— Можно полотенце?

Марта рассеянно кивнула и, сняв полотенца с крючка, кинула его ему. Коул, слегка поморщившись, поймал то израненной рукой. Мужчина обмотал полотенце вокруг бедер и вылез из ванной, слегка пошатываясь.

Девушка брезгливо отдала ему вещи отца и отвернулась в сторону, не имея желания наблюдать за тем, как он будет одеваться. Теперь этот мужчина вызывал у нее еще больше отвращения, чем в подвале.

Чтобы хоть как-то отвлечь себя от гнусных мыслей, она залезла в ящики под раковиной и достала оттуда запылившуюся гостевую аптечку. Ее мать была настолько правильным и немного дотошным человеком, что во всех гостевых комнатах держала абсолютно все, что может понадобиться гостям. Марта проверила срок годности на заживляющей мази и, убедившись в том, что в запасе было еще пару месяцев, достала запакованный бинт, у которого, к счастью, срока годности не было.

Когда шуршание одежды прекратилось, Марта повернулась к Коулу, удивляясь тому что одежда ее отца была не то чтобы свободна — она буквально свисала с него, — хотя, если ей не изменяла память, на отце она сидела практически в облипку. Что было странно, ведь отец никогда не казался ей таким громилой, как Коул, и никогда не внушал ей этого чувства мужского превосходства, когда человеку достаточно просто схватить тебя за руку, а ты уже понимаешь, что он намного сильнее тебя. Возможно, причиной служило то, что отец никогда не проявлял этой мужской силы по отношению к Марте, оттого она и не воспринимала его подобным образом.

Справившись со своим секундным шоком, Марта взглядом указала на унитаз и односложно приказала:

— Сядь.

Мужчина без лишних вопросов исполнил ее приказ. Марта, опустившись перед ним на колени, вскрыла тубик и принялась толстым слоем наносить мазь на его запястья.

— Вот ты мне скажи, — начала она, — ты действительно думал, что у тебя получится задушить ведьму голыми руками? Без какого-то ни было оружия?

— У меня было оружие... изначально... — донесся до нее сконфуженный голос мужчины. Похоже, его гордость сегодня проходила невиданные маршруты падения. — У меня был арбалет и защитный оберег... от магии...

— Крест что ли?

— Нет.

— А что тогда? — рассеянно спросила Марта, продолжая наносить мазь.

— Мешочек с белой кошачьей шерстью.

Марта подняла на него изумленный взгляд и, не веря собственным ушам, спросила:

— Ты серьезно?

Коул неуверенно кивнул, а Марта разразилась громким смехом. Человек пришел убить ее, вооружившись арбалетом и мешочком с кошачьей шерстью? Это было выше ее сил. От смеха на глазах проступили слезы.

— А почему именно белая? — задыхаясь от смеха выдавила Марта.

— Ну... белая... чистая... — неуверенно пытался что-то объяснить мужчина, заливаясь краской.

— А черная — грязная? — не в силах остановится, пролаяла Марта. Это было так нелепо... так абсурдно... что все переживания просто по щелчку пальцев исчезли из ее головы. — Кто этот невероятный человек, который всучил тебе белую кошачью шерсть, чтобы защититься от ведьм?

— Кеторин Чубоски, — с ненавистью, смешанной со смущением, выплюнул мужчина.

— Ах... Шарлатанка из «Ведьминой обители», — протянула Марта, буквально смакуя каждое слово. — Ты взял оберег у мнимой ведьмы, чтобы защититься, как ты думал, от магии настоящей ведьмы. Я одна вижу в твоём плане огромную дыру?

Она всплеснула руками, описывая круг.

— Она не мнимая ведьма, — прохрипел он.

— А кто? Настоящая ведьма? — уже не смеясь, но продолжая улыбаться, спросила Марта.

— Она знахарка, — со знаниям дела ответил Коул.

— Она-то может быть и знахарка, вот только ты — идиот! — усмехнулась Марта и, схватив бинт, начала перевязывать его запястья.

Кеторин Чубоски? Да уж... Удивительное где-то рядом. Уж кого-кого, а ее в этой истории она встретить не ожидала.

— Знаешь что, кошачья шерсть защитит тебя только от той ведьмы, у которой аллергия на нее, — пояснила Марта, закончив с перевязкой, и поднялась на ноги. — Пойдем, горе-охотник.

— Куда?

— Обрато в подвал, — пожала плечами девушка. Удивительно, но теперь у нее было отличнейшее настроение.

Марта отвела его обратно в подвал и, заперев замок, просто надеялась, что он не попытается сбежать хотя бы до тех пор, пока она не найдет материнские тувроты. Она вернулась на чердак, где хранились все магические артефакты в доме, и принялась искать небольшую бархатную зеленую шкатулку. После недолгих поисков она нашла ее в одном из шкафчиков в комплекте с толстым слоем пыли. Марта аккуратно достала шкатулку с полки и, смахнув пыль, отвязала небольшой бархатный мешочек, привязанный к замку.

Поставив шкатулку на стол, Марта вытряхнула содержимое мешочка на ладонку, заранее зная, что там окажется. Странная медная серьга, всем своим видом больше походившая на гвоздь, чем на утонченный атрибут женского образа. Но по правде говоря это был ключ. Ключ к тувротам.

Она сняла одну из своих сережек и заменила ее той, что держала в руке. Свою же серьгу Марта убрала в карман брюк.

Затем, открыв шкатулку, проверила, все ли тувроты на месте. Их было ровно четыре. Четыре розовых кристалла кварца. Убедившись, что все на месте, Марта захлопнула шкатулку и поспешила в подвал. Нельзя было терять ни минуты — мало ли что могло взбрести в голову человеку, охотившемуся за ведьмами с кошачьей шерстью на перевес.

Марта сознательно игнорировала упомянутый им арбалет. Ведь, в отличие от кошачьей шерсти, оружие не делало его хоть немного безопаснее в ее глазах.

Вернувшись в подвал, она застала своего пленника сидящим за столом и поедающим яичницу с сосисками, которую она принесла до этого. Он ел с такой невероятной жадностью, запихивая в себя еду, даже не удосуживаясь жевать, что сразу становилось понятно, насколько он был голоден.

Воспользовавшись его отвлеченностью, Марта принялась расставлять кристаллы. Она разгребла завалы мусора в одном из углов подвала и поставила там южный — самый маленький — туврот. Затем пошла строго по диагонали к противоположному углу, к счастью, свободному, и поставила северный туврот. Первые две точки заняли свои места. Теперь можно замыкать клетку.

Марта поспешила к западному углу, пока Коул еще не заметил ее странных манипуляций. Как только западный кристалл встал на свое место, появились две бледно-розовые едва различимые стены. Коул, конечно же, не мог увидеть этого почти неуловимого свечения его новой тюрьмы. В этом и была вся прелесть магии Артефактов: легка в применении и не требует платы, ведь за нее уже кто-то однажды заплатил.

— Что ты делаешь? — спросил Коул, когда Марта подошла к последнему углу рядом с ним и поставила восточный туврот, возводя еще две стены. Его клетка была готова. Идеальная темница, в которую без ключа не войти и из которой тем более не выйти.

— А ты как думаешь? — не без толики самодовольства вопросом на вопрос ответила Марта. — Запираю тебя здесь самым надежным способом.

Она подошла к лестнице и села на холодные каменные ступеньки. Теперь они были самым безопасным местом, находясь за границей стен, которые не являлись препятствием для Марты. Она вытянула ноги и скрестила их, наблюдая за тем, как в месте, где ее ноги проходили сквозь прозрачную светящуюся стену, образовывалась маленькая прореха.

— Ты заперла меня здесь с помощью артефактов, — понимание отразилось на его лице. Коул отложил вилку и посмотрел Марте прямо в глаза. Как ни странно, но это взгляд не особо пугал ее. Теперь он был зверем в клетке, которого бояться было бессмысленно — он все равно ничего не смог бы сделать.

— Бинго, — протянула Марта, ощущая, как самодовольная усмешка появляется на ее губах.

Она разрешила себе ощутить маленькую радость, чувство триумфа, хотя и осознавала, что он сам позволил ей себя запереть. Коул не был глупцом и, задайся целью, смог бы ее остановить и не дать возвести тувроты. Но он не сделал ничего. И, к ее удивлению, он не разозлился на ее слова или действия. В его глазах была спокойная отрешенность. Он выглядел уставшим и по-настоящему изнуренным. Возможно, у него просто не было сил сопротивляться происходящему, и он решил плыть по течению. Во всяком случае Марта думала именно так.

— Где твой отец? — спросил Коул, не отрывая от нее взгляда. — Ты его убила?

Самодовольная улыбка сползла с ее лица, а глаза округлились от шока. Марта была настолько поражена его предположением, что даже на секунду потеряла дар речи.

— Чего? — возмущенно воскликнула она. — С чего бы мне заниматься подобным?

— Ведьмы — порождения дьявола, — серьезно произнес Коул, слегка кивая в такт своим словам. — Бедный мужчина... Его жизнь была так тяжела: он провел ее во лжи, его околдовала ведьма и даже родила от него детей...

— Это он тебе сказал? — Марта ощутила, как внутри зарождается нехорошее чувство.

— Не нужно быть гением, чтобы понять муки человека, вынужденного жить с ведьмами, — начал было он, но Марта перебила его.

— Моя мать не была ведьмой! Все, что она могла делать, это изготавливать кристаллы, способные определять магическое присутствие. Во всем остальном она была обычным человеком, — Марта испытывала невероятную нужду сказать это. Очистить имя матери. И удивление, отразившееся в его глазах, стало достойной наградой. — Можешь и дальше строить теории о жизни других людей, вот только пока в них нет и доли истины. Ты довольно странный охотник на ведьм! Начинает казаться, что вся ваша организация — это лишь кучка ни на что не годных фанатиков, которые дальше собственного носа не видят.

Его глаза заблестели от гнева.

— Не смей так говорить.

— А что, ты единственная паршивая овца в семье? — усмехнулась Марта, вставая на ноги.

— Можешь оскорблять меня сколько хочешь, но не смей так отзываться о моих братьях, — сурово процедил Коул.

— Ведро там, — Марта пальцем показала на старое железное ведро в углу подвала. — А я ухожу.

Коул ничего не сказал. И даже не попытался ее остановить. Марта поднялась по лестнице и на всякий случай закрыла подвал на ключ. Конечно, тувроты были вещью отличной, вот только никому не хотелось, чтобы Мегги случайно забрела в подвал, поэтому

Марта решила на всякий случай спрятать ключ в своей комнате.

Хотя куда разумнее было бы вообще отправить сестру к бабушке до того времени, пока не решится вопрос с Коулом. Нужно было каким-то образом избавиться от него, но убийство в планы Марты не входило. А что можно было бы предпринять еще, она толком не знала.

Марта написала бабушке сообщение о том, что вновь заперла пленника в подвале. Получив от бабушки ответное сообщение о том, что они все еще в больнице и что с Мегги все в порядке, Марта решила посетить одно не самое приятное заведение.

Нацепив осенние сапоги и закутавшись в пальто, она обмотала вокруг шеи мягкий вязаный шарф и вышла из дома. На улице было не так уж и холодно, но, решившись на длинную прогулку до Ведьминой обители, Марта догадалась одеться потеплее.

Расположенная практически в центре города на небольшой площади Ведьмина обитель не всегда являлась таковой. Еще пару лет назад это была старая деревянная католическая церковь с небольшим приходом. Но затем церковь неожиданно получила огромную материальную помощь от неизвестного спонсора. Настолько огромную, что смогла позволить себе возвести новое здание где-то на окраине города. Марта хорошо помнила, какие слухи тогда ходили — она как раз была в выпускном классе, и все школьники только и делали, что перешептывались о переезде церкви и о том, сумел ли пастор прикарманить хоть немного денег из бюджета. Слухи ходили несколько месяцев, пока в один день просто не оборвались, сменившись другими, куда более насущными.

Причиной новых слухов стало появление в городе Кеторин Чубоски. Чужачка выкупила пустующее здание старой церкви и заменила крест на неоновую вывеску «Ведьмина обитель». Возмущению прихода не было предела, они даже писали петицию в городскую ратушу и выходили с протестными плакатами, часами восседая на площади вокруг церкви.

Но все было бестолку, их одиночная война была безуспешной. Старая церковь стала чем-то вроде бара-ночлежки, где мнимая ведьма Кеторин Чубоски принимала своих гостей.

Вот только не такая уж и мнимая. Она была настоящей ведьмой, умело прячущейся под личиной шарлатанки, с каждым днем обрастая все большим количеством слухов. Кто-то говорил что она была послана самим дьяволом, чтобы свести город в пучины ада, кто-то отмахивался от нее, не принимая всерьез, были и последователи и завсегдатаи Ведьминой обители, которые любили и поклонялись Кеторин. Кто-то называл ее знахаркой и лекаркой, а кто-то даже пытался поджечь старую церковь, обозленный не сработавшим приворотным зельем.

Так, всего за пару лет чужачка Кеторин Чубоски «появившаяся из ниоткуда ранним июньским утром» стала городской легендой. Вот только правда лежала на поверхности.

Марта медленно доплелась до старой церкви. Здание было старым и обветшалым, а высохшие и пожухлые лужайки предавали ему мрачной таинственности в сочетании с серым нависшим небом и голыми деревьями. Эта гнетущая и тягостная атмосфера, окружавшая Ведьмину обитель, давала еще больше почвы для слухов.

Марта преодолела лужайку и направилась напрямик к двери, ведущей в главный зал бывшей церкви, где раньше читали проповеди. Марта потянула за тяжелую ручку в виде львиной морды и распахнула дверь. Вместе с перезвоном колокольчиков на нее обрушилась дикая смесь благовоний. Вербена, сандал и мускус — неизменно тяжелый аромат словно плыл в воздухе, окутывая и дурманя. Именно этого и пыталась добиться Кеторин. Она не просто дурила людей. Она каким-то неведомым образом умудрялась дурить весь город.

Ведьмина обитель была насмешкой над традиционными ценностями городка. В ней

сочеталось несочетаемое. Рядом с фресками и обветшавшими иконами висели веточки сушеных трав и глиняных бутафорских летучих мышей, которые издали казались довольно реалистичными. Здесь все еще оставалось несколько резных церковных лавок, по которым были разбросаны яркие абсолютно не сочетаемые между собой подушки: бархатные, шелковые, льняные, с нелепыми этническими рисунками. Описывать цвета даже не имело смысла, ведь Марте казалось, что на этих лавочках собраны все краски мира.

И было немного странно от того, как это обилие цветов сочеталось с деревянными стенами, выкрашенными темно-коричневой краской. На редких витражных окнах, стекла которых от времени потускнели уже настолько, что практически не пропускали света, висели старинные местами поеденные молью выцветшие гобелены, которые перекрывали доступ и без того бледному свету. В итоге, свет в Ведьмину обитель проникал только благодаря моли и дыркам, которые она оставила. Но не стоит думать, что в Ведьменной обители было совсем уж темно. На каждом столике стояли настоящие ароматические свечи, каждая из которых обладала своим уникальным ароматом, примешиваясь к общему аромату здания и придавая ему легкие, едва уловимые нотки, делая его многогранным и уникальным.

Еще одним источником света была люстра. Такая же бутафорская, как летучие мыши. Издали казалось, что в ней есть много отверстий, в которых стоят настоящие свечи, освещая комнату. Но при детальном рассмотрении становилось понятно, что это были лишь лампочки, имитирующие огонь.

Ведьмина обитель была по-настоящему уникальным и неповторимым местом. Местом, которое буквально дышало магией. И легкая, едва уловимая музыка лишь подыгрывала, заставляя поверить в волшебство.

Марта сразу же заметила ее. Да и Кеторин Чубоски было сложно не заметить. Молодая женщина была лишь немного старше Марты, лет на пять или шесть. Никто не знал ее точно возраста. Говорили лишь, что ей было около тридцати. Кеторин была красива. По каким-то неведомым причинам ее черные волосы всегда, независимо от ситуации, лежали идеальными локонами. В ее карих, почти черных, глазах играл дьявольский огонек. Ее кожа была чистой, без единого шрама, и такая же светлая, как у фарфоровой куклы. И, конечно, неизменная красная помада на губах.

Вот и сейчас, идеальная настолько, чтобы казаться ненастоящей, Кеторин Чубоски стояла за небольшим баром, который своим видом напоминал большую и вытянутую кафедру, с которой читали проповеди. Своеобразная насмешка над приходом, что все еще вел с ней подпольную войну.

И как при взгляде на нее Коул, этот горе-охотник, не понял, что она ведьма?

Близилось предобеденное время, но людей в баре практически не было, от силы пару человек. Марта направилась прямо к бару, минуя старые деревянные столики, на которых красовались засохшие букеты цветов и гипсовые черепки. Заметив ее, Кеторин натянуто улыбнулась:

— Паршиво выглядишь, — вместо приветствия своим низким прокуренным голосом, который все же придавал ей еще больше шарма, пророкотала она. — Слышала про отца. Соболезную.

— Откуда? — так же не поздоровавшись, осведомилась Марта. Она сняла шарф и куртку и, положив их на один из табуретов, взобралась на тот, что был напротив хозяйки Ведьминой обители.

— Марта, — протянула женщина с улыбкой. — Рупи — городок маленький, новости тут

разносятся быстро. Вчера тут только и обсуждали, что аварию на выезде из города. Говорят, пьяница не местный... только вот непонятно, что твой отец там забыл в такой час. Навещал вашу бабушку? Она вроде за городом живет.

— Без понятия... Хотя к бабушке он, скорее всего, не ездил, она бы сказала.

— Да уж... ну и городок... В последнее время в Рупи заявляется много чужаков... Думаешь, они ищут приключений? Недавно объявился тут один странный паренек, все расспрашивал про Грабсов — что они да как. А потом такой говорит: «А у вас есть оберег от колдовства?»

— И ты продала ему белую кошачью шерсть, — закончила за нее Марта.

Ее алые, как кровь, губы расплылись в широкой улыбке.

— За большие деньги, прошу заметить. И где он сейчас?

Марта наклонилась вперед и прошептала так, чтобы не услышали зеваки за столиками:

— Сидит в подвале. Заперла его там тувротами после того, как он попытался сбежать и чуть не придушил меня при этом.

Она отдернула край водолазки, показывая синяки.

— Тувроты? Откуда они у тебя? — в глазах женщины зажегся нешуточный интерес.

— Это все, что тебя волнует?

— А что ты хочешь услышать? Тебе повезло, что я продала ему кошачью шерсть вместо защиты. Так что там с тувторами? Их сейчас днем с огнем не сыщешь. Вещица безумно дорогая. Говорят, они способны даже дьявола удержать в своих оковах.

Кеторин оперлась о полки позади бара и посмотрела на Марту выжидающе.

— В материнской коллекции были. Откуда они у нее — без понятия, — сдалась Марта и пояснила.

— А что еще есть в ее коллекции? — спросила Кеторин, сделав музыку погромче, чтобы другие посетители нас не слышали.

— Много чего, — безэмоционально ответила Марта. — Это сейчас не важно! Хоть тувроты, хоть камни воспоминаний, да даже любовные зелья — все это сейчас не важно! Я пришла не за тем, чтобы хвастаться материнской коллекцией магических штучек.

Марта демонстративно всплеснула руками.

— Это мне понятно, — недовольно выгнула бровь Кеторин. — Ты никогда не приходишь ко мне поболтать о насущном.

— Кеторин, он охотник на ведьм! — в сердцах выпалила Марта. — Ну или собирается им стать.

Лицо Кеторин вытянулось от изумления, становясь похожим на деревянную маску, что стояла на полке сбоку от нее.

— Охотник, — протянула она, так медленно, словно пытаюсь распробывать слово на вкус. — А по нему и не скажешь... Нет, ну честно, просто обычный мужчина. Я думала, охотники на ведьм должны выглядеть... ну... скажем так, чарующе... нет, не подходящее слово... Мощно! Да, точно! Я думала, охотники на ведьм должны выглядеть мощно!

— Ты совсем не боишься? — опешила Марта.

— А чего мне бояться? Думаешь, какому-нибудь охотнику придет в голову, что настоящая ведьма может жить открыто? Мне кажется, они подобному не верят, — снисходительная улыбка мелькнула на ее лице, а потом тут же пропала. — А вот тебе опасаться стоит, если он уже растрепал о тебе кому-то из своих.

— Он сказал, что ведьмы рода Грабс известны среди охотников на ведьм, — обреченно

вздохнула Марта и положила голову на лакированную столешницу, всю в следах от бокалов. — Может есть способ стереть ему память и отправить восвояси? Или внушить, что я оказалась обычным человеком?

— А может приворожить и пусть защищает тебя? — усмехнулась Кеторин.

Марта резко выпрямилась и буркнула:

— Не смешно!

— А кто смеялся? Я абсолютно серьезна! — пожала плечами хозяйка Ведьминой обители.

Она взяла бокал и, наполнив его чем-то горячительным, поставила перед Мартой, но та лишь отрицательно мотнула головой.

— Марта, милая, объясняю на пальцах. Если ты заберешь у него воспоминания и отправишь, как ты сказала, восвояси, остается шанс того, что он уже рассказал обо всем кому-то, а если потревожить память, то воспоминания о событиях постепенно вернуться. И тут уже неважно, забрала ты у него воспоминания о себе полностью или изменила их частично — стоит лишь потыкать в них палкой, и все вернется на круги своя, а он вернется вместе со своими друзьями, чтобы убить тебя. Так что вариантов у тебя немного, — она принялась загибать пальцы. — Первый — убить его до того, как он убьет тебя. Второй — держать его в подвале до конца его дней или третий — приворожить его и использовать.

— Не горю желанием гореть на костре, — буркнула Марта.

— Сомневаюсь, что сейчас хоть кого-то сжигают на кострах. Но тавтология огненная, — она игриво вздернула брови. — Ты подумай над последним вариантом, он не так уж плох. Если решишься, могу сварганить приворотное зелье.

— Конечно же с кошачьей шерстью? — подколола ее Марта, не воспринимая всерьез предложение женщины.

— А вот сейчас без шуток: есть парочка приворотных зелий, в основе которых кошачья шерсть. Но там нужна шерсть кошки в разгаре течки.

— Понятно, — хихикнула девушка. — Спасибо, конечно, за предложение, но если мне когданибудь понадобится зелье, я сама его и сварю.

— Ты? — изумленно воскликнула Кеторин. — Сомневаюсь. Зельеварение это не та наука, где достаточно только теории. ПРАКТИКА. Важна только практика. А ты за всю свою жизнь ни одного зелья не сварила. Так что не глупи и обращай за помощью, когда она тебе понадобится. Раз уж решила избегать своих сил, положишься на наши. И я, и Джослин поможем тебе, когда придет время.

Марта немного опешила от ее слов. Кеторин была, пожалуй, чересчур радушным человеком. Она всегда помогала нуждающимся в отличие от Джослин, которая не делала ничего, если это не приносило ей пользу. Но Джослин легко было понять: с годами теряется какое бы то ни было желание помогать людям, — а эта старушка была немногим моложе бабушки Марты. Так что Кеторин поступала немного опрометчиво, приплетая эту женщину.

— Сразу же скажи мне, если в городе появится кто-то подозрительный, — прочистив горло, попросила Марта. — Не хочу быть загнанной в угол. К тому же, мне нужно защищать Мегги в случае чего.

— А что, ее сила так и не пробудилась? — Кеторин спросила об этом намеренно, прекрасно зная, как этот вопрос взбесит Марту.

Сегодняшний день не стал исключением.

— Мегги обычная, — упрямо твердила Марта. Она уже устала твердить это раз за разом.

Мегги — обычная.

— Можешь пытаться убеждать себя в этом сколько угодно, — пожала плечами Кеторин и принялась протирать бокалы. — Но будь готова к тому, что однажды ее сила пробудится.

— Она Рудбриг. У нее нет магии.

— И ты тоже, но она у тебя есть. Возможно в тот день, когда родилась ваша мать, проклятье изменилось, но мы не узнаем, так ли это, пока ты не начнешь пользоваться своими способностями.

— Я не стану рисковать.

— Мы ходим по кругу, Марта, и не выйдем из него, пока ты не примешь решение. Либо все выяснишь ты, либо твоя сестра...

— Хватит, — прервала ее Марта. — Я не хочу об этом говорить.

— Как хочешь, — равнодушно ответила Кеторин. — Но твоя сила странная, не похожая ни на одну из нас. Ты видела меня и Джослин и видела, как мы используем магию. Мы черпаем магию природы. Нам нужны артефакты и предметы силы, мы связаны с лунами, приливами и отливами, но сила вашего рода лежит за гранью. Откуда вы черпаете ее? Джослин уже много лет пытается найти разгадку, но все тщетно...

— Если ты не прекратишь, я уйду...

— Марта, что вы скрываете? Знай мы источник твоей силы, это стало бы великим благословением для всех нас.

— Благословение? Ага, как же, — не выдержала Марта. — Это проклятье. Я проклята Кеторин. Каждый раз когда использую способности, что-то во мне ломается. Я это чувствую. Чувствую, что теряю нечто важное. Мама говорила, что источником моей силы является душа, но и она толком не понимала, что это значит.

— Душа? — Кеторин закусила нижнюю губу, задумавшись. — Джослин рассказывала, что каждый раз, когда ты используешь магию, твое тело покрывается черными пятнами. Это правда?

— Только руки, — подтвердила Марта.

— Даже не представляю, что это может значить. Я не слышала ни об одной ведьме с такими же способностями, как у тебя, пока не приехала в этот город.

Марта устало выдохнула. Кеторин из раза в раз заводила этот разговор, и из раза в раз он ни к чему не приводил.

— Давай сойдемся на том, что я единственная в мире Проклятая ведьма со странными способностями, и больше не будем заводить этот разговор, — с надеждой в голосе предложила Марта. — Поверь, исследовать и развивать эти силы я не намерена. Проживу свою жизнь спокойно и без них, а потом так же спокойно и умру.

— Боюсь, мужчина в подвале не даст тебе спокойно жить, — на идеальных алых губах Кеторин расцвела немного зловещая ухмылка, и она как-то странно посмотрела на Марту. — Но насчет приворотного зелья ты подумай. Идея огонь! Мало кому в голову вообще приходило привораживать охотников на ведьм.

Марта лишь скептически посмотрела на хозяйку Ведьминой обители.

— Вот сама и привораживай. Если хочешь, к вечеру он уже будет у тебя.

— А мне-то зачем? — искренне удивилась женщина. — Поверь, мне вполне хватает проблем с бывшим мужем.

— Не знала, что у тебя был муж, — теперь уже была очередь Марты удивляться. В ее представлении образ Кеторин никак не вязался с типичной замужней женщиной из

маленького городка.

— Да... была одна ошибка в молодости... и ты уж поверь, говорить о нем я как-то совсем не хочу. Мое замужество не та вещь, о которой вспоминаешь с улыбкой — скорее уж с парочкой отборных ругательств и бутылкой дорогого коньяка.

Огромные старинные часы, чем-то отдаленно напоминающие крест, что висели над головой Кеторин пробили двенадцать. Обед неумолимо приближался, а значит и количество гостей в Ведьминой обители непременно бы увеличилось. Марта не особо хотела столкнуться здесь с кем-нибудь из своих знакомых, хотя и сомневалась, что кто-то из них, за исключением Джослин, мог бы по доброй воле заглянуть в подобное злачное заведение.

— Я пожалуй пойду, — Марта прыгнула с барного стула и, вновь закутавшись в куртку с шарфом, поплелась к выходу.

— Удачи с Охотником, — бросила ей в спину Кеторин.

А Марта скривилась. Конечно, маловероятно, что в Ведьминой обители в тот момент могли быть другие охотники, и так же маловероятно было и то, что хоть кто-то из услышавших слова Кеторин понял бы их смысл, но Марта все равно скривилась. Иногда Кеторин была до безумия простодушной, и Марта не могла понять, было ли это частью детально продуманного образа или же крупными настоящими просачивающимися сквозь ее же броню.

Да и сколько вообще правды было в человеке по имени Кеторин Чубоски? И права ли была Марта, доверяя ей?

Глава 6. Говорить не думая = стрелять не целясь!

Когда Марта вернулась домой, Мегги с бабушкой уже были на кухне. Мадам Рудбриг пила свой любимый цейлонский чай, а Мегги уплетала купленный бабушкой торт за обе щеки. Делала она это со свойственной только детям наивной жадностью, словно кусочек торта на ее тарелке был последним в мире или же в ту же секунду, как она отвернется от него, из-за угла выпрыгнет монстр и от торта ничего не останется.

Мегги была обычным ребенком. Точно таким же, как и сотня другая детей ее возраста, что радуются обычному куску запеченного теста, обильно смазанного взбитыми сливками или же до скрежета на зубах сладким кремом.

«Она должна быть обычной!» — мысленно твердила себе Марта, заваривая чай.

— Как отец? — немного отрешенно спросила она, поставив чашку с дымящимся чаем на стол рядом с сестрой. Состояние отца не было главным вопросом в ее повестке дня, однако она решила осведомиться о нем хотя бы ради приличия. Или же просто не желая вновь встречаться с недовольным взглядом Мадам Рудбриг и ее еще более недовольным тоном.

— Папа спит, — выпалила Мегги, отправив в рот очередную полную ложку взбитых сливок вперемешку с бисквитом.

— Он в реанимации, — пояснила Мадам Рудбриг, так же, как и Марта, наблюдая за девочкой с тортом. Они искали на ее лице признаки страха или же паники, но та была настолько увлечена своим лакомством, что не особо поддавалась тревожным чувствам. — Он слаб. Но врачи говорят, что через пару дней должен прийти в себя. Если все пойдет хорошо, то его переведут в общую палату, и тогда его можно будет спокойно навещать.

— Понятно, — коротко ответила Марта. — Как торт?

— Вкусно, — кивнула Мегги. — Бабушка купила его в пекарне Бобби. Там был этот чернично-ванильный, а еще шоколадно-вишневый. Но Бобби сказал, что в этот раз ему привезли кислую вишню и торт получился на любителя. А я кислое не люблю!

Отправив в рот еще кусочек, Мегги брезгливо поморщилась, отчего Марта коротко усмехнулась. Мегги была по-детски наивной. Иногда до безумия наивной.

— Поделишься? — спросила Марта, нагнувшись к сестре и открыв рот.

— В холодильнике возьми, — почти с ужасом выпалила девочка, отодвигая тарелку подальше от Марты.

— Не больно-то и хотелось, — буркнула она в ответ и плюхнулась на стул рядом. — Не знаешь, что отец мог делать на объездной трассе?

Мадам Рудбриг лишь пожала плечами.

— Может ехал с работы?

— Ночью? — Марта вздернула брови. — Сомневаюсь. Он заканчивает около шести, да и возвращается примерно в это же время. От его офиса до дома не больше пятнадцати минут, если ехать через центр. А по окружной только лишние мили намотает...

Мадам Рудбриг бросила едва уловимый косой взгляд на Мегги, намекая, что не стоит продолжать данный разговор при ней.

— Наверное решил покататься, — предположила Мегги.

— Безусловно, — поддержала ее Мадам Рудбриг. — В молодости Алистер очень любил ездить на машине. Одно время даже увлекался мотоциклами, но когда ваша мать об этом

прознала, ему пришлось отказаться от них. Как сейчас помню, какую она тогда истерику закатила. Терра как раз была беременна Мартой, и у Алистера не было выбора, кроме как согласиться продать тот... как же он его называл? Ох, совсем из головы вылетело... такое чудное название было...

Марта откинулась на спинку стула, никак не комментируя ее воспоминания. Бабушка наглядно дала понять, что даже если она что-то и знает, то точно ничего не скажет при сестре. А значит, продолжать разговор было бессмысленно.

Марта посмотрела в окно; тяжелое осеннее небо нависало над опустелым маминым садом. Когда-то вид из кухонного окна был поистине чарующим. Обилие зелени и яркие пятна цветов. Летом створки окон всегда были распахнуты настежь и кухня была наполнена сочным ароматом лета. Раньше их дом жил. А что теперь? Теперь это лишь жалкий отголосок себя прежнего — место, где временами было невозможно дышать.

Может быть стоило продать его и перебраться куда подальше?

Марта заметила небольшое семейное фото на кухонной полке. Отстраненный отец, чудаковатая улыбающаяся во все зубы Мегги, отчего-то хмурая Марта и такая живая и светлая Терра. Они все вместе стояли на фоне дома. Фото было сделано за пару месяцев до смерти матери.

Одного взгляда на фотографию было достаточно, чтобы понять — Марта никогда не сможет покинуть этот мертвый дом. «Особняк Рудбрига» не был ее темницей, но все же ей казалось, что она заперта в нем точно так же, как и мужчина в подвале.

— Кстати, Марта, а тебе сегодня не нужно на работу? — прерывая ее раздумья, спросила Мадам Рудбриг.

Марта рассеянно посмотрела на бабушку и мотнула головой, стряхивая с себя непрошенные мысли.

— Нет, сегодня и завтра у меня выходной. Джослин решила закрыть студию и уехать на пару дней.

— Ох уж эта старуха, — недовольно процедила бабушка. — Ей никогда не сиделось на месте, даже в молодости всегда куда-то неслась. Что она пытается вытворять в ее-то состоянии. И куда она поехала? Да и к тому же одна?

Марта усмехнулась. Ей никогда было не понять странных отношений ее бабушки и Джослин. Она бы назвала их «ненавистно-теплыми». Ведь несмотря на все недовольство, эти две женщины все равно заботились друг о друге, пряча свою заботу за постоянным внешним неодобрением.

— Куда она уехала, я без понятия. Но она взяла с собой Джуди, так что можешь не переживать о ней.

— Переживать? — переспросила Мадам Рудбриг. — Уж поверь мне, милая, Джослин Пинч — последний человек на всем белом свете свете, о котором я стала бы переживать.

Марта с Мегги понимающе переглянулись, но не стали ничего говорить бабушке. А зачем? Она ведь никогда не признается даже самой себе.

Марта отпила немного из своей чашки, продолжая думать об отце. И чем больше она о нем думала, тем более странным и бессмысленным начало казаться его присутствие поздней ночью на объездной дороге. Кеторин была права, он мог оказаться там только если ехал к бабушке или же от нее. Марта еще раз посмотрела на Мадам Рудбриг, пытаясь понять, зачем он мог поехать к бабушке.

Да уж... Марта опустошенно выдохнула и подперла голову ладонями. Она прекрасно

понимала, что события минувших дней буквально заставляют ее искать скрытый смысл там, где его и в помине нет. Да еще и Кеторин масло в огонь подливает.

— Нужно меньше думать, а то мозг начинает кипеть, — вслух пробормотала она, улегшись на стол.

Мегги хихикнула.

— Как будто ты умеешь.

Марта пропустила ее слова мимо ушей и вновь посмотрела в окно, где и без того свинцовое небо, казалось, становилось все чернее.

— Девочки, не лучше ли вам будет перебраться ко мне, пока отец не выйдет из больницы? — предложила бабушка.

— Нет! — тут же принялась протестовать Мегги. — От тебя до школы почти час езды. Я не хочу рано вставать.

— Ба, все нормально, — поддержала сестру Марта. — К тому же за домом нужно следить.

— Ах да, о доме-то я и забыла, но, если надумаете, приезжайте в любое время. Все же вдвоем в огромном доме вам будет одиноко, — на губах Мадам Рудбриг появилась легкая полуулыбка.

После обеда бабушка уехала, сославшись на то, что день выдался тяжелым, и она хотела бы отдохнуть в тишине. Марта, конечно, думала о том, чтобы остановить ту и расспросить об отце, но в итоге решила отложить этот вопрос и просто заехать к бабушке посреди недели, когда Мегги будет в школе. Уж слишком усталой выглядела женщина.

Пока сестра смотрела мультики в гостиной, Марта быстро приготовила обед из макарон и баварских колбас для пленника и, стараясь остаться незамеченной, отнесла еду в подвал. С их недавней встречи Коул нисколько не изменился. Он сидел на полу в углу, прислонившись спиной к стене, и никак не отреагировал на появление Марты. Лишь злобно зыркнул на нее. Чему та была несказанно счастлива — еще одной попытки своего убийства она бы не пережила. Не сказав ни слова, девушка поставила тарелку с едой на стол и, забрав ту, что осталась от завтрака, покинула подвал.

Она не имела ни малейшего желания общаться с ним, прекрасно понимая, что если ввяжется в очередной спор с ним, то разговор затянется, а ей не хотелось вызывать подозрений у сестры. Возможно стоило отправить ее на время к бабушке, но, помня о том, как Мегги восприняла это предложение, Марта даже не стала всерьез рассматривать свою идею.

Незамеченная, она успешно вернулась в дом и, поднявшись на чердак, принялась копаться в материнских записях, силясь найти хоть что-то, что помогло бы избавиться ей от пленника, не прибегая к собственным способностям. Хотя даже так она не знала наверняка, сможет ли стереть ему память, если того пожелает.

Никогда ни на ком этого не пробовала. Да и не собиралась, честно говоря. Слишком уж велики были риски. На самом-то деле она толком не знала всех тонкостей обращения с собственной магией. Умом... нет, скорее нутром — понимала, как и что должно работать, но этого было недостаточно, чтобы свободно использовать свои силы.

Уж слишком мрачно и даже зловеще звучала фраза «Плати душой», да и черные отметины по телу, будто неоновые вывески «Ведьма здесь!», проступающие сразу же после использования магии, не дали бы ей свободно колдовать, даже если бы она того хотела.

А она не хотела!

Увы, но в записях матери не было ничего, что помогло бы решить ей эту проблему. Там было полно описаний лечебных трав да отваров то от бессонницы, простуды; было даже несколько от болей в суставах и преждевременной слепоты, но ровным счетом ничего о том, чем можно было затуманить сознание человеку. Ничего, чем можно было стереть память человеку. Ни артефакта, ни зелья.

Если Терра Рудбриг и знала о них, она не посчитала нужным записать это и оставить для потомков. Так что в поиске решения текущей проблемы мать была ей не помощницей, собственно как и отец — тот лежал в реанимации, и ждать, пока тот проснется, было бессмысленно. Он мог встать с постели уже завтра, мог проваляться еще несколько недель, а мог и вовсе не очнуться. Марта была готова к любому из возможных исходов.

С уже знакомым скрипом дверь приоткрылась и из-за нее показалась Мегги. Она стояла в дверном проеме, с интересом смотря на Марту.

— Что делаешь?

— Читала, — коротко ответила Марта, захлопнув материнские записи, и, встав с пола, быстро убрала их на полки подальше от глаз сестры.

— Не хочешь погулять? — Спросила Мегги, переминаясь с ноги на ногу. Почему-то в этот момент она казалась такой маленькой и хрупкой. Словно потеряшка.

Марта не смогла ей отказать. Она кивнула и, взяв сестру за руку, повела ее вниз по лестнице.

— Куда пойдем?

— Может на детскую площадку? — Предложила Мегги, крепко держа руку сестры. — Можем покататься на горках. Или можем пойти в парк и посмотреть на огоньки. Вчера в школе Тиффани хвасталась, что они с родителями ходили любоваться рождественской елкой в парке!

— Не рановато ли еще для елки? Ноябрь даже не кончился...

— И что? Для Рождества никогда не рано!

Марта не стала спорить. Иногда ей казалось, что с женщинами в ее семье спорить было бесполезно. Мегги хоть была еще так мала, но упрямства ей было не занимать.

Они спустились на первый этаж и разбрелись по своим комнатам, чтобы собраться на прогулку. Когда девушки покинули дом, на улице было еще достаточно светло, но едва уловимый за облаками круг закатного солнца уже клонился к горизонту.

Городской парк «Тихая роща» обычно никогда не соответствовал своему названию. В нем всегда кипела жизнь, особенно в летнюю пору. Марта прекрасно помнила последний летний фестиваль, на котором присутствовала лично. Городок у них маленький, едва ли наберется с десятков тысяч жителей. Но в тот день казалось, что все они собрались в «Тихой роще», наполняя ее шумом.

Сам по себе парк был небольшим, возможно оттого на праздниках в нем было просто не протолкнуться. С одной стороны его зажимал старый спортивный клуб — обветшавшее здание, на реконструкцию которого уже много лет не могли выкроить денег из бюджета городка. С другой стороны красовалась яркая и красочная мэрия, которую каждую весну выкрашивали по-новой. А пройдя весь парк насквозь, можно было попасть в художественную академию «Мария-Роза». Это было старое сложенное из красного кирпича двухэтажное здание, острую крышу которого можно было с легкостью разглядеть, едва подойдя к парку.

Однако Марта редко ходила на работу через парк — куда ближе было пройти по

параллельной улице и зайти через задний вход.

Именно так они и сделали: минуя «Марию-Розу», они вошли в парк со стороны академии. Зрелище было поистине завораживающее. В этом году постарались на славу. На каждом дереве в парке горели яркие желтые огоньки. Горели так сильно, что освещали весь парк, так что надобность в фонарях отпадала.

Бродя по аллеям «Тихой рощи» Мегги заморожено озиралась по сторонам, а Марта наблюдала за сестрой. С годами она стала куда холоднее относиться к огонькам теплого света. В детстве они будоражили ее, наполняя теплом. А сейчас теплом наполнял ее, увя, не свет, а яркая и живая улыбка девочки, крепко держащей ее за руку. Возможно бабушка была права, и Марта была слишком сильно привязана к сестре.

Смеркалось, и от этого казалось, что огни горели еще ярче, становясь еще теплее, укутывая парк своим светом. Не хватало только мягкого пушистого снега — вместо него на дорожках были лишь опавшие шуршащие листья.

— Скоро зима, — совсем тихо произнесла Мегги. На удивление в парке было мало людей, а потому и посторонний шум не мешал Марте слушать сестру.

— Ты права, — так же тихо ответила она, прекрасно понимая, что Мегги ее услышит. — Осталось всего пару дней.

— Мама умерла зимой, — неожиданно надломлено, разрушая всю красоту парка, выпалила Мегги. — И папа тоже умрет зимой?

Марта остолбенела, словно громом пораженная. Она застыла на месте и неосознанно дернула сестру за руку, вынуждая ту остановиться.

— Почему ты так думаешь? — она не узнала своего голоса. Он, казалось, звучал из-под толщи воды.

Мегги подняла голову и посмотрела на сестру. В глазах ребенка не было ни грусти, ни печали. В них раскинулась гладь холодного смирения. Смирения, от которого по спине у Марты пробежал холодок. Этим взглядом маленькая девочка будто дала ей пощечину, заставляя стыдиться мыслей, которым сама Марта время от времени предавалась.

— Даже не знаю, — пожала плечами Мегги. — Папа уже не молод.

— И что? — возразила Марта. — Нашей бабушке уже за семьдесят, но она еще способна дать фору мне и тебе.

— Наша бабушка — это отдельный случай. Она проживет долго.

Марта могла быть равнодушна к отцу, но смотреть на то, как маленький ребенок, в котором тот души не чает, вдруг ни стога не с сего начинает говорить о его смерти, как о свершившемся факте, было выше ее сил.

— Мегги, — отдернула она сестру. — Папа будет жить. Ты должна в это верить, и тогда он точно проснется и вернется к тебе. Ведь он так тебя любит. Ты должна его ждать! Просто дай ему немного времени!

Редкие прохожие не удосужились обратить на них своего внимания, спеша каждый кто куда. А Марта судорожно искала слова, чтобы возродить в сестре надежду на положительный исход. Но в глазах сестры она читала лишь неверие. Она уже все для себя решила.

Марта вскинула голову и глубоко вздохнула. Правильные слова никак не приходили на ум: казалось, их просто не было. Она окинула взглядом парк, ища поддержки и помощи хоть у кого-то.

То, что она нашла, поразило ее до глубины души. В тени деревьев в десяти метрах от

них стояла фигура в темной мантии. Высокая и плечистая, она могла принадлежать только мужчине. Он почти полностью скрывался в тени, утопая в ней. Но даже в этом полумраке Марта разглядела то, что заставило все ее нутро содрогнуться. Правая рука мужчины сжимала арбалет. Легкий желтый свет, что проникал в его укрытие, отбрасывал блики на металлических вставках деревянного основания.

У Марты перехватило дыхание. Она бегло окинула парк взглядом, ища хоть кого-нибудь, кто мог бы им помочь. Но нет... В этой зоне парка они были одни. Последний прохожие минули их пару минут назад, а новых на горизонте не наблюдалось. Марта могла рассчитывать только на себя. Вот только бежать было бессмысленно.

Мужчина вскинул арбалет. Проследив за его направлением, Марта обезумела от шока и ужаса, смешанного с необузданной яростью. Он целился в Мегги. Маленькую девочку, которая продолжала смотреть на лицо сестры, не понимая, отчего черты того так исказились, становясь похожими на жуткую свирепую маску.

— Марта... — начала было девочка, но не успела договорить.

Марта дернула сестру за руку, которую все еще сжимала своей ладонью, пряча за своей спиной, вынуждая мужчину перевести стрелу арбалета. Она стояла и буравила того взглядом, буквально ощущая недовольство того своей кожей. Лица было не видно.

Марта вскинула руку. Воздух словно замер. Она не думала о том, кем он мог быть. Все было и так предельно ясно. Но что именно делать? Задушить? Конечно, она немного оклемалась, но хватит ли у нее на это сил — точно не знала.

Вполне возможно, что все произошло за считанные секунды, но для Марты время растянулось до бесконечности. Она судорожно соображала, пытаясь не потерять остатки самообладания, наблюдая, как охотник готовится выстрелить.

Выстрелить! Арбалет! Нужно избавиться от него. Но хватит ли на это сил?

Времени на раздумья не осталось — охотник уже был готов спустить курок. Марта уставилась на арбалет и принялась медленно сжимать выставленную вперед ладонь, представляя, как арбалет разлетается в щепки.

Казалось бы замерший между ними воздух ожил, срывая жалкие остатки листьев с деревьев, и обрушился на мужчину. Марта видела, как огромные бледно-зеленые руки сжимаются вокруг арбалета. И чувствовала, как от кончиков пальцев начинает вновь расползаться чернота.

Стрела сорвалась. Но в ту же самую секунду арбалет в руках мужчины взорвался, изменяя траекторию стрелы. Марта пригнулась, потащив сестру к земле вместе с собой. Стрела, нацеленная охотником прямо в сердце, просвистела где-то над их головами.

Нужно было бежать. Уносить ноги как можно дальше. Марта быстро вскочила, краем глаза заметив, что мужчина тоже лежит на земле, обсыпанный кусочками дерева и металла. Она не знала, какие последствия будут, если в руках человека взорвется арбалет, но надеялась, что последствия были такими же, как и у любого другого взрыва. Мужчина не двигался, будто подтверждая ее догадки.

Марта схватила сестру в охапку и понеслась к выходу из парка, надеясь, что даже если он и встанет, то не погонится за ними.

— Что... про-ис-ходит? — задыхаясь, выдавила Мегги, пытаясь поспеть за сестрой.

— Всё... дома, — коротко ответила Марта, даже не зная, как объяснить сестре произошедшее.

Она тяжело дышала. Марта никогда не отличалась любовью к спорту. Когда они

добрались до «Марии-Розы», ее легкие уже горели, в боку кололо, а не привыкшие к тренировкам мышцы ног неприятно тянуло. Но останавливаться было нельзя, даже не смотря на то, что в опустелом парке было не слышно никаких шагов — только их с сестрой надрывное дыхание. Они обежали художественную академию и, лишь свернув на параллельную улицу, замедлились. До дома оставалось совсем немного.

Марта не знала, правильно ли они поступают, направляясь сейчас домой. Возможно там их могла ждать засада, если тот мужчина в мантии был не один. Но куда еще им можно было пойти?

Мегги выдохлась. Марта слышала тихие всхлипы сестры — на пустынной темной улице они были громче воя сирен. Еще было не поздно, но город, казалось, вымер. В этот момент все десять тысяч человек были где угодно, но не на улицах.

Марта буквально доволокла сестру до дома. И только когда вставила ключ в замок, осознавая что дверь все еще закрыта, как и было, когда они покидали дом, позволила себе выдохнуть от облегчения.

Они вошли и плюхнулись на пол прямо рядом с дверью, стараясь отдышаться. Кровь стучала в висках. В ушах стоял гул. Сердце готово было вырваться из груди. Марта не привыкла к подобным забегам.

— Что с твоей рукой? — жадно хватая губами воздух, прохрипела Мегги.

Марта опустила глаза вниз, уже зная, что увидит. Ее правая рука вновь была черной. Ну и как объяснить ребенку, почему ее кожа была словно покрыта мазутой? Никак. Не было ни одного разумного объяснения этому феномену.

— Мегги... — неуверенно произнесла Марта. — Если я попрошу пока не задавать мне никаких вопросов, ты послушаешься?

— Нет, — не задумываясь ни на секунду выпалила сестра. — В нас стреляли из лука...

— Это был арбалет, — машинально поправила Марта.

— Почему? — лицо девочки представляло собой маску полного ужаса.

Марта схватила сестру в охапку, прижимая к себе. Ощущая, как вновь начинает трястись от злости. Почему? Почему они так жаждали ее смерти? И почему целились в Мегги? В обычного ребенка! Неужели им была нужна не только голова Марты? И сколько еще у них этих неизвестных противников?

Еще утром она думала, что ее единственной проблемой был Коул. А что теперь? Отныне вокруг нее было столько врагов, сколько она и представить себе не могла. Кому еще Коул успел рассказать о ней?

Осознание ударило в голову, заставляя и без того бушевавшую в ней злость разгореться, обуревая Марту жгучей яростью. Убийственной и бессильной. Ей хотелось уничтожить их, развеять, стереть с лица земли за то, что они посмели приблизиться к ее семье.

Охотники на ведьм? Охотники за монстрами?

Чушь! Лишь сборище безжалостных фанатиков, жаждущих убивать невинных!

И один из них был сейчас в ее подвале. С него-то она и начнет...

— Марта, мне больно! — вскрикнула Мегги в грудь Марты, и та сразу же отстранила сестру.

— Иди в комнату и отдохни. Я отлучусь на пару минут...

— Нет! — с нарастающей паникой взвизгнула Мегги и вскочила на ноги. — Я не останусь одна!

— Мегги, — попыталась успокоить ее Марта. Но голос был холодным от kloкочущих в

ней чувств. — Я всего лишь выйду проверить окрестности дома.

— Я с тобой...

— Мегги, пожалуйста. Просто ляг и отдохни. Не хочешь идти в комнату — подожди меня в гостиной....

— Нет, — протяжный взглас пронесся по дому. — Я пойду с тобой.

— Не нужно...

— Я с тобой, — продолжала упорствовать девочка. Лицо ее покраснелось то ли от мороза, то ли от страха, а глаза заблестели от слез.

— Мегги, — настойчиво повторила Марта. — Отдохни. Ты устала. Тебе нужно отдохнуть.

Взгляд девочки остекленел. Казалось, она смотрела на Марту и не видела ее.

— Я устала, — без малейших эмоций вторила ей сестра. — Мне нужно отдохнуть.

Марта оцепенела, только теперь заметив, что сжимает руки в кулаки, а ее вторая ладонь тоже начинает чернеть. В ужасе она разжала их.

— Мегги, — с опаской произнесла она, но девочка не слышала.

Ее глаза закрылись. Мешком из-под картошки она рухнула на пол, и Марта едва успела ее поймать. Она встряхнула сестру, пытаясь привести ту в чувства. Бесполезно.

Мегги крепко спала.

Глава 7. Приказ

Марта положила сестру на диван в гостиной. Грудь Мегги медленно вздымалась и опускалась, девочка, забывшись глубоким сном, дышала ровно. И если младшая сестра спала и не особо переживала о случившемся в этот момент, то Марта не находила себе места.

Она совершила нечто ужасное. Да, неосознанно. Да, не со зла. Но ужасное. Настолько отвратительное, что у Марты вспотели ладони и по спине побежал холодок. Она надеялась, что подобного никогда не случится, но сегодня...

Сегодня она была сама не своя. Не контролировала ни себя, ни свои способности. Если честно, она даже не думала, что все еще может колдовать после вчерашнего. Но похоже, что все-таки может.

Тело Мегги слегка светилось. Это свечение было куда мягче, чем то, что окутывала шею Коула. Магический след не оставлял сомнений в том, что именно она заколдовала свою младшую сестру.

И что теперь? Проснется ли Мегги, когда отдохнет? Или она не проснется уже никогда?

Марта ощущала, как на нее начинает накатывать ужас. Беспощадный парализующий ужас. Как она могла? Ей нет оправдания.

Марта склонилась над сестрой. Расстегнула ее куртку и убрала взмокшие пряди со лба. Мегги никак не отреагировала. Похоже, никто и ничто не могли потревожить ее сон.

Она села на пол возле дивана, наблюдая за сестрой. В тусклом свете, проникающем через окна, ее лицо было бледным. Даже бледнее, чем обычно.

Но Марте оставалось только ждать. Ждать, пока сестренка откроет глаза и посмотрит на нее своим живым лучистым взглядом. К горлу подкатил ком.

Почему все так вышло?

Почему этому чертовому охотнику на ведьм нужно было ворваться в их жизни и превратить ту в такой беспорядок?

Коул и его товарищи разрушали ее жизнь. Нужно было сделать хоть что-то — не дать им натворить еще больше дел. И начать следовало с мужчины в подвале. Он-то наверняка знал, кем был стрелявший в парке... И кто еще мог бы прийти за сестрами.

Марта поднялась с пола. Ее ноги дрожали и то и дело были готовы отказать ей в службе. Но она упорно продолжала идти в сторону подвала. Нужно было сделать все сейчас, пока она пылала от гнева. Марта сомневалась, что, если даст себе время на передышку, поступит так же, как рассчитывала поступить сейчас.

Выходя из гостиной, она остановилась в проходе и еще раз посмотрела на сестру, не до конца понимая, как могла совершить нечто подобное. Неужели теперь она опасна для собственной семьи?

Нет. Марта старательно гнала от себя эти мысли.

«Коул. Коул. Коул. Коул. Коул» — мысленно твердила она, пытаясь сосредоточиться только на нем и не думать ни о чем другом. Получалось у нее скверно. Мысли о сестре все равно лезли в голову, как бы старательно она их ни гнала прочь.

Подойдя к двери подвала, Марта остановилась и набрала полную грудь воздуха, стараясь немного успокоиться и собраться с мыслями. Она знала, что теперь допрос не закончится полным провалом, как вышло в прошлый раз. В его глазах она должна была быть властной и могущественной ведьмой, а не напуганной девчонкой.

Она должна быть ведьмой, для которой он лишь жалкая грязь по ногтям или листва, прилипшая на ботинки. В общем то, от чего ей не составит особого труда избавиться. Марта надеялась, что у нее получится сблефовать. А если нет — использует магию.

Наведя стрелу арбалета на ее младшую сестру, они пересекли черту невозврата.

Сделав еще несколько глубоких вдохов, Марта схватилась за ручку двери и расправила плечи.

«Я сильная и могущественная. А он — ничто, просто пыль под ногами!» — мысленно повторяла она, медленно спускаясь по подвальным ступеням и стараясь не думать о том, как его грубые пальцы сжимались на ее шее, перекрывая доступ к кислороду.

Одной рукой Марта опиралась на стену, чтобы кубарем не свалиться по ступеням. Она надеялась, что в глазах Коула это не выглядело проявлением слабости и знаком того, что ей нужна помощь.

Как оказалось, зря переживала. Пленник спал. И потому даже не заметил, как она пересекла границу тувротов. Спал полусидя, привалившись к мешку, набитому, предположительно, старыми вещами, от которых было жалко избавиться.

Коул был истощен, а потому спал настолько крепко, что Марта подошла и опустилась на корточки рядом с ним абсолютно незамеченной. Спящим, он выглядел не настолько суровым и внушающим ужас. Морщинка меж бровей разгладилась, да и все лицо словно бы стало чуть мягче. Хотя щетина, успевшая отрасти уже достаточно сильно, придавала ему некоторого шарма. Шарма, понятного лишь тем женщинам, что любили мужчин с бородой.

Марта любила.

Но сейчас, смотря на него, она не могла понять возраст мужчины. Сначала он казался ей невероятно грозным и внушительным воякой, затем сконфуженным мальчишкой, которого с легкостью обвели вокруг пальца. А теперь?

Теперь она была уверена в том, что он не намного старше ее самой. Ему определенно еще не было тридцати. И он определенно не был младше самой Марты. С годами у нее развилась странная способность безошибочно определять людей, которые были младше нее.

Марта потрепала пленника за плечо. Коул резко распахнул глаза и так же резко вскочил на ноги, отчего Марта пошатнулась и плюхнулась на бетонный пол. Удивленный, он смотрел на нее сверху вниз, а недовольная Марта взирала на него с пола, думая о том, что в таком ракурсе он кажется еще больше, чем есть на самом деле.

Она поднялась с пола и неуверенной походкой подошла к столу, на ходу отряхивая штаны.

— Не думала, что у тебя хватит духа мирно спать в логове ведьмы, — едко бросила она, взгромоздившись на стол. Ноги совсем отказывали, и ей нужна была хоть какая-то опора.

Марта скрестила руки на груди и посмотрела на все еще сонного мужчину, который озирался по сторонам, похоже воспроизводя в голове картину произошедшего. Удивительно было то, что в силу растерянности он даже никак не отреагировал на ее слова.

— Думала, ты куда более осмотрительный. Не боишься, что я могла просто убить тебя во сне?

Он смерил ее ледяным взглядом.

— Если бы хотела меня убить, уже давно бы это сделала. Возможностей у тебя было более чем предостаточно, — резко ответил он, и его все еще хриплый голос эхом отскочил от бетонных стен. — Тебе от меня что-то нужно.

Марта вскинула голову и непринужденно пожала плечами. Точнее, она надеялась, что

сделала это непринужденно.

— Пожалуй ты прав, я не стала тебя убивать, потому что мне действительно от тебя кое-что нужно.

— Моя душа?

— Оставь ее себе, — буркнула Марта.

— Плоть?

— Еще лучше, — усмехнулась Марта. — Нравится играть в шарады? Или ты просто глупый?

— Тогда что тебе нужно? — недоумевая спросил Коул.

— Кому ты обо мне рассказал? И что конкретно? — в лоб выдала Марта. Играть с ним в игры у нее не было ни сил, ни желания. Она была измотана. Измотана, как никогда прежде.

Коул удивленно посмотрел на нее. По его взгляду было явно видно, что он не ожидал такого вопроса. Хотя чего он вообще мог ожидать? Что Марте действительно потребуется его душа? Смешно же!

— Ты что, действительно думаешь, что я тебе расскажу? Тебе? Ведьме? Расскажу о своих товарищах? Не носи чепухи! Лучше убей меня сразу — я ни за что не стану предателем!

Так вот что его удивило... Не сам интерес Марты к этим людям, а ее мысль о том, что он может ей ответить. Вот только она не рассчитывала, что он ответит ей по доброй воли.

— Предателем? — воскликнула Марта, не в силах сдерживать клокочущую в ней злобу. — Предателем кого? Убийц, которые, не задумываясь, направляют оружие на маленького ребенка?

Коул поменялся в лице. В его глазах застыло недоверие, смешанное с шоком.

— Мы не убийцы, — прошептал он так тихо, что Марта едва разобрала.

— Скажи это тому ублюдку, который направил стрелу на мою сестру, — холодно ответила она.

— Она ведьма!

— Она обычная! — взревела Марта. Она тяжело дышала, буквально ощущая, как комната наполняется ее собственной злобой.

Атмосфера была такая тягучая, такая давящая. Выжигающая все на своем пути. И Коул тоже ощутил ее — казалось, ему даже стало тяжелее дышать.

— У ведьмы не может быть обычной сестры. Сестрой ведьмы может быть только ведьма, — сквозь зубы ответил Коул. Даже если его и пугала Марта, он старался не подавать виду.

Неизвестно откуда в закрытом подвале поднялся ветер. Он бушевал, поднимая в воздух старую корреспонденцию и всякий ненужный хлам. Коул отступил к стене подальше от разыгравшегося вихря, но, уперевшись в границу тувротов, замер, не в силах сделать ни шагу больше.

— Не смей больше говорить о моей сестре! — прохрипела Марта, и голос ее казался каким-то далеким, словно бы доносился откуда-то сверху, одновременно разносясь по всей комнате гулким жутковатым эхом. — Кому ты обо мне рассказал?

— Я не скажу ни слова! — выпалил Коул.

— Скажешь... — на губах Марты расцвела зловещая улыбка.

Она оттолкнулась от стола и направилась к пленнику. Ярость придавала ей сил. Сил, чтобы идти. Сил, чтобы колдовать. Что-то проснулось в ней. Что-то, что дремало годами.

Что-то, что вселяло в нее ужас. Ужас, которому она не смела поддаваться.

Она приблизилась к Коулу почти вплотную, безумный ветер затих. Их разделяли жалкие сантиметры. Марта подняла голову и посмотрела мужчине в глаза, а он встретил ее взгляд своим — не менее озлобленным.

— Нет, — произнес он. — Ты от меня ничего не получишь.

— Уверен? — спросила Марта, не отрывая от него взгляда.

Она подняла свою черную как смоль руку и положила не его щеку. Щетина слегка колола ладонь. Улыбка Марты стала еще шире.

— Смотри мне в глаза, Коул, и не смей отводить взгляда, — вкрадчиво произнесла она.

— Нет, — в ужасе прохрипел он и попытался отвернуться, но каким-то неведанным образом Марта удержала его. Он не мог разорвать зрительный контакт.

Марта подняла вторую руку и так же положила ее ему на щеку. Теперь она держала его лицо в своих ладонях.

— Смотри мне в глаза, Коул, — повторила она. — и слушай внимательно. С сегодняшнего дня и впредь никогда ты не причинишь вреда ни мне, ни моей семье. Не сможешь, даже если захочешь. Ни физического, ни словесного. Ты не сможешь причинить его даже чужими руками.

Марта смотрела, как медленно стекленеют его глаза. Она не сжимала руки в кулаки, сейчас ей это было не нужно. Девушка ощущала, как через кончики ее пальцев в него сочатся ее слова. Чернота пробиралась все глубже, расцветая где-то глубоко под его кожей. Так же она чувствовала и то, как эта тьма бежит по ее рукам: вверх, вверх, все выше и выше. Словно обезумевшие маленькие войны в пылу сражения захватывали новые территории. Территории ее кожи, территории ее души.

Но Марта старалась об этом не думать. Не думать о том, какой ужас вселяет в нее осознание происходящего. То, что она творила, было чем-то невероятным, чем-то чудовищным. Во много раз хуже того, что она сотворила с сестрой. Ведь сейчас она поступала обдуманно. Нет, она не привораживала его, как предложила Кеторин. Она проклинала его. Его и все его естество. Проклинала, чтобы защитить себя и свою сестру. А потому просто не могла остановиться.

— Ты никогда не совершь мне и не ослушаешься меня, — продолжала Марта. — Что бы я ни сказала — ты выполнишь мой приказ.

Она опустила руки, и бессильный Коул рухнул к ее ногам. Сама же она смотрела на него сверху вниз, ощущая, как ее безудержная злоба начинает понемногу отступать.

Правильно ли она поступила? Хватило ли ей сил, чтобы свершить задуманное? Будет ли он ее безропотно слушаться, когда проснется?

Ответов на эти вопросы у нее не было. Пока не было.

Вместе со злобой уходила и сила, держащая ее на ногах. Марта пошатнулась и отступила в сторону. Едва волоча за собой ноги, она добрела до лестницы и села на ступени, чтобы хоть немного передохнуть.

Она была вымотана, выжата как лимон. Веки налились свинцом. Ей безумно хотелось спать. Уснуть прямо здесь, на этих холодных ступенях.

«Когда Коул проснется?»

Мысль ударила по ней неожиданно, разгоняя налетевшую дремоту. Ей нельзя оставаться здесь. Она должна предстать перед ним сильной и властной, а не вымотанной и опухшей.

Собрав остатки своей воли в кулак, Марта с трудом поднялась на ноги и начала свое

восхождение к дубовой двери. Именно восхождение, ведь она то и дело останавливалась, хваталась руками за стены — а иногда даже за ступени — лишь бы не оступиться и кубарем не скатиться вниз, переломав себе все конечности.

Дубовая дверь, утопающая в тени, была ее личным Эверестом. Ни больше, ни меньше. И она преодолела его. Задыхаясь, едва переставляя ноги — но преодолела.

Когда она буквально ввалилась в дом, ее накрыло чувство дежавю. Вчера было то же самое! Неужели прошел всего один день? Один чертов день! Он растянулся для нее в целую вечность. Случилось слишком много всего. Утром Марта и не думала, что уже вечером ей вновь понадобится эта проклятая выжигающая ванная.

Ей оставалось только надеяться, что у бабушки не было еще одного магического маяка, и она пока что не знает о том, что успела натворить Марта. Сейчас девушка была не готова выслушивать ничьих нотаций.

Проходя мимо распахнутых дверей гостиной, Марта посмотрела на сестру. Мегги все еще спала. Мирно, как маленький ребенок, коим она и являлась. Марте лишь оставалось надеяться, что этот сон был ей во благо.

Девушка прошла в свою спальню, сняла с себя перепачканную пропитанную потом одежду и предстала перед старым резным зеркалом в одном лишь нижнем белье. Тьма покрывала все ее руки и рваными концами заканчивалась на ключицах, местами поднимаясь вверх по шее и опускаясь к груди. Марта повернулась спиной, чтобы изучить и ее. Ситуация там была не лучше. С левой стороны тьма покрыла лопатку и начала спускаться вниз по позвоночнику.

Еще ни разу за всю свою жизнь Марта не видела таких обширных пятен. Кисти рук, иногда до локтей. Но никогда раньше чернота не поглощала ее так сильно, не забирала так много.

Марта раздосадовано вздохнула, и воздух с шипением сорвался с ее губ.

— Да уж, — буркнула она, накидывая на себя длинный бежевый халат.

Она принялась собирать вещи. Нижнее белье, пижама, полотенце. Двигалась она медленно и коряво, каждый шаг давался с большим трудом. Но она все равно продолжала. Нужно было немедленно разобраться с чернотой. Мало ли, вдруг она попытается отнять у нее еще что-то или продолжит расползаться. Возможно ли это, Марта не знала, да и знать особо не хотела.

Наконец собрав все необходимое, она вышла из комнаты.

«Почему обязательно ванная на чердаке?»

Этот вопрос мучал ее, пока она преодолевала ступень за ступенью, сначала поднимаясь на второй этаж, а затем и на чердак.

С тем же успехом она могла бы взять все травы и сжечь магические следы в своей ванной. Зачем для этого нужно было отводить специальную ванную? Возможно никакого смысла в этом и не было, а может быть волшебные травы работали только в этой чугунной ванне — чугун дольше сохраняет тепло, как помнила Марта.

«Как будто собираюсь сварить из себя суп в чугунном котле» — усмехнулась про себя девушка. — «А что, если ванная и есть чугунный котел?»

Она открыла дверь чердака и посмотрела на ванную, залитую тусклым лунным светом, проникающим через мутное окно. Что ж... если бы это и был котел, то самый нестандартный.

Марта положила вещи на банкетку у стены и, подойдя к ванной, заткнула ее деревянной

пробкой, после чего, не давая себе времени на раздумья, открыла кран и пустила струю огненной воды.

Ни она, ни бабушка не удосужились убрать мамины травы по своим местам, потому они все еще стояли на полу возле одной из лап. Марта открыла материнский блокнот и принялась ссыпать содержимое склянок в ванную в нужных пропорциях. Постепенно воздух становился горячим, жгучим, в носу начало гореть, а кожа покрылась липким горячим потом.

Не давая себе возможности передумать или отложить задуманное, Марта скинула халат. Тот бесшумно приземлился на пол, а на него сверху упало нижнее белье.

Сделав глубокий вдох, что обжег ее легкие и прокатился волной по всему телу, Марта схватилась за теплые бортики ванной и вступила в воду. Ноги обожгло. Жар вперемешку с жжением поднимался от самых кончиков пальцев и бежал вверх по телу. Задержав дыхание, Марта плюхнулась в воду, а затем опустилась в нее с головой. По какой-то неведомой причине одной ей было легче. Переживать свою личную боль без посторонних глаз, смотрящих с состраданием и жалостью, было проще.

Да, она горела. Да, ей казалось, что еще мгновение — и она почувствует запах горелой плоти. Но оттого, что рядом не было зрителей, пропадало это омерзительное чувство жалости к самой себе, а потому ей было проще. А возможно она просто привыкла к боли или же этой болью наказывала себя за содеянное.

Марта не знала, что именно чувствовала в этот момент. Она представляла из себя клубок спутанных нитей эмоций. Черная — жгучая ярость. Ее было много. Синяя — дикий страх — переплетаясь с черной, делая ту прочнее, подпитывая ее. Были и бледно розовые нити раскаянья, смешанные с красными — тревожными. Но где-то там в глубине клубка, очень-очень глубоко, прятались и зеленые нити триумфа.

Она впервые превзошла себя, превзошла свои возможности. А оттого просто не могла не гордиться собой.

Марта вынырнула из воды, отчаянно хватая губами столь необходимый воздух. В лунном свете, казавшаяся с утра грязным болотом вода, сейчас была не столь омерзительна. Скорее наоборот она была даже завораживающей.

Девушка вылезла из воды и побрела к банкетке, оставляя после себя мокрые следы, поблескивающие в лунном свете. Она наскоро вытерлась и оделась. Чувствовала она себя немного лучше, чем когда залезла в ванную. Что было странно, ведь с утра ей казалось, что все ее тело вывернули наизнанку, а вернуть в прежнее состояние забыли.

Марта спустилась на первый этаж и направилась напрямик к сестре, которая все так же спала на диване. Она сняла с нее куртку и шапку, избавилась от обуви, но переносить девочку в спальню не решилась, боясь, что просто может уронить ее по дороге.

С соседнего кресла она взяла небольшой плед и укрыла им Мегги. А сама устроилась на полу возле ног сестры, положив голову на мягкое сиденье дивана. Марта не хотела больше оставлять свою маленькую сестренку без крайней на то необходимости.

Наблюдая за тем, как мирно спит Мегги, Марта и сама провалилась в сон. В холодный сон без сновидений, который больше напоминал игру, поставленную на паузу, чем настоящий отдых.

Проснулась она резко, как по щелчку, от молчащей долгие годы трели домашнего телефона. Она посмотрела на сестру. Мегги все еще спала. Посмотрела на часы. Без пятнадцати девять. Если Марта правильно помнила, сегодня было воскресенье. Кому, черт

возьми, понадобилось звонить на домашний телефон в такую рань в выходной день? А звонили настойчиво, не прекращая.

Недовольная Марта поднялась на ноги и поплелась в коридор к старенькому стационарному телефону. Телефон разрывался и, казалось, чем ближе она к нему подходила, тем сильнее он трезвонил.

Устало выдохнув, Марта взяла трубку и поднесла к уху.

— Мисс Рудбриг? Мисс Марта Рудбриг? — ударил по ушам звонкий немного визгливый голос.

— Да. Кто это?

— Вас беспокоят из больницы Святого Моисея. По поводу вашего отца. Доктор готовит его к выписке. Во сколько вы сможете его сегодня забрать? — трезвонил голосок не хуже телефона.

Марта ошарашенно уставилась на картину перед собой, которую нарисовала еще в школе. Ничего интересного — просто берег бухты с волнами, накатывающими на него. Слова медсестры казались знакомыми, но оттого не менее нелепыми. С чего бы врачу выписывать человека, который еще вчера пережил операцию и лежал в реанимации. И даже не пришел в себя.

А ей говорят приехать и забрать его. Может она что-то не так поняла своим еще сонным мозгом?

— Мисс Рудбриг? Вы здесь? — прозвенел голос, вырывая ее мыслей.

— Да... да... я здесь... — оторопело ответила Марта. — Но почему его выписывают? Еще вчера он был в реанимации, ему ведь делали операцию...

— Ох, я не знаю подробностей, — голос медсестры стал чуть тише. — Наверное, операция была не серьезная. Но это не так важно! Он пришел в себя! И он здоров! В общем документы на выписку будут готовы после обеда.

— Здоров? — вторила медсестре девушка.

— Да, — в голосе слышалась улыбка. — Вы сможете его забрать?

— Да, — неуверенно протянула Марта, не совсем понимая, что за странности творились этим утром.

— Вот и отлично, — вновь зазвенел голос в трубке. — Когда приедете, сначала подойдите на стойку регистрации....

Она еще что-то объясняла, но Марта ее уже не слушала. Все ее внимание было сосредоточено на недовольной сонной мордашке Мегги. Девочка стояла меж распахнутых дверей гостиной и исподлобья взидала на Марту.

И этот взгляд был пугающим. Опасно пугающим...

Глава 8. Зыбкие надежды

— Алистер, пожалуйста, слезь! — взмолилась Терра, смотря на него снизу вверх. Юноша стоял на верхней ступени стремянки чуть ли не на носочках и копался на верхних книжных полках. У Терры от такого зрелища в венах стыла кровь. — Алистер, пожалуйста! Что ты вообще там ищешь? Ты эту библиотеку уже всю прочитал вдоль и поперек. Пожалуйста, слезай!

— Я еще не читал книги с этих полок, — задумчиво ответил юноша и, опустив голову, бросил Терре очередную обнадеживающую и успокаивающую улыбку.

Вот только Терру такое поведение ничуть не успокаивало, а лишь сильнее злило. Она была зла на его безрассудство. Злилась каждый раз, когда он выкидывал один из своих странных фокусов: то прыгнет с балкона второго этажа, то пойдет кататься на коньках по озеру, в твердость льда которого Терра совсем не верила, то будет плавать на такой глубине, где если сведет ногу, то утонешь быстрее, чем кто-то даже попытается помочь.

А недавно его отец подарил ему мотоцикл со словами: «Когда станешь совершеннолетним, сможешь на нем кататься, а пока я спрячу ключи в надежном месте». В тот момент сердце Терры пропустило несколько ударов. Конечно, Алистер еще не был совершеннолетним, и до этого времени еще оставалось пару лет, но это не имело значения, ведь одна только мысль о том, что однажды Алистер оседлает мотоцикл и помчится куда-то без оглядки и, вероятно, даже без шлема, заставляла Терру трястись от ужаса.

Возможно ей не стоило так о нем переживать. Говорят же, дуракам везет — авось беды обойдут стороной. Но проблема была в том, что Алистер дураком не был, а Терра не могла не переживать о нем. Он был неотъемлемой частью ее жизни. И переживать за него было чем-то вроде врожденного инстинкта.

— Алистер, пожалуйста, слезь! — настойчиво повторила она свою просьбу, слыша, как голос дрожит от подступающей паники. — Я тебя очень прошу!

— Хорошо... хорошо... только выберу книгу. Что ты думаешь об «Основах левитации для чайников»?

— Алистер! — возмущенно крикнула Терра. — Спускайся сейчас же! Иначе я сама выбью эту стремянку из-под тебя, и тогда тебе эта книга точно понадобится!

Алистер лишь рассмеялся, громко и звонко, прекрасно понимая, что Терра никогда так не поступит. Пустые угрозы. Иногда она сыпала ими, когда он планомерно доводил ее. Ему нравилось, как краска заливала ее щеки в такие моменты и как горели ее глаза.

— Что ты там вообще ищешь? — все же спросила Терра, когда его смех прекратился.

— Что-нибудь о магии, — не задумываясь ответил Алистер.

— Магии? — настороженно покосилась на него Терра.

— Ага, — кивнул юноша, и стремянка под ним немного покачнулась. — Но в отцовской библиотеке нет ничего стоящего... ничего правдивого... лишь бредни старых бабок, верящих, что при помощи меда можно приворожить человека.

— Зачем тебе это? — вскинула брови Терра, ощущая, как по спине побежал холодок. У нее зарождалось весьма неприятное предчувствие.

— Просто интересно, — тут же же наигранно легко ответил он, и Терра поняла, что он врет. А врать Алистер Рудбриг не умел. Его всегда с головой выдавало дурацкое выражение лица и неоправданно высокий голос.

— Тебе не дано играть в покер, Алистер! — внутренне усмехнулась девушка. — Выкладывай что ты задумал. Я честно не расскажу ничего Мадам Рудбриг.

Терра приложила руку к груди, чтобы показать искренность своих намерений. Но Алистер молчал, он даже вскинул голову и принялся внимательно изучать — или же притворяться, что изучает — корешки книг.

— Алистер, — настойчиво позвала его девушка, пытаюсь привлечь к себе внимание.

Тщетно. Алистер игнорировал ее и прекрасно понимал, что она это замечает. А значит, у него были тайны не от Мадам Рудбриг, а от нее. От Терры. Эта мысль больно задела ее, обескураживая. Даже дышать стало тяжелее.

Обидно. Было так чертовски обидно.

— Алистер, что именно ты от меня скрываешь? — стараясь не пустить в свой голос обиды, спросила Терра. В горле встал ком. Ей казалось, что у них не было секретов друг от друга. Кроме того жуткого. Того, о котором ей даже думать не хотелось. Ведь она никак не могла ни повлиять на эту тайну, ни объяснить ее толком.

Да и не считала она ее тем секретом, которым стоило бы делиться хоть с кем-то. Хотя иногда, ночами, когда она лежала по долгу в кровати, ворочаясь не в силах заснуть, ей действительно хотелось лезть на стенку от желания поговорить об этой тайне с Алистером. Не с кем-нибудь. Только с Алистером. Она была уверена в том, что он непременно ее поймет. Не окрестит чудовищем, не испугается.

Примет такой, какая она есть, и не осудит. Терра знала это. Была уверена!

Но жалкая тщедушная мысль: «А если нет?» — крепко держала ее в узде.

Неужели у Алистера тоже есть такая тайна? Тайна, которой он не может поделиться даже с ней?

— Алистер, — уже не так рьяно пробормотала Терра. Она отошла к мягкому креслу с высокой спинкой и села в него, запрокинув голову, чтобы видеть лицо друга. Лицо, полное сомнений. — Ты же знаешь, что можешь рассказать мне все, что у тебя на душе? Я... я бы никогда... никогда не осудила тебя...

— Я знаю! — кивнул Алистер и, схватив с полки какую-то книгу, принялся спускаться по ступеням. — Знаю... Конечно же знаю... я не скрываю от тебя ничего... ничего такого. Мне действительно интересна тема магии. Это... это важно для меня. Очень важно!

Терра видела, как он старательно подбирает слова, как мотает головой из стороны в сторону. Видела, как он нервничает, ведь временами Алистер был для нее открытой книгой. Чудесной книгой, которую ей хотелось читать. Читать с упоением! Иногда медленно и вдумчиво, иногда — в запой, проглатывая страницу за страницей, не в силах оторваться.

— Магия? — боязливо отозвалась Терра. От одного только слова по спине побежали мурашки.

Алистер спустился с последней ступеньки и, повернувшись к ней, одарил ее хмурым взглядом. Он был ненамного старше самой Терры, но в этот момент, казалось, их разделяла пропасть. Непреодолимая пропасть. Он был не просто старше! На секунду ей почудилось, что он был взрослым. Одним из тех взрослых, что приходили к Мадам Рудбриг: холодные, усталые. Люди на которых словно бы давил весь мир.

Терра не хотела видеть Алистера таким! Она не хотела, чтобы он стал таким взрослым!

Она оттолкнула свой страх и улыбнулась ему. Улыбнулась настолько широко, насколько только могла. Улыбалась в надежде, что он ответит ей тем же и эта хмурость

сойдет с его лица.

— Я не хочу расстраивать тебя, — неожиданно произнес он и, подойдя, сел в соседнее кресло. — Не хочу, правда. Но если расскажу, то ты непременно расстроишься.

— Что бы ты ни сказал, я не расстроюсь, — попыталась переубедить его Терра. — Ты никогда не сможешь расстроить меня, потому что... потому что... просто не сможешь — и все тут! Нет никаких «потому что»! Ты — Алистер, и я всегда буду верить тебе, всегда буду на твоей стороне!

— Приятно это слышать, — улыбнулся он, и его хмурый взгляд немного посветлел. — Я никогда не сомневался в нашей дружбе.

Терра улыбнулась. Искренне. Он верил ей, верил точно так же, как и она ему.

— Я знаю обо всем, — робко произнес Алистер, а затем продолжил немного увереннее. — Знаю все о тебе, о Грабсах и об их проклятой связи с Рудбригами. Знаю и то, что ты тоже обо всем знаешь. — мальчик замолчал на пару секунд. — И знаю, как ты расстроишься от того, что я сам обо всем этом знаю.

Терра шумно втянула воздух, ощущая, как он буквально обжигает ее легкие. Он знал! Знал!

Как давно? Терра, разинув рот, зачарованно смотрела на него и только и могла что время от времени моргать. Он все знал. Абсолютно все. Ее главную тайну. Лавиной на нее обрушилось чувство страха, в то же время смешанное с невероятным облегчением. Он знал. Уже знал. Больше не было нужды хранить эту тайну в одиночку.

На глазах проступили слезы.

— Мегги! — с облегчением выдохнула Марта, вернув трубку телефона на стойку. — Ты проснулась. Как ты? Как ты себя чувствуешь?

Мегги смотрела на нее исподлобья. Хмуро, недоверчиво, готовая прожечь взглядом дыру во лбу Марты. Она напоминала злую оцетинившуюся кошку. Кошку, которая была способна накинуться на нее и выцарапать все глаза.

— Мегги, — неуверенно окликнула сестру Марта. — Ты в порядке?

— Что. Это. Было? — Мегги буквально выплевывала каждое слово.

Марта подошла к сестре и, опустившись перед ней на колени, взяла ту за плечи. Мегги отшатнулась, а зрачки расширились от накатившего ужаса, но Марта удержала ее, не давая отстраниться.

— Твои руки... твои руки... убери их от меня... убери... — повторяла девочка. Ее плечи затряслись, вся она дрожала, а глаза обожгло от слез. Она смотрела на Марту и будто бы не видела ее вовсе. Это был не просто взгляд перепуганного ребенка, столкнувшегося с чем-то неизвестным и непонятным. Это был взгляд ребенка, чей мир рухнул. Рухнул и разлетелся на мельчайшие осколки.

— Мегги... Мегги... пожалуйста... успокойся, и мы поговорим. Я расскажу тебе все. Тебе не нужно меня бояться. Это же я, Марта. Твоя старшая сестра. С чего бы тебе меня бояться? — умоляла ее Марта, ощущая, как в ее собственных глазах набухают слезы. Мегги боялась ее, боялась и не понимала. И Марта не знала, как ее успокоить.

— Руки... — сквозь рыдания выдавила Мегги.

— Руки? — не своим голосом вторила ей Марта.

Она отстранилась от сестры и выставила перед ней свои ладони. Чистые. Абсолютно чистые. Мегги смотрела на них немигающим взглядом, продолжая трястись всем телом.

— Они обычные. Такие же, как и всегда, — с надеждой бормотала Марта, закатав рукава халата, давая сестре разглядеть все в мельчайших подробностях. Разглядеть то, что в Марте не было и малейшего намека на тьму, надеясь хоть этим немного успокоить девочку.

И да, это помогло. Мегги постепенно перестала рыдать. Ее паника хоть и немного, но отступила. А вместе с тем Марта тоже смогла выдохнуть.

— Воды, — сбивчиво прохрипела девочка.

Марта, подскочив на ноги, понеслась на кухню. Она набрала полный стакан воды и вернулась к Мегги. Сестра жадно глотала воду без чувства меры, как человек пробежавший марафон или изнывающий от жажды даже не днями, а неделями. Она осушила бокал, и Марта принесла ей еще один. И только когда опустел и тот, Мегги наконец-то перестала трястись. Она успокоилась. По-настоящему успокоилась.

Она вновь смотрела на Марту своим привычным взглядом. Ее паника отступила, словно бы ее никогда и не было. Иногда Мегги казалась не по годам взрослой.

— Что это было? — повторила свой вопрос Мегги, смерив Марту своим настойчивым взглядом.

— Может быть чаю? — предложила Марта. — С тортиком. Там в холодильнике остался.

Мегги кивнула. Неуверенно. Всем своим видом показывая, что не позволит себя обмануть, она обошла Марту и направилась напрямик на кухню. Она заняла свое привычное место за столом и принялась выжидающе наблюдать за Мартой. Возможно девочке хотелось, чтобы ей немедленно все объяснили, разложили по полочкам и расставили по местам события минувшего дня. События, в которых самому не разобраться даже взрослому, что уж говорить о ребенке.

Но Марта не торопилась. Она не знала ни как начать, ни как продолжить и уж тем более как закончить. Ведь она и сама многого не знала. Хорошо было бы свалить эту чертову обязанность на отца.

При мысли об отце, Марта поняла, что он был самой безопасной, но оттого не менее странной темой. Она поставила чайник на плиту и, обернувшись к Мегги, устало оперлась на столешницу.

— Отец очнулся! — пытаясь имитировать великое счастье, воскликнула Марта, всплеснув руками.

Мегги нахмурила брови и смерила ее недоверчивым взглядом.

— Доктор сказал, что он проспит еще неделю — не меньше. Так что не пытайся врать, я тебе не поверю. Что вчера произошло? Почему в нас стреляли? Почему мы убежали? И что с твоими руками? Почему они были черными? И... почему я заснула? Я не хотела спать! — без остановки тараторила Мегги. — И, если уж на то пошло, почему отец вдруг проснулся?

Марта закусила губу, гадая, на какой из вопросов ответить первым.

— Я не знаю, почему в нас стреляли.

Очередной недоверчивый взгляд красноречиво говорил о том, что Мегги ей теперь не доверяет так, как раньше.

— Я не вру! — возмущенно воскликнула Марта. — Я действительно не знаю этого человека и почему он в нас стрелял. Хотя могу предположить, что он хотел нас убить.

Убить

Слово повисло в воздухе тяжелым давящим грузом. Марта думала, что Мегги испугается, пошатнется, вскрикнет. Но нет — ни один мускул на лице сестры не дрогнул.

Она продолжала смотреть на Марту, ожидая продолжения. И этот взгляд заставил Марту понять. Мегги была сильнее ее. Намного, намного сильнее. Она же еще ребенок...

Насколько же сильной она станет, когда вырастет?

— Мы убегали от него, потому что я не знала, чего можно ждать от человека, который наставил на нас арбалет.

— Я видела, как его оружие взорвалось, — рассеянно пробормотала Мегги, рассматривая руки Марты, скрещенные на груди. — А потом твоя рука почернела. Ты что-то сделала?

Их глаза встретились, и Марта кивнула, подтверждая догадку сестры.

— Что это было?

— Магия? — неуверенно спросила Марта, даже не зная, как еще объяснить ребенку то, что произошло.

— А я так могу? — в лоб спросила Мегги, и ее глаза зажглись интересом.

Марта растерялась. Немигающим взглядом она уставилась на сестру, не в силах поверить в то, что услышала. Мегги была абсолютно серьезной в своем интересе. Она не испугалась возможности вытворять нечто, что лежало за гранью понимания. Была ли это детская наивность или желание быть не такой как все, Марта не знала ответа. Она облизала пересохшие губы, не сводя взгляда с сестры. С сестры, которая еще десять минут назад тряслась в истерике, а теперь сидела за столом, болтая ногами и спрашивая, может ли она колдовать.

Марта не могла подобрать слов. Не знала, какого ответа от нее ждут. Тут просвистел чайник, давая ей отсрочку, и она с облегчением ухватилась за нее. Медленно, растягивая каждое движение, она достала чашки, затем нашла фруктовый чай в пакетиках. Чай она заваривала как никогда аккуратно, стараясь, чтобы струя лилась медленно и степенно, наполнила сначала одну кружку, потом вторую.

Открыла холодильник, внимательно изучая содержимое полок. Чрезвычайно внимательно. Вот вчерашний торт, вот пустая пачка из-под колбасок, которую она забыла выкинуть, рядом засохший сыр, который чудом еще не покрылся плесенью. Марта действительно не знала, сколько он тут уже лежит, и не знала, как еще потянуть время. Изучать яйца? О, их в холодильнике было много! Они в нем не переводились. Отец был помешан на яйцах, завтракал исключительно ими.

Все это время Мегги молчала. Что было ей не свойственно! Но как же это молчание радовало конкретно в этот момент. Марта проверила срок годности молока, понимая, что дальше тянуть нельзя. Она выглядела просто нелепо.

Наконец она достала подложку с остатками торта, нарезала его и разложила по тарелкам. Марта повернулась к Мегги, которая, подперев лицо ладонями, не сводила взгляда с девушки. Она поставила перед сестрой тарелку с тортом, и вернулась за чаем.

— Мегги, — неуверенно начала Марта. — Насколько мне известно, ты... обычная...

Марта послала ей вымученную улыбку и села напротив. Глаза Мегги округлились, в них плескалось непонимание вперемешку с обидой.

— Но почему? — в сердцах воскликнула она. — Мы же сестры!

— Ну да... Но это же хорошо, что ты обычная. Эта сила... она непонятная, странная... даже страшная. Я бы с радостью была бы такой же обычной, как и ты! — Марта всплеснула руками, описывая прелести обычной жизни. — Тебе не нужно бояться и думать о том, что ты можешь причинить кому-то зло...

Марта хотела бы сказать еще хоть что-то. Хотя как-то оклеветать свою силу, сказать о том, что это вселенское зло. Но не могла сказать больше ничего, слова почему-то застредали на языке. Марта хотела рассказать о черных пятнах, что можно было только сжечь, но никак не смыть. Хотела сказать и о том, что в ней каждый раз будто что-то ломается. Но не могла, она просто не могла ничего рассказать Мегги.

— Зло? — переспросила Мегги, отчего-то расстроившись еще больше. — Зачем мне творить зло? А вот в том, чтобы быть обычной, нет ничего хорошего...

— Ты многого не понимаешь, — перебила ее Марта и, взяв рукой кусок торта, откусила его, не особо заботясь о приличиях. Ее разозлили слова сестры ничуть не меньше, чем невозможность внятно объяснить, что не так с магией.

— Так объясни! — надула губы Мегги и недовольно посмотрела на сестру. — Я уже поняла, что от магии у тебя чернеют руки. Но ведь это проходит! Чего еще я не понимаю?

— Я... — начала была Марта, но слова застряли на языке. Она физически не могла произнести «сжигаю их». Это было странно! Возмутительно странно! Будто кто-то запретил ей говорить об этом.

Нужно было выяснить, почему она не могла рассказать сестре о своих способностях или же об обратной их стороне. Она решила не врать и надеялась, что Мегги ее поймет.

— Я просто не могу говорить об этом.

— Это как? — Мегги непонимающе хлопала ресницами.

— Физически. Просто не могу.

— Это тоже какая-то магия? — воодушевленно воскликнула сестра. И, казалось, ее глаза вновь загорелись интересом.

— Наверное... — неуверенно кивнула Марта.

— Тогда ладно. Можешь не говорить. А папа? Он знает о магии? И бабушка?

Марта кивнула и отхлебнула немного уже остывшего чая.

— Значит я одна не знала, — обиженно протянула Мегги и, зачерпнув полную ложку торта, отправила его в рот. — Ну вы и предатели!

Марта усмехнулась. В этих словах так и сквозила детская наивность. И Мегги вновь стала в ее глазах маленьким ребенком. Ребенком, который обиделся на то, что от нее что-то скрывали.

— Мегги, послушай, по поводу отца. Медсестра сказала, что его нужно забрать из больницы. Я не хочу тащить тебя туда, но и оставаться дома одной не безопасно. Может я отвезу тебя к бабушке на пару дней?

— Бабушка тоже может пользоваться магией? Она ведьма? Или может волшебница?

— Бабушка обычная, — скривилась Марта, недовольная тем, с каким восторгом Мегги говорила о магии.

— О-о-о... тогда не думаю, что у бабушке будет безопаснее, чем здесь...

— Я не могу оставить тебя дома одну, — перебила ее Марта.

— Мама говорила, что наш дом самое безопасное место для нашей семьи! — неожиданно просияла Мегги. — Наверное, на нем есть магическая защита.

— Ага, как же, — отозвалась Марта. — У нас даже калитка на щеколду никогда не закрывается, потому что ее просто нет!

— И что? Это ничего не значит! Может мы защищены магическим полем! — продолжала упорствовать Мегги, у нее даже щеки зарделись.

Марта хотела покрутить пальцем у виска, но сдержалась.

— Мама не была ведьмой. Она не могла наложить защиту на дом.

— Тогда почему ты необычная? — всплеснула руками Мегги, и ложка, которую она держала, отлетела на другой конец кухни, звонко приземлившись на плитку. — Почему ты необычная, если все мы обычные?

— Не знаю! — буркнула Марта.

— Мама говорила, что наш дом — самое безопасное место, и я ей верю!

— Когда она такое говорила? Когда ты писалась в кровать и отказывалась спать одна в комнате, потому что там бабайка под кроватью? — вспыхнула Марта. — Она могла сказать что угодно, лишь бы уложить тебя спать! Потому что бабайки нет! А чертов псих с арбалетом реален, и от него не защитит одеяло и включенный ночник!

— Мама так сказала! — крикнула Мегги, сжав ладони в кулаки.

— Мамы нет!

Марта отшатнулась. Слова повисли в гробовой тишине, и отмахнуться от них было невозможно. Они были огромным слоном, что свалился с потолка и теперь, повиливая хвостом, смотрел на них. Мегги побледнела, к ее глазам подступили слезы. Казалось, на мгновение она даже перестала дышать.

— Мегги... я...

— Я знаю, что мамы нет! — выдохнула девочка, по лицу которой текли беззвучные слезы. Она даже не всхлипнула, лишь утерла их рукавами кофты. — Но она никогда бы мне не соврала.

— Я поищу что-нибудь в ее записях, — безэмоционально произнесла Марта.

На губах Мегги расцвела легкая улыбка.

— Спасибо.

В тишине чердака Марта перебирала материнские записи. Блокнотов было немного. С одним она была уже хорошо знакома: помимо списка трав для сжигания магического следа, там были еще рецепты сборов от бессонницы, расстройства желудка, головной боли и несколько составов для поддержания жизненной энергии. Никаких магических заклинаний, волшебных слов, или защитных артефактов. Ровным счетом ничего, что могло бы помочь! Но Марта упорно продолжала искать. Она просто не могла спуститься вниз и сказать сестре: «Я ничего не нашла. Смирись!»

Радовало уже то, что Мегги не пошла искать вместе с ней, а закрылась у себя в комнате. Наверняка уткнулась в какую-нибудь детскую книжку или залипла на YouTube. Да делала что угодно, лишь бы успокоиться! А Марта знала, что пройдет еще немало времени, прежде чем сестра придет в себя.

Мамы нет! Да как вообще она додумалась сказать ей такое? Да, она была зла. Да, нервы последнее время были ни к черту. Но Мегги ребенок, а она позволила себе разбередить детскую душевную рану. Глубину которой даже не представляла. То, как холодно сестра посмотрела на нее, было жутко.

Марта отложила блокнот и взялась за следующий, пытаясь новой информацией заглушить голос совести, — получалось из рук вон плохо. Полные слез глаза Мегги стояли перед ее внутренним взором, и отмахнуться от них было просто невозможно.

Очередной список трав. От похмелья, от токсикоза, от болезненных месячных, от жидкого стула. Марта посмотрела на неидеальный почерк матери и невольно усмехнулась. Насколько правильным человеком она была, если даже в своих личных записях вместо

«поноса» использовала завуалированное и такое научное определение как «жидкий стул»?

Их мать определенно не была ведьмой. И, если уж на то пошло, ей гораздо больше подходило то описание, которым Коул наградил Кеторин Чубоски.

Знахарка. Да, пожалуй, то количество трав, в разных своих сочетаниях, которые Терра так методично описывала, делали ее ни кем иным, кроме как знахаркой. И вряд ли знахарка знала, как взорвать чужой арбалет или задушить человека силой мысли. ... Или заставить собственную сестру заснуть беспробудным сном.

В магии нет ничего хорошего. В этом Марта была уверена. А материнские записи не имели ничего общего с магией. Очередной блокнот отправился на стол к своим уже изученным собратьям. Ничего, что могло бы помочь защитить Мегги, но теперь Марта знала, как заварить ей вкусный чай, чтобы та немного успокоилась. Он так и назывался «Кроткое успокоение».

Наверное и себе стоит заварить такой чай.

Марта бегло перебирала блокноты и книги с материнских полок, а стопки на полу и столе росли с невероятной скоростью. Проблема была лишь в том, что она не могла изучать их детально и последовательно, времени просто не было. Так что она откладывала все, что хоть немного могло ей пригодиться в будущем, в одну стопку, а бесполезный хлам вперемешку с художественной литературой — в другую. И, к ее немалому разочарованию, вторая была значительно больше, а полки уже значительно поредели.

Пока план у нее был один. Спуститься к Мегги, заварить успокаивающий чаек, достать из морозилки замороженный чизкейк, разогреть его в духовке, а потом, когда сестра улетит половину десерта и ее чувства немного притупятся, схватить ее в охапку и быстренько отправить к бабушке на такси. Был еще один вариант: забрать тувроты из подвала и установить их вокруг дома, но тогда нужно было что-то решить с Коулом. Этот вариант она пока не рассматривала. Марта все еще побаивалась его, даже не смотря на то, что смогла его зачаровать.

Проблема была в том, что, прежде чем убирать от него тувроты, нужно было сначала протестировать его. Понять, насколько сильной теперь была ее власть над ним. А на это нужно было время. Время, которым на данный момент она не располагала.

Так что она продолжала перебирать остатки книг, прекрасно понимая тщетность своего занятия и жалея о том, что продолжает впустую тратить время, хотя уже давно могла бы отвезти сестру к бабушке. Хотя не факт, что у той дома было безопаснее. Пожилая женщина, парочка мопсов, не менее старый дворецкий, садовник и кухарка. Сомнительно, что если в дом вломится какой-нибудь обезумевший охотник на ведьм, то они смогут защитить девочку. Сомнительно было даже то, в состоянии ли они защитить самих себя.

Довольно поздно Марта поняла, насколько абсурдной была ее идея.

И что теперь? Тащить сестру вместе с собой в больницу, а потом везти их обратно вместе с искалеченным отцом?

Марта плюхнулась на пол рядом с одной из книжных стопок и раздосадовано запустила пятерню в свои спутанные волнистые волосы. Привычный уклад жизни катился в тартарары и все, что ей оставалось, это стоять в стороне и махать ему на прощание ручкой.

Взять всю семью и убраться куда подальше?

Отличный план! Вот только это даже не план, а идея. Идея, для выполнения которой нужно продумать ой как много. Проверить отцовский счет в банке — достаточно ли на нем денег, чтобы осесть в другом городе? Марта в этом сильно сомневалась. Да и куда бежать,

если в современном мире, чтобы отыскать человека, не нужно прилагать слишком много усилий. Банковские карты и камеры на улицах и в магазинах облегчают эту задачу до максимума. И уж тем более Марта не знала, какие возможности были у охотников. Возможно они найдут ее за пару дней, а может быть им понадобится пару лет.

А жизнь, в которой приходится оборачиваться на каждом шагу и просыпаться каждую ночь от шороха за окном, ей даже представлять не хотелось.

Она окинула придирчивым взглядом полупустые полки. Конечно же ей хотелось бы, как и Мегги, верить, что их дом — самое безопасное место на свете. Что их мать придумала способ даже без магии защитить их. Но реальность была такова, что никакого способа у нее не было.

Марта даже подумала о том, чтобы попросить помощи у Кеторин. И в этот момент ей на глаза попался когда-то белый, но уже давно пожелтевший, свернутый листок, вставленный между двумя книгами на нижней полке. Маленький такой, ничем не примечательный, но рука будто сама к нему потянулась.

Марта встала на колени и достала листок. Он был свернут несколько раз и был не просто пожелтевшим, а уже заметно засаленным от чьих-то потных пальцев. Она развернула его и перед ней предстала схематичная карта, нарисованная маркером. Ничего сверхъестественного, просто квадрат в центре и несколько маленьких квадратиков по бокам с пометками очередности и сторонами света. Маленькие квадратики соединялись между собой красными стрелочками и в итоге замыкались в круг.

От неожиданности своей идеи Марта резко подскочила на ноги и подбежала к окну. Если она была права, то круг начинался там, где стоял первый столбик калитки и, проходя вокруг всего дома, смыкался возле второго с той лишь разницей, что между квадратиками на рисунке не было еще одной соединительной стрелки: в реальности от одного столбца к другому прямо над калиткой протягивалась выгнутая резная перемычка. Теперь Марта была уверена — это проход. А листок в ее руках — нечто, что могло их защитить. И ключом к этой защите была кровь. Именно это было написано маминым почерком в углу листа. Два коротких слова, которые внушали надежду и чувство защищенности.

«Ключ — кровь»

Мегги была права. Возможно их дом действительно был защищен, оставалось только проверить эту защиту на практике.

Марта схватила со стола небольшой ножик для вскрытия конвертов. Если он разрезал бумагу, то и кожу должен будет разрезать. Она поспешила на первый этаж, гадая о том, сколько крови ей может понадобится. Пару капель? Тогда достаточно лишь проколоть палец. А если больше? Тогда, наверное, придется разрезать ладонь.

Марта невольно поежилась, запихивая ноги в высокие сапоги и натягивая куртку. Идти переодеваться времени не было, так что она просто застегнула куртку поверх пижамы.

Но что, если для того, чтобы запустить эту силу, нужна была не ее кровь, а чья-то другая? Например, собаки или кошки? Может вообще крысы? Или даже кровь другого человека?

Но Марта отогнала от себя эти предположения. Если это действительно то, что должно было защитить их от врагов, то кровь должна была принадлежать кому-то внутри защитного круга.

Марта подошла к столбикам калитки и принялась их внимательно изучать. Если кровь — ключ, то ее нужно было на что-то нанести. Но на что?

Она знала эти столбики уже много лет, они были неотъемлемой частью ее жизни, но впервые Марта изучала их так пристально. И впервые она отметила странный зигзагообразный рисунок, который обвивал их и сходил к центру, образуя круг. Марта посмотрела на второй столбик — он был точно таким же, с таким же небольшим кружком в середине.

Кровь — ключ.

Марта сделала небольшой разрез на пальце, и алая капля крови проступила на нем. Она тут же приложила палец к кругу. Ничего не произошло. Не было ни всплеска силы, ни яркого магического следа, что оставляли за собой тувроты. Не было ровным счетом ничего.

Марта сделала глубокий вдох, пытаясь подавить свое разочарование, и направилась ко второму столбу, пока кровь на пальце не засохла.

И тогда она ощутила, как нечто старое и древнее нехотя поднимает свою тяжелую голову, смотрит ей вслед, прожигая спину яростным взглядом, а затем встает на массивные лапы и начинает следовать за ней. Ко второму столбу. От его шагов тряслась земля. Это была древняя магия. Не такая, как магия Марты. Это была чья-то сила. Сила, которую она использовала, словно запуская старый автомобиль деда. Автомобиль, которым не умеешь пользоваться, но тебе необходимо его не просто завести, а еще и проехать на нем.

Когда Марта достигла второго столба, ей уже было тяжело дышать. Но когда она приложила палец к кругу, все вдруг оборвалось. Ей стало легче дышать, а тяжелое нечто опустилось на землю рядом со столбом и больше не прожигало ее спину свирепым взглядом.

На смену ему пришел легкий весенний ветер, что подгонял ее к третьему столбу. Было немного странно ощущать тепло этого дуновения на своих щеках, щеголяя в конце ноября по улице в одной лишь куртке поверх пижамы. Идти с ним было просто. Он словно сам вел ее к следующему столбу. К столбу, у которого так же внезапно оставил ее, как и появился ранее, стоило только поднести окровавленный палец к метке.

Следующим ее провожатым стала женщина. Женщина, которой она не видела, но чувствовала. Чувствовала, как та идет за ней и звонко о чем-то рассказывает. Она все говорила и говорила, а Марта все никак не могла уловить нить разговора. Она была уверена, что провожатая говорила о лете, жарком и палящем. Но вот что конкретно, оставалось для нее загадкой.

Женщина все тараторила и тараторила. Так душно, что даже просто идя рядом с ней буквально ощущаешь жар ее слов на коже. Марте захотелось расстегнуть куртку, но она воздержалась.

Принцип происходящего напоминал то, как работали тувроты. Вот только они были лишены этого волнительного процесса. Подходя к четвертому столбцу Марта гадала, кто может стать следующим провожатым.

Она поднесла палец, облегченно выдохнув, когда жар душных слов растворился и на смену ему пришел ребенок. Малыш взял ее за руку, ища поддержки, и они вместе направились к следующему столбику, минуя обветшавший материнский сад. Малыш держал ее руку крепко, а шагал неуверенно, ковыляя и пошатываясь. Марте приходилось вести его, подстраиваясь под его шаг точно так же, как когда-то она делала на прогулках с Мегги.

И вот на горизонте замаячил последний столб. Но идти к нему пришлось долго, малыш уже устал, путаясь в собственных ногах, а им еще нужно было обойти розовые кусты, чтобы дойти до калитки. Марта подхватила малыша, которого не видела, но тяжесть чьего тела ощущала так явственно, и поспешила к концу пути.

Она перехватила малыша в руках поудобнее и измазала своей уже почти засохшей кровью метку. Ребенок исчез. Растворился прямо в ее руках, словно его никогда и не было. Как исчез тот монстр с жутким взглядом, как весенний ветер и опаляющая жаром женщина. Они исчезли, оставив после себя пустоту.

Марта обернулась и окинула взглядом дом и двор. Не было яркой стены, как это бывало с тувротами, не было и магического защитного купола. Ничего. Пустота.

Но ведь этого не может быть! Она чувствовала, чувствовала, что все получилось

Марта подбежала к калитке и без какого-то труда распахнула ее. Как и всегда! Калитка не сопротивлялась, привычно скрипнув на старых петлях. Неужели эта защита была настолько старой, что просто не работала? Или, быть может, кровь была не той? Марта злилась от своей неудачи! Едва зародившаяся надежда была разрушена.

От досады она толкнула калитку, и та с оглушительным ударом врезалась в стойку.

— Марта! — испугано воскликнула девушка за забором. — Что-то случилось?

— Кетти, — опешила Марта, заметив соседку, которая прогуливалась с собакой.

Кетти Фотч была ее ровесницей. Они вместе учились в единственной школе во все городе. Жили в одном районе, сколько Марта себя помнила, даже играли пару раз вместе много-много лет назад. Но назвать эту добродушную пампушку подругой Марта не могла. И причина была не в Кетти. Причина была в том, что Марта никого не могла назвать подругой. Кетти была для нее скорее приятельницей. Да, определенно той самой приятельницей, с которой можно выпить кофе раз в пару месяцев, если вы случайно пересеклись в городе.

— Все в порядке... просто калитка заклинила... — Марта выдавила из себя самую добродушную улыбку, на которую была способна в этот момент.

— Да? Давай помогу!

Кетти перехватила поводок левой рукой, а правой с нажимом толкнула калитку в обратную сторону. Но та не поддалась! Осталась ровно на том же месте где и была — не сдвинулась даже на миллиметр.

Марта ощутила, как на ее губах расцветает новая яркая улыбка. Не то жалкое подобие, которым она наградила Кетти.

Сейчас она ликовала!

С легкостью, как и всегда, она распахнула калитку перед приятельницей.

— О, похоже все не так уж плохо! Не хочешь кофейку?

У нее получилось! Получилось!

Глава 9. Возвращение Алистера

За минувшие дни больница не сильно изменилась. А если быть точной, не изменилась совсем. В ней все еще кипела жизнь, хотя, пожалуй, это не совсем верное описание. В ней все еще плясали жизнь со смертью. Или же это была игра в футбол: мячом были чужие жизни, а команды на поле — болезнями и врачами. И вот они бегают по своему полю (больнице), пытаюсь выиграть или хотя бы не проиграть бой.

Марта причмокнула губами, пробуя описание на вкус. Да, пожалуй оно ей нравилось. Ей нравилось описание, но не больница. Она ей совсем не нравилась.

Сидя на кресле возле регистратуры и наблюдая за тем, как мимо нее шныряют врачи, пациенты и посетители, она гадала, почему не догадалась позвонить бабушке еще на выходе из дома и не узнала номер палаты. Тогда бы ей не пришлось сидеть в живой очереди и ждать, пока одна единственная звонко говорящая медсестра, сидящая за стойкой, разберется со всеми, кто был в этой очереди еще до прихода Марты.

Откуда столько людей в больнице в выходной день?

Этот вопрос тоже не давал ей покоя, как и уйма других не менее важных.

Почему в регистратуре всего одна медсестра? Почему то и дело приходят другие и, вместо того, чтобы помочь, отвлекают ее еще больше, не давая очереди продвинутся и на йоту? Где взять терпения, чтобы выдержать эту пытку и не начать кричать? А если все-таки закричать, они начнут делать свою работу быстрее?

Здравый смысл подсказывал, что они назло будут двигаться как черепахи, а потом еще отойдут на чай, как только очередь дойдет до Марты. А ей всего-то и нужно что узнать кабинет врача и палату отца.

А что, если пролезть без очереди?

Но, смерив взглядом мамочку с ребенком, который рыдал навзрыд, и разгневанную бабульку, у которой вот-вот пар из ушей пойдет, Марта решила подождать. Все же у нее терпения больше, чем у этих двоих. Да и желанием встретиться с отцом она не горела.

Марта задержала дыхание, медленно досчитала до десяти и вдохнула.

Когда мама еще была жива, несколько недель она увлекалась йогой и медитацией и даже таскала Марту вместе с собой на эти занятия. Говорила, что одной ей скучно очищать сознание от посторонних мыслей. Будучи ответственным ребенком, Марта посетила с ней все занятия, ответственно ничего не делая и лишь слушая в уголке, как правильно дышать. Конечно же Терры надолго не хватило и в итоге она сказала, что ей уютно в своей голове и вместе со всеми своими посторонними мыслями.

Так что о правильной технике дыхания для успокоения и концентрации Марта имела довольно посредственные знания, которые она могла описать в трех словах: «Надо дышать всегда!» — просто иногда глубоко, иногда медленно, а иногда быстро. Вот только дыхание не помогало ей успокоиться по-настоящему. Но создавало мнимое ощущение того, что она пыталась успокоиться.

Медсестра из регистратуры кого-то позвала, и озлобленная бабулька поднялась с соседнего кресла и проковыляла к стойке, громко причитая, чтобы вся больница слышала, насколько тяжело ей живется. Марта смерила ее холодным взглядом и, откинувшись на спинку неудобного жесткого кресла, закрыла глаза.

— Мисс Рудбриг, — раздалось где-то прямо над ее ухом.

Марта распахнула глаза и посмотрела вверх. Что ж... эта встреча была ожидаема, но оттого не менее неприятна.

— Джек... — неуверенно протянула Марта, силясь вспомнить имя Мистера Улыбашки.

— Джон, — поправил санитар, казалось бы нисколько не расстроившись тому факту, что Марта не запомнила его имени.

— А-а-а... точно...

— Вы к отцу? — удивительно, но факт — Джон не улыбался, как в прошлый раз.

Не было ни малейшего намека на улыбку: ни на губах, ни в глазах. Это не могло не радовать. Его абсолютно ничего не выражающий взгляд был куда лучше, чем глуповатая улыбочка. Есть люди, которым просто не идет улыбка, и, как казалось Марте, Джон был именно из таких. Его улыбка делала похожим на дурочка.

Однако то, что в его взгляде не было и того разочарования, которым он наградил ее при прошлой встрече, немного огорчало. Ей казалось, она произвела достаточно сильное впечатление, чтобы задержаться в памяти чуть больше, чем на пару дней, но, похоже, ошиблась.

— Да. Его выписывают. Приехала забрать.

Коротко. Четко. По факту.

— Уже? — глаза мужчины округлились. — Вы уверены?

Марта кивнула. Похоже, не у нее одной такая скорая выписка отца вызывает сомнения.

Нахмутив брови, Джон развернулся и направился к стойке регистрации, в очередной раз отвлекая медсестру от своих прямых обязанностей. Они перекинулись парой фраз, после чего санитар вернулся к Марте.

— И правда: его уже выписывают, — подытожил он. — Пойдемте я провожу вас в его палату, врач сейчас там.

Марта взяла свою сумочку с соседнего кресла и поднялась на ноги. Не сказать, что она была счастлива компании Джона и предстоящей встрече с отцом, но и сидеть в ожидании неизвестного под аккомпанементом кричащего младенца и склочной бабушки ей не хотелось. Как говорится, из двух зол она выбрала меньшее — поплелась за Джоном по коридорам больницы, звонко цокая каблуками по гладкой плитке.

Больница святого Моисея не была большой, собственно, как и две другие больницы в городе. Один корпус, трехэтажное здание. Одиночная палата ее отца располагалась на втором этаже. О том, что палата одиночная, Марта узнала со слов Джона, который по какой-то неведомой причине решил, что это будет иметь для нее хоть какое-то значение. Вот только он ошибся. Марте было абсолютно все равно, была ли палата на одного или же ее отцу пришлось делить ее еще хоть с пятнадцатью смердящими пациентами, которые болтали, не переставая, и не замолкали даже ночью, продолжая храпящую симфонию. Возможно для ее отца это было бы даже полезно — спуститься на землю и побыть в компании обычных людей.

Вот только Мадам Рудбриг никогда бы подобного не позволила. Чтобы ее ребенок, потомок семьи Рудбриг, да лежал в палате с неизвестными людьми?

НИКОГДА.

Небось уже заплатила за его лечение из своего кармана с чувством выполненного материнского долга.

Санитар распахнул перед Мартой дверь и отошел в сторону, пропуская ее. Но Марта не спешила входить. Она сделала несколько глубоких вдохов, стараясь надышаться перед

погружением. Похоже, проблема была не в «Особняке Рудбрига», а в самом Алистере Рудбриге.

Она расправила плечи. Еще один глубокий вдох и уверенный шаг.

— Ты, — единственное, чем удостоил ее отец, сидящий на больничной койке.

Марта коротко ему кивнула. Вот тебе и семейная идиллия в купе с долгожданным воссоединением.

— Мисс Рудбриг, — поприветствовал или же скорее засвидетельствовал ее присутствие врач, который сидел на стуле возле отцовской койки и делал какие-то пометки в медицинской карте.

Марта удостоила его точно таким же ничего не выражающим кивком и аккуратно опустилась на диванчик у стены. Джон в палату не вошел.

Врач, имя которого Марта не знала, и, если быть честной, узнавать не хотела, переговаривался с отцом, объясняя, какие таблетки пить, когда приходить на перевязку, сколько воздерживаться от алкоголя. Отец отвечал ему, задавал вопросы. Ну, а Марта, как истинно идеальная дочь, тихо молчала в уголочке.

Только вот причиной ее молчания было далеко не поддержание образа правильной дочери, а банальное нежелание начинать разговор с отцом. Как говорится: «Не буди лихо, пока оно тихо».

Но молчать ей было суждено недолго; вскоре врач поднялся и, со словами: «Скоро принесут документы на выписку и вы можете быть свободны», покинул палату.

— Надеюсь, ты принесла мне сменные вещи? — холодно отчеканил отец, стоило двери закрыться.

Марта ничего не сказала, только достала из своей сумки пакет с рубашкой и штанами и швырнула ему на кровать.

— А куртка? — спросил он, после того как проверил содержимое.

— В такси не замерзнешь, — копируя его манеру, ответила Марта.

Мужчина с легкостью откинул одеяло со своих ног и, с грацией, которой не мог обладать человек, недавно покинувший операционный стол, встал с кровати.

— Я так понимаю, ты уже в курсе? — поинтересовался он, расстегивая больничную сорочку.

— Чего конкретно? — Марта предполагала, о чем идет речь, но решила сыграть в игру «Простите, сэр, мне далеко до вашего интеллекта».

— Парень в подвале. Надеюсь, ты нашла его и он не умер за время моего отсутствия.

— Коул, — машинально поправила Марта.

— О-о-о... так он сказал тебе свое имя. И ты думаешь, оно настоящие?

Отец скинул сорочку, и перед Мартой предстали его перебинтованные предплечье и грудь.

— Сомневаюсь. Но оно всяко лучше, чем Оливер Кромвель, — хмыкнула она, пока отец разворачивал рубашку. Он слегка поморщился. Похоже, движения все же причиняли ему дискомфорт, а значит все было не так уж радужно.

— Оливер Кромвель, значит? — усмехнулся он, натягивая рукав на поврежденную конечность. — Похоже мальчик не лишен фантазии. Мне он представился сначала Питером-работником-банка, затем Сэмом-любителем-пускать-кровь, потом ударился в литературу и решил, что ему подойдет псевдоним Шарлотта Бронте... Ах, чуть не забыл! Еще был Томас-любитель-сладкой-ваты. Так что на твоей месте я бы не особо верил этому Коулу...

— Коулу-охотнику-на-ведьм, — подытожила Марта, не в силах больше слушать отцовских душевных излияний. — Как он вообще туда попал?

— Хм, с чего бы начать? — задумчиво протянул Алистер Рудбриг, сражаясь с пуговицами. — Сколько я уже в больнице?

— Сегодня воскресенье. Ты попал сюда в пятницу.

— Значит в прошлый понедельник, когда у меня как раз был выходной, он заявился к нам домой, представившись Питером-работником-банка. Было в нем нечто странное... даже не знаю... Ну с чего работнику банка вдруг приходиться к нам домой? Я впустил его и предложил выпить чайку. Знаешь, тот самый, из маминых запасов от бессонницы? — Марта кивнула. — Отличная вещь! От него не засыпаешь мгновенно, но если уснешь, будешь спать беспробудным сном часов двадцать. Так вот, Питер-работник-банка нехотя согласился угоститься, и, пока мы сидели на кухне, он задавал мне глупые вопросы. Наверное пытался поддержать образ работника банка. Что-то вроде: «Пользуетесь ли вы кредитными картами?», «В скольких банках у вас открыты счета?» и всякая тому подобная чепуха. А потом начал расспрашивать меня про Терру. Кем она работала? Каким человеком была? Как хорошо я ее знал?

Он покончил с рубашкой и принялся за штаны. Все это время Марта внимательно слушала отца, даже удивляясь его чрезмерной откровенности.

— Ну, а после вопроса: «Вы уверены, что она вас ни в чем не обманывала?», мне надоел этот цирк, и я выгнал его взащей. А вы тем вечером...

— Мы с Мегги отправились на спектакль в Турпи. Мне подарила билеты Джослин. Сказала, что мне просто необходимо развеяться. А так как у меня даже нет парня, предложила взять сестру, — удивленно продолжила Марта. — Это был ты?

Отец кивнул.

— Этот парень и его странные вопросы выбили меня из колеи, и я решил послать вас куда подальше хотя бы на этот вечер. Чужло мое сердце, что он что-то задумал. Собственно, чутье меня не подвело. Он явился спустя пару часов как вы уехали — с арбалетом наперевес. Не самое приятное зрелище, когда в твой дом врывается подобный псих. Собственно тогда-то он и представился Сэмом-любителем-пускать кровь...

Марта напрягла память, пытаясь вспомнить, что еще не так было в тот день. Что-то же заставило ее спуститься в отцовский подвал, о посещении которого она годами даже не помышляла.

Когда они вернулись, было уже сильно за полночь. Отец спал в своей комнате. В доме было темно, и Марту, которая была вымотана после поездки туда и обратно в соседний городок, нудное представление Щелкунчика, которое она видела уже не единожды, добило окончательно. Той ночью они буквально ввалились в дом и сразу же уснули вместе в спальне Мегги. Несколько часов за рулем сделали Марту не способной даже доползти до своей спальни.

А на утро... Не было никакого утра. Они проспали до обеда, и Мегги не пошла в школу. Когда они сонные выползли из спальни, отца уже не было, а дом был идеально чист.

— Собственно, случилась небольшая потасовка, — продолжил отец, вырывая ее из воспоминаний. — Я так понимаю, обувь ты тоже не принесла? Предлагаешь мне ехать на такси в больничных тапочках?

— Здесь должны быть твои старые вещи. Думаю, обувь особо не пострадала, — ответила ему Марта. — И как ты завалил этого бугая с арбалетом?

Марта все еще не могла поверить, что ее отец был в физическом плане сильнее вооруженного мужчины.

— Собственно никак, — пожал плечами Алистер и скривился от боли. — Помнишь, я напоил его маминым чаем? Так вот, в какой-то момент он просто уснул. А я, недолго думая, оттащил его в подвал и связал.

— А арбалет куда дел?

— Спрятал в одной из гостевых комнат, — пояснил отец. — Сходи узнай, где мои вещи, или купи мне ботинки. Я не поеду в этом домой.

Он поднял мягкий тапок, который «тапком» можно было назвать лишь условно, и помахал им в воздухе. Марта недовольно вздохнула, но, ничего не сказав, поднялась с дивана и направилась на поиски хоть какой-нибудь медсестры. Намеренно долгие поиски. Ей нужно было время, чтобы обдумать услышанное. К удаче Марты, на втором этаже больницы не оказалось ни одной медсестры.

Спускаясь по ступенькам обратно к регистратуре, она переваривала информацию. Факт того, что ее отец не был садистом, держащим людей в подвале из-за удовольствия, не мог не радовать. Но и то, что он тут же не вызвал полицию, а спрятал нападавшего, чести ему не делало. Это было глупо! И теперь нельзя просто сказать, что «мы просто защищались», учитывая, сколько всего произошло.

Марта остановилась у стойки, наблюдая за тем, как женщина с кричащим младенцем переговаривается с медсестрой.

— Вчерашний из парка в какой палате?

Марта повернула голову и посмотрела на двух санитаров, стоящих в каморке за стойкой.

— В 308, — ответил второй. — Чудик какой-то. Вроде уже пенсионер, а все с петардами играет, вот и доигрался. Повезло еще, что его вовремя нашли.

— Он в себя не приходил?

— Кортни из ночной говорит, что приходил: бредил, нес всякий вздор, а потом опять отключился...

— Девушка, вам что-то нужно? — звонко пропела медсестра за стойкой, вынуждая Марту переключить свое внимание.

— Да... Мой отец... Его сегодня выписывают. Он в... — она так и не узнала номер палаты. — В общем, на втором этаже лежит. Алистер Рудбриг. Я хотела бы забрать его вещи.

— А-а-а... Мистер Рудбриг. Да, конечно, сейчас принесу.

Медсестра подскочила и скрылась в той каморке, где стояли санитары, разговор которых Марта так и не дослушала до конца. Но что-то ей подсказывало, что стариком из парка был именно ее вчерашний охотник. Она даже не знала, радоваться ли ей тому факту, что мужчина оказался жив, или пойти в его палату и добить охотника наверняка. На всякий случай она постаралась запомнить номер палаты. Медсестра вернулась с аккуратно сложенной стопкой грязных перепачканных кровью и машинным маслом вещей и парой не менее грязных туфель и протянула их Марте.

Марта взяла туфли, а вещи запихнула в ближайшую мусорную корзину и поплелась обратно на второй этаж. На душе снова было беспокойно.

Она не знала, чего ожидать от охотника из парка: попытается ли он заявиться к ним домой или же подкараулит Мегги возле школы. А может после неудачной попытки они залягут на дно? В одном она была уверена точно — ни псих из парка, ни Коул, если сможет получить свободу, не пойдут в полицию. По крайней мере она надеялась на это.

Она вернулась в палату отца как раз вместе с лечащим врачом. Еще несколько рекомендаций, подписей и кивков — и вот они уже полностью свободны. Марту, конечно, все еще смущал вопрос такой скорой выписки, но она не могла отрицать того факта, что отец выглядел более чем хорошо. Он просто не выглядел больным. Цвет лица был куда ровнее, чем у нее самой. Создавалось впечатление, что это Марта попала в аварию, а Алистер Рудбриг неплохо отдохнул на местном курорте.

Они покинули больницу, но облегчения Марта не испытала. Скорее наоборот. Ей стало тяжелее. Когда их окружали люди, когда они разговаривали, ей было не так тяжело, как сидя на заднем сиденье такси, слушая легкие джазовые мотивы. Молчать рядом с ее отцом было поистине невыносимо. Наедине, в полной тишине, она ощущала, как начинает сгущаться пустота. Безграничная пустота там, где должен был быть семейный покой. И она ненавидела эту пустоту.

Пустоту, объяснить которую не могла, как бы ни хотела. Все, что было связано с ее отцом, не откликалось в ее душе ни малейшим трепетом. Словно там зияла пустая дыра.

Машина ехала медленно, каждая секунда растягивалась в вечность. Молчаливую вечность.

Марта сделала глубокий вдох и отвернулась к окну. Она знала, что отец чувствовал то же самое. Сколько она себя помнила, они все время балансировали на тонкой грани, с одной стороны которой была давящая пустота, с другой — сжигающая ярость, граничащая с ненавистью. Но какой-то особой причины для этого не было. Не было какого-то переломного момента, после которого их отношения стали такими.

Наверное это было их особенностью. По крайней мере, к такому заключению пришла Марта после многих лет жизни под одной крышей.

Такси остановилось возле их дома как раз в тот момент, когда Марте уже хотелось выть от гнетущей тишины. Всучив водителю купюры, она буквально вылетела из машины и, не став дожидаться отца, понеслась к калитке.

Но, вовремя опомнившись, остановилась, не дойдя лишь пару шагов.

Что, если отец не сможет преодолеть возведенный барьер? Ведь он был возведен ее кровью, и, если задуматься, кровь отца лишь отчасти была похожа на кровь Марты. Достаточно ли этого было, чтобы он, как и Мегги, попал под защиту купола?

Сейчас, стоя за его пределами, Марта четко видела его границы. Едва уловимое золотистое свечение. И еще ей определенно казалось, что ветер с той стороны купола был значительно тише. Ветви розовых кустов не шевелились, словно замерли, в то время как здесь, снаружи, ветер гонял упавшие листья по дорожкам, а оставшиеся срывал с веток.

Отец вышел из такси и поплелся к дому. Сейчас он выглядел немного хуже, чем в больнице. Похоже, дорога утомила его ничуть не меньше, чем Марту.

— Что стоишь, как статуя? Пошли быстрее. Мне холодно.

Он толкнул старую калитку, и та, поскрипывая, отворилась, давая Марте ответ на терзающий ее вопрос.

Марта поплелась за ним, плотно прикрыв калитку, не оставляя врагам ни малейшего шанса на вход. Последние дни были тяжелыми. Однако сколько еще таких же тяжелых дней ждало ее впереди?

Теперь у нее точно были две вещи — враги и сотни вопросов без ответа.

Стоило отцу только войти в дом, как на него тут же налетела Мегги, обвивая своими худенькими ручками его талию. Марта горько улыбнулась. Мегги не заботило то, что от ее

действий отцу могло быть больно. Девочка стремилась ощутить тепло. Тепло родного человека, с возможной смертью которого она уже смирилась.

Морщась, Алистер Рудбриг опустился на колени и прижал к себе Мегги. Никто не проронил ни слова. Но Марте показалось, что в этот момент ей стало нечем дышать. Настолько разным было молчание. Тишина, окутавшая их, была идиллией. Идиллией, недоступной Марте. Им не нужны были слова, чтобы понять друг друга. На короткий миг они словно стали единым целым.

Глубоко вдохнув и стараясь не нарушить их покой, Марта разулась и поспешила на кухню.

К тому моменту как Алистер вошел на кухню, держа свою младшую дочь за руку, Марта уже успела заварить крепкий чай, поставить чайник на стол и как раз ополаскивала чашки после утреннего чаепития.

В последние дни кухня стала чем-то вроде оперативного штаба. Именно эта мысль появилась в голове Марты, пока она наблюдала, как отец и Мегги занимают свои обычные места у стола.

Она не сказала отцу о том, что раскрыла Мегги их семейную тайну, а теперь гадала, как преподнести ему эту новость... вместе со всеми остальными, не менее приятными.

Марта села за стол и налила себе чашечку крепкого чая. Хотя пожалуй в этот момент она была бы не прочь выпить что покрепче и разграбить отцовские коллекционные запасы.

Отец налил и себе чаю, а затем, выразительно изогнув брови, посмотрел на Марту.

— Как у вас дела, девочки?

Вполне наглядный намек. Жирный жест, что пора начинать говорить. Марта отхлебнула горячего чая, и тот обжег язык. Она чертыхнулась и, подскочив со стула, налила себе полный стакан воды, залпом осушив его. Затем наполнила еще один стакан и, не дав себе времени на раздумья, выпалила:

— Мне пришлось рассказать Мегги о магии.

Глаза Алистера Рудбрига округлились. Неверящим взглядом он смотрел на Марту и хлопал ресницами, затем медленно перевел взгляд на Мегги, а та кивнула в подтверждение слов Марты.

— О... — все что смог выдавить из себя Алистер Рудбриг.

— У меня не было выбора, — затараторила Марта. — Мы были в парке. На нас напали. Мегги... Мне нужно было применить силу, чтобы защитить ее. И она видела, как я использую магию. Мне пришлось рассказать...

— Успокойся. Я понял, — перебивая ее сбивчивую речь, Алистер поднял руки в примирительном жесте. Казалось, он еще не до конца осознал случившееся, но старался это сделать. — Расскажите мне все с самого начала.

И Марта рассказала. Все, как есть, начиная со звонка из полиции и заканчивая сегодняшним утром. Она сознательно умолчала о своих эмоциях, лишь пересказывала факты, стараясь их систематизировать, чтобы рассказ не был похож на бредни обезумевшей женщины. В те моменты, когда Марта рассказывала о Коуле, лицо Мегги удивленно вытягивалось. Но и здесь девушка постаралась обезличить свой рассказ, стерев ластиком страх и безысходность, которую испытывала в те моменты. Ни сестре, ни отцу не стоило знать о том, насколько сильно ее обескуражило все происходящее.

Когда она закончила, все, что Алистер Рудбриг смог сделать — это с суровым лицом и нахмуренными бровями протянуть сдавленное «О-о-о». Что ж, Марта и не ожидала от негс

всплеска эмоций. За эту составляющую в их семье обычно отвечала Мегги, которая в этот момент обескураженно молчала. Марте даже показалось, что она видела, как в маленькой головке ее сестры вращаются шестеренки, пока та пыталась переварить все услышанное.

— Он, наверное, голодный, — прерывая тишину, буркнула Мегги. — Уже обед.

— Ты права, Мегги. Скорее всего наш гость уже успел проголодаться, — вставил свое слово отец. — Да и неплохо было бы узнать, насколько он теперь благоволит нашей Марте.

Слово «гость» неприятно резануло по ушам. Коул не был их «гостем». Он был врагом и пленником, но никак не гостем.

— Налей ему чаю в термос и быстренько приготовь что-нибудь поесть. Пора навестить нашего друга.

Теперь еще и «друг». Марта скривилась и отвернулась к шкафчикам, ища на полках старый термос. Похоже, их отец старательно избегал называть вещи своими именами. Она перелила остатки чая в термос и быстро поджарила яичницу.

К ее немалому удивлению, отец зачем-то достал с полок деревянный резной поднос, который сам же подарил матери на какую-то из годовщин, и расставил на нем тарелку с яйцами, чашку и термос. Даже закрутил столовые приборы в салфетку, положив их рядом. Марте в тот момент показалось, что, если бы в их доме были свежие цветы, он бы непременно поставил бы их в вазочку на подносе. Едкий комментарий уже был готов сорваться с ее языка, но Марта сдержала порыв, лишь с толикой ехидства наблюдая за подносом в подрагивающих руках отца.

— Пошли уже, — буркнула она и, выхватив у отца поднос, понеслась в подвал. Оставив отцу объяснять Мегги, почему та не может пойти с ними.

Коул выглядел плохо. Еще хуже, чем вчера. Щетина отросла еще сильнее, а под глазами пролегли темные круги — такие же огромные, как и у самой Марты. В свете тусклой лампы его кожа казалась землисто-желтой. Он смерил Марту безразличным взглядом и даже не удосужился встать с пола. Похоже, силы и вовсе покинули его.

Марта поставила поднос на стол и прислонилась к стене, ожидая отца. Она не решалась заговорить с Коулом. Просто не знала, что сказать ему после вчерашнего. Нет, ей не было жаль. Но она и не знала, насколько обширной теперь была ее власть над ним, а потому решила помолчать.

Наверху лестницы послышались размеренные шаги. Походка Алистера Рудбрига была жесткой и точной. Стук его туфель рикошетом отскакивал от стен. На последней ступени Алистер остановился, наткнувшись на невидимую преграду.

— Давно не виделись, добрый друг, — сердечно протянул он, и от его яркой улыбки у Марты задергался глаз.

— Мистер Рудбриг! — Коул слегка оживился. — Я думал, вы уже мертвы.

— Как видишь, все еще нет, — усмехнулся он, привалившись к стене. Отец больше не пытался пересечь границу тувротов. — Надеюсь ты не сильно расстроился?

Он принялся.

— Чем тут так воняет?

Марта показала жестом на ведро в углу, и они перекинулись с отцом понимающими взглядами.

— Коул, я слышал, ты пытался придушить мою дочь? — его по-отечески добрый тон, которым он говорил только с Мегги, контрастировал с жуткими словами. — Я же говорил тебе не пытаться даже думать об этом. Но ты все равно попытался. Глупо конечно, но всем

мужчинам свойственно совершать ошибки.

Коул вперил в него холодный озлобленный взгляд.

— Вы чокнутый псих! Псих, преклоняющийся перед ведьмами!

Глаза Алистера вспыхнули ненавистью. Образ наигранной доброты рухнул.

— Не смей так говорить о моей семье! — его голос обжигал льдом. — Я предупреждал тебя, мальчик, но похоже в твоей голове напрочь отсутствует здравый смысл. И не смотри на меня так. Я не твой друг и уж тем более не человек, которого нужно спасать. Преклоняюсь перед ведьмами? Пожалуй, ты прав, но я не просто преклоняюсь перед ними. Я их защищаю и, поверь мне, пойду на все, чтобы такие, как ты, не смогли и пальцем тронуть моих дочерей.

Марта ощутила, как от его слов по спине пробежал холодок. Что ж, вот он, Алистер Рудбриг, которого она хорошо знала. Человек, которого стояло бояться. И так уж повелось, что даже несмотря на их не самые теплые отношения, она все же принадлежала к тем людям, которых он защищал.

Марта усмехнулась. По тому, как Коул смотрел на ее отца, — с толикой страха и ненависти — стало понятно, что он перестал считать его жертвой жестоких обстоятельств или марионеткой в руках жестоких ведьм.

Но сейчас они пришли сюда не спорить и не угрожать пленнику. Марта преследовала лишь одну цель: ей нужно было понять, работало ли то, что она сделала вчера в порыве злости. Насколько силен был ее контроль над ним?

Марта вновь взяла поднос в руки и, подойдя к мужчине, поставила его ему на колени.

— Ешь.

Глаза мужчины остекленели. Его рука медленно потянулась к приборам. Марта видела, как его взгляд проясняется и как в нем замирает ужас. Ужас и непонимание. Левой рукой он схватился за правую, пытаясь остановить самого себя.

Марта схватила его за руки.

— Не сопротивляйся и просто поешь.

Коул тяжело дышал. Его волосы взмокли и прилипли ко лбу. Он смотрел на Марту с негодованием и неприкрытой ненавистью. Его взгляд пылал на бледном измученном лице. Он изо всех сил сопротивлялся нарастающему в нем желанию исполнить приказ.

Марта внимательно за ним следила, пытаясь понять, насколько силен ее контроль над ним. И пока ей казалось, что эта власть слаба. Или же он настолько силен, что мог сопротивляться ее силе.

Она предприняла еще одну попытку.

— Коул, ешь!

И он повиновался. Его взгляд не изменился, он так же сверлил ее. Но его рука медленно взяла ложку, и пленник уверенно начал есть. Марта выдохнула от облегчения. Даже если ее власть не была безграничной, он все же подчинился ей. Возможно она сама еще была слаба, и оттого ее контроль был не полным.

Марта надеялась, что причина была в этом.

Пока Коул ел, они молчали. Марта не осмеливалась смотреть на отца, сосредоточившись на мужчине перед собой. Мужчине, который ненавидел ее всеми фибрами своей души. Эта ненависть по отношению к ней была для Марты в новинку. Коул послушно ел, а его взгляд без усталости буравил девушку. Это не был взгляд сломленного человека. Скорее взгляд бойца, который при первой же возможности вцепится ей в глотку.

От такого взгляда у Марты по спине пробежал холодок. Коул пугал ее. Пугал до дрожи в коленях. И она не знала, как побороть этот страх. Поэтому старалась выдержать это давление. Не сломаться, не отвести взгляда. Наполнить его той же ненавистью, той же злобой. Если это и была игра, то только игра их сил воли.

И Марта не могла позволить себе проиграть. Ни сейчас, ни когда бы то ни было еще. И уж точно не ему.

Глава 10. Начало пути

— Что читаешь? — Терра плюхнулась на диван и выхватила у Алистера книгу. — 1984? Большой брат следит за тобой. И что ты в ней нашел? В какой раз уже перечитываешь?

— Четвертый, — пожал плечами Алистер и, вернув себе книгу, вложил закладку где-то посередине.

— Неужели в последний день перед своим отъездом ты хочешь сидеть в библиотеке и читать пыльную книгу, вместо того чтобы провести время со своей семьей? Со мной? — недоумевала Терра. — Мы не увидимся до следующего лета. Йель далеко, сомневаюсь, что ты решишь приехать в нашу глушь на Рождество.

— Иногда мне становится дурно от того, с какой легкостью ты умудряешься строить за меня планы на будущее. Конечно же я приеду на Рождество. Это семейный праздник. Да и что мне делать в чужом городе, когда здесь меня ждут чудесные планы? — подмигнул ей Алистер и, схватив девушку в охапку, притянул к себе.

«Ничего такого, просто дружеский жест» — в который раз повторил он себе, когда Терра положила голову на его плечо и сердце пропустило несколько ударов.

— Это ты сейчас так говоришь, но я прекрасно знаю, как ты запоешь через месяц или полтора, — буркнула она.

— Я еду учить психологию, а не пение, — ответил ей юноша, вдыхая легкий яблочный аромат. — Шарлотка?

— Ага, Мадам Рудбриг предложила испечь на ужин, — пояснила Терра, вытягивая ноги на диване.

— Хм... Надеюсь, ты не сожжешь ее, как в прошлый раз. Совсем не хочется уезжать, объевшись угольками.

— Дурак!

Терра схватила одну из подушек с дивана и ударила его по голове. Но в тот момент, когда девушка замахнулась для нового удара, Алистер обезоружил ее и спрятал подушку себе за спину.

— Почему Йель? — вдруг спросила Терра. В ее глазах плескалась печаль. — Почему нельзя было выбрать что-нибудь поближе? Что-то, ради чего не нужно лететь на другой континент?

— Терра, — с болью в голосе произнес он. — Это всего на пару лет. Я буду приезжать на праздники и каникулы. Поверь, ты даже не успеешь заметить, как пролетит это время.

Терра смерила его тоскливым взглядом, а потом задумчиво произнесла:

— Я сомневаюсь, что ты вернешься в нашу глушь. Там тебя ждет целый мир, а я навсегда останусь здесь.

— Почему ты так говоришь? — Алистер попытался улыбнуться, но вышло жалко и паршиво.

— Мадам Рудбриг ясно дала понять, что после окончания школы лучшее, что меня ждет, это кулинарные курсы в Рупи. Сомневаюсь, что она когда-нибудь позволит мне покинуть этот город. Она боится, что я окажусь где-то там, где она не сможет меня контролировать.

— Это не так! — воспротивился Алистер. — Она заботится и оберегает тебя! Это не контроль.

— Даже если так, от ее заботы мне душно. Прошло уже много лет, а сила Грабсов так и не пробудилась. И я сомневаюсь, что пробудится когда-нибудь в будущем. Я прекрасно знаю, почему она так печется обо мне — небось надеется, что, если вдруг эта сила проявится и начну колдовать, ее жизнь станет еще более красочной.

— Мне кажется, это не мама надеется на магию, а ты...

Терра отшатнулась и скинула его руку со своего плеча.

— Ты просто перекладываешь на нее свою злость и обиду за то, что лишена силы.

Терра нахмурила свои светлые брови и пронзила Алистера испепеляющим взглядом.

— Как ты можешь говорить такое?

— Потому что я знаю тебя и вижу, как ты мучаешься, — серьезно произнес Алистер. — Возможно мама и душил тебя своей опекой, но она не сделала ничего, чтобы вызвать твою злость.

— Ты говоришь со мной, как с ребенком! — ее верхняя губа слегка подрагивала.

— Неправда. Я никогда не относился к тебе, как к ребенку. Ты всегда была для меня равной.

В его голосе было что-то, что заставило Терру вздрогнуть. Она с тоской посмотрела на юношу.

— Алистер... Я... понимаешь, мне чего-то не хватает.словно внутри меня огромная дыра, которую мне просто нечем заполнить. Кажется, будто у меня отняли огромный кусок меня самой. Настоящей меня, — Терра вздохнула и откинулась на подушки. — Иногда я с замиранием сердца жду, когда же эта сила проявится. Когда я наконец-таки пойму, кто же я на самом деле. Знаешь, каково это — быть рожденной в роду могущественных ведьм и не обладать... ничем?

Она невидящим взглядом смотрела в окно, а Алистер смотрел только на девушку и видел обуревающее ее смятение.

— Моя семья мертва...

— Мы — твоя семья! — Я не об этом, — покачала головой девушка. — Я о наследии. С том, что я уже и не помню, как выглядели мои родители: ни мама, ни папа. Их лица словно стерли из моей памяти. У меня нет ни одной фотографии, нет даже места, куда бы я могла прийти, чтобы почтить их память. Мне кажется, что, если бы я могла колдовать, если бы была типичной могущественной Грабс, у меня бы была их маленькая частичка. Что-то осязаемое, что-то только мое. Как доказательство того, что я действительно Терра. Терра Грабс.

— Эта сила отнимала бы твою душу... — начала было Алистер.

— Я не чувствую своей души, Алистер! Есть она, нет ее. Да какая к черту разница? Когда через тридцать или сорок лет я умру, что станется с этой душой? Если моя душа — цена за твою жизнь и благополучие, я бы не задумываясь отдала бы ее сотни или даже тысячи раз...

— Не говори так! Мне не нужно, чтобы ты отдавала за меня хоть что-либо. Не за меня. Не за мою семью.

— Так я и не отдаю, — Терра выпрямилась и посмотрела на него в упор. — Джослин говорит, что магия Грабсов уникальна и обычно свойственна только женщинам нашего рода. Но есть и другая магия — та, что черпает свою силу из природы, та, которой нужна поддержка и баланс, та, которой пользуется Джослин...

— Подожди... подожди... Джослин? Та самая Джослин?

Терра закусила губу и неуверенно кивнула.

— Откуда ты ее знаешь? Где ты ее вообще встретила?

— Она хозяйка художественной академии, в которую я хожу по средам.

— Мама в курсе?

Алистер был ошарашен. Даже оглушен. Он годами искал эту женщину, пытаясь получить ответы на терзавшие его вопросы. А она оказалась хозяйкой художественной студии, в которой Терра училась рисовать! И когда он об этом узнал? За день до отъезда.

— Не знаю. Наверное. Она сама записала меня туда, так что я думаю, она знает о том, кому принадлежит студия. Но это неважно... точнее, не так уж и важно... Джослин говорит, что, если мне не доступна сила Грабс, это еще не значит, что я вообще не могу использовать магию. Есть столько разных видов: заговоры, зелья, магические камни с различными свойствами. Представляешь, у нее в кабинете есть камень из которого все время льется вода!

— Это... удивительно... — неловко выдавил Алистер.

— Это завораживает! — ее глаза горели. — Алистер, я хочу попробовать! Попробовать научиться пользоваться этой силой! Не получится? Ну и черт с ним, но я хотя бы попытаюсь!

Алистер предложил перевести пленника в гостевую спальню со словами: «Его можно окружить твоими... как их там... тувриками, точно, и там. Зато там есть ванная и туалет, не очень-то хочется выносить за ним ведра!» Таким был его самый главный аргумент, и Марте не осталось ничего, кроме как согласиться. Откровенно говоря, ей и самой не хотелось выносить за неудавшимся охотником ведра.

Той ночью Марта спала отвратительно. Она постоянно ворочалась, разметав подушки по всей кровати. Конечно, тот факт, что отец вернулся домой, ее немного успокаивал, как бы она это ни отрицала. Сейчас Мегги скорее всего мирно спала под надежной защитой в его спальне и видела десятый сон. Но Марта же уснуть не могла по той простой причине, что ее мысли постоянно возвращались к мужчине, запертому в одной из гостевых спален.

Умом она понимала, что тувроты надежно заперли его там и что он никак не сможет выбраться из спальни, каким бы сильным он ни был. Однако это никак не мешало цепким лапам страха сжимать ее шею, лишая воздуха точно так же, как и руки Коула в их первую встречу.

Марта откинула пропитавшееся потом и страхом одеяло и села в кровати. Волосы прилипали к лицу, так же как и взмокшая сорочка — к телу. Отвратительно. Марта ненавидела это чувство. Собственные мысли загоняли ее в угол.

Можно сбежать от разговора, можно сбежать от человека, даже от убийцы можно сбежать. Но нельзя убежать от себя самой и своих страхов, находясь в темной комнате.

Она щелкнула выключателем на прикроватном светильнике и вылезла из кровати.

Душ. Ей нужен был душ. Единственное, чего она хотела в этот момент — это смыть с себя липкий пот в надежде, что вода заберет с собой и кольца страха, сжимающие ее шею.

Раздевшись, она встала под едва теплые струи душа и стояла под ними, сама не зная, сколько времени. К ее разочарованию, вода смыла пот, но не страх. Тот вцепился в нее с каким-то диким остервенением и не желал никуда уходить. Осознав всю бессмысленность своего занятия, Марта выключила воду и вытерлась полотенцем. В полумраке она откопала одну из своих ночных комбинаций в комод, оделась и села на кровать, прекрасно понимая,

что этой ночью ей не уснуть.

Лучше бы они оставили Коула в подвале. Его нахождение в доме делало все происходящее чуть более осязаемым, а оттого неотвратимым и неизбежным. Он был огромным розовым слоном в ее мире, которого, как ни старайся, незамеченным не оставишь.

Постучав пальцем по деревянной столешнице тумбочки, она все же достала из ящика маленькую сережку-пропуск и вставила ту в ухо. Она решила еще раз посмотреть на мужчину в гостевой комнате. Надеясь, что его сломленный вид хоть немного развеет ее страхи.

Проходя мимо отцовской спальни, Марта заглянула внутрь. Отец и Мегги крепко спали. Казалось, наличие в доме человека, который жаждал их убить, нисколько не мешало им спать. Марта закрыла за собой дверь и, ступая босыми ногами по холодному полу, пошла на второй этаж.

Дом был тих. Хотя не только он: с улицы тоже не доносилось никаких звуков, даже привычного завывания ветра. Но, поднявшись на второй этаж, Марта поняла, что ошибалась: дом был не так уж и тих. По коридору разносились приглушенные, но оттого не менее жуткие стенания.

Марта сжала руки в кулаки и поспешила к гостевой. Чем ближе она подходила, тем громче становились звуки. Тем не менее, они словно бы доносились сквозь толщу воды.

Марта распахнула дверь и уверенным шагом вошла в комнату, пересекая защитную границу клетки. Стоило ей это сделать, как вопли стали громче. Это были судорожные стоны вперемешку со всхлипами и болезненными завываниями, доносившимися из полумрака комнаты.

Марту передернуло. Она нащупала выключатель и, не собираясь гадать о причинах этих стенаний, включила свет.

Свернувшись калачиком и прижав колени к груди, Коул лежал на кровати, будучи источником этой демонической сонаты. Не испытывая никакого желания приближаться, Марта все же подошла к нему и, опустившись на колени перед ним, принялась изучать мужчину.

Коул был бес сознания и выглядел еще хуже, чем несколькими часами ранее, когда они переводили его в эту комнату. Тогда он хоть и выглядел слабым и осунувшимся, но ему все равно хватало сил на то, что отшучиваться и даже сыпать угрозами. Сейчас же... Марта приложила руку к его покрытому испариной лбу. У него была лихорадка, и он вряд ли смог бы выдавить из себя хоть что-то кроме полного боли стоны. Его была мелкая дрожь, а на бледном лице тут и там проступали красные и розовые пятна. Марта оттянула ворот водолазки и посмотрела на шею. Пятна были и на ней.

Марта не была врачом и не могла даже предположить причину подобных изменений. Здравый смысл подсказывал, что даже если сильное истощение и способно спровоцировать лихорадку, то причина уж точно была не в нем. Коул был чем-то болен. И она надеялась, что это не заразно.

Мужчина издал очередной протяжный стон и что-то невнятно пробормотал. Марта попыталась прислушаться, но слов не разобрала.

Нужно было что-то делать. Не могла же она просто оставить его в таком состоянии. Хотя соблазн, конечно, был велик. Врача ему вызвать она не могла по логическим соображениям, а чем помочь, толком не знала. Единственное, что приходило на ум, это попытаться хотя бы сбить жар. Не хватало, чтобы он еще умер в их доме. Разбираться с

трупом и последствиями ей уж точно не хотелось. Да и он еще не дал им ответов ни на один из терзающих их вопросов.

Выпрямившись, она обреченно вздохнула и поплелась на мамин чердак. Если она правильно помнила, в одной из маминых книг было отличное средство от простуды, которым они лечили Мегги, когда она попала под дождь и слегла с температурой. Оставалось надеяться, что оно поможет.

Марта нашла нужный блокнот и принялась собирать все необходимое. Полынь, шалфей, ромашка, олений мох и еще несколько довольно странных названий. Залить кипятком и дать настояться пару часов. Теряясь между необходимостью спуститься на кухню и ставить чайник и просто открыть кран и набрать кипятка, Марта выбрала кран. Смешала все в какой-то маминой черепахе и залила кипятком. Конечно, на настаивание времени не было, так что она решила, что и десяти минут будет достаточно. Пока чудо-средство настаивалось, она покопалась в аптечке и захватила на всякий случай парацетамол, прежде чем вернуться в гостевую.

Марта поставила чашку и таблетки на тумбочку и принялась пытаться растолкать Коула под его нескончаемые стоны, чтобы заставить хоть как-то проснуться. Но власть лихорадочного дурмана была сильнее. Казалось, он даже не замечал, как она его трясет, хватая за плечи, как пытается поднять вверх, посадить. Ничего не работало — мужчина не просыпался. Марта подумала о том, чтобы пойти разбудить отца и заставить того помочь, но все же решила пока повременить. Еще раз встряхнула мужчину, на что он ответил ей нечленораздельным бормотанием и очередным стоном.

Выбившись из сил, Марта отпустила его и отошла в сторону, чтобы немного отдышаться. Коул тяжело дышал, его грудь вздымалась, а рот был слегка приоткрыт. Может попробовать влить ему отвар, пока он спит? А если он не сглотнет и захлебнется? А если попробовать заставить проснуться приказом?

— Проснись! — властно воскликнула Марта.

Но ее слова будто разбились о стену. Коул никак не отреагировал. Похоже, в бессознательном состоянии она была над ним не властна.

— Ада... Аделина...

Марта удивленно вскинула бровь, разобрав его бормотания. Похоже его лихорадка принесла с собой сны. Непонятные для нее, но мучительные для него, ведь к его стонам примешивались всхлипы. Марте даже показалось, что в уголках его закрытых глаз заблестели слезы.

— Коул, — достаточно громко, чтобы перекричать его стенания, позвала Марта.

Он откликнулся невнятным бормотанием и в дремоте повернулся к ней. Его глаза распахнулись, но в них не было и намека на узнавание — он смотрел на нее, но не видел самой Марты. Его взгляд был туманным и полным боли.

— Коул, — еще раз позвала его девушка.

— Про... сти... — задыхаясь выдавил Коул. — Ада... прости...

Плотно сжав губы, Марта неуверенно приблизилась к кровати. Она не знала, чего ожидать от мужчины, застрявшего где-то посередине между сном и реальностью. Пускай он и выглядел в этот момент довольно безобидно, но ведь она знала, насколько опасным он был. К тому же сейчас ее страховка в виде контроля разума просто не работала.

Так что Марта надеялась, что в случае чего успеет выскользнуть из комнаты, мысленно прикидывая расстояние от кровати до двери.

Коул смотрел на нее с тоской, печалью и даже раскаяньем, но в полном бреде. Марта не знала ни кто такая эта Ада, ни почему он просил у нее прощение, ни были ли Ада и Аделина одним и тем же человеком. Не знала она и причин его болезненной лихорадки. Но попытаться сделать хоть что-то было нужно.

— Если ты хочешь, чтобы я тебя простила, то должен выпить лекарства.

Она понимала всю абсурдность своих слов. Не факт, что Коул сейчас вообще ее слышал, погрязнув в собственных иллюзиях. Но чем черт не шутит? Может оно того стоило?

К тоске с раскаяньем примешалось непонимание. Его брови взлетели вверх, но взгляд оставался таким же затуманенным. Что ж, он хотя бы ее слышал. А вот понял ли — это уже вопрос. Взяв миску в руки, Марта приблизилась еще на пару шагов и постаралась произнести максимально уверенно:

— Ты должен это выпить, — а затем после недолгой паузы добавила. — Если, конечно, хочешь, чтобы я тебя простила.

Коул продолжал смотреть на нее своим невидящим взглядом, и все, что оставалось Марте, это силой напоить его и надеется, что ему в его сознательно-бессознательном состоянии хватит ума сглотнуть. Не без опасения девушка забралась с ногами на кровать и подползла к нему. Одной рукой удерживая миску, она приподняла его голову и принялась поить. К ее немалому удивлению он послушно пил и даже не пытался ни вырваться, ни сопротивляться.

От доверия, плескавшегося в его глазах, Марту передернуло. Кем бы ни была эта Ада, он безоговорочно ей доверял. Это была необъяснимая вера. Доверие, которое сложно было понять, ведь Марта была приверженцем идеи, что даже родители не заслуживают безоговорочного доверия.

Коул закончил пить. Марта начала слазить с кровати, но Коул ухватил ее за руку, останавливая.

— Не уходи...

— С чего бы? — усмехнулась девушка с невероятной легкостью — настолько он был слаб — выдернув руку из его хватки.

Она спрыгнула с кровати и отошла на пару метров от него. Коул истошно простонал.

— Не уходи... прошу... Ада... прости...

Его била мелкая дрожь, а голос ломано хрипел. Марта нахмурила брови. Ей хотелось бросить его и уйти. Но что, если ему станет хуже? Она не могла просто бросить его, как бы ей этого ни хотелось.

Марта подтащила к кровати кресло от стены и, плюхнувшись в него, буркнула:

— Ладно. Останусь.

Облегчение, смягчившее черты его лица, не просто удивило, а буквально обескуражило. Если бы она уже не сидела, то непременно бы рухнула на пол. Марта скрестила руки на груди и откинулась на спинку кресла.

— Спи, — приказала она.

Коул смотрел на нее щенячьим доверчивым взглядом и постанывал примерно так же, как больной щенок. Отчего-то эта картина вызывала у нее не только недоверие, но и недовольство. Марта не любила наблюдать за слабостями и страданиями других людей. Они загоняли ее в тупик. Не сказать, что она была черствой, но и к переизбытку чувств не тяготела.

Чтобы не смотреть на мужчину, она закрыла глаза. Через какое-то время его стоны,

невнятные бормотания и поскуливания прекратились. Он заснул. Заснул крепким сном без сновидений. И, к своему в дальнейшем немалому удивлению, вскоре Марта тоже заснула в неудобной позе в неудобном кресле.

Проснулась она от негромкого покашливания. Открыла глаза и, часто моргая, принялась изучать комнату, в которой была. Глаза были сухие, словно в них песка насыпали, а шею свело от долгой ночи со скрещенными руками и запрокинутой головой. Марта утерла струйку слюны с подбородка и попыталась хоть немного размять шею.

— Никогда не мог представить человека, который будет преспокойно спать и даже похрапывать в одной комнате с тем, кто пытался его убить. А уж то, что этим человеком окажется моя собственная дочь и подавно. Скажи-ка, милая, у тебя не закрадывалась мысль, что он может удушить тебя простыней во сне? Или же у вас состоялся по-настоящему душевный разговор, и вы настолько заболтались, что не заметили, как уснули?

Марта нехотя повернула голову и встретилась взглядом с отцом. Он стоял, прислонившись к дверному косяку за границей тувротов, и его нахмуренные брови и плотно сжатые губы не предвещали ничего хорошего.

— Не то и не другое, — буркнула Марта.

— Тогда смею предположить, что ты решила соблазнить его и склонить на свою сторону по доброй воле, так сказать? — отец слегка вздернул подбородок, указывая на наряд Марты.

Марта посмотрела на себя. Что ж, вчера внешний вид ее не особо интересовал, но вот при свете дня одна из ее бесчисленных комбинаций, представляющая из себя смесь тонкого кружева и мягкого розового бархата, выглядела не то что неуместно, а даже вульгарно. Марта запахнула на себе халат и потуже завязала его, мысленно хваля себя за то, что на автомате надела его.

— Милая моя девочка, я, конечно, все понимаю, но обычно с годами ум прибавляется, а никак не вытекает через уши, — с каким-то нелепым разочарованием пожал плечами отец.

Коул все еще спал, его грудь медленно вздымалась и опускалась в такт размеренному дыханию. На лице все еще проступали красные и местами бледно-розовые пятна. Отец был прав, оставаться с ним в одной комнате было глупо. Он мог проснуться в любой момент, и то, что этого не произошло, было чистым везением, не иначе.

— У него была лихорадка, — не защищаясь, а скорее просто обосновывая свое присутствие здесь, произнесла девушка.

— Лихорадка? — вскинул брови отец и, уперев свой взгляд в мужчину, принялся изучать его с немалого расстояния.

— Да. Он стонал на весь дом. Удивительно, что вы не проснулись, — слегка приукрасила Марта.

— Хм... Интересно... Ты можешь впустить меня в комнату?

Марта покачала головой.

— У тувротов обычно есть только один ключ.

— Плохо. А изготовить второй нельзя?

— Без понятия, — пожал плечами девушка. — Но если хочешь войти, я могу их временно убрать. Думаю, пока что он безопасен.

— Нет, не нужно. Он все равно спит, — ответил отец, равнодушно покачав головой. — Выходи оттуда и пошли позавтракаем. Я приготовлю омлет с тунцом.

Марта окинула Коула еще одним скептическим взглядом и, убедившись в том, что тот

продолжает спать, вышла из комнаты. Идти за отцом в полной тишине ей совсем не хотелось — не хотелось снова чувствовать себя посторонней в своем собственном доме, так что она решила забить пустоту хоть каким-нибудь разговором.

— Давно встал? — спросила она, считая ступени на лестнице.

— Не особо. Звонила какая-то девочка из вашей студии — я все никак не могу запомнить ее имя. Просила передать, что твоя утренняя группа на сегодня отменена, а обеденная — по расписанию.

— Понятно, — хмыкнула Марта, гадая, что еще можно спросить. Но ни одна тема для разговора не лезла в голову. А о Коуле и связанных с ним проблемах говорить совсем не хотелось.

Марта как никогда ощущала желание просто пойти на работу и раствориться в своей нормальной привычной жизни. Но был еще один нерешенный вопрос.

— Что делать с Мегги?

— А что с ней? — спросил отец, остановившись у подножья лестницы и повернув к дочери голову.

— Школа, — уперев в него взгляд, как само собой разумеющееся сказала Марта.

— А, ты об этом... Я уже позвонил в школу, сказал, что у нее грипп и что до конца недели она там не появится, — и, развернувшись, пошел на кухню.

Марта поспешила в спальню, чтобы переодеться и забрать свой телефон, осознав, что за все выходные она даже не взяла его в руки. Если она правильно помнила, то как она бросила телефон в сумку, так он там и лежал. Откопала Марта свою бесполезную разрядившуюся технику на самом дне рядом со старой почти засохшей тушью и кошельком с брелком лисички, который Мегги сама сшила и подарила ей на день рождения в прошлом году.

Марта прихватила зарядку и поплелась обратно на кухню. Проходя мимо спальни отца, она в очередной раз заглянула, чтобы проверить сестру. Мегги все еще спала. Удивительно — как ребенок, переживший столько трудностей, может так мирно спать?

Когда Марта зашла на кухню, отец как раз заканчивал поджаривать последний омлет. Он обильно смазал их консервированным тунцом и завернул конвертиками. Как ни странно, но в их доме действительно питались одними только яйцами. В отличие от Марты, Алистер Рудбриг мог сотворить с этим продуктом все, что угодно. Иногда девушке казалось, что ее отец может даже написать книгу «1000 и 1 яичный рецепт» и ни разу не повториться. Со смертью мамы из их дома пропало все, что можно было бы назвать правильным и разумным питанием.

— На него тоже приготовил? — спросила Марта, подсчитав тарелки на столе.

— А не должен был? — усмехнулся мужчина, поставив перед дочерью тарелку и протянув ей приборы. — Я не настолько жесток, чтобы морить голодом гостей.

— Может быть хватит так его звать? — скривилась девушка. — Он не наш гость и никогда им не был!

— Марта, — с осуждением протянул отец. — Я буду звать людей так, как считаю нужным. Пока он в нашем доме, он наш гость. И тот факт, что является он таковым не по своей воле, особой роли не играет. Кстати, как он? Выглядел не лучшим образом. Это последствия твоего воздействия?

Марта пожалала плечами и принялась нарезать омлет на маленькие кусочки.

— Не знаю. Сомневаюсь. С Мегги же все в порядке.

— Не используй магию против сестры. Мы не знаем, как то, что ты сделала, отразилось

на ней. Даже если видимых признаков нет, это еще не значит, что все прошло без последствий.

Марта кивала в такт его словам, прекрасно понимая, что каждое из них верно. Ситуация была куда хуже: они не просто не знали, что могло вызвать воздействие на Мегги магией, но и оба боялись, что от этого в маленькой девочке могла пробудиться сила. Таковой была правда и опасения, повисшие между строк. Но никто из них не осмеливался озвучить свои мысли.

— Я думаю поговорить с Джослин или... с Кеторин... состояние Коула мне не нравится. Не думаю, что это обычная болезнь. Ночью я дала ему один из маминых отваров и лихорадка спала, но пятна никуда не делись. Они покрывают его лицо и шею, думаю, и остальное тело тоже.

— Не стоит говорить Джослин. Я ничего ей не сказал, просто размыто намекнул на сюрприз...

— Неплохой сюрприз получился, — усмехнулась Марта и, наколов кусочек яичницы, отправила его в рот. — Я оставлю тебе ключ от тувротов, понаблюдай за ним.

Марта неторопливо прохаживалась между рядами столов, за которыми сидели ее ученики и корпели над натянутыми на подрамники кусками атласа. Темой сегодняшнего занятия было рисование по ткани. И Марта с искренним восхищением наблюдала за тем, как маленькие дети набирают в трубочки специальный раствор и обводят им контуры будущего рисунка. Так нужно было, чтобы в дальнейшем краска не растекалась и не смешивалась. Необходимая подготовка.

Впервые за последнее время она чувствовала себя более чем расслабленно. Работа с детьми приносила ей душевный покой. Марта любила детей, любила находиться с ними. Пожалуй, с детьми ей было куда комфортнее, чем с взрослыми. Маленькие дети были искренними и живыми, и иногда ей становилось жутко от того, в каких холодных взрослых они могут превратиться. Сама же она уже стала той самой «холодной взрослой».

Вот только здесь, в своей студии, она не чувствовала себя таковой. Это место расслабляло. Говорят, что дома даже стены лечат, ее же лечила работа. Темно-зеленые стены, выкрашенные в тот самый правильный цвет, который делал комнату комфортной и нисколько не давил. Деревянные столы из светло-коричневого дерева, за которыми сидели дети, и красивые мягкие серые стулья на резных деревянных ножках. Через большие решетчатые окна проникало много света, и комната никогда не казалась темной, несмотря на темные стены.

Марта остановилась у одного из окон и посмотрела на парк. Этот вид обычно вызывал у нее приятные ощущения. Но теперь у нее от отвращения побежал холодок по спине. Один только вид парка вызывал образы мужчины, наставившего арбалет на маленькую хрупкую Мегги.

Марта поспешно отошла от окна и села на высокий табурет у стены, с которого ребят было видно, как на ладони. Она пыталась сосредоточиться на них, чтобы не думать о своих проблемах, которых было не просто много, а катастрофически много.

На нее кто-то смотрел. Она ощущала это. Но это был взгляд не ребенка — в этом она была уверена — и не только потому, что все дети корпели над своими картинами. Это был пытливый взгляд, который прожигал дырки в ее плече.

Марта повернула голову в сторону двери и увидела какого-то мужчину через

стеклянную вставку в деревянной двери. Она изумленно вскинула бровь. Хоть стекло и было матовым, но в очертаниях фигуры и темных тонах одежды определено угадывался мужчина. Мужчина, который уже когда-то точно так же пытался разглядывать ее через такое же мутное стекло.

Первой мыслью было то, что за дверью ее ждет очередной охотник. Но она сразу же отбросила ее, понимая, что это лишь ее страхи и предвзятое восприятие, вызванное минувшими днями. За дверью мог быть кто угодно, начиная от уборщика и заканчивая кем-то из отцов детей, замороженно склонившихся над столами.

— Продолжайте обводить. Я сейчас схожу за солью, а когда вернусь, мы начнем делать фон.

Марта спрыгнула со своего табурета и поспешила к двери, борясь с подступающей со всех сторон паникой. Неосознанно для себя, в любом незнакомом мужчине она искала врага, желающего убить ее.

Не оставляя себе шанса на отступление, она резко распахнула дверь и удивленно воскликнула:

— Джош!

— Вообще-то Джон, — криво усмехнулся санитар. — Скажи, ты специально коверкаешь мое имя?

— Что ты здесь забыл? — игнорируя его вопрос, спросила Марта и тут же вышла в коридор, обшитый деревянными панелями, и закрыла за собой дверь, чтобы никто из детей не видел и не слышал их разговор. — Преследуешь меня?

— Скажешь тоже! Рупи — маленький городок, и Алистера Рудбрига здесь знает почти каждый. А то, что его дочь работает в «Марии-Розе» знает каждый третий.

— В том-то и вопрос: откуда об этом знаешь ты! — Марта скрестила руки на груди и уперла в него недовольный взгляд. — Повторюсь, что ты здесь забыл, Джон?

— Хотел поговорить, — произнес он, как нечто само собой разумеющееся, и, пожав плечами, засунул руки в передние карманы джинс.

— Сомневаюсь, что нам есть, о чем разговаривать, — протянула Марта и отошла от двери подальше, чтобы ее ученики уж наверняка ничего не услышали.

— Как отец? — спросил Джон, следуя за ней.

— Нормально.

— Тебе это странным не кажется?

— А должно? — Марта вскинула голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Сегодня она была не на каблуках, и оттого разница в их росте стала ощутима. Джон был на целую голову выше ее! А Марта отнюдь не считала себя низкой, скорее наоборот — относилась себя к числу довольно высоких.

— Должно, — коротко бросил он и после недолгой паузы продолжил. — Я видел его... там, после аварии, когда его доставали из машины. И это точно не тот случай, когда человека спустя два дня выписывают!

— К чему ты клонишь? — Марта нацепила глуповатую улыбочку, стремясь скрыть опасения, навеянные его вопросами. — Я тоже видела его. И что?

— Ты думаешь это нормально? Человека после операции выписывают на второй день! И никого в больнице это не тревожит!

Марта улыбнулась еще шире, наблюдая за недоумением на лице мужчины.

— Я не врач. Если ты имеешь в виду то, что в вашей больнице недостаточно

квалифицированные специалисты, то тебе не со мной нужно разговаривать, а идти в департамент или... я даже не знаю, куда там пишут жалобы.

— Я не это имел в виду.

— А что? — Марта поджала губы. Нужно было как-то от него избавиться. Этот разговор ни к чему хорошему точно не приведет.

— Просто странно как-то... Сначала мне это таким не казалось, но потом я начал думать...

— Полезное умение, — перебила его Марта, не давая довести мысль до конца. — Но своими величайшими навыками ты можешь делиться с кем-то другим. Мне не интересны безумные фантазии. Все, что для меня важно — это то, что с моим отцом все в порядке, и моя сестра не осталась круглой сиротой. Это все, что ты хотел обсудить? Мы не друзья и даже не знакомые, чтобы ты приходил ко мне на работу и отвлекал без какой-либо веской причины.

— Но...

— Если это все, то покинь, пожалуйста, Академию.

Джон внимательно, даже испытывающе, смотрел на нее. Казалось, хотел найти что-то в ее лице. Марта продолжала удерживать свою улыбку и старалась ничем не показать, как сильно ее нервирует его присутствие и его вопросы. Ей хотелось развернуться и просто уйти. Но что, если он пойдет с этим своими теориями еще к кому-то?

У Марты уже закрадывалась мысль, что чудесное и, самое главное, быстрое выздоровление отца по любому как-то вызвано магией. Однако ее мысли — это одно дело, а санитар, треплющийся о невероятном выздоровлении Алистера Рудбрига, совсем другое.

— Ты кому-нибудь говорил о своих сомнениях? — спросила Марта, понимая, что ее вопрос вызовет у него еще больше сомнений и теорий, но не могла она себе отказать в этом. Ей нужно было знать!

— Я разговаривал с его хирургом, но он так же, как и ты отмахнулся от моих слов. Мисс Рудбриг, ему лучше вернуться в больницу и продолжить лечение.

Марта с облегчением выдохнула.

— Я подумаю над вашим предложением. А теперь извините меня, мне нужно вернуться в студию.

Джон коротко кивнул.

— Надеюсь на ваше благоразумие. Был рад с вами встретиться.

— Сомневаюсь.

Джон никак не отреагировал на ее слова и, развернувшись, пошел напрямик к лестнице, ведущей на первый этаж. Марта проводила его скептическим взглядом. Оставалось только надеяться, что он больше никому ничего не скажет.

И когда его фигура скрылась на лестничном пролете, Марта развернулась и собралась было идти к кладовой за солью, но тут заметила пожилую женщину, стоящую в нише между дверей.

Джослин.

Глава 11. Хьянга

Как отреагировали бы дети, узнай они, чем восемнадцатилетняя Терра Грабс занимается в подвалах художественной академии «Мария-Роза»? Они серьезно бы удивились, ведь иногда она действительно занималась рисованием. А что еще делать в художественной академии, кроме как рисовать? Можно лепить, чем, собственно говоря, она время от времени занималась, ну, а зельеварение вполне можно было принять за мыловарение, смотря под каким углом посмотреть.

Вот и сейчас, стоя на коленях на холодном бетонном полу, Терра занималась ничем иным, как рисованием. Правда рисовала она далеко не пейзажи и уж точно не портреты, хотя и тут все зависело от банального восприятия. Для какого-то двинутого на голову искусствоведа это вполне мог быть портрет.

На деле же под ее белым мелком вырисовывался один из самых простых магических кругов. Единственный из тех немногих, что она уже знала и который могла нарисовать безошибочно. Это был защитно-бесполезный круг! Он защищал от любого магического воздействия, но был абсолютно бесполезен, ведь на то, чтобы его нарисовать, уходило не менее получаса!

— Неплохо получается, — одобрительно кивнула Джослин.

Терра подняла голову, отвлекаясь от процесса, и посмотрела на свою наставницу. Своими карими, почти черными глазами, в которых едва угадывался зрачок, Джослин следила за каждым ее движением, каждым штрихом мелка. Джослин была довольно требовательной учительницей, но в тоже время часто хвалила.

— Не отвлекайся.

Терра опустила голову и снова принялась рисовать круг — оставалось совсем немного, но ее колени уже нещадно ныли. Ей не терпелось закончить как можно быстрее и наконец подняться с ледяного пола. Ноги уже давно окоченели и теплые шерстяные колготки никак не спасали ситуацию. Удивительно, как в самый разгар лета в этом подвале все равно было холодно. На занятия Терре приходилось носить с собой теплую сменную одежду. А тот факт, что Джослин неизменно носила только легкие ситцевые платья или блузы с коротким рукавом и свободные брюки, не удивлял Терру, а скорее заставлял задуматься, не использовала ли ее наставница, какое-нибудь заклинание или зелье, поддерживающее ее в тепле.

Штрих. Еще один. И наконец все готово!

Терра отложила мелок и встала с колен, отряхивая руки.

— Недурно вышло, — подытожила Джослин. — А теперь расскажи мне о его особенностях.

— Простейший защитный круг земли, чертится только на полу, потому что работает при контакте с землей: чем земля ближе, тем круг сильнее, — начала Терра пересказывать то, что они изучили пару занятий назад. — Защищает от любого магического воздействия до тех пор, пока круг не нарушен.

— А с физическим?

— Бесполезен, так же как и бесполезен против магии крови.

— Почему? — на губах Джослин заиграла кривая ухмылка, которая нисколько не шла к ее миловидным чертам лица.

— Магия крови несет в себе жертву, а потому сильнее любой стихийной.

— Верно.

Джослин схватила швабру из стоящего у стены ведра с водой и принялась смывать так тщательно прорисованный Террой круг.

— А Грабс?

Терра отрицательно качнула головой.

— С нами все сложно.

— Это все, что ты можешь сказать? — в голосе Джослин слышалась усмешка.

— Это все, что смогли сказать мне вы, — парировала Терра.

— Ну тут ничего не поделаешь, такова ваша суть. Сила твоего рода абсолютно не изучена. Грабс веками жили обособленно, так ни разу и не примкнув ни к одному ковену. Лично я думаю, что они — последние представители первобытной магии. И если брат в расчет легенду, которая передается в вашем роду, то им ее кто-то передал. Кто? Это загадка, которую я уже много лет пытаюсь разгадать. Но что самое странное, даже Рудбриги, тесно с вами связанные, ничего не знают... ну или же делают вид, что не знают. Маргарет и без того всегда была скрытной, а когда вопрос касается ее семьи — ответов на него и под пытками не добьешься, — разглагольствовала Джослин, смывая остатки круга.

Терра отошла к стене и села за стол, наблюдая за наставницей.

— А вы давно знакомы с миссис Рудбриг? — спросила девушка, подперев голову ладонями.

— С Маргарет? Лет двадцать... хотя уже скорее двадцать пять или около того... Мои родители покинули наш ковен и переехали в Рути, когда я была в средней школе. Там-то мы с Маргарет и познакомились. Или это было уже в старшей школе? Ну да не суть важно! Она уже тогда была властной и скрытно-холодной принцессой Рудбригов, которой не дай боже упасть в грязь лицом! Ты бы ее видела тогда! Ходила, как статуя. Мне иногда казалось, что у нее вместо позвоночника — металлический стержень, и она просто не может расслабиться ни на секунду. Такая вся из себя важн-а-а-а-я!

Терра хихикнула.

— Она и сейчас такая!

— Поверь мне, не такая! С тех пор, как в ее жизни появился Роджер Пимс, она стала капельку лояльней. Даже не знаю, что он такого сделал, что смог подтопить нашу ледяную королеву, но, если честно, и знать не хочу, — на губах Джослин заиграла заговорщицкая ухмылка.

— Но ведь это не отец Алистера.

— Нет, это ее первая любовь. Собственно поэтому мы с ней до сих пор и не ладим. А ты что думала? Что мы заклятые враги с рождения? Мы одно время даже дружили, но это было до Роджера, — женщина оперлась на швабру и грустно улыбнулась. — Вот он — наш маленький камень преткновения. Не достался никому, а обиды полный воз. И если бы я еще и пошла на уступки, то Маргарет на это просто не способна. Там гордыня заменяет и корону, и трон, и, наверное, все королевство. Ну да ладно, не будем об этом. Как насчет зельеварения? Давно мы им не занимались.

Терра раскрыла один из пыльных толстых гримуаров Джослин и принялась листать его к нужным страницам.

— Последний раз мы остановились на зельях эмоций. Кажется на «Равнодушии»... —

пыталась вспомнить Терра, продолжая листать страницы огромного кожаного талмуда. — А нет... Мы остановились на «Ревущей тоске».

— Тогда с нее и продолжим.

Марта постаралась улыбнуться, смотря на пожилую женщину с тростью перед собой. Хотя ее улыбка была бессмысленной, ведь Джослин все равно не могла ее увидеть. Тем не менее, ее белые глаза без малейшего намека на зрачок и радужку отчего-то были устремлены именно на Марту. Было в этих слепых глазах нечто пугающее, отчего девушке хотелось как можно быстрее покинуть коридор. Возможно причиной того, что взгляд Джослин внушал страх, был длинный тонкий шрам, начинающийся у одного уха, проходящий по правому веку, тянущийся вдоль переносицы и заканчивающийся на середине левого века. Словно когда-то давно женщину по глазам ударили хлыстом. Марта не знала, так ли это на самом деле. Возможно это был послеоперационный шрам, но вопросов она не задавала. Незачем беречь раны старого человека.

Да и обычно эти глаза, спрятанные за огромными квадратными очками, не заставляли бегать мурашки по коже, делая Джослин обычной старухой.

Несмотря на свою слепоту, Джослин не была глуха, а потому проскользнуть мимо нее незамеченной было невозможно. Тем более хозяйка академии, похоже, слышала их недавний разговор: об этом явно говорили слегка нахмуренные брови и плотно сжатые губы.

Пересилив свое нежелание говорить и помня просьбу отца пока что держать Коула в секрете от Джослин, Марта пошла навстречу своей начальнице. Как абсолютно слепая женщина много лет оставалась директором художественной академии, Марта так и не могла понять. Ее увечье ей словно бы нисколько не мешало, она держала всю «Марию-Розу» в ежовых рукавицах.

— День добрый, — откашлявшись, поприветствовала ее Марта.

— Добрый, — улыбка слегка тронула губы женщины, но вскоре потонула в обилии морщин. — Похоже у малыша Джона появилось много ненужных вопросов.

Марта обернулась и посмотрела на лестницу, на которой недавно скрылся санитар. Это было странно. Сначала Марте показалось, что Джослин смотрела на нее, но оказалось, что старуха направила свой взгляд именно на лестницу.

— Вы его знаете?

— Малыша Джона-то? Да... узнала. Его голос совсем не изменился. Он учился в «Марии-Розе» много лет назад. Кажется, розжигу по дереву. Любопытный паренек. Всегда задавал много, очень много вопросов. А что с отцом? — спросила она, переведя взгляд точно на Марту и смотря ей прямо в глаза.

— В аварию попал, — Марта старалась, чтобы ее голос звучал максимально равнодушно. — Уже выписали.

— Что ж... это хорошо... Проводишь меня до моего кабинета?

Марта сначала кивнула, а потом, осознав всю глупость своего поступка, ответила:

— Да, конечно.

Кабинет Джослин располагался на первом этаже. Что женщина забыла на третьем и как туда поднялась, Марта спрашивать не стала, хотя это ее действительно интересовало. Марта проводила начальницу до двери и собиралась уже уйти, когда старуха своим звонким, но оттого не менее старчески-хриплым голосом сказала.

— Будь осторожна с мальчишкой. Иногда ненужные вопросы заводят на ненужные

дороги. Сомневаюсь, что тебе хотелось бы, чтобы он сошел со своего пути и пересек твой.

— Приму к сведению, — коротко ответила Марта и поспешила обратно в кладовую за солью для фона.

Домой Марта возвращалась довольно поздно. Джон и Джослин отняли время у ее послеобеденной группы, и ей пришлось их немного задержать, а затем еще и чутка подвинуть вечернюю. Так что когда она покинула «Марию-Розу» на настенных часах в холле было уже около семи. Ей оставалось только надеяться, что она успеет заскочить в пекарню Бобби до закрытия и купить Мегги какие-нибудь вкусняшки. Ей хотелось хоть как-то порадовать сестру и загладить вину за применение силы. Да, взятка. Она понимала, что вполне возможно, что Мегги на нее не так уж и сильно обиделась, ведь с утра вела она себя как обычно, но у Марты все равно на душе скреблись кошки.

Она успела к Бобби как раз за пару минут до закрытия. Выбор был уже скудный, все разобрали. На прилавках остались только пару кусочков блинного торта со сметанным кремом да булочки с кленовым сиропом, посыпанные грецким орехом. Марта взяла все и, с трепетом представляя, как будет уплетать булочки за чашкой черного чая, поспешила домой.

Она думала, что, когда вернется домой, там будет тихо и спокойно. Так ей вначале и показалось, ведь защитный барьер, который она установила, поглощал все звуки. Но стоило ей лишь пересечь его границу, как до девушки донеслись отголоски чьих-то истошных криков. Марта буквально вбежала по ступеням крыльца и, распахнув дверь, влетела в дом под очередную порцию крика.

Мегги сидела на нижних ступенях лестницы, ведущей на второй этаж, зажав уши руками и негромко всхлипывая. Не разуваясь, Марта поспешила к ней. Она поставила пакет с вкусняшками на ступень и, прижав сестру к себе, громко спросила, стараясь перекричать вопль:

— Он кричит! Он кричит уже целый час, не переставая... Боже, почему он не может просто замолчать? — всхлипывала девочка.

— Коул?

Мегги кивнула.

— А отец?

— С ним в спальне. Он сказал мне не подниматься.

Марта отпустила сестру и вытерла слезинки с ее щек. Она откопала в сумке наушники и протянула их сестре.

— Держи. Включи себе какой-нибудь фильм и иди на кухню — попей чай с блинным тортом. А я разберусь с этим крикуном.

Картина, представшая перед ней в гостевой спальне, была одновременно комичной и в то же время ужасающей. Коул был снова связан, правда теперь его руки были привязаны к изголовью, и он истошно колотил ногами по матрасу, пытаясь помешать отцу привязать их к изножью. Марта застыла в дверном проеме, не в силах без ключа пересечь границу тувротов, и некоторое время просто тупо смотрела, как отец тщетно пытается справиться с ногами пленника под аккомпанемент безумного крика, от которого в жилах стыла кровь.

Девушка попыталась представить, насколько же сильно он орал, если даже тувроты, которые немного приглушали звук, казалось бы просто перестали работать. Это было странно. Коул не требовал ни отпустить его, не угрожал расправой. Нет, это был просто нескончаемый ор. Крик боли и ужаса.

Прежде чем отец заметил ее, он все же сумел справиться с одной ногой. Мужчина

выпрямился и посмотрел на Марту с неким отчаянием, которое она, наверное, никогда в своей жизни не видела в его глазах. Ему, судя по всему, было больно так много двигаться после всего произошедшего.

Марта махнула отцу рукой, подзывая. Она сомневалась, что он расслышит хоть что-то сквозь этот... шум.

Слегка пошатываясь, Алистер вышел к ней в коридор и, привалившись к стене, сполз на пол.

— Что с ним? — крикнула Марта.

— Без понятия, — скорее разобрала по губам, чем слышала девушка. — Это началось недавно. Он начал метаться по комнате и стонать. Затем кричать, как обезумевший. Ты его не рассмотрела? Он красный, как рак, и весь покрыт сыпью. Не представляю, что это может быть.

Похоже Коул начал выдыхаться. Он все еще кричал, но теперь меж криков начали появляться недолгие паузы.

— Может какая-то аллергия? — предположила Марта во время одного из таких моментов.

Отец поднял на нее недоверчивый взгляд и спросил:

— Ты где-нибудь видела такую аллергию? Больше похоже, что в него демон вселился.

И, словно в подтверждение его слов, Коул снова закричал.

— Что ж, тогда я без понятия, что с ним происходит. Но знаю, кто может знать. Дай ключ.

Отец достал ржавую сережку из нагрудного кармана и протянул ее Марте. Его рука слегка подрагивала.

Стоило Марте лишь пересечь границу защитного барьера, как она поняла, что до этого крики Коула были лишь жалким эхом в горах. Теперь на нее буквально обрушилась лавина из боли и ужаса. Борясь с желанием заткнуть уши и просто выбежать из комнаты, Марта приблизилась к кровати.

Коул был в сознании, но от этого факта было не легче. Его взгляд был безумен. Да тот взгляд, которым он смотрел на нее, когда пытался удушить, по сравнению с ним был взглядом щедрого возлюбленного. Его лицо и руки, привязанные к изголовью, были разной степени красноты. Где-то пятна были совсем багровыми, где-то еще бледно-розовыми. Марта понимала, что скорее всего он был весь покрыт этими пятнами, и одежда лишь немного скрывала весь ужас происходящего.

Марта с тоской посмотрела на подушки. С какой легкостью можно было бы сейчас взять одну из них и оборвать эту не самую мелодичную мелодию. Но, отбросив эти мысли, она достала телефон из кармана брюк и принялась снимать его на видео. Она не решилась подходить к нему достаточно близко — лишь приближала саму камеру, радуясь тому, что все же сменила свой старый телефон на этот, с отличной камерой. Все же мало ли что придет в голову Коулу? Может он решит в перерывах между криками оттяпать ей ухо, если то окажется на горизонте. На всякий случай она обошла кровать и сделала еще несколько фото с другого ракурса.

А затем с чувством выполненного долга вышла из спали. Она блаженно вздохнула, когда тувроты немного притупили его полный отчаянья и мук крик.

— И что ты задумала?

— Мне кажется, у его приступов должна быть магическая подоплека. Думаю, Кеторин

может знать, что это и как решить эту проблему, — она кивнула в сторону мужчины, скорчившегося на кровати.

Она решила больше не вдаваться в подробности, вдруг Кеторин окажется не такой гениальной ведьмой, которой она ее считает, и не сможет ей помочь. Только вот в этом случае Марта не знала, как поступить. Ведь в материнских записях не было ничего, чтобы хоть отдаленно напоминало бы то, что происходило с Коулом. И тогда у них останется лишь одна надежда на Джослин — и это с учетом того, что отец не хочет втягивать ее в их нынешнее проблемы.

По пути из дома она все же заскочила на кухню и взяла у Мегги одну из булочек. Марта была чертовски голодна, и она сомневалась в том, что ей оставят хоть что-то по возвращению, а опять жарить яйца совсем не хотелось.

Рупи был маленьким городком, и обычно на то, чтобы дойти от дома до центра города, у Марты в худшем случае уходило полчаса, а до работы — так вообще минут пятнадцать. Поэтому Марта решила не вызывать такси и пошла пешком. Ей не хотелось стать поводом для сплетен, которые в маленьких городках распространялись подобно чуме.

«Марта Рудбриг, завсегдатай Ведьминой обители, после аварии отца пошла по накатанной и ударилась в эзотерику». Если бы в Рупи выпускали местную газету со всеми сплетнями, то заголовок был бы именно таким. Хотя Марта была не уверена, что такую газету не выпускали.

Так что ей оставалось только надеяться, что в Ведьминой обители будет не так много людей или же все будут настолько пьяны, что не заметят девушку. Она натянула на голову капюшон и, уткнувшись взглядом в пол, побрела к барной стойке, стараясь не налететь на другие столики. И почему она не додумалась взять у Кеторин телефон?

— В шпионы заделалась?

Марта подняла голову и неловко оперлась на столешницу.

— Не то чтобы... не хочу лишних разговоров.

— Поверь мне, своими недошпионскими играми ты лишь разжигаешь в людях интерес, — неизменно ярко-красные губы Кеторин растянулись в приветственной улыбке. — Что-то ты ко мне зачастила.

Кетрин положила руки на столешницу с другой стороны бара и немного подалась вперед. Ее идеальные кудри были сегодня собраны, как у актрисы из «Завтрак у Тиффани» и перевязаны бархатной оранжевой лентой. Одета она была не то чтобы безвкусно, но аляповато. Именно так, как должна была выглядеть ведьма-гадалка-цыганка по представлению простых обывателей. Ее блуза с огромными рукавами была расшита узорами, отдаленно напоминающими скандинавские руны. Яркая и кричащая, как хвост павлина. Марта не могла даже представить себя в чем-то подобном. Но Кеторин носила свои наряды с какой-то врожденной грацией, словно они были продолжением ее кожи, частью личности или же броней.

— Мы может поговорить? Без свидетелей. Мне нужна помощь.

— Да неужели? — улыбка из приветственной превратилась в заинтересованную. — Решила обуздать свою силу?

Марта отрицательно мотнула головой.

— Дело не в этом. Так что, мы можем поговорить?

— Интрига, — протянула Кеторин. — Джуди, иди сюда. Последи за баром.

Через пару минут дверь за баром, которая пряталась среди полок, открылась и оттуда

вышла невысокая девушка. Невысокая настолько, что ее затылок едва ли достигал столешницы бара. Марта подалась вперед, чтобы разглядеть ее, но у нее ничего не получалось, пока Джуди не забралась на такой же барный стул и ее голова показалась над столом. Джуди была милостивой девушкой с россыпью веснушек на оливковой коже и копной темных волос, которые в искусственном свете отливали рыжиной. У нее были круглые пухленькие щечки, и всем своим видом она напоминала ребенка, но никак не взрослую девушку.

— Джуди — моя очень дальняя племянница по матери. У нее произошли некоторые конфликты с... семьей, так что она задержится в Рупи на неопределенный срок.

— Она же ребенок. Ты держишь ребенка в баре? — удивилась Марта, не сводя глаз с веснушчатого личика Джуди.

— Это не просто бар — это мой дом. Да и Джуди куда старше, чем кажется на первый взгляд.

— Мне девятнадцать, — подала голос девушка, чем еще больше шокировала Марту. Она не дала бы Джуди больше двенадцати.

— Вот как... — протянула Марта.

— Пойдем, — Кеторин вышла из-за бара и, петляя между столиками, поспешила к лестнице, которая раньше вела на балкон, где пели дети из хора.

К большому удивлению Марты — и успокоению тоже, — в Ведьминой обители людей было мало, лишь пару зевак.

— По понедельникам тут всегда пусто, — пояснила Кеторин, заметив ее интерес. — Кстати, не хочешь что-нибудь выпить? Пиво, эль, ром?

— Я не пиратка, — буркнула Марта.

— Жаль! Очень жаль! — в голосе Кеторин слышались нотки смеха. — Только представь: была бы пираткой — пила бы ром целыми днями без зазрений совести. Обокрала корабль залетный — и еще месяц кайфуешь, на палубе загораешь. А уж эти пираты со своими накаченными торсами и в свободных блузах... не жизнь, а сказка!

— И к чему ты это?

— Ты слишком серьезная, Марта. Живи проще, — бросила она ей через плечо и поднялась вверх по лестнице.

Скривив губы, Марта последовала за ней.

— Живи проще, — передразнила ее Марта. — Тебе легко говорить: живешь в баре, никто на тебя не давит, и на тебя не охотятся фанатики. Только пей ром целыми днями, да мечтай о пиратах, попутно продавая любовные зелья.

Кеторин обернулась и, скрестив руки на груди, строго, даже осуждающе, посмотрела на Марту. Под этим взглядом сверху вниз Марта чувствовала себя некомфортно.

— Давай решим это на берегу. Моя жизнь не простая. Даже очень не простая. Не пытайся мерить меня своими ложками. Моя жизнь не сахар, но я на этом не замыкаюсь и не хожу с хмурой рожей, — она выжидающе смотрела на Марту. — Надеюсь, все понятно?

— Да.

— Вот и отлично! — Кеторин расплылась в яркой улыбке и, развернувшись, поспешила к одному единственному небольшому столику на балконе. Она приземлилась на стул так, что ножки того протестующе закрипели. — Так о чем ты хотела со мной поговорить?

На балкончике для хора было довольно темно: несколько свечей, расставленных по углам, да отголоски света от основного освещения, — этого было явно недостаточно, чтобы

осветить все. Но даже так Марта смогла разглядеть полки со старыми пыльными книгами и различными склянками — пустыми и полными. Ей даже на глаза попала банка, в которой в формалине плавала белая мышь. Стол был застелен темной бархатной тканью с ободранными и даже обожженными краями. А на середине стола лежала колода потертых карт Таро.

— Ты здесь людей принимаешь?

— Ага, не в спальню же мне их водить. Так о чем разговор? — она поставила локти на стол и положила голову на ладони.

Марта, предполагая, что возможно совершает огромную ошибку, все же села на на табурет с другой стороны стола и достала телефон из кармана.

— Ну-ка, что там? Неужто грязные секретки? Эротическое видео? Или расчлененка? Только не говори, что ты убила малыша охотника? Или все-таки приворожила? — причитала Кеторин, пока Марта искала видео в галерее.

Прежде чем включить, она отключила звук. Незачем ни хозяйке Ведьминой обители, ни ее завсегдатаем слушать эти отчаянные вопли. Марта положила телефон на стол и, придвинув его поближе к Кеторин, нажала на плей.

После первых же кадров все веселье с лица женщины слетело так же мгновенно, как и на лестнице. Марте даже показалось, нет ли в голове Кеторин маленького рычажка, который натягивал бы на нее счастливую улыбку, как мантию, а в нужные моменты тянул обратно, срывая.

Кеторин не просто поменялась в лице. Даже в этом тусклом свете Марта заметила, как побледнела женщина. Казалось, кровь испарилась из ее тела. Когда видео закончилось хозяйка Ведьминой обители включила его еще раз, а затем еще и еще. Она качала головой, словно не веря собственным словам. Но затем все же подняла глаза на Марту и пронзила холодным озлобленным взглядом.

— Хьянга, — выплюнула она, словно даже звук этого слова был ей противен.

— Что это? — едва шевеля губами спросила Марта. — Ему можно помочь?

— Яд, — коротко ответила Кеторин, а затем, немного подумав, все же продолжила. — Или же лекарство, но это как посмотреть. Это растение, которое отравило его, но только оно и может ему помочь... сейчас.

Кеторин резко встала из-за столика и, подойдя к своим стеллажам, принялась копаться в них.

— Его применяли очень давно. Удивительная вещь. Она увеличивает физическую силу, выносливость, с ней человек может обходиться без еды несколько недель и даже не чувствовать голода. Если говорить современным языком, то она временно превращает человека в сверхчеловека, — объясняла она, перебирая пыльные старые книги на полках. — А потом начинается ад. Сначала дикая слабость и апатия. Человеку даже трудно пошевелить рукой, что уж говорить о том, чтобы подняться на ноги. А затем начинается лихорадка. Представь, какого гореть заживо, когда тебя словно сжигают изнутри...

Марта знала. Ее передернуло, и она была рада, что Кеторин была настолько сосредоточена на своих книгах, что даже не смотрела в ее сторону.

— ... словно ты сам и есть этот костер — костер, который не потушить. Сначала кожа становится розовой, затем красной, потом начинает темнеть от темно-красного почти к черному... И именно в этот момент сгоревшие изнутри куски мяса, кожи и внутренностей начинают отслаиваться... по чуть-чуть. Крови нет, она уже давно сварилась, — Кеторин

достала одну из книг и положила ее на стол.

Это был очень старый и, наверное, очень тяжелый талмуд, обложка которого была сделана из толстой кожи, на которой были выбиты поделенные пополам луна и солнце. С них словно сочились капли, падающие в чашу.

— Один из самых древних семейных гримуаров, — пояснила Кеторин. — Так вот, и знаешь, что самое забавное?

Марта отрицательно покачала головой. Она не думала, что в этом может быть хоть что-то забавное, но во рту все пересохло, а язык словно прилип к небу, и она не могла выдавить из себя не слова.

— Вылечить практически невозможно, — ответила Кеторин и принялась листать плотные страницы, покрытые чем-то вроде смолы для сохранности. — Единственный способ хоть как-то помочь — это дать еще немного хьянги и обнулить процесс. Человек снова станет здоровым и сильным, словно ничего и не было, но это временное решение. Отсрочка. Не пройдет и пары недель, как доза понадобится снова, чтобы жить дальше и не умереть.

Кеторин открыла нужную страницу и повернула гримуар к Марте. На странице был нарисован цветок. У него были светло-желтые лепестки и алеющая красным сердцевина, а листья на тонких стеблях были странного иссиня-зеленого оттенка.

Хозяйка Ведьминой обители постучала длинным оранжевым ногтем по листочку хьянги.

— Нужен порошок из листьев этого... растения. Откуда они узнали об этой мерзости и как смогли добыть, я даже представить не могу. Полвека назад ее искали и выжигали целые поля, если на них был замечен хоть один цветок, — Кеторин плотно сжала губы, с ненавистью смотря на страницу собственного гримуара.

По спине у Марты побежал холодок. Неужели Коул все-таки умрет в их доме? И что тогда? Что делать с телом? Шестеренки в ее голове вращались на неведомой скорости. Она судорожно пыталась придумать план. Но по-настоящему дельных идей не приходило. Тупик. Этот мужчина не просто ворвался в их жизнь и перевернул все с ног на голову — он загнал их в тупик, из которого Марта просто не представляла, как выбраться.

— К твоему счастью, у меня есть немного этого треклятого порошка.

Марта подняла голову и посмотрела на Кеторин, словно та была ее единственным спасением, плотом в открытом море.

— Но у меня есть условие, — на губах Кеторин расцветала немного зловещая ухмылка. — Ты дашь мне возможность изучить тебя и твою магию. Только в этом случае я помогу тебе.

Марта нахмурила брови. Кеторин больше не была спасительным плотом. Она была выбором, и ни один из них Марте не нравился. С одной стороны странный труп в гостевой спальне, с другой — Кеторин и ее непонятное «изучить тебя и твою магию». Марта думала долго и уже начала склоняться к тому, чтобы оставить все как есть. Она не жалела Коула. Возможно, этому миру без него было бы куда лучше.

Но потом перед глазами появилось заплаканное лицо Мегги. Мегги, которая останется одна, если правда вскроется. А этого Марта не могла допустить.

Она нехотя кивнула и коротко ответила:

— Я согласна.

Глава 12. Подопытные

Коул молчал. Марта не могла даже представить, что когда-нибудь будет рада тому, что человек просто молчит. Еще никогда в жизни ей не было так комфортно, находясь рядом с человеком, молчать и слушать, как глубокая тишина разливается по комнате.

В блаженном покое Марта поудобнее устроилась в кресле, в котором провела прошлую ночь, и тупо уставилась перед собой, по сути принявшись внимательно изучать Коула. Его грудь мирно вздымалась. Он дышал глубоко и ровно, а кровавые пятна с его лица постепенно сходили, так же как и с рук, которые все еще были привязаны к изголовью кровати. Наверное, стоило бы его развязать, но силы уже покинули Марту, и она не могла даже пальцем пошевелить.

Последние полчаса были адом. Ей пришлось самой вливать ему в глотку этот яд-противоядие. Отца она к эту «умопомрачительному» занятию привлечь не могла, а потому сама стойко сражалась с Коулом. И это было действительно сражение: даже будучи связанный по рукам и частично ногам, он брыкался и вырывался, попутно кричал, стонал и даже пускал слюни и плевался. Марта мысленно содрогнулась при воспоминании о случившемся. До сегодняшнего дня она даже не могла представить, можно ли заливать воду прямо в глотку орущего человека и при этом не убить его? Теперь знала: можно. Но она строго для себя решила, что больше никогда не будет делать ничего подобного.

— Как он? — раздался хриплый голос отца из коридора.

Через силу Марта повернула к нему голову. Отец выглядел паршиво. Его лицо посерело, а под глазами залегли темные круги. Сейчас он выглядел на свой возраст. Мужчина давно разменял четвертый десяток, но обычно ему сложно было дать больше тридцати.

— Лучше, — только и смогла выдавить Марта. Казалось, тяжесть минувших дней лилась на нее, словно из рога изобилия.

А сколько еще впереди? Куда еще ее толкнет Коул и что заставит сделать? Он уже заставил ее сдаться, отдать себя в жаждущие руки Кеторин, от которых она умело уворачивалась последние пять лет. Что дальше? Она понимала, что в конечном итоге, если этот мужчина сможет ее переиграть, то отрубит ей голову и в холщовом мешочке отнесет к другим Охотникам. К своему ужасу, с подобным исходом Марта смирилась. Но вот то, что могло спрятаться между нынешней точкой и точкой исхода, заставляло девушку нервничать и жалеть о том, что она не умела предсказывать будущее.

— Спускайся. Не стоит сидеть здесь. Я думаю, мы услышим, когда он придет в себя.

Но в себя он не приходил. Коул спал беспробудным сном три дня. Три долгих спокойных дня. Размеренных, таких похожих на те привычные дни, которые были у Марты до встречи с ним. До того злосчастливого дня, когда она спустилась в подвал собственного дома и чуть не умерла в нем. Три дня, за которые Марте даже начало казаться, что ее жизнь сможет вернуться в прежнее русло, потечь знакомым путем.

Но эти мысли развеялись, как мираж, утром третьего дня, когда Марта уверенным шагом вошла в Ведьмину обитель. Теперь ей не было смысла скрываться, слухи все равно поползут. Днем раньше или днем позже — это уже не важно. Она в любом случае станет постоянным гостем здесь. И все же она никак не могла отделаться от неприятного чувства, что в обмен на Коула она буквально продала себя. Оставалось только надеяться, что не в рабство.

Гостей в Ведьминой обители не было. Это Марта заметила сразу же и немного расслабилась. Все столики были сдвинуты к стенам, скатерти убраны, а стулья поставлены на них кверху ножками, оставляя в центре большое свободное пространство. Пространство, о предназначении которого Марта даже не догадывалась.

Марта окинула беглым взглядом Обитель, силясь узнать, что еще изменилось. Она недостаточно хорошо знала это место, и если что и изменилось, то настолько несущественно, что с легкостью ускользнуло от ее глаза.

Кеторин нигде видно не было, а отправляться на ее поиски Марта не желала. Сознательно или нет, но она хотела оттянуть момент, когда все начнется, станет необратимым. Хотя и понимала — после сегодняшнего дня Кеторин от нее не отвяжется, схватится мертвой хваткой.

Вдруг дверь за баром открылась и в тишине пустого здания скрип петель резанул по ушам. Марта посмотрела в ту сторону, но ничего не увидела, пока из-за бара не показалась Джуди.

Девочка, которая лишь выглядела таковой, улыбнулась, заметив Марту. И эта улыбка была настолько заразительна, что Марте пришлось постараться, чтобы не улыбнуться в ответ.

— Доброе утро, — голос Джуди был громким и таким подходящим маленькому ребенку, что Марта не переставала удивляться возрасту девочки. — Кеторин сейчас придет. Она кое-что ищет в книгах своей библиотеки.

Марта потупила взор, силясь понять, насколько большой внутри была Ведьмина обитель, что у Кеторин даже была своя библиотека. Это слово в голове Марты ассоциировалось с чем-то большим и значимым, а никак не с двумя книжными полками в спальне.

Но тут, осознав, что прошло время, а она так и не поприветствовала Джуди, девушка слегка неуверенно произнесла:

— Привет.

— Будешь кофе? У Кеторин есть замечательный сорт — она заказывает его откуда-то... то ли из Колумбии, то ли из Бразилии. Я в этом не сильна, зато умею его варить.

— Давай, — только и ответила Марта и направилась прямо к бару.

Под словом «варить» Джуди имела ввиду «нажать пару кнопок на панели». По какой-то неведомой причине наблюдать, как огромная современная кофемашинка варит кофе в Ведьминой обители, было странно. Звук вспенивателя молока будто разрушал всю магию в комнате, делая бывшую церковь обычным баром.

Джуди посыпала немного корицы и поставила перед Мартой большую чашку с высокой молочной пеной.

— Спасибо.

— Я еще не умею рисовать на молочной пене, как Кеторин, но обязательно научусь. Знаешь, Кеторин вообще очень хорошо рисует, не только на кофе. Я видела ее картины в библиотеке. Она, конечно, прячет их за шкапами, но я их нашла. И они потрясающие.

Марта невольно улыбнулась и отхлебнула немного из своей кружки. Похоже, Джуди была той еще болтушкой.

— Только ты ей не говори, что я там шастала, а то она меня еще выгонит. Мне сейчас идти некуда...

— Поздно, — голос Кеторин пронесся по комнате, а затем открылась дверь за баром и

оттуда показалась сама женщина.

Марта выгнула шею, чтобы разглядеть, что пряталось за этой дверью. Но не смогла разглядеть ничего, кроме слабо освещенного коридора за спиной Кеторин. Женщина стояла посередине проема, закрывая весь обзор. Она была нагружена какими-то книгами и свитками. Их было так много, что одно неверное движение — и вся эта фееричная стопка рассыпется по полу. Но то, как играючи хозяйка Ведьминой обители обошла бар со своей ношей и прошла к центру зала, удивило Марту. Она и раньше замечала в Кеторин эту грациозность и умение владеть собственным телом, которым можно было только позавидовать.

Кеторин опустила книги прямо на пол посреди зала. Свитки рассыпались и покатались в разные стороны, но ее это совсем не волновало. Кеторин пронзила Джуди укоризненным взглядом и, вернувшись к барной стойке, встала рядом с Мартой.

— Знаешь что, Джуди, язык — враг твой. Научись контролировать то, что выходит из твоего рта. Сейчас это может быть и безобидные слова, но однажды ты можешь сболтнуть то, что может разрушить чью-то жизнь, и ты никогда не сможешь этого исправить. Честность, конечно, качество хорошее, но только в правильное время и в правильном месте.

Марта отпила еще немного кофе, чувствуя себя пятым колесом в телеге. Она не любила наблюдать, когда кого-то отчитывают, просто не зная, на чью сторону встать.

Джуди потупила взгляд и ничего не сказала.

— Я не выгоню тебя из-за такого, — ободряюще сказала Кеторин. — А вот если ты будешь разорять мои запасы кофе, то вполне могу.

— Я заплачу, — подала голос Марта.

— Не нужно, за счет заведения, — подмигнула ей Кеторин. — Бери чашку и пошли.

Марта спрыгнула с барного стула и поплелась за Кеторин к центру зала, переступая через свитки.

— Так чего ты от меня хотела? — спросила Марта и, прихватив кружку левой рукой, расстегнула пуговицы на пальто, но снимать пока не осмелилась, хотя в Ведьминой обители было достаточно тепло.

— Как там маленький охотник? — вопросом на вопрос ответила Кеторин, склонившись над книгами на полу.

То, как она обращалась к Коулу, было немного необычно и странно, ведь они были примерно одного возраста. Наверное.

— Спит, — сказала Марта, а затем, решив что Кеторин такой ответ может не удовлетворить, добавила:

— После того, как я дала ему тот порошок, он перестал кричать, но спит, не просыпаясь. Совсем.

— Я думаю, это нормально, — прицокнула Кеторин и начала рассортировывать книги на разные стопки. — Сейчас ему не нужны ни еда, ни вода. Но с ним нужно что-то решать — и как можно скорее. Ты не сможешь держать его взаперти вечно, моих запасов хватит в лучшем случае на пару месяцев. И я сомневаюсь, что мы сможем найти действенный способ его вылечить.

— Мы? — недоверчиво переспросила Марта.

Кеторин подняла голову и смерила ее ошеломленным взглядом:

— А что, ты думала, я одна буду этим заниматься? Малыш охотник — твоя проблема, а не моя. То, что по доброте душевной помогаю тебе, еще не значит, что ты можешь умыть

руки и смотреть со стороны. Твои методы по-детски наивны. Нам нужен четкий план, как справиться с охотниками, что идут за тобой. И, уж поверь моему опыту, взрывать их оружие посреди парка — не лучшие решение.

— Ты знаешь? — искренне удивилась девушка.

— Нашла магический след и сложила два плюс два, — пожалв плечами, пояснила Кеторин. — После чего расспросила полицейскую, которая гадает у меня по выходным на своего мужа-алкоголика, и еще раз немного поразмыслила и пришла к выводу: ты прогуливалась по парку, возможно шла с работы, он напал на тебя, и ты, не умея пользоваться собственной силой, сделала то, на что была способна. Топорно взорвала оружие и чуть не убила его, попутно оставив магический след в парке и на мужчине. Так что это был лишь вопрос времени, когда ты ко мне придешь. Но, признаюсь честно, я удивилась, что ты пришла не из-за этого случая, а из-за малыша охотника.

— Коула, — машинально поправила Марта. То, каким прозвищем Кеторин окрестила его, резало девушке слух.

— Я предположить не могла, что для контроля своих рекрутов они прибегают к таким мерзким методам. Но сейчас не об этом. Начнем с тебя, — она выпрямилась и указала на Марту пальцем. — Я слишком мало знаю о Грабсах и их способностях, но хочу узнать. Ты интересна мне, как феномен, и я не хочу, чтобы мой предмет изучения пострадал. Я научу тебя контролировать силу и помогу защититься. А взамен... Взамен мне многого не надо. Я лишь хочу наблюдать и знать, куда заведет судьба тебя и твою сестренку.

Марта не уловила в словах Кеторин никакого подтекста. Они были предельно честны и ясны. Но вот от фанатичного блеска, загоревшегося в ее глазах, по спине пробежал неприятный холодок. Кеторин нельзя было назвать чокнутым фанатиком, но она определенно была помешана. Помешана на магии и всем, что с ней было связано, что отчетливо читалось на ее лице.

— С чего начнем? — смирившись со своей участью, спросила Марта.

Кеторин игриво улыбнулась.

— Джуди, тащи мой котел, сегодня мы будем варить защиту!

Марта не могла поверить своим глазам, когда маленькая, даже крохотная, Джуди откуда-то из-за бара вытащила огромный черный чугунный котел. Котел, который светился. Он не был начищен до блеска, его покрывала копоть, но он все равно светился. Светился каким-то невероятным потусторонним светом. Никогда в жизни она не видела ничего даже отдаленно похожего.

— Заприте дверь и повесьте табличку «Закрыто», — приказала Кеторин и, вновь опустившись на корточки, принялась разбирать пол. — Не хочу, чтобы кто-то из посетителей зашел. Хотя их мало что удивляет.

Марта как в тумане наблюдала за тем, как Кеторин поднимает руками старые доски и откладывает их в сторону, постепенно являя на свет нечто вроде очага или камина в земле. Он был выложен потемневшим от огня камнем, который так же излучал едва уловимое сияние.

Магический след — и какой мощный!

Марту словно обухом по голове ударили. Она вновь посмотрела на котел, каждый сантиметр которого был покрыт магическим следом. Он был пропитан им, так же как и очаг, скрытый под полом бара.

Марта присмотрелась к доскам, которые Кеторин убирала в сторону, и разглядела на их

обратной стороне круга. Круги, которые и кругами-то назвать можно было лишь с натяжкой. Какие-то из них были кругами, какие-то овалами, какие-то почти квадратами. Но все они были замысловатыми узорами и линиями, которые объединялись в общий контур.

— Что ты так смотришь? Это всего лишь защитные круги земли.

Джуди встала рядом с Мартой, и оттого разница в их росте стала куда заметней. Джуди была чуть выше ее локтя. При этом она не выглядела карликом, скорее как обычный десятилетний или двенадцатилетний ребенок. И лишь во взгляде и некоторых чертах лица был заметен ее настоящий возраст.

— Почему? — не выдержала Марта. — Почему ты выглядишь, как ребенок?

— Перемудрила с парочкой зелий.

— Перемудрила? — фыркнула Кеторин. — Она без разрешения и без присутствия наставника пыталась сварить зелье, закупоривающее старость.

— И?

— И свалилась в котел! — буркнула Джуди, и ее лицо залилось стыдливой краской.

Марта удивленно вскинула брови.

— Ты теперь останешься ребенком навсегда?

Марта не могла представить такой участи. Не иметь возможности вырасти. В семьдесят лет быть все еще юным и не знать, что такое морщины? Возможно, кого-то такая возможность и прельщала, но Марте от одной лишь мысли стало дурно.

— Нет, — все еще краснея, ответила Джуди. — Я старею, но медленнее, чем остальные. Мне было семь, когда я... сделала то, что сделала. А сейчас я выгляжу лет на двенадцать или около того. Зато лет в пятьдесят я буду все еще молода и свежа... в отличие от некоторых!

Губы девушки растянулись в улыбке, и она показала Кеторин язык, но та лишь усмехнулась и убрала последнюю доску, прикрывающую очаг.

— Так зачем нам варить защитное зелье? — спросила Марта, когда хозяйка Ведьминой обители принялась разводить костер в очаге из остатков поленьев, которые уже лежали в нем.

— Последнее время ты оставляешь после себя огромный магический след. Он тянется за тобой попятам. Если ведьма долго не колдует, а потом вдруг снова начинает — магический след становится сильнее. Если помотришь на Джуди или меня повнимательнее, то сможешь разглядеть лишь едва уловимое свечение. Мы находимся в постоянном контакте с магией, — она встала и отряхнула руки от золы. — Но ты — совсем другое дело. Сейчас ты похожа на огромный горящий факел посреди темного леса. Тебя видно издалека. Если на стороне охотников есть хоть одна ведьма, они найдут тебя, куда бы ты не пошла.

Марта вытянула руку вперед и посмотрела на свои голые пальцы. Обычные. Они ни чуточки не светились.

— Я ничего не вижу, — вслух произнесла она.

— Конечно не видишь! Похоже, твоя мать научила тебя выжигать следы магии. Все, что я смогла узнать о Грабсах, так это то, что след от вашей магии другой.

— Если я применяю свою силу, на коже появляются черные отметины, — честно призналась Марта.

— Интересно, — протянула Кеторин. — От нашей магии таких пятен не остается. Она разливается равномерным свечением по всему телу. Это мне и непонятно. Сейчас я вижу в тебе магический след, но не тот который остался после парка, хотя и его слабые остатки присутствуют. Сейчас из тебя хлещет наша магия. Мне начинает казаться, что Грабс — это

род ведьм со скрытыми способностями. Или же вы привязаны к какому-то источнику силы?

Кеторин рассуждала, наматывая круги вокруг костра, дым от которого наполнял комнату и тонкой струйкой поднимался вверх к потолку.

— Я пыталась расспросить Джослин, но она нема, как рыба. Все, что она мне сказала, так это попросила оставить тебя в покое. Говорит, твоя сила до добра не доводит.

Слова хозяйки Ведьминой обители Марту несколько не удивили. Она и сама никогда не считала свою силу добрым даром, лишь проклятием.

— Но я так не считаю! — строго парировала Кеторин. Казалось, она пытается оспорить слова женщины, которой здесь не было. — Магия никогда не была злом или добром в чистом виде. Она всегда инструмент. Но сначала нужно защитить тебя, спрятать твой магический след от лишних глаз и разобраться с культом фанатиков, и возможно тогда мы сможем спокойно заняться твоей силой. Разгадать загадку Грабсов, которая не дает мне покоя.

Она пожала плечами и улыбнулась.

— Снимай пальто! Сейчас здесь будет очень жарко.

Час спустя Марта думала о том, что лучше бы она пошла в сауну, чем сюда! Здесь было душно, жарко. Пот стекал по ее спине, уже давно пропитав рубашку насквозь. Безумно хотелось пить, но Кеторин не отпускала ее, заставляя наблюдать за процессом, подмечать малейшие детали. Что положила. В каком количестве. На какой минуте помешала. Сколько раз помешала. Какого цвета пар.

Хотя клубящийся по всей комнате зеленовато-серый туман Марта с натяжкой могла бы назвать паром. В какой момент цвет пара изменился? Этого она не заметила, и Кеторин отчитала ее точно так же, как и Джуди, которая просыпала семена мака, а затем елозила по всему полу пытаясь их собрать. Задача не из простых — найти маленькие черные семена на темном полу, да еще и в зеленоватом смраде, от которого слезились глаза.

Марте только и оставалось надеяться, что зелье, которое кашиварила Кеторин, было не просто защитным, а непробиваемым. При другом раскладе она бы просто не понимала, зачем участвует в этом мероприятии, которым вполне можно было пытаться людей.

Но Кеторин была серьезной и собранной. Она не сделала ни одного лишнего движения, не сказала ни одного лишнего слова. Четкая, как часы. И этим нельзя было не восхищаться.

Марта облизала пересохшим языком соленые губы и спросила:

— Долго еще?

Кеторин достала нечто из склянок, которые в процессе приносила Джуди. Этим «нечто» оказался рыбий плавник. Кеторин бросила его в котел. Раздалось громкое «пуф», и над котлом поднялось изумрудное облачко в форме гриба. Кеторин просияла:

— Все готово! Джуди, неси склянки, будем разливать.

Марта наклонилась над бурлящим котлом и вдохнула пары. Аромат был тошнотворным. Что-то среднее между тухлой рыбой и горелыми яйцами.

— Я надеюсь, мне не придется это пить? — с надеждой в голосе спросила Марта.

— Нет, конечно. Наноси на запястья и за мочками ушей, — пояснила женщина и принялась маленьким половником разливать варево по склянкам, которые принесла Джуди.

— Еще лучше, — протянула Марта и закатила глаза. — Я буду вонять, как тухлая рыба.

— Не будешь. Запах выветривается полностью через несколько часов. Зато оно надежно спрячет следы твоей магии. Не знаю, правда, как с теми черными пятнами, о которых ты говорила. Нужно будет проверить на практике.

— Мама говорила, что их можно только выжечь.

— Проверим это завтра. Думаю, я закрою бар пораньше, и тогда вечером мы можем поэкспериментировать, — предложила женщина и, наполнив последнюю склянку, протянула несколько штук Марте. Они были еще горячими, но не обжигающими.

Вместе со своим новым трофеем чертовски уставшая Марта вернулась домой. Казалось, утро, проведенное с Кеторин, вытрепало из нее всю душу. Слишком много информации, которую нужно было переварить и обдумать. Но сейчас ей не хотелось ничего так же сильно, как просто завалиться на свою кровать и проспать несколько часов к ряду. Отчего-то вспомнились выпускные классы, когда она только и делала, что приходила домой и ложилась спать, а ближе к вечеру, когда ее будили либо мама, либо Мегги, она ужинала, делала уроки и снова ложилась спать. Сейчас чувства были схожи с этими. Все силы словно разом покинули ее.

Но отдохнуть ей было не суждено. В коридоре ее караулила Мегги.

— Почему ты не берешь трубку? — с порога спросила она. И гневный взгляд на детском личике немного развеселил Марту.

Прежде чем ответить, она достала телефон из кармана и проверила пропущенные. Девять. Мегги звонила ей девять раз. А если бы что-то случилось? Пора завязывать с виброрежимом.

— Что-то серьезное? — спросила она, попутно включая звук на максимум.

— Тот мужчина проснулся, и отец просил меня предупредить тебя. Его телефон разбился в аварии, — пояснила Мегги, продолжая сверлить сестру недовольным взглядом.

— Давно?

Осознав, что ничего страшного не произошло, она принялась раздеваться и разуваться, никуда не торопясь.

— Пару часов назад, — хмыкнула девчонка и побрела в гостиную, откуда доносился шум телевизора.

Прежде чем подняться на второй этаж, Марта заглянула к себе, быстро приняла душ и переоделась. И все еще с мокрыми волосами побрела наверх. Особого желания пересекаться с человеком, который поставил ее жизнь с ног на голову, у нее не было, но она все же пошла.

— Если бы не моя дочь, ты уже был бы мертв, а ты все оскорбляешь ее. Как ты там назвал ее? «Дьявольская сука»? А как же ты тогда относишься к своим братья, которые сделали тебя последним наркоманом, который без дозы просто не выживет? — услышала она голос отца, ступая по коридору, и замерла.

После его слов наступила тишина, но Марта не сдвинулась с места, ожидая, что будет дальше. Она прекрасно знала, что делал ее отец. Алистер Рудбриг пытался прощупать его, найти слабое место. Брешь, через которую можно было бы пробиться к человеку, который прятался под фанатичными идеями. Вот только она считала, что у него это вряд ли получится. Единственным шансом для них был ее контроль над Коулом. Хотя теперь и не была уверена в том, что смогла получить над ним достаточную власть. Ей даже начинало казаться, что никакой власти над ним у нее и не было.

Молчание затягивалось, и начало создаваться впечатление, что либо Коул спал, а отец лишь репетировал речь, либо Коул игнорировал его и не шел на контакт. Так что Марта решила все-таки зайти в спальню.

Коул не спал. Он сидел на кровати, откинувшись на подушки. Руки его свободно лежали поверх одеяла. Они развязали его пару дней назад и переодели. Вспоминать, как они с отцом

перекатывали его по кровати и обтирали влажными полотенцами, Марте совсем не хотелось. Теперь проход в комнату был свободным, они установили тувроты вокруг кровати, раз уж мужчина все равно спал.

Охотник смерил ее равнодушным взглядом и уткнулся в стену, пытаясь сделать вид, что не замечает их присутствия.

— Уже вернулась, — вместо приветствия выдал Алистер, а Марта кивнула ему в ответ.

— Что делаете? — спросила Марта и уселась на тумбочку возле кровати.

От руки Коула ее отделяло меньше, чем полметра, и при других обстоятельствах расстояние, разделяющее их, было небезопасным. Но пролегающая вдоль края кровати граница создавала впечатление безопасности нахождения рядом с животным, запертым в клетке.

— Пытаемся разговаривать. Наш гость сегодня встал не стой ноги и как-то не настроен на светские беседы. Он либо сыпет оскорблениями, либо совсем молчит.

Алистер пожал плечами и откинулся на спинку кресла.

— Попробуй что ли заколдовать его, глядишь у мальчика настроение поднимется, — предложил отец.

Коул резко повернул голову к Марте и посмотрел на нее убийственным взглядом.

— Только посмей, — процедил он сквозь зубы.

Марта постаралась спрятать страх, который он вызывал у нее, под насмешливой ухмылкой и развела руки в стороны:

— Уже. Или ты забыл?

Алистер тяжело вздохнул.

— Марта, милая, не стоит издеваться над нашим гостем.

Издеваться? Она плотно сжала губы и даже не посмотрела на отца. Что толку? Он все равно не заметит kloкочущий в ней страх. Не заметит точно так же, как и не замечал ни ее боли, ни ее грусти. В отличие от матери, он просто не понимал ее. Возможно поэтому они раньше все время ругались, а теперь лишь балансировали на линии равнодушия, когда каждый делает вид, что не замечает чувств другого. Было в этом нечто неправильное.

Марта подняла глаза и заметила, что Коул как-то выжидательно смотрит на нее не без доли сомнения.

Что ему сказать? Как именно работает принуждение? Нужно ли призывать силу, чтобы он подчинился? Тогда в подвале он действительно подчинился ей? Вопросов было много, а ответов не было совсем.

Марта глубоко вздохнула, набрав полную грудь воздуха, и на одном дыхании выпалила:

— Ты будешь отвечать на его вопросы. И будешь говорить только правду. А даже если попытаешься соврать — не сможешь.

Не было ни вспышек яркого света, ни молний и грома за окном, которые неожиданно бы пронзили небо погожим солнечным деньком, ни каких бы то ни было другим магических проявлений, которые так красочно рисуют в фильмах. Были лишь слова, камнем повисшие в воздухе, и паника в глазах мужчины напротив.

— Как тебя зовут на самом деле? — не теряя ни секунды, начал допрос отец. Он был полон решимости выяснить все.

Коул перевел на него взгляд. Он выглядел, как потерянный зверек, загнанный в угол. И дышал тяжело, словно пробежал несколько миль, а не провел все утро в кровати.

— ... Коул...

— Оу, так имя все-таки настоящее. — Отец достал из нагрудного кармана жилета маленький блокнот и карандаш, сточенный на половину. — Фамилия?

— ... Томсон... — словно выдавливал из себя слова охотник.

Отец сделал какие-то пометки в блокноте, а затем изучающе посмотрел на Коула. Теперь в его взгляде пылал интерес, которого не было ранее.

— Коул Томсон, значит? — задумчиво протянул он. — Знаешь, я всегда думал, что представителей вашей профессии должны звать более... как бы это сказать... более мощно! А ты — всего лишь Коул Томсон!

Отец прикрыл рот рукой, чтобы подавить смешок, и продолжил:

— Даже я со своим именем куда больше сойду за охотника на ведьм. Алистер Рудбриг! Марта, ну скажи же, звучит? Есть же что-то такое... мощное! — он всплеснул руками, карандаш вылетел из пальцев и, ударившись о защитный барьер, упал на пол. — А вот «Коул Томсон» совсем не звучит.

Коул молчал. Он презренно шурился, будто пытаюсь запомнить этот момент в мельчайших деталях. Запомнить оскорбления и отомстить, когда представится случай. А Марта лишь сжала кулаки, наблюдая за их поединком, при этом не совсем понимая, чего отец хочет добиться, провоцируя Коула. Вывести его из себя? О, с этой задачей он блестяще справился, даже Марту его слова не оставили равнодушной.

— Скажика мне, Коул Томсон, как такой обычный мальчишка оказался втянут в такой нехилый переплет?

Коул уже собирался что-то сказать, но в последний момент поднял руку и запихнул кулак в рот, мешая разобрать слова, вырывающиеся из его рта.

— Убери руку, — приказала Марта, удивленная его попытками сопротивляться.

Он ее послушался, но в ту же секунду перевернулся на бок и, зажав подушку зубами, продолжил рассказывать свою нечленораздельную историю, зажимая уши руками.

— Прекрати сейчас же!

Никакого эффекта. Коул продолжал вгрызаться в подушку и что-то бубнить. Марта ошарашенно наблюдала за происходящим, не в силах вымолвить ни слова. А ее отец громко и задорно рассмеялся, сделав ситуацию еще более нелепой.

— Похоже, кто-то очень не хочет, чтобы его секреты были раскрыты, — вдоволь насмеявшись, подытожил Алистер. — Знаешь, Коул Томсон, ты куда более интересный человек, чем кажется на первый взгляд.

— И что нам делать?

— Подождать, пока он не начнет задыхаться? — предложил отец. — Боюсь, как бы он себя слуха не лишил в попытках оградить свои секреты. Как насчет чаю?

— Сейчас? — опешила Марта. — Мы так ничего от него и не добились! Нужно продолжить.

Отец встал с кресла и махнул рукой в сторону Коула.

— Сомневаюсь, что сейчас мы сможем от него узнать хоть что-то. Он будет сопротивляться тебе до последнего. И, как я понимаю, если он тебя не слышит, то и подчиняться не станет. Да уж, милая, ты не так сильна, как тебе того хотелось бы, — не без издевки сказал он. — Пойдем попьем чайку. Я попытаю с ним удачу позже. Может что и выйдет.

Отец ушел, а Марта осталась стоять, как вкопанная, буравя Коула полным ненависти взглядом.

— Идиот! — тихо прошипела она и вышла, громко хлопнув дверью.

Глава 13. Верный пазл

Алистер не приехал. Он не приехал ни на новогодние каникулы, ни на летние. Так же как не приехал и на следующие Рождество и каникулы, следовавшие за ним. Он не приехал и летом позже. И не объявился на выпускном Терры, хотя обещал.

Даже Мадам Рудбриг уверяла, что он придет на выпускной. Говорила, что он постарается закрыть свои предметы раньше и обязательно придет.

Но он не приехал.

Сказать, что это злило Терру, было бы неправильно. Она чувствовала себя брошенной, потерянной, забытой. словно целый кусок ее жизни остался за бортом. Он не просто не приехал. Он оставил ее. Именно этого она и боялась. Именно это и произошло.

Сидя за столиком в недавно открывшейся пекарне «У Бобби», Терра нервно постукивала ногтями по столешнице. Этот звук обычно успокаивал ее, вот только сейчас плотная резиновая подложка, которая лежала там на каждом столике, глушила все звуки.

— Ну и?

— Что «ну и»? — спросила Терра и подняла взгляд на Сьюзи, свою бывшую одноклассницу.

— Долго еще будешь сидеть и смотреть так, будто меня здесь нет? — возмущенно воскликнула Сьюзи, вскинув брови.

Это была невысокая пухляшка с задорным характером и привычкой лезть во все щели. Возможно поэтому на ее красивом круглом личике красовался дважды сломанный нос. Первый раз его сломали, когда Сьюзи подслушивала чье-то любовное признание, закончившееся двумя трагедиями: сердце девушки было разбито, а нос пухляшки Сьюзи оказался разбит ровно в тот момент, когда незнакомка, в слезах убегая от отвергнувшего ее парня, со всего маху налетела на Сьюзи, сподвигнув ее нос на встречу с полом. Научило ли это чему-то Сьюзи? Ровным счетом ничему, ведь второй раз ее нос подвергся жестокой расправе вместо ее же языка: Сьюзи подтрунивала над одним из одноклассников из-за плохих оценок, хотя «подтрунивала» — слишком мягкое слово... неудивительно, что ее нос пострадал.

Возможно сломанный нос и не характеризовал Сьюзи как личность, как не могли характеризовать ее светлые с рыжиной волосы, собранные в пучок, или серые с зелеными крапинками глаза, или тонкие губы, вечно подведенные странного цвета карандашом. Вот только поступки, приведшие ее к этому носу, создавали четкую и красочную картину.

— Ты пойдешь на свидание с ним? — еще раз повторила она свой вопрос и, скрестив руки на груди, откинулась на высокую спинку диванчика.

«У Бобби», пожалуй, был единственным молодежным местом во всем Рупи. В обеденные и вечерние часы здесь было не протолкнуться.

— С чего бы мне с ним идти?

Терра окинула взглядом зал. Людей было пока немного, но они уже начали набиваться, как селетки в банку. Возможно в любом другом городе лишние слушатели не были чем-то неприемлемым, но в Рупи слухи разлетались со скоростью света, обрастая новыми подробностями, которых не было изначально. Было ли разумно вот так сидеть здесь и обсуждать это странное приглашение на свидание?

— Оливер милый, высокий, умный, симпатичный, интересный, — перечисляла Сьюзи,

загибая пальцы. — Да и тебе уже давно пора начать с кем-то встречаться. Долго ты будешь еще страдать по своему Рудбригу? Он уехал! Все, баста! Финит, а ля комедия!

— Сьюзи! — возмущенно прошипела Терра и ещё раз окинула пекарню взглядом.

— Что Сьюзи? Млеешь по парню, которому до тебя и дела-то нет! Бред да и только! И что ты будешь делать, когда он вернется с какой-нибудь красивой девчонкой под боком и скажет: «Здравствуйте, мама и папа! Это Патрисия, и теперь она будет жить здесь!»

— Почему Патрисия? — спросила Терра, ощущая, как краска приливает к лицу.

— Да не придирайся ты к словам! Это может быть Патрисия, а может быть какая-то Сюзанна. Боже, да даже Марч! Вот что ты будешь делать, если он приведет эту Марч? Пожелаешь им счастья и будешь улыбаться, в голове придумывая план, как отравить или удушить ее ночью?

— Сьюзи!

— Ну что Сьюзи? Что? Вечно ты строишь из себя святую!

— Никого я из себя не строю!

— Ну конечно!

— Конюшня! — буркнула Терра и уткнулась в свою чашку с уже давно остывшим чаем.

Возможно Сьюзи и была права, но оттого желание сломать ее любопытный нос в третий раз было ничуть не меньше.

— Терра, ты уже не маленькая девочка. И если раньше то, что ты таскалась за ним по пятам, и было мило, то теперь все будет не так. Оглянуться не успеешь, как он начнет видеть в тебе лишь надоедливую поклонницу. А оно тебе надо? Найди себе кого-нибудь пока не поздно, — не унималась Сьюзи. — Если тебе так уж не нравится Оливер, то выбери кого-то другого. В Руни полно парней, которые ради тебя и твоего внимания готовы в лепешку расшибиться!

— Не хочу, — только и ответила Терра, не отрывая взгляда от чашки.

— Чего? — возмущенно воскликнула Сьюзи. — Не хочешь? А чего ты хочешь? Остаться старой девой и жить на отшибе с сорока девятью кошками?

— Не носи чепухи! Какая старая дева? Мне еще и двадцати нет!

— Да, но ты тратишь свои лучшие годы на мужчину, которому до тебя дела нет! Ему на тебя плевать!

Терра усмехнулась.

— Алистеру никогда не было на меня плевать. Он мой друг. Верный друг.

— Что и требовалось доказать, — торжественно кивнула Сьюзи. — Ты и сама прекрасно понимаешь, что тебе с ним ничего не светит. Цитирую: «Он мой друг». Тогда что тебе мешает пойти на свидание с Оливером?

— Ничего. Я просто не хочу.

— Ну и дура!

Терра звонко рассмеялась.

— Что поделать? Такая уж родилась! Если уж тебе этот Оливер так нравится, забирай его себе.

— Ага, как же? — она развела руки в стороны и горько вздохнула. — Он в мою сторону даже не посмотрит. Я же не красотка, а типичная подружка-толстушка!

Терра лишь так же горестно вздохнула. Что бы она ни сказала, это все равно не убедит Сьюзи в том, что она далеко не типичная, а скорее уж феноменальная.

Она промолчала — и Сьюзи тоже, а после недолгой и неуютной тишины они перешли

на более безопасные темы. Например, городские сплетни, которые не затрагивали ни чьих чувств и были лишь приятным времяпрепровождением.

После обеда Терра заскочила в академию к Джослин, чтобы вернуть несколько гримуаров, которые брала на изучение. Возможно было неразумно целый день таскать с собой по городу магические книги, которые стоило бы держать под замком, но Рупи был маленьким и безопасным городком, здесь никогда не происходило ничего, что мало мальски подходило бы под описание «опасно».

Джослин в академии не было. Она закрыла учебное заведение на все лето, а сама уехала к своим дальним родственникам, так что официально их занятия закончились. Но это несколько не мешало Терре заниматься самостоятельно. Воспользовавшись своим ключом, который Джослин дала ей пару месяцев назад, Терра проскользнула в пустую библиотеку и направилась напрямик к подвалам, где они обычно занимались.

В подвале было темно и холодно, что в летнюю жару даже радовало. Терра включила свет и направилась к дальней стене, где на полках зачарованных стеллажей хранились гримуары. У Джослин было много гримуаров, даже слишком много.

Стеклянные двери, за которыми прятались книги, были зачарованы магией крови. Их нельзя было открыть, не заплатив цену. Терра достала из портфеля длинную цыганскую иглу и, проколов свой еще не успевший зажить с прошлого раза палец, накапала несколько капель в замок. Тот щелкнул, и дверки распахнулись настезь, являя миру многообразие кожаных корешков, которые прятались за мутными стеклами.

Достав книги из портфеля, она вернула их на место, скрыв прорехи на полках, и принялась выбирать, что взять с собой на «домашнее чтение». Любовная магия? Защитная? Магия крови? Зельеварение?

«Пожелаешь им счастья и будешь улыбаться, в голове придумывая план, как отравить или удушить ее ночью?»

Или может взять пару томиков по умертвляющей магии? Так, на всякий случай!

Терра покачала головой, отбрасывая от себя эти мысли, и, опустившись на корточки, достала с нижних полок гримуар по лечебной магии. Все гримуары Джослин были как параграфы в книге — строго посвящены одной теме. Если гримуар любовный, то вы не найдете в нем ни одного защитного заклинания.

Поместив свою добычу в портфель, Терра захлопнула дверцы стеллажа, и замок тут же сработал. Терра застегнула портфель и, повесив его на спину, поспешила покинуть академию «Марии-Розы».

Нужно было еще успеть попасть на автобус, который трижды в день циркулировал между близлежащими деревнями и Рупи. Это был единственный способ попасть в поместье Рудбригов, кроме такси, тратить деньги на которое совсем не хотелось, так же как и идти пешком через лес. Так что, закрыв академию, Терра сломя голову понеслась к автобусной остановке.

Девушка успела на автобус, но идти пешком ей все равно пришлось. Автобус останавливался недалеко от поворота, ведущего к поместью, а потом ехал дальше к деревням. Там-то Терра и вышла, поплетясь к дому. Летом ходить по этой дорожке в тени кленов и дубов было одно удовольствие. Весной или осенью тоже, если не шли дожди, конечно. А вот зимой были проблемы. Зимой Терра мечтала о том, чтобы у Рудбригов либо был дом в городе, либо ее перевели на домашнее обучение, как и Алистера. Но ни тому, ни другому не суждено было случиться, так что оставалось только радоваться, что школа

наконец-то осталась позади.

Тяжелые кованые ворота для машин были распахнуты настежь, в то время как маленькая калитка, через которую сегодня утром выходила Терра, была закрыта. Терра вошла через ворота и, свернув на прогулочную дорожку, поплелась к дому. Возможно сегодня был один из тех редких дней, когда Мадам Рудбриг принимала гостей.

Наверное Терре лучше бы не попадаться им на глаза, а пройти с заднего входа и спрятаться в своей спальне. Гости Мадам Рудбриг никогда не были теми людьми, в обществе которых чувствуешь себя комфортно. Им лучше вообще не попадаться на глаза, чем провести с ними вечер мучительного сосуществования, гадая, что лучше — вскрыть себе вены или повеситься.

Так что Терра свернула с прямой дорожки, ведущей прямо к дому, и направилась к садам, огибая поместье, чтобы проскользнуть с черного входа, которым обычно пользовались слуги. Точнее, которым раньше пользовались слуги. С каждым годом их становилось все меньше и меньше. Сейчас количество слуг сократилось до пяти человек: кухарка миссис Фолч, уборщицы Молли и Козетта, дворецкий мистер Штрауд и садовник Джордж, который также отвечал и за охрану.

Именно с Джорджем Терра и столкнулась в садах. Он как раз обрабатывал стволы яблонь чем-то отвратительно вонючим. Этот тошнотворный аромат можно было учуять за милю. Казалось, он пропитал весь сад и даже самого Джорджа. В своей огромной соломенной шляпе, синем рабочем комбинезоне и фиолетовых резиновых сапогах до колена Джордж мало походил на человека, которому можно было доверить охрану чего-то большего, чем ящика с семенами. Но его вид был обманчив: Джордж был кладезем информации в поместье Рудбригов. Он знал абсолютно все!

Девушка подошла к нему со спины и громко спросила:

— Кто приехал? — мужчина подпрыгнул на месте и выронил опрыскиватель. — Надеюсь, это не Хартрайты. Они такие нудные и кислые, что от одного только взгляда на них во рту все вяжет.

— Терра? Что ты тут делаешь? Ты разве не в доме? — отдышавшись, принялся удивленно расспрашивать ее Джордж.

— Нет. А должна?

— Конечно! — воскликнул мужчина и, опустившись на корточки, поднял свой опрыскиватель. — Алистер вернулся!

Слова доносились до Терры как сквозь толщу воды. Алистер вернулся! Казалось, ее сердце пропустило удар, а затем пустилось в галоп. Ей даже показалось, что от звука собственного сердца, стучащего где-то в районе ушей, она на секунду оглохла.

— Вернулся? — как дурочка переспросила она.

— Да, приехал пару часов назад вместе с другом, — подтвердил Джордж и принялся дальше обрабатывать ствол. — Поторопись!

Друг? Казалось, это слово выбило из Терры всю радость. Мужчина или женщина? В любой другой день она не придавала бы этому никакого значения. Но Сьюзи разбередила в ней что-то своими рассказами.

На ватных ногах Терра поплелась к черному входу. Сердце все так же стучало у нее в ушах, но теперь совсем по другой причине. Сможет ли она принять этого друга или подругу и идти дальше? Может уже давно пора было найти себе кого-то?

Не помня себя, Терра вошла в дом. Она была рада потому, что Алистер вернулся, вот

только на душе было паршиво. Он приехал знакомить свою девушку с родителями? Если так, то не стоит омрачать их счастье, нужно просто спрятаться в своей спальне.

Задний вход вел на кухню, из которой можно было незаметно проскочить на лестницу, а оттуда в спальню. И все было бы чудесно, если бы не мужчина, сидевший за столом у окна, за которым Терра иногда завтракала, когда вставала раньше остальных членов семьи. Мужчина тихо переговаривался о чем-то с кухаркой, вымешивающей тесто.

Терра собиралась тихо проскользнуть мимо них, но миссис Фолч заметила ее и окликнула, не дав скрыться.

— О, так вы и есть та самая Терра, — просиял незнакомец и встал из-за стола. — Чарли Томсон.

Он подошел и протянул ей руку для рукопожатия.

— Терра Грабс, — неуверенно ответила девушка, пожимая протянутую руку.

Чарли Томсон был жизнерадостен. С его тонких губ не сходила улыбка все то время, как они молча стояли и смотрели друг на друга. Это была не нервная улыбка и уж тем более не ехидная или насмешливая. То была обычная добродушная улыбка добродушного человека. Доброта буквально читалась в его глазах.

— О, вы уже познакомились, — знакомый голос резанул по ушам. Слышать его спустя столько времени было так непривычно.

Еще ни разу в жизни ей не было так страшно оборачиваться. Всего-то и нужно было чуть-чуть повернуть голову, чтобы увидеть его. Едва ли это можно было бы назвать движением. Но она не могла сделать даже этого. По спине побежал холодок, а сердце бешено забилося в груди.

Она смотрела на Чарли Томсона и словно не видела его. Перед глазами все плыло. И Терра не могла сказать, от страха или же от счастья.

— О боги, да ты напугал ее! Смотри, как ее трясет! — воскликнул Чарли и фамильярно похлопал Терру по плечу. — Да уж, есть у Алистера такая привычка. Он слишком тихо ходит. Представляешь, в первую нашу встречу я чуть не обделался от страха.

И он громко раскатисто рассмеялся.

А Терра лишь ошеломленно смотрела на него. Казалось, рассудок вернулся к ней, и она снова начала соображать. Она была благодарна этому мужчине перед ней. Вот только сил, чтобы обернуться, все еще не находила.

Алистер сделал это за нее. Он протиснулся в проем и, обойдя Терру, встал рядом с Чарли. Терра смотрела на него во все глаза, стараясь не забывать, как дышать. Алистер изменился. Не сильно, но изменился. Теперь его волосы были подстрижены короче, чем раньше. Он стал выше, и кажется чуть шире в плечах, но все еще оставался таким же худощавым. В уголках глаз появились намеки на лучики морщин. Но самые большие изменения были в его взгляде. Теперь в нем была уверенность. Хотя это, безусловно, было в нем и раньше, но теперь уверенность словно лучилась из его взгляда.

— Прости, что напугал, — сказал он, и уголки его губ поднялись в легкой улыбке.

Не в силах сопротивляться его притяжению, Терра просияла в ответ.

— Ничего страшного.

Алистер был здесь. Алистер вернулся. И только это и было важно. Она наивно и возможно глупо улыбалась ему, ощущая, как кусочек ее души становится на место, занимая ту самую пустующую нишу. Дыру, что зияла в ней с самого его отъезда.

Глава 14. Маленькая леди

Марта в который раз окинула критическим взглядом поднос с едой, который протягивал ей отец.

— Зачем? — она выхватила поднос из рук отца и швырнула на стол. Маленькая вазочка с одинокой искусственной розой слетела с поверхности и покатила по столу, а чай расплескался и залил весь поднос. — Зачем все эти розочки? Начищенные приборы? Ты даже положил ему мамины салфетки! Чего, черт тебя дерит, ты пытаешься этим добиться? Ты выставляешь себя идиотом!

Кровь медленно закипала в ее венах. Отец смерил ее своим равнодушным взглядом, беззвучно вздохнул, посмотрел на разрушенную композицию на подносе, тоскливо покачал головой, а затем вновь посмотрел на Марту и разочарованно произнес:

— Я никем себя неставляю. Лишь не веду себя, как упертый бык, и пытаюсь расположить к себе этого заблудшего мальчика. А ты лишь провоцируешь его, еще больше убеждая его в том, что ты злобная и алчная ведьма.

— Ну спасибо, — едко бросила Марта, и каждый мускул на ее лице напрягся. — Всегда знала, что именно такой ты меня и видишь.

— Хватит! Не начинай вести себя, как маленький избалованный ребенок.

— Ну класс! Просто потрясающе! Гость, мальчик. Как ты его еще назовешь? Щеночек? Дружочек? Или может вообще сыночек? — Марта ощущала, как ее голос начинает дрожать и как в нем проступают истерические нотки. Глаза обожгли непрошенные слезы, которые она моментально смахнула привычным движением.

— Выпей пустырника и прекрати истерить на ровном месте, — только и сказал Алистер и принялся восстанавливать композицию из яичницы, чая и розы на подносе.

— Ты идиот! — крикнула Марта и, развернувшись на пятках, вылетела из кухни.

Но уйти далеко не смогла. Заметив сестру, сидящую на лестничных ступеньках, Марта застыла на месте. Похоже, все это время Мегги их слушала. Слушала ее нелепые изречения... Нелепые?

Да, ее злость определенно была нелепой и неуместной, но поняла она это только посмотрев на недоумевающую сестру, круглые глазенки которой были похожи на блюдца под нахмуренными бровями.

И так, смотря в это детское личико, Марта поняла одну вещь, от которой даже стало немного жутко: ей не было обидно или больно от слов отца. Была лишь злость. Ни на кого-то конкретного. Просто злость. Даже не всепоглощающая, перерастающая в ярость, а просто нелепая. Возможно нервы начали сдавать. Но от того, что она не могла вспомнить, когда именно в ней что-то щелкнуло и безумство начало напирать и брать свое, было страшно. Похоже ей хотелось выместить свое негодование от неудач хоть на ком-нибудь. Хотя... Если быть совсем уж точной, она не могла сказать, что в своих словах была тоже хоть в чем-то не права.

Глупо.

Не дожидаясь, пока Мегги скажет хоть слово, Марта развернулась и пошла обратно. Гордо расправив плечи, она вошла в кухню, отыскала в холодильнике настойку пустырника и накапала себе пятнадцать капель в кружку, а затем залила водой и осушила ее за пару глотков, стараясь не скривиться от неприятного привкуса.

— Молодец, — произнес Алистер, но по его тону было непонятно — хвалит он или издевается. — А теперь, если ты хоть немного вернула свои мозги на место, отнеси ему поест. И пусть он съест эту несчастную холодную яичницу. Договорились?

Марта старалась не заводитьсь и, лишь коротко кивнув, взяла поднос и поспешила выйти из кухни, чтобы не напороться на еще один недо-скандал. Мегги проводила ее грустным взглядом, слегка поджав губы. В последнее время она была тихой. Несвойственно тихой. Словно молча наблюдала за всеми. А уж какие выводы рождались в ее голове — это вопрос со звездочкой. Когда Марта скрылась на втором этаже, Мегги встала со ступенек и поплелась к отцу.

До сегодняшнего дня Коул был источником страха в ее жизни, теперь же он стал водоворотом идиотизма. Или же гениальности? Как правильнее назвать человека, который разорвал наволочки на лоскуты и напихал их себе в уши на манер затычек? Все бы ничего, если бы они не выглядели как сережки: длинные белые тканевые сережки.

Вот только как реагировать на взрослого мужчину, который выставляет себя полным идиотом, лишь бы защитить свои секреты, Марта не знала. Она поставила поднос ему на колени, а сама села в кресло.

Коул к еде не притронулся, а она уставилась в окно, наблюдая за неподвижными ветками давно засохшей маминой яблони. План. Нужен был хоть какой-нибудь маломальский план. Что, так и продолжать жить с этим мужчиной в гостевой спальне и надеяться на то, что однажды он поймет ее и решит отказаться от своих целей?

Подобная перспектива была смехотворной. Коул умрет мучительной смертью через месяц или два, если они его не отпустят. Запасы Кеторин не безграничны, и, когда они иссякнут, будет уже абсолютно все равно, о чем там думает этот парень и кого он собирается убить.

Были еще охотники, с которыми тоже надо было что-то делать. Но здесь было капельку легче, ведь вполне вероятно, что у Кеторин был план. План, в который Марту пока не посвятили. И у отца должен был быть хоть какой-то план — в этом Марта была уверена, как и в том, что он не пожелает прояснить ей детали.

У всех были планы. Даже у Коула. Решимость читалась в его глазах.

Марта тяжело вздохнула. По части составления планов у нее было плохо. Плыть по течению? План как таковой может быть и неплох, вот только куда вынесет ее это течение? На рифы? Или есть шанс, что на маленький счастливый островок с белым песочком, бутылочкой шампанского и сочным бургером?

Марта вновь посмотрела на Коула, который в этот момент так же смотрел на нее. Был ли он такой же жертвой обстоятельств? Может стоило попытаться хотя бы понять его?

Марта встала и вышла из комнаты. На книжных полках рядом с томиком Молота Ведьм лежал старый альбом Мегги. Марта взяла его, а затем отыскала шариковую ручку. Со своей добычей она вернулась к Коулу, полная решимости вывести его на разговор.

Марта вновь заняла кресло и, уложив альбом на коленях, принялась выводить буквы своим не самым каллиграфическим почерком. Точнее, своим абсолютно неразборчивым смазанным почерком, который вполне мог принадлежать напившемуся вдрызг алкашу с трясущимися руками, пальцы на которых скорее всего были сломаны, и подслеповатыми глазами, но никак не учителю рисования. Для Марты всегда была большая разница между «писать буквы» и «рисовать слова».

Убедившись в том, что ее писанину все-таки можно разобрать, она развернула альбом к

Коулу. На белом листе было несколько фраз.

«Может поговорим? Я не буду тебе приказывать. Буду молчать. Честно!»

Пока Коул читал, щеки Марты начали гореть. До нее начало доходить, что слова на листе были не свойственны ей. Они были криком о помощи. Криком, за который ей было стыдно.

Марта резко опустила альбом надписями вниз и буркнула:

— Забудь. Неудачная была идея, — она встала с кресла. — Ешь, пока совсем не остыло.

Девушка размашистым шагом вышла из гостиной, но спуститься по лестнице так и не решилась, застыв на месте с занесенной над ступенькой ногой.

Чего ради она ведет себя так? Самой себе она начала казаться абсурдным недоразумением. Психует и обижается, как маленький избалованный ребенок, с которым ребята постарше отказываются играть на детской площадке, и уповает на то, что придет «большой и грозный папа» и все решит.

Вот только что-то ей подсказывало, что с ребятами играть не стоит, потому как игры далеко не детские и никакой «грозный папа» не сможет ей помочь. Нужно было решать проблему, а не строить из себя кисейную барышню, которая застенялась из-за тона записки. Вдруг принц ее не так поймет?

Вот только Коул никакой не принц, а никудышный охотник на ведьм. А она — та самая ведьма. Давно пора было смириться со своей участью и научиться ею пользоваться. Видит бог, возможностей было предостаточно. Да, мать запрещала ей колдовать, буквально вбила в голову мысль о том, насколько ворожба — чужеродно и отвратительно. Хотя сама, похоже, колдовала направо и налево и нисколько этого не стыдилась. Кто, если не мать, поставил защитный купол над их домом?

Марта настолько сроднилась с тем, что ее мать была «обычной», что осознание своей полной неправоты едко кололо в сердце. Было в этом нечто обидное: поймать свою казалось бы непогрешимую мать на лжи. На долгой и выверенной лжи. Ее чуть ли не каждое утро кормили с ложечки сахарными хлопьями вперемешку с ложью.

Марта проглотила липкий комок недовольства и, развернувшись, вновь пошла в спальню Коула. Войти «как королева» у нее не получилось, она зацепилась рубашкой за ручку двери и чуть не проделала в ней дыру. Что, конечно, немного подпортило и без того не самое радужное расположение духа.

Стараясь не подавать виду, Марта вновь взяла альбом и, найдя там еще одну чистую страницу, и принялась писать, не особо заботясь о красоте своего почерка. Поймет он или нет, ее мало интересовало. Пусть сам запаривается, пытаюсь понять.

Она просунула руку с альбомом сквозь границу тувротов и бросила альбом на кровать рядом с подносом. Затем еще раз смерила своего пленника недовольным взглядом и, тяжело вздохнув, вышла из спальни.

Пожалуй, сегодня был один из тех дней, когда находиться дома совсем не хотелось. А тихое перешептывание Мегги и отца на кухне, которое слышала Марта, проходя мимо, еще больше упрочили ее желание уйти... уйти хоть куда-нибудь. Вот только проблема была в том, что за все свои годы жизни она так и не обзавелась друзьями, с которыми можно было поделиться своими секретами и без утайки раскрыть душу, не боясь, что это смогут использовать против нее.

Сестра с отцом были настолько поглощены своим разговором о школьных планах Мегги на Рождество, что даже не заметили, как Марта тихо оделась в прихожей и, захватив пузырек

с зельем, выскочила из дома.

Идти ей было некуда — в Рупи просто не было мест, где девушка вроде нее могла бы посидеть в одиночестве и просто подумать, попытаться сложить пазл из раздробленных маленьких кусочков. В таких маленьких городках иногда достаточно было просто перейти дорогу в неполюженном месте или «не так» посмотреть на кассиршу в магазине, чтобы стать предметом слухов.

Так что Марта понимала, чем может обернуться для нее очередной поход в Ведьмину обитель, но все же направилась туда в надежде провести пару часов в тишине, чтобы просто подумать.

В бывшую церковь Марта проскользнула через черный ход. Было нечто боязное в том, чтобы вновь открывать старую скрипучую дверь, через которую пару часов назад ее выпроводила Джуди. Задней вход вел на склад, где на полу хранились кеги с пивом, а на полках бутылки рома и не начатые пачки кофе вперемешку с фруктами, овощами и старыми магическими артефактами. Их назначения Марта не знала, но ощущала разное слабое магическое свечение от каждого предмета. Здесь были и навязанные узлы из корабельных тросов, и казалось бы пустые бутылки странных форм и размеров, если присмотреться к которым, то можно было заметить магический след покрывающий стекло, заставляя то светиться. На одной из полок Марта углядела деревянные бусы, покрытые инеем, а рядом аккуратно примостилась обычная медная пластинка, на магический след которой без солнцезащитных очков было больно смотреть.

До этого в полумраке Марта не разглядела магических кругов, что украшали обе двери. Девушка достала телефон из кармана и, включив фонарик, направила его на ту дверь, что вела на улицу. Круг, нанесенный на древесину чем-то вроде масляной краски, был скорее квадратом с зигзагами на углах, которые расходились книзу, как кисточки на диванных подушках. А круг на двери, что вела в бар, оказался вполне себе нормальным кругом, от контура которого к центру тянулись замысловатые узоры, похожие на лианы, оплетенные листьями. Назначения этих кругов, как и всех артефактов на полках Кеторин, Марта не знала, но в этот момент в ней что-то всколыхнулось. И этим «чем-то» был интерес.

Она толкнула дверь и вышла в зал Ведьминой обители, оказавшись под лестницей, ведущей в «кабинет» Кеторин. Единственным источником света был костер под Ведьминым котлом, который так же светился, отбрасывая завораживающие блики на стены и на лицо женщины, склонившейся над ним. Вот только Марта была уверена, что грани чарующего света котла были доступны далеко не каждому, и внутреннее чутье подсказывало, что даже сама она не видела всего его великолепия.

Кеторин склонилась над котлом, огромной деревянной ложкой помешивая его содержимое. Она мешала то по часовой стрелке, то против, то вообще словно жарила картошку. Пару раз она надевала большие варежки сварщика и хорошенько так встряхивала котел. Марту немного завораживало то, как казалось бы не особо физически сильная женщина с легкостью, даже играючи обращалась с тяжелым чугунным котлом.

На секунду она и себя попыталась представить в этой роли: у котла, с лопаткой в руках, рядом столик с ингредиентами для зелья. Вот она, а не Кеторин, берет склянку с какими-нибудь лягушачьими лапками или хвостами крыс. Издалека не разглядеть. Нет, не пойдет! В своем воображении Марта решила, что это будет склянка с чем-нибудь блестящим и приятно пахнущим. И уже она уверенной рукой высыпает все ее содержимое в котел. Котел вздрагивает, и сам воздух сотрясается от небольшого взрыва, который произошел в котле, а

комната наполняется светом. Она даже попыталась представить на себе то ликующее выражение лица Кеторин, когда она любовно помешивает зелье в последний раз. Надо же, Кеторин даже не отшатнулась, хотя самой Марте хотелось закрыть уши руками — настолько громогласным был «воплъ котла». Кеторин была спокойна. Она знала, что делает, и, похоже, получала от этого удовольствие. Для нее это была не роль, а сама жизнь. Кеторин дышала этим. Марте даже показалось, что именно здесь, возле котла, было место женщины. Но вот отчего-то ей начало казаться, что, будь она не месте Кеторин, выглядела бы нелепо и глупо, как ребенок, который пытается вести себя, как взрослый.

В чем же была разница? В знаниях? У Кеторин их было полно, и этого не отнять. Марте же думала, что знания получить несложно, если заняться этой целью. Вот только даже если бы она была такой же осведомленной, как Кеторин, ей все равно казалось, что от этого ничего ровным счетом не изменилось бы. Марта не смогла бы стоять там так же, как она. Значит было что-то еще. Что-то, от чего огонь в глазах Кеторин мог стать пожаром, а в Марте скорее всего потух бы. Ей было интересно, вот только она не знала, хотелось бы ей пойти на поводу у него и окунуться в ту пучину, где уже давно плавала Кеторин.

Вот только сможет ли она выплыть потом? Останется ли собой в итоге? Или пучина изменит ее нутро, и ей не захочется возвращаться?

От этих мыслей на душе становилось тревожно, и Марта решила их отбросить, так сказать оставить на потом и когда-нибудь в старости, сидя в кресле у камина и попивая какао, она вспомнит об этом и попытается разобраться. Может, конечно, и не в старости, а возможно завтра... а может быть через пару месяцев, когда прижмет. Но уж точно не сегодня.

Она еще раз окинула зал Ведьминой обители беглым взглядом. Кеторин была настолько поглощена своим котлом, что не замечала ничего и никого вокруг. А Джуди нигде видно не было, хотя она могла притаиться где-то во мраке так, что Марта ее даже не заметила бы — настолько густыми были тени по углам.

Внезапно света, отбрасываемого котлом, стало больше, гораздо больше. Если раньше он светился, то теперь казалось, что сам котел раскалился настолько, что его внутреннему свету было больше некуда деться — и он начал выходить из него, всплесками разлетаясь по комнате. Марта сощурилась, чтобы лучше видеть, только толку было мало. Там, где ее взгляд наткнулся на свечение, воздух будто покрывался рябью и начинал дребезжать, так что за ним было ничего не разобрать.

Сквозь некую пелену Марта видела, как Кеторин отложила лопатку и, вскинув руки кверху, начала скандировать какой-то стих. Слов определенно было не разобрать, но Марта чувствовала и такт, и ритм, и даже немного напевный мотив. Как бы не хотелось ей этого признавать, но слова Кеторин задели в ней какую-то струну, какую-то нить, которая будто все знала и помнила. Вот только сама Марта ничего не знала и ничего не помнила — и оттого внутри нее начала образовываться гнетущая пустота. Не по своей воле она сравнила ее с той пустотой, что захватывала ее рядом с отцом. Пустота там, где должно было быть что-то. Что-то важное! Что-то незыблемое! Что-то, чего не было! И она не могла вспомнить, что заполняло эту пустоту раньше.

Над котлом поднялся сгусток. Темная капля. Она была и не жидкой, и не густой. Странная субстанция, зависшая между двумя формами.

— Что это? — воскликнула обуреваемая эмоциями Марта.

Кеторин впервые оторвалась от своего котла и посмотрела на Марту. Даже сквозь

дымку света Марта разглядела панику и ужас в глазах женщины. И это было последнее, что она осознавала точно. А все, что было дальше, пронеслось секундной картиной. Вот сгусток срывается со своего места и летит в сторону Марты. Вот Кеторин что-то кричит и отчаянно размахивает руками. Что именно она кричала? Впоследствии, сколько бы Марта не силилась вспомнить, не могла. Все затмило то, что произошло дальше.

Сгусток ударился о ее руки, которыми она попыталась закрыться от него. Это был даже не совсем удар в прямом смысле этого слова. Руки будто обволокло чем-то теплым и склизким, словно желе. И как бы не пыталась она отмахнуться от него, сгусток крепко держал ее, не давая пошевелиться.

Марта открыла рот, чтобы узнать, что это такое и как от этого избавиться, но все было тщетно — с губ сорвался только едва различимый стон. Хотя она не была уверена в том, что действительно стонала. Все потонуло в странных ощущениях. Это была не боль, но и приятными назвать нахлынувшие ощущения было нельзя. От сгустка слизи по коже к костям распространялась дикая тяга. Сначала кожу, затем мышцы, а в итоге и кости тянуло в разные стороны. Во все одновременно. В начале это казалось просто неприятным, но тяга нарастала, и в какой-то момент Марте даже начало казаться, что ее просто разорвет. Растянет в разные стороны.

Но вот на секунду все прекратилось, и Марта даже облегченно выдохнула, вновь задумавшись над тем, как избавиться от проклятого сгустка. Затишье было недолгим. Новая тяга пришла вместе с болью, и в этот момент Марта действительно закричала.

Ноги подогнулись, и она рухнула на пол пыльным мешком, не в силах ни стоять, ни лежать. Была лишь тяга. Она то отступала, то налетала новыми толчками. Иногда сильнее предыдущих, иногда слабее, но никогда не пропадая полностью. Она словно томилась где-то в глубине, набирая силу и готовясь к новому нападению.

Никогда раньше Марта не ощущала ничего подобного, и оттого в ее сердце зародился еще один страх. А пройдет ли эта боль или так и останется с ней навсегда? Насколько сильным будет следующий толчок? Неужели все ее суставы просто вытянет из тела? И сколько все это длилось?

Возможно прошло всего пару секунд, прежде чем Кеторин опустилась перед ней на колени, и Марта разглядела ее перекошенное лицо. Только для Марты это время растянулось в часы. Кеторин что-то говорила, но даже ее губы двигались слишком медленно, и Марта не могла разобрать ни слова.

Все что она могла — анализировать, что чувствовала. Анализировать своим слабым и куда-то уплывающим разумом, понимая что каждый ее сустав, каждая кость все еще остается на месте, хоть их и продолжают тянуть. Изнутри и внутрь, вверх и вниз, в разные стороны и все одновременно. Она осознавала это и мысленно содрогалась вплоть до того момента пока разум не уплыл в крошечную темноту, где не было абсолютно ничего, даже ее самой.

Коулу определенно начинало казаться, что он сходит с ума. Он много думал, но не мог прийти ни к какому логическому заключению, переключаясь с одной мысли на другую, чаще всего даже не додумывая предыдущую до конца. Он был растерян и никак не мог собрать себя воедино. В одно мгновение он напоминал себе капризного маленького ребенка, которому не купили игрушку, а в следующее — вполне разумного человека. В какие-то моменты он был на грани, готовый соскользнуть и начать биться в истерике, но надеялся, что не позволит себе скатиться в эту пучину.

Последний час или около того, он давно уже потерялся во времени, Коул избегал смотреть на альбом. Тот лежал на коленях и, казалось бы, даже жег сквозь пуховое одеяло. Стоило ли посмотреть? Да и что она могла там написать?

«Поговори со мной, пожалуйста! Я же хорошая!»

Да, определенно там должно быть написано нечто подобное. Она только и пыталась, что одурачить его. Вот только она писала долго, а на то, чтобы черкнуть пару слов, уходит гораздо меньше времени. Следовательно, там должно быть что-то еще.

Но вот что?

Она намеренно положила альбом вниз запиской? Или это случайность?

Ему не хотелось прикасаться к тому, чего касались руки ведьмы. Не дай бог еще какую заразу подхватить. Наставник говорил, что кожа ведьмы — это рассадник заразы, обитель скверны. Они одним касанием могут навеки омрачить душу, обратить ту во зло.

Но ведь он уже касался кожи ведьмы. Он пытался ее задушить! И что? Вроде никакую заразу не подхватил. Хотя она уже прокляла его, запустила свои мерзкие когти в его душу. Какая уж теперь разница, прикоснется он к альбому или нет. Да и она по-любому убьет его. Оставалось только ждать, когда ее алчная натура решит, что ему пора отправиться к праотцам.

А куда отправится его душа? Куда попадают жертвы ведьм? Он, конечно, надеялся, что в рай, но что, если она уже успела настолько запятнать его душу, что ему только и останется, что скатиться по крутой дорожке в ад и вариться в котле вместе с другими исчадиями зла и порока. Если так, то он считал это несправедливым. За свою жизнь он не сделал ничего такого, чтобы заслужить котел в аду.

Даже ведьму убить не смог. Прискорбно. Но хуже провала было то, что эта ведьма, Марта Грабс, плясала на его гордости и ткнула лицом в неудачу. «Смотри, — кричало ее надменное лицо. — Я жива и здорова! А ты, олух, весь в моей власти. Мне ничего не стоит убить тебя, но прежде я изрядно тебя использую!» Да, примерно это читалось в ее глазах каждый раз, когда она на него смотрела. И она непременно его использует, уж в этом он не сомневался.

То, что она над ним совершила, его пугало. Стоило ей что-то приказать, и он немедленно выполнял ее требование. Проклятье? Морок? Можно ли от этого как-то избавиться? У него же не получится вечно затыкать уши! Когда-нибудь он да осекется — и тогда все будет кончено. Тайны целого ордена в руках ведьмы, даже подумать страшно, к каким последствиям это может привести.

Но как быть? Можно ли как-то обмануть ведьму? Он рассчитывал, что от ведьмы и ее магии его защитит оберег. Но Кеторин Чубоски оказалась шарлатанкой. Шарлатанкой, которая обманула не только его, но и его наставника. И ему нужно было во чтобы то ни стало выбраться отсюда и предупредить того, пока не стало слишком поздно.

Как так получилось, что она обманула их? В голове не укладывалось! Факт оставался фактом: его оберег против ведьм был бесполезен. Кеторин тревожила его куда больше, чем он мог позволить себе в сложившихся обстоятельствах. Он все гадал, могла ли она тоже оказаться настоящей ведьмой — ведьмой, которая водила за нос его наставника. Как вообще так получилось, что они связались с ней? Эта женщина — вот, кого стоило винить в его провале!

Он опять посмотрел на альбом. Прочитать или же нет? Терять-то ему уже все равно нечего. Точнее не так, ему определенно было что терять, но мало что изменится от того, что

он прочитает несчастную записку. В любом случае, он всегда может положить альбом на место и сделать вид, что не читал.

Или все же лучше оставаться в неведении?

Уши зачесались. Жизнь давно уже катилась по наклонной, но было как-то обидно, что даже его единственный способ защиты, импровизированные беруши, которые он зубами выдрал из наволочек, тоже ополчились против него. Надеясь, что никто не решит зайти к нему прямо сейчас, он раздраженно вынул их из ушей, но все же убирать далеко не стал, оставив под рукой. Он попытался почесать уши изнутри, но его мизинцы были слишком толстыми, чтобы у него хоть что-то получилось, а отросшие тонкие ногти больно корябали кожу, так что ему пришлось распрощаться даже с надеждой хоть немного ослабить зуд.

А если расчесать уши в кровь, можно себя оглушить? Скорее всего нет.

Вот незадача. Недовольно насупившись, Коул скрестил руки на груди и откинулся на мягкие подушки. Давно остывший чай на подносе, что стоял на его коленях, от этого движения разлился и намочил одеяло. Конечно, его было не так много, чтобы насквозь промочить тяжелое пуховое одеяло, но все же неприятная вышла ситуация. Пара капель даже попало на альбом.

— Класс. Просто класс. Лучше и не придумаешь! — в сердцах выпалил он. — И что теперь делать?

— Можешь переложить его, пока он окончательно не промок. Марта хранит его, как память.

От неожиданности Коул чуть не подпрыгнул на месте. Нет, он был не пугливым человеком. И все же, когда в полной тишине комнаты из ниоткуда доносится детский голос, становится как-то не по себе.

Он медленно поднял голову и посмотрел туда, откуда донесся голос. В дверном проеме стояла маленькая светловолосая девочка в зеленой рубашке и брюках, так не свойственных ребенку. Ее волосы были заплетены в добротную толстую косу, которая была уложена на голове по кругу. А в ушах Коул углядел маленькие жемчужные сережки. Ей уж точно не было больше десяти, но выглядела она, как уменьшенная версия взрослой женщины, которая и сама то не понимает, с чего это вдруг ее тело стало таким маленьким. Ни дать ни взять, крохотная леди!

Эта девочка была, пожалуй, самым ухоженным ребенком, которого он когда либо видел в своей жизни. Он даже на секунду вспомнил себя в ее возрасте: с разбитыми коленками, перемазанного в песке, с размазанными по щекам соплями — и мысленно содрогнулся. Эта девочка никогда бы не стала общаться с подобным ему ребенком.

— Ты лучше его поскорее переложи. Марта расстроится. Это мой детский альбом. Там есть рисунки, которые я рисовала с мамой, — на ее губах появился слабый намек на улыбку, которая все же не затронула глаз. Она словно бы попыталась улыбнуться для него, хотя у самой не было ни малейшего повода для улыбки. — Я Мегги. Мегги Рудбриг.

— Понятно, — буркнул Коул и, откинув альбом в сторону, потянулся за своими затычками.

Но остановился, заметив неодобрительный взгляд ребенка. Не только взгляд был неодобрительным, она умудрялась даже свои крохотные плечики держать как-то укоризненно. Не особо задумываясь над своими действиями, он вновь взял альбом и аккуратно положил его на край кровати. Улыбка девочки стала шире. Мегги расправила свои плечи, а в глазах зажглась гордость. Такая снисходительная гордость. Так смотрят на

ребенка, который сделал свой первый шаг. Так смотрят на друга, признавшегося в своей неправоте. Так смотрят на щенка, который выполнил команду верно. Но уж точно не так смотрят на мужчину, который переложил альбом. Не на мужчину, который чуть ли не в три раза старше ее.

От этого взгляда Коул вспыхнул.

— Зачем ты пришла, ведьма?

Он понял, что кричит, только когда девочка отшатнулась и отступила на шаг в коридор. На ее лице на секунду отразился страх, смешанный с удивлением, но затем исчез за дружеской улыбкой. Она смело расправила плечи и не без грусти произнесла:

— К сожалению, я не ведьма... Всего лишь Мегги. И мне было скучно.

Мегги сомневалась всего мгновение, а затем уверенным шагом вошла в комнату и направилась прямо к креслу возле кровати.

— Скучно? — не поверил своим ушам Коул. Может он как-то повредил их своими «берушами», и теперь они его обманывают, слыша то, чего на самом деле не было сказано? — Так пойдя поиграй в игрушки или посмотри мультики. Или что там еще делают маленькие дети? Да чем вообще думал твой отец, пустив тебя сюда?

Мегги поудобнее устроилась в кресле и, склонив голову набок, посмотрела на него снисходительным взглядом, как на дурочка.

— Конечно же папа не знает, что я здесь. Он уехал проведать бабушку. Она у нас, конечно, женщина самостоятельная, но и ей время от времени необходимы общение и поддержка семьи. Особенно теперь, — она поджала губы, о чем-то задумавшись, а затем продолжила. — Ты не думай, я дала ему слово, что не буду приближаться к тебе. Я просто не говорила ему, на какое конкретно расстояние не буду приближаться.

Коул удивленно взирал на девочку. Подобных умозаключений и рассудительности он от нее никак не ожидал. Хотя нет, все же в ее словах были еще хитрость и продуманность. Это обескураживало. Коул не знал, что ей ответить, а потому, сурово нахмутив брови, лишь уставился на нее, надеясь, что девочка испугается и уйдет.

Не испугалась. Не ушла.

Маленькая Мегги Рудбриг изучающе смотрела на него, казалось бы пытаясь что-то в нем отыскать. Вот только что — Коул понять не мог. А потому они продолжали играть в гляделки и никто даже не помыслил отвести взгляда.

За это время Коул успел заметить, что Мегги Рудбриг была сильно похожа на свою старшую сестру. Если бы не детская округлость лица и россыпь родинок на лице, он бы даже мог принять ее за Марту.

Мегги подперла подбородок ладонями и подалась вперед. Она первой нарушила молчание.

— Знаешь, я не могу понять, как к тебе относиться. Радоваться мне твоему появлению или же бояться? — спросила она, нервно улыбнувшись.

— Р-радоваться? — растерянно вторил ей Коул. У него даже язык начал заплетаться от удивления.

— Ну... как сказать... Последние полгода или около того папа с Мартой друг друга словно не замечали. Мне кажется, они и парой фраз за это время не обмолвились. Понимаешь, я даже истерики закатывала, лишь бы они... хоть говорили. И даже это не всегда помогало. У нас в доме стояла такая... тишина. Они даже сидя за одним столом друг на друга не смотрели. Когда мама была жива, они хотя бы ругались, а после ее смерти

начали молчать. А я так не могу! Мне кричать хочется от этой... этой тишины...

Коулу показалось, что он заметил в ее глазах приближение слез. Но ни одна слезинка не скатилась по пухлой щеке. Девочка продолжала говорить, и лишь ее нижняя губа слегка подрагивала от той бури, что бушевала внутри.

— А теперь появился ты. И они... они... они снова говорят. Много говорят. Обсуждают. Советуются друг с другом. Даже когда мама еще была жива, они так много не говорили. Понимаешь, почему я не знаю, радоваться мне тебе или нет?

Коул неуверенно кивнул. Даже если он бы и хотел ей ответить, то не смог бы: во рту все пересохло. Он даже успел погоревать о бездарно потраченном чае. Эта девочка и ее открытость, ее откровенность — пугали его. Дети себя так не ведут! Дети вообще о таком не должны думать! Радоваться человеку, который чуть не убил ее сестру и тем самым сплотил их семью? Уму непостижимо!

— И все же я склонна к тому, чтобы радоваться тебе. Только надеюсь, что ты больше не будешь делать ничего такого, что может навредить моей семье. Я прошу тебя не делать ничего. Абсолютно ничего. Папа... он будет о тебе заботиться. И Марта тоже. Они у меня очень-очень добрые. И если ты не будешь ничего делать, они и к тебе будут добрыми. Уж поверь, я-то знаю, — и она подарила ему еще одну неуверенную улыбку.

А Коул удивлялся все больше и больше. Как недюжий ум может ужиться с детской наивностью? Мегги Рудбриг была наивной, рассуждая о своих «добрых» родственниках, но это ни в коем разе не меняло того факта, что Коул считал ее умной и преданной. Преданной своей семье — и то, какой была эта семья, было не столь важно. Мегги заслуживала уважения.

Коул сглотнул и нашел в себе силы, чтобы ответить.

— Сейчас я не в том положении, чтобы хоть как-то навредить твоей семье.

Он протянул руку и ударил по невидимой границе своей клетки. Он был словно зверек в зоопарке, за которым могли наблюдать все, кому не лень, и он не мог с этим ничего поделать.

— Ты ведь не обещаешь мне ничего не делать? Я права?

Коул вновь кивнул.

— Понятно, — Мегги горько улыбнулась и встала. — Заставить я тебя не могу. Но я надеюсь, ты передумаешь. Мы не такие, как тебе кажется.

Больше девочка ничего не сказала и тихо удалилась, оставив после себя в комнате гнетущую тишину. И в этой тишине Коул все-таки взял альбом. Он перелистал детские рисунки. Обычные детские каракули, как в сотни других таких же альбомах. Мама, папа, Марта. Домик у озера. Вот розовая кошка. Забавная закорючка, чем-то отдаленно напоминающая человека. Цветочек с разными лепестками. А вот и первая записка Марты. «Может поговорим? Я не буду тебе приказывать. Буду молчать. Честно!»

На вторую он отчего-то посмотрел с замиранием сердца. Почерк был еще более кривым и неразборчивым, но Коул постарался прочитать.

«Ты умираешь. В лучшем случае продержишься два месяца. Помоги мне, и я сделаю все, чтобы помочь тебе. Если я умру, ты не сможешь покинуть этой клетки и тоже умрешь. То, чем тебя опаивали, принесет мучительную смерть. Я предлагаю честную сделку с нашими жизнями на кону»

Коул вдохнул. Выдохнул. Как же ему поступить?

Глава 15. Сделка

— Зачем ты вернулась? Я же сказала тебе, когда снова ко мне прийти! Да как ты вообще попала в бар! — набросилась на нее Кеторин, стоило Марте открыть глаза.

Возможно она говорила что-то еще, но у Марты настолько раскалывалась голова, что и то мало мальское, что у нее получилось разобрать, сошло за благо. В ушах звенело, перед глазами плясали цветные пятна, а по телу разлилось онемение. Она чувствовала себя словно ударенная пыльным мешком. В голове каша, да и тело ее тоже было кашей. Марта хотела было приподняться с пола, на котором все еще лежала, но сил на это у нее не было. Радовало хотя бы то, что боль, вперемешку со странной тягой, отступила и пока вроде не собиралась возвращаться. Хотя тут как знать, она и до этого приходила толчками.

— Джуди, иди сюда, давай ее приподнимем и оттащим к стене. Она немного очухалась.

— Так она и раньше в себя приходила и бубнила что-то. Пускай лучше еще полежит. А то вдруг опять отключится, — голос Джуди доносился откуда-то сверху и издалека.

— Нет, думаю, это ее последнее пробуждение.

— Ты и в прошлый раз так говорила.

— Иди сюда и не спорь! — резко приказала Кеторин, и ее громкий голос резанул по еще неокрепшему слуху Марты.

— Воды... — прохрипела Марта и облизала распухшим языком пересохшие губы. Язык был невероятно чувствительным, а губы — жесткими, как наждачка.

— И захвати воды!

— Поняла! — раздраженно крикнула в ответ Джуди. — Не глухая!

Марта услышала, как Кеторин укоризненно вздохнула, и попыталась сдержать неуместную улыбку. Она и сама так же вздыхала на занятиях, когда кто-то из учеников вел себя ну уж слишком по-детски. Но сейчас улыбаться было больно. Кожу лица стянуло так, что казалось, будто от лишнего движения она может порваться. Но это были лишь цветочки. Онемение начинало отступать, и к Марте пробирались отголоски пожара, бушевавшего где-то в районе рук.

— Дверь черного входа была открыта, — выдохнула Марта, смотря на потолок, теряющийся где-то вдали. Возможно оттого, что она лежала на полу, тот казался таким невозможно далеким, а возможно причина была в ее глазах, которые все так же видели зеленоватые цветные пятна, которые резко перемещались по комнате, стоило лишь сосредоточить на них взгляд.

— Джуди! — взревела Кеторин. — Да что же с тобой такое? Почему тебе нельзя ничего доверить? Мне казалось, у тебя только тело не взрослеет, но видимо мозг тоже! А если бы вошел кто-то посторонний? Ты хоть представляешь, чем это могло закончиться! Да и то, что Марта зашла, уже скверно. Ты посмотри на ее руки! Включи свет и посмотри повнимательнее! Это на твоей совести! Свалилась на мою голову!

— Да уж... Мне действительно казалось, что я ее закрыла.

Марта не слышала шагов, но теперь пристыженный голос Джуди доносился откуда-то совсем близко. А через секунду и сама девушка появилась в поле ее зрения, застилая собой далекий потолок. С такого ракурса девочка-девочка казалось чуть выше и даже немного взрослее что ли. Она держала в руках большой стакан с водой, по стенкам которого вниз сбегали несколько холодных капель. Одна даже упала на пересохшие губы Марты, дразня и

обещая невиданное блаженство. Да, сейчас она отдала бы все на свете за этот бокал.

— Утро доброе, — просияла Джуди, но вот в глазах плескалось недюжинное раскаяние.

— Привет, — прохрипела ей в ответ Марта.

— Паршиво выглядишь.

— Чувствую себя не лучше.

— Ставь воду и бери ее за ноги. Я возьму за подмышки. Перенесем к стене и посадим. А потом уже будем думать, что делать дальше, — раздавала указания Кеторин.

Джуди кивнула и поставила бокал на пол рядом с Мартой. Вскоре девушка исчезла из поля зрения Марты, но ее место заняла Кеторин. Было немного забавно наблюдать за ее перевернутым и встревоженным лицом. Настолько серьезной Марта ее еще никогда не видела. Нахмуренные брови и проступившие на лбу морщины образовывали стрелочку, забавно сужающуюся к носу.

Правда забавляться ей было суждено недолго. Женщины заняли свои позиции и, стоило им оторвать ее от пола, как Марта задохнулась. То, что казалось отголосками тлеющего пожара, оказалось на деле бурей, набирающей силу.

— О черт! — выплонула она, не в силах даже кричать.

— Потерпи, — приказала Кеторин, и они начали ее переносить.

Они двигались медленно, стараясь не сильно тревожить Марту, но лучше от этого не становилось. То, что она испытывала, было похоже на ее «огненные ванны», только разворачивалось в большей концентрации и в одной точке — руках. С ними что-то было не так. Но Марта не могла понять и увидеть, что. Руки болтались под телом и никак не попадали в ее обзор.

Марта закусила губу, сиюсь побороть агонию, следующую за каждым движением, заглушив ее другой физической болью. Только бесполезно, закушенная губа была ничем по сравнению с пожаром, бушевавшим там.

Кеторин с Джуди аккуратно опустили ее, привалив спиной к стене. И тут Марта ужаснулась. В тусклом свете Ведьминой обители она увидела, ЧТО произошло с ее руками. Рукава пальто и рубашки теперь заканчивались чуть ниже локтя рваными и обугленными краями. Лак с ногтей слез. Это она заметила лишь так, мельком. Все внимание девушки было поглощено водянистыми волдырями, которые громоздились на её руках там, где раньше была обычная здоровая кожа. Там, где ее руки соприкоснулись с тем странным сгустком, не осталось ни одного даже самого маленького клочка прежней чистой кожи, все было покрыто этими пузырями разного размера. Они плотно прилегали друг к другу, делаясь похожими на...

— Жабье брюхо... — брезгливо простонала Марта, ощущая, как ее желудок начинает бунтовать и скромный завтрак поднимается вверх, мерзким комом становясь в горле. Она сглотнула. Глаза обожгло от слез.

— Так... тише... тише... Никакое это не жабье брюхо — так, парочка мозолей. На, попей водички, — принялась успокаивать ее Кеторин, подставляя стакан к губам Марты.

Ее зубы стучали о край, пока она пыталась сделать хоть глоток. О боги, ее руки! Ее красивые руки художника! Да как же она теперь будет ими рисовать? Как будет объяснять детям, как рисовать? Да они разбегутся от нее с криками ужаса!

— Джуди, тащи ром! Видит бог, он ей сейчас нужен, — крикнула Кеторин. — Будем играть в пиратов и лечить солнечные ожоги. Послушай, Марта, все не так плохо, как кажется. В худшем случае останется парочка шрамов или... несколько парочек шрамов.

Марта тяжело дышала. Кеторин убрала от нее наполовину опустевший стакан. А Джуди скрылась за высокой барной стойкой.

— Что это такое? — в ужасе выдавила девушка, не в силах оторвать взгляда от того, во что превратились ее руки.

Кеторин скривилась и, немного помолчав, все же ответила.

— Последствия незавершенного... проклятия...

— Проклятия? — переспросила задыхающаяся Марта.

— Да, — Кеторин нервно улыбнулась. — Джуди, быстрее!

— Уже несусь, — ответила девочка-девушка.

Обогнув барную стойку, она на всех порах неслась к ним, сжимая в руках темную бутылку. Джуди отдала ее Кеторин, и та, откупорив ее, не удосужилась даже воспользоваться бокалом, сразу подставляя горлышко к губам Марты.

Марта сделала несколько жадных глотков. Горючая жидкость обожгла горло и, прокатившись по телу, теплом и тяжестью обволокла желудок. Она не знала, был ли ром правильным решением, но тугая пружина паники и ужаса, что уже успела закрутиться в ней, пусть и немного, но подотпустила. Марта сделала несколько глубоких вдохов.

— Ты не проклята, — начала объяснять Кеторин, отставив бутылку. — То, что я делала, и проклятьем-то в полном смысле назвать нельзя... это скорее атакующее зелье, которое при столкновении с объектом выжигает тот до основания. А так как оно незавершенное, получился ожог... Очень сильный, но всего лишь ожог. Мы все исправим!

— Исправим? Сомневаюсь, что это можно исправить.

— Можно! И я это сделаю!

— Валяй, — пожала плечами Марта, и движение отозвалось новой вспышкой боли в изуродованных руках. — Сомневаюсь, что они могут выглядеть хуже, чем сейчас. Да что вообще может выглядеть хуже, чем это?

— Отсутствие рук? — логично предположила Джуди с робкой улыбкой на губах. — Если бы оно было законченным, ты бы осталась без рук.

— О-о-о, Джуди, — простонала Кеторин. — Не маячь перед глазами, пока я тебя не прибила.

Джуди ничего не сказала и лишь, бросив на Марту еще один полный раскаяния взгляд, словно побитый щенок, спряталась за баром.

— Может не стоило с ней так, — прошептала Марта так, чтобы ее слышала лишь Кеторин.

Ей было жалко девочку-девушку. Возможно оттого, что та выглядела так по-детски ранимой, но Марта не могла заставить себя на нее злиться даже в сложившихся обстоятельствах.

Кеторин смерила девочку уничтожительным взглядом и холодно ответила:

— Если я не буду с ней «так», то никто не будет — и в итоге она так и останется глупой девчонкой, которая сама же себя и сведет в могилу.

Марта сначала хотела вступить в спор, но прикусила язык и решила промолчать. Ей нужна была Кеторин и помощь, которую та могла оказать, а значит, спорить с ней было опрометчиво. Чего доброго еще пошлет куда подальше, а потом думай, что делать.

— Так что ты собралась делать с моими руками? — переключилась Марта.

— О-о-о... все просто. Сначала мы уберем всю жидкость из волдырей, затем смажем специальной мазью и хорошенько забинтуем. Через пару недель будешь, как новенькая, —

объяснила Кеторин и, похлопав Марту по плечу, поднялась на ноги.

Это, казалось бы безобидное, движение вызвало волну боли, прокатившуюся по всему телу. Марта закусил губу, чтобы не простонать. Хотя смысла в этом особого не было, ведь все и так знали, что ей больно. Но в глазах Марты стоны были лишь дешевым театральным представлением. Облегчить боль не помогают, а ненужное внимание привлекают.

Через некоторое время Кеторин вернулась с льняным мешочком в руках и, вновь сев перед Мартой на колени, принялась раскладывать его содержимое на полу, воспользовавшись мешком, как подстилкой. Там оказался набор больших черных цыганских иголок, несколько рулончиков бинтов, марля и баночка с мазью, в тусклом свете отбрасывающая фиолетовые блики.

— Джуди, да включи же ты наконец свет! Я что, должна в полумраке этим заниматься?

Джуди ничего не сказала. Марта даже не знала, была ли та еще за баром или скрылась где-то в жилых помещениях. Однако свет зажегся. Оказалось, что на потолке прятались лампочки искусственного освещения. Марта зажмурилась. Яркий свет больно резанул по привыкшим к полумраку глазам.

— Давай приступать, — сказала Кеторин, когда Марта распахнула глаза. — Я постараюсь не сильно тревожить. А ты не дергайся — если жидкость из волдырей попадет на здоровую кожу, ожог распространится.

— И зачем тебе только нужна была подобная... вещь? — недовольно буркнула Марта, предвкушая новую вспышку боли.

— На самом деле это отличная штучка для защиты. Швырнула нападающими в глаза — и побежала. Мало кто сможет тебя преследовать, когда глаза превращаются в месиво, — подмигнула ей Кеторин и достала иголку из набора. — Может, еще рому? Ну так, для храбрости.

Марта покачала головой. Нет, ром ей был не нужен. Сомнительное удовольствие — в пьяном угаре наблюдать за своим и без того покалеченным телом. Наблюдая за приближением немислимо огромной иглы, Марта нервно сглотнула. Да такой только обувь шить, а не человеческую кожу прокалывать.

— Ты их хоть обработала? — взмолилась девушка.

— Конечно! — театрально кивнула Кеторин.

— Буду надеяться, что ты не солгала.

— Надейся, — она расплылась в яркой улыбке и резко проколола один из больших волдырей.

— Черт! — взвыла Марта, чуть не согнувшись пополам от новой огненной волны, пронесшейся по руке.

Кеторин быстро подхватила марлю и принялась промакивать жидкость, которая начала выделяться из прокола. Марта до последнего надеялась, что там окажется то прозрачное вещество, которое выделяется из сорванной мозоли. Но нет: то, что медленно сочилось из маленького прокола, было отвратительного болотного цвета, и, что еще хуже, от него плавилась марля. Марта с ужасом наблюдала за тоненькой струйкой дымка, поднимающегося вверх. Эта мерзость была в ней, у нее под кожей, и что бы Кеторин не говорила, Марта была уверена — без последствий не обойдется.

Марта зажмурилась и откинула голову на стену, жалея о том, что отказалась от рома. Смотреть на такое на трезвую голову не было никакого желания.

Кеторин продолжила свое нехитрое дело, прокалывая один за одним волдыри и собирая

выделяющуюся жидкость. А Марта старалась не двигаться и не смотреть. Она все думала о болевом пороге и возможности привыкнуть к боли настолько, чтобы просто перестать ее ощущать. Она даже пыталась внушить себе, что ничего не чувствует, так сказать отстраниться от боли. Но что-то ничего не получалось: каждый прокол, каждая огненная волна — все было, как в первый раз, хотя Марта и знала, чего ожидать.

Кеторин пару раз уходила за новой марлей, так как та слишком быстро приходила в негодность. От нее оставались жалкие обугленные опшметки, пропитанные слизью. Марта даже видела, а как тлел деревянный пол, когда Кеторин откидывала испорченные куски ткани. Как она сама не боялась получить ожоги, для Марты так и осталось загадкой.

— Такое хорошее зелье потеряли, — причитала она, пока работала. — Знаешь, а я ведь не смогу изготовить его повторно. Я потратила последний порошок из кости носорога.

— Я как-то совсем не опечалена сим фактом, — сквозь зубы проскрежетала Марта, когда Кеторин проколола очередной волдырь.

— Ты просто не понимаешь. Мне сейчас негде достать еще. Раньше у меня был знакомый контрабандист, и он мне его поставил. Точнее он поставлял кости, а я их уже перемальывала. А пару лет назад его посадили. Я, конечно, в подробности не вдавалась, но он вроде пытался повернуть что-то, и его на этом поймали. Вот он и сидит теперь — а мне мучайся!

— Как интересно! — саркастично ответила Марта, изучая деревянные панели на стене.

— Ты бы так не говорила, если бы знала, насколько это полезный ингредиент и как тяжело его достать. Я свои запасы как зеницу ока берегла. И посмотрите — спустила все в трубу. Так, ладно, этот последний — и можем бинтовать.

Марта посмотрела на свои руки. Что ж... теперь они не походили на жабые брюхо, но и более-менее симпатичными назвать их было нельзя. Ее руки были покрыты пластами мертвой кожи, замысловатыми кругляшками расходящимися в разные стороны. Марта даже облегчения не испытала, хотя радовалась тому, что под этими кругами не осталось отвратительно слизи. И только теперь она заметила, что те волдыри, из которых Кеторин откачала жидкость, больше не горели. Да, они болели, но как болит мозоль или открытая рана, того жжения, которое сопровождало каждое движение, больше не было.

Марта даже подняла и опустила руку, чтобы убедиться, что ей не показалось и все действительно так.

Кеторин открыла баночку с мазью и принялась втирать ту в многострадальную кожу Марты. Там, где мазь соприкасалась с кожей, распространялся холодок и легкое онемение.

— Так быстрее заживет. Думаю, ты сможешь спокойно пользоваться руками, но не перенапрягай их и постарайся не использовать пока свою силу. Не знаю, как мазь реагирует на магический след, — пояснила Кеторин и, взяв бинт, принялась обматывать раны.

Вскоре ее руки были перебинтованы на манер высоких перчаток. Все бы ничего, но Марта не могла даже представить, как заявиться домой в таком виде. Отец скорее всего ничего не скажет, но вот Мегги... Она придет в ужас.

— А у тебя не найдется высоких перчаток, чтобы скрыть бинты? — спросила Марта, когда Кеторин помогла ей подняться.

Женщина призадумалась. Марте даже показалось, что она видит, как хозяйка Ведьминой обители мысленно перебирает свой экстравагантный гардероб.

— Если не ошибаюсь, у меня были небесно-голубые с черным кружевом чуть выше

локтя. Остались еще с тех времен, когда я ходила на шабаши.

Они подошли к бару и Кеторин помогла Марте забраться на табурет.

— Одолжишь? Не хочу слишком сильно пугать родных.

— Да, конечно, — согласилась Кеторин ни секунды не задумываясь. — Не хочу, чтобы твой отец прискакал ко мне с вилами и пытался сжечь на костре.

Марта хихикнула.

— Он этого делать не будет!

— Как знать, как знать, — протянула Кеторин, обходя барную стойку. — Ладненько, посиди пока тут. Я найду перчатки, а потом провожу тебя домой.

Однако проводить ее до дома у Кеторин не получилось. Они остановились возле калитки, и Кеторин смерила барьер скептическим взглядом.

— Как ты наложила его? Магия крови? Не могу поверить! Марта, а Марта, где ты о нем узнала? Ты хоть представляешь, как это опасно?

Свет уличного фонаря отбрасывал зловещие тени на лицо Кеторин, делая все ее черты слишком заостренными. Отчего-то при этом свете женщина не выглядела красивой, скорее пугающей. Настоящей ведьмой. По спине у Марты побежал холодок.

— Нашла в записях матери схему барьера и просто активировала его, — потупив взгляд, ответила Марта.

Опираясь на руку Кеторин и неустойчиво держась на ногах, она чувствовала себя сущим младенцем.

— Марта, уж поверь мне, магия крови не безобидна. Одна ошибка — и твоя собственная кровь может взбунтоваться против тебя. А ты с такой легкостью говоришь, что просто активировала кровавый барьер, да еще и привязанный к роду!

— Ты можешь сказать это, лишь посмотрев на него?

— Ну да, — пожала плечами Кеторин. — Магический след всегда разный. А с этим злоупотреблять не стоит, — она указала пальцем на калитку, — он не просто не впускает, но и не выпускает никого, в ком нет крови вашего рода. Хотя обойти его вполне можно, достаточно лишь выпить твоей, ну или твоей сестры, крови. Эффект временный, но результат стопроцентный.

Марта ощутила, как кровь отхлынула от ее лица.

— Не знала.

— Теперь знаешь. Имей это в виду, если считаешь и дальше пользоваться его защитой. Ладно, я пожалуй пойду. Сможешь сама дойти или позвать отца?

— Справлюсь.

Марта отпустила руку Кеторин и, толкнув калитку, вошла под защиту барьера. Ноги ее слегка подрагивали, и шла она, пошатываясь, но ведь шла сама и без посторонней помощи. Слова Кеторин встревожили ее не на шутку. Она ведь считала, что теперь их дом был надежной крепостью, что мама о них позаботилась. Даже будучи мертвой смогла защитить. А что в итоге? В казалось бы мощном заклятье была брешь. Брешь, которой могли воспользоваться, чтобы причинить им зло.

Марта не знала, от чего ее трясло больше — от страха или от холода. Возможно, и от того, и от другого в равной степени. Оттого-то она и застыла на ступенях собственного дома, пытаясь перевести дыхание и собраться с мыслями. Не существует приличного объяснения испорченной полусозженной одежде и этим ярким перчаткам, которые так нелепо смотрелись на руках Марты. В ее гардеробе никогда не было столь ярких, столь кричаще

вычурных вещей.

Марта посмотрела на дорогу. Кеторин уже ушла. Оно и к лучшему.

Сделав еще один глубокий вдох, хотя толку от него было мало, Марта схватилась за ручку двери. Дверь была не заперта, что было уж больно глупо, особенно теперь, когда она знала, что барьер, защищающий их, не был столь надежен. И если те, кто охотится на них, об этом прознают, им достаточно будет лишь поймать одного из них, чтобы добраться до всех.

В доме было тихо. Но ощущение было, словно это затишье перед бурей. Если бы ладони Марты могли сейчас потеть, то непременно бы вспотели. Даже Коул на втором этаже не кричал и не бился в агонии. Хотя после того, что сегодня с ней произошло, она почти жалела, что на время облегчила его боль.

Проскользнув на кухню, Марта стащила свое изуродованное пальто и, вынув немногочисленное содержимое карманов, запихнуло когда-то любимую вещь в мусорный пакет. Было даже обидно. В прошлом году она гонялась в поисках того самого правильного бежевого пальто. И вот теперь она втихую под покровом ночи прячет когда-то достойную гордости вещь в мусорный пакет.

Понимая, что ведет себя, как ребенок, который пытается скрыть следы своего маленького преступления, Марта достала мусорное ведро из-под раковины и высыпала его содержимое поверх пальто, хороня его под яичными скорлупками и пустыми пакетами молока. А затем завязала мешок и отставила в сторону. Нужно будет вынести его к мусорным бакам, чтобы окончательно «похоронить», но сейчас сил на это у нее не было.

Единственное, о чем мечтала Марта, так это о душе. Горячем расслабляющем душе. О воде, которая смоет с нее остатки сегодняшнего дня. Вот только как мыться с такими руками? Видимо, душ ей все-таки не светит.

Недовольно скривившись, Марта открыла холодильник, ища то, чем можно было бы заесть свое паршивое настроение. Был у нее такой грешок — она всегда заедала стресс. Раньше, когда мама была жива, их холодильник ломился от всяких вкусняшек, и можно было заесть все, что угодно. Начиная от паршивых оценок и заканчивая разбитым сердцем. Хотя у Марты никогда не было разбитого сердца, поэтому она не знала, чем можно было заесть его. Возможно торт-мороженое спас бы любую ситуацию. Но сырые яйца не спасут никого.

Надув губы, она закрыла как всегда пустой холодильник. На такой случай нужно было купить мороженное и держать его в морозилке. Но была Мегги. Она, как пылесос, вбирала в себя все, что появлялось в доме вкусенького.

Марта заметила листок, прикрепленный к холодильнику двумя магнитами в виде маленьких фей с объемными крылышками. Их сделала мама, когда ударилась в лепку. Чем, собственно, занималась тоже не особо долго. Если честно, Марта не знала, чем ее мать могла заниматься дольше двух месяцев. Иногда Марте начинало казаться, что ее мать просто пытается заполнить пустоту внутри, вызванную потерей любимого занятия. Но каким именно было это занятие, она не знала. Это было похоже, как если бы сама Марта в какой-то момент просто не смогла бы больше держать кисть в руке.

Марта взяла листок и включила свет над варочной плитой, чтобы прочитать написанное.

«Для той, кто не умеет пользоваться телефоном,

Папа уехал к бабушке с ночевкой. Я пошла спать. Покорми Коула, как вернешься.

И научись наконец-таки отвечать на звонки»

У Мегги был тот самый идеальный почерк. Тот, с которым нужно просто родиться,

научиться так писать невозможно.

Отца нет дома. Мегги спит. Марта выдохнула с облегчением. Будет время спокойно разделаться со своими испорченными вещами. Что это, если не благословение свыше?

Она посмотрела будильник, который мама обычно использовала, чтобы засекал время, когда готовила. Почти час ночи. Ожидаемо. Кеторин провозилась с ее руками долго, да и неизвестно, сколько точно Марта провалялась без сознания.

Коул возможно и хотел есть, но, судя по тому, что в доме было тихо, он скорее всего тоже спал. Но на всякий случай, прихватив с собой не начатую пачку сухарей для гостей, Марта решила проверить свою теорию.

Подняться по лестнице оказалось не так уж сложно, но она все равно остановилась на верхней ступени, чтобы отдышаться.

Когда она вошла, Коул не спал: он сидел, откинувшись на спинку кровати, и буравил стену взглядом. Его лоб прорезали глубокие морщины. Но стоило Марте появиться в дверном проеме, как он перевел взгляд на нее.

— Паршиво выглядишь, — протянул он.

— Всяко лучше, чем ты, — парировала Марта и вошла внутрь. — Решил расстаться со своими дрожащими берушами?

— Решил поговорить.

— Со мной? Какая честь!

Марта положила пачку сухарей ему на кровать рядом с пустой тарелкой из-под яичницы, а сама села в кресло напротив. Краем глаза она заметила альбом, лежащий у него под рукой. Так значит он все-таки прочитал ее записку.

Марта откинулась на спинку кресла, стараясь выглядеть расслабленно и непринужденно, хотя внутри все клокотало. То, с каким недовольством он смотрел на пачку сухарей, выводило ее из себя. Он выглядел, как человек, которому на ужин преподнесли коровью лепеху, а назвали стейком.

— Скажи, а вы нормальной едой питаетесь? Или у вас особая ведьминская диета? Яйца, чай и сухари? — он взял пачку и открыл ее. — Или вы только меня ими пичкаете?

— Насколько я знаю, ты можешь не есть неделю или около того. Мы могли бы и вовсе тебя не кормить. Так что прекрати строить недовольные мины и ешь, что дают.

Коул демонстративно достал сухарик из пачки и так же демонстративно положил его в рот.

— Божественно, — протянул он, когда доживал. — Это что, какое-то волшебство? Почему простые сухари на вкус, как сочный стейк из говядины?

Марта смерила его уничтожительным взглядом.

— Прекрати паясничать!

Коул замер с недонесенным до рта сухариком, на секунду его взгляд остекленел.

— А говорила, что не будешь мне приказывать, если я соглашусь поговорить, — укорительно и даже немного обиженно произнес он, когда морок приказа спал.

— Я не специально, — потупилась Марта.

День определенно был тяжелый. Она устала и даже хотела попросить его попридержать свою жажду к разговором до завтра, когда ее мозг будет чуть более сообразительным. Но она не могла позволить себе такой роскоши, так что решила поговорить с Коулом, ведь не факт, что к утру он все еще останется разговорчивым.

— Хьянга, — начала Марта. — Ты ведь знаешь, что это яд?

Коул неуверенно кивнул.

— Узнал несколько лет назад. Его дают некоторым новобранцам, что-то вроде сильного стероида, чтобы мы были сильнее и выносливее.

— А о том, что если не принимать постоянно, то просто умрешь, решили не упоминать, — язвительно вставила Марта.

— Нет. Нам говорили и дали выбор — принимать или нет, — спокойно ответил Коул. — Учитель сказал, что средство еще до конца не изучено и нужны добровольцы на испытания.

Марта удивленно вскинула брови, но промолчала.

— Я согласился, чтобы послужить для всеобщего блага. В тот момент мне это казалось разумным. Я не думал, что...

— Вы взяли эту траву у ведьм! — выпалила Марта, не в силах слушать его стенания об «общем благе». — Это зелье! И вы использовали магию для своих целей.

Коул ошарашенно уставился на нее. Каждый мускул на его лице словно заледенел.

— Судя по тому, как ты на меня смотришь, могу сделать вывод, что ты не знал.

— Не знал, — он прочистил горло. — Я думал, что Кеторин Чубоски на нашей стороне. Учитель направил меня к ней, чтобы обзавестись защитными артефактами, но она оказалась то ли шарлатанкой, то ли умелой ведьмой, сумевшей нас обхитрить.

Марта никак не отреагировала на его слова о Кеторин. Пусть считает и думает, что хочет, но пока ему не стоит знать о том, кто такая Кеторин на самом деле. Вот только и Марта не до конца была уверена, что ей можно верить. Хотя последние события расположили ее к ней чуть больше, чем было в начале. Между страдающим и тем, кто избавляет его от страданий, определенно образуется некоторая связь. Уж этого Марта отрицать не могла.

Она взглядом показала на альбом.

— Мое предложение в силе. Помоги мне — и я помогу тебе.

— Я не могу предать своих товарищей, — отрезал Коул.

— Товарищей, которые врал тебе?

— Это неважно.

— А по-моему важно. Ты фанатично представляешь свою верность людям, которые не посчитали тебя достойным. Они же не сказали, что используют ведьм, чтобы убивать ведьм. Как по мне, дело пахнет лживой идеологией.

— Не пытайся навязать мне свою волю. Ты не заставишь меня усомниться!

Марта усмехнулась, уставше потянувшись в кресле.

— Даже мысли такой не было. Понимаешь, Коул, мне не нужны эти «военные баталии». Я и ведьмой-то себя не считаю. Знаешь, сколько раз за всю жизнь я использовала магию? Хватит десяти пальцев, чтобы пересчитать, да еще и останется. Я хочу вернуться к своей нормальной жизни, где мне и моей семье не будет угрожать горстка шизофреников. Поэтому я и прошу тебя помочь мне!

— Помочь с чем?

— Затеряться. Исчезнуть с их радаров. Чтобы они считали меня мертвой.

— Это невозможно! На мое место придут другие.

— Так ты можешь вернуться к ним и убедить их в том, что они ошиблись, и я обычный человек. Убедить в том, что за мной не нужно гоняться.

Коул рассмеялся в голос.

— Неужели ты думаешь, что когда я выйду за пределы этого дома, то не попытаюсь вернуться вместе с моими товарищами, чтобы уж точно убить тебя?

— Я не дура. Поэтому и предлагаю тебе сделку: твоя жизнь в обмен на мою. У них нет антидота, только еще немного яда, который отсрочит твою смерть. А я могу попробовать тебя вылечить.

— Меня слишком долго не было. Даже если я вернусь, они мне не поверят.

— Мы что-нибудь придумаем. Ты согласен?

Коул коротко кивнул.

— Что ж, тогда я пойду спать. Если честно, сил совсем нет, — сказала Марта, вставая с кресла. — Завтра продолжим.

— И что, ты так и будешь меня тут держать взаперти? — спросил Коул, когда она уже была у двери.

— Пока да. Мне так спится спокойнее, — ответила Марта и вышла из комнаты.

Было уже далеко за полночь, когда Кеторин открыла дверь палаты под номером 308, заблаговременно нацепив, хотя скорее даже приморозив к лицу жеманную улыбочку.

Мужчина на больничной койке спал. Лицо его было обмотано бинтами, оставляя лишь маленькие прорезы для рта, носа и глаз. А остальные части его тела скрывались под белой простыней. Не знай она, кто лежит в этой палате, ни за что не догадалась бы.

Кеторин приблизилась к койке, ее каблучки звонко цокали по белой плитке, но ее это не особо заботило. Она отодвинула стул, и металлические ножки противно проскрежетали по полу.

— Просыпайся, Люцио, — сурово потребовала она, опустившись на стул. — Я знаю, что ты проснулся, как только я вошла.

— Кеторин, — прохрипел мужчина, открыв глаза. — Какой приятный сюрприз.

Кеторин умилительно вздернула брови.

— О, поверь мне, я знаю. У тебя нет выбора, кроме как радоваться. Все же я согласилась тебе помогать.

Люцио лишь слегка повернул к ней голову — ни на что остальное сил у него не было.

— Зачем ты пришла? — голос его был слабым, а из-за выбитых зубов звуки получались свистящими.

— Есть парочка вопросов, — по-женски трогательно ответила она, слегка подергивая плечами. — Кому еще, кроме этого мальчишки, ты рассказал о Марте?

— Никому.

— Честно-честно?

— Мне незачем тебе врать, — брюзжа слюной, ответил он.

— Ну кто ж тебя знает. Ты и маленькому охотнику о ней рассказывать не должен был. И что в итоге? Ты бедный и покалеченный лежишь здесь.

— Гнусная ведьма!

— Ты неисправим, Люцио, — грустно протянула Кеторин.

Она нагнулась и выдернула из розетки провода приборов, к которым был подключен старый охотник.

— Что ты делаешь? — не без паники в голосе спросил Люцио.

Даже в лунном свете Кеторин видела, как в ужасе расширились его зрачки. Выпрямившись, она добродушно ему улыбнулась.

— Где вы достали хьянгу? Кто вам про нее рассказал? — несмотря на добрую улыбку, ее голос так и сочился ядом. — Вы нашли другую ведьму, не так ли? Ту, которая согласилась вам помогать? Нашли мне замену и даже не подумали оповестить. Это жестоко, Люцио! Ты так не думаешь?

Мужчина тяжело дышал.

— Кеторин, — начал было он.

— Я не люблю, когда меня предают. Ты пил хьянгу или нет?

— Нет.

— Понятно, — протянула Кеторин. — Значит, ты знаешь о последствиях. Но все равно дал ее своему ученику. На что ты надеялся? Что он быстренько убьет ее, а потом умрет сам?

— Она опасна... ее нужно устранить... жизнь одного охотника — ничто в сравнении с теми душами людей, которые она способна загубить.

Кеторин громко рассмеялась.

— О-о-о, Люцио, боюсь, ты плох в арифметике. Но раз ты уверен, что жизнь одного охотника — ничто, то не стану тебя разочаровывать.

Кеторин встала со стула и, достав из кармана пальто маленькую склянку, нагнулась к лицу мужчины. Она с силой сжала его челюсти, заставляя открыть рот. Люцио пытался сопротивляться, но он был настолько слаб, что его потуги ровным счетом ничего не значили. Одной рукой Кеторин открыла склянку и вылила ее содержимое тому в рот.

Мужчина пытался вывернуться, сплюнуть. Но на деле большая часть все равно попала туда, куда надо, спустившись по языку вниз в горло, выжигая все на своем пути.

— Кх...кх...

— Прощай, Люцио. К сожалению, это наша последняя встреча, — улыбнулась Кеторин и, потрепав его по забинтованной щеке, вышла из палаты.

Глава 16. Прятки

— Ну знаешь что, Терра, я просто не понимаю, что творится в твоей маленькой белокурой головке! Сначала ты звонишь мне и соловьем заливаешься: «О Боже... О Боже... Алистер... Алистер... он вернулся... Боже, мне кажется, я сейчас задохнусь!» — в визгливой манере передразнивала ее Сьюзи, — а потом ты в течение недели прячешься здесь! В книжном магазине! Я просто не понимаю, почему мы торчим здесь, а не пьем чай на лужайке Рудбригов в компании твоего дорогого Алистера!

Терра вернула на полку книжку, которую до этого держала в руках, старательно делая вид, что ей безумно интересна аннотация, хотя на самом деле не прочитала ни слова.

— Я не прячусь, — ответила она, испустив тяжелый вздох.

— О нет, милая, — протянула Сьюзи. — Именно это ты и делаешь! Скажи честно, сколько часов за эту неделю ты была дома?

— Не знаю. Думаешь, я считала?

— Готова поспорить что не больше сорока. Ты возвращаешься, когда уже темно, и убегаешь, как только рассветет. Мне кажется, если бы я разрешила тебе ночевать у меня, ты бы там вообще не появлялась бы!

— Ты утрируешь, — усмехнулась Терра и взяла очередную книгу с полки, чтобы вновь поставить ее на место, даже не прочитав название.

— Ага, как же! Это же всего лишь я, глупая Сьюзи, которая ничего не понимает в окружающем ее мире. Но, признайся честно, если бы сюда сейчас вошел бы этот твой принц из пробирки и сказал бы, что ты его избегаешь, ты бы восприняла его всерьез и еще умоляла бы простить тебя за столь грубое поведение!

— Прекрати его так называть! — вспыхнула Терра и с глухим стуком поставила книгу на полку.

— Как? Принц из пробирки? — просияла Сьюзи и отошла на всякий случай на пару шагов по проходу. — Но ведь это правда. Рудбриги его словно в теплице выращивали. Домашнее образование в наше-то время! Неудивительно, что, выбравшись из своего купола, он не особо желал возвращаться.

Терра нахмурилась, не желая спорить с подругой. Тем более спорить из-за Алистера. Была у Сьюзи такая неприятная черта характера: она все время пыталась препарировать Алистера и чувства Терры к нему. А подобные разговоры ни к чему хорошему не приводили, ведь чаще всего Терра обижалась и могла по несколько дней после подобного излияния Сьюзи избегать общения с подругой.

Чтобы вновь не разозлиться и просто не сбежать из магазина «Книжные любимчики Джорда», Терра развернулась и пошла в обратном направлении по книжному ряду. Ей все-таки стоило бы выбрать и купить какую-нибудь книгу, чтобы развеять идею Сьюзи. Хотя та была, безусловно, полностью права: Терра действительно пряталась. Но признавать сей факт вслух ей не хотелось.

Входная дверь распахнулась, сопровождаемая перезвоном колокольчиков. Кто-то вошел, а Терра, не желая сталкиваться ни с кем из возможных знакомых, углубилась вглубь магазина, изучая яркие книжные корешки. Сьюзи последовала за ней, закрывая своей тучной фигурой казалась бы весь проход между двумя книжными стеллажами.

— Ну уж нет, Терра Грабс, я не позволю тебе уйти от разговора! — похоже, Сьюзи

буквально распирало от желания излить все, что она думала. — Ты ведь просто сама от себя бегаешь!

Терра принялась мысленно напевать мотивчик из фильма, который смотрела пару дней назад в кино. Одна. Ей стоило огромных сил делать вид, что все хорошо и ее нисколько не задевают слова подруги. Но они задевали — и все, чего ей хотелось, это забиться между книжными стеллажами и заткнуть уши руками.

— Иногда мне кажется, что ты любишь не его, а саму мысль о том, что ты его любишь, этого своего принца из пробирки, — не унималась Сьюзи. — Или любишь его, как своего старшего брата. Терра, вы же выросли вместе. Это все равно, как если бы я влюбилась в своего соседа Бобби Брауна.

— Сравнила тоже, — фыркнула Терра.

— Согласна, сравнение паршивое. Куда уж Бобби Брауну до великого и неповторимого Алистера Рудбрига. Но смысл от этого не меняется. Возможно ты просто путаешь чувство влюбленности и привязанности. Ведь и дураку ясно, что твой принц не видит в тебе возлюбленную. Только младшую сестренку или надоедливую девчонку, которая живет по соседству. Если бы он испытывал к тебе... чувства, он давно уже что-нибудь предпринял. А он за все эти годы даже намека тебя не давал.

Терра обернулась к Сьюзи и нахмурилась, скрестив руки на груди.

— Может прекратишь? Я не хочу обсуждать Алистера.

— Боишься, что если будешь о нем говорить, то он и в мыслях тебя преследовать будет? — Сьюзи тоже сложила руки, копируя позу Терры. — Даже если ты его действительно любишь, он тебя — нет! Прекрати заикливаться на своей детской влюбленности и начни жить нормальной жизнью! Найди себе парня! Нормального парня!

— А с чего вы взяли, что он ее не любит?

Знакомый мужской голос пронесся над их головами. От неожиданности Терра взвизгнула и вскинула голову. Над стеллажом, возле которого они стояли, возвышалась чья-то темноволосая макушка, лица видно не было.

Терра закусилла нижнюю губу, ощущая, как к лицу прилила краска. Ее кидало то в жар, то в холод.

«Ну приехали» — подумала она.

— А вы вообще кто? — недовольно вскинула голову Сьюзи. — Мне кажется, подслушивать чужие разговоры не совсем вежливо. И уж точно совсем не вежливо лезть в них!

— Просто вы кричали на весь магазин. Вас без зазрения совести подслушивал я и еще пять человек в соседних рядах, — голос начал удаляться, сопровождаемый перестуком мужских туфель по плитке.

Мужчина обогнул стеллажи, а сердце Терры ухнуло в пятки, но почему-то даже оттуда умудрялось оглушать ее своим стуком.

— Разрешите представиться: Чарли Томсон, — Чарли протянул руку Сьюзи. — Друг принца из пробирки.

— Понятно, — слегка сконфуженно ответила Сьюзи. Ее щеки даже немного, самую малость, порозовели, но в остальном выражение ее лица осталось неизменным, а холодный взгляд принялся изучать Чарли.

Терра глубоко вдохнула. Выдохнула. Еще раз. Потом еще. Так, а она все еще умеет говорить? Потому что ей казалось, что она резко потеряла способность не то что

говорить, а думать. Терра была из тех людей, которые просто терялись в критических ситуациях.

— Чарли, — неуверенно начала она, стараясь дышать ровно. Тщетно. — Послушай... мм... Ты же... ты... пожалуйста...

— Я ничего ему не скажу. Терра, милая Терра, успокойся. Я не любитель лезть туда, где мне не рады, в отличие от твоей подруги.

— Точно? — не без облегчения спросила она.

— Это только между вами двумя. Хотя теории мисс...?

— Сьюзи.

— Хотя теории мисс Сьюзи довольно забавные в своей наивности.

Сьюзи возмущенно открыла рот, собираясь что-то сказать, но промолчала, убийственным взглядом сверля Чарли.

— Спасибо, — Терра почему-то считала себя обязанной поблагодарить его.

— Меня не за что благодарить. Как я уже сказал: это не мое дело.

— С чего вы взяли, что мои теории наивны? — справившись с минутным ступором, спросила Сьюзи.

— Потому что от них тянет дешевыми бульварными романами, — пожав плечами, пояснил Чарли и привалился к книжному стеллажу. — Начитались подобной прозы, — он указал на корешок, — и теперь везде пытаетесь углядеть дикую страсть и непреодолимую тягу. А если этого нет, то чувства просто надуманные. Лично вы не воспринимаете ту форму любви, которая строится на привязанности и возвращается годами. Как по мне, это и есть форма истинной и настоящей любви.

— Я смотрю вы романтик, — сквозь зубы процедила Сьюзи.

— Что конкретно в моих словах натолкнуло вас на эту мысль?

Терра отступила в сторону, стараясь не попасть под их словесную бомбардировку. Между ними буквально летали молнии.

— Это был сарказм. От романтики в вас только буква «Р» в имени.

— Так вы запомнили мое имя. Польщен.

Сьюзи натянуто улыбнулась, отвечая на его самодовольный взгляд. За ту неделю, что они были знакомы, Терра впервые видела Чарли таким высокомерным. Обычно, когда они пересекались, он был довольно добродушен и учтив. Он никогда не смотрел на Терру таким взглядом. Взглядом, от которого мурашки бежали по телу и хотелось просто спрятаться, лишь бы избежать его. А Сьюзи вполне уверенно стояла перед ним, гордо расправив плечи.

— Вы уверены, что любовь — это чувство, которое нужно, как вы сказали... выращивать? — с нескрываемым отвращением спросила Сьюзи. — Это что получается, влюбленные люди — садовники? Я не совсем улавливаю то, о чем вы говорите. Одной фразой вы умудрились оскорбить меня и выдвинуть целую философскую теорию.

— Оскорбить? — Чарли насмешливо вскинул бровь.

— Вы назвали меня недалекой и бестактной, — пояснила Сьюзи, пожимая плечами.

— Если мне не изменяет память, конкретно этих слов я не использовал.

— Вы сказали, что я наивна!

— Ваши теории наивны.

— Это одно и то же! — возмущенно воскликнула Сьюзи. — Если придерживаться вашего мнения, то получается, что все девушки и женщины, верящие в любовь с первого взгляда, наивные и непрошибаемые дуры!

— Отчего же? — усмехнулся Чарли. — Просто такого понятия как любовь с первого взгляда не существует — и не более того. Это проявление плотского желания! Вы видите человека, он нравится вам внешне, вы хотите его. Но это не любовь! Это страсть! — пылко, на одном дыхании выпалил Чарли, подавшись немного вперед.

— Страсть? — недоверчиво переспросила Сьюзи, словно пробуя слово на вкус.

— Именно!

Терра взяла очередную книгу с полки, гадая, сможет ли она незаметно сбежать. Эти двое были настолько поглощены друг другом, что казалось бы не замечали никого вокруг. Терра посмотрела в сторону входной двери, прикидывая свои шансы на удачный побег. Возможно что-то и получится...

— ... вы отвратительны! — услышала Терра обрывок фразы Сьюзи и поняла, что за своими подсчетами что-то упустила.

— Прискорбно, что у вас сложилось обо мне столь неоднозначное мнение, потому что я нахожу вас вполне сносной.

— Сносной? — взвизнула Сьюзи. — Вполне сносной наивной душой! Вот что вы имели ввиду!

Терра еще никогда не видела лица Сьюзи таким раскрасневшимся. Сьюзи всегда была эмоциональной, но сейчас она напоминала разъяренного быка, готового насадить тореадора на свои рога и протащить его по арене несколько миль.

— Не хотите чаю? — предложила Терра, не особо веря, что сможет таким образом сгладить ситуацию. — В пекарне неподалеку подают отличный чай, и в обед там выставляют любимые вишневые пирожные Сьюзи.

— Отличная идея, — просиял Чарли, повернувшись к Терре. — Я как раз сегодня еще ничего не ел.

— Почему? — спросила Терра, косо поглядывая на Сьюзи, надеясь, что та не ляпнет еще чего.

— О, понимаешь, Алистер сегодня закрылся с родителями в библиотеке — перебирают какие-то бухгалтерские книги с самого утра. А по мне как-то невежливо есть в чужом доме в одиночестве.

— Я смотрю, вы вспоминаете о вежливости, только когда вам это нужно, — буркнула Сьюзи.

— А вы разве не поступаете точно так же? — улыбка Чарли не дрогнула, а когда он повернулся к Сьюзи, стала еще ярче.

Терра, предвещающая новый виток их перебранки, тяжело вздохнула и, так и не взяв ни одной книги, направилась к выходу. Она оставила Сьюзи и Чарли самих решать, последуют ли они за ней или останутся в книжном магазине спорить на потеху публике.

Терра была уже на полпути к пекарне «У Бобби», когда эта комичная парочка настигла ее. Он — высокий и худощавый, в рубашке и брюках, несмотря на жаркую погоду. Она — едва достающая ему до плеча (и то лишь благодаря каблукам), пухлая, в цветастом платье с растрепавшимися волосами. Терра никак не прокомментировала их появление, и они дошли до пекарни в тягостном молчании.

«У Бобби» в это время дня было буквально не протолкнутся, все столики с удобными диванчиками у окон были заполнены, и им пришлось гнеститься за барной стойкой на неудобных пластиковых стульях. Хотя, судя по расслабленной позе Чарли, неудобно было лишь девушкам. Терра была слишком низкой, и ей буквально пришлось карабкаться на него,

как на стремянку, используя нижнюю перекладину как подпорку для ног. Ну, а Сьюзи... ей было априори неудобно на всем, что не являлось мягким широким диваном, так что она ерзала на табурете, тщетно пытаясь угнездиться на слишком маленьком седенье.

Терра заняла табурет между Сьюзи и Чарли, надеясь таким образом немного разрядить обстановку, став живым барьером между ними. Вскоре она сильно пожалела о своем решении. Они продолжали буравить друг друга взглядами поверх головы Терры. И девушку это начинало порядком раздражать.

Они заказали любимые пирожные Сьюзи и чай, а в довесок Терра взяла себе кусочек блинного торта с нежным сметанным кремом. Она надеялась, что любимое лакомство сможет скрасить тяготы неприятной компании. Хотя по отдельности и Чарли и Сьюзи ее вполне устраивали, вместе они умудрились создать такой тандем, который даже в полном молчании умудрялся действовать на нервы.

Бобби, коренастый светловолосый мужчина, как раз принес им их угощение, когда на глаза Терры попала листовка, вывешенная на доске объявлений за барной стойкой. Сыскная листовка с фотографией темноволосого мальчика с россыпью веснушек на загорелом лице и большим слезливыми глазами. На черно-белой фотографии их цвет был не различим, но Терра прекрасно знала, что они были карими с вкраплением зеленоватых прожилок, которые то загорались, то тухли в зависимости от настроения.

— Конер все еще не вернулся, — рассеянно протянула Терра, склонившись над своей чашкой.

— Кто такой Конер? — спросил Чарли и тут же отправил в рот большую порцию взбитых сливок с кусочком пропитанного вишневым сиропом бисквита.

— Конер Фишер — наш бывший одноклассник, — слегка надменно пояснила Сьюзи, и Терра тут же пожалела, что сказала хоть слово.

— А что с ним?

Сьюзи махнула рукой в сторону полицейской листовки.

— Сбежал из дома за день до нашего выпускного. Как в воду канул. Ничего с собой не забрал, хотя сомневаюсь, что он хотел бы хоть что-то забрать из того дома. Родители Конера никогда не были образцовыми. Отец давно спился, а мать... что уж скрывать, это и так все знают. Проститутка она, вот и все!

— Сьюзи! — возмущенный бас Бобби пронесся по всей пекарне, привлекая к ним внимания остальных посетителей, которых было не мало. — Не смей распускать грязные сплетни в моем заведении!

— Да какие же это сплетни! — воскликнула Сьюзи. — Все и так это знают! Знали еще когда мы с Террой под стол пешком ходили. Неудивительно, что Конер сбежал от них. Я бы тоже сбежала!

Ноздри Бобби раздулись от гнева, а лицо налилось краской, став похожим на огромный помидор. Зеленый поварской колпак еще больше подчеркивал это сходство.

— И что? Что? Ну-ка скажи, какое это дает тебе право обсуждать их? А, Сьюзи? Ты хоть представляешь, как тяжело сейчас Норе? Ее единственный ребенок пропал без вести, а ты сидишь здесь и рассуждаешь о том, что правильно, а что — нет. Ты не имеешь на это никакого права! Еще хоть слово — и я лишу тебя скидки постоянного покупателя!

— Я... да я...

Терра положила руку поверх сжатого кулака Сьюзи.

— Пожалуйста, — тихо прошептала она. — Не надо.

Сьюзи нехотя кивнула и, уткнувшись в свою тарелку, принялась с диким остервенением поглощать пирожные. Терра даже аккуратно подтолкнула к ней свою порцию, чтобы та перекинулась на нее и вступила в новый спор. Похоже, Сьюзи сегодня была чересчур ориентирована на склоки.

— Да уж, — протянул Чарли. — Ты ведешь себя даже хуже, чем моя младшая сестра. А ей позволительно, ей еще и пяти нет.

Сьюзи бросила на него недовольный косой взгляд, но промолчала, поглощая пирожные, чему Терра была несказанно рада. Так что она взяла на себя почетную миссию поддержания диалога.

— Не знала, что у тебя есть младшая сестра. Алистер ничего об этом не говорил.

— Ну... он может быть и рассказал бы, если бы у него был такой шанс. Вот только одна довольно милая особа ему таких шансов не предоставляла.

Терра нервно хихикнула.

— Ладно, ладно. Ты прав. А сколько ей, твоей сестре?

— Он же сказал, что ей нет еще пяти, — буркнула Сьюзи.

— Точно. Но не ей, а им. У меня есть сестра и брат. Они близнецы. И да, у нас колоссальная разница в возрасте. Мне было почти восемнадцать, когда мама забеременела.

— А не поздно ли?

— Она всегда хотела иметь много детей. Много попыток и много выкидышей. Долг лечилась, из больниц не вылазила и в итоге забеременела, а потом, когда мне было одиннадцать, моя младшая сестренка... ох... в общем она умерла через пару дней после родов. Если мне не изменяет память, что-то с сердцем. После этого мама забросила идею о большой семье. А когда забеременела близнецами никто и не надеялся на положительный исход.

Чарли грустно улыбнулся, и Терра улыбнулась ему в ответ. Она завидовала. У него была большая семья, а у нее не было никого, кроме Рудбригов, с которыми ее связывали довольно странные отношения.

На душе стало как-то тоскливо и появилось непреодолимое желание увидеться с Алистером. Он был ее семьей и ее домом, и бегать от него — было неправильно. Неизвестно, сколько еще он пробудет в Рупи, так что ей определенно не стоило терять столь драгоценное время, прячась за полками книжных магазинов.

Глава 17. Ведьмина библиотека

Ее героические поиски увенчались успехом. Пара новых высоких резиновых перчаток, предназначенных для мытья унитазов, и баночка арахисовой пасты. Вооружившись большой ложкой и прихватив с собой свои находки, Марта вернулась в спальню. Она была полна решимости принять душ, несмотря на туго перебинтованные руки. Она надеялась что эту проблему получится решить с помощью перчаток, а если же нет, то она все равно помоемся — и плевать ей на эти несчастные руки.

Марта так больше не могла. Прошлая ночь определенно заняла почетное место в списке самых худших ночей в ее жизни. После вчерашнего все тело неприятно чесалось, волосы стали сальными и отвратительными паклями свисали по сторонам лица. Но то были лишь цветочки. Боже, как же от нее воняло! Марта не могла перенести исходивший от нее флер больного тела, приправленный необычайно кислым потом.

Возвращаясь в свою комнату, она старалась дышать только через рот. Проходя мимо спальни Мегги, Марте оставалось только радоваться, что сестра еще спит и не сможет навязать ей очередную детскую кличку относительно ее новых умопомрачительных духов. Однако мысленно Марта все равно перебирала все возможные варианты, хотя словесно изощренные оскорбления и не были ее сильной стороной. Самое мощное, что она смогла придумать, так это «Королева навозной кучи». Детский сад какой-то.

Арахисовую пасту Марта определила на прикроватную тумбочку, а сама поспешила в свою ванную. В зеркало лучше было не смотреть: из хорошего там были только глаза, которые на осунувшемся лице стали казаться больше. Марта провела языком по потрескавшимся губам, с тоской вспоминая себя двухнедельной давности, когда она после бессонной ночи смотрела в зеркало и громко возмущалась, что «краше только в гроб кладут». Теперь она была уверена в том, что походила на частично разложившийся труп.

Ей катастрофически нужен был отдых. Отдых, который в ближайшее время ей не светил. Оставалось надеяться, что хотя бы душ ей сегодня достанется.

Марта стянула свою потрепанную жизнью одежду. Вчера она не нашла в себе сил на игры в переодевание и так и уснула, повалившись на кровать.

Перчатки доходили ей до середины локтя, полностью пряча под собой бинты. Это ли не счастье?

Чистое тело, чистые волосы и никакого тошнотворного запаха пота! Да будет благословен тот человек, который придумал водопровод. Суша волосы феном над раковиной, она все же осмелилась посмотреть на себя в зеркало. Лучше бы она этого не делала. Одно дело когда, знаешь, что выглядишь отвратительно, и совсем другое — когда видишь это собственными глазами.

Марта похудела. Щеки впали, под глазами залегли мешки, в которые вполне можно было складывать вещи первой необходимости. Губы пересохли и потрескались. Она выглядела, как жертва месячного запоя, не иначе. И винить в этом она могла только одного человека. Коул Томсон. Она бы с радостью поджарила его на вертеле, как молодого поросенка, за все, что он привнес в ее жизнь.

Но она не могла так поступить после того, как он дал свое согласие на сотрудничество. Так что, послав своему потрепанному отражению вымученную улыбку, Марта закуталась в полотенце и вышла в спальню. Сегодня у нее было много дел. Очень много дел. И первым

пунктом в списке было найти нормальные перчатки, потому что надеть еще раз те, что одолжила у Кеторин, она не могла. Эти ярко-голубые атласные перчатки привлекали к себе уж слишком много внимания. Даже удивительно, как это Коул не отпустил вчера никакого комментария относительно них.

Единственные перчатки, которые она смогла найти в своем шкафу, оказались черными шерстяными. Осталось только найти верх, с которым черные перчатки не будут казаться странными. Марта перебирала вешалки со своей светлой одеждой: шифоновые блузки, кашемировые водолазки, шелковые топы. Ну не было у нее вещей, с которыми шерстяные перчатки смотрелись бы нормально и буквально не кричали бы «Эй, смотрите, она что-то скрывает!». Марта нагнулась и достала с нижней полки коробку со старыми школьными вещами, до которой все никак не доходили руки, чтобы отнести в благотворительный фонд. Там действительно оказалась подходящая черная вещь: длинный кардиган, который она надевала лишь раз — на похороны мамы.

Откровенно говоря, ей не хотелось его надевать. Ей очень хотелось сжечь этот пропитанный скорбью кусок ткани. В какой-то момент ей даже показалось, что он пахнет кладбищенской сыростью и разложением. Но нет, ничем таким он пахнуть просто не мог, то были лишь ее воспаленные фантазии и воспоминания. Марта прекрасно помнила этот запах сырой земли, которую кидали на мамин гроб.

Стараясь отогнать от себя эти мысли, она поспешила к своему комоду с бельем. Ей нужно было подобрать броню, которая защитила бы ее от всего. И она остановила свой выбор на комплекте из атласа и кружева с таким количеством декора, что в начале даже не знаешь на что смотреть. И в довершение всего приталенное платье с длинным рукавом, бежевое, как и большая часть ее вещей.

Марта как раз застегивала передние пуговицы на платье, когда в дверь постучали. Она быстро натянула перчатки, прежде чем ответить на стук.

На пороге стоял перепуганный отец с обугленным пальто в руках. Пальто, которое она так и не вынесла на мусорку.

— Доброе утро, — спокойно поприветствовала Марта. Ее попытка сохранить произошедшее в секрете провалилась. — С каких пор ты копаешься в мусоре?

— С тех самых, как нахожу огромный черный пакет посреди кухни. На тебя снова напали? — он бегло осмотрел Марту, но в его лице ничего не поменялось. Ни малейшего намека на переживание.

— Нет, — коротко ответила Марта.

— Если нападут — скажи.

Он развернулся и скрылся где-то в доме, даже не закрыв за собой дверь. А Марта рухнула на постель рядом с треклятым кардиганом. Дышать было тяжело. Он как всегда не спросил, в порядке ли она. Даже из вежливости не осведомился, как она себя чувствует. Напали? Нет. Ну и ладно, скажи если что. Разве таким должен быть разговор отца с дочерью? Марта закусила изнутри губу, плотая непрошенные слезы. Она не будет плакать. Она никогда не будет из-за него плакать. Но легче от этого не становилось.

Возможно ему действительно стоило умереть. Тогда она бы смогла оплакивать мертвого, а не страшиться глухой пустоты в присутствии живого.

Марта сделала несколько глубоких вдохов и натянула кардиган, окончательно поборов свою минутную слабость.

— В пустоте нет ничего плохого, — сказала она себе и встала с кровати. Времени на

ненужные эмоции просто не было.

Марта была только рада, когда на кухне не обнаружилось ни отца, ни Мегги — только развязанный мусорный пакет и пальто, валявшееся поверх него. Марта запихнула пальто обратно и завязала пакет.

Заварив себе крепкого черного чая, она села за стол и принялась поглощать пасту, взятую из комнаты, уткнувшись в окно. Мамин сад морозным серым утром выглядел даже хуже, чем обычно. Опавшие листья с дорожек никто так и не удосужился убрать. Ей стало интересно, убирал ли их кто-нибудь в прошлом году? Да и вообще кто-нибудь ухаживал за этим несчастным садиком после маминой смерти? Смотреть на загнивающий сад было больно. А сегодня даже больнее, чем обычно.

Алистер вошел на кухню в сером банном махровом халате. Он только что вышел из душа, о чем явно говорили мокрые волосы, с которых продолжала капать вода.

— А бинты? — удивленно спросила Марта, выгнув бровь.

— Я их снял, — равнодушно пожал плечами отец и направился к чайнику, чтобы заварить и себе чаю. В его движениях не было и намек на болезненную скованность.

— Уже? Не слишком рано?

— А почему бы и нет. Осталось всего пару шрамов. Ты же знаешь эту семейную сказку про цветение рода. В последнее время ты использовала магию довольно часто — вот и результат.

— Никогда не воспринимала ее всерьез, — буркнула Марта, прикончив свой чай. — Я уговорила Коула помочь нам.

— Это как?

— Ммм... ну... он согласился вернуться к ним и сказать, что я никакая не ведьма, если мы поможем ему излечиться от яда.

— И ты поверила? Не думал, что моя дочь настолько глупая.

«О, все-таки иногда ты вспоминаешь, что я твоя дочь» — хотелось ответить Марте, но она промолчала. Сегодня она и впрямь была чересчур чувствительна к словам отца, обычно ей с легкостью удавалось пропускать их мимо ушей.

— Не то чтобы поверила. Просто заключила с ним сделку.

— Бесплезную сделку, если быть точным, — ухмыльнулся Алистер и сел на стул напротив нее. — Что ты знаешь об этом человеке? Я вот более чем уверен, что, как только он выйдет за порог нашего дома, он найдет способ обойти твои приказы и непременно вернется, чтобы убить нас.

— Я это знаю.

— Тогда какой смысл в твоей сделке? В первую очередь тебе стоило выяснить, кто о тебе знает. И, судя по тому, что к нашему порогу до сих пор не заявился еще ни один охотник, смею предположить, что таких людей крайне мало. Кстати, а что с тем охотником, который сейчас в больнице?

Марта пожала плечами.

— Без понятия. Наверное, стоит навестить к нему.

— А вот в этих словах уже есть крупица истины. Я навещу его сегодня, когда поеду на обследование. Что касается Коула, пусть пока думает, что мы ему поверили. Может попытаешься у него что-нибудь выяснить? Так сказать «втереться в доверие».

Марта неуверенно кивнула. Уж кто-кто, а она не особо умела располагать к себе людей.

Коул все гадал, когда же она его навестит. Ему нужно было убедиться в том, что его выпустят из этого дома. Ни Марта, ни ее отец так и не приходили к нему. В какой-то степени неизвестность его пугала, закручивая болты здравого смысла. Последнее время он слишком много думал обо всем и не о чем конкретно. Он никогда не был в полном одиночестве с самого рождения, но только теперь понял, насколько сильно зависел от общения. Ему нужно было говорить, и оттого его сознательное решение хранить полное молчание было еще тягостнее.

Он проснулся рано утром, когда еще не рассвело, от чувства легкого голода. Незначительного. Такого, который появляется через пару часов после плотного обеда, но которое несколько не тревожит. Не тревожит, если это обычный голод. Только этот голод обычным не был. С того времени, как Коул начал принимать хьянгу, голод стал признаком того, что действие начинает ослабевать и до следующего приема остается еще пару дней, не более. Когда голод становится нестерпимым настолько, что ты уже согласен съесть кусок тухлого мяса, лишь бы хоть немного приглушить его, значит пора. Ничто другое просто не способно заглушить нестерпимую нужду. А если не принять? Коул смутно помнил ощущение медленно накаत्याющей агонии, словно сгораешь заживо. Ему только и оставалось надеяться, что в ближайшее время не придется вновь окунуться в раскаленную реку.

Стоит ли предупредить Марту, что новая доза ему нужна уже через пару дней?

Он вспомнил ее пронзительный испепеляющий взгляд. Таким только лед топить в Антарктиде. Коул не горел желанием рассказывать ей о своих слабостях и нуждах, особенно под этим недовольным взглядом. Было бы неплохо, если бы его вновь навестила маленькая леди. Вот ей бы он вполне мог поведать о своих нуждах. Возможно, в силу возраста Мегги Рудбриг не была настолько высокомерной. Хотя он прекрасно понимал, что не ему судить о высокомерии. Отношение Марты к нему было ни чем иным, как отражением его отношения к ней. Так что ничего другого ожидать от нее не стоило. Куда страннее было бы, если бы она вдруг вспылала к нему добротой и любовью.

Марта всё-таки пришла. Если Коул правильно подсчитал, то она вступила на порог «его» спальни где-то после обеда, возможно раньше, возможно позже. Теперь он плохо ориентировался во времени.

Первое, что он заметил: Марта Рудбриг выглядела еще хуже, чем вчера. Она с каждым днем выглядела все хуже и хуже. От той яркой женщины, за которой он наблюдал несколько недель, не осталось и следа. Марта стала тенью себя прежней. Болезненной тенью. И это не могло не пугать. Казалось, с каждым днем она усыхает и даже умирает. Ему бы стоило радоваться, но почему-то не выходило. Что, если она действительно умрет и никто не сможет выпустить его из этой темницы?

— Ты вообще хоть иногда ешь? — не выдержал и спросил Коул.

— Ем, — сухо ответила Марта и поставила ему на кровать поднос с едой. Жареные яйца и несколько бутербродов с арахисовой пастой, а еще чашка горячего чая, над которым поднимался пар.

— Что, одно вареное яйцо, чашку кофе и лист салата?

Марта промолчала и села в кресло.

— Купи кусок мяса и съешь его!

Марта подперла голову кулаком и усмехнулась.

— Сырым?

Коул пару раз непонимающе моргнул.

— Да хоть сырым! На тебя смотреть страшно. Гляди ветром сдует.

— Удивительно, что тебя такое волнует, — протянула Марта, взъерошив свои короткие волосы.

Коул ничего не ответил, но, чтобы заполнить образовавшуюся после ее слов пустоту, принялся поглощать обедозавтрак, который несколько не притуплял чувство голода, камнем оседавая в желудке.

— Мне нужна новая... доза, — все же сказала он, прикончив бутерброды с арахисовой пастой. Слово «доза» неприятно резало слух, словно он был каким-то отбросом, наркоманом, готовым продать почку за новую дозу. Но как бы неприятно не было ему признавать, в какой-то степени он им и был. С маленькой поправкой в виде стопроцентной смерти в случае отказа.

— Когда? — сухо спросила Марта. На лице ведьмы не отразилось ни одной эмоции. Она не жалела его, но и не злорадствовала. Что немного, самую малость, подняло ее в его глазах.

— Через пару дней. Примерно. Может, чуть дольше, — абсолютно честно ответил Коул.

— Ясно.

Больше она не сказала ничего. Просто продолжала сидеть в этом несчастном кресле и смотреть в окно. В ее присутствии Коул чувствовал себя неуютно. Хотя «неуютно» было не совсем подходящим словом. Он чувствовал себя очень-очень-очень неуютно, как свинья на вертеле.

Она могла сделать что угодно. Приказать ему. Проклясть его. Задушить его. Он до сих пор помнил, как невидимые руки сжимаются на его шее, выдавливая остатки воздуха. И он не мог доверять этой ведьме. Что у него было? Лишь ее слово, что она не будет ничего делать. Так что он не мог отделаться от легкого страха, который пропитывал каждую его эмоцию, безотрывно следуя за ним по пятам.

Марта просидела с ним еще некоторое время, а, когда он доел свою еду и допил чай, молча встала, забрала поднос и ушла. Она явно была не настроена на разговор, да и Коул не нашел в себе сил спросить, когда она выпустит его из этой клетки.

Подходя к Ведьминой обители, Марта нервничала. Тот мужчина, охотник напавший на них в парке, мертв. После того, как отец рассказал ей об этом за обедом, она была сама не своя. Ее действия стали причиной смерти человека. Не сказать, что она сожалела или считала себя в чем-то виноватой. То была просто самооборона и не больше. И все же она не могла отделаться от горького осадка на душе.

«Хорошо, что он умер. Одной проблемой меньше» — внушала она себе всю дорогу, пока шла к Ведьминой обители. — «Он это заслужил».

Она вспомнила наставленный на ее сестру арбалет. Арбалет, наставленный на ребенка, которому не было и десяти лет!

«Заслужил!»

В Ведьминой обители посетителей было необычайно много, что удивило Марту, когда она толкнула дверь и вошла в душное помещение. Запах пива мешался с ароматами вербены и можжевельника, а также с примесью ладана и человеческого пота. Людей было так много, что Марте сначала показалось, что она попала куда-то не туда. За последнее время она привыкла наблюдать Ведьмину обитель либо полупустой, либо абсолютно безжизненной.

Джуди скользила между столиками, разнося кружки с пивом. Кеторин, как обычно идеально выглядящая, занимала свое исконное место за барной стойкой. Марта заметила еще двух официанток, которые, так же как и Джуди, сновали между столиками. Неказистые девчонки в потрепанных ведьминских шляпах и выцветших передниках.

Стараясь ни с кем не столкнуться, Марта опустила голову и поспешила к бару. Ей не хотелось встречаться глазами с посетителями, хотя маловероятно, что здесь мог оказаться кто-либо из ее знакомых, по той простой причине, что у Марты таковых было не так много. Но вот чему ее научили последние дни: то, что ты не знаешь человека, еще не значит, что он не знает тебя. А в этом городе ее, похоже, знали все, кому не лень.

Людей у бара было не то чтобы много, но в их присутствии поговорить вряд ли получится. Марта заняла свободный табурет с краю и кивнула Кеторин в знак приветствия. Та лишь слегка улыбнулась в ответ, полностью поглощенная разговором с клиентами — мужчинами преклонного возраста, цидящими пиво из огромных кружек.

— Китти, кошечка, что же ты так безбожно поднимаешь цены даже для нас — твоих постоянных клиентов? — причитал мужчина в серой залатанной парке и в уже солидном подпитии.

Кеторин брезгливо скривилась и поправила:

— Кеторин. А что до цен: я же ведьма, оттого и цены у меня безбожные, — улыбка у нее была яркая и нахальная.

— Душечка, тебя невозможно не любить! — сказал другой и протянул ей свою пустую кружку. — Налей еще.

— Кеторин, — повторила та и забрала кружку. — С радостью!

Кеторин скрылась под барной стойкой, а в это время как раз вернулась Джуди с подносом, нагруженным пустыми кружками и тарелками из-под скудных закусок. Она хлопала Марту по плечу в знак приветствия — для этого ей пришлось встать на носочки — и лучезарно улыбнулась.

— Привет, — кивнула ей Марта. — Помощь нужна?

— Нет. Я сама, — ответила Джуди и прошмыгнула за бар.

— А почему здесь сегодня не протолкнуться? — спросила она у Джуди, но ответила ей Кеторин:

— Первая пятница месяца, — она поставила кружку перед клиентом и подошла к Марте. — Каждую первую пятницу месяца здесь собирается местный рыболовный клуб. Раньше они собирались в Мормери, баре вниз по улице, но я их переманила, — Кеторин послала улыбку мужчине в потрепанной парке и вновь повернулась к Марте. — Они делают мне выручку чуть ли не на весь месяц, — понизив голос, чтобы ее никто не слышал, кроме Марты, призналась она.

— Впервые слышу о подобной организации, — призналась Марта, не особо заботясь о громкости своего голоса, тот все равно утонул в окружающем гомоне. — И чем они занимаются?

— Организации? Нет, это просто клуб по интересам. Летом рыбачат на близлежащей реке, а зимой пьют и хвастаются былыми подвигами, пытаюсь внушить окружающим, что они добытчики и охотники, а на деле... — Кеторин выдержала театральную паузу. — Горстка алкашей, прячущаяся от жен на реке. Только им об этом не говори. Понимаешь, рыбаки — народ тонкой душевной организации, того и гляди обидятся.

— Понятно, — протянула Марта, старательно сдерживая смех.

— Кетти, милая, налей-ка еще мне того... светленького!

Кеторин глубоко вздохнула и крикнула:

— Сейчас! — а затем уже тихо спросила. — Ты что-то хотела?

Марта кивнула.

— Если не срочно, то подожди, они обычно не засиживаются дольше, чем до десяти.

Жены!

Марта посмотрела на настенные часы над баром. Не было еще и восьми, но у нее не было особого выбора, так что она вновь кивнула.

— Подожду.

— Кетти, пива!

— Может кофе?

— Было бы неплохо, — согласилась Марта.

— Можешь подождать в моем кабинете. Я попрошу Джуди принести его тебе.

— Без проблем.

Марта соскочила с табурета и поплелась в лестнице, ведущей на балкон, а Кеторин вернулась к «клиентам Кетти» и принялась разливать пиво по кружкам.

В кабинете Кеторин, тонущем во мраке, было куда уютнее, чем в зале, под завязку забитом любителями пива и рыбалки. Марта заняла один из стульев, стоящих вокруг стола, и принялась изучать книжные полки Кеторин, подсвечивая их фонариком телефона. Книг на полках было много, и они куда больше походили на ведьминские гримуары, чем те, что лежали на чердаке дома у Марты. Старые потрепанные корешки с витиеватыми, практически нечитаемыми буквами. Они производили нужное впечатление. Так сказать, создавали правильный антураж для клиентов Кеторин, которые приходили не для того, чтобы пропустить по кружечке пива.

Марта взяла первый попавшийся гримуар с полки и положила на стол перед собой. Если название когда-нибудь и было читаемым, то года сделали свое дело, затеряв его среди складок потертой кожи. Она раскрыла гримуар и принялась листать замысловатые страницы. Языка, которым были написаны тексты, она все равно не знала. Возможно это был французский или немецкий — за всеми этими крючками, закорючками и прочими каллиграфическими изысками было не разобрать. Так что Марта любовалась потрясающими иллюстрациями, которые сопровождали каждый текст, когда Джуди поднялась к ней с чашечкой крепкого кофе.

— Что читаешь? — спросила она, подставив кружку буквально Марте под нос. — О, а откуда это у нее?

Марта подняла голову и посмотрела на удивленную Джуди, которая внимательно изучала раскрытый разворот с иллюстрациями довольно мерзкого монстра.

— А что это? — Марта откинулась назад и взяла чашку, продолжая подсвечивать одной рукой гримуар.

— Бестиарий. Очень древний.

— Бисти... что?

— Бестиарий, — наткнувшись на ничего не понимающий взгляд Марты, Джуди пояснила. — Список монстров. Что-то вроде энциклопедии видов. Описание и методы использования. Конкретно этот очень древний, и данные в нем устарели веков так десять назад. Странно, откуда он у Кеторин... последний раз я его видела в библиотеке нашего ковена.

— Может взяла почитать и не вернула, — предложила Марта, отхлебнув из чашки.

— Может быть, — неуверенно ответила Джуди. — Ладно, я пойду вниз, а то там работы полный воз.

Марта проводила ее взглядом и продолжила изучать бестиарий. В нем была мешанина из жутких и вполне симпатичных монстров. Хотя жутких было куда больше. Она не могла сказать, что была расстроена тем фактом, что монстры с этих страниц уже вымерли. Как-то спокойнее спится по ночам, когда знаешь, что некто с волчьей пастью и паучьим телом не заглянет к тебе с утра на чай.

Марта захлопнула гримуар и убрала его на место. Все-таки это не лучшее чтение на ночь. Критическим взглядом Марта окинула полки Кеторин. Да уж, это определенно была не безобидная школьная литература и что-то она не горела желанием продолжать знакомство с этими книгами.

Ей начало казаться, что Кеторин ведет опасную игру, изучая ту магию, которую лучше было бы похоронить под толщей времен и никогда не раскапывать. Сама она уж точно не стала бы в этом копаться.

Стараясь хоть немного скоротать время, Марта принялась листать новостные страницы своих соц. сетей. Она всегда была далека от этой части жизни, вспоминая о ней, только когда одолевает непроглядная скука. А последнее время скучать ей было просто некогда.

Пришло сообщение от Мегги.

«Ты скоро? Папа купил карамельный попкорн. Можем устроить вечер кино, если ты все-таки ответишь.»

«Буду к одиннадцати. Начинай без меня.» — быстро настрочила ответ Марта.

«Ух, ты! Все таки вспомнила что такое ТЕЛЕФОН. Я тебя подожду» — тут же прилетел ответ.

Марта написала короткое «Окей» и принялась наблюдать за членами рыбного клуба, которые потихоньку начали расплачиваться и расходиться по домам. Похоже, жены были действительно важным аргументом в их жизни. Иногда ей действительно начинало казаться, что в таких маленьких городках, как Рупи, всем давно заправляют женщины. Чего далеко ходить за примером. Маргарет Рудбриг была тем самым властным правителем, без разрешения которого даже чихнуть нельзя было. При этом дедушка Марты всегда был лишь тенью в собственном доме — она могла по пальцем пересчитать те случаи, когда он высказывал свое мнение, к которому обычно даже не прислушивались.

Часы на экране телефона показывали девять пятнадцать, когда Кеторин поднялась к ней с аптечкой. В ведьминой обители еще оставались редкие посетители, но с ними вполне успешно справлялась Джуди.

— Я думаю, стоит перебинтовать твои руки, — сказала Кеторин и потрясла аптечкой перед носом Марты.

Кеторин зажгла несколько свечей и, усевшись на соседний табурет, принялась снимать бинты, что получалось у нее довольно ловко и наводило на мысль, что занимается она подобным не впервые.

— Коулу нужна хьянга, — объяснила причину своего прихода Марта, наблюдая за манипуляциями Кеторин.

Женщина вскинула голову.

— Уже? Это плохо. Я думала, он сможет продержаться на одной порции недели две или даже больше. В моих записях говорится, что некоторые могли выдерживать месячные

промежутки.

— А он не может. Говорит, что новая порция нужна ему через пару дней.

— Да уж... таким темпами у нас и месяца не будет, чего уж говорить о двух. Я же еще даже не начала изучать этот вопрос. Проблем и без того много, — Кеторин выразительно посмотрела на обнажившуюся руку Марты и откинула грязный бинт в сторону. — Дело идет неплохо. Смотри, некоторые уже покрылись корочками.

Кеторин нанесла мазь на кожу и быстрыми точными движениями забинтовала руку, а затем принялась за вторую.

— Я, конечно, дам тебе для него хьянгу, но постарайся оттянуть прием максимально, как возможно. Сейчас нам ничто так не необходимо, как время, — она махнула рукой в сторону стеллажа с гримуарами. — Мне нужно перелопатить их все, а это не пятиминутное дело. Хотя, если уж быть откровенной, сомневаюсь, что в них есть то, что может ему помочь.

— И что тогда делать?

— Хм... хороший вопрос! Скорее всего нам придется наведаться в библиотеку моего старого ковена, но это крайняя мера. По доброй воле я туда ни за что не пойду.

— Почему?

— Меня там не любят. Скажем так, я стала персоной нон грата. И это не то же самое, что быть изгнанной из чайного клуба. Библиотека ковена — наша крайняя мера, если ничего другого не найдем.

— А он того стоит? — пренебрежительно спросила Марта.

— Твой мальчишка охотник? Только из-за него я туда бы не сунулась, но там мы сможем найти еще и что-нибудь о тебе. Ковен Шарпы — один из самых древних, древнее только ковен Крови.

— И как нам попасть в эту библиотеку? — спросила Марта, поморщившись, когда Кеторин оторвала бинт от подсохшей корочки. — Сомневаюсь, что они живут в каком-нибудь маленьком городке, где по выходным проходит книжная ярмарка.

— Сечешь фишку! — усмехнулась Кеторин, отбросив бинт на пол. — Тут нужно все детально продумать, включая пути отступления. Но я буду думать об этом после того, как перепроверю свои гримуары. Может там все же что-то да есть.

— Пустая трата времени. Ты сама сказала, что сомневаешься, что в них есть хоть что-то. Может сразу отправимся в библиотеку?

— Не дави на меня! Без четкого плана я туда не сунусь. Это тебе не за чаем с пирожными сходить, а сунуться в гнездо с гадюками. А я пока еще не совсем умом тронулась.

Марта пожала плечами, усмехнувшись. Значит, и Кеторин чего-то да боится. И это делало ее в глазах Марты не такой идеальной и капельку чуть более человеческой.

Марта забрала новую порцию яда для Коула и покинула Ведьмину обитель, попрощавшись с Джуди, которая протирала столы после ухода последних посетителей. На улице было темно и холодно, не самая лучшая погода для тихой пешей прогулки до дома, которую она собиралась совершить изначально.

Остановившись возле дороги, Марта достала телефон из кармана с твердым намерением вызвать такси, когда ее окликнули по имени.

Она обернулась и увидела мужской силуэт. Он стоял спиной к фонарю и оттого было просто невозможно разобрать, кто это был, смотря на него против света. Марту пробил

озноб. Липкие щупальцы страха сковали ее. Бежать. Ей нужно бежать.

Но прежде чем она успела сделать хоть шаг, мужчина преодолел разделяющее их расстояние и шагнул в круг света от фонаря под которым стояла Марта.

— Джош! — воскликнула она, узнав его.

— Джон, — поправил он, улыбаясь. — Мы так часто встречаемся, и ты все еще не запомнила мое имя.

— Мы не часто встречаемся. Ты преследуешь меня! — возмутилась Марта. Ее была мелкая дрожь. Он перепугал ее. — Еще одна такая «встреча», и я добьюсь судебного запрета на приближение.

— Но сегодня наша встреча действительно случайна, — Джон сложил руки на груди. — Я ужинал с друзьями, а потом увидел тебе и решил подойти поздороваться. А ты обвиняешь меня в преследовании!

Марта скептически нахмурила брови.

— Все, поздоровался? Теперь можешь возвращаться к ним, — она махнула рукой в неопределенном направлении.

— Не слишком ли грубо?

— Нормально, — Марта махнула еще раз и принялась забивать адрес в приложении. Заметив, что Джон все еще стоит и смотрит на нее, она обернулась к нему. — Если ты не понял: можешь быть свободен!

— У тебя есть парень? — спросил Джон, потирая руки.

— С чего вдруг такие вопросы? Ты вынуждаешь меня отправиться за судебным запретом прямо сейчас.

— Жалко мне того человека, что решит встречаться с тобой, — хмыкнул Джон.

— Мне казалось, за жалость санитарам не доплачивают, так что можешь оставить ее себе, — едко ответила Марта, наблюдая за огоньком машины на карте. Ожидаемое время прибытия: 3 минуты. — И да, у меня есть парень.

Жалкая ложь — следствие не менее жалкой попытки защитить уязвленную гордость. Да кто он вообще такой, чтобы обсуждать ее личную жизнь?

— Странно, — на его лице появилось задумчивое выражение.

— Отчего же? — Марту все еще трясло, только вот теперь не от страха, а от гнева.

— Рупи город маленький и я не слышал, чтобы ты с кем-нибудь встречалась.

Марта немного опешила. По спине побежал холодок. Последний человек, который следил за ней, теперь был заперт в гостевой комнате ее дома.

— Знаешь что, Джон, это называется преследование с какой-либо целью. И если ты не прекратишь, то увидимся мы с тобой в полиции. Надеюсь, я ясно выражаюсь? Рупи-то может городок и маленький, но тут все равно все друг друга в лицо не знают. Вот я тебя долгое время не знала — и была бы просто счастлива не знать тебя и дальше.

— Марта, послушай, — он схватил ее за руку, но Марта ее отдернула. — Я не это имел в виду... честное слово.

За поворотом показались фары машины, и Марта выдохнула от облегчения.

— Да послушай же ты. Ты просто мне интересна, поэтому я и наводил справки. Поспрашивал то тут, то там. Не более! Честное слово!

Машина остановилась возле них.

— Марта, может я и был не прав, но я не преследую тебя. Сегодня уж точно, — он махнул рукой в сторону ресторанчика на соседней улице. — Да и в больнице я тебя не

преследовал! Ты сама туда пришла! Да, на работу к тебе я правда приходил, но не думаю, что это делает из меня маниакального преследователя.

Марта раскрыла пассажирскую дверь и юркнула на сиденье.

— Пока, Джош, — буркнула она и захлопнула дверь.

В сущности, ей от его слов было не жарко и не холодно. Хотя он все же смог ее немного удивить и в итоге потешить ее самолюбие. Так что, когда такси тронулось и поехало к ее дому, Марта поймала себя на мысли, что начинает глупо улыбаться своему отражению в зеркале заднего вида. Ей еще никогда не признавались в симпатии таким странным образом.

Глава 18. Она любила колдовать

Впервые за последнее время Марта проснулась с мыслью, что она выпалась. Не просто закрыла ночью глаза, а утром открыла, будто буквально на секунду вылетела из реальности. Нет! Она действительно выпалась, даже несмотря на то, что допоздна засиделась с сестрой в компании с попкорном и Рапунцель, которую они пересматривали уже сорок восьмой раз, так как это был любимый мультфильм Мегги — неизвестно еще, сколько раз она пересматривала его в одиночку.

За окном было все еще серо и крупными хлопьями валил первый настоящий снег в этом году. На секунду Марта испугалась того, что снег проходит через защитных барьер и наметает сугробы за окном, но потом обрадовалась тому, что зато не придется объяснять соседям, почему снег идет везде кроме их двора. А затем снова расстроилась, ведь кому-то его придется чистить. Марта перевернулась на бок и уткнулась взглядом в окно, наблюдая за падением снега, который под куполом падал все же реже, чем в остальном мире.

Марта вытянула ноги и поплотнее закуталась в одеяло. Вылезать из постели совсем не хотелось. И причина была не только в пробирающем до костей холоде, который стоял в доме. Похоже, это опять отключился котел. Зимой такое иногда случалось, особенно во время снегопадов, когда начинались перебои с электричеством. Однако Марта в этом уже давно привыкла. Старый дом всегда идет в купе со старой проводкой, которая имеет свой собственный характер и пожелания.

Девушка уже была готова погрузиться в очередной короткий сон, к которому располагали погода и значок выходного дня на календаре, когда в комнату с громким воплем «Холодно! Холодно! Холодно!» влетела Мегги и буквально запрыгнула к Марте под одеяло. Ей не оставалось ничего другого, как перекатиться на другой край кровати, чтобы освободить место сестре и скрыть свои перебинтованные руки. Вчера ей удалось скрыть свои раны от Мегги, сначала объяснив наличие новых перчаток приближающимися холодами и нежеланием расставаться с покупкой, а затем весь вечер держа руки в карманах, украдкой поглощая попкорн.

Глупо, конечно. Марта прекрасно понимала, что строит из себя шпиона-неумеху и шифруется от младшей сестры, которая максимум удивится или посмеется над неудачливостью старшей. И все же Марте не хотелось давать Мегги даже самого маленького повода для переживаний.

— Ночью свет отключился. Папа пошел перезапускать котлы. Вода в бойлерах тоже остыла, — стуча зубами, сказала Мегги и придвинулась к Марте, отчего та чуть не свалилась с кровати.

— Здравствуй, зима! — хмуро вторила ей Марта.

— Здравствуй, отключение электричества, — у Мегги зуб на зуб не попадал, и оттого речь ее получалась невнятной. — Думаешь, он скоро нагреется?

— Часа четыре — не меньше.

— Вот блин.

— Полностью согласна.

— А пригостишь мне чай? Пожа-а-алуйста!

— А сама? Мне вообще-то тоже холодно!

— Ну Марта! — протянула девочка.

— Что Марта? Руки-ноги есть? Не инвалид, так что можешь и сама заварить себе чай.

— Марта! — громко взвизгнула Мегги и принялась пинать ее своими холодными ногами, пытаясь свалить с кровати.

Рассмеявшись, Марта встала с кровати, потянув за собой одеяло, тем самым полностью стянув его с сестры. Мегги что-то недовольно пробурчала, а Марта подняла с пола перчатки и натянула их на руки, прикрываясь одеялом. Затем сделала пару шагов по относительно теплему ковру и натянула новый бордовый кардиган, который купила вчера после утренних занятий.

— Будет тебе чай, — сказала она и зашвырнула одеяло на кровать.

Мегги тут же закуталась в него, окинув Марту изучающим взглядом, который чуточку дольше чем нужно задержался на бежевых, из мягкой тонкой кожи, перчатках.

— Умно.

— Ага. Могу одолжить тебе свои старые, — предложила она.

— Не люблю перчатки.

— Ну и мерзни. Если твои пальцы почернеют и отпадут — не прибегай ко мне, чтобы я наколдowała тебе новые, — потрунила над ней Марта, ища шерстяные носки в ящике комода.

— Сама себе наколдую! — хмуро ответила Мегги, закусив щеку изнутри. — Никто не знает, может быть, я тоже ведьма и куда более могущественная чем ты. Может быть, моя сила еще не пробудилась!

Марту передернуло от ее слов, но она постаралась скрыть свое недовольство и лишь коротко бросила:

— Может быть.

Она вышла из спальни и поспешила на кухню быстрым шагом, поплотнее закутавшись в кардиган, стараясь хоть немного согреться и жалея, что не натянула штаны поверх пижамных шорт. На секунду она даже задумалась о том, чтобы вернуться и исправить данное упущение, но, вспомнив хмурое выражение лица Мегги, отделалась от этой мысли безвозвратно. У Марты в голове просто не укладывалось, как Мегги могла желать быть ведьмой, прекрасно видя, с какими проблемами приходится сталкиваться ей, Марте.

Марта поставила чайник на плиту, постоянно двигая ногами и держа руки над огнем, чтобы хоть немного согреться. Вскоре Мегги пришла к ней, закутавшись в одеяло и волоча его по полу, словно шлейф. Насупившись, она села за стол, поджав под себя ноги, и уставилась на Марту.

— Ты действительно считаешь, что во мне нет и толики волшебства?

— Не знаю, — честно ответила Марта, понимая, что разговора ей не избежать. — Я на это надеюсь. В том, чтобы быть такой, как я, нет ничего хорошего.

— Это ты так считаешь!

— Да. И что в этом плохого? Скажи мне, Мегги, что плохого в том, что я хочу для своей сестры обычной, нормальной жизни? Жизни, где ей не придется содержать в своем доме охотника на ведьм, чтобы тот не навредил дорогим ей людям.

— Коул и так здесь, — буркнула Мегги. — И оттого, есть у меня магия или нет, ничего не изменится.

— Изменится. Твоя голова в списке его жертв рядом с моей, — сухо ответила Марта и отвернулась от сестры.

Хоть ей и удалось говорить спокойно, внутри ее буквально колотило от упертости Мегги. Почему нельзя просто оставить эту тему и больше к ней не возвращаться? Нет, Мегги

так просто не могла. Она раз за разом ворожила этот пчелиный улей в надежде, что вот сейчас вылетит добрая пчелка, а не та, что покусала ее.

— Коул может передумать, — с детской наивностью произнесла Мегги. — Он же видит, что мы не такие уж и плохие.

Марта нервно хохотнула, вторя свисту закипевшего чайника.

— Боюсь, что с его стороны мы выглядим, как раз-таки «такими уж плохими», — она передразнила манеру Мегги. — Мы удерживаем его против воли. Поверь мне, никто — даже заядлый преступник — не станет хорошего мнения о своих тюремщиках по щелчку пальцев.

Марта залила чайные пакетики кипятком и аккуратно отнесла горячие кружки на стол. К ее немалому удивлению Мегги промолчала, недовольно поджав губы. Обычно Мегги высказывала все, что было у нее на уме. Хотя возможно Марта не настолько хорошо знала сестру, как ей думалось.

Мегги обхватила свою кружку руками и принялась дуть на нее, наблюдая за поднимающимся струйками пара. Ненадолго кухня погрузилась в полную тягостную тишину, которую Марте так отчаянно хотелось нарушить. Ей было невыносимо наблюдать за понурой Мегги. Но что конкретно сказать, Марта тоже не знала. Она боялась, что любое ее слово вновь натолкнет их на разговоры о ведьмах и магии. А резкая смена темы казалась бы наигранной, и ей совсем не хотелось быть той сестрой, которая прячется за вопросами по типу: «Какой твой любимый персонаж в мультфильме?» и избегает настоящих проблем.

— Думаешь, кто-то из ведьм причинил Коулу боль? — неожиданно спросила Мегги, пронзив Марту серьезным взглядом исподлобья.

— Не знаю, — немного опешив, ответила Марта. Она и думать не думала о Коуле и его проблемах. И ей было абсолютно все равно, причинил ему кто-либо боль, убили ли его близких, да даже если ведьмы пытали на его глазах котят — ей было все равно. То были его проблемы, но не ее. Оттого и вопрос Мегги поставил ее в тупик. С чего вдруг ей интересоваться его жизнью и его причинами, поступать так, а не иначе?

— Я думаю с ним что-то случилось, — выдохнула Мегги и отхлебнула немного чая. Тот оказался слишком горячим, и она выплюнула его обратно в чашку, забрызгав весь стол.

— Мегги! Фу! — скривилась Марта и отшатнулась от нее, откинувшись на спинку стула. — Ты что творишь?

Мегги высунула язык и принялась обмахивать его ладошкой.

— Горячо! — возмущенно простонала она, но из-за высунутого языка получилось нечто невнятное, отдаленно напоминающее нечто вроде «голящо».

Марта фыркнула и, встав из-за стола, забрала у Мегги ее чашку и поставила в раковину, сомневаясь, что девочка будет в ближайшее время пить что-либо, кроме воды.

— Воды? — спросила Марта и, схватив тряпку, принялась вытирать со стола капли чая, перемешанного со слюной.

Когда она поставила перед Мегги полный стакан с водой, в кухню как раз вошел отец с всклокоченными волосами и недовольно поджатыми губами, которые были похожи на корявую тонкую линию там, где у нормального человека был рот. На его лице возле носа красовалась смазанная грязь, да и руки были перепачканы чем-то маслянистым. Он недовольно швырнул на стол разводной ключ и, пройдя к раковине, принялся намыливать руки.

— Боюсь, этой зимой нам все-таки придется менять насосы. Сомневаюсь что они доживут до конца декабря. Либо так, либо нам придется встречать Рождество, греясь у

камина, потому что ваша мать так любила этот дом «в своей первозданной красоте», — он передразнил ее манеру с придыханием говорить о вещах, которые ей нравились, и Марта не смогла сдержать улыбки, хотя смешок ей все же удалось подавить.

Да, Терра Рудбриг любила этот дом. Любила в его первозданной красоте, и никто не мог встать между ней и ее любовью. Что до отца, то он часто брюзжал об этой «первозданной красоте», отчего Марте вспомнилось, как родители как-то спорили о замене старой отопительной системы, стоя на этой самой кухне. Отец возмущался и крутил пальцем у виска, а мать кричала, что будет всю зиму сидеть возле камина, но не позволит ему ничего менять в ее доме и его «первозданной красоте».

Марта ощутила, как в уголках глаз начали собираться слезы, а в носу защипало. Она судорожно вздохнула, загоня эмоции куда подальше внутрь, и смахнула непрошенные слезы, пока их никто не увидел.

— Ты говоришь о них уже лет десять, и они все еще живы, — удивляясь тому, насколько сухо прозвучал ее голос, сказала Марта. — Так что может и эту зиму проживут.

Алистер стрельнул в нее недовольным взглядом, который более чем красноречиво говорил «Не начинай» — и в третий раз намылил руки, чтобы избавиться от маслянистой дряни, названия которой Марта не знала. Она хмыкнула и вышла из кухни, оставив Мегги справляться с тяжелым заданием — сказать отцу, что он измазал еще и лицо.

Коул был рад наконец-то размять ноги, хотя радость эта была довольно сомнительной. Все равно что зверю радоваться расширению клетки. Марта предоставила всю спальню в его распоряжение. К его немалому удивлению, она убрала те странные камни, но вдоль окон и входной двери насыпала какую-то странную смесь. Крупинки соли с какими-то травами. Именно так они выглядели издали, а вот приближаться к ним он не испытывал ни малейшего желания. Мало ли чем она могла пересыпала проходы?

Коул прошел очередной круг. Кровать, кресло, пустой комод, ванная, мимо окон, краем глаза посматривая на странную смесь. Что такого она там намешала и что с ним будет, если он прикоснется к ней? Может все-таки попытаться сбежать?

Нет. Он не станет прикасаться к этой дряни. Коул плотно сжал губы и плюхнулся на кресло, которое обычно занимала Марта. Последние пару дней они к нему практически не заходили, если не брать в расчет то, как они подсовывали ему еду. Марта лишь подходила к двери, чуть сдвигала свою странную магическую посыпку, ставила поднос на комод и уходила, возвращая ровную линию насыпи на место. Изредка она спрашивала, как скоро ему нужна будет хьянга и, получив ответ, коротко кивала. Мистер Рудбриг даже не объявлялся, хотя не сказать, что Коул хоть немного переживал по этому поводу.

Единственным, о чем он сейчас переживал, был голод. Его желудок сжимался, отчаянно требуя хоть чего-то. И Коул был бы рад если бы он требовал еды, но нет, ему нужно было совсем другое. А Марта, эта чертова ведьма, не объявлялась с прошлого вечера.

Коул резко вскочил на ноги и принялся вновь наматывать круги по маленькой комнатке. Только ни малейшего успокоения ему столь бессмысленное единство доступное занятие не приносило. Он ощущал желчь на языке, а в груди разгорался пожар.

Где она? Ночь уже давно закончилась! Неужели эта чертова ведьма не понимает, в какой нужде он находится? Он же вчера ей прямым текстом сказал, что может потерпеть еще немного, но не слишком долго. Не слишком долго! А сколько времени прошло с ее прихода? Не меньше десяти часов, а то и больше. И это уж точно не «не слишком долго», как

раз-таки наоборот чертовски долго.

Дыхание перехватило. Коулу даже показалось, что на несколько секунд его сердце остановилось. Он чувствовал, как собственные ноги отказываются его слушаться. Нет, он не будет это терпеть. Они заключили сделку. И она обязана исполнять условия!

Коул подлетел к двери и со всей силы, оставшейся в его ослабевших руках, ударил по ней. Звук оказался гулким, а удар настолько ничтожным, что и пятилетка ударил бы сильнее. Коул дернул за ручку, но дверь оказалась заперта.

Ну он и дурак! Чем он думал, даже на миллисекунду поверив ведьме? Теперь он умрет в этой чертовой комнате, и она ничего не сделает, чтобы помочь ему. А ведь он знал, что ведьмам веры нет.

— Марта! — крикнул он, предприняв жалкую попытку заставить ее вспомнить о нем и их уговоре. Он удивился, насколько слабым и сиплым был его голос. Даже не крик, а жалкое подобие вороньего карканья. Просто потрясающе. Если бы Марта хоть на секунду и решила бы ему помочь, она даже не смогла бы откликнуться на этот слабенький крик о помощи. А что если ее вообще нет дома? — Мегги!

Но что сможет сделать эта маленькая девочка, даже если она дома? Тем не менее голос-то у нее точно помощнее чем у него будет.

Коул услышал, как повернулся ключ в замке. И все в нем на секунду замерло. Неужели она все-таки пришла, чтобы ему помочь? Если это и правда, то верить ему в это не хотелось. Ада всегда говорила, что он уж слишком рьяно хватался за свои мысли и идеи, не желая ни слушать, ни верить окружающим. Хотя из них двоих именно она всегда была чересчур своевольной и непокорной.

Но было нечто странное в том, чтобы думать о ней в подобной ситуации, так что он затолкал воспоминания о снисходительной ухмылке Ады как можно глубже и устоялся на открывшуюся дверь.

Марта несколько удивленно смотрела на него с порога, сжимая в руках поднос, на котором — о чудо — лежал большой и такой манящий кусок мяса, а рядом картофельное пюре с подливкой и кружка чая, от которого все еще поднимался пар. И Коула несколько не смущало, что вся еда лежала в фольгированных контейнерах, в которых обычно доставляют заказы из ресторанов. Боже, от одного только вида он ощущал, что насыщается.

— Может отойдешь и дашь мне пройти? — холодно спросила Марта, слегка выгнув бровь.

— Мне нужна хьянга! — выпалил Коул, не отрывая взгляда от подноса. Отчего-то ему казалось, что если он отведет взгляд, то еда исчезнет, словно мираж, навеянный гнусной ведьмой.

— Я поняла, — ответила Марта, продолжая на него смотреть своим холодным ничего не выражающим взглядом. — Ну так что, может быть отойдешь? Или мы так и будем стоять здесь и играть в гляделки, пока ты не покроешься волдырями и не сгоришь заживо?

Коул перевел взгляд с подноса на нее, понимая, что они действительно стоят как истуканы в дверях, и именно это отделяет его от столь вожаденной еды. Он сделал шаг, и весь мир покачнулся перед ним. Следующим, что он увидел, оказались старые доски паркета, так четко вырисовывающиеся перед глазами. В следующую секунду Марта уже была рядом с ним, опускаясь на колени, и подол ее пышной юбки стал колоколом возле ее ног, полностью закрыв их, а Коул даже не заметил, как она так быстро избавилась от подноса.

Коул попытался подняться. Тщетно. руки и ноги каждый раз предательски

разъезжались, когда он собирал их под себя. Он чувствовал себя то ли марионеткой с обрезанными лентами, то ли пауком на роликовых коньках. И ни то, ни другое сравнение ему не нравилось. При условии, что еще совсем недавно он вполне мог контролировать свое вмиг оказавшееся бесполезным тело.

— Черт, — выругалась она, и в этот момент Коул был согласен с ней, как никогда прежде. — Неужели все уже настолько плохо?

Риторический вопрос. Коул понимал, что ответа ей не требуется, но все равно попытался кивнуть, царапнув лбом об пол. Неужели он не мог упасть на ковер? Ведь он тоже был совсем близко, и мог хоть немного смягчить его падение.

Марта обхватила его за плечи и с трудом перевернула на спину — от натуги на ее бледном лице проступили красные пятна. От нее странно пахло. Коул впервые заметил, чтобы от человека так странно пахло. Не противно, просто странно. Возможно то был просто горячечный бред, вызванный нехваткой яда в крови. На самом деле он не мог даже описать этот запах. Нечто сладковато-горькое, щекочущее в носу, отчего появляется дикое желание чихнуть. Коул шмыгнул носом, надеясь немного побороть это желание, но все без толку — горло продолжало точить. Неужели так пахнут все ведьмы? Но это странно. Он помнил, что Кеторин пахла какими-то цветочными духами с примесью церковного ладана, да и Марта так раньше не пахла. Он вообще не помнил, чтобы от нее хоть как-то пахло до этого, а значит его восприятие — лишь следствие горячки и не более того.

— Ты что, не мог просто сидеть в кровати? Как я тебя туда дотащу, скажи на милость? — тяжело дыша, возмущалась Марта, возвращая Коула к реальности. — Черт.

Она отошла, и ее движения вызвали новый поток этого сладковато-горького аромата. Коул все-таки чихнул. Так сильно, словно ему под нос поставили целую банку молотого перца.

— Лежи здесь. Я сейчас приду, — сказала Марта и вышла за дверь.

Боже она даже закрыла ее на ключ. Коул нервно хохотнул. Он не в состоянии просто подняться, а она закрывает дверь на ключ, чтобы он не сбежал. Может у нее паранойя?

Коул хохотнул еще раз, и этот звук отдался резкой болью в груди. Марта с отцом вернулись через пару минут или около того, Коул был настолько погружен в себя, что не особо следил за временем. Когда они подняли его с пола, держа под руки с двух сторон, он чуть не подавился собственным вскриком. Коул не любил боль. Вспомнилось, как в детстве он ревел в голос при одном лишь упоминании слова «дантист» и как родители отпаивали его пустырником до и после посещения клиники. Хорошо, что ни Марта, ни мистер Рудбриг не знали о его страхах, а то им хватило бы лишь одной бормашины, чтобы вытащить из него все.

Они посадили его на кровать, и Коул просто завалился на нее, будучи не в силах держать свое тело прямо. Если честно, ему было страшно от того, насколько быстро он теряет контроль над собой и своим телом. Вот он мог ходить и полностью контролировал ситуацию — щелчок пальцев — и он безвольная кукла, полностью зависящая от других. Он даже не представлял, что все может быть настолько плохо.

Мистер Рудбриг подтащил его к изголовью и облокотил на него, а затем закинул и ноги Коула на кровать. Коул не мог двигать своими конечностями, но каждое прикосновение он ощущал, как давление пятитонного груза.

— Дальше сама справишься? — спросил мистер Рудбриг, поправляя манжеты рубашки. — Через полчаса мне нужно быть в страховой фирме.

Марта коротко кивнула и махнула в сторону двери мол «иди, куда хочешь, я тебя совсем

не держу». Коул был бы очень рад, если бы она махнула так и ему и отпустила бы на все четыре стороны. Но куда больше он был бы рад, если бы она наконец дала ему то, что облегчит ему страдания и прояснит разум, потому что он чувствовал, что соображает примерно так же, как и двигается.

Мистер Рудбриг ушел, а Марта, хвала всевышнему, начала что-то смешивать в чашке с чаем, которую принесла. Она подошла к кровати с подносом и взгромоздила его на маленькую прикроватную тумбочку. Коул с вожделением смотрел на еду и на чай с хьянгой, как чертов наркоман, желающий новой дозы, которой крутят у него перед носом.

— Кеторин сказала, что тебе нужно поесть перед тем, как пить эту дрянь. Так будет... хм... правильнее. Ты можешь сам поесть? — ее лоб прорезали недовольные морщины.

Коул попытался покачать головой. Не получилось. Поднять руку тоже. Так что он прохрипел слабое «нет». Марта кивнула и принялась пододвигать к кровати кресло, которое противно скрипело, двигаясь по половицам. При этом каждое движение Марты пригоняло к Коулу новые порции ее аромата, от которого он не переставая чихал, каждый раз сжимаясь от боли в грудной клетки. Марта уселась в кресло и, взяв контейнер с подноса, принялась перемешивать картошку с подливкой.

— Знаешь, — начала она, зачерпнув полную ложку. — Никогда не думала, что буду кормить с ложечки человека, который пытался меня убить. Это настолько нелепо.

Она поднесла ложку к его рту, и Коул, с трудом открыв его, взял ложку в рот. Хорошо, что картошка была мягкой и ему практически не пришлось жевать, потому что это давалось ему точно так же, как и старику с вставной челюстью. Именно так он себя в этот момент и чувствовал. Как старик на грани смерти. Столько планов, столько целей. И вот, к чему он пришел. Дряхлый, слабый и безвольный лежит на кровати, а его с ложечки, как высоко оплачиваемая седелка, кормит ведьма. О Боже!

— Пары ложек, наверное, хватит? — с сомнением спросила Марта скорее у себя, чем у него, потому что он вряд ли мог ей сейчас ответить. Она скормила ему еще три полных унижения ложки, после каждой из которых Коул начинал чувствовать себя все более и более раздавленным морально.

Когда она наконец поднесла к его губам чашку с ядом, он был безмерно ей благодарен за прекращение этой странной пытки. Но вместе с первым же глотком он вдохнул и ее странный аромат, смачно чихнув, разбрызгивая практически все содержимое чашки.

— О боже! — воскликнула Марта и отпрянула, забирая с собой чашку. — Да что с тобой такое?!

— Я не специально, — прохрипел Коул. Удивительно, но уже от первого глотка ему стало легче. Он буквально ощутил, как в его голове начало проясняться и как бешеная паника, которая преследовала его до этого, отступила. Он даже не осознавал, как сильно паниковал, но теперь все стало предельно ясно. Он глубоко вздохнул, испытывая невероятное облегчение. — Ты странно пахнешь.

— Чего? — Марта выпучила глаза, полностью обескураженная его заявлением. — Совсем что ли? Я ничем не воняю!

— Я не говорил, что ты воняешь! Просто от твоих духов в носу щекочет, — голос Коула окреп, и ему стало легче говорить, хрипота бесследно исчезла.

Марта нахмурилась и, приложив руку к носу, понюхала, затем пожал плечами.

— Я не пользуюсь духами и уж точно ничем не пахну. У тебя глюки, — она посмотрела на кружку и взболтала остатки содержимого. — На, допивай. Ты разлил больше половины.

Да уж...

Коул забрал чашку из ее рук без особых усилий. Он снова с завидной легкостью контролировал свое тело, словно ничего из того, что было всего пару минут назад, и вовсе не происходило. В два глотка он осушил кружку и отдал ее Марте. Коул взял поднос с нетронутым мясом и остатками картошки и поставил его себе на колени.

— Спасибо за еду, — буркнул он и с жадностью накинулся на блюдо.

Марта пожала плечами и вытерла свои мокрые перчатки об мягкие подлокотники кресла.

— Я просто подумала, что ты не привык питаться так, как мы.

— Одними яйцами и полуфабрикатами?

Марта подтянула колени к груди, полностью спрятав ноги под пышной юбкой, и положила на них подбородок.

— Что поделать, я не сильна в готовке и никогда не была, собственно как и отец. После маминой смерти я еще пыталась что-то готовить, но чуть трижды не спалила всю кухню. Пыталась пожарить рис, но, как выяснилось, вода, масло и огонь — вещи несовместимые. В рецепте было написано сначала обжарить рис на растительном масле и, когда он станет светло-коричневым, влить немного воды... вот... собственно, когда я начала вливать... все полыхнуло, — Марта всплеснула руками, показывая объем взрыва. — Это была моя последняя попытка готовить.

Коул не совсем понимал, зачем она ему это рассказывает, но счел за благо промолчать. Он просто продолжал есть и ждать, когда она скажет что-то еще. После ее слов в комнате повисла какая-то гнетущая тишина. Тишина, которая в обычном разговоре обычных людей с легкостью наполнилась бы смехом и ответным комментарием их разряда «Ну, ты и неумеха!». Коул оторвался от еды и выжидающе посмотрел на Марту, а та, закусив нижнюю губу, смотрела на него. Коула удивила неуверенность в ее взгляде. Он никак не ожидал столкнуться именно с этой эмоцией. В его глазах Марта всегда была холодной и надменной, но никак не неуверенной. В чем она сомневалась? В своем желании излечить его? Жалела, что не убила его?

— Не смотри на меня так. Я сама не знаю, почему рассказываю тебе об этом. Просто... понимаешь... Мегги считает, что ты так озлоблен и желаешь моей смерти только от незнания.

— Незнания чего?

— Меня. То есть, не меня лично, а моей семьи. Того, что связывает нас. Если честно, это даже смешно, — она запустила руку в волосы и взъерошила их, а Коул снова чихнул. — Мама говорила, что если человек чихает после того, как ты что-то сказала, то он полностью с тобой согласен.

— Так вон оно что, — протянул Коул. — Небось обмазалась чем-то, чтобы я чихал в твоём присутствии.

— Нет, — усмехнулась Марта. — Но в следующий раз обязательно так и поступлю. Может у тебя аллергия?

— Точно. На тебя.

Марта недовольно поджала губы.

— Можно было и не грубить, — она вскочила с кресла. — Наверное, Мегги все-таки не права, и ты просто упертый баран или бык, для которого любая ведьма как красная тряпка. Перед носом помахали — и он уже бежит. А то, что тряпка не красная, а бордовая — факт

незначительный.

Она запустила руку в карман кардигана и, достав оттуда сложенный пополам тетрадный лист, кинула его на кровать.

— Это от Мегги. Не знаю, зачем я его тебе вообще отдаю, ведь и дураку понятно...

— Понятно что? — перебил ее Коул, не в силах больше слушать ее странную тираду.

— Что ты не будешь читать.

— Неправда, — отрезал Коул и демонстративно взял листок и развернул его. Там детским неуверенным почерком было выведены названия книг, а рядом с каждым названием нарисованы ярко розовым маркером квадратики.

Он понимал, что поступает исключительно Марте назло и никак иначе. Ему до безумия хотелось разбить ее представления о чем бы то ни было.

— Дай ручку.

Марта резко открыла прикроватную тумбочку и достала оттуда карандаш. Его она тоже швырнула на кровать, даже не удосужившись передать его Коулу в руки. Вот и спала ее терпимая маска и наружу вышла злобная ведьма. Коул принялся закрасивать квадратики у случайных книг, даже не читая названий, но старательно делая самый заинтересованный вид, словно в мире не было ничего важнее маленького клочка бумаги в его руках.

Все это время Марта стояла и ждала, Коул искоса наблюдал за ней краем глаза. Она сжимала и разжимала кулаки, стараясь подавить свой гнев, а Коул глупо и по-детски затягивал свой процесс, стремясь разозлить ее еще больше. Хотя это было чистой воды безумием — злить ведьму. Но он не мог отказать себе в этом удовольствии.

Наконец, когда осталось только одно незакрашенное оконце, он решил остановиться. Все-таки было бы странно, если бы он закрасил их все. Сразу бы стало понятно, насколько наиграны его действия, а так ведьма еще может поверить в благие мотивы его поступков.

Он поднял голову и посмотрел Марте прямо в глаза, в которых плескалось чистое бешенство без малейшей примеси каких-либо других эмоций.

— Держи, — он протянул ей листок и выдавил из себя самую обворожительную улыбку. — Ехидна!

Глаза Марты округлились и стали похожи на круглые монеты. Она опешила. Девушка открыла рот, чтобы сказать что-то, но, как рыба, выброшенная на берег, закрыла его, чтобы вновь открыть и закрыть. О, да, это того стоило! Похоже, ее никто и никогда в жизни не оскорблял. Она вся побагровела и набрала полную грудь воздуха, готовая разразиться очередной тирадой.

Коул был готов, подбирал мысленно контраргументы, и какого было его разочарование, когда она выдохнула и вышла из комнаты, громко хлопнув дверью. Похоже, не нашла, что сказать. А значит — Коул победил!

Все внутри Марты клокотало. Ее трясло только от одного воспоминания. Ехидна. О, Марте стоило огромного труда не убить его прямо там на месте, всего-то и нужно было немного магии. Но нет, она ушла. Ушла, потому что была выше этого. Она не была злобной лицемерной сукой, которой он ее считал, и только то, что она нашла в себе сил уйти и не вступать в спор, убеждал ее в том, что она не являлась Ехидной. Однако даже уверенность в том, что он неправ, что его слова не более, чем вздор фанатика, ни сколько не охлаждали ее гнев.

Гнев и злость преследовали ее весь день, она просто не могла их отпустить. Этот

человек выводил ее из себя только одним своим существованием, а стоило ему открыть рот, как из него лились потоки мерзостей и грязи. Неудивительно, что после общения с ним Марта всегда испытывает четкое желание помыться.

Ехидна. Просто уму непостижимо!

Марта отложила очередной небольшой подрамник, сняв с него заполненный неуверенным детским пейзажем холст и, скатав тот в трубочку, отправила в тубус. Ей предстояло освободить еще с десяток подрамников, а затем натянуть на них новенькие свежие холсты и подготовиться к завтрашним занятиям. За последнее время она совсем забыла о столь необходимой работе, забросила ее. И в итоге в ее распоряжении не осталось ни одного пустого подрамника. Возможно Джослин была права, и ей давно стоило бы нанять помощницу, которая переняла бы на себя часть подготовительной работы и помогала бы убирать в классе после занятий. Еще месяц назад Марта об этом даже не задумывалась, тогда она справлялась со своей работой играючи. Возможно причиной тому было обилие свободного времени, которого теперь катастрофически не хватало.

Ей определенно нужна помощница. Марта окинула взглядом пустой класс и недовольно скривила губы. Она не любила, когда кто-то трогал и перекладывал ее вещи, и от одной лишь мысли, что по ее кабинету будет шнырять посторонний человек и порушит всю ее систему, она мысленно содрогнулась. Так что она сама продолжала стоически отрывать скобы от подрамников маленькой плоской отверткой, которая просто отлично подходила для подобного рода занятий. Вот только в голове у нее все крутилось это мерзкое слово «Ехидна». Отчего-то ее не так сильно задевало, когда он называл ее «чертовой ведьмой», от этих слов она с завидной легкостью могла отмахнуться, просто не воспринимая на свой счет. Ведь она не была ведьмой и никогда ею не будет. А вот с ехидной дела обстояли по-другому.

Возможно причина была в недолгом увлечении матери церковью. Совсем недолгом, ее от силы хватило на пару вечеров и один воскресный поход, на который она потащила с собой и Марту. Ехидна — одно из имен Лилит, демоницы, убивающей младенцев, и первой жены Адама. На этом познания Марты и заканчивались. Да чем он вообще думал, так ее назвав?

От злости Марта с силой надавила на подрамник и тот треснул в ее руках, боковые скобы разошлись, и теперь она держала два бесполезных угла. Прекрасно, просто прекрасно.

Теперь ей придется покупать новый подрамник. А все этот Коул Томсон и его болтливый язык. Нужно будет приказать ему заткнуться навеки. Пусть катится со своей Ехидной в Ад и вместе с ней убивает там младенцев. Чертов душегуб. О да, нужно было ему так и сказать, крикнуть в лицо, все что она о нем думает, а не уходить. Отчего-то сейчас ее уход казался ей самой трусливым бегством, а не разумным решением.

Марта глубоко вздохнула и откинулась на спинку стула. Несколько глубоких вдохов. Ей нужно отпустить ситуацию, пока она окончательно не испортила весь инвентарь студии. Чего она вообще заикливается на словах ничтожного человека?

Громкий женский вопль и последовавший за ним треск и глухой удар вырвал Марту из раздумий. Не успев даже толком подумать, Марта вылетела из кабинета и понеслась к лестнице. Неужели эти охотники дошли до публичных расправ и вломились к ней на работу? Боже, ей же даже в голову не приходило, что они могли бы явиться к ней на работу. А это было разумно, и Марта поступила глупо, не попытавшись даже немного обезопасить место, где проводила достаточное количество времени. Дети. В студии были дети, очень много детей. И если охотники действительно пришли за ее головой, то... перед глазами вновь, как в замедленной съемке, мужчина в черном плаще навел стрелу на Мегги.

Она добежала до лестницы, мысленно внушая себе, что Мегги дома и с ней все хорошо. Никто не пройдет сквозь барьер.

Джослин сидела на ступенях, одной рукой держась за перила, а другой растирая ногу, торчащую из-под длинной юбки. Ее трость валялась на нижнем пролете. Марта еще раз окинула представшую ее глазам картину и мгновенно успокоилась. Джослин. Всего лишь пожилая слепая женщина, которая чуть не разбилась на лестнице, перепугав Марту до полусмерти.

«Я становлюсь параноиком» — подумала девушка, облегченно выдохнув.

— Джослин, ты как? — спросила Марта и спустилась на пару ступеней, сев на ту же, что и Джослин. — Сильно ушиблась?

Джослин резко подняла голову и посмотрела своими невидящими глазами, рассеченными длинным безобразным щрамом, прямо на Марту. От этого взгляда у Марты по спине побежал холодок и даже теплая улыбка, расцветшая на тонких губах, ни сколько не сгладила неприятного ощущения. Джослин пугала Марту, и то был глубинный, ничем не объяснимый, страх.

— Марта, не знала, что ты еще здесь. Разве у тебя сегодня занятия не в первой половине дня?

— Да, все верно, — подтвердила Марта. — Мне нужно было перетянуть подрамники. Что с вами случилось? Помочь дойти до кабинета?

— Подскользнулась. Надо будет сказать уборщицам, чтобы не так сильно натирали ступени воском.

Марта критическим взглядом окинула ступени. Ей они не казались чересчур скользкими, но она решила промолчать. Не стоит тыкать Джослин в ее собственную немощность.

— Да уж... Я сама вчера чуть не упала на входе, ступени немного заледенели, — соврала Марта в целях поддержания разговора и выдала милую улыбку, хотя Джослин ее все равно не увидела. — Давайте я помогу вам дойти. Вдвоем мы точно не разобьемся.

Она встала и подобрала трость Джослин. Резную, с замысловатой рукояткой в форме ворона с распахнутыми в полете крыльями и открытым клювом, из которого свисало нечто напоминающее то ли браслет, то ли дождевого червя.

— Там где-то должны быть и мои очки. Они слетели, когда я упала.

Марта нашла и их. Точнее то, что от них осталось: оправка без одного стекла, которое откатилось в сторону и лежало на пару ступеней ниже.

— Они сломались.

— О... это плохо. Мне их подарила твоя мать на Солнцестояние. Давай их сюда, может быть их еще можно починить.

Подарок матери. Ценность разбитых очков в ее руках резко возросла. Они действительно старые: покоцанные стекла и облупившееся покрытие на дужках красноречиво говорили о том, что подарок ценили и часто носили. От осознания этого у Марты сжалось сердце. Терра Рудбриг была горячо любима многими, и ее помнили после смерти.

Она протянула очки Джослин и та, нащупав карман на юбке, опустила их туда. Марта помогла начальнице подняться и проводила ту до кабинета на первом этаже, поддерживая под руку. Джослин шла медленно, припадая на левую сторону — похоже она все-таки подвернула ногу.

Кабинет Джослин был небольшим, всем своим видом напоминающим домик деревенской бабушки по степени захламленности, а никак не кабинет директора художественной студии. У стены стоял обычный деревянный стол без ящиков на квадратных ножках, который был завален документами, книгами и всякими безделушками по типу глиняных уток. Диван в цветочек у окна так же был завален не сочетающимися подушками и книгами в старых потрепанных переплетах. На полках вдоль стен в таком же пыльном эклектичном хаосе хранились бухгалтерские книги, образцы работ учеников и несколько магических предметов. Марта отчетливо чувствовала исходящий от старой потрепанной ступки магический след. Такой же магический след исходил и от тряпичной куклы, что валялась на диване. Даже Кеторин не выставляла магические артефакты напоказ, а Джослин откровенно подставлялась.

У Марты появилось сильное желание собрать всю эту атрибутику и спрятать хотя бы под диван, чтобы не мозолило глаза. Джослин в силу своей слепоты просто не видела того безумия, что творилось в ее кабинете.

— Как отец? — спросила Джослин после того, как Марта помогла той разместиться на удобном деректорском кресле — единственном предмете, соответствующем статусу обладательницы. — Завари мне чаю, пожалуйста.

Марта включила маленький электрический чайник и достала чашку и пакетики с чаем из шкафчика, в котором также хранились свечи, заляпанные магическим светом, и баночки с протертыми травами. Магическими травами. Так странно. Раньше Марта не чувствовала магический след так точно — теперь же находится в кабинете Джослин, насквозь пропитанным магией, ей было попросту некомфортно.

— С ним все хорошо, — ответила Марта, когда поняла, что слишком долго молчит, изучая содержимое шкафов. — Даже слишком хорошо. Вы же знаете, у него всегда было отменное здоровье.

— Ну да, Алистер редко болел. Но я вот что хотела спросить: ты в последнее время не колдовала? В городе очень много магии. Даже диву даюсь — последний раз я чувствовала такой всплеск, когда еще в школе училась, — пустой взгляд Джослин был испытывающе направлен прямо на Марту. Не вбок, не выше, не ниже, а четко на Марту.

— Нет... — неуверенно ответила Марта. Ей не хотелось втягивать старушку в собственные разборки. — Вы же знаете, я не колдую и колдовать не собираюсь.

— Жаль. У тебя такой потенциал. Я всегда говорила Терре, что тебя надо учить. А она после того случая как рогом уперлась, даже сама колдовать перестала и запретила мне что-либо тебе рассказывать. Такая потеря.

Марта стояла, как громом пораженная. Перестала колдовать. Слова повисли в воздухе. Почему Джослин это сказала? Неужели не могла промолчать? Марта же годами убеждала себя в том, что ее мать была обычной. Ее мать не была ведьмой. И Мегги тоже никогда ею не станет.

Ей кажется, или в комнате стало нечем дышать?

— А ведь Терра бы способной девочкой. Да, ей была недоступна ваша семейная магия, но любая другая... Ее защитные круги были очень мощными, я ни один из них даже взломать не могла...

— Зачем вы мне это говорите? — перебила ее Марта надтреснутым голосом. Ей действительно не хватало воздуха, а и без того маленький кабинет словно сжимался вокруг нее.

— Потому что Терра любила магию. Она выглядела такой счастливой, когда колдовала. И она была не права, не давая тебе колдовать и идя на поводу у твоих страхов...

— Я не хочу об этом говорить! — с нажимом выпалила Марта.

— Марта, девочка моя, ты должна принять себя и перестать бояться. Магия — неотъемлемая часть тебя, без нее ты не цельная.

— Я ничего не боюсь. И уж поверьте мне, чувствую себя вполне цельной без этой вашей магии. С радостью бы отдала ее кому-нибудь и избавилась бы от всей этой головной боли.

— К моему великому сожалению, гримуары, в которых записаны обряды по передаче магических способностей, потеряны много веков назад...

— Их можно передавать?

— Можно было.

— Я не знала.

— Милая моя, а как, по-твоему, эта магия появилась в вашей семье? Ваш родовой дар вам передали. Передала другая более сильная ведьма. Мы с твоей матерью изучали этот вопрос, надеялись пробудить ее в ней. Но все тщетно, она была к ней глуха.

— А ведьма, которая нам ее передала? Кем она была? Кто ее потомки? Возможно они знают, как вернуть ее им, — Марта ощущала, как в ней зарождается надежда. Жалкий лучик. Шанс стать нормальной.

— О, этого мы так и не выяснили. В наших хрониках Грабс она упоминается, как первая ведьма, наделенная столь мощным даром, что способна колдовать, черпая силу из себя, а не из природы. Мы с Террой пришли в выводу, что вы либо привязаны к магическому артефакту с неограниченными возможностями, либо впитываете в себя магию из воздуха, перерабатываете ее под себя внутри тела, а затем используете. А возможно ваша сила и есть та самая потерянная первозданная магия, источник, который положил начало всем ведьмам, — Джослин грустно улыбнулась и провела ладонью по глазам. — Я так надеялась, что когда-нибудь раскрою вашу тайну, но судьба распорядилась иначе. Теперь я не могу прочитать ни одного гримуара — и даже если мне под нос подсунут тайну мироздания, я ее никогда не увижу.

Марта заварила чай и поставила чашку на стол рядом с Джослин, но сначала ей пришлось немного разгрести бумажные завалы, чтобы освободить хоть клочок свободного места на столе. Она взяла Джослин за руку и положила ту на ручку чашки.

— Может быть вызвать вам врача? — спросила она, так как Джослин больше ничего не сказала, с тоской смотря перед собой.

Джослин была сейчас где угодно, но не в кабинете художественной студии «Мария-Роза». Марте было ее немного жаль. Джослин была женщиной, потерявшей все из-за травмы. Неудивительно, что Мадам Рудбриг так о ней печется.

— Так что? Вызвать врача? Мне не нравится ваша нога.

— Нет, не нужно. Я чувствую себя вполне неплохо, — Джослин вымученно улыбнулась и взяла чашку в руки.

— Тогда я пойду. Мне сегодня нужно еще закончить с подрамниками, а то завтра ребятам будет не на чем писать.

— Да, конечно, иди.

Марта вылетела из кабинета, не собираясь сегодня заниматься подрамниками. Магию можно отдать. Эта мысль билась в ее голове. Ей нужно найти способ передать ее тому, кто будет рад такому щедрому подарку. Кеторин была бы просто счастлива стать более

могущественной ведьмой. Кеторин любила магию, любила колдовать. А Марта нет!
Марта забежала в свой класс, забрала вещи и поспешила в Ведьмину обитель.
Магию можно передать. А если можно, то способ непременно должен найтись!

Глава 19. Комплементалы

Парадные двери Ведьминой обители были закрыты, так же как и черный ход. Марта проверила оба — дважды — прежде чем занять выжидательную позицию напротив главного входа. То, что Ведьмина обитель оказалась закрыта, удивило ее, не было никаких табличек для посетителей, да и сама Кеторин ничего не говорила Марте. Она достала телефон из сумочки только для того, чтобы осознать, что за все это время так и не удосужилась взять у Кеторин номер телефона. Ей и в голову не приходило, что хозяйка бара вдруг может закрыть его и скрыться в неизвестном направлении. Марта недовольно скривила губы, ощущая себя преданной. Ведь она подстраивала свои планы под Кеторин, а та даже не удосужилась попытаться оповестить Марту о своем отсутствии. Сколько ее не будет? День? Два? Неужели у ведьм нет способов передавать сообщения каким-нибудь волшебным способом? Пару капель того, пару капель этого, шепотка волшебных несуразных слов, которые никто в здравом уме не поймет — и вот нужному человеку уже все известно. А лучше, если бы они могли загружать информацию прямо в голову.

Марта представила, как вдруг узнала бы то, чего знать не должна была. Хуже такого «информирования без согласия» была бы возможность ведьм мысленно переговариваться. Марта непременно причислила бы себе к стану сумасшедших, если бы услышала чужие голоса в своей голове. Да, хорошо, что Кеторин ничего такого не умеет, а если и умеет — Марта не считала, что хочет об этом знать.

Но тот факт, что Кеторин не поставила Марту в известность относительно своих планов, не мог не злить. Марта дернула за ручку двери — та не двинулась с места, как и в прошлый раз. В сердцах девушка пнула входную дверь ногой и собиралась уже уйти, понимая, что начинает привлекать внимание редких прохожих, но ей показалось, что она слышит какие-то звуки, доносящиеся откуда-то из глубины Ведьминой обители.

Марта приложила ухо к двери и прислушалась. В баре действительно кто-то был, и этот кто-то цокал каблуками по деревянному полу. Марта отстранилась и с силой несколько раз ударила кулаком по двери. Послышался звук битого стекла где-то рядом с дверью в перемешку с отборной бранью, а затем дверь распахнулась наружу и перед Мартой предстала идеальная Кеторин с абсолютно остекленевшим взглядом. Взглядом не просто пьяного человека, а человека, который уже не способен отличить пол от потолка.

— У нас закрытая вечеринка, — на удивление твердым, лишь слегка заплетающимся языком произнесла Кеторин и потянула дверь на себя, чтобы закрыть, чего Марта не дала ей сделать, схватившись за ручку со своей стороны.

— Мне кажется, на этой вечеринке я вполне впишусь, — произнесла Марта, привлекая к себе внимание, потому что и дураку было понятно, что Кеторин ее не видела, а если и видела, то не до конца понимала, кто конкретно перед ней находится.

— Нет, нет, вечеринка полностью закрытая, вход только по пре... — она все-таки перевела свой взгляд на Марту и замолчала на полуслове. Несколько раз тупо моргнула, наверное пытаясь сопоставить в своем захмелевшем мозгу реальность с вымыслом. — Заходи.

Кеторин отпустила ручку и, пошатываясь, побрела вглубь бара. Марта последовала за ней, предварительно закрыв входную дверь на замок. Если то, что творилось в Ведьминой обители, и можно было назвать закрытой вечеринкой, то вечеринка была тухленькой,

рассчитанной на одного человека и море книг. А книг действительно было море, они занимали все горизонтальные поверхности: пол, столы, стулья и бар. Некоторые раскрыты, некоторые закрыты, стопки книг с закладками. И от каждой исходил яркий магический свет. Марта до этого момента просто не могла представить такого обилия гримуаров в одном месте. Если коллекция Кеторин была столь обширной, то насколько огромной могла оказаться Ведьминская библиотека ее ковена? Представить страшно.

Но куда страшнее было представить, что Кеторин умудрилась влить в себя столько алкоголя и не двинуть ноги. Марта насчитала больше двадцати бутылок, разбросанных по полу. Похоже, Кеторин собиралась организовать какой-то странный алко-книжный клуб и занималась отбором материала.

Марта сняла куртку и повесила ее на спинку стула, наблюдая за тем, как Кеторин пытается опуститься на пол посреди круга из книг, а не рухнуть на него.

— Веселая вечериночка, — протянула Марта и, откопав пустой стул, заняла его. — Повод?

— Годовщина, — ответила Кеторин, наконец-таки заняв место в круге, и взяла одну из еще не до конца опустевших бутылок, отхлебнула из нее и, поморщившись, сглотнула. — Не вкусно, — и отставила бутылку.

— Где Джуди? — Марта задавала простые вопросы, сомневаясь, что ее собеседница способна воспринимать предложения, состоящие более, чем из четырех слов.

— На разве... раз... разведке, — все-таки выговорила Кеторин, полная недовольства. — Черт, нет! Я так не могу.

— Что не можешь?

Кеторин принялась шарить дрожащими руками по полу в том книжном круге, где сидела, ища что-то.

— Что ты делаешь? — недоумевала Марта, наблюдая за тем, как хозяйка ведьминой обители раздвигает книги и опрокидывает пустые бутылки, в своих поисках.

— Подожди, — отмахнулась от нее Кеторин, встав на колени с зажатой в руке плотно сбитой кистью для рисования. Кончик кисти был обмазан чем-то темным.

Она закатала до локтя пышный рукав блузы, обнажив исписанное странными письменами запястье, и принялась выводить новые загогулины на чистом куске кожи.

— Так что ты делаешь? — не унималась Марта. Она гадала, стоит ли остановить Кеторин или пусть колдует на пьяную голову.

Кеторин глубоко вздохнула и испустила протяжный выдох полный облегчения. Ее остекленелый взгляд прояснился.

— Так то лучше, — протянула она, отложив кисть и откинувшись назад на руки, а ноги вытянув перед собой.

— Что это было? — спросила Марта, не отрывая взгляда от скрывшегося под пышным ярким рукавом запястья.

— Руна для прояснения сознания, — пояснила Кеторин. — Помогает снять мороки и избавить человека от чужого воздействия.

— И ты?

— Использую ее, чтобы бороться с алкогольным опьянением, — довольно просияла Кеторин. — Она проясняет сознание. А что делает алкоголь? Затуманивает! Все логично!

— Сомневаюсь, что другие ведьмы считают это логичным, — ответила Марта, не скрывая своего скептического настроения. — И давно ты практикуешь эти пьянки с магическим

протрезвлением?

— Прекрати. Не говори так, словно я законченная алкоголичка, потерянная для мира и себя самой. Пить по праздникам не грешно!

— И какой же сегодня праздник?

— Годовщина свадьбы. Чем не праздник? День, когда я пустила всю свою жизнь под откос великой любви.

Кеторин встала на ноги и поплелась к бару, изящно лавируя между книгами и столами.

— Не хочешь со мной выпить? Вместе отпразднуем, — предложила Кеторин проверяя содержимое еще оставшихся в баре бутылок.

— Вообще-то я пришла по делу.

— Конечно же ты пришла по делу, — прицокнула языком Кеторин. — И это дело называется: Шардоне!

Она заговорщически улыбнулась и потрясла не откупоренной бутылкой.

— Нет, оно так не называется, — ответила Марта, расплываясь в улыбке. Кеторин была человеком, настроение которого напрямую влияло на настрой окружающих людей, и не улыбаться ей в ответ было попросту невозможно.

— Да брось ты. У Шардоне есть свои чувства, и оно очень расстроится, если ты его не пригубишь. Оно, конечно, любит меня гораздо больше тебя, но вполне может распространить свою любовь и на тебя. Ну так что? Один бокальчик Шардоне никогда не повредит!

— И сколько в тебе бокальчиков Шардоне?

— Вообще без понятия. Но Шардоне никогда не бывает мало.

Кеторин взяла штопор и принялась вскрывать бутылку. С громким хлопком пробка выскочила, и алкогольная пена вылетела из бутылки, забрызгав Кеторин и пол вокруг бара.

— Какой несдержанный, — протянула Кеторин, недовольно глядя на полуопустевшую бутылку. — Не люблю таких.

— Никто таких не любит, — подыграла ей Марта. — Наливай. Попробуем твоего несдержанного парня.

Кеторин усмехнулась и принялась искать бокалы.

— Так где Джуди? — повторила свой вопрос Марта.

— Кое-что проверяет. Прежде чем мы займемся в деревню моего ковена, нам необходимо тщательно подготовиться.

— И ты отправила Джуди выполнять грязную работу, пока сама напиваешься в хлам? — не без сарказма спросила Марта.

— Не будь ханжой, — буркнула Кеторин и подошла к столу, за которым сидела Марта, с двумя бокалами в руке. — Изначально это не входило в мои планы, — она окинула скептическим взглядом погром, творящийся в Ведьминой обители. — Я закрыла бар и решила провести детальную ревизию всех своих гримуаров. Я, конечно, гениальна, но держать в голове столько информации не могу.

Марта скривила губы от такой откровенной лести и воспевания своей исключительности, но ничего не сказала, взяв в руки бокал с белым вином.

— А потом пришла одна из моих клиенток, — продолжила Кеторин, также взяв бокал, и уселась на стол. — Боже, чокнутая женщина! Ломилась и умоляла ее принять. Представляешь, даже умудрилась угрожать мне, что покончит с собой на моем пороге, если я ее не приму. Со мной подобное не работает, и я уже собиралась развернуть ее и отправить

восвояси, но тут она начала рыдать, чем немало вывела меня из себя, и начала жаловаться на своего мужа, который вот уже третий год подряд не проводит с ней годовщину свадьбы, и она подозревает его в изменах, — Кеторин скривилась. — И тут я вспомнила, что у меня сегодня тоже годовщина. Мне прям так взгрустнулось, прям вот накатило, — она всплеснула руками, расплескав содержимое бокала.

— И ты решила тоже накатить? — предположила Марта, пригубив вина.

— Нет. Сначала я погадала этой девчонке, выслушала ее до жути банальную историю, рассказала, что муж изменяет ей... много лет. Посочувствовала ее горю, объяснила ей, насколько она типичная дура и как из этой клоаки выбираться, а, когда она ушла, вспомнила, что я такая же дура и стало как-то грустненько. И после этого я решила накатить. Накатить так, чтобы забыть о том, какая я дура. Не помогло.

— Получается, тебе тоже изменял муж?

Кеторин покачала головой и усмехнулась.

— Неужели я похожа на ту, кому может изменять муж? Да и если бы была похожа, у ведьм измены не в почете. Хотя возможно только у комплементалов они были не в почете.

— У кого? — непонимающе переспросила Марта, нахмутив брови.

— Комплементалы, — как ни в чем не бывало повторила Кеторин, но наткнувшись на абсолютно пустой взгляд Марты, ошеломленно протянула. — Так ты не в курсе? Знаешь, я и подумать не могла... Комплементалы — что-то вроде истинных пар. Если смотреть с романтической стороны или же детских сказок, которыми пичкают ведьм с рождения, комплементалы — родственные души, идеально подходящие друг другу партнеры. Любящие друг друга до гробовой доски, — Кеторин говорила иронично, даже надменно, словно сама не верила своим словам. — Так должно быть в теории или же когда-то так было. Но, если отбросить романтизированный флер, суть остается следующей: в союзе комплементалов не теряются магические способности, а лишь приумножаются. Их дети магически сильнее, чем родители вместе взятые. В то время как в обычных парах, не предназначенных друг другу судьбой, — она отставила бокал и изобразила руками кавычки, — вероятность того, что родится сильная ведьма или хоть какой-нибудь мало-мальски способный колдун, крайне мала.

Марта слушала ее с раскрытым ртом, не в силах даже задать вопросов, которые крутились в ее голове. А их было много, ведь слова Кеторин заставили шестеренки в ее голове вращаться с невероятной скоростью.

— Понимаешь, в чем суть, Марта? В обычном союзе ведьмы и колдуна шанс того, что ребенок унаследует способности хотя бы одного из родителей в полной мере — процентов пятьдесят, не более. И то, только в том случае, если родится девочка. С мальчиком шанс и того меньше. Не знаю, почему, но колдуны рождаются крайне редко, чаще всего в подобном союзе мальчики рождаются не способными к магии. Странная шутка судьбы: будучи не способными колдовать, в случае, если станут комплементом для какой-нибудь способной ведьмы, их ребенок будет обладать магией родителей неспособного колдовать мужчины.

— А если она выйдет замуж за обычного человека? — Марта едва шевелила языком, глуша в себе толику надежды, проклюнувшиеся в ней. Магия не всегда передается детям.

— О тут все еще сложнее, — протянула Кеторин и наполнила свой уже опустевший бокал. — Если обычный человек, что раньше случалось крайне редко, а сейчас, наверное, и вовсе невозможно, окажется комплементом колдуна или ведьмы, то ребенок будет могущественным, но унаследует все способности матери или же отца и приумножит их,

даже если способности были почти мертвы. В обратном случае, если ребенок унаследует хоть маленькую капельку магии, это уже будет большим чудом, хотя вероятнее всего ребенок не сможет колдовать вообще, даже на кофейной гуще погадать не сможет.

— Почему ты говоришь, что так было раньше? Ты постоянно используешь это слово. Раньше. Раньше. Сейчас это не так?

Марта во все глаза смотрела за Кеторин, не пропуская ни единого слова. Она давно забыла о своей вине.

— Магия вымирает, — с грустью сказала Кеторин. — А комплементалы — ни что иное, как детская сказка для ведьм. Последняя истинная пара умерла больше тридцати лет назад, и с того времени не было заключено ни одного союза. Да и колдунов, способных к магии, осталось крайне мало. По миру их разбросано не более десяти. В нашем ковене Люциан, мой муж, последний способный колдун.

— Так ты все еще замужем? — удивилась Марта. — Просто из-за твоих слов я думала, что ты уже давно развелась.

— Ведьмы не разводятся, особенно те, над кем провели Приворот, — Кеторин вылила остатки вина себе в бокал и оставила опустевшую бутылку. — Да уж... Приворот — жалкий пережиток прошлого, если бы я только знала о последствиях... хотя возможно тогда на меня это бы несколько не повлияло. Глупая упрямая девчонка...

Марта ощутила в ее голосе тоску, смешанную с разочарованием. Так обычно говорят родители о детях, которые сильно обманули их ожидания. Вся насмешливость и скептицизм растворились, осталась лишь горечь. И Марта не знала, хотела ли она знать историю Кеторин или нет, но, похоже, хозяйке Ведьминой обители не просто хотелось поговорить, ей было необходимо излить душу, и потому она продолжила.

— Ах Люциан, такой, как он, мог — да и скорее всего может — вскружить голову любой девушке. Он был идеален: высокий, с потрясающими янтарными глазами, которые буквально светились, когда он колдовал. А его улыбка, ух, от такой улыбки сердце пропускает удары! Мягкие темные волосы. Ты знаешь, а ведь они все время вились во время дождя. Такими не мерзкими кудряшка, а идеальными локонами, как в рекламе шампуня...

— Говоришь, как героиня любовного романа.

— Точно. Мужчины, которые могут исправить свою внешность магией — зло вселенского масштаба. Люциан — это лишь идеальный образ идеального колдуна. Я не стану врать, он был красив, но тщеславен и любил злоупотреблять любовными мороками, которые в глазах женщин делали его просто неотразимым.

Марта мысленно содрогнулась. Использовать магию, чтобы казаться людям красивее, чем есть на самом деле? Удобно, тут и сказать то нечего. Но зачем? Марта недоверчивым взглядом окинула идеальную Кеторин. Может и она использовала чары?

— Когда я впервые его увидела, в моей голове что-то щелкнуло, и я поняла, что хочу его. Сейчас-то я понимаю, что это было глупое желание глупой девчонки, которая просто хотела красивую блестящую игрушку себе в коллекцию и не более того. Но тогда? Тогда я убедилась, что это ни что иное, как великая любовь и что Люциан — моя пара. Мой комплементал, — Кеторин закусила губу.

В ее голосе Марта слышала горечь. Что ж, это точно не была история великой любви. О ней не говорят так, словно совершили самую большую ошибку в своей жизни.

— Сколько тебе было?

— Когда я его встретила? — Кеторин посмотрела на Марту и одним глотком осушила

бокал. — Двенадцать. А Люциану уже исполнилось тридцать, и уж он то знал, что не является моей парой.

— Тогда как? — растерянно спросила Марта.

— О, так иногда бывало. Один из комплементалов мог некоторое время не чувствовать своего партнера, становясь восприимчивым к нему лишь со временем. Именно в этом я всех и убедила. Даже Люциана. Не хочешь еще вина? Потому что говорить о нем на трезвую голову невозможно, — она посмотрела на свою руку, разрисованную рунами. — Пока действует руна, мне нужно много алкоголя, чтобы напиться.

Марта посмотрела на свой бокал, все еще наполовину полный, и осушила его в пару глотков. Говорить о чьих-то неудачных любовных отношениях на трезвую голову было тяжело. Отчего-то слова Кеторин давили на Марту, вызывая неприятные ощущения в животе.

— Да, давай, — согласилась Марта, но весь задорный настрой, с которым началась эта посиделка, уже давно растворился.

Кеторин скрылась за дверью бара и вернулась лишь через пару минут с двумя бутылками и автоматическим штопором.

— Шардоне кончилось. Будем пить красное, — она откупорила одну бутылку, в этот раз не пролив ни капли, и разлила темно-красную жидкость по пустым бокалам. — Так, и на чем я закончила? Ах, да! Я, глупая упрямая девчонка, убедила всех в том, что Люциан просто эмоционально не чувствителен и стоит нам только провести Приворот, как он все поймет. Поймет, что я его истинная пара, и мы предназначены друг другу судьбой.

— Но он оказался слишком черствым и так и не понял?

— Точно! Черствый сухарь. А ведь я три года билась, убеждала всех и каждого, что мы истинная пара и что наше потомство будет самым могущественным, что мы сможем возродить магию, так сказать запустить новый виток колдунов и ведьм. И мне поверили, даже Люциан, кажется, ненадолго поверил.

— А что такое этот Приворот? Уж не его ли ты предлагала провести на Коуле?

— О нет, не его. На нем я предлагала попробовать какое-нибудь любовное зелье, подавляющие волю, но никак не Приворот. Приворот — древний обряд, которым связывались между собой комплементалы. Посредством него, нити отношений, которые связывают между собой всех людей, а в нашем случае двух конкретных комплиментов, уплотняются тремя ведьмами. Таковую нить уже невозможно порвать.

Кеторин взмахнула над своей грудью и произнесла несколько тягучих слов, и Марта увидела пучок тоненьких, как волос, светящихся нитей, идущих от груди Кеторин, и исчезающих в пустоте комнаты. Лишь одна из нитей отделялась от пучка и шла к груди Марты, теряясь где-то в глубине.

— О боже, — выдохнула она. — Это невероятно.

— Между каждым человеком, которого ты встречаешь, и тобой образуется нить. Чем лучше между вами отношения, тем толще нить. А вот и та, над которой совершен Приворот, — Кеторин перебрала пальцами нити и подцепила одну из середины. Она была толще остальных и, казалось, была покрыта коконом, который изучал слабое золотистое свечение, в то время как остальные светились белым светом. — Она лишь немного влияет на отношение к человеку с которым я связана. Для комплементалов это священный обряд, который укрепляет их чувства, а для нас — приговор. Я не люблю Люциана, а он не любит меня, но из-за этого, — она дернула нить. — Мы никогда не сможет полюбить никого другого. Мы застряли в том состоянии привязанности с примесью ненависти. Паршивое

чувство, когда ты одновременно хочешь человека, но в то же время он тебе противен. В итоге наши отношения из «Милый, я так рада, что ты вернулся, пойдем я приготовлю тебе ванну» стремительно скатились до «О черт, ты все-таки пришел, а я уже тебе похоронила и успела отпраздновать. Не хочешь ли вернуться обратно в свой милый и теплый ад?» Как-то так... Да уж, идеальный брак, ничего не скажешь. А все почему? Потому что такой упертой дамы, как я, еще поискать надо. Я ведь привыкла всегда добиваться своего.

— А снять его? — спросила Марта, борясь с желанием дотронуться до нити, связывающей ее и Кетрин.

— Приворот? Он необратим, — отрезала Кеторин и взмахнула рукой, отчего нити бесследно пропали, не оставив после себя ни малейшего свечения. — Хотя, вероятнее всего никто и не пытался его обратить, надобности не было. Вот и записей тоже нет.

Марта крутила бокал в руке, наблюдая за тем, как тусклый свет играет с вином, подсвечивая его. Она всегда была равнодушна к алкоголю — что он есть, что его нет. На школьных вечеринках, где ее ровесники пили до потери пульса, Марта вполне уверенно чувствовала себя, цедя свою бутылку с колой, хотя ее нельзя было назвать частым гостем на этих вечерах. Так что и теперь Марта уже ощущала, как алкоголь действует на нее, хоть это и был всего один единственный бокал. Она отпила вина и решила наконец-таки спросить Кеторин о том, зачем пришла, пока еще могла мыслить здраво.

— Кстати об отсутствующих записях: что ты знаешь о передаче магических способностей?

— А зачем тебе это? — встрепелась Кеторин и как-то странно посмотрела на Марту: то ли озадаченно, то ли испугано.

— Просто ответь.

— Хочешь избавиться от своей силы? Глупая ты все-таки девчонка. Ничего не выйдет!

— Почему? Записи потеряны? В твоих гримуарах нет какого-нибудь волшебного заклинания, чтобы передать силу? — не унималась Марта.

— Ну в моих гримуарах ничего подобного точно нет. И это не заклинания, а обряды. Чрезвычайно тяжелые обряды. Провести которые в нынешних условиях не представляется возможным.

— Почему?

— Не будь дурочкой, я же сказала, магия вымирает.

— Я думала ты имеешь в виду магические способности ведьм и колдунов.

— Не только. Магия в целом. Волшебные растения теряют свою силу, магические существа вымирают. А гримуары... древние гримуары не более чем старые книжки с картинками. Никто не знает, когда это началось. Некоторые ведьмы придерживаются мнения, что магия покидает наш мир постепенно, с момента его создания. Я же считаю, что у магии был источник, но в какой-то момент он закрылся, а мы расходует жалкие крохи оставшиеся нам. Оттого каждое поколение ведьм слабее предыдущего. Если, к примеру, моя прабабка еще и могла попытаться провести обряд по переносу магических способностей и возможно это вышло бы вполне сносно, то я этого сделать уже не смогу.

— Но почему во мне есть эта сила? Ведь моя мама не могла колдовать так, как я! — недоумевала Марта.

— О, ну тут вывод напрашивается сам собой. Ты так не думаешь? Скорее всего твои родители — комплементалы, — Кеторин заговорщицки улыбнулась. — Именно их связь пробудила спящую магию твоей матери в тебе.

Марта застыла, как громом пораженная. Каждому ребенку хочется идеализировать отношения своих родителей, они неприкасаемы, они идеальны. Какими бы странными не были отношения Марты с отцом, она не могла даже помыслить какого-то другого мужчину рядом со своей матерью, так же как и с Алистером Рудбригом просто не могла быть никакая другая женщина. Никто кроме Терры Грабс не мог быть женой этого мужчины. Сей факт просто незыблем в глазах Марты. Но комплементалы? Люди, предназначенные друг другу судьбой? Истинная пара? Родственные души? Это просто в голове не укладывалось. Ведь Марта знала, знала, как никто другой, отношения ее родителей не были идеальными. Они ссорились и мирились, искали пути обхода для курьезных ситуаций, подстраивались друг под друга. А то Рождество, когда они разругались в пух и прах, и ее добрая, милая мама надела отцу на голову кастрюлю с праздничным жаркое (слава богу, остывшим)? Неужели какая-нибудь женщина способна так поступить со своей истинной парой?

— А Мегги? — каким-то не своим, надтреснутым голосом прошептала Марта. — Она не ведьма. Она обычная маленькая девочка.

— Марта, — Кеторин с жалостью, от которой становилось тошно, посмотрела на нее. — Я в этом сомневаюсь. Она еще не пробудила свои силы. В союзе комплементалов не рождаются не способные колдовать, и ты — прямое тому доказательство.

Марте стало тяжело дышать. Воздух вырывался с хрипами из ее легких. Мегги. Ее маленькая Мегги. Ей было страшно представить сестренку на своем месте.

— Все ведьмы, в которых есть способности, пробуждаются рано или поздно. Мне было шесть, когда магия во мне встрепенулась. Я тогда разозлилась на свою старшую сестру и, схватившись за один из маминых артефактов, уже и не помню, какой именно, сбила ее с ног, отправив в полет через всю комнату. Она ударилась об камин и сломала руку. А ты?

— Что я?

Кеторин усмехнулась, глядя на расстроенную Марту:

— Когда ты впервые начала колдовать?

— Не знаю. Всегда.

— Этого не может быть, — продолжала улыбаться Кеторин, недоверчиво поглядывая на Марту поверх бокала. — Колись! Я же тебе рассказала.

— Я не знаю. Эта магия... эта сила была во мне всегда, — уверяла Марта, ощущая, как в ней начинает зарождаться паника. Она не врала. Ей было страшно от того, как магический мир цепко затягивает ее в свои путы.

— Странно, — протянула Кеторин, нахмутив идеально очерченные брови. — Может ты не помнишь? Магия всегда дремлет до поры до времени, а затем пробуждается со всплеском сильных эмоций, чаще всего отрицательных. Страх. Обида. Злость. Моя пробудилась от злости. Может ты чего-то испугалась, когда была совсем маленькой?

— Может, — ответила Марта едва ворочающимся языком. Во рту все пересохло.

Она посмотрела на свой почти полный бокал. Настроения пить совсем не осталось, хотя нельзя было сказать, что оно было изначально. Все, чего ей хотелось, это вернуться домой и обнять свою младшую сестренку, а затем, закутавшись в плед, сидеть на диване и смотреть с ней «Рапунцель», пока ее не начнет тошнить от этого треклятого мультика. Ей просто хотелось вернуться в свою нормальную жизнь без Кеторин и магического мира, без Коула, запертого в гостевой спальне, готового умереть в любой момент и страстно желающего утащить с собой на тот свет еще и Марту. О Боги, почему ее размеренная привычная жизнь стала такой сложной?

Глава 20. Магия в мире финансов

«Только не сейчас. Я не готова» — эта мысль билась в ее голове, когда Чарли вырулил на подъездную дорожку поместья и Терра увидела Алистера, стоящего на ступенях главного входа. Теплые летние лучи солнца играли с его волосами, окрашивая их в различные оттенки каштанового, на некоторых прядях даже вспыхивая рыжим. Алистер был невероятен, как и всегда в ее глазах. Вся ее решимость пошатнулась, стоило ей увидеть его фигуру вдалеке.

Он ждал их. Хотя скорее нет. Он ждал Чарли. Ведь, стоило машине остановиться у входа, на лице Алистера появилось удивление, смешанное с сомнением. Он не ожидал увидеть Терру на пассажирском сидении. Его взгляд, полный непонимания, разбил ее хрупкую решимость поговорить.

Чарли заглушил двигатель и вышел, легкой пружинистой походкой обойдя машину. Он похлопал Алистера по плечу. Казалось бы обычный дружеский жест — но отчего-то Алистер напрягся, буравя Терру взглядом. Алистер редко злился на нее, но даже когда злился на кого-то другого, он тихо кипел от злости где-то глубоко внутри, ничем не показывая своих эмоций. На Терру же он, казалось, был вообще не способен злиться: их отношения будто бы лежали за пределами этого чувства.

Именно «лежали» — прошедшее время было как нельзя уместно. Сейчас он был зол именно на нее. Терра неуверенно приоткрыла пассажирскую дверь, другой рукой поправляя лямку сумки на плече.

— Почему вы вместе? — долетели до нее слова Алистера, обращенные к улыбающемуся Чарли. — Разве ты не собирался позавтракать в городе? Не ты ли мне сказал...

— Мы столкнулись...

Конец фразы Терра не услышала, потому что, распахнув дверцу, она припустила в сторону сада.

Трусливо. Как же трусливо она поступает. Убегать от Алистера, хотя еще пару минут назад была полностью уверена в себе и в своей способности говорить с ним без стеснения. Но эти два года пропастью пролегли между ними. Не было больше той Терры Грабс и того Алистера Рудбрига, которые с легкостью делились всем, что было у них на душе. Разлука разрушила все, взрастила в ней сомнения. Сомнения, с которыми Терра ничего не могла поделать.

Ее не преследовали — в этом она была уверена. Уж шум гравия она бы расслышала за своим гулко бьющимся сердцем. Алистер не побежал за ней, хотя в душе, самую капельку, она на это надеялась. Как глупо. Разумный Алистер никогда так не поступит.

Понимая всю нелепость и абсурдность своего поступка, Терра все же продолжила бежать. Бежать в своих летних туфлях, не предназначенных для бега. Тонкие ремешки натирали ноги, и Терра уже предчувствовала, как вечером, когда вернется в дом, она снимет несчастные сандалии и обнаружит светлую еще не успевшую загореть кожу, растертую до кровавого месива чертовыми ремешками чертовых туфель, которые до сегодняшнего дня — точнее до этого самого момента — она считала красивыми и вполне удобными. Просто ей не приходилось в них бежать, а теперь-то она знает, что это не просто туфли, а исчадия ада, посланные в этот мир, чтобы погубить ее. Но даже так она

продолжала бежать. Гравий кончился, началась мишистая земля сада, в которой каблук сандалий глубоко утопали. Точно адские отродья.

Она скинула туфли и побежала дальше, оставив обувных предателей где-то в яблоневом саду. Она вернется за ними когда-нибудь, если простит, а если нет, то у них будет отличная могила посреди яблонь — осенью сгниют вместе с падалицей. Поделом им.

Терра пересекла фруктовый сад и свернула к дыре в изгороди, которую ей показал Алистер, когда они еще были детьми. Она приблизилась к ней и только возле нее позволила себе передохнуть и оглядеться. За ней никто не пошел, скорее всего все еще стояли на крыльце и обсуждали, какая она дурочка. Ну и как теперь возвращаться домой? Со стыда сгореть можно.

Терра вылезла через прореху в изгороди и поплелась по протоптанной дорожке к озеру. В лучшие годы в нем вполне можно было купаться, если зимой было много снега и оно достаточно наполнялось талой водой. В худшие годы оно напоминало скорее жалкую грязную лужу, в которой хватало места лишь лягушкам. В прошлом году Терра не приходила сюда, полностью поглощенная своими занятиями с Джослин. А сейчас это было единственное место, куда она могла пойти — до города ведь босиком не дойдешь.

Когда Терра достигла озера, ее ноги были такими грязными, что она даже обрадовалась, увидев, что уровень воды в озере достаточно высок: в водоеме вполне можно было поплавать или даже покататься на лодке. Девушка села на старый деревянный причал в тени лиственных деревьев и спустила ноги в воду, наблюдая за тем, как кусочки земли и листьев отделяются от ступней и расползаются по воде.

Ей вспомнилось, как мистер Рудбриг катал их с Алистером на лодке, когда Терра была совсем еще маленькой. Сколько ей тогда было? Семь или восемь. Тогда она свалилась в озеро: в тот день на ней было надето пышное девчоночье платье до колен с несколькими подъюбниками, которое она так хотела надеть, что совсем не думало о непрактичности такого наряда. Алистер даже смеялся над ней, когда она пыталась уложить юбки и уместиться на узкой банкетке, попутно не свалившись в воду. Тогда она и не свалилась, отложив это потрясающее занятие до того момента, как мистер Рудбриг вывел лодку на середину озера. Алистер что-то сказал — Терра уже и не помнила, что именно, — но в тот момент ее обидели его слова. Она встала, чтобы треснуть его по голове в минутном порыве, однако ее платье было против: нижние юбки зацепились за доски бортов. Терра попыталась высвободить их и перевалилась через край, оказавшись в воде в тяжелом платье, которое тянуло ко дну. Терра тогда, да и сейчас тоже, паршиво плавала. Уверенно она себя чувствовала только на мелководье, где в любое мгновение могла встать ногами на дно. Там, в середине озера, дна не было, а юбки любимого платья стали предательским балластом. В тот момент она перепугалась не на шутку и успела трижды попроситься с жизнью, прежде чем мистер Рудбриг затащил ее обратно в лодку.

Наверное, тот случай должен был ее хоть чему-то научить. Не научил. Она все еще поступала спонтанно, а потом расхлебывала последствия своих поступков.

— Поговорить не хочешь?

Голос Алистера, донесшийся из-за спины, заставил ее вздрогнуть и, не схватившись она вовремя за столбик, к которому обычно привязывали лодку, непременно рухнула бы в воду.

— Что ты здесь забыл? — отдышавшись, спросила Терра, не оборачиваясь. Ее слова были слишком грубыми, и ей захотелось треснуть себя. Алистер не заслуживал грубости. Солнце нещадно палило, и Терре оставалось только надеяться, что Алистер свяжет ее

пылающие щеки с влиянием небесного светила и не станет искать других объяснений.

Юноша подошел и сел рядом. Он расшнуровал свои теннисные туфли и, оставив их в сторону, тоже опустил ноги в воду. Штанины его летних брюк тут же намокли, но его это мало интересовало. Терра смотрела на его ступни, выводящие круги в мутной воде, и неосознанно начала вторить его движениям.

— Чарли сказал, что вы столкнулись в книжном магазине, когда ты помогала Сьюзи выбирать книги для подарка ее бабушке. Забавная ложь, но я не стал говорить ему, что бабушка Сьюзи по матери умерла, а с бабушкой по отцу она практически не общается.

— Да и мисс Сворч скорее съест себя заживо, чем примет подарок от «несносной девчонки, которая только и знает, что читать любовные романы», — Терра передразнила брюзжащее манеру мисс Сворч, которую услышала лишь однажды, когда столкнулась с бабушкой Сьюзи. Не самая приятная встреча и не самая приятная женщина. — Да и Сьюзи вряд ли подарила бы что-нибудь кроме нечищенных куриных кишок.

— Она действительно это сделала?

— На прошлое рождество, — кивнула Терра.

— Высокие отношения, — протянул Алистер. — Если бы Чарли только знал, он, наверное, придумал бы отмазку получше.

— Он лишь интерпретировал то, что увидел, и додумал некоторые факты, — вступилась в его защиту Терра. — Наверное, в его глазах Сьюзи та девушка, которая будет дарить своей бабушке книги, а не куриные потроха...

— Наверное, — натянуто ответил Алистер. Терра все еще опасалась смотреть ему в глаза, потому и не знала, какое у него было выражение лица.

— Мы действительно встретились в книжном, — начала оправдываться она. — И я действительно была там с Сьюзи. А потом туда зашел Чарли, и они с Сьюзи повздорили...

— Почему-то я не удивлен. Со Сьюзи есть только два варианта: вы либо сразу становитесь закадычными друзьями, либо врагами. Так что, кто они?

— Я думаю друзья, — после недолгого раздумья подвела итог Терра.

— Обидно. Меня-то она никогда не жаловала.

— Ты преувеличиваешь, — Терра усмехнулась от того, как сухо прозвучал его голос. — Ты один из тех немногих, кто завис на пограничной линии. Не друг и не враг. Что-то среднее.

— Что-то среднее? — в голосе Алистера послышался с трудом сдерживаемый смех, и Терра немного успокоилась. — Только ты могла дать мне такую характеристику.

— Точно, — Терра улыбнулась и подняла голову, встретившись с ним взглядом. Взглядом, в котором смешалось все: тоска, боль, обида, злость и что-то еще, от чего захватывало дух.

— Я скучал по тебе.

Терра опешила. Она хотела услышать эти слова. Хотела знать, как ему ее не хватало. Надеялась, что он мучался точно так же, как и она. Не спал ночами, думая о ней. Она действительно хотела услышать эти слова. Но сейчас они вызвали в ней лишь злость.

— Скучал? — едко спросила она. — Так сильно скучал, что не звонил и даже не писал? Ни разу не приехал! И не ответил ни на одно письмо, которое я написала! Мне кажется, люди, которые скучают, ведут себя не так.

Алистер отшатнулся. Он непонимающе смотрел на Терру. Наверное, думал, что четыре несчастных слова могут залатать брешь двух лет. Но вот незадача — не могут!

Терра гневно взирала на него, чувствуя, как начинают щипать глаза. О нет, она не станет плакать, только не сейчас! Она не покажет ему, насколько сильна его власть над ней.

— Я хотел дать тебе нормальные выпускные годы...

— Bravo! — перебила его Терра. — С каких пор ты решаешь, с кем мне общаться? Мне казалось, мой Алистер не считает себя богом.

— Твой Алистер?

Слова повисли в воздухе, а щеки Терры запылали пуще прежнего. В порыве своей неуправляемой злости она сболтнула то, чего говорить не стоило. Съехала с проверенной дороги, чтобы срезать путь, и увязла в болоте.

— Я не это имела ввиду, — попыталась она выкрутиться на прежний путь.

— А что ты имела ввиду? — Алистер вскинул бровь, выжидающе буравя ее взглядом.

— Что-то точно имела, но не это, — буркнула Терра и отвернулась, мысленно пытаясь успокоить свое бешено колотящееся сердце. И что теперь делать? Снова убежать? Куда? Податься в леса? Паршивый план.

Некоторое время они молчали. И молчание это было далеко не комфортным. Терра разрывалась между желанием сбежать и утопиться в озере, которое было куда ближе, чем лес. Всего-то и надо что соскользнуть со старого деревянного причала — и больше не нужно мучать себя своей же тупостью. Понимая, куда катятся ее мысли, и то, какими спонтанными и нелепыми были ее последние поступки, Терра резко встала, намереваясь уйти домой. Тот же побег, но под гордым названием: «Мадам Рудбриг, наверное, заждалась уже».

Алистер схватил ее за руку, останавливая.

— Я не ищу в твоих словах скрытого смысла. Ты вполне можешь считать меня своим, мы же, как-никак, выросли вместе. Просто это было.... неожиданно...

Точно. Его слова резанули по ней словно ножом. Они выросли вместе. Конечно же он никогда не станет искать в ее словах скрытого смысла. Ее нижняя губа задрожала, а в горле встал ком. Глупая маленькая Терра — девочка, которую он знает с самого детства, но не более.

Она смотрела на его такое знакомое и в то же время совершенно незнакомое лицо, не замечая, как из глаз побежали слезы. Всего лишь девочка-соседка, с которой он вырос. И что будет дальше? Ведь Алистер непременно приведет в дом какую-нибудь невероятно красивую и разумную девушку, которая не будет чудачить, а станет откровенно говорить о том, что чувствует.

— О, Терра, — хрипло произнес Алистер и, встав на ноги, притянул ее к себе.

По сравнению с ним она действительно была крохотной и едва ли макушкой доставала ему до подбородка. За то время, что они не виделись, Алистер стал шире в плечах, и Терра с легкостью могла бы потеряться в его руках.

Она протяжно всхлинула, а затем завывала в голос, как белуга. Ее грудь словно бы разрывалась на части, да и дышать было совсем нечем. Она уткнулась носом в рубашку Алистера, судорожно всхлипывая между очередными приступами безудержного воя. Как только Алистер не оглох, прижимая ее к себе все это время и растирая ее трясущиеся плечи, пока она редела, комкая в кулаке его идеально выглаженную рубашку?

Алистер пытался что-то говорить. Наверное, хотел ее успокоить, но Терра ничего не слышала, кроме бешено колотящегося сердца и завываний белуги. Отчего она редела?

Сложный вопрос, ответ на который просто не может быть однозначным. Там была обида и на себя, и на Алистера, грусть из-за впустую потраченного времени, горечь от его слов и жалость к такой глупой себе, которая не может толком выразить то, что творится у нее на душе. Если бы у нее спросили, почему она плачет, Терра просто бы не нашла, что ответить. Но она продолжала реветь так горько, так истошно — до боли в горле, — пока из нее не начали вырываться лишь редкие хрипы.

— Успокоилась? — спросил Алистер, продолжая прижимать ее к себе, уперевшись подбородком в ее макушку.

Терра не смогла выдавить из себя ответ, поэтому лишь кивнула.

— Отлично. Надеюсь, ты редела не из-за того, что Чарли приглянулась Сьюзи, а не ты?

— Идиот, — прохрипела Терра и ударила его кулаком в грудь, но не отстранилась. Сейчас ей было просто стыдно отстраниться. Не хотелось, чтобы он видел ее с потекившим макияжем и заплаканными глазами. Да и, если уж быть честной хотя бы с собой, ей просто не хотелось от него отстраняться.

— Может я и идиот, но мне было бы обидно, что и ты променяла меня на Чарли. Он ведь кому-угодно может вскружить голову. Такой добродушный открытый парень — мечта любой девушки.

— Я бы не сказала, что он добродушный.

— Но ты ведь спокойно общалась с ним, а меня за версту обходила целую неделю.

— Неправда, — уперлась Терра, не желая окончательно терять лицо.

— О, конечно же неправда! — иронично заметил Алистер. — Терра, я знаю тебя, как облупленную, и вполне могу заметить, когда ты меня избегаешь.

Терра недовольно скривила губы. Знает, как облупленную. Ага, как же! Что же он тогда за все эти годы так и не понял, что она чувствует? Мистер Наблюдательность, который дальше собственного носа не видит.

— Ну если ты собираешься и дальше от меня бегать, то, наверное, тебе придется искать новое жилье.

— Что? Это еще почему?

— Потому что я вернулся домой. Насовсем.

Терра резко вскинула голову, ударив Алистера по подбородку. Тот тут же отпрянул и принялся растирать ушибленное место.

— Могла бы и попросить отпустить, а не бить в лицо.

— Я не специально, — принялась оправдываться Терра, отступив на пару шагов. — Но почему? Ты не вернешься в Йель? Ты решил бросить университет? Алистер, но ведь ты так хотел там учиться!

— Мы не потянем еще один год, что уж говорить о полном обучении.

Терра непонимающе нахмурилась, уставившись на Алистера.

— Отец почти банкрот, а мама распродает всю нашу коллекцию искусства и библиотеку. Скорее всего придется продать машины и отказаться от прислуги, чтобы расплатиться по отцовским долгам. В худшем случае придется продать поместье и купить что-то меньше и дешевле. Сама понимаешь, моя учеба в нынешнюю картину не вписывается.

— Я не знала, — вздохнула Терра, пытаясь переварить услышанное.

— Ничего удивительного, мама уверена, что «не стоит забивать ее милую головку

финансовыми вопросами. Терра чересчур мнительная».

— Мнительная? — возмущилась девушка. — С чего бы?

Алистер запустил пальцы в волосы, слегка взъерошив их, и тяжело вздохнул.

— Она переживает, что ты начнешь корить себя в этом. Вобьешь себе в голову, что во всем виновата ты и твоя неспособность колдовать, а не отцовская халатность и неумение обращаться с финансами.

А ведь действительно. Терре показалось, что из ее легких резко выкачали весь воздух. Ей была закрыта родовая магия, и поэтому семья Алистера страдала. Она...

— Даже не смей так думать. Я уже вижу, как в твоей голове начинают закручиваться болты. Не стоило мне тебе говорить.

— Да нет, стоило. Ведь это действительно правда. Я не могу использовать магию Грабсов, что бы это ни означало, и поэтому вы теряете деньги и положение...

— Мы теряем деньги, потому что отец не способен с ними обращаться! — повысил голос Алистер. — Ты тут не причем. Ему всегда не везет, за чтобы он не брался.

— Ему не везет, потому что я... — Терру всю трясло. Чем она занималась все это время? Рисовала круги мелом да варила никому не нужные зелья, когда ее семья, люди, которые приютили ее и помогали, теряли все, что было им дорого. И все из-за нее.

— Терра, прекрати сейчас же. Ты не в чем не виновата. Если хочешь кого-то винить, вини отца. За то, что он позволил себя облапошить. Не зря мама всегда говорила, что ему нельзя доверять ничего, кроме ложки, да и ту у него отнимут.

— О, вот вы где, — сухо произнес Чарли. — Я, конечно, думал, что могу помешать вам выяснять ваши любовные дразги, но, судя по тому, что вы ругаетесь из-за мистера Рудбрига, думаю, я буду здесь к месту.

Терра нервно закусил губу и обернулась к Чарли, гадая, насколько много он успел услышать. И судя по тому, как он смотрел на них, услышал он много.

— Чарли... — неуверенно начала Терра. Она ведь и не знала, что ему сказать.

— У вас ролевые игры? «Магия в мире финансов»? — Чарли театрально всплеснул руками. — Неплохо, неплохо. А что будет потом? «Оборотни на бирже труда»?

— Нет, — твердо ответил Алистер и смерил друга оценивающим взглядом, словно пытался в голове представить все возможные реакции и расклады событий. — Терра действительно ведьма.

— Алистер! — возмущенно взвизгнула Терра. — Зачем?

— Он мой друг, и я ему доверяю, — тон Алистера был таким суровым, что возразить ему было просто страшно.

Терра уставилась на него, ожидая, что еще он может сказать. Потому что для нее понятие «друг» не было настолько фундаментальным, чтобы раскрывать семейные тайны и ставить близких под удар. Она ведь ничего не рассказала Сьюзи. А тут Алистер выдает главную семейную тайну мужчине, которого Терра знает от силы неделю. В голове не укладывается.

Тем временем ничего не понимающий Чарли бегал глазами между Террой и Алистером и улыбался слегка сконфуженной улыбкой.

— Разыгрываете меня, да?

— Нет, — ответил Алистер, а Терра решила промолчать. Если уж он собрался топить их корабль, она останется с ним, но помогать не станет.

— Алистер, дружище, только ты можешь шутить с таким серьезным лицом, —

произнес Чарли и коротко хохотнул. — Так, Терра, ну-ка наколдуй мне огромный чизбургер и картошку фри.

— Не могу, — ответила Терра, пожимая плечами. — Магией нельзя создавать продукты и предметы.

— Чертовски обидно, — протянул Чарли, словно подражая какой-то маленькой игре. — И для чего же она тогда нужна? Может ею можно убрать размазанную тушь со щек? Потому что выглядишь ты, мягко говоря, паршиво.

Терра настолько вспотела, что платье прилипло к спине, а по ногам потекли тонкие противные дорожки пота. Она даже не знала, от чего так сильно потеет — от страха или от жаркого солнца. Скорее всего от страха, потому что за все это время ее сердце, наверное, уже несколько раз успело остановиться и забиться вновь. А Алистер стоял, как ни в чем не бывало, и лишь смотрел на своего друга, который не верил ни единому слову. Может это и хорошо: посчитает их идиотами и навсегда забудет об этом нелепом разговоре.

Терра схватила Алистера за руку и внимательно посмотрела на него. Она пыталась вложить в свой взгляд весь спектр обуревающих ее эмоций, надеясь, что Алистер поймет ее и свернет разговор, громко рассмеявшись. Но Алистер то ли не понял, то ли не захотел понимать.

— Чарли, ничего смешного в этом нет. Я абсолютно серьезен. И буду тебе признателен, если ты перестанешь подтрунивать над Террой.

— Дружище, ты же знаешь, я всегда верю тебе, но сейчас ты несешь какой-то бред, — усмехнулся Чарли.

Алистер выжидающе посмотрел на него, вскинув бровь, и они обменялись непонятными Терре взглядами, после чего Чарли резко рассмеялся каким-то нервным — даже истеричным — смехом, чем еще больше испугал девушку. Она смотрела на него во все глаза и не могла понять, что происходит.

Отсмеявшись, Чарли глубоко вздохнул, восстанавливая дыхание и утер выступившие слезы.

— Ладно, белые кролики, покажите мне свою магию, и я вам поверю. Если же нет, то сам закажу вам автобус до психлечебницы и посажу вас туда. Без обид, Терра, но я боюсь, что ты убежишь от него, если за тобой не проследить.

— Мне казалось, я просил показать мне магию, а не взломать закрытую художественную студию, — произнес Чарли за ее спиной, пока Терра открывала заднюю дверь «Марии-Розы».

— Мы не вламываемся. У меня есть ключи, — прошепела Терра.

— И ты их не наколдовала?

За сегодняшний вечер Чарли занял первое место в списке ненавистных ей людей. Подобного исхода она себе даже вообразить не могла. Чарли нравился ей, а вот его нескончаемые подколы, начавшиеся на озере и даже не помышляющие прекращаться — нет. Чарли как будто соревновался сам с собой, насколько идиотской будет его следующая шутка. Когда они садились в машину, он поинтересовался, почему они не воспользуются метлами, ведь именно на них должны передвигаться ведьмы. Затем он предложил наколдовать немного бензина в баке, чтобы не пришлось заезжать на заправку. Когда Алистер вышел, чтобы заплатить за топливо, Чарли заговорщицки улыбнулся и предложил

сварить любовное зелье, чтобы доказать умение колдовать. Он даже вызвался добровольцем, ведь «Алистеру доверять в этом вопросе нельзя, он и так в тебя влюблен».

Терра старательно его игнорировала, каждый раз закусывая губы и сжимая руки в кулаки, из последних сил сдерживаясь, чтобы не отпустить какой-нибудь едкий комментарий. А ей этого хотелось. Очень сильно хотелось. Мысленно она перебирала страницы гримуаров Джослин, пытаясь вспомнить какое-нибудь зелье, от которого симпатичное лицо Чарли покрывалось бы несметным количеством прыщей каждый раз, когда он заводил свою шарманку неверующего скептика из мира финансов.

Они вошли в здание академии, и Терра повела их по коридорам к магическому подвалу Джослин. Чтобы хоть как-то отстраниться от Чарли, Терра решила занять мысли выбором заклинания. Ей было необходимо что-то красочное, чтобы этот скептик непременно поверил, чтобы у него челюсть отвалилась и больше никогда не поднималась. Если раньше она и сомневалась в решении Алистера, то теперь заставить Чарли поверить в магию стало для нее вопросом чести. Ведь он буквально вытряс из нее всю душу своими подколами.

Они спустились в подвал. И Терра машинально провела рукой по пластине возле двери и произнесла несколько волшебных слов, от которых по стенам побежали световые лучи, озаряя комнату теплым солнечным светом. Это было нововведение Джослин: медные пластины, напитанные солнечным светом, зажечь которые можно было только ночью.

— Так, и где тот выключатель, которым ты щелкнула? — спросил Чарли и склонился над пластиной, изучая ее. Он даже провел по ней рукой, но ничего не изменилось. — Хм...

— Прекращай ломать комедию, — попытался урезонить его Алистер, который до этого времени все время молчал. — Ты сам сказал, что согласишься нам, если мы докажем...

— Но вы все еще ничего не доказали. А тут определенно должен быть какой-то скрытый механизм. Колись Терра, что ты сделала.

— Волшебные слова произнесла, — ответила Терра и натянула на губы приторную улыбку.

— Тогда давай еще раз.

Терра приложила руку к пластине и повторила слова но наоборот, продолжая улыбаться. Свет погас. Чарли приложил руку и попытался повторить слова — получилась бессмысленная тарабарица, и свет, разумеется, не зажегся, чему Терра была несказанно рада, хоть никто и не смог увидеть ее триумфальную улыбку.

Она зажгла свет и выжидающе посмотрела на Чарли, который не выглядел встревоженным. Похоже, света все-таки было недостаточно, чтобы заставить его поверить в магию.

— Язык сломать можно с вашими «волшебными словами».

— Биологически язык сломать невозможно, — парировал Алистер и, пройдя внутрь подвала, сел за стол.

В волшебном подвале Джослин он был впервые, но, похоже, его это нисколько не смущало. А если он и разглядывал магические артефакты, то делал это настолько виртуозно, что Терра не заметила в нем и намек на интерес.

Чарли тоскливо вздохнул:

— О Алистер, твоя прямота тебя однажды погубит. Сломать язык — это фигура речи и не более. Ну что, Терра, давай расчехляй свой волшебный арсенал! Я требую настоящее шоу! Такое, чтобы душа развернулась и не свернулась, — он театрально всплеснул руками.

— Будет тебе шоу, — не без яда ответила Терра и прошла вглубь подвала.

Отношение Чарли к происходящему ей не нравилось. То, как он говорил о важных для нее вещах, превращая их нечто несуразное, нечто глупое. Шоу — не более. Сегодняшний день разбил ее представление о Чарли, и она не могла понять, как Алистер с ним дружит. Ведь они были из совершенно разных миров.

Она подошла к стеллажу с артефактами и, открыв его с помощью крови, принялась перебирать содержимое, ища то, чем можно произвести настоящий фурор и при этом никому не навредить. Предметы, напитанные проклятиями, она отмела сразу же и даже не смотрела в их сторону: не хватало еще, чтобы потом ее обвинили в попытке убийства и сожгли на костре. Хотя ее так и подмывало дать Чарли чашку с проклятьем, вызывающим непрекращающийся понос. Хотя вряд ли после такого Чарли поверит в магию, а не в то, что Рупи торгуют пропавшей едой.

Световые сферы он тоже назовет какой-нибудь научной обманкой. Может сварить при нем зелье? Но какое? Последовать его совету и сварить любовное? Вот он удивится, когда без памяти влюбится в Терру. Представив подобный исход, Терра подавила злорадный смешок и вернулась к изучению содержимого.

— Ну и? Где мое шоу? — нетерпеливо бросил Чарли.

— На все нужно время, — рассудительно ответил Алистер. — Не торопись, Терра. Он вполне может подождать, сколько нужно.

Терра обернулась и послала Алистеру благодарную улыбку за то, что он взял на себя Чарли и его недовольство. Хотя, если бы не Алистер, то она в этой ситуации и не оказалась бы, поэтому благодарить его по факту было не за что.

Взгляд Терры зацепился за комплект свечей-прорицателей.

— Если я предскажу твою судьбу, ты поверишь?

— Нет, это дешевые фокусы ярмарочных гадалок, — ответил Чарли, широко улыбаясь. — Давай что-нибудь посущественнее.

— Ладно.

Терра схватила шкатулку с тувротами и просияла. Уж в это он поверит.

— Становись в центр комнаты, — приказала она, доставая старую серьгу из коробки.

— Что? Это еще зачем?

— Становись, я сказала!

Скривив губы, Чарли все-таки занял место в центре комнаты, и Терра начала расставлять кристаллы по местам, по одному доставая их из шкатулки. Всего кристаллов было четыре, по сторонам света. Она видела магический след клетки, который проявлялся, когда камни занимали свои места. Но Терра видела лишь легкое, едва уловимое свечение, в то время как Джослин говорила, что для нее кристаллы светили ярко. Для Чарли же они были не более чем бесполезными стекляшками, и он довольно скептически смотрел на них.

Алистер подался вперед, внимательно наблюдая за ними.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Сажая нашего тьявкяющего пса на привязь.

— Ты кого псом назвала? — возмутился Чарли.

— Ой, а ты это слышал? — наивно улыбаясь спросила Терра и поставила последний кристалл на законное место. Клетка замкнулась. — А теперь попробуй до меня дотронуться, песик.

— Я тебя не оскорблял, — сощурил глаза Чарли.

— Да, ты всего лишь сказал, что я выгляжу паршиво.

— Так это была констатация факта, а не оскорбление, — он скрестил руки на груди. —

В тот момент ты действительно выглядела плохо с этой потекшей тушью и опухшими глазами. Так еще и нос красный, как у клоуна. Знаешь, очень мало женщин выглядят хорошо, после того как в сласть порыдают.

— Я не рыдала!

— Конечно, а я принцесса Диана!

— Прекращайте уже, — вмешался всегда рассудительный Алистер. — Чарли, выходи из круга.

— Окей, — протянул тот и сделал шаг.

Но так и остался стоять в магическом круге. Терра гордо улыбнулась и всплеснула руками.

— Тадададам! — воскликнула она. — Такое шоу тебя устроит?

Чарли ошарашено уставился на Терру и вновь попытался пересечь невидимую границу, но тщетно — его нога так и осталась висеть в воздухе.

— Невероятно, — слегка приглушено прошептал он и принялся ошалело прощупывать стену в поисках выхода. — Просто невероятно. Чувствую себя мимом. Как ты это сделала?

— Магия, — протянула Терра, широко улыбаясь.

Ей нравилось видеть такого ошалелого Чарли, привычный финансово-научный мир которого рухнул навсегда. Оставалось только надеяться, что после такого он не пойдет войной на всех ведьм этого мира, стремясь искоренить все, что не вписывается в его представление о мире. Хотелось бы верить, что Алистер в нем не ошибается, и Чарли действительно можно доверять.

— Да уж... а еще что-нибудь можешь показать? — в его глазах плясали огоньки. — Не думай, что я тебе все еще не верю, мне просто очень интересно. Невероятно.

Терра только усмехнулась. Такого восторга она точно не ожидала. Даже Алистер относился к ее магии несколько равнодушно. Он воспринимал ее как данность и не более: просто неотъемлемая часть Терры, с которой необходимо считаться. А Чарли... похоже, он был сражен наповал. Его мир пошатнулся, и он был более чем готов окунуться в новый, погрузиться в него с головой и не выныривать. И это не могло не льстить Терре.

Она убрала кристаллы тувротов на место, и Чарли смог покинуть свою клетку. Теперь он воспринимал происходящее немного иначе, с восторгом реагируя на все, что бы Терра ему не показывала. В то время, как Алистер спокойно сидел, откинувшись на спинку стула и вытянув свои длинные ноги. Он выглядел расслабленным, но не совсем понимающим, зачем он здесь находится.

А Терре хотелось бы, чтобы щенячий восторг горел в глазах Алистера, а не Чарли, чтобы Алистер ходил за ней по пятам и разглядывал магические артефакты, а некоторые даже пробовал на себе. Но нет, он сидел, как некий богемный принц, и даже не пытался вникнуть в происходящие. И Терру это задевало. Не могло не задевать.

Девушка постоянно искоса поглядывала на Алистера, ища в нем поддержку, и когда он ловил ее взгляд, то улыбался ей своей доброй искренней улыбкой, от которой у Терры замирало сердце. Все же Алистер изменился. Он стал более скованным и не таким ярким, словно его всегда пылающая звезда начала затухать под тяжестью проблем.

— Так, а это что? — спросил Чарли, отвлекая ее от очередного созерцания Алистера.

Терра посмотрела на сплетенные засушенные стебли ромашек, на которые указывал Чарли, и выдавила из себя улыбку.

— Всего лишь ингредиенты для зелья.

— О, и для какого?

— Хм, дай-ка подумать, — произнесла Терра, приложив палец к губам. — Для сонного зелья — выпивший его проспит четыре дня. Для обездвиживающих и умиротворяющих зелий тоже, если я не ошибаюсь. О, а еще для зелья-морока, чтобы казаться более привлекательным, чем есть на самом деле.

— Да уж, если мне когда-нибудь понадобится охмурить какую-нибудь шибко несговорчивую девушку, я обязательно приду к тебе за помощью, — подмигнул ей Чарли, и Терра рассмеялась.

— Сомневаюсь, что тебе когда-нибудь понадобится моя помощь.

— Как знать, как знать. Мир сложная штука. Еще вчера я бы никогда не подумал, что ведьмы действительно существуют. А сегодня гадаю, как обратить магию себе на пользу. Эй, Алистер, а для тебя Терра что-нибудь этакое делала?

Алистер подпер подбородок кулаком и подался вперед.

— Нет. Но я бы не отказался от того защитного артефакта, который вы с Джослин сделали из прутьев ивы.

— Так ты читал мои письма? — вкинула бровь Терра, приятно удивленная этим фактом.

— Да, — честно признался Алистер. — Все до единого.

— И ни на одно не ответил...

— Извини, не знал, что писать.

— Чувствую себя пятым колесом, — недовольно произнес Чарли, вклиниваясь в их разговор. — Давайте вы будете строить друг другу глазки, когда меня здесь не будет? Не хочу становиться свидетелем любовной драмы.

— Ох, Чарли, любишь же ты влезать не вовремя, — протянул Алистер и вновь откинулся на спинку стула. — Ладно, Терра, потом поговорим, пока нашего друга не вырвало от переизбытка откровений.

Чарли виртуозно изобразил рвотные потуги и вновь переключился на изучение магических артефактов. Они еще некоторое время провели в подвале Джослин, прежде чем решили, что на сегодня уже достаточно. Чарли честно признался, что его мозгу нужно время, чтобы переварить полученную информацию — все же не каждый день узнаешь, что ведьмы действительно существуют, и возможно твоя соседка через дорогу вполне может тебя приворожить, принеся пирог на новоселье.

Когда они вышли из академии «Марии — Розы», Чарли поймал Терру за локоть, не давая сесть в машину.

— Слушай, Терра, ты уж меня извини за сегодня. Понимаешь, когда я сильно нервничаю, то начинаю нести всякую чушь. Я не хотел тебя задеть ни на озере, ни после.

— Что ж... — протянула девушка, не желая говорить, что она его уже простила. Простила ему все его высказывания за тот восторг, с которым он отнесся к магии. — Это хорошо, а то я уже собиралась записывать тебе в список моих врагов.

— Серьезно? — глаза Чарли округлились. — Звучит реально пугающе. Чем я могу загладить вину?

Терра рассмеялась.

— Ничем. Я пошутила.

— Ух, — облегченно выдохнул Чарли. — А то я уже успел испугаться.

— Чарли, я не злюсь. Злилась, но сейчас уже нет. Ты друг Алистера, а теперь и мой тоже. А я не злюсь на друзей.

— Точно?

— Абсолютно!

— Тогда можно дать тебе дружеский совет? — Чарли заговорицки улыбнулся.

— Конечно.

— Не забудь, ты сама дала мне разрешение. Так вот: не закусывай губу!

Терра непонимающе нахмурила брови.

— Что? Это еще почему?

— Когда ты закусываешь губу, складки на твоём подбородке выглядят, как недовольная морда алкаша. Сомневаюсь, что это понравится хоть одному мужчине, кроме Алистера.

— Чарли! — возмущенно воскликнула Терра.

Она ударила его кулаком по плечу и рассмеялась — настолько нелепым был его совет. Смех Чарли вторил ей, и она поняла, что не покривила душой, назвав этого человека другом. Станным, но все-таки другом.

Глава 21. Чарли

— Боже, не могу поверить, что я действительно согласился на это, — причитал отец, пока Марта вырулиwała на арендованной машине с их улицы. — Просто в голове не укладывается. Чем я только думал?

— Думал о том, как сильно меня любишь! — мило улыбаясь, объяснила Мегги. — И хочешь, чтобы я была счастлива. Папуля же всегда делает все, чтобы мы были счастливы.

Отец страдальчески вздохнул и уставился в окно. Марта подавила в себе злорадный смешок: против Мегги у него не было и шанса. Она всегда вила из него веревки. Строгость и правильное воспитание? О нет, все стены рушатся, стоит ей лишь взмахнуть ресницами и соорудить трогательную мордашку.

Марта прекрасно помнила, как пришла домой в полном раздрае и как на духу выдала Мегги все, что рассказала ей Кеторин. И сделала она это прежде, чем ее мозг успел включиться в диалог и осознать, насколько опрометчивым был ее поступок. Хотя бы потому, что Мегги не стала откладывать дело в долгий ящик и поспешила к отцу рассказывать о том, что она скорее всего тоже ведьма. С горящим взором она четко отстаивала свою позицию с такой рассудительностью, которую Марта просто не могла ожидать от маленькой девочки.

И как посмотрел на нее отец в тот момент? С таким разочарованием, словно до сего момента она его никогда не разочаровала. Даже не сколько разочаровала, сколько предала, да еще и нож вогнала в спину по самую рукоять. Да, именно таким был его взгляд, в то время как на губах играла легкая полуулыбка. Марте стоило только вспомнить — и по спине побежали мурашки. Удивительно, что в тот момент он ничего ей не сказал, старательно разыгрывая интерес. Не сказал он ничего и после — и даже тогда, когда Мегги уговаривала его разрешить заниматься с Кеторин, которая, кстати, ничего не знала об этом желании сестры Марты. Но Мегги это мало волновало. В ее представлении Кеторин просто не могла отказаться от такой усердной ученицы.

Собственно Кеторин и не отказалась. Она и раньше высказывалась о том, что хочет учить Мегги колдовать. Так что вопрос на следующий день был снят, как глупый. Кеторин предложила привести Мегги в Ведьмину обитель, и это был первый раз за все время, когда Алистер Рудбриг возмутился. «Вы за кого меня принимает? Марта, ты в своем уме? Тащить ребенка в бар? Не позволю!»

Результат?

Они ехали в пекарню «У Бобби», чтобы Кеторин и их отец смогли лично договориться обо всем. Потому что в их дом Кеторин не могла попасть, а отец уперся рогом и отказался идти в Ведьмину обитель. Общим решением «У Бобби» было принято считать нейтральной зоной, так сказать «залом для переговоров».

Насколько правильным было такое решение, Марта не знала, опасаясь того, какие слухи могут поползти после того, как ее отца заметят в компании «городской легенды Кеторин Чубоски» за столиком местной пекарни.

Марта слышала, как щелкнул ремень безопасности, и в зеркале заднего вида появилось лицо Мегги.

— Пристегнись, — сквозь зубы прошипела Марта. — Тебя авария отца ничему не научила?

Мегги высунула язык и протянула:

— Бе-е-е. Не будь такой чересчур опекающей, даже папа ничего не говорит.

— Марта права, — буркнул он, даже не посмотрев в их сторону.

— Ну папа, — плаксиво настаивала Мегги и, схватив его за плечо, потрясла. — Папа, папочка, папулечка, не злись. Я очень-очень сильно хочу колдовать. Правда, правда!

Отец что-то пробурчал себе под нос, но даже не повернулся к ним, а Мегги, надув губы, откинулась на заднее сиденье и все-таки пристегнулась, тем самым облегчив Марте процесс вождения. Дорога до «У Бобби» была короткой — от силы пару кварталов: при худшем раскладе, если словить все красные светофоры на пути, она занимала пятнадцать минут.

Дорога может быть и короткая, но гнетущая тишина в машине, нарушаемая лишь гудением мотора, напрягала. Даже радио не включишь, отец его терпеть не мог. Какая засада! Марта тяжело вздохнула, словив шестидесятисекундный светофор. Красные цифры словно отмеряли обратный отсчет до взрыва бомбы.

— Слушай, а как там... — она запнулась, подбирая нужное слово. — ... бабушка? Все еще отказывается к нам переезжать? Все-таки ситуация не располагает к тому, чтобы пожилая женщина жила одна в лесу.

— Не располагает, — рассеянно вторил ей отец. — А ты попробуй ей объяснить, что располагает, а что — нет. И как ей следует поступить. Меня она слушать не стала. Я не имею права указывать, как ей поступать. Не дорос!

На заднем сиденье Мегги хихикнула. Но Марта сочла за благо промолчать. И тут вполне удачно загорелся зеленый, и она вновь смогла сосредоточиться на дороге, выкинув на время из головы семейный эмоциональный фон.

Больше никто ничего не сказал, и они в скором времени подъехали к пекарне, где Марте пришлось изрядно повозиться, припарковывая машину. Она никогда не была в этом сильна, и если на пустое парковочное место она еще худо-бедно могла заехать и даже относительно ровно встать, то параллельная парковка — увольте. Мегги пришлось выходить и знаками показывать, куда выкручивать руль. Хорошо хоть, что отец все это время помалкивал и во имя мира во всем мире делал вид, что его безумно интересуется старая неоновая вывеска «У Бобби». И все же он кривил губы так, словно боролся с сильной зубной болью.

Недовольство. Похоже, встреча с Кеторин обещает быть запоминающейся. И чем они с Мегги только думали, сталкивая их лбами?

Скрепя сердцем, Марта решила бросить машину, как есть, и плевать, что машина не стоит вровень с остальными, а чуть-чуть выпирает. Да и вообще отец мог сам ее припарковать, а не кривить губы. Еще бы помолился здесь.

Столики «У Бобби» были заняты практически полностью. За некоторыми даже сидели люди из явно разных компаний. Но Марта сразу же заметила одинокий столик в самом углу, за которым сидела Кеторин. Несмотря на полную посадку зала, никто не стремился сесть рядом с ней. Она словно сидела в защитном круге, который не мог пересечь никто без ее разрешения. Марта заметила что посетители пекарни делились строго на две категории: те, кто избегал смотреть на экстравагантную женщину, и те, кто не мог оторвать от нее взгляда, откровенно пялясь и давно забыв о своей еде.

Кеторин была именно тем человеком, который просто не может остаться незамеченным. В ярко-оранжевой блузе с длинными широкими рукавами, со стеклянными бусами на шее и волосами, собранными в идеальную высокую прическу, она выделялась в этом обществе серых офисных костюмов. Она была ярким солнечным лучом зимнем промозглым утром.

Пока Марта, лавируя между столиками, уверенным шагом приближалась к ней, таща за собой сестру, она то и дело ловила на себе заинтересованные взгляды и чувствовала себя некомфортно, словно на ее спине была приделана табличка: «У меня проблемы, и мне срочно нужна помощь ведьмы!»

Кеторин встретила их ослепительной белозубой улыбкой и кивнула, предлагая присесть. Мегги, которая впервые увидела ведьму, смотрела на ту широко распахнутыми глазами, как замороженная. Марте даже пришлось подтолкнуть сестру, чтобы та наконец-таки села, а не стояла у стола, как истукан.

— Привет, — поприветствовала она свою знакомую и даже выдавила из себя улыбку. — Ты уже что-нибудь ела?

Кеторин покачала головой, не отводя взгляда от Мегги.

— Нет. Ты видела, какая тут давка? Сомневаюсь, что официантка помнит о том, что я заказывала яблочный штрудель и чай. Или же боится ко мне подойти еще раз. Молодежь иногда бывает чересчур суеверной.

Она произнесла «молодежь» так, словно была восьмидесятилетней старухой и через ее руки прошло не одно поколение молодежи. По спине у Марты побежали мурашки. Кеторин могла быть гораздо старше своего внешнего возраста. Разве Джуди не была ярким примером подобного? Но, несмотря на свои сомнения, у Марты язык не повернулся спросить у Кеторин ее настоящий возраст. Да и дала бы она честный ответ?

— Мегги, а ты любишь яблочный штрудель? — спросила Кеторин, и в ее голосе прозвучали отчетливые сюсюкающие нотки, от которых Мегги тут же скривилась, словно ей подсунули лимон.

— Не люблю, — резко отчеканила она и все обожание из ее глаз тут же пропало. — Марта, закажи мне наполеон и имбирный чай.

Марта с ухмылкой посмотрела на сестру:

— Будет исполнено, моя госпожа. — Она отвесила ей шуточный поклон и побрела к барной стойке, разминувшись с отцом в узком проходе между столиками.

— Американо и яичный пирог, — бросил он и пошел к столику.

Марта ничего не ответила, хотя ей очень того хотелось, и поспешила к барной стойке, чтобы сделать заказ. В такой толчее она действительно сомневалась, что официантка помнит о заказе Кеторин. Марта встала в очередь на кассе, краем глаза изучая витрину с пирожными. Эх, лавандовый чизкейк один остался, успеть бы. Марта оценила очередь. Пять человек. Какова вероятность того, что никто из них не уведет у нее из-под носа желанный чизкейк? Лавандовый же не такой популярный, как классических или, скажем, клубничный?

Очередь тянулась бесконечно медленно, и все это время Марта взглядом сверлила кусочек, внушая ему, что он непременно станет ее и как вместе им будет хорошо в компании с кружечкой крепкого кофе. Отличная компания для отличной женщины. Очередь сдвинулась, и пару человек ушли, даже не задумавшись о том, насколько вкусным был этот одинокий кусочек.

— Лавандовый чизкейк и фруктовый чай с собой, — вырвал ее из приятной мечты знакомый голос.

— Джош, — злобно прошипела Марта и, вскинув голову, взглядом встретилась с ухмыляющимся медбратом. — Ты что здесь забыл?

— И тебе привет, — протянул он, продолжая улыбаться. — У меня дежурство скоро, пришел взять перекусить. Достаточно полный отчет?

Марта окинула его критическим взглядом. И правда — из-под его расстегнутой зимней куртки торчала зеленая медицинская форма. Значит, не врал, и происходящие — лишь еще одно совпадение. Вот только совпадений, связанных с Джоном, было уж слишком много, чтобы не начать задумываться об этом.

— Это был последний лавандовый чизкейк, — насупила брови Марта, не в силах расстаться со своей сладкой мечтой. — Может уступишь?

Марта покосилась на девушку, запаковывающую пироженное в пластиковую упаковку, надеясь взглядом замедлить ее действия.

— С чего мне делать тебе одолжение? — спросил он, скрестив руки на груди, словно защищаясь от нее. — Ты хоть имя-то мое помнишь?

— Джек? — не смогла сдержаться Марта.

Джон нахмурился и схватил стаканчик с фруктовым чаем, который ему подала работница кассы.

— Ты ведь это специально делаешь?

— Ни в коем разе, — Марта выдала наивную улыбку, слегка кривоватую. — У меня действительно плохая память на имена.

— Что ж, тогда держи глобальную атаку по своей слабой памяти. Мое полное имя: Джонатан Ричард Квеберт Третий.

— Третий? Это градация назойливости?

— Смешно, — сухо процедил Джон и отпил немного чая. — Я даже не пойму, ты просто остроумная или издеваешься надо мной.

— Ты что? — возмущилась Марта. — Воспитание не позволяет.

Джон посмотрел куда-то за спиной Марты, и улыбка на его губах стала немного... Марта даже не могла подобрать нужного слова, но она определенно была заискивающей, как у человека, который несмотря ни на что хочет втереться в доверие. Она обернулась и встретила взглядом с сестрой. Мегги заговорщицки улыбнулась и игриво помахала ей рукой.

— А твоя сестра куда дружелюбнее тебя, — произнес Джон, вновь переключив свое внимание на Марту.

— Первое впечатление обманчиво, — буркнула Марта и повернулась к Джону. — Так что с пирожным? А то мы тут стоим, очереди мешаем.

— Хорошо. Забирай.

— Отлично, — Марта натянула свою самую милую улыбку.

— Только в обмен ты сходишь со мной на свидание.

— Обмен не равнозначный, — скривилась девушка.

— Пожалуй, — пожал плечами Джон. — Так что? Сделка тебя устраивает?

— Хорошо, — ответила Марта, прекрасно понимая, что не придет. — Когда и где?

— Завтра в обед. Как насчет «Красного рака»?

— Я смотрю, ты не особо романтичная натура? — усмехнулась Марта, подивившись его выбору.

— Сомневаюсь, что тебя можно впечатлить романтическими жестами. Но у них отличные вареные раки и темное пиво, которое они варят сами.

Раки и пиво? Им определенно было не по пути. А вот чизкейк так и манил ее из коробочки.

— Договорились. Раки и пиво — что может быть лучше? Тогда встретимся на месте.

— Буду ждать, — улыбнулся Джон и, кивнув кассирше, вышел из пекарни в сопровождении недовольных взглядов тех, кто занял место в очереди после Марты.

Чувствуя себя некомфортно, она в рекордные сроки буквально скороговоркой выпалила свой заказ и даже не запнулась. Девушка-кассир так же быстро собрала ей поднос, и вот Марта уже шла к своему столику под аккомпанемент из недовольных и заинтересованных взглядов. Ей феноменально и при этом играючи удавалось поддерживать на лице улыбку человека, которому все равно на мнение окружающих. Проблема была лишь в том, что ей было не все равно. Она не любила быть в центре внимания.

— Кто. Это. Был? — спросила Мегги, стоило Марте опустить тяжелый поднос на стол.

— Ты о ком? — как ни в чем не бывало выдала девушка, помогая расставить тарелки и пластиковые стаканчики по столу, чтобы убрать поднос и освободить немного места.

— Тот парень, — многозначительно произнесла Мегги и покосилась на входную дверь, которая уже давно закрылась за Джоном.

— Ты сама ответила на свой вопрос. Не поверишь, это был парень.

— Твой? — голос сестры стал на несколько октав выше, а светлые брови изогнулись дугой.

— Сомневаюсь, что это был парень Марты, — с тоном знатока вступила Кеторин, изучая свой яблочный штрудель. — Он ей не подходит.

Мегги тут же переключила все свое внимание на женщину.

— Ты так говоришь, потому что ты ведьма? Это какая-то особая способность — чувствовать кому с кем суждено быть?

— Не совсем, — Кеторин зачерпнула полную ложку штруделя и отправила в рот. — Просто он мне не нравится.

— Мне тоже, — согласилась Марта и села на виниловый диванчик рядом с Кеторин.

— Разве мы собрались здесь, чтобы обсуждать отношения моей старшей дочери? — отец поджал губы так, что их стало практически не видно.

Его полный недовольства взгляд был направлен на Кеторин. Похоже, он не хотел быть частью «женских посиделок» и знать, что его дочери думают о том или ином мужчине. Да и Марта никогда бы не стала делиться с ним своими чувствами и переживаниями из-за мальчиков. Она и с матерью-то ими не делилась. С чего ей вдруг откровенничать с человеком, который в ее жизни был больше «для галочки», чем для настоящей поддержки?

— Я, конечно, понимаю, что ваше тонкая душевная организация не позволяет вам судить о других людях и открыто высказывать свое мнение, — Кеторин жеманно улыбнулась и отпила чая из стаканчика, причмокнув губами. — Но я лучше выскажусь сейчас, чем буду через пару лет утешать Марту и говорить, что этот конкретный мужчина ей не подходил изначально.

— Утешать Марту через пару лет? — переспросил Алистер и глаза его округлились. Марте даже показалось, что она еще никогда не видела отца таким удивленным. Или даже скорее оглушенным. — Не знал, что у вас на мою дочь такие долгоиграющие планы.

Кеторин подалась вперед и положила подбородок на ладонь.

— Я никогда не бросаю тех, кого взяла под свою опеку. — Ей взгляд стал серьезным, а от жеманной улыбки, что еще секунду назад озаряла ее лицо, не осталось и следа. — Называйте это как хотите: хоть долгоиграющими планами, хоть чрезмерной опекой. Марта станет великой ведьмой, и моя позиция предельно четкая — я хочу быть частью ее величия.

На щеках отца заходили желваки. Он определенно хотел что-то сказать, но прикладывал

неимоверные усилия, чтобы промолчать.

— А я? — вклинулась Мегги.

Ее взгляд горел таким воодушевлением, что Марта даже на секунду пожелала, чтобы у Мегги действительно была способность к магии. Чтобы Мегги мечтала не просто так, чтобы у нее действительно все получилось. Но то был лишь минутный порыв, прежде чем вернулось осознание того, насколько опасной была магия и с какими проблемами придется столкнуться маленькой девочке, если она действительно сможет колдовать.

— Я в этом уверена, — тоном, не терпящим возражения, произнесла Кеторин. — Твоя магия еще не пробудилась, но я чувствую в тебе огромный потенциал. Вот только Марта не очень-то мне верит.

Алистер издал странный смешок то ли одобрительный, то ли насмешливый. Мегги косо посмотрела на отца и ткнула его локтем под ребра. Тот осуждающе посмотрел на дочь и откинулся на спинку дивана, сложив руки на груди. К своему яичному пирогу он так и не прикоснулся. То было ни чем иным, как молчаливым протестом, так знакомым Марте. Алистер был именно тем человеком, который мог все свое недовольство показать молчанием, при том что внешне он оставался совершенно невозмутимым. Эта привычка отца всегда злила Марту: невозможно спорить с человеком, который молчит.

Кеторин достала что-то маленькое из кармана своего пальто, которое было удачно пристроено на грядущке дивана. Она протянула руку к Мегги, сжимая неизвестный предмет в кулаке. Сестра Марты замороженно следила за каждым действием ведьмы, и это немного задевало саму Марту. Она чувствовала себя преданной и глупой, ведь как можно ревновать сестру к человеку, который всего лишь завладел ее вниманием?

Кеторин раскрыла ладонь и на ней оказалась маленькая стеклянная бусина. Бусина, внутри которой горело настоящее пламя.

— Что ты творишь? — воскликнула Марта, ощущая, как по спине побежал холодок.

— Что это? — вторила ей Мегги. — Невероятно!

— Маяк. Бусина начинает светиться при контакте с магией, — пояснила Кеторин.

— Убери немедленно, — сквозь зубы прошипела Марта.

— Успокойся. Думаешь кто-то из них действительно сочтет, что я держу в руке заговоренный огненный хрусталь? В лучшем случае решат, что это какие-то фокусы или портативный фонарик, — усмехнулась Кеторин, обводя взглядом зал полный зевак. Ее действительно забавляла чересчур серьезная Марта. — Тебе нужны были доказательства, и я их предоставляю. Держи, малышка.

Мегги протянула руку и забрала светящуюся бусину. Та сразу же погасла, от прежнего сияния в ней остался лишь тлеющий огонек, как от почти догоревшей свечи.

— Если бы в ней совсем не было магии, свет погас бы полностью, — пояснила Кеторин.

Женщина буквально светилась от переполняющего ее триумфа, так же как и Мегги. В то время как Марта с отцом были их полными противоположностями. В своем недовольстве они проявляли редкостное единодушие.

— И когда вы начнете меня учить? — в лоб спросила Мегги, не выпуская из рук светящийся шарик.

— Когда твоя сила полностью пробудится, — так же прямо ответила Кеторин, слегка пожав плечами. — Пока магия не всколыхнется — учить тебя колдовать скучно.

Марта удивленно уставилась на Кеторин.

— Скучно?

— Да, — кивнула та. — Я всучу ее Джуди, когда та вернется. Пусть научит девочку истории и базовым знаниям. Так, какие травы для чего нужны, позубрят вместе теорию магических знаков и кругов. Всякое такое... Теория — это не мое, я скорее сведу Мегги с ума, чем научу чему-нибудь.

— И когда приедет эта ваша Джуди? — сухо спросил отец, нарушив свое молчание.

— Пока не знаю. У нее важное, скажем так, задание, — ответила Кеторин и вновь принялась за свой шпрудель. — Не переживай, Мегги, она всегда была отличной ученицей. Учительница из нее тоже должна быть неплохая.

— Железная логика, — такой холодный голос отца не предвещал ничего хорошего.

Марте было непривычно видеть, как Алистер Рудбриг ерничает. Он и ирония обычно стояли на разных берегах реки, или же Марте так, как минимум, казалось.

— Я хотя бы не пытаюсь отрезать крылья своим детям.

— Какие высокие метафоры. Но если бы я хотел кому-то что-то отрезать, то сомневаюсь, что в первую очередь пошел бы пить чай со странной особой, которая сначала говорит о том, что будет учить мою дочь, а затем спихивает ее.

— Папа!

— Я не скидываю ее! — возмутилась Кеторин. — Я буду ее учить! Но не базовым знаниям! Большинство ведьм впитывают их чуть ли не с молоком матери. Когда живешь в правильной среде, черт, я имела ввиду, что Джуди лучше обучит ее этому. Дети же сами учатся говорить! Вот и у ведьм то же самое.

— Просто признай, что ты недостаточно компетентна. Много слов — смысла ноль, — Алистер буквально сверлил Кеторин взглядом, а Марта не знала, стоит ли ей вмешиваться или просто наблюдать.

— Зачем ты так, папа? — Мегги схватила отца за рукав свитера и потянула на себя. — Зачем ты ее злишь?

— Мегги, я совсем не злюсь, — Кеторин послала Мегги вполне искреннюю улыбку. — Алистер, давайте не будем обсуждать мою компетенцию. Джуди справиться с этим лучше. Вы сами все поймете, когда она вернется.

— А когда она вернется? — Марта все же решила вмешаться, пока отец не сказал еще что-нибудь, что действительно могло бы разозлить Кеторин. Она ведь прекрасно знала, на что способна хозяйка Ведьминой обители. Ее руки все еще явно напоминали о случившемся и то, что произошло все по случайности, говорило лишь о том, что в случае преднамеренности результат мог быть еще ужаснее. Марта мысленно содрогнулась, представив отца, покрытого волдырями с ног до головы.

— Не знаю. Пока она не вернется, мы ничего не сможем предпринять.

— Да уж... я же так хочу помочь человеку, который называет меня Ехидной и пытается убить, — не скрывая сарказма, произнесла Марта и даже ужаснулась тому, насколько похожа была ее интонация на манеру отца.

— Тут вопрос не в твоём желании ему помочь, а том, что найти хоть что-то мы сможем только в Ведьминой библиотеке. Туда я не сунусь, пока в поселении Клем.

Марта вскинула бровь. Похоже в жизни Кеторин было достаточно мужчин, с которыми она не хотела бы встречаться.

— И Джуди, выходит, для вас шпионит? — произнесла Мегги с полным ртом. Ее щеки в этот момент были похожи на хомячьи, а губы были перепачканы крошками.

— Что-то типа того, — уклончиво ответила Кеторин. — Кстати, можешь оставить

хрусталь себе. Считай подарком для юной ведьмы.

— Спасибо, — просияла Мегги. — Марта, я же съем твоё пирожное?

— Нет, — отрезала Марта и легонько хлопнула сестренку по руке, которой та тянулась к лавандовому чизкейку.

— Ой... ну и вредина же ты.

Коул стоял у окна так, чтобы было достаточно видно подъездную дорожку, но чтобы не прикасаться к странной смеси, которой был засыпан подоконник. Ему приходилось изрядно выгибать шею и косить глаза, чтобы хоть что-то разглядеть. Но эти неудобства чего-то да стоили: теперь он знал, что дома он один. Абсолютно один. Марта со своим отцом и маленькой леди уехали около часа назад. Точнее, он так думал, ведь часов у него не было. Однако он чувствовал, что прошло не слишком много времени.

Проблема лишь в том, что толка от этого знания особо не было. Бежать? Куда? Как? Он боялся даже прикоснуться к этим странным порошкам. Мало ли что она там намешала. Так что он развлекался тем, что смотрел в окно и, как верный пес, ждал возвращения хозяев. От такого сравнения стало тошно, но оно было, пожалуй, самым точным. Цепной пес, запертый в клетке, чтобы не покусал хозяйских деток.

Коул отошел от окна и сделал еще один круг по комнате. О да, теперь он знал ее, как свои пять пальцев, ведь единственным его развлечением было ходить кругами по маленькой комнатухе, временами навеваясь в гости к раковине, ванной и туалету. Фаянсовые друзья цепного пса. В какой момент он начнет с ними разговаривать, чтобы не сойти с ума?

Пока еще не начал — значит, он еще в своем уме. Хорошо хоть, что не в подвале держат — и на том спасибо. Коул придерживался мнения, что в подвале с той одинокой лампочкой, раскачивающейся на длинном шнуре он быстрее бы распрощался с остатками здравомыслия. Хотя он все больше и больше склонялся к тому, что со здравомыслием он распрощался уже давно. Лет пять назад, а то и больше. Ведь, если бы он был в своем уме или хотя бы изредка советовался с серым веществом, то вероятнее всего не оказался бы в таком положении.

— Спасибо, Коул, ты всегда знал, как влезть туда, куда лезть не стоило, — поблагодарил он сам себя и плюхнулся в кресло.

Он чувствовал себя разбитым и раздавленным: все, что бы он ни делал, выворачивалось против него. Что это — судьба? Или, быть может, злой рок? Может его род был проклят задолго до его рождения, а он и не знал?

Коул никогда не любил сидеть на одном месте. Таким он был самого детства. Еще в школе он умудрялся протирать штаны на заднице, потому что постоянно елозил ей по стулу. Просидеть целый час в одном положении было выше его сил. Губы тронула легкая улыбка, когда он вспомнил свирепый взгляд матери, которая отчитывала его за очередные испорченные брюки. Что он сделал с ними тогда? Протер? Или порвал, зацепившись за забор? О, он часто цеплялся за забор. Поэтому Ада и не любила с ним гулять. Она была «идеальной девочкой» — точнее строила из себя такую. Изо всех сил пыжилась, чтобы казаться верхом совершенства, которым на самом деле не была. От того и злилась на Коула, близнеца-оборванца. Он был как уродливый шрам на лице красавицы — шрам, который нельзя спрятать.

Он не выдержал и, встав, вновь подошел к окну. Машина вернулась, Марта все кружилась напротив калитки, пытаясь ровно поставить ту вдоль дороги. За этими попытками было довольно забавно наблюдать. Она все кружила и кружила. Назад, вперед,

чуть влево, чуть вправо, чуть не въехала в соседнюю машину. Выехала и попробовала заехать другой стороной — результат тот же.

В итоге сначала открылась задняя пассажирская дверь, из нее выскочила Мегги и понеслась куда-то в сторону дома. Было как-то неожиданно увидеть Маленькую Леди куда-то бегущей: такое поведение никак не вязалось с образом, который Коул для себя нарисовал. Вот открылась и передняя пассажирская дверь — оттуда вышел мистер Рудбриг. А затем и Марта показалась из-за водительской.

Похоже, шоу закончилось. Мистер Рудбриг занял водительское сиденье и принялся парковать машину плавными, выверенными годами, движениями.

Ключ в замке повернулся, и Коул резко обернулся. На пороге стояла Мегги, все еще в зимнем пуховике и шапке, которая немного съехала на бок. Она запыхалась и пыталась немного отдышаться. В руках девочка сжимала темно-коричневую книгу, на вид очень старую.

— Привет, — машинально поприветствовал ее Коул, удивленный ее появлением. С того их первого разговора Мегги ни разу к нему не заходила. — Как дела?

— Хорошо, — сбившимся голосом ответила она.

— Где были?

— Ели пирожные в пекарне «У Бобби», — по-детски честно поведала девочка.

— Мне что-нибудь взяли?

— Марта купила целую коробку эклеров с сливочным кремом, — девочка выглядела слегка пристыженной и неуверенной. — Но я не поэтому пришла.

— А почему? — спросил Коул, слегка выгнув бровь.

— Из-за того, что ты сказал Марте. Ехидна — это же шифр?

— Шифр? — опешил Коул.

— Да. Знак, что ты относишься к ней не так плохо, как раньше. Намек, что не станешь ее убивать. Она, конечно, не поняла — Марта, знаешь ли, никогда не любила мифы, особенно греческие. Помню ей как-то сказала про Ахиллесову пятю, а она посмотрела на меня, как на недоразвитую, и спросила: «Неужели в твоего одноклассника действительно называли Ахиллесом?» Я тогда даже не нашла, что ей сказать.

Коул во все глаза смотрел на свою посетительницу, совсем не понимая, к чему она клонит. Что ж, Марта не любила греческие мифы — и что? Как это связано с маленьким зверьком? А если как-то и связано, то он, наверное, пропустил это мимо ушей. Коул никогда не был особо усердным учеником. И вот теперь чувствовал себя полным идиотом под пытливым взглядом маленькой девочки, которая, похоже, была куда умнее его.

Он прочистил горло и все-таки спросил:

— К чему ты клонишь?

Мегги принялась листать страницы книги.

— Миф про Ехидну и Аргуса. Вот, смотри.

Она развернула книгу, показывая ему страницы. Коул был заинтригован. Он подошел поближе, чтобы разглядеть рисунок рядом с ровным столбцом текста. На нем была нарисована красивая женщина, правда красивой она была лишь до пояса, потому что ноги ей заменял змеиный хвост.

— Гера, жена Зевса, невлюбила Ехидну и потому отправила Аргуса убить ее и забрать силу. А он в нее влюбился, и она в него — тоже!

Коул бегло пробежал глазами по строчкам.

— А потом она его не приняла таким, каким он был. Он обиделся и отправил ее в пещеру, а Гера еще вдобавок и ног лишила. Милая история, — подвел итог Коул. — Так и какой же в ней тогда шифр — что мы стали лучше ладить?

Коул не стал говорить, что у девочки просто фантазия разыгралась.

— Да, и если она тебя не оттолкнет, то вы подружитесь, — она произнесла это, как нечто само собой разумеющееся, кивая в такт каждому слову. — Не переживай, Коул, я донесу до нее смысл твоих слов. А то она на них обиделась.

Коул уже собирался сказать, что девочка ошиблась, и смысл Марта поняла достаточно верно, раз обиделась, но тут из коридора донеслись тяжелые определенно мужские шаги.

— Мегги, что ты тут делаешь? И почему дверь открыта?

Не прошло и минуты, как в дверном проеме показался Алистер Рудбриг. При одном взгляде на него Коул нервно сглотнул: мужчина был просто воплощением праведного гнева.

Мегги заговорщицки подмигнула Коулу, словно их объединяла одна общая и невероятно важная тайна, а затем повернулась к отцу и улыбнулась ему обезоруживающей улыбкой.

— Мы с Коулом обсуждали, какие сладости он любит. Оказалось, он без ума от черничного штруделя.

Девочка соврала и глазом не моргнув — и соврала так, что и Коул сам поверил, что он без ума от черничного штруделя, который никогда в жизни не пробовал. Жуткое умение. Но похоже Алистер на удочку не попался. Даже если он и поверил дочери, ярость никуда не делась.

— Я не об этом спрашивал, — отчеканил он, почти не разжимая рук. — Где ты взяла ключ?

— На полке на кухне, — пожалала плечами Мегги все с той же улыбкой. Она совсем не чувствовала себя виноватой. — Вы его всегда там храните.

И это натолкнуло Коула на мысль, что Алистер ничего не знал и о предыдущей встрече, и Коул счел за благо промолчать и оставить эту тайну при себе. Мегги ведь ничего не сказала, вот и он не должен.

— Немедленно иди вниз, и чтобы я больше тебя здесь не видел.

— Конечно, папочка, — она выглядела, как самая послушная на свете дочь, вот только Коул был уверен, что она интерпретирует приказ по своему.

Мегги поспешила в сторону лестницы, но напоследок послала Коулу ободряющую улыбку. Коул постарался не улыбнуться в ответ. Он был поражен и не знал как реагировать. Неужели Маленькая леди была хитроумной?

Но Коул так и не смог до конца разобраться, его отвлек яростный взгляд мистера Рудбрига.

— Я буду говорить без обиняков, Коул, потому что мне надоели твои игры. Все это ты делаешь из-за Чарли?

Имя прорезало воздух. Откуда он знал имя его брата? Навел справки?

— Мне сначала показалось, что вы просто похожи. Овал лица, нос, даже разрез глаз. Вы очень похожи, — продолжал мистер Рудбриг. — Но в мире очень много похожих людей. Однако потом ты назвал свою фамилию, и картинка сложилась. Я вспомнил о тебе и Аде. Хотя я вас никогда не видел, но много слышал.

— О чем вы? — сквозь зубы процедил Коул, осознавая, что его начинает бить дрожь.

— Мы с Чарли дружили. Дружили много лет, — в глазах мистера Рудбрига ярость сменилась грустью и... виной? — Я многим обязан Чарли. Но, если ты считаешь, что мои

дети виноваты в его смерти и потому хочешь их убить, то ты ошибаешься. Глубоко ошибаешься. Марта никогда бы не причинила ему вред, она любила его.

Коула не просто трясло, ему казалось что он попал в эпицентр шторма. Шторма, из которого не выбраться. Его мотало и крутило, а Алистер Рудбриг лишь еще больше раздувал ветер и добавлял воды.

— Чарли погиб в аварии. Вместе с женой. Разбились. Столкнулись с бензовозом. Машина загорелась, и никто не выжил. Даже тел не осталось, — Коул машинально начал цитировать слова офицера полиции, пришедшего к ним домой в тот роковой день. В ушах шумело и где-то в отдалении он слышал крик Ады. Истошный вопль, разрывающий их мир на «до» и «после».

Мистер Рудбриг огорошено уставился на Коула.

— Ты здесь не из-за Чарли? — понял он. Но это знание разрушило его теорию и завяло в тупик. — Тогда почему?

— Ада, — только и смог вымолвить Коул, не совсем понимая, зачем он это говорит.

— Ох... тогда я, пожалуй, пойду, — мистер Рудбриг сбежал, закрыв дверь на ключ.

Коул рухнул на пол.

Они были друзьями.

Марта никогда бы не причинила ему вред.

Она любила его.

Что он имел ввиду?

Но было нечто, что затмевало эти вопросы. Они были важны, но Коул тонул. Тонул в воспоминаниях. Тонул в крови. Мистер Рудбриг сорвал крышку с сундука, в который Коул спрятал все. Все, о чем не хотел вспоминать. Он спрятал туда кровь, реки крови. Он спрятал холодные руки Ады, ее пустые глаза и рот, искривленный от ужаса.

Ада всегда была его причиной. Его вопросом и его ответом.

Глава 22. Вопрос доверия

Марта все-таки решила пойти на это нелепое свидание, хотя изначально, конечно, не собиралась.

Свидание с человеком, который бесил ее с первой встречи? О да, это определенно было бы лучшее свидание: бесячий Джон и раки с пивом. И как он только додумался до такого? Неужели нельзя было спросить у самой Марты, чего она хочет? Она, конечно, не меняя репертуара, ответила бы ему, что хочет, чтобы он оставил ее в покое, но так он хотя бы показал, что ее мнение что-то значит. Примерно такими были мысли Марты, когда она выходила из «У Бобби».

Вернувшись домой и переспав с этой мыслью, она решила, что идея не так уж плоха. На фоне всего остального свидание с Джоном было, пожалуй, самой обычной вещью. Так сказать глотком прежнего воздуха. Да и когда Марта последний раз ходила на свидание? Подсчитав, она даже ужаснулась. Полтора года прошло с того раза, когда она еще пыталась завести отношения. Проблема была в том, что Рупи — городок маленький, и с большинством потенциальных парней она ходила в школу, что тут же ставило на них табу. Так что найти себе парня в Рупи — все равно что ловить рыбу в городском бассейне. А попытку завести отношения в школе можно считать катастрофой. Марта до сих пор помнила его дрожащие губы и влажные глаза. А эти речи?

— Марта, ты хоть на мгновение любила меня? Может я тебе нравился хоть немного? Признай это! Мне нужно знать. Ты всегда такая холодная: мы не сможем быть вместе, если ты продолжишь в том же духе.

— Мэтт, давай не будем. Я только вернулась с похорон, — Марта в тот день была совсем не в духе. — У меня только недавно умерла мама, извини, но меня не хватит еще и на тебя.

— Причем здесь твоя мать? Мы говорим о нас, а не о ней. Просто ответь мне!

— Ответить на что? — Марта подняла на него усталый взгляд. Почему он выглядел куда более сломленным, чем она. Это злило. Его мир не рухнул в одночасье в отличие от ее. Как он может приходит к ней и разыгрывать дешевую трагикомедию?

— Ты меня любишь?

— Нет, — ответила она и поняла, что не соврала.

— Ты... ты... боже мой! Тогда зачем? Мы же даже переспали!

— И что? Мэтт, давай не сегодня.

— Ты — ледяная сука! Вот ты кто! — в его глазах стояли такие крупные слезы, что он были похожи на глаза побитой собаки. Наверное, так не стоит думать о человеке, на которого потратил почти два года своей жизни?

— Отлично, Мэтт. А теперь уходи.

И он ушел, громко хлопнув дверью, как обиженная девушка из сериала. Так громко, что аж стены затряслись. Марта жалела. Действительно жалела о шпукатурке на потолке, на которой появился маленькая трещинка. О Мэтте она не жалела и годами не вспоминала. Да и не вспомнила бы, если бы не предложение Джона. Она давно уже убедилась, что с мужчинами у нее не складывается. Наверное не стоит ходить на свидание с мыслью «боже мой, как выйти живой с этих полевых действий»?

А как же то свидание полтора года назад? Оно имело эффект разорвавшейся бомбы:

после него ей запретили появляться в местной пиццерии, еще и счет заставили заплатить за всех. И в чем она была виновата? В том, что парень кинулся на нее драться? Так это у него нервы шалили, а не у нее.

Так что от свидания с Джоном она ничего особо не ждала, но отправила в сумочку перцовый баллончик. Если не кинется драться и не начнет рыдать — уже победа. Осталось надеяться, что помимо раков там есть еще картошка фри. Марта никогда не пробовала раков и пробовать не собиралась. Она мысленно содрогалась, представляя, что их каким-то образом нужно чистить.

Марта закончила укладку. И да, это был практически героический подвиг — сделать из ее коротких волос эффектные локоны. Джон просто обязан оценить ее усилия, иначе второго шанса она ему просто не даст.

Она как раз перебирала вешалки в поисках подходящего наряда, в котором она выглядела бы уместно в подобного рода заведении, когда зазвонил ее телефон. Она даже не сразу узнала мелодию, настолько редко она им пользовалась. Точнее, настолько мало в этом мире было людей, которые могли бы ей позвонить.

Марта достала его из сумки — как всегда наполовину разряжен — и увидела незнакомый номер на дисплее. Это мог быть кто угодно: спам, работники салона красоты, в который Марта ходила летом, даже Джон, но...

— Здравствуй, Кеторин, — произнесла она, ответив на звонок и прижав телефон плечом к уху, мигнов возвращаясь к вешалкам.

— И тебе, привет, принцесса, — послышался звучный голос Хозяйки Ведьминой обители. — Чем занимаешься?

— Выбираю наряд для обеда в пивном баре.

— Ошибаешься.

— Почему это?

— Ты выбираешь наряд для турпохода в компании ведьмы и охотника. Кстати, у тебя есть, во что нарядить нашего маленького принца?

— К чему ты клонишь? — Марта перестала перебирать содержимое шкафа и обратилась в слух.

— Джуди вернулась. Клем нет в поселении. Так что нам пора выдвигаться. У тебя есть одежда для Коула или мне что-нибудь купить?

— Придется покупать. Сомневаюсь, что в гардеробе отца найдется что-то, в чем можно отправиться в поход... как и в моем... — призналась она, критическим взглядом окинув рубашки, юбки, легкие платья и офисные брюки и мысленно подсчитывая, сколько денег уйдет на то, чтобы укомплектовать себя и Коула.

— Сумеешь все купить до обеда? Нам нужно выдвигаться как можно быстрее.

Марта отняла телефон от уха и посмотрела на часы.

— Если очень-очень сильно постараться, то да.

— Отлично, тогда я подъеду за вами к четырем часам. Не забудь дать Коулу свою кровь, иначе он не пройдет барьер, — выдала указания она и отключилась.

Марта окинула себя взглядом в зеркале, с тоской задерживая взгляд на прическе. О да, звери в лесу непременно оценят ее старания. И принялась быстро одеваться. Свидание с Джоном отменяется.

Вскоре Марта уже стояла в местном спортивном магазине, единственном на весь город, и искала термобелье. Продащица — кругленькая женщина лет пятидесяти, может быть

старше, — смотрела на Марту круглыми глазами и все никак не могла взять в толк, как белье может греть, если оно не шерстяное и не с начесом. В итоге, расчехлив свою кредитку, Марта покинула спортивный магазин в компании двух ярко-зеленых болоньевых комбинезонов, черных пуховиков, пары шерстяных свитеров и вкладышей для обуви, на которых было написано заветное слово «термо».

Коул стал ее крупным финансовым вложением. Неокупаемым крупным финансовым вложением. И это не могло не злить. Она за всю свою жизни не потратила ни пенса на мужчину, если не брать в расчет тот счет в пиццерии. Хотя, если так задуматься, то она платила лишь за мужчин, которые стремились причинить ей боль. Странная закономерность, которую стоит поскорее разрушить.

После покупок Марта заскочила в студию, чтобы взять отгул на несколько дней. Все равно перед праздниками детей на занятиях остается совсем мало. Так что девочки из отдела планирования с легкостью разбросали ее смены на следующий год, не задавая лишних вопросов.

Вернулась домой она уже после обеда. Примерно в это время ей следовало бы сидеть в баре и ждать свой заказ с раками. На секунду она даже задумалась о Джоне, который скорее всего сейчас ел их в одиночестве. Но то была лишь секундная мысль, от которой она отмахнулась, как от назойливой мухи, и пошла варить чай.

Марта все гадала, достаточно ли пары капель, разведенных в чае, или ей нужно вскрыть себе ладонь и заставить его пить прямо из руки? Кеторин не дала четких указаний. А от представления себя, вскрывающей вены, Марту подташнивало, так что она остановилась на паре капель, а там будь что будет.

Пока чайник закипал, Марта отыскала швейный набор и достала из него тоненькую иглу. Она стянула перчатки, которые все еще продолжала носить, хотя раны по большей части уже затянулись и остались лишь несколько струпуев. Волшебная мазь Кеторин была действительно волшебной.

Она проколола палец и выдавила несколько капель в чашку, затем положила туда чайный пакетик и залила кипятком.

— Что за сумки в коридоре? — спросил отец, войдя на кухню. Выглядел он так, будто не спал всю ночь.

— Одежда для Коула, — ответила Марта, помешивая ложечкой чай.

— Одежда? Зачем?

Алистер подошел к столу и заварил себе чаю, пока Марта искала в холодильнике то, чем можно было бы накормить Коула. Вчера на ужин она отнесла ему эклеры, и выглядел он разбитым и подавленным, даже ничего не сказал. На утро тоже были эклеры, и в этот раз он оповестил ее, что не любит сладкое. Да еще и с таким выражением лица, что Марте захотелось заехать по нему подносом.

— Мы с Кеторин и Коулом собрались на вылазку в... это что-то вроде города ведьм, как я поняла, или небольшой общины, — сказала Марта, достав из холодильника очередную коробку яиц.

— И когда ты собиралась мне сказать об этом? — нахмурился отец.

— Сейчас говорю.

Марта обошла его и поставила сковороду на плиту, включила автоподжиг.

— Марта, так нельзя. Ты должна была сразу сказать мне — еще когда вы начали планировать...

— Так же как и ты должен был мне сказать о Коуле. Но не сказал.

— Это другое.

— Абсолютно то же самое, — отрезала Марта и разбила четыре яйца на сковородку.

— Я не хочу спорить. Зачем вам туда? — Алистер опустил на стул с чашкой в руках.

— Найти способ излечить Коула, — пояснила Марта, поддевая лопаточкой края яичницы. Ей нравилось, когда она обжарена с двух сторон.

— Бедный мальчик, — его голос так и сочился сочувствием, Марта даже обернулась к нему, чтобы убедиться, что ей не почудилось. — Но зачем тащить его с собой?

— Не знаю, — пожалала плечами девушка и перевернула яичницу. — Кеторин так сказала.

— Хм... ты ей доверяешь?

Марта ненадолго задумалась, прежде чем ответить.

— Отчасти.

— Держи с ней ухо остро.

— Ты к ней придираешься, — усмехнулась Марта и взяв тарелку с сушилки выложила на нее обед для Коула.

— Не придираюсь. Положи ему кусочек зернового хлеба. Кажется, он ему нравился.

— Ладно, — Марта нырнула в холодильник в поисках хлеба. — Но ты к ней действительно неровно дышишь. Вчера ты бы ее на месте сжег бы, окажись у тебя спички под рукой.

— О, я не обязан ее любить. Можешь не переживать, сжигать ее я не собираюсь, — смешок сорвался с его губ.

Марта выпрямилась со своей добычей.

— Я и не просила ее любить. Но и твое недовольство беспочвенно. Только если ты не ревнуешь.

— Я ревную?

— Да. Ревнуешь Мегги к Кеторин. Потому что она может дать ей то, чего не можешь ты.

— Это глупо.

— А ревность — глупое чувство, — снова пожалала плечами Марта.

Она собрала всю еду, предназначенную для Коула, на поднос и вышла с кухни, оставив отца разбираться с его чувствами. Приятно было осознавать, что не она одна так ревниво относится к Мегги. Ревновать девочку к посторонним людям? Глупость да и только.

Ночью Коул не спал. Лежал, уткнувшись невидящим взглядом в потолок, стараясь ни о чем не думать. Хотелось переключиться, затолкать воспоминания обратно. Но перед глазами стояла Ада: улыбающаяся, злая, испуганная. Ада, которую бросил парень и с которой они напились до чертиков, обсуждая, каким никчемным он был. Затем ее сменил Чарли. Коул плохо его помнил. Ему было где-то лет десять, возможно одиннадцать, когда брат погиб. К тому времени он уже давно не жил с ними: просто приезжал по праздникам, привозя с собой горы подарков. И если Аду Коул помнил в мельчайших подробностях, вплоть до родинок на плечах, то образ Чарли был словно подернут дымкой.

Марта любила Чарли.

Он попробовал представить ведьму рядом с братом. Бред какой-то. Сколько ей тогда было? Года четыре? Пять? Конечно, она могла любить его, ведь Чарли любили все. Но Коул все равно не мог поверить в это. Как его брат мог дружить с ними? С ведьмами.

Эта мысль не давала ему покоя. Когда Марта утром пришла с так называемым «завтраком», он все смотрел на нее, пытаясь представить своего брата на руках с маленькой ведьмой. Она и на него смотрела так же едко, как и на Коула?

В голове не укладывалось просто. А может мистер Рудбриг просто соврал? Чтобы поколебать Коула?

Если таким был его план, то он преуспел. Нужно потребовать доказательства. Если они действительно были знакомы, то у них должны были быть совместные фотографии. Коул решил поступить именно так. Если уж Марта любила Чарли, то она должна его помнить, и у нее определенно должны быть фотографии. Если же она ничего не знает, то мистер Рудбриг всего лишь жалкий лжец и отличный актер. Мегги ведь та еще лгунья, а это определенно заложено на каком-то генетическом уровне.

Вот только когда Марта пришла во второй раз за этот день, Коул так и не нашелся спросить у нее о Чарли. Он просто не знал, что делать, если она действительно знала его.

Он посчитал, что слишком удивлен ее появлению с подносом и огромным бумажным пакетом, чтобы заводить разговор о старшем брате. Но еще больше его удивило то, как выглядела сама Марта. Он привык видеть ее потрепанной, с волосами, напоминающими мочалку или одуванчик, и уж тем более без косметики. Сейчас Марта выглядела эффектно. Нынешняя Марта и Марта сегодняшнего утра будто были двумя разными Мартами. Перед ним словно стоял другой человек.

— Собралась на свидание? — в лоб спросил он, пока она ставила поднос на тумбочку.

— Собиралась, — ответила она, подойдя к кровати, и вывалила содержимое пакета на нее. Это оказалась мужская зимняя одежда.

— Тебя продинамили, — сочувственно протянул Коул. Он наблюдал за ней, сидя на кресле.

Марта обернулась к нему и смерила его озадаченным взглядом.

— С чего ты так решил?

— Ты бы не была сейчас здесь, если бы тебя не продинамили.

Марта усмехнулась и покачала головой.

— Это я его продинамила, а не он меня. Можешь гордиться собой.

— Почему? Есть повод? — Коул выгнул бровь.

— Ага. Выбирая между тобой и свиданием, я выбрала тебя.

— Польщен, — буркнул он.

— Рада за тебя, — насмешливо ответила Марта. — Примерь. Я брала на глаз, надеюсь, подойдет.

— Пытаешься задобрить меня вещами? Извини, но ты ошиблась. Неси мясо. А яйца можешь съесть сама.

— Прекращай ерничать и примерь вещи, вдруг не подойдут. Мне бы не хотелось ехать и покупать что-то еще.

Ее слова были приказом. Он ощутил их каждой клеточкой тела. Все в нем буквально требовало, чтобы он поднялся и начал примерку.

— Марта, — сквозь зубы прошипел он, сдерживая накатывающую на него ярость. Она приказывала ему, хотя обещала не делать этого.

Девушка удивленно уставилась на него, слегка округлив губы. Коул встал с кресла. Его движения были деревянными, он пытался бороться с собой, но тщетно. Стянув через голову футболку с длинным рукавом, он натянул на себя свитер.

— Ты обещала, — он угрюмо сопел облачаясь во все, что она принесла. — Ты обещала не приказывать мне, но все равно делаешь это.

— Я не специально, — пожала плечами Марта.

— Ври больше, — Коул застегнул молнию на куртке. Ему уже было жарко, словно его запихнули в сауноу. — Как раз. Могу снимать?

— Да.

От ее слов ему стало легче. Тело снова начало его слушаться, он резко дернул молнию вниз, скинул куртку и свитер, за которыми последовали дутые штаны.

— Зачем все это нужно? — спросил он и плюхнулся на кровать, недовольно поглядывая на кучу вещей на полу.

Марта заняла место на кресле, поджав под себя ноги. Отвечать она не торопилась, да и на Коула она не смотрела. Он помахал, привлекая к себе внимание — реакции ноль. Девушка сознательно игнорировала его.

— Мы поедem в поселение ведьм, — тяжело вздохнув, все-таки призналась она. Было видно, что говорить правду ей не хотелось.

— О, ты тащишь меня в осиное гнездо. Надо помочь с зачисткой?

Марта вскинула голову и возмущенно воскликнула:

— Коул! — даже щеки немного покраснели.

— Что? Зачем еще тебе тащить охотника на ведьм в город ведьм?

— Чтобы помочь тебе... сомневаюсь, что твои дружки захотят тебя излечить. Скорее будут использовать на пределе возможностей, а потом оставят умирать.

— Ты их не знаешь, — сквозь зубы прошипел Коул. — Не удивлюсь, если твои подружки из ведьминского городка расчленят меня, а потом используют мои внутренности для каких-нибудь мерзких обрядов.

Марта вся скривилась, ее лицо теперь выражало ничем не прикрытое отвращение.

— Сомневаюсь, что такое вообще возможно...

— Сомневаешься? — недоверчиво переспросил Коул. — Я видел их жертв. Они их убивают, а затем вырезают органы...

— Магия так не работает...

— ... а кровь разливают по баночкам, чтобы использовать в дальнейшем. Мы с учителем гонялись за одной такой, когда он только взял меня в ученики. В рабочие дни милая директриса в детском доме, а в выходные... Ты знаешь, что она делала в выходные? Расчленяла деток, которых вроде бы на прошлой недели должны были забрать родители.

Марта его не перебивала. Но ее трясло.

— Да что ты говоришь? Ты выворачиваешь факты наизнанку. Вот он ты — весь такой правильный — рассуждаешь о злобной ведьме, убивающей детей; я ее не оправдываю, но твои люди наставили арбалет на мою младшую сестру. Прошу заметить, она тоже ребенок. И никому не причинила вреда.

— А ты уверена, что это был кто-то из охотников? — резонно спросил Коул. — Может ты кого-то довела до ручки, и он решил тебя припугнуть.

— Не носи чушь! Кроме вас — некому, — она сделала глубокий вдох. — Хватит. Не хочу больше об этом говорить. Пусть каждый остается при своем. Иди ешь, а то уже все остыло.

Коул закатил глаза и, взяв поднос, вернулся на кровать. На самом деле спорить с Мартой у него особого желания не было. Куда больше его интересовал Чарли. Но в тот

момент спросить о нем было бы неуместно, так что он уплетал свой обед, косо поглядывая на девушку. Когда он доел, Марта забрала поднос и вышла из комнаты, бросив перед этим:

— Я пошла собираться. Скоро выдвигаемся.

Коул чувствовал себя некомфортно в преддверии ожидавшей его поездки. Ему не хотелось ехать в гнездо гадюк и отдавать себя на их милость. Вот только выбора у него практически не было. Марта вполне могла бы ему приказать, и он безропотно подчинился бы. В таком случае даже побег не представлялся бы возможным, если у него не будет надежных беруш. Вот только и они его не спасли бы. Он все еще отчетливо помнил огромные невидимые руки, которые сжимаются на его шее. Чего ей стоит проверить подобное еще раз? Надави она тогда чуть сильнее — и он был бы уже мертв.

Так что Коулу не оставалось ничего, кроме как смириться со своей участью. Он сомневался, что кто-то из охотников действительно смог бы убить Марту Рудбриг. Та ведьма, расчленяющая детей, не была способна сотворить того, что делала Марта. Она была абсолютно на другом уровне.

Марта вернулась, когда солнце уже практически село. Одета в наряд, который казался уменьшенной версией тех вещей, которые она принесла ему в обед. В руках она держала черную шерстяную шапку и ботинки Коула, с которыми он уже давно попрощался.

Он быстро оделся в вещи, которые все это время лежали на полу, и обулся, а затем вышел из комнаты вслед за Мартой. Сменил свое место прибывания впервые за две недели или около того.

Мистер Рудбриг поджидал их у подножья лестницы с дорожной сумкой в руках, и был одет так, словно собирался провести обычный вечер у камина с книжкой в руках. Это натолкнуло Коула на мысль, что с ними он не поедет. Он не знал, радоваться этому факту или нет. Маленькой леди нигде видно не было.

Вместе они вышли из дома и направились к внедорожнику, припаркованному за воротами. За рулем Коул разглядел Кеторин. Чертову ведьму, которая водила за нос его Наставника. Внутри поднялась волна гнева, который он попытался затолкать обратно. Из-за этой женщины его жизнь превратилась в полнейший хаос. Если бы она не строила бы против него козни, все могло сложиться по другому. Именно она привела его туда, где он был, и именно она теперь вела его туда, где ему быть совсем не хотелось. Он чувствовал себя мышонком, над которым Кеторин ставила какие-то эксперименты. И ему определенно не нравилось, что он не понимал ни мотивов ученого, ни конечного результата, которого та хотела бы достичь.

Проходя через калитку, он чувствовал себя так, словно заходил в море во время сильного шторма. Делаешь шаг, но волна сносит тебя обратно. Странное и даже жуткое ощущение. Никогда прежде он не испытывал подобного. И не хотел бы испытывать вновь.

Кеторин выскочила из машины и поспешила к ним. Под желтым светом уличного фонаря, Коул отчетливо видел ее яркую улыбку: примерно так же она улыбалась ему и когда он приходил забирать тот проклятый амулет для защиты от темных сил. О, она определенно отлично посмеялась после того, как он ушел, будучи в полной уверенности, что кошачья шерсть защитит его от любого магического воздействия.

— Уже готовы?

Она продолжала улыбаться, а Коул гадал, успеет ли он ее придушить, прежде чем Марта сможет его обездвигить. Наверное, не успеет. Жаль.

— Да, — Марта зачем-то еще и кивнула. Наверное, простого утверждения было

недостаточно.

— Отличненько, — протянула Кеторин и подошла вплотную к Коулу.

На него пахло едкими цветочными духами с примесью церковного ладана. Захотелось немедленно зажать нос руками.

— Неплохо держишься, охотничек. Хотя признаки вредных привычек на лицо. Вон какие белки красные.

Как она разглядела его белки при таком свете, оказалось для Коула загадкой. Он вот даже не мог разобрать, какого цвета были ее глаза, что уж говорить о белках.

— Ты сможешь его вылечить?

Коул перевел взгляд на мистера Рудбрига, который выглядел куда более озабоченным, чем обычно. Возможно причиной был вчерашний разговор. Он задумался о том, что мог отец Марты знать об Аде (если, конечно, брать на веру, что он действительно был знаком с Чарли). Скорее всего — ничего. Ведь все случилось уже после смерти брата, и тот факт, что мистер Рудбриг не узнал Коула изначально, вполне доходчиво объяснял, что его несколько не интересовали младший брат и сестра погибшего друга.

— Не знаю, — ответ Кеторин вернул Коула в настоящее, — надеюсь, что да. Если же нет, то мы можем попытаться выторговать для него запас этой дряни, чтобы он мог прожить несколько десятилетий. Как думаешь, тебя бы устроила смерть в пятьдесят?

— Ты это серьезно? — выражение его лица выдавало его мнение о Кеторин. И Коулу было приятно знать, что не ему одному не нравится эта женщина.

— Я просто рассматриваю все возможные варианты, — пожала плечами та. — Не воспринимайте все слишком серьезно.

Последние слово она произнесла с толикой издевки в голосе. Мистер Рудбриг хотел что-то сказать, но Марта осадила его.

— Пожалуйста, не начинай.

— Мне она не нравится.

— Это прискорбно. Потому что мне вы очень нравитесь, — если бы ее улыбка могла бы стать шире, то непременно бы стала. Коул все не мог понять, была ли она честна или же насмеялась над мистером Рудбригом. — Давайте выдвигаться, дорога нас ждет долгая. Еще успеем обсудить, кто кому и в какой степени нравится.

Кеторин запустила руку в карман пальто и выудила оттуда два металлических браслета. Обычные тонкие обручи без каких-либо украшений.

— Надевайте, — приказала она и протянула один Марте, а другой — Коулу.

— Это еще зачем? — возмутился тот, не желая принимать ничего из рук этой женщины.

— Затем, чтобы наш маленький принц не сбежал в ночи. Они заговоренные. Не дают возможности отойти от обладателя второго браслета более, чем на два метра. Ты уж извини, мальчик, но я тебе не доверяю.

Марта стянула перчатку и без малейших вопросов натянула браслет на руку.

— Не стану, — отрезал Коул, буравя ведьму взглядом. — Я тебе не комнатная собачка.

— Конечно же нет. Только лучше ты будешь делать, что тебе говорят, по доброй воле, а не против нее. Результат-то один, — от ее жеманной улыбки по спине побежал холодок. — Ну так что? Наденешь? Или мне попросить Марту приказать тебе?

— Ты переходишь границы, — выражение лица Алистера Рудбрига Коул охарактеризовал, как мрачное.

— А их кто-то проводил? — как ни в чем не бывало спросила женщина. Теперь Коул

увидел наглядный пример выражения «косить под дурочку».

— Коул, надень пожалуйста, — вmeshалась Марта. Выглядела она при этом, как человек, который всеми возможными путями пытается избежать конфликта. — Пожалуйста.

Коул глубоко вздохнул и, выхватив браслет из рук Кеторин, резко надел на свое запястье, ощутив при этом легкое покалывание по всему телу. Ничего ведь особо не изменилось, не так ли? Раньше его клеткой был подвал, затем условия улучшились до целой спальни, а теперь его клеткой стала Марта.

— Чудненько. Теперь уж точно можем выдвигаться, — она обогнула машину и открыла багажник. — Ты не забыла то зелье, которое я тебе варила? Не нужно, чтобы в поселении кто-то раньше времени узнал, что ты умеешь колдовать.

Мистер Рудбриг поставил сумку в багажник, стараясь не подходить к Кеторин слишком близко.

— Да, взяла.

Ведьма кивнула и захлопнула багажник. Она обошла машину и вновь заняла водительское сиденье. Завела двигатель и открыла окно с пассажирской стороны.

— Запрыгивайте, ребята. Кстати, пока не забыла: Джуди придет завтра после обеда. Вы ее либо впустите в дом, либо можете пока заниматься в Ведьминой обители. Я ее закрыла на время нашего отсутствия. Не думаю, что Джуди справится с управлением баром.

Коул всегда был именно тем человеком, который засыпал в машине, стоило ей только тронуться с места. Исключением были только те случаи, когда ему приходилось самому садиться за руль. И даже тогда его пределом были три часа бодрствования с перерывом на заправку и кофе. По истечении этого времени он уже клевал носом и гадал, почему не поехал на автобусе.

Тот факт, что Кеторин проехала больше суток за рулем, накачивая себя несчетным количеством кофе и энергетиками, пугал Коула. Лишь пару раз она пустила Марту за руль и немного поспала, когда они выехали на северное шоссе, и, судя по навигатору, который вел их к какой-то заправке, ехать прямо, никуда не сворачивая, нужно было примерно миль сто.

Пару раз они останавливались на заправках, чтобы пополнить запасы кофе для Кеторин и посетить туалет. И каждый раз Коул чувствовал себя максимально некомфортно, ведь Марта буквально сторожила его под дверью. Девушке сие мероприятие, похоже, тоже не очень нравилось, потому что ему приходилось делать тоже самое. Каждый раз, когда он пытался отойти от нее больше, чем на два метра, между ними словно натягивалась невидимая нить и тащила его обратно. Интересно, Марта чувствовала то же самое? Или то была лишь специальная функция для него?

За время пути Коул узнал две вещи. Во-первых, поселение ведьм находилось к каком-то магическом кармане. Что-то вроде складки в пространстве реальности и попасть туда можно из самых разных мест. А то, куда они отправлялись, ближайшее к ним и не особо охраняемое. Примерно так объяснила это Кеторин, а Коул постарался запомнить на случай, если ему эта информации понадобится в дальнейшем.

Во-вторых, Марте ни в коем случае нельзя говорить, что она ведьма и использовать свои силы. Вначале этот факт обрадовал Коула, но Кеторин продолжила объяснять ситуацию, и он расстроился. В крайнем случае Марта могла прибегнуть к своим способностям, но постоянно мазаться каким-то зельем, которое спрячет магический след. Что это такое, Коул так и не понял, но спрашивать не стал, тем более в присутствии Кеторин.

Официально предлогом для их появления в поселении была следующая байка: Коул,

старший брат Марты и наркоман, на одной из тусовок употребил некую субстанцию для сильного прихода, но это, о Боги, оказалась волшебная трава. И теперь Марта, как любящая и глубоко озабоченная судьбой непутевого старшего брата сестра, таскает его по всем ведьмам и гадалкам, чтобы излечить. И конечно же, Коул ни в коем случае не должен говорить, что он охотник, да и вообще ему лучше помалкивать и изображать из себя дурачка.

Пока он слушал словесные излияния Кеторин, его кулаки то и дело сжимались и разжимались, а щеки горели. Он из всех сил боролся, чтобы не придушить женщину. Остановивало его два факта: Марта и то, что Кеторин большее время была за рулем. Наверное, чувствовала, как он взглядом буравит ее затылок через подголовник.

Возможно она говорила и что-то еще, только Коул этого не слышал — по большей части он спал. И счел это за благо, потому что слушать Кеторин не переставая и не испытывать при этом приступы агрессии он не мог. А вот Марта — напротив — разговаривала с ней и даже искренне улыбалась, что не давало Коулу покоя.

К заправке, которая, судя по навигатору, была их конечной точкой, они подъехали к вечеру следующего дня. Но не остановились возле нее, как Коул того предполагал, а свернули на проселочную заснеженную дорогу, ехать по которой было то еще удовольствие. Машину постоянно потряхивало, а Коула мотало из стороны в сторону по заднему сиденью, словно он был теннисным мячиком, а боковины машины — игроками. Пару раз он даже сильно приложился головой, и у него определенно будут синяки на плечах.

Примерно через час или около того дорога кончилась. Перед ними возвышался густой лес.

— Машину оставим здесь. Дальше пойдем пешком.

— Ты шутишь?! — на лице у Марты отразилось недоверие.

— Чрезвычайно серьезна, — ответила Кеторин и заглушила двигатель. — Углубимся немного в лес, разобьем лагерь, переночуем, а с утра пойдем к поселению. Ночью до реки не доберется, только ноги себе переломаем с таким-то снегом.

— Теперь понятно, почему этот вход не охраняется, — протянула Марта, всплеснув руками, — потому что ни один идиот сюда не полезет. Ты не говорила, что нам придется ночевать в лесу.

— Теперь говорю.

— Мы можем поспать в машине, а завтра двинутся в путь, — предложил Коул, потирая ушибленное плечо.

— Исключено. Встать на путь можно только в темноте. Днем ты его просто не увидишь, магический след блекнет под солнечным светом.

— О, мы пойдем вместе с Дороти по дороге из желтого кирпича? — Коул театрально возвысил голос.

Кеторин обернулась к нему и натянуто улыбнулась.

— Что-то вроде того.

— И уьем злобную ведьму в конце? — продолжал паясничать Коул.

— Это специальная функция, ее еще нужно заслужить.

— Что, если я буду хорошим мальчиком, ты позволишь себя убить? Какая неслыханная щедрость! А что будет, если я буду самым хорошим мальчиком?

— Я не отрежу твой язык и не скормлю его Тототке? — предложила Кеторин, пародируя его манеру.

— Прекратите, — буркнула Марта и, отстегнув ремень, выпрыгнула из машины. — Ох!

Коул выглянул в окно. И без того невысокая Марта, казалось, уменьшилась на целую голову.

— Не представляю, как мы пойдем в глубь леса по такому снегу, — возмущалась она, пытаясь влезть на более толстый кусок наста. Получалось у нее это довольно комично: она то и дело проваливалась еще глубже.

Наблюдая за этой сценой, Коул принял решение вылезти с другой стороны, и оказался прав. Там снег был не таким рыхлым и не доставлял никакого дискомфорта.

Марта громко выругалась, а Коул закусил губу, чтобы не рассмеяться. Вот тебе и непобедимая ведьма — со снегом справиться не может. Марта еще какое-то время сражалась со своим природным врагом, а Кеторин тем временем вышла из машины и, открыв багажник, указала Коулу на его содержимое. Там оказались несколько сумок и два спортивных рюкзака, на которых закреплялись спальные мешки. Кеторин взяла один рюкзак, что поменьше.

— Бери все остальное.

— С чего бы это? Моих вещей там нет.

— Значит и спать ты будешь на снегу. Давай пошевеливайся, нужно же отработать плату за помощь.

Марта как раз выбралась из снега и подошла к ним. Выглядела она, мягко говоря, потрепанной. Слабое освещение от багажника не давало разглядеть ее как следует. Она забрала ту сумку, которую вчера принес мистер Рудбриг, и слегка согнулась под ее тяжестью.

— Давайте уже быстрее выдвигаться, а то мне холодно.

Коул тяжело вздохнул и забрал оставшиеся вещи. Придирчивым взглядом он окинул лес, расходившийся от них в разные стороны. Никакой дороги из желтого кирпича не было, точнее ничего, даже относительно похожего на дорогу или хотя бы звериную тропу, видно не было.

Кеторин закрыла багажник, лишив их даже того маленького источника света, и они оказались в тяжелой глухой ночи, которую не пробивал даже самый маленький лунный лучик — настолько небо было затянуто тучами.

— Похоже, будет снегопад, — задумчиво протянула она, изучая небо. — Даже не знаю, хорошо это или плохо.

Они углубились в лес, идя без малейшего источника света. В такой темноте Коул не видел дальше собственного носа, а Кеторин каким-то чудесным образом умудрялась их вести вперед. Если у нее и были ориентиры, Коул их не заметил. Его предложение воспользоваться фонарем было отвергнуто, как глупое.

— След действительно очень слабый, — сказала Марта и указала ему куда-то в кромешную тьму впереди. — Свет будет только мешать.

Снег шуршал под ногами — местами наст не выдерживал, и ботинки утопали в сугробах. Коул замерз, его носки были мокрыми, а кожу на лице так стянуло, что казалось, она вот-вот лопнет. Коул никогда не любил зиму. Мама в детстве даже называла его тепличным растением, настолько сильно он не переносил мороз. Был даже год, когда он прикидывался смертельно больным всю зиму, лишь бы не ходить в школу по снегу. Прокатило лишь пару раз, а потом отец, взяв его за шкурку, чуть ли не волоком отволок в школу.

— Долго нам еще идти? — не выдержал и спросил Коул, когда пальцы на его ногах

замерзли настолько, что он их уже не чувствовал. Получить обморожение из-за ведьм в его планы совсем не входило.

Мороз, снег, лес. Все, что он не любил, в одном месте. Просто Бинго! Какова вероятность, что на них нападут какие-нибудь звери? Медведи там или волки? Вокруг городов их обычно не бывает. Насколько большое поселение ведьм? Достаточно ли оно большое, чтобы отпугивать хищников?

— Пройдем еще немного, а потом остановимся и разобьем лагерь, — голос Кеторин был неровным, перебивался тяжелым дыханием.

То, что для Кеторин было «пройдем еще немного», для Коула оказалось невыносимым. Он шел, чертыхаясь на каждом шагу, и мысленно проклинал все, что видел. А видел он не много: Кеторин, снег, деревья и Марту. Он бы еще и луну проклинал бы, но та спряталась за облаками и не желала показываться.

В итоге Кеторин решила остановиться только тогда, когда небо разразилось снегом, как будто его и так было недостаточно. А так как ему было холодно, он устал, и вообще ему все надоело, то палатку он собрал сам. Смотреть на то, как Марта крутит в руках стержни каркаса, не понимая, зачем они нужны, возможно и было бы забавно, но не в нынешних обстоятельствах, когда ее оторванность от «природного мира» стояла между ним и относительным теплом.

— Ты ведь никогда не была в походах? — спросил он у нее, забирая короткие стержни и интуитивно собирая их в один длинный.

— Нет. Я не большой любитель отдыха на природе. Лес, речка и комары — не мое, — ответила Марта, отойдя немного в сторону, освобождая ему место для маневра, когда он начал вдевать длинный прут в нужную прорезь. — Я за цивилизованный отдых возле бассейна с той установкой, которая отпугивает комаров. Не помню, как она называется.

— Понятно. И в походы ты с классом не ходила, и в летние лагеря тоже не ездила, — подвел итог Коул. Для него подобное было немного странным, ведь они с Адой годами не вылазили из летних лагерей, смену за сменой, пока сестре не взбрело в голову, что для «леди» такое поведение неприемлемо.

— Мама не любила отправлять меня куда-то одну, — призналась Марта, растирая замерзшие руки в перчатках. — А я не особо просилась. В школе я никогда не была душой компании, держалась особняком.

— О, неужели над маленькой ведьмой издевались? — Коул собрал второй прут и принялся вдевать и его.

— Нет. Никогда такого не было. Я просто не общалась с ними и все. Даже не знаю, как это назвать. Я никогда не любила детские игры и подобного рода времяпрепровождение. А когда начались вечеринки, я считала себя выше этого. Всегда спрашивала себя: «Эй, ну что ты там забыла? Будешь пить чай в сторонке, пока другие упиваются до бессознательного состояния?»

— Теперь понятно, — Коул принялся закреплять палатку, но в снегу это было задачей со звездочкой. — Я знаю, как это называется: бабуля в теле молодой девушки! Чересчур ответственная и слишком рациональная. Твой ментальный возраст восемьдесят, не так ли?

— Наверное, — хохотнула Марта. — Хотя мне иногда кажется, что он уже давно перевалил за сто двадцать.

— Стареешь, — усмехнулся Коул, вытаскивая упавшую ветку, чтобы положить на один край палатки. Закрепить ее крюками он так и не смог, так что с одной стороны пришлось

привязать к дереву, чтобы ту не унесло ветром, когда они будут спать.

Пока Коул собирал палатку, Кеторин разложила костер, если это можно было так назвать, потому что увидеть горящую металлическую пластину он был точно не готов. То был небольшой круг, на котором горел огонь, и Коул не знал, как реагировать. С одной стороны он чертовски замерз, с другой — магический огонь, черт возьми! Неужели они не могли разложить обычный? Собрать парочку веток и поджечь? Разве это так сложно?

Кеторин приготовила всем чаю и достала из своего портфеля бутерброды с ветчиной и каким-то странным на вкус соусом. Коул был голоден, а потому съел без каких-либо возражений. Он уже начинал чувствовать тот самый голод, и ему это не нравилось. Сколько еще дней он продержится без новой дозы? Неужели все было зря?

— Ох, Ада, — сонно пробормотал он, сидя на поваленном дереве у костра.

За время «заточения в башне» он отвык от физической нагрузки, и события последних дней умотали его. Коул клевал носом, попивая свой горячий чай, который согревал его изнутри, еще больше настраивая на сон. Когда Марта потрясла его за плечо и предложила пойти в палатку, он тут же последовал ее совету и побрел туда, где его ждал спальный мешок.

Еще никогда в жизни Марте не было так сложно проснуться. Веки слиплись и не хотели подниматься, в глаза как будто песка насыпали, а во рту стоял привкус желчи. Чувствовала она себя мягко говоря паршиво, словно ее пропустили через соковыжималку и оставили лежать на холодной земле. Хорошо, что оставили большую грелку, которая приятно подогрела ее правый бок.

Погодите, откуда взялась грелка?

Марта все-таки разлепила глаза и уставилась на брезентовый потолок. Сонным мозгом пытаясь проанализировать происходящее, завертела головой из стороны в сторону. Она были в палатке, в лесу. А теплой грелкой оказалась Коул, к которому она прижималась в поисках тепла. Кеторин в палатке не было.

Девушка откатилась в сторону от Коула, утягивая за собой и свой спальный мешок. Коул что-то вяло и протестующе пробормотал, но не проснулся. Слава богу!

Ну и дура же она! Это ж надо было — устроится под боком у человека, который пытался ее убить. Марта растегнула молнию на спальнике и вылезла из него, осматривая содержимое палатки на наличие ботинок. Они оказались возле клапана, ведущего наружу, вместе с сумкой с ее вещами и вещами Коула.

Марта не помнила, как вчера вернулась в палатку и расстелила спальник после посиделок с Кеторин у костра. Она чертовски устала и замерзла ничуть не меньше, а возможно и даже больше. Так что ничего удивительного не было в том, что укладывалась она спать чисто интуитивно на режиме автопилота. И то, что улеглась к Коулу под бок, тоже этим объясняется. Усталость отключила ее инстинкт самосохранения — все понятно.

Покопавшись в сумке, она нашла греющие вкладыши для обуви и, вложив их в свои дутые сапоги, быстро обулась, чтобы не отморозить пальцы. Вкладыши были действительно очень теплыми, и она тут же почувствовала себя немного лучше. Хотя мозг все еще работал достаточно вяло.

Накинув растегнутый спальник на плечи и натянув шапку по самые уши, Марта вылезла из палатки, сразу же закрыв за собой клапан входа, чтобы не выпустить то небольшое тепло, что было в палатке.

Уже практически полностью расцвело, Марта посмотрела в ту сторону, где виднелся магический след. Кеторин была права — днем его было практически невозможно различить.

Марта подошла к пластине с огнем и села на дерево, поваленное рядом. За ночь снега намело прилично, и теперь вокруг пластины были сугробы и заледеневшая вода там, где снег таял, соприкоснувшись с огнем. Какая это все-таки отличная вещь — огонь. Особенно когда вокруг такой холод.

Марта сонным взглядом окинула их небольшой лагерь, ища Кеторин. Вот только той нигде не было видно. Собственно как и ее вещей. Да и следов на свежем снеге, если не считать тех, что оставила Марта, не было.

Кеторин ушла давно, еще ночью. И вещи свои она забрала с собой.

— О Боже, — выдохнула Марта, неверящим взглядом осматривая все вокруг, надеясь, что глаза ее спросонья не видят всего и что она просто заблуждается. Она даже несколько раз моргнула и ущипнула себя, чтобы проверить, не сон ли это.

Но ничего не менялось. Кеторин действительно ушла, оставив их с Коулом в лесу.

Глава 23. В лесу

Коул буквально вывалился из палатки. Ноги его дрожали, как у новорожденного олененка, и он едва ими перебирал. Так еще и в голове была какая-то каша: в этот момент свой мозг он мог сравнить только с разварившейся овсянкой; наверное потому, что безумно хотел есть — вчерашних бутербродов ему явно было недостаточно.

Марта, сгорбившись, сидела на бревне у костра, закутавшись в спальный мешок. Коул подошел к ней и сел рядом.

— Есть что поесть?

— Нет, — ответила Марта, не отрывая взгляда от телефона в руках.

— Прискорбно, — буркнул Коул. — Что с ним?

— Сдох, — односложные ответы Марты были какими-то странными. Она и раньше не была особо разговорчивой, но все вкуче: манера разговаривать, напряженные плечи, нахмуренные брови и рассеянный взгляд, — насторожили Коула.

— Что произошло? И где твоя подружка? — спросил Коул, оглядывая их лагерь.

— Ее здесь нет, — нервно хохотнула Марта и, вскинув голову, посмотрела на Коула. — Черт!

— Она что, нас кинула?

Марта закатила глаза и рассмеялась.

— Больше похоже, что нас заманили в ловушку, — она потрясла перед его лицом рукой с браслетом. — Он не снимается. Телефон разряжен. И я без понятия, куда идти. Сомневаюсь, что тащиться к ведьминской деревне теперь будет разумным. Наверное, нам стоит вернуться на ту заправку и попытаться вернуться домой.

— Хм... сомневаюсь, что мы сможем вернуться к ней. Я без понятия, куда идти, — Коул осмотрелся по сторонам: вокруг был лишь нетронутый снег. — Ты все еще видишь дорогу к ведьмам?

— Это не дорога.

— Не умничай, — Коул посмотрел ей прямо в глаза, вкладывая в этот взгляд все свое негодование. Если так подумать, то в этой ситуации они оказались только по вине Марты.

— Я не умничаю. Это след, — натолкнувшись на полное непонимание, Марта скривила губы, словно попробовав что-то кислое, и задумалась, подбирая другое объяснение. — Сгусток света. И да, я все еще его вижу.

— Значит она и об этом соврала, — подвел итог Коул. — Хотя доверять женщине, которая подсунула мне кошачью шерсть вместо защиты — было глупо.

— Я не собираюсь обсуждать с тобой свои умственные способности, — едко сказала Марта и, вскочив на ноги, принялась наворачивать круги вокруг магического костра — то ли пытаясь согреться, то ли не в силах сидеть на одном месте, а возможно и из-за всего сразу.

— Жаль. Потому что у меня накопилась уже много замечаний.

— Вот и оставь их при себе.

Она все кружила и кружила, поднимая хлопья снега. И от этого у Коула уже начало рябить в глазах. Как будто начинающего разгораться света солнца и блестящего снега было мало.

— Прекрати и сядь. Мешаешь думать, а нам по-любому нужно решить, что делать. Не хочу замерзнуть до смерти, а потом с того света наблюдать, как волки грызут мое тело.

— Да что тут думать? Нам нужно возвращаться.

— Повторяю, у нас нет никаких ориентиров! Мы просто потеряемся в лесу!

— Я должна вернуться, — не унималась Марта.

— Это еще почему?

— Мегги, — ответила Марта, и остановившись, посмотрела на Коула так, словно он был самым тупым человеком, которого ей доводилось встречать в жизни.

— Нет. Пойдем на этот ваш волшебный свет. Возможно есть еще один путь. Всяко лучше, чем бесцельно плутать по зимнему лесу.

— Это может быть ловушка...

— Даже если так, ты что, хочешь замерзнуть насмерть? Или чтобы тебя съели волки?

— Сомневаюсь, что они здесь есть.

— То, что ты их не слышишь, не значит, что их нет. Нам нужно выдвигаться, и мы пойдем к ведьмам, как бы мне не претила эта мысль.

— Коул...

— Не спорь, ты ведешь себя неразумно. Ты нас в это втравила. И дураку понятно, что сама вырुлить ты не сможешь. Так что послушай меня: мы собираем вещи и идем на шабаш, а там уже будем решать проблемы по мере их поступления. Мы связаны, — он потряс браслетом, — и действовать мы должны общими усилиями и никак иначе. Согласна?

Марта неуверенно кивнула, плотно сжав губы. Да уж, такого утречка Коул не ожидал. Собственно как и предательства Кеторин. Надо же, бросила их в лесу. Он считал ее ведьмой, которая дурит охотников ради защиты своих. А теперь? Она бросила свою, такую же ведьму. Он просто не мог понять, что творится в голове этой женщины и что их ждет дальше. Если их заманивали в ловушку, то с какой целью?

Мысли роились в его голове, пока он убирал палатку и перебирал содержимое сумок, составляя список того, что у них есть. А полезного у них не было практически ничего, кроме палатки, его личной дозы «вкуснятинки» и несчастного котелка, а еще того странного металлического диска, который извергал огонь. Насколько же щедрой была Кеторин, что решила оставить его им? Вот только Коул не имел не малейшего понятия, как взять его с собой. Оставалось только надеяться, что Марта умела с ним обращаться. Потому что пока от нее толку было мало. Она все время сидела у костра, смотря перед собой, и было видно, что мыслями она была где угодно, но только не здесь.

Он дал ей котелок и предложил растопить в нем немного снега. Марта, конечно, котелок взяла, но выглядела при этом так, словно он дал ей коровью лепешку и предложил съесть. А когда он сказал, что получившуюся воду они будут пить... О, лицо Марты нужно было видеть! Коул согнулся пополам от смеха.

Марта насупилась, подумав, что это он просто над ней подшутил, а она купилась ему на потеху. Когда же поняла, что не шутил, насупилась еще больше, и Коулу стоило больших усилий не засмеяться снова. Эта ведьма и реальный мир шли параллельными дорогами и, похоже, никогда не пересекались.

Однако пить талую воду Марта не стала. Коул не знал, были ли это принципы или банальная брезгливость, но придерживался мнения, что к концу вечера ей придется пересмотреть свое отношение к происходящему. У них не было ни еды, ни воды, если не брать в расчет снег. А сколько им идти до поселения, Коулу оставалось только гадать — он этого света и в помине не видел. Неудивительно, что наставник ничего не говорил о больших поселках, они всегда охотились на одиночек.

В путь они двинулись где-то через час, судя по наручным часам Марты. И прихватили с собой тот магический диск. Оказалось, его нужно было сложить пополам, чтобы пламя потухло, а потом раскрыть вновь для получения огня. Удобная штука, ничего не скажешь: не нужно ходить по лесу в поисках хвороста, а потом еще думать, чем его поджечь. Выбивать искру Коул не умел, а спичек Марта взять не додумалась. Хотя возможно они были у Кеторин, и та забрала их с собой.

По большей части шли они молча, чтобы не выпускать тепло из себя. Точнее Коул внушал себе, что именно поэтому они молчат, а не потому, что им совершенно не о чем разговаривать. Он бы мог спросить о Чарли, но все еще был не готов услышать ответ. Так что тему брата он и не думал поднимать, а больше говорить было не о чем, кроме как о вероломном поведении Кеторин, но в этом смысла было не больше, чем в обсуждении погоды. Оба знали, что их предали, и обоих злил этот факт.

Так что шли они молча в неизвестном для Коула направлении. Марта вела его, и ему оставалось только надеяться, что она знает, куда идет. Было чертовски холодно, и к обеду Коулу безумно захотелось есть, вот только еды не было, да и охотник сейчас из Коула был не ахти. Из ружья он стрелял хорошо, с пистолетом дела обстояли еще лучше, с арбалетом были некоторые проблемы — для него он был слегка тяжеловат. Но вполне мог бы подстрелить какого-нибудь зайца, и они поджарили бы его на костре. Вот только под рукой не было ни ружья, ни пистолета, ни арбалета, ни даже самого старого ржавого ножа.

Коул шел, мысленно перебирая все произошедшее за последнее время.

«Ох, яйца, как же я по вам скучаю»

— Думаешь, она подсыпала снотворное в тот странный соус в бутербродах? — спросил Коул, когда мысленно дошел до вчерашнего вечера. И вспомнил, как резко ему захотелось спать.

— Я не ела бутерброды, — сиплым голосом ответила Марта. — Только чай.

— Думаю, снотворное было и там, и там, — предположил Коул. — Женщины — опасные создания.

Марта хмыкнула.

— Она вполне могла нас отравить, но не сделала этого. Значит, мы ей нужны. Вопрос только один — для чего?

— А вариант, что она просто решила над нами поиздеваться, тебе не нравится?

Марта посмотрела на него через плечо снисходительным взглядом и продолжила путь.

— Только не надо так на меня коситься.

— Как?

— Словно я самый глупый человек на свете. Каждый раз, когда ты закрываешь глаза, хочется зарядить тебе подзатыльник.

— Я не закрываю глаза!

— О, поверь мне: ты делаешь это почти постоянно. Словно люди вокруг тебя какие-то не такие... низший сорт! И тебя это так сильно огорчает, как и то, что ты никак не можешь им помочь, поэтому снисходительно закрываешь глаза и поджимаешь губы.

Марта резко остановилась и развернулась к нему лицом.

— Я так не делаю, — она чеканила каждое слово, буравя Коула недовольным взглядом.

— Делаешь! Еще как! Даже сейчас у тебя взгляд: «Боже мой, я наступила в прелый виноград! Мои дорогие слуги, смойте его!»

— Идиот! — воскликнула Марта и пошла дальше, тяжело топая по снегу.

Марта злилась. Злилась буквально из-за всего. Ее раздражал снег под ногами. Ее доконал этот чертов мороз, ей казалось, что в конце пути, где бы они не оказались, ее придется отрезать пальцы рук и ног, потому что они отмерзнут настолько, что пользоваться ими будет уже нельзя. И ее это злило. Ее бесил Коул с его едкими замечаниями. Он то и дело указывал ей на то, что она какая-то неправильная, да еще и на то, что позволила себя обмануть.

Ох, Кеторин! Когда они встретятся — потому что никакого «если» быть не могло, ведь они непременно встретятся — так вот, когда это случится, она самолично свернет ей шею и будет наслаждаться хрустом ломающихся костей.

Кеторин нажила себе врага. Марта никогда не простит ей такого. Оставить ее одну в лесу с человеком, который уже не раз пытался ее убить. И не просто оставить, а привязать к нему. Марта уже не единожды пыталась снять браслет, но безрезультатно. И это тоже ее злило.

А самой высшей точкой кипения, мыслью, от которой Марта не могла отделаться, да и не хотела особо, была Мегги. Мегги, которая находилась сейчас очень далеко. Осознание того, что, если с сестрой что-то случится и Марта об этом не узнает и не сможет помочь, гложило ее. Ей хотелось кричать. Сравнить этот чертов лес с землей. Но она продолжала идти к магическому следу, толком не зная, что ждет ее там.

Ее мир снова перевернулся вверх тормашками, накалив ее нервы до предела. А голод и холод лишь еще больше распаляли ее ярость.

Они шли, пока солнце не начало клониться к горизонту. К этому времени Марта практически выбилась из сил и замерзла так, как не замерзала никогда в жизни. Ее обувь была мокрой, как и штаны, как и перчатки, как и куртка, как и свитер. Ветер пробирал до костей. И за все это время они ни на йоту не приблизились к магическому следу. Он все так же мерцал вдалеке между деревьями.

Коул предложил разбить лагерь возле старого высокого дуба, чтобы можно было привязать к нему палатку, и Марта согласилась — все равно других вариантов у нее не было. А спорить из-за того, будет палатка привязана к дубу, сосне или иве, ей совершенно не хотелось.

Охотник поставил палатку, и они решили положить огненный диск внутри нее, надеясь, что тот не подожжет их не самое лучше укрытие от начинающейся бури. Марта разделась и попыталась развесить вещи в палатке, чтобы те хоть немного просохли. Коул последовал ее примеру. Хорошо, что Марта взяла с собой немного сменной одежды, в которую они смогли переодеться.

В палатке было относительно тепло из-за пламени огня и безумно влажно из-за мокрых вещей. Марта закуталась в спальник и уселась рядом с огнем, стараясь не думать о еде. Получалось с периодическим успехом.

— Не хочешь поговорить? — спросил Коул, придсев рядом с ней.

— О чем? — устало отозвалась Марта. — О том, какая я неприспособленная к жизни? По-моему, ты уже много чего наговорил на эту тему.

— Не обязательно об этом, — Коул прикрыл глаза и вытянул руки, чтобы погреть их над огнем. — Просто поговорить о чем-нибудь, чтобы скоротать время. К примеру, давай я у тебя что-нибудь спрошу, а ты ответишь — и так по кругу.

Марта кивнула, но, поняв, что Коул этого не видел, произнесла:

— Хорошо.

— Ты в порядке?

— Да.

— Ты знала, что, когда у тебя шалют нервы, ты скатываешься до односложных ответов? — Коул повернулся к ней и открыл один глаз.

— Не знала, что ты заделался моим психоаналитиком, — усмехнулась Марта.

— И что? У тебя такой был?

— Да.

— И? Можно немного подробностей? Не хочу думать, что сижу в лесу с женщиной, у которой шарики за ролики заехали.

— В детстве. Я уже всего не помню. Вроде бы я постоянно плакала, когда отец приближался ко мне или что-то подобное. Мама ничего не предпринимала, а отец и подавно. Так что в какой-то момент мадам Рудбриг все это надоело, и она втихую начала водить меня к психоаналитику, — пояснила Марта после некоторых раздумий.

— Мадам Рудбриг?

— Моя бабушка.

— Так бы и сказала. Зачем так официально называть собственную бабушку? Слово она тебе посторонний человек.

— Привычка. Мама так ее называла, вот и я переняла манеру, — пожала плечами Марта, чувствуя, как начинает понемногу согреваться.

— Все-таки ты странная. А что там с твоим врачом? — спросил Коул немного придвинувшись к ней. Марте показалось, что движение было неосознанным. Он просто искал тепла. Она же постаралась не обращать на это внимание.

— Хм... если я правильно помню, я посетила не больше трех консультаций, прежде чем мама узнала об этом... собственно на этом все и закончилось.

— Помогло? — спросил Коул. — И только попробуй вновь бросить на меня свой недовольный взгляд.

— Не особо. Мне не нравилось ходить к мозгоправу, и скандал, последовавший после, мне тоже не понравился. Знаешь, моя мама никогда особо не кричала: она просто смотрела осуждающим взглядом, а ты понимай, как хочешь. Точнее, она не кричала на меня и Мегги, а вот на отце она временами отыгрывалась дай боже.

— Теперь понятно, от кого у тебе этот взгляд, — Коул нервно хохотнул и стукнулся коленом о ее колено.

Марта поджала губы.

— Ты будешь меня слушать или будешь и дальше обсуждать мою мимику? Что поделать, если у меня такой взгляд? Не смотреть на тебя? Завязать глаза повязкой? И нет, я не считаю тебя тупым, если для тебя это так уж важно. Просто у меня такой взгляд. Смирись и живи с этим.

— Ну ты и разошлась. Мне кажется, будь у тебя под рукой сейчас что-то тяжелое, ты непременно запустила бы мне этим в голову, — Коул продолжал улыбаться. И от этой улыбки Марта чувствовала себя странно. На ее памяти он впервые так много улыбался.

— Знаешь, до недавнего времени я и не думала, что ты такой балабол, — усмехнулась Марта и отвернулась к огню, не в силах смотреть на Коула.

— Что есть, то есть, — в голосе мужчины слышались те же смешливые нотки. — И чем закончилась твоя уморительная история о постановке мозгов на место?

— Ничем особенно, я просто начала давить в себе всякие эмоции по отношению к отцу, чтобы не нарваться на очередной скандал, — пожалала плечами Марта и тяжело вздохнула. — Как видишь, с периодическим успехом у меня это получается.

— Даже интересно, что такого мог сделать мистер Рудбриг, чтобы вызвать у своего ребенка панический страх, — рассеянно пробормотал Коул и чихнул.

— Страх? — Марта подняла на него удивленный взгляд. — Я никогда не испытывала к нему страха. Опасаться его, бояться того, каким будет его мнение — да. Даже когда я, мягко говоря, поступала неправильно и боялась, что он мне всыплет по первое число, чего он, кстати, никогда не делал, я никогда не испытывала к нему панического страха. Это нечто другое. Каждый раз, когда я рядом с ним, в моей груди словно открывается бездна. Тоска. Одиночество. Пустота. Вот, что я чувствую, но не страх. И знаешь, что самое странное: после маминой смерти стало чуточку легче, словно кто-то приоткрыл кран, и в эту бездну начала сочиться вода, понемногу заполняя ее.

К глазам подступили слезы, и Марта до боли закусила нижнюю губы, давя их в зародыше. Плакать перед Коулом она не станет, хоть ей и казалось, что сегодня он не станет ее осуждать.

— Высокопарные слова, — протянул он и откинулся на руках назад. — Но суть я уловил. Это похоже на то, что я испытал после смерти Ады. Словно от меня оторвали кусок, и я уже никогда не стану прежним.

В его голосе звучала та самая застарелая тоска, которую Марта хорошо знала, ведь жила с ней всю жизнь.

— Ада была твоей девушкой?

Коул непонимающе уставился на нее.

— Ты звал ее в бреду и просил простить тебя. Я подумала, что вы поругались перед ее смертью или...

— Ада — моя сестра, — перебил ее Коул. — Сестра-близнец.

— О как...

— И да, она умерла, и я не хочу обсуждать с тобой это.

Марта ощутила себя, как человек, в руках которого захлопнулась шкатулка, чуть не прищемив пальцы. Ей даже показалось, что она услышала хлопок, с которым Коул закрылся от нее, разорвав то ощущение покоя, которое окутало ее совсем недавно. И в этом было нечто странное. Она и подумать не могла, что именно Коул Томсон вызовет у нее такие чувства.

Он вскочил на ноги, пригибая голову, чтобы не цепляться за крышу палатки. Коул не смог бы выпрямиться во весь рост даже если бы захотел.

— Пойду наберу снега, теплая вода немного притупит чувство голода.

Все еще не совсем пришедшая в себя, Марта просто кивнула ему и пошла расстилать свой спальник.

Проснувшись Марта в еще более странной позе, чем вчера. Она буквально забралась на Коула, обхватив его руками и ногами, как обезьянка. Медленно, очень медленно, Марта подняла голову, чтобы посмотреть ему в лицо.

Дышал он ровно, и глаза под веками вроде тоже не двигались. Марта пришла к выводу, что он спит. Она вздохнула от облегчения и откатилась в сторону. Похоже, вчера она так и уснула в расстегнутом спальнике. Марта никогда не любила спать в тесноте, ее главным принципом всегда было «чем больше кровать, тем лучше». Оставалось только надеяться, что

Коул никогда не страдал чутким сном и не станет попрекать ее тем, что она делала в бессознательном состоянии.

Коул проснулся уже после того, как Марта надела на себя все еще не просохшие вещи. Похоже, с мыслью о сухой одежде в ближайшее время стоит попроситься. Коул брезгливо кривился, когда одевался, но ничего не сказал. Позавтракали они теплой водой, что на фоне полного отсутствия еды уже вторые сутки показалось Марте роскошью. Еще со вчерашнего вечера она испытывала легкую тошноту и боялась, как бы легкое недомогание не превратилось в лихорадку или еще что похуже.

В путь они двинулись едва рассвело. Ночью снега навалило еще больше, словно у неба появились излишки, от которых следовало избавиться как можно скорее. Им приходилось пробираться по свежим сугробам, то и дело увязая по колено, а то и выше. Как-то раз Марта даже провалилась по самую шею, и снег попал ей за шиворот. Она проклинала все на свете: свой маленький рост, Кеторин, которая обрекла ее на подобный турпоход, Коула, который пытался достать ее, но лишь закапывал в снег. В итоге, когда он ее достал, она уже чуть не плакала от злости и собственной беспомощности. Хотелось буквально спалить этот чертов лес дотла, и ей казалось, что она вполне была способна на это. Достаточно лишь посильнее ее раздраконить, довести до нужной кондиции.

Марта решила, что, если с ней случится нечто подобное еще хоть раз, она превратит это место в огромный камин — и все равно, на что ради этого придется пойти. Зато ей будет тепло!

К источнику магического следа они пришли, когда солнце было уже в зените. Электронные часы Марты отказались работать еще утром, когда они двинулись в путь, а снежное купание их и вовсе доконало.

Марта рассеянно думала о неработающих часах, о пожаре в лесу, о своих злоключениях, смотря на пустой берег реки. От земли, припорошенной снегом, поднимался магический след. И все. Никакого поселения, никакого входа. Да даже пещеры, в которой могли бы жить ведьмы, не было. Просто река или скорее даже ручей, потому что до противоположного берега было не больше десятка футов, а то и того меньше.

— Мы пришли, — не веря собственным глазам, произнесла Марта.

Запыхавшийся и уставший Коул смотрел по сторонам. Наверное, для него происходящее было еще более неоднозначным, ведь он не видел светящейся земли у них под ногами.

— Возможно все не так плохо, и мы просто наткнулись на поселение ведьм-невидимок, — он старался говорить непринужденно, вот только глаза его выдавали и рушили всю наигранную непринужденность, как карточный домик.

— Или лилипутов, — решила подыграть ему Марта, чувствуя как ее начинает захлестывать паника. Она шла сюда, хотя вполне могла вернуться домой. Боже, может Коул был прав, и она действительно скудоумная? — Аккуратнее, а то еще раздавишь ведьмину-королеву.

— А что, у ведьм есть королевы?

— Не знаю, — пробормотала Марта, смаргивая злые слезы. — Но ты все равно аккуратнее, а то мне совсем не хочется выгораживать тебе перед стражей, если такая есть.

— А у тебя отличное воображение. Маленькое поселение ведьм в магическом кармане ты превратила в целое королевство с королевой и стражей. Надеюсь, у них будет сексуальный премьер-министр. Пусть это будет брюнеточка с голубыми глазами, которая будет передвигаться на метле.

— Нехилые у тебя запросы... — усмехнулась Марта. — Подожди... в каком таком кармане?

Коул присел на корточки и скинул с себя поклажу.

— Ну помнишь Кеторин в машине все распиналась о том, что нам нужно попасть к неохраняемому входу в поселение. А поселение расположено в каком-то магическом кармане... хотя она выразилась как-то иначе, но сути-то это не меняет.

— Складка, — рассеянно пробормотала Марта, мысленно перебирая все, о чем говорила Кеторин. — Поселение и не должно здесь находиться! Здесь должен быть вход!

Сама от себя не ожидая, Марта начала кричать.

— Поселение находится в складке — пространстве, образующемся меж материальных слоев, — она рухнула на колени и принялась ползать по снегу, ища место, где магический след был бы ярче. — Магический карман. И нам нужно найти в него вход.

— Только если она не соврала, — мрачно сказал Коул, косо поглядывая на Марту.

Ее воодушевление как-то разом пропало. К Кеторин у нее больше не было доверия. Она ведь и правда могла соврать и просто заманить их сюда. Вот только зачем?

Пока Марта елозила по снегу, Коул собрал палатку и разложил магический костер. Было принято решение, что сегодня они не двинутся в обратный путь. Солнце уже клонилось к горизонту, и никто из них не желал блуждать в темноте в лесу. Хотя возле реки и было холоднее, они все же решили остаться там. Марта хотела узнать, изменится ли магический след с наступлением темноты.

Пока Марта сидела на бревне возле палатки, закутавшись в свой спальник и бесцельно смотря на магический след, с которым не происходило ровным счетом ничего, Коул нашел куст засохшей ежевики и обломал с него веточки вперемешку и сухими ягодами. И Марта была ему безмерно благодарна, когда он сунул ей в руки котелок с темной жидкостью, в котором плавали разбухшие от воды ягоды. Марта выпила и съела все. Не весть какая еда, но от нее ей стала немного лучше.

Они заваривали такое подобие чая еще несколько раз, передавая котелок друг другу. До этого «турпохода» Марта и подумать не могла, что будет есть и пить с Коулом из одной тарелки, да и то, что придется спать с ним в одной палатке, тоже ей в голову не приходило.

— Слушай, я вот что подумал, — начал Коул. Сидя рядом с ней, он так же кутался в свой спальник, — ты могла бы наколдовать нам еду или, скажем, сухую одежду?

— Никогда не пробовала. За всю свою жизнь я использовала магию не больше десяти раз, и большая их часть приходится на последние недели.

— Может попробуешь?

— Это же насколько ты отчаялся, что просишь меня наколдовать еды? — усмехнулась Марта и посмотрела на Коула.

В свете закатного солнца он выглядел изможденным. Под недельной щетиной резко проступили скулы, а в мешках под глазами вполне можно было хранить овощи. В уголках губ залегли морщины, да и сами губы были странного немного синюшного цвета. Если так выглядел Коул, то как должна была выглядеть Марта? Она обрадовалась, что под рукой у нее не было зеркала: ей точно не хотелось бы видеть, в каком плачевном состоянии была она сейчас.

Вот только Коула к тому же еще била мелкая дрожь. Марта всем телом ощущала исходящую от него вибрацию.

— Тебе нужна новая доза, — поняла она.

— Пока нет, но нас ждет не самый приятный путь назад, и я не хочу умереть с голода, раньше чем распну эту суку на дыбе.

Марта хохотнула, и котелок в ее руках затрясся.

— Приятно знать, что не меня ты хочешь распнуть на дыбе. Давно надо было переключить твое внимание на кого-то другого.

Коул ничего не произнес, просто хмыкнул, а Марте оставалось только гадать, что именно означал этот жест.

Марта услышала, а потом уже почувствовала всплеск магической энергии. Что-то произошло с землей, она начала ярко светиться. Все вокруг затопило теплым светом, словно миру подкрутили насыщенность. А затем на поляне появилась фигура. Это определенно был мужчина в белой шубе и железными ведрами в руках.

Коул вскочил на ноги и схватил валявшуюся на земле ветку. Марта осталась сидеть там, где и была, во все глаза смотря на мужчину. Тот обернулся к ним и удивленно уставился на странную парочку у костра.

А Марта обомлела. Она видела это лицо. Точнее, она видела более молодую версию этого лица. А если совсем точно, то она знала женщину, у которой было точно такое лицо.

— Джуди, — едва слышно произнесла она, и ее голос потонул в завывании ветра.

Глава 24. Память с привкусом соли и пепла

Терра заклеила очередную коробку с книгами и выпрямилась. Спина нещадно болела. Еще бы — упаковать целую огромную библиотеку в картонные гробики. Когда книги стояли на полках, ей не казалось, что их было много. Ей не казалось, что их было до безумия много. То были книги, которые радовали глаз. Терре нравилось ходить вдоль полок, ведя ногтем по корешкам, и составлять списки того, что и когда она прочитает.

Эх, списки. Терра больше любила составлять эти списки, чем читать книги из них. А вот Алистер любил читать. В том, что на этих полках не осталось ни одной книги, которую он бы не прочитал, она была уверена. Наверное поэтому он и не помогал ей упаковывать книги: в библиотеку он зашел лишь раз, тоскливо осмотрел владения теперь уже другого человека и вышел. То было три дня назад, и за все это время Алистер ни разу не вошел в библиотеку.

Конечно, приходил Чарли, помогал переносить коробки в коридор, так как место на полу стремительно заканчивалось. Кроме Чарли помогать было некому, слуг не осталось. Вчера вечером уехал садовник, предварительно составив списки того, что необходимо для поддержания сада. Но Терра была уверена, что это последнее лето, когда, выглянув из окна, она увидит плодоносящие деревья и цветущие цветы. Ими просто некому заниматься. Девушка не могла представить Мадам Рудбриг в соломенной шляпе и с лейкой в руках.

Сад загнетса. Но стоит ли переживать о саде, если им скорее всего придется вскоре покинуть поместье?

Терра чувствовала, как в доме с каждым днем растет напряжение пропорционально тому, с какой скоростью выносятся вещи за его порог. Раритетные машины мистера Рудбрига были проданы с молотка за бесценок. Остался лишь форд и мотоцикл Алистера. И если относительно первого Терра была равнодушной, то вот второй с радостью продала бы сама. Удивительно, что до него ни у кого пока не дошли руки. Будь ее воля, мотоцикл оказался бы первым на продаже. Мебель из неиспользуемых гостевых спален и картины также покинули их. Было даже непривычно идти по коридорам и видеть выгоревшие пятна на стенах там, где раньше висели произведения искусства.

Терра была сторонним наблюдателем развершейся катастрофы, и ей хотелось выть от беспомощности. Она смотрела, как рушится ее привычный мир, и ощущала себя одинокой. Никто не спрашивал ее мнения, никто не делился с ней своими тревогами. Семья Рудбригов замкнулась в своей проблеме, а Терра оказалась на периферии. Она и раньше чувствовала себя в этом доме чуждой, но именно в тот период все чувства обострились.

И даже присутствие Алистера не могло сгладить углов. Сейчас ему определенно было не до маленькой Терры и ее чувств. Он решал вопросы семьи и пытался уберечь ее от краха. Терра отчетливо видела, что Алистер был единственной тонкой нитью, которая удерживала его родителей от развода.

За каждым совместным приемом пищи Мадам Рудбриг буквально метала взглядом молнии, а мистер Рудбриг сидел, понуриив голову, и отмалчивался, в то время как Алистер отчаянно пытался не дать разразиться скандалу. Они с Чарли постоянно разговаривали, заполняя гнетущую тишину за столом, иногда втягивая в эти дебаты и Терру. Но той было некомфортно, и она то и дело отмалчивалась. За столом она чувствовала себя, как солдат на минном поле, который не знает, куда ступить.

— *Доброе утро, Терра, — поприветствовала ее Мадам Рудбриг, войдя в библиотеку. За последние дни она так редко слышала ее голос, что даже удивилась тому, что мать Алистера не разучилась говорить.*

— *Доброе, — неуверенно ответила она и принялась заполнять новую коробку. Книг оставалось уже немного по сравнению с тем, что было вначале, и Терра решила не отвлекаться от своего занятия. Ведь Мадам Рудбриг сейчас возьмет то, что ей нужно, и уйдет, как и всегда.*

Женщина заняла одно из кресел с высокой спинкой и, похоже, не собиралась никуда уходить. Она внимательно смотрела за Террой, и под ее цепким взглядом девушке стало крайне некомфортно. По спине побежали мурашки, а руки будто одеревенели: из них то и дело выпадали книги и с гулким ударом встречались с полом. После третьего такого падения, Терра ощутила, как к ее щекам приливает кровь. Почему в присутствии Мадам Рудбриг она всегда чувствовала себя такой... беспомощной?

— *Вы что-то хотели? — не выдержав, спросила она.*

— *Поговорить, — без тени эмоций в голосе ответила Мадам Рудбриг. Под ее пронзительным взглядом ей хотелось съежиться или сбежать. Почему нельзя улыбнуться или дать хоть какой-нибудь намек, чтобы люди понимали, что она от них хочет? — Может присядешь?*

Мадам Рудбриг все тем же внимательным взглядом наблюдала за неуклюжими попытками Терры обогнуть коробки и занять кресло напротив, и ироническая складка залегла в уголках ее губ.

— *Никогда не могла понять, почему ты так боишься меня. Я же вроде никогда не делала тебе ничего плохого.*

— *Не делали, — подтвердила Терра, ощущая, как холодок бежит вниз по шее. — Просто вы — это вы. Не знаю, как описать лучше, но от одного вашего взгляда бросает в дрожь.*

Мадам Рудбриг хмыкнула — и то было единственное подобие смеха, на которое женщина была способна.

— *Полезное умение. Особенно когда твои мужем является такой человек, как Тим, — она прищипнула языком. — Ты знала, что он купил участок земли на Луне? Хотя сомневаюсь, что на Луне есть земля. Он держал это в строжайшем секрете — наверное, боялся, что я узнаю, как его облапошили.*

Терра сложила руки на коленях, искоса смотря на Мадам Рудбриг, не зная, стоит ли говорить что-либо. Мать Алистера выглядела уставшей.

— *Так что в случае чего мы вполне сможем переселиться на Луну, если у нас хватит денег на перелет, — злая ирония в ее голосе буквально жалила Терру, хоть она и понимала, что не была ни ее причиной, ни объектом. — Даже удивительно, что Алистер не унаследовал таких потрясающих качеств. В этом плане тебе повезло.*

— *Я...*

— *Я не собираюсь обсуждать твои отношения с моим сыном, если ты об этом переживаешь. Собственно я хотела поговорить о твоём отце. Дориан...*

Терра впервые за много лет слышала его имя. В ушах начало шуметь. Казалось, что ее погрузили под воду. А сердце бешено заколотилось.

— *... он переписал на тебя ваш дом. Я перебирала бумаги и наткнулась на документы. Ты же прекрасно помнишь, что дом частично пострадал. Ничего критичного — сгорела*

оранжерее и часть кухни. Если мне не изменяет память, в оранжерее он и начался.

Терре стало дурно. Голова кружилась.

— К чему вы?..

— К тому, Терра, что сложившаяся ситуация тебя никак не затрагивает. Происходящее — только наша проблема. У тебя есть дом, которому необходим ремонт, но в целом жить там можно. К твоему наследству я не притрагивалась, — она сцетила пальцы в замок, — и не притронусь...

— О чем вы? Вы меня выгоняете?

— Нет, лишь расставляю точки. Ты должна знать, что у тебя есть финансовая подушка безопасности, и при самом худшем раскладе ты должна воспользоваться ею, не задумываясь о нас.

В глазах Мадам Рудбриг не было ничего, кроме холодного расчета. У этой женщины всегда была голова на плечах, и оттого Терре все больше было непонятно, как такая, как Маргарет Рудбриг, могла стать женой отца Алистера. Ведь они были абсолютно разными людьми. Неужели она могла любить кого-то так рьяно, чтобы отступить от расчетов?

Мадам Рудбриг поднялась на ноги.

— И еще, если понадобится помощь с финансами, не смей просить моего мужа о помощи, — она достала из кармана своего домашнего платья связку ключей и кинула их Терре на колени. — Советую съездить и посмотреть, что необходимо сделать, чтобы твой дом вновь стал пригодным для жизни. Надеюсь, ты помнишь, где ты жила раньше.

Терра нервно сглотнула, не решаясь взять ключи.

— Вы мне поможете, если...

— Помогу, — коротко ответила мать Алистера и вышла из библиотеки, оставив Терру в компании книг.

Терра тоскливо оглядела полупустые полки и медленно взяла в руки связку ключей, точно то была гадюка или ядовитый паук.

Съездить домой?

Она мучилась два дня, гадая, стоит или нет. Она не была дома лет пятнадцать, да и даже учась в школе обходила его стороной. Терра уже и не помнила его, не помнила она и лиц родителей. Время словно ластиком стерло ее прошлую жизнь из памяти. Связывало ли ее с этим место еще хоть что-то? Она гадала, перебирая все за и против, пока не пришла к выводу, что ей все же стоит съездить домой. Возможно в ней всколыхнется что-то, какие-то воспоминания. Хотя она и понимала, что возвращение домой заставит чувствовать себя еще более одинокой, чем сейчас.

И вот теперь она сидела на переднем сиденье форда и смотрела на возвышающийся за неухоженной живой изгородью старый Тюдоровский дом с огромными распашными окнами в мелком переплете и понимала, что совсем его не помнит. Если бы она не знала точного адреса и кто-то указал бы ей на этот одинокий и запустелый дом, она бы даже не подумала, что когда-то он был ее.

— Ты уверена, что хочешь пойти? — спросил Алистер, которой все это время сидел за рулем и молчал, позволяя Терре думать.

— Да, — уверенно ответила девушка, хотя внутри не чувствовала и намека на уверенность.

— Мне пойти с тобой? — Алистер оценивающе смотрел на нее, склонив голову на бок, и у Терры сложилось впечатление, что он видит ее насквозь.

Она вымученно улыбнулась и покачала головой.

— Пожалуй не стоит. Я должна посмотреть сама.

Алистер взял ее за руку и крепко сжал. Молчаливый жест поддержки — на большее Терра и не рассчитывала. Но Алистер не стал молчать, и от его слов сердце защемило:

— Если я тебе понадобится просто позови, тебе не обязательно проходить через это одной... ты всегда можешь на меня рассчитывать.

Терра сжала его руку в ответ.

— Спасибо. Если понадобится, я тебя позову.

И, пока не передумала, выпрыгнула из машины и поспешила к металлической калитке, крепящейся между двух столбиков, к которым подходила живая изгородь из тиса, оплетая своими ветками столбики. Терра толкнула калитку, но та заклинила на заржавевших петлях, предоставив лишь маленькую щелочку, через которую девушке пришлось протискиваться, втянув живот и молясь о том, чтобы не оставить часть юбки на ржавых столбиках.

Оказавшись за забором, она придирчиво оглядела себя и выдохнула — платье осталось целым, хотя и испачкалось. Мысленно Терра пополнила список вещей, которые в доме нужно починить. Тисовая изгородь ей не нравилась априори, ее стоило заменить на обычный кованый забор, а калитку вполне можно было бы оставить, правда сначала привести в приличный вид.

Но то было только начало. Дорожка, выложенная природным камнем, на которой она стояла, может когда-то и была красивой, но теперь представляла собой жалкое поросшее мхом зрелище: розовые кусты вдоль нее умерли еще несколько лет назад, и были ничем иным как засохшими колючими ветками с пожухлой листвой и перегноем, застилавшем землю.

Оттуда, где стояла Терра, следов пожара было не видно, а вот следов заброшенности — хоть отбавляй. Она скривилась и глубоко вдохнула.

— Нужно идти, — сказала она сама себе. — Ты же уже решила.

Постояв на месте еще пару минут, собирая всю смелость, которая у нее была, она сделала шаг к дому. После первого стало легче. Терра не думала, она решила просто идти, не заостряя внимания на разрухе, царившей вокруг. Было больно думать, что когда-то здесь билась жизнь.

Входить в дом она не решилась, буквально ощущая, как ключи жгут ей ногу через карман юбки. Терра обошла дом, направляясь к пепелищу, которое за годы никто так и не разобрал. Обгорелые деревянные балки каркаса оранжереи черным пятном выделялись в ярком солнечном дне. Повсюду на земле валялись битые стекла, а на выжженной земле вокруг не росло ничего, даже травы. И видеть это было страшно, ведь весь участок был заросшим, а здесь была только выжженная земля.

Терра смахнула выступившие на глазах слезы и, закусив губу, пошла к оранжерее, аккуратно ступая, лишь бы не напороться ногой на какой-нибудь осколок. Ей было достаточно душевной боли, ни к чему добавлять к ней еще и физическую.

Стараясь не порезаться, она влезла в оранжерею через обугленную раму и принялась осматриваться. Это место было живой могилой. Местом, где погибли ее родители, сгорели заживо.

Терра ничего не помнила о том дне, его словно выжгли из памяти, так что она не знала, где именно начался пожар. Она долгие годы гадала, почему именно оранжерея?

С того места, где она стояла, было хорошо видно обугленную стену дома и разбитое на кухне окно. Оно зияло черным порталом с острыми краями из остатков стекла, словно говоря, что войти в дом можно, но будет больно.

Терра нервно сглотнула и, отвернувшись от дома, принялась изучать оранжерею. Помимо перевернутых и обгорелых кадок с землей по полу валялись стекла и черепки от битых глиняных горшков: они хрустели под ногами, пока Терра шла к единственному оставшемуся относительно целым участку оранжереи. Стене, вдоль которой тянулись высокие шкафы. Они тоже были повреждены, но не так сильно, как ожидалось. Вот только не это заставило Терру подойти. На уцелевших полках тут и там, словно рассыпанные блестки, играл магический след. Он то появлялся, то мерк, как фонарик с севшими батарейками.

Девушка принялась раздвигать обрушившиеся балки крыши, чтобы подойти к стеллажу, на что пришлось потратить немало времени и сил. Теперь ее платье было уже не спасти: оно все было перемазано сажеей, как и руки с лицом, — но это не слишком волновало Терру. Ей нужно было добраться до магических предметов на полках. Она отчетливо видела их, ведь их разделяло всего пара метров.

Старые магические артефакты. Артефакты, принадлежащие ее родителям. Она просто обязана их заполучить. Возможно именно они и защитили это место от полного разрушения, в то время как с той стороны, откуда пробиралась Терра, живого места не осталось. Тяжело дыша, она сдвинула очередную доску, и послышался опасный скрежет. Похоже, та деревяшка, которую она тронула, поддерживала другую, и теперь конструкция стала неустойчивой.

— Что ты делаешь? — спросил Алистер, и Терра буквально подпрыгнула от неожиданности.

Она обернулась к нему: он стоял возле того проема, через который она попала в оранжерею, опираясь рукой на обугленную деревяшку, некогда являвшейся створкой входной двери.

— Разбираю завал...

— Я вижу. Зачем? С этим вполне могут справиться рабочие.

— Там артефакты, — ответила Терра, возвращаясь к своему занятию. — Магические. Не думаю, что рабочим стоит касаться их. Я и сама не знаю, что они из себя представляют.

Она услышала хруст черепков и стекла и поняла, что Алистер идет к ней. Ей хотелось обернуться и посмотреть на него, но, улыбаясь про себя, она, продолжила разгребать доски, жалея что у нее нет перчаток.

— Сомневаюсь, что это разумно.

— Что конкретно?

— Ты же сама не знаешь, что они там хранили. Вполне возможно, что пожар начался из-за какой-нибудь магической штуки. Что, если мы дотронемся до чего-нибудь — и начнется новый пожар?

— Ох, Алистер, не начинай. Поэтому их и стоит убрать, прежде чем придут рабочие — это во-первых. А во-вторых, я не думаю, что пожар начался в этой части. Так что помоги мне, — Терра отодвинула очередную доску в сторону, и где-то с противоположной стороны что-то рухнуло.

— Ладно, — мрачно согласился Алистер и, закатав рукава рубашки, принялся помогать

ей.

Хотя он всем своим видом показывал, насколько ему не нравится ее затея, Терра все же не смогла сдерживать улыбки. Он пришел к ней, потому что переживал за нее. Он помогал ей, потому что понимал, что это важно для нее. И ее было от этого хорошо. Возможно неправильно чувствовать себя такой счастливой в месте, где умерли ее родители, но Терра думала, что они были бы за нее рады. В ее жизни был Алистер, и она была уверена, что его присутствия достаточно, чтобы сделать ее мир наполненным. Он — ее верный пазл.

Вместе они справлялись куда быстрее. Алистер с легкостью убирал то, для чего Терре приходилось прикладывать невероятные усилия. Вот только когда они смогли сделать небольшой проход к шкафу, девушка чувствовала себя смертельно уставшей и готова была признаться, что физический труд это не ее.

— Ну и что здесь? — спросил Алистер, когда они протиснулись к полкам, прежде чем Терра даже успела изучить их содержимое.

Артефактов было немного. Парочка кристаллов соли, обгоревшие карты Таро и ритуальный нож, на котором остался слабый магический след с предыдущего использования. По остальным полкам были рассыпаны труха и стекла. Терра предположила, что когда-то там хранились баночки с травами.

— Ничего особенного, — с тоской ответила она. — Я думала, здесь будет что-то важное.

Она забрала нож и карты, убрав их в карман, а затем, докоснувшись до кристаллов соли, удивленно воскликнула:

— Соленая память!

— Что? — непонимающе спросил Алистер, вскинув перемазанную сажеей бровь.

— Соленая память, — повторила Терра. — Кристаллы соли способны впитывать воспоминания.

Она схватила один из кристаллов и всучила его в руки Алистера.

— Просто подумай о чем-нибудь, — попросила она, прижимая его ладони своими к соли. — Сосредоточься на любом своем воспоминании, и соль впитает его.

— Заберет мою память? — в его взгляде появилась настороженность.

Терра улыбнулась.

— Нет. Это как... запись в дневнике. Хотя, если воспоминания будет отдавать маленький ребенок, то есть шанс, что они пропадут.

Алистер попытался отдернуть руки, но Терра удержала их.

— Пожалуйста. Попробуй. Их потом можно просматривать. Дотронешься до кристалла, и они промелькнут, как фильм перед глазами.

— И зачем тебе? — на его губах появилась загадочная улыбка. — Чувствую подвох.

— Ну ты и...

— Я — что? — продолжая улыбаться, спросил Алистер.

— Дотошный!

— Дотошный?

— Да! — воскликнула Терра, продолжая прижимать его пальцы к кристаллу, ощущая, какие они теплые.

— Мне кажется, ты неправильно используешь это слово. Согласно толковому словарю: дотошный — это прилагательное, обозначающее пытливого, вникающего в

каждую мелочь, человека.

— Тогда я определенно использовала нужное словно, — насупилась Терра и отдернула руки. — Ты дотошный и... недоверчивый... а еще... еще сварливый!

— Это было обидно. Я никогда не считал себя сварливым, — рассмеялся Алистер, и его смех разнесся по разрушенной оранжерее.

— Сварливый, как старый дед.

— Ты просто чудо, — продолжал смеяться Алистер. — Давай попробуем. А то я даже боюсь представить, какой еще эпитет ты ко мне применишь, если я откажусь.

Терра просияла и вновь положила свои руки поверх его.

— Просто подумай о чем-нибудь и сосредоточься на этом воспоминании, попытайся как бы прожить его заново, — попросила она, направляя свою скудную магию через Алистера в кристалл.

До этого ей лишь раз приходилось работать с соленой памятью в подвале Джослин, но ощущение легкой щемотки в руках и в мыслях она хорошо запомнила. Кристалл легонько засветился, принимая в себя воспоминания. Терра не знала, о чем сейчас думал Алистер и что вкладывал в кристалл, но была твердо намерена узнать позже, когда прикоснется к его воспоминаниям.

Она, конечно, понимала, что ее мотивы были до безумия корыстными, но ей этого хотелось. Хотелось знать, о чем Алистер думает. Хотелось знать, какое его воспоминание было для него настолько важным, чтобы он захотел сохранить его. Хотя он вполне мог вложить и какое-нибудь абсолютно неважное воспоминание: например, каким на вкус был тост, который он съел сегодня на завтрак.

Но Терре хотелось верить, что Алистер не стал бы использовать магию для чего-то настолько незначительного.

Кристалл потух, навечно запечатав в себе кусочек Алистера. Терра широко улыбнулась и вырвала кристалл из его рук.

— Теперь это мое! — воскликнула она.

— Присваивать чужие воспоминания — это вообще законно? — Алистер отошел на пару шагов. — Даже не знаю, смогу ли засудить тебя за подобную кражу, так что будем считать это подарком для тугодумки.

— Тугодумки? — Терра бросила на него такой взгляд, от которого завяли бы все цветы в оранжерее, если бы они там были.

— Будем считать, что мы квиты. У сварливых дедов, знаешь ли, свои взгляды на мир, — хмыкнул Алистер и, обогнув Терру, вышел из оранжереи.

Терра поспешила за ним, спрятав кристалл соли к кармане юбки, который недовольно оттопырился, не оценив перегруза.

— Я довольно сообразительна, — бросила ему в спину Терра.

— В узких кругах, — буркнул ей в ответ Алистер, продолжая выбираться из разрушенной оранжереи. Он решил выйти через раму возле кухонного окна. — В доме уже была? Нужно оценить последствия пожара, составить список повреждений и необходимых работ. Потом, думаю, свяжусь с местной строительной компанией. Тут нужен профессиональный взгляд. Кстати, как думаешь, в доме может быть что-то такое, что стоит убрать на период ремонта?

— Я там еще не была, — ответила Терра, пробираясь к нему. — Вполне может быть. Я не думала, что и в оранжерее что-то будет, но погляди, что мы нашли. Джослин

говорила, что соленая память сейчас тот еще раритет. У нее был всего один маленький кусочек — вполовину меньше того, в который мы вложили воспоминания. Кстати, а что ты вложил?

— Потом узнаешь, — отмахнулся Алистер, изучая разбитую оконную раму. — Смотри, вон там на подоконнике что-то лежит. Разве это не такая же соль?

Терра подошла к нему и присмотрелась. Там действительно что-то было, и это что-то излучало слабый магический след. Неудивительно, что она не заметила его до этого. Терра подошла к окну и смело просунула руку внутрь, схватив запылившийся кристалл, и застыла на месте, словно громом пораженная.

Вот только то, что ее поразило, было не громом, а воспоминаниями. Воспоминаниями, крутящимися перед глазами, как в очень быстром кино. Вот начало — а вот уже и конец. Она содрогнулась от рыданий, зародившихся где-то в глубине ее груди очень-очень давно.

Терра отчаянно хватала губами воздух, пытаясь совладать с собой. Совладать с воспоминаниями, от которых ее попросили отказаться.

— Терра, — она отдаленно слышала панику в его голосе, отдаленно чувствовала прикосновение рук, принимающих ее к широкой груди. — Что случилось? Это какое-то заклятие?

Она знала, что Алистер держит ее, но сейчас это было неважно. Важен был папа, просящий отказаться от воспоминаний. Важна была мама...

— Мама, — всхлинула Терра, уткнувшись в грудь Алистера, продолжая сжимать кристалл в руках, ощущая на языке вкус пепла и запах — о этот запах, запах горелого мяса, словно все происходило вновь. Словно мама горела сейчас.

Здесь.

Из-за нее.

— Мама, — стонала Терра, не в силах прекратить, захваченная воспоминаниями, захваченная огнем. — О, мамочка...

Алистер выбил кристалл из ее рук, и мир померк. Померк огонь. Терра осела в его руках, ощущая себя разбитой куклой, не зная, что ей теперь делать.

Терра влетела в столовую, ничего не видя перед собой из-за слез, которые, не переставая, текли из глаз. Она то и дело утирала их перемазанными сажей руками и оттого выглядела так же паршиво, как чувствовала себя. Ей казалось, что ее сердце горело и покрывалось пеплом.

Алистер бесшумно шел за ней. Ему не приходилось бежать: один его шаг равнялся трем шагам Терры. Но это она отмечала так, где-то на задворках сознания. Все ее внимание было сосредоточено на Мадам Рудбриг, которая пила чай, сидя в столовой. Такая спокойная, такая умиротворенная. Да как она может быть такой, когда мир Терры рухнул?

— Вы знали! — воскликнула Терра и не узнала своего собственного голоса. Он был визгливым, истеричным, надломленным. Он мог принадлежать женщине, сбежавшей из сумашедшего дома, но не Терре Грабс. Терра отказывалась признавать, что это ее голос.

Мадам Рудбриг подняла взгляд от газеты, которую листала, и вопросительно посмотрела на Терру.

— Где ты была? Надеюсь, никто не видел тебя в таком виде. Ты выглядишь, как...

— Мне плевать, как я выгляжу! — взвизгнула Терра — и то было впервые, когда она повысила голос на Мадам Рудбриг. — Вы все знали!

Если до этого Мадам Рудбриг выглядела озадаченной, то теперь она была просто злой.

Ее брови сошлись на переносице, а глаза так и метали молнии. Хотя абсолютно спокойный и размеренный голос не вписывался в картину происходящего.

— Не смей повышать голос на меня в моем же доме, — только и сказала она и демонстративно раскрыла газету.

— Вы знали — и ничего не сказали мне. Молчали столько лет! — Терра ощутила, как ее голос упал на несколько октав и стал больше походить на ее прежний, но истеричные нотки никуда не делись. Слова дробились всхлипами.

Мадам Рудбриг молчала, подчеркнуто игнорируя ее.

— Мама, о чем она говорит? — спросил Алистер. Он все еще был слегка не в себе после истерики Терры у дома ее родителей, не понимая, что происходит. Терра не упрощала ему задачу, всю дорогу до дома рыдая навзрыд.

— Алистер, выйди, пожалуйста, и закрой дверь за собой, — попросила Мадам Рудбриг и нежно улыбнулась сыну, только вот ее глазах не появилось и намек на нежность. Она была чертовски зла, но умело держала себя в руках.

— Мама, — попытался противостоять Алистер.

— Пока что это все еще мой дом. И вы будете меня слушаться. Алистер, выйди, а ты, — она взглядом указала Терре на стул, — сядь.

Алистер вышел и даже не хлопнул дверью, тихо прикрыв ее за собой. Терра бы хлопнула. Внутри нее все клокотало. Но она, выражая молчаливый протест, села на другой стул, а не тот, на который указывала Мадам Рудбриг.

— Итак, — начала Мадам Рудбриг, проигнорировав косвенное неповиновение, — сейчас ты успокоишься и объяснишь мне — кратко, без театральности — что я знала и о чем не сказала.

Мадам Рудбриг словно вылила на нее ушат холодной отрезвляющей воды. Терра сделала несколько глубоких вдохов и попыталась сложить в голове разрозненную картину событий, прежде чем произнести все, что вертелось у нее на языке. Мать Алистера было невозможно вывести на эмоции, она лишь изредко закатывала глаза и поджимала губы, когда Терра в своем рассказе скатывалась к «излишней театральности». Вот только то, что для Мадам Рудбриг было театральностью — для Терры являлось эмоциями, ничем не прикрытой болью и отчаянием.

— Позволь подвести итог: ты нашла камень, в котором были заключены воспоминания четырехлетней девочки — тебя, если точнее — и, поддавшись эмоциям, ты пришла ко мне выяснять отношения, ориентируясь на субъективные воспоминания маленькой девочки, которая при всем желании не смогла бы сложить полную картину. Все верно? — в устах Мадам Рудбриг сухие и обезличенные факты словно били по Терре хлыстом, заставляя чувствовать себя ничтожной. — Милая моя девочка, научись думать, прежде чем действовать. Импульсивность еще никому не принесла пользы.

Терра сглотнула и попыталась оправдаться. Вся ее злость испарилась и лопнула, как мыльный пузырь.

— Что ж... тебе нужна правда и факты? Боюсь, тебе она не понравится, хотя я не могу сказать, что знаю все подробности. Если по факту, то твоя мать, Селена, после родов повредилась рассудком. Не знаю, почему, но она начала считать себя ведьмой...

— Она и была ведьмой...

— Не перебивай меня! Она не была ведьмой. Дорин, твой отец был колдуном. Очень сильным колдуном. Я сама видела, как он использовал магию, и это было невероятно. Вот

только к твоей матери это не имело никакого отношения. Она была археологом, с которым Дорин познакомился в поездке, и к магии не имела никакого отношения. И это факт! А то, что тебе пыталась внушить Селена, я не знаю, да и знать не хочу. Ты уж меня извини, но я никогда не питала к твоей матери теплых чувств. Импульсивная, ветреная, всегда себе на уме. А когда забеременела, так вообще потеряла всякую связь с реальностью. Жила в мире своих фантазий.

Терра до боли закусила щеку изнутри, стараясь сдержаться и не наговорить ничего лишнего, хотя слушать подобное о своей матери было выше ее сил.

— В день пожара она заставила тебя что-то сделать, Дорин назвал это ключом. Но на его слова я бы не стала ссылаться: он мне об этом рассказывал, когда был уже при смерти, и большая часть из то, что он говорил — горячечный бред. То, в каком состоянии он был, когда его достали из оранжереи... удивительно, что он вообще продержался несколько дней.

Перед глазами Терры стояло тело отца. Окровавленное, обожженное. Ей не нужно было представлять его. Она знала, как он выглядел. Она видела. Видела его на носилках, когда его выносили через калитку в тисовой изгороди. Она сидела на порошках дома, сжимая кристалл соли, отдавая ему последние воспоминания, ведь папа сказал, что ей нужно это сделать.

— Если я его правильно поняла, Селена заставила тебя отдать ей какой-то ключ — и в тот же миг она воспламенилась. Ты это помнишь?

Терра рассеянно кивнула. Она хорошо помнила требовательный взгляд мамы, ее громкий приказ и то, что последовало за тем.

— Я отдала ей свою магию. Магию Грабсов. И она сгорела в ней, — осознание ударило по ней, выбив весь воздух из легких.

Она отдала свою магию и то, что у нее осталось, было лишь жалкими ошметками того, чем она обладала в тот день. Ее мать заживо сгорела в костре из магии Терры. В тот день она лишилась всего, что делало ее цельной: родителей и магии. И теперь она это знала. Она не была не такой, она просто потеряла все, что имела.

Теперь она знала, что пустоту в ее душе — ту, где должна была теплиться ее магия, — никогда не получится заполнить.

— И теперь подумай: с чего я должна была вывалить все это на маленькую девочку, которая только что потеряла родителей? При том, что я была в полной уверенности, что события того дня настолько тебя потрясли, что ты все забыла.

— Я действительно забыла, — Терра с грустью посмотрела на Мадам Рудбриг, в глазах которой не была и намек на сочувствие. — Я не должна была кричать на вас.

— Не должна, — подтвердила Мадам Рудбриг. — Я думаю, тебе стоит пойти помыться и вздремнуть, а потом, когда ты придешь в себя, мы поговорим еще раз, если тебе будет нужно заполнить пробелы.

— Я пойду, — едва слышно произнесла Терра и встала со стула, на ватных ногах дойдя до двери, за которой все еще стоял встревоженный Алистер.

Она вымученно ему улыбнулась и, не сказав ни слова, побрела в свою спальню. Алистер не последовал за ней, и сейчас она была благодарна ему за это. Казалось, что он просто знал, что нужно было ей в этот момент. Сейчас ей нужна была не его поддержка. То, что ей действительно было нужно, так разобрать и заново собрать пазл того дня. Сродниться с этим знанием и научиться как-то жить дальше.

Глава 25. Лжец, который не лжет

Мегги разложила по плечам свои свежезаплетенные французские косы. Если бы окончить учебу и познать колдовство можно было по урокам на YouTube, то Мегги стала бы сильнейшей ведьмой за считанные дни, ведь научилась же она плести себе французские косы, колоски и рыбки хвосты. Со своими волосами она могла сделать все, что угодно, в то время как ее ровесницы ходили в школу либо с хвостами, либо с распущенными волосами. Мегги до сих пор помнила отвисшую челюсть Стефани Вудсворт, когда та увидела идеальную французскую косу, заплетенную вокруг головы Мегги, с вплетенными в нее сухоцветами.

О, тот момент триумфа был просто незабываем, ведь из жиденьких волос Стефани с трудом можно было наскрести на тоненькую косичку толщиной с палец. А Мегги? Мегги в тот день чувствовала себя королевой, которой пришлось потом вычесывать сухие ветки из волос и вымывать осыпавшиеся цветочки.

Но оно того стоило. Именно поставить Стефани Вудсворт на место было тогда главной целью, а никак не научиться плести косы. То была тихая месть — месть глупой девчонке, которая подумала, что может жалеть Мегги и считать ее недостаточно хорошей только потому, что у Мегги нет мамы.

Ах, если бы с магией было все так же просто, как с косами и Стефани.

Мегги снова проколола палец и сцедила пару капель в бутылку с водой для Джуди. Ей нравилась эта девушка, такая улыбчивая и добрая, не то что девчонки из компании Стефани. Вот только Джуди была еще и немного странной: будучи уже взрослой девушкой, она выглядела лишь немногим старше Мегги. Они даже были одного роста, хотя для девочки своего возраста Мегги была довольно высокой — почти на целую голову выше своих одноклассников.

Из-за того, что Джуди выглядела, как ее сверстница, Мегги и воспринимала ее как таковую. С ней было просто. Они словно говорили на одном языке, и за те несколько дней, что они провели за изучением истории магии, Мегги начало казаться, что она завела новую подругу. Подругу, с которой она не чувствовала себя белой вороной, как это всегда было в школе. Мегги, конечно, пыталась строить из себя «черную ворону», дружа со всеми и одновременно ни с кем, но чувствовала себя при этом шпионом в стане врага. С Джуди все было иначе, с Джуди было легко.

Она накинула куртку и вышла из дома, прижимая бутылку с водой к груди, чтобы подождать Джуди у калитки. Но, стоило ей переступить порог, как она увидела его. Мужчину, дергавшего калитку в тщетных попытках открыть ее.

Не сразу, но Мегги узнала его. То был Джон — парень, позвавший Марту на свидание. Тот, который не понравился Кеторин. Внимательно изучая его, Мегги подошла к калитке.

— Здравствуйте? — вопросительно поприветствовала его она, надеясь, что он поймет намек и сразу же объяснит, что он забыл у их дома.

— Привет, — он улыбнулся ей, и по спине у Мегги побежал холодок. Она знала эту улыбку: так улыбались ей девочки в классе, когда хотели от нее чего-то добиться.

— Что вы здесь делаете? — спросила Мегги, так как мужчина, похоже, не собирался сам объяснить причину своего появления.

— У вас калитка заклинила.

— Знаю.

— Наверное, стоит вызвать мастера.

— Папа с этим разберется, — ответила Мегги, в точности копируя его улыбку. Она заметила, как Джон слегка скривился, продолжая удерживать эмоцию. — Спасибо за помощь.

Мегги развернулась, собираясь уйти, в надежде, что незваный гость тоже уйдет. Ей не хотелось стоять здесь и ждать Джуди в компании этого человека.

— Мег... нет... Мегги, подожди, пожалуйста. Марта — она дома?

Мегги обернулась. Мужчина выглядел странно неуверенно и снисходительно. Мегги отнесла неуверенность к мыслям о Марте, а снисходительность приняла на свой счет.

— Ее нет, — сухо ответила она, копируя манеру Марты разговаривать, когда ей кто-то или что-то не нравилось.

— А где она? У нас было назначено свидание, но она не пришла...

— Так позвоните ей.

— У меня, — неуверенности в его голосе прибавилось, и Мегги стало его даже жалко, но она убедилась, что он точно не подходил ее сестре, — нет ее номера.

— Печально. У меня тоже.

Джон нахмурился.

— Не стоит врать взрослым, — поучительно произнес Джон, расправив плечи. — Врать плохо.

— А я не врала, — как ни в чем не бывало ответила Мегги, улыбаясь, как наивная маленькая девочка. — У меня действительно нет ее номера. Понимаете, у меня плохая память на цифры, а папа забрал мой телефон после того, как его собственный разбился в аварии.

Легкая игра фактами и ни слова лжи. У нее действительно иногда случались проблемы с цифрами. К примеру, она постоянно путала дату рождения бабушки. Она знала, что та была рождена в двадцатых числах апреля, но вот какая конкретно дата — постоянно вылетало из головы. И телефон отца действительно разбился, правда пользоваться им все еще можно было — что папа, собственно, и делал. И Мегги точно была уверена, что вчера отец брал в руки ее телефон, чтобы посмотреть время.

— А... извини тогда, — Мегги видела, что в его извинениях искренности не было совсем. — Так где Марта? Я заходил к ней на работу, и там сказали, что она взяла отгулы до конца года.

— Уехала, — Мегги немного подумала о фактах и выдала свою версию событий. — Со своим парнем в гости к знакомым.

Ведь Коул определенно был парнем, не девушкой же. И они точно познакомятся там, в поселении, с кем-нибудь. Ну а «свой» интерпретировать можно по-разному.

— П-парнем?

— Да.

— У нее нет парня.

— Есть.

— И кто же он? Ты его хоть раз вживую видела?

— Конечно.

— И как же его зовут? — похоже, Джон ей не верил, и это печалило. Мегги подумала, что ему стоит больше доверять людям.

— Коул. Наши семьи давно дружат.

И ведь не соврала. Мегги подслушала тот разговор между папой и Коулом. А сопоставлять факты она всегда умела хорошо. Нужные выводы пришли к ней сами, ей даже не пришлось особо ломать голову над ними.

— Не верю, — он словно сам пытался убедить себя.

— Это ваша проблема, не моя, — Мегги надеялась, что теперь-то он уйдет и больше не придет.

Окинув заснеженную улицу взглядом, она заметила Джуди, которая шла к ним, закутавшись в огромный голубой пуховик и прижимая к груди сверток, размером напоминающий большую книгу. Мегги просияла. Теперь-то неудавшийся ухажер Марты уж точно уйдет.

— Джуди! — воскликнула она и помахала рукой своей учительнице-подруге.

— Одноклассница? — Джон посмотрел в том же направлении, что и Мегги.

— Нет. Она немного старше, — Мегги распахнула калитку и встала в проеме.

Джон удивленно посмотрел сначала на калитку, которая без каких либо затруднений проехала на петлях, затем на Мегги.

— Похоже, с ней все в порядке, — широко улыбаясь, произнесла Мегги раньше, чем мужчина успел бы что-то сказать.

Джуди как раз подошла к ним, ее покрасневшее от мороза лицо делало ее еще более молодой. Неудивительно, что Джон принял ее за одноклассницу Мегги. Девушка поприветствовала мужчину с тем же добродушием, с которой расположила к себе Мегги и ее папу. Папа не ополчился на девушку, так же как на Кеторин, как раз потому, возможно, что в его глазах Джуди была таким же ребенком, как и Мегги.

Она протянула ведьме бутылку с кровавой водой и та, сконфуженно улыбнувшись, приняла ее. Мегги подметила это еще при первой встрече: Джуди не нравилось все, что было связано с кровью и кровавой магией. Она неохотно шла на ее использование и отмалчивалась, когда Мегги спрашивала ее о ней.

Мегги много думала об этом, но никак не могла понять. Она была уверена, что мама никогда не стала бы использовать «плохую» магию. Вот только поведения Джуди она не могла игнорировать, даже сейчас той понадобилось время, чтобы собраться с силами, прежде чем выпить воду с кровью. Мегги долго шерстила по просторам Интернета и пришла к выводу, что возможно у Джуди гемофобия.

— Будете учиться? — попытался продолжить неуклюжий диалог Джон, пока Джуди буравила взглядом несчастную бутылку.

— Что-то вроде того...

— Послушай, Мегги, когда Марта приедет?

— В следующем году? — предположила Мегги.

Джуди тяжело вздохнула и, открутив крышку, большими глотками осушила бутылку. Выглядела она при этом максимально подозрительно, и Мегги оставалось только надеяться, что Джон не обратил внимания на странную девочку-подростка.

Мегги ухватила Джуди за руку и потащила на свою сторону барьера. А затем захлопнула калитку прямо перед носом Джона.

— Мы, пожалуй, пойдем, — Мегги решила как можно быстрее покончить с этой встречей, и они с Джуди пошли к дому.

— Ты скажешь Марте, что я заходил? — долетело до них, когда они уже были у

порожков крыльца.

Мегги обернулась к нему, и послала свою самую лучезарную улыбку в надежде, что он увидит и подавится ею.

— Конечно, — крикнула она, а про себя добавила «нет».

Ведь она чувствовала... самой себе не могла объяснить, что конкретно. Но мысль, что Джон никогда не должен больше встретиться с ее сестрой, билась в мозгу, не желая покидать ее. Она чувствовала, отчетливо чувствовала, что этот мужчина принесет в их жизнь нечто плохое.

На секунду ей даже захотелось спросить у Джуди, что могли бы значить эти мысли. Вот только Джуди была слишком уж напряженной, и Мегги решила оставить свои опасения при себе. Как бы хорошо Мегги не относилась к своей учительнице-ведьме, она все же не могла быть с ней полностью откровенна.

Коул разглядывал юношу с ведрами, сжимая дубинку. Еще секунду назад этого парня здесь не было, они сидели с Мартой и пили горячую воду, обсуждая их дальнейшие планы, а потом вспышка белого света прорезала ночь и перед ними на берегу появился человек. Долговязый юноша в белой шубе с ведрами в руках.

Коул был поражен — и юноша, судя по всему, чувствовал себя точно так же. Он смотрел на них своими огромными, как у перепуганной лани, глазами и, казалось, мысленно искал пути для побега.

— Вы спите! — крикнул он.

— Не сплю, — твердо ответил Коул, поудобнее перехватив дубинку отмершими пальцами. Он готовился нанести удар, если юноша только сделает шаг в их сторону.

— Я уверен, вы спите, — неуверенно пытался убедить их юноша.

— Если бы я спал...

— Конечно же вы спите!

— ... то ты мне точно не приснился бы. Мне, знаешь ли, парни не снятся.

— Вы просто много выпили перед сном, — не унимался парень, отступая на несколько шагов назад, громяхая ведрами.

— Я не пью, — этот диалог начинал уже забавлять его.

— Послушайте, — вмешалась Марта, встав с бревна. Она обогнула костер и сделала несколько шагов в сторону парня, — вы колдун?

— Не понимаю, о чем вы. Я вам снюсь.

— Парень, прекращай ломать комедию!

— Дорогой, подожди, — осадила его Марта.

Коул подавился воздухом и перевел недоумевающий взгляд на Марту. Но она не смотрела на него, все ее внимание было сосредоточено на необычном пареньке. Она приближалась к странному парню, который утверждал, что является ни чем иным, как их сном, а парень отступал от нее к реке.

— Нам нужна помощь, — Марта разговаривала с ним, словно он был маленьким ребенком или пугливым зверьком, который мог сбежать от одного неправильного слова.

— Это сон... — одно ведро вывалилось из его рук и покатило по снегу. — Черт!

— Нам действительно нужна ваша помощь... Нас сюда отправила ведьма... — Марта запнулась, и Коул испугался. Неужели она собралась говорить про Кеторин? Он уже собрался остановить ее, но Марта продолжила. — Джуди. Так звали эту ведьму. И она была

очень похожа на вас.

Парень замер и уставился на Марту, открыв рот. Коул еще никогда в жизни не видел таких широко распахнутых глаз.

— Вы видели Джуди? — с детской наивностью спросил паренек.

— Видела, — все в той же заискивающей манере продолжала Марта.

А Коул ломал голову над тем, кто такая эта Джуди, и почему ее имя было как кодовое слово для чудного паренька, появившегося из ниоткуда. Его поведение переменялось на сто восемьдесят градусов, стоило ему только услышать имя этой ведьмы. Он перестал отступать и даже немного приблизился к Марте. Сейчас она напоминала Коулу заклинателя змей, играющего на дудочке, только дудочкой были слова, а змеей — парень с ведрами. Кстати о ведрах. Коул присмотрелся к ним и оказалось, что они все были исписаны каким-то символами: то ли рунами, то ли чем-то еще магическим, он в этом не особо разбирался. Только вот эти ведра убедили Коула, что перед ними был действительно колдун, и осознание этого факта заставило его насторожиться еще больше.

— Она направила нас сюда, — увещевала его Марта. — Сказала, что здесь находится поселение ведьм, и что тут нам смогут помочь. Понимаешь, у нас с мужем серьезные неприятности...

— Где вы видели Джуди? — юноша отмахнулся от слов Марты.

Вот только от Коула не ускользнула неожиданная характеристика, которую Марта ему дала. Муж. Она назвала его так, а до этого «дорогой». У Коула не осталось сомнений, что Марта собралась на корню переписать историю Кеторин. Почему она так поступала, оставалось для него загадкой, но выглядела девушка уверенно, и он решил положиться на нее.

— В городе, — уклончиво ответила Марта.

— В каком? — не унимался парень.

— В городе, который... — она с мольбой посмотрела на Коула, словно искала поддержки, идеи. Но потом ее глаза буквально засветились, а губы тронула едва уловимая улыбка. — О, дорогой, тебе снова плохо!

Коул ощутил, как подогнулись его ноги, и он рухнул на снег. Приказ. Она говорила, что не понимает, как использовать эти приказы, но, судя по тому, как раз за разом... Он разозлился. Ведь ему действительно стало «плохо». У него ничего не болело, у него не кружилась голова, его даже не тошнило. Но, черт возьми, ему было плохо.

Марта опустилась на колени возле него и прижала руку в перчатке к его лбу. Коул буравил ее взглядом. Да как она смела проворачивать с ним подобное?

— О боже... о боже... — причитала она, склонившись над ним. Марта избегала его хмурого взгляда. — Помогите же ему... Вы же видите, как ему больно.

Коулу оставалось только радоваться, что в последних ее словах приказа не было. Он лежал на холодной земле, не в силах пошевелиться. Попытался произнести хоть что-то, попросить Марту отменить свой приказ, но не мог: с губ лишь срывались нечленороздельные стоны. Марта отдала приказ, но, похоже, и сама не понимала, в чем он заключался, так же как и тело Коула не понимало, но подчинялось ей и ее воле.

— О, дорогой, потерпи немного, скоро станет лучше. Колдун тебе поможет.

Коул отстраненно отметил, что, наверное, Мегги научилась врать у Марты. А возможно в ведьмах был заложен какой-то ген, делавший их убедительными.

Парнишка тоже склонился над ним и выглядел он донельзя перепуганным и

беспомощным. Если бы Коулу действительно когда-нибудь нужно было бы положиться на этого человека, то он посочувствовал бы себе.

— Что... что с ним? — сбивчиво спросил спросил он, таращась на Коула, словно он мог укусить его.

— Его отравили, — голос Марты был островом уверенности в этом море абсурда. — Ему дали хьянгу. Она убивает его. Джуди направила нас сюда. Сказала, что здесь есть колдун, который сможет нам помочь.

Коул решил подыграть и громко простонал и даже попытался двигать руками и ногами, изображая судороги. Получалось у него, по его личному мнению, совсем уж убого, но парнишка поверил — даже взвизгнул и плюхнулся на задницу. Марта удивленно посмотрела на Коула и слегка одобрительно кивнула головой.

— Потерпи, милый, еще чуть-чуть. Тебе становится лучше, — она положила руку ему на щеку. — Помогите же ему!

— Я... — паренек беспомощно сглотнул. — Понимаете, я не колдун. Вообще ничего не умею. Джуди... она забрала всю магию. Я бы с радостью помог, но не могу. Мне даже карты не отвечают, что уж о чем-то сильном говорить.

Он говорил так торопливо и невнятно, что Коул едва поспевал за ходом его мысли.

— Не колдун? — переспросила Марта и паренек кивнул, подтверждая то, что уже сказал ранее. — Но ты же использовал магию! Появился здесь, неизвестно откуда!

— Так это каждый может, — смущенно ответил парень. — Я же просто вошел и вышел, для этого никаких умений не нужно — только знать, где находится вход.

Коул простонал еще раз, привлекая к себе внимание. Ему стало немного легче: то нечто начало рассеиваться, и он поймал себя на мысли, что корявые судороги даются ему куда легче, чем вначале. Он даже подумал, что вполне мог бы сесть, но решил пока полежать на холодном снегу для пущей театральности, постанывая, чтобы парень не соскочил с крючка.

— Вход? — продолжала раскручивать его Марта. — Вход куда? Там живут ведьмы? Они смогут помочь моему мужу? Ты можешь нас провести туда?

— Я... я не могу... это против правил.

Коул громко простонал и даже махнул рукой перед паренком, корчась от мнимой боли.

— Пожалуйста, — взмолилась Марта. — Неужели ты не видишь, как он страдает?!

Коул постарался показать «как он страдает», и паренек взвизгнул и отполз от него. Похоже Коул слегка перестарался, но он никогда не был хорошим актером. С курсов театрального искусства его бы выгнали, даже не успев принять, в отличие от Марты, которая вполне могла бы там преподавать.

— Я действительно ничем не могу помочь, — паренек активно жестикулировал, словно пытался отмахнуться от назойливых мух.

— Как тебя зовут? — Марта резко переключила его внимание.

— Что? Эм... Рой.

— Послушай, Рой, я понимаю, что ради нас ты не можешь нарушить какие-то правила, но и ты пойми меня — я не могу позволить, чтобы человек, которого я люблю, умер! — откровенная ложь, но произнесена она была так, что если бы Коул не знал правды, то поверил бы ей. Он все больше убеждался в том, что для Марты не существует вещей, на которые она бы не пошла ради тех, кого она любит. — Пожалуйста, Рой!

Коул видел, как в Рое что-то треснуло, как в тот момент, когда Марта произнесла имя Джуди. Похоже, для Роя «любовь» так же была кодовым словом, которое объясняло бы

любые поступки, любые жертвы. И Марта умело давила на его точки. Коулу хотелось верить, что она никогда не узнает о его слабых местах и не станет так же манипулировать им. Теперь он убедился в том, что с этой ведьмой никогда не стоит терять бдительности.

— Я... ладно... я попытаюсь помочь вам... только вы расскажете мне, где сейчас Джуди. С ней все хорошо?

— Когда я ее видела — да, — ответила ему Марта, и Коулу показалось, что она была искренней.

Она склонилась над Коулом и помогла ему сесть.

— Дорогой, тебе лучше?

Коулу отчаянно захотелось сплюнуть и почистить уши и память в надежде забыть ее слова и голос: эти слегка заигрывающие нотки, проскальзывающие в ее голосе. Да уж, слышать, как ведьма называет тебя «дорогой» — такое охотнику и в страшном сне не приснится.

— Лучше, — хрипло ответил он и немного повременил, прежде чем отодвинуться от нее.

Ему совсем не хотелось, чтобы этот паренек, Рой, заметил, что чувствовал Коул себя вполне нормально. Нормально для человека, который чертовски замерз и не ел последние два дня. Но ведь еще минуту назад он изображал припадок, так что было бы странно, если бы он вдруг бодро вскочил на ноги и пошел собирать палатку.

Так что ему пришлось опираясь на руку Марты, чтобы подняться и переместиться на бревно и остаться на нем, наблюдая за тем, как ведьма пытается разобрать палатку при помощи такого же неумелого Роя. Мальчишка был настолько недалеким, что не сразу заметил магический огненный круг, а когда заметил — с легкостью купился на ложь Марты, что его они получили от Джуди, кем бы она ни была.

Коулу хотелось бы, чтобы они закончили и тронулись в путь, но казалось, что прошла целая вечность, прежде чем Марта подошла к нему, для пущей убедительности взгрудив на себя все сумки, и «помогла» подняться с бревна. На самом же деле он лишь легонько прикоснулся к ее руке.

А дальше произошло то, чего он не ожидал: они вышли на середину берега, примерно туда, где появился мальчишка, и Рой взял их за руки, а потом наступил на какой-то камень, торчащий из-под снега.

Последовала вспышка света, а затем на Коула обрушилась темнота.

Кеторин пряталась за деревьями, наблюдая, пожалуй, одну из самых комичных ситуаций — а в ее жизни нелепых и комичных ситуаций было столько, что вполне можно было собрать коллекцию. Поэтому-то она и не смеялась над происходящем, а лишь едва кривила губы в ухмылке.

Коул был просто до безобразия смешон. Если им попался бы кто-то другой, а не Рой, то ничего бы не вышло. Самый доверчивый и самый добрый мальчик, которого она знала. В детстве он был словно цветочек или ангелочек, собственно как и Джуди. Удивительно даже, что эти дети не взяли ничего от своих родителей. И Кеторин было приятно узнать, что за те годы, что она не видела племянника, он совсем не изменился, оставшись все тем же бескорыстным и готовым всегда помогать людям, хотя эти его качества всегда использовали против него.

Даже сейчас, несмотря на то, что появления Роя и его доверчивость были Марте на

руку, Кеторин было безумно обидно за мальчика, которого вновь используют, а он этого даже не понимает.

Эх, бедный, бедный мальчик, даже Джуди не была такой доверчивой, как ее брат.

Кеторин наблюдала из тени за всем происходящим и даже пару раз стукнула себя по лбу — ей было стыдно за Коула. Он стонал так театрально и так наигранно, а еще дрыгал своими конечностями, словно пытался кого-то ударить. Один раз он чуть не задел Роя, и мальчик испугался не на шутку. Еще бы, Рой всегда был пацифистом. Для него сама мысль причинить другому боль, будь то случайно или намеренно, была чужда.

Она дождалась того момента, когда они пойдут к порталу, и откупорила склянку с зельем, которое все это время держала наготове. Кеторин никогда не любила пить зелья, это тебе не вино и не вкусный чай с мятой и лимоном — зачастую на вкус зелья та еще гадость, как и на запах. Но что не сделаешь ради высшей цели?

Зажав пальцами нос, она вылила содержимое склянки себе в рот и, брезгливо поморщившись, сглотнула. Зелье опалило горло, прокатилось по всему пищеводу и с жаром плюхнулось в желудок, начав распространять тепло по всему телу. Ощущения не из приятных, но что не сделаешь для всеобщего блага?

К тому же для нее это единственный шанс быть не узнанной. Маскировочное зелье — отличная вещь, когда предлагаешь его кому-то другому, и совершенно отвратительная, когда приходится пить ее самой. Вот только выбора особо не было: либо зелье, дурманящее взгляды людей, не давая им найти тебя или узнать, если только они не ищут именно тебя — а Кеторин сомневалась, что хоть кто-то будет ждать ее в поселении, либо обратное заклятье, к которому Кеторин совсем не хотела прибегать. Та еще морока с ингредиентами и, к тому же — это больно. А Кеторин никогда не любила бессмысленную боль, когда есть возможность обойтись без нее.

Жар чутка спал как раз в то время, когда Рой активировал портал. Кеторин досчитала до десяти и заскочила в остаточное свечение. Ей нельзя было активировать портал самой, так что Рой стал для них просто спасательной соломинкой.

Перемещение длилось недолго, как и всегда — словно делаешь шаг в пропасть, ожидая упасть, а наступаешь на ровную гладкую дорогу и просто продолжаешь идти дальше. Так и теперь: шаг — и ты уже на другой стороне. Вот только вышла она раньше, чем Рой со своими «новыми друзьями», ведь ему, в отличие от нее, пришлось тащить за собой немагический балласт в лице Коула.

— Как и ожидалось, — буркнула себе под нос Кеторин и поспешила покинуть площадку возле портала. Сейчас ей определенно не стоило встречаться с Мартой. Необходимо было все подготовить. — Ох, ну и классная же вечеринка намечается!

Кеторин растянула губы в нервной улыбке и побежала к теням, окружающим поселение.

Глава 26. Шарпа: ослепительный город

Коул не сразу понял, как ему реагировать на происходящее. Вначале был свет, много света, словно вокруг него разом включилась сотня, а то и две, прожекторов. И они слепят его, лишая малейшего понимания происходящего, дезориентируют. Затем на смену свету пришла тьма, и он окончательно потерялся в пространстве. Такая вязкая тягучая тьма — не такая как в зимнем лесу, по которому они с Мартой бродили: там была видно хоть что-то, слабо конечно, но видно. Сейчас же он не видел ничего, ему даже сначала показалось, что тот яркий свет его ослепил. И единственной его опорой в этот момент была рука Марты, за которую он все еще держался — если раньше только для видимости, то теперь буквально вцепился в нее мертвой хваткой. Не хватало еще бродить в этой вязкой темноте без какой-либо опоры.

Он не знал, сколько длились эти ощущения: возможно всего пару секунд, возможно — десятки минут, а возможно и несколько часов. Однако когда вдалеке забрезжили туслые фонари, он выдохнул с облегчением. И да, это были именно фонари — два бледно-розовых шарообразных плафона на длинных витиеватых ножках по обе стороны от Коула.

И черт возьми, это ни с чем не сравнимое чувство — знать, что ты не ослеп, знать, что ты все еще можешь видеть мир вокруг себя. Коул был настолько захвачен своими ощущениями, что не сразу заметил мощную обтесанным камнем дорожку, на которой они стояли. Именно эту дорожку и освещали фонари, разгоняя вязкую тьму.

Так же не сразу он заметил и тяжело дышащую Марту, буквально повисшую на его руке. В тусклом свете она казалась какой-то нереальной, какой-то чересчур бледной. Она все щурила глаза, словно смотря на солнце, и из уголков глаз текли слезы.

— Что с тобой? — сквозь зубы спросил он, продолжая удерживать ее на ногах и взглядом ища паренька.

Рой стоял в нескольких шагах от него и, буквально сложившись пополам, жадно хватал губами воздух.

— Свет, — отрывисто произнесла Марта и, повернувшись к нему, уткнулась Коулу лицом в грудь. — Он слепит меня. Слишком ярко.

Коул еще раз оглядел площадку, на которой они стояли. Никакого яркого света вокруг, если не считать тусклых фонарей. Но их света едва хватало, чтобы осветить жалкий пятак. Они просто не могли светить так, чтобы ослепить кого-то. Вот только Марте действительно было паршиво: она еле слышно постанывала, утыкаясь ему в грудь.

— Нет тут никакого света, он пропал после того как мы вошли... черт... не знаю, куда мы вошли, но сейчас здесь темно.

— Не свет, — хрипло ответила Марта. — Магический след. Он здесь повсюду. И такой яркий, что я не могу на него смотреть.

Что ж, теперь понятно... ее слепило то, чего он не видел и, если честно, не мог понять. Удобно, однако. Какая-то своеобразная пытка только для избранных. Хотя, не кривя душой, он был даже рад, что его в этот клуб не приняли. Ему определенно не хотелось проходить через выпавшие на долю Марты испытания. Его вполне устраивало обычное человеческое зрение.

Отдышавшийся Рой подошел к ним. Выглядел он при этом ничуть не лучше самой Марты. Бледный, как смерть, и с впалыми глазами — хорошо, что не щурился, что позволило

Коулу предположить, что паренек не видел того же, что видела Марта.

— Вы как? — спросил он высоким нервным голосом.

— Я в норме, — ответил ему Коул. — А Марте нехорошо.

— Ох, такое бывает, когда в крови нет и капли магии. Неудивительно, что мне было так тяжело, словно тащил вас на себе. Возможно если бы вас проводила ведьма, было бы не так тяжело, но я... ох, а она идти-то сможет? — спохватился он, пытаясь рассмотреть Марту, которая все еще пыталась спрятаться от магического следа, но, судя по тому, что она продолжала стонать, пользы от этого не было никакой.

— Если не сможет, я ее понесу, — ответил ему Коул и, забрав у Марты сумки, закинул их себе на плечо. Похоже, теперь ему придется отвечать за нее.

— А вы справитесь? — с сомнением спросил Рой.

Коул вначале не понял вопроса. С чего бы ему не справиться? Марта была миниатюрной женщиной, так сказать карманной: он вполне мог отнести ее куда бы то ни было, не особо напрягаясь при этом. А потом до него дошло, что в глазах Роя он слабый мужчина, который вполне мог свалиться с ног и начать биться в судорогах. Мужчина, который и жив-то до сих пор только по милости своей доброй жены, вышедшей из строя на некоторое время. Все же, если посмотреть на ситуацию под таким углом, его опасения вполне оправданы.

— Постараюсь, — уклончиво ответил Коул.

— Сомневаюсь, что смогу идти, — прошептала Марта, и по тому, как были напряжены ее плечи, он понял, что ей и правда очень и очень паршиво. Она была словно деревянная.

— Если натянешь шапку на глаза, станет легче? — так же тихо спросил Коул, надеясь, что Рой не поймет, о чем они говорят.

— Немного. Он такой яркий, что я и с закрытыми глазами вижу отголоски, — хрипло ответила Марта, и Коул скорее почувствовал, чем услышал ее слова.

— Значит выбора нет, — буркнул он и натянул шапку Марты ей по самый нос, так что видны были лишь низ лица, а затем нагнулся и подхватил ее на руки.

Марта уткнулась носом в его ключицы, прикрытые толстой курткой, вот только его шею все равно обожгло жарким хриплым дыханием. А в носу снова засвербило от ее... духов? Коулу нестерпимо захотелось чихнуть. Вот только теперь-то он точно знал, что она не пользовалась никакими духами — даже самые стойкие не выдержали бы битвы с потом за время их турпохода. Так что это был запах ее тела — и именно от этого запаха свербило в носу.

Этот запах был терпким и вызывал в нем странные ощущения, навеяв мысли о поле с дико цветущими растениями в жаркий летний день. Неоднозначный аромат неоднозначной женщины. Так могла пахнуть бабуля, работающая в саду, но никак не молодая девушка, которая сад разве что могла нарисовать. Может он был прав, и ее ментальный возраст — лет восемьдесят?

Коул отогнал от себя эти мысли и направился вслед за Роем по дорожке, освещенной тусклыми фонарями. И это была довольно узкая дорожка, проходящая через тьму. Коул все думал, что будет, если наступить, скажем, не на булыжник, а прямо в темноту. И получится ли? Ведь это вполне могли быть стены какой-нибудь пещеры, вот только свода у нее не было. Над головой раскинулась все та же темнота. Он даже захотел докоснуться до «темных стен», чтобы проверить свои теории, вот только его руки были заняты Мартой. Что, наверное, и к лучшему, ведь Рой тоже не касался этой черноты.

Паренек шел впереди, пошатываясь, словно он нес на руках человека, а не Коул, хотя его

руки были заняты лишь пустыми ведрами.

Дорога изгибалась так, что впереди было видно лишь два-три ряда фонарей, а дальше — тьма. Они все продолжали идти, что Коулу совершенно не нравилось. Одно дело — идти за Мартой неизвестно куда: ее он хотя бы знал, пусть и недолго, конечно, да и их общение не располагало к взаимному доверию. Но совсем другое — идти неизвестно куда за мутноватым парнем, которого он и знал-то от силы час. Вот только другого пути все равно не было.

Да и от Марты теперь толку никакого — не боец, а балласт. Лежала на его руках, словно деревянная, и постанывала время от времени. Коул поймал себя на мысли, что вполне мог бы сейчас свернуть ей шею, и она ничего не успела бы сделать, вот только было слишком много причин не делать этого, так что он чихнул и, подхватив ее поудобнее, продолжил идти за парнем.

Вскоре дорога начала расширяться: очень резко и быстро. Вот они шли по узенькой тропе, а вот изгиб закончился, и они оказались в проулке между домами. Обычный такой проулок между трехэтажными сложенными из белого кирпича домами, на которых виднелись трубы канализации, уходящие куда-то под дорожку. Вот только тьма никуда не делась, она все еще была здесь, немного отодвинутая, рассеянная более мощными фонарями.

— Где мы? — спросил Коул, смотря на широкую улицу впереди.

— В городе ведьм, — радостно с придыханием ответил Рой. — Шарпа. Разве Джуди тебе о нем не рассказывала?

— Я с ней не разговаривал, — решил не врать Коул. — Моя жена все любит держать в своих руках.

— О, — Рой заговорщицки улыбнулся, — знаем таких! Моя мать так вообще ничего из рук не выпускает. Тотальный контроль под маской демократии: если бы она могла контролировать, когда и как ее дети дышат, то и это бы делала. Хорошо, что в последние годы у нее появились и другие обязанности, а то когда мы с Джуди детьми были, то и лишнего шага ступить нельзя было. Кстати, как Марта?

— Не очень хорошо, — ответил Коул, посмотрев на девушку. Под шапкой ее глаз было не видно, и он не мог определить, как она себя чувствовала. Но челюсть слегка расслабилась, и он предположила, что возможно она отключилась, и поэтому потряс ее. — Уснула, — заключил он.

— Да, со слабыми такое бывает, — вторил ему Рой, когда они вышли на широкую улицу, по которой вполне могла проехать машина. Вот только никаких машин тут и в помине не было, хотя Коул заметил несколько тележек и даже лошадь возле дома на противоположной стороне.

Но было кое-что еще, что удивило его: ни в одном доме на улице, на которой они оказались, не было окон на вторых этажах: только на первых, да и тех было слишком мало.

— У вас тут всегда темно или сейчас ночь? — спросил Коул, рассматривая пустые улицы и дома, в редких окнах которых не было даже намека на свет.

Рой шел впереди него и, казалось, сомневался, стоит ли рассказывать постороннему о жизни города Шарпа. Коул даже пожалел, что не умел так увещевать людей, как Марта. Но тут паренек глубоко вздохнул и, обернувшись к Коулу, грустно улыбнулся.

— Уже вечер. Но здесь всегда темно. В Шарпе такие понятия, как день и ночь ничего не значат, нас всегда окутывают тени. Когда город бодрствует, сферы огня горят ярче и светло почти как днем — к вечеру они тускнеют. Вот только мы сейчас в заброшенном квартале: здесь сферы самые тусклые, на них не хватает энергии, — пояснил он и пошел вперед. —

Здесь есть лишь несколько все еще жилых домов. Все стараются жить ближе к центру — там, где свет стабильнее.

И правда, чем дальше они шли, тем ярче светили фонари. Их свет уже не был тускло-розовым. Он все наливался и наливался, становясь ярко-желтым, и Коулу начало казаться, что тьма немного отступила. Они шли по широким ярко освещенным городским улочкам и, если не смотреть вверх, то можно было и не заметить, что небо им заменяло тяжелое черное нечто.

На улицах начали попадаться люди: мужчины и женщины, Коул даже заметил группу детей, сидящих на ступенях дома и играющих в какую-то карточную игру. Одежда на всех была легкая и цветастая, словно они пытались разбавить окружающую их тьму светом и цветом. И Коул почувствовал себя нелепо в своем дутом пуховике на фоне людей, одетых в столь летние наряды. Вот только ему не было ни жарко, ни холодно. Такого понятия, как температура мира, вокруг просто не было. Он мог расстегнуть куртку, а мог и не расстегивать, понимая, что этого ничего не изменится. И после двух дней, проведенных на нещадном морозе, это была сушая благодать.

Дома были белыми с ярко выкрашенными оконными рамами и дверями. На большинстве из них так же были красочные письма, ни смысла, ни предназначения которых Коул понять не мог. Вот только по спине пробежал холодок, когда он осознал, что все окружающие его люди — мужчины, женщины и дети — были ведьмами.

Мысль догнала его и словно обухом по голове ударила. Он был в стане врага. И только осознав это, он начал понимать, что люди косятся на него и его сопровождающего. Вот только никто не решался к ним подойти. «Пока не решался» — мысленно поправил себя Коул. И весь подобрался. Ему нельзя терять бдительность, только не здесь и только не теперь.

Они прошли еще несколько кварталов и вышли на большую площадь с фонтаном, прежде чем их остановили. К ним подошли трое широкоплечих мужчин, высоких, почти с Коула ростом — один даже немного выше. Одеты они были в мягкие свободные брюки и аляповатые цветные рубахи, на плечах которых были вышиты такие же чудные письма, как и на домах. Серьезные, собранные, они буравили Коула взглядом. У одного из них, самого высокого, было видно свежесломанный нос с наложенным фиксатором, на котором также были письма. Коул почему-то сомневался, что конкретно этот представитель ведьминского рода получил свое ранение, не став одновременно еще и зачинщиком драки. Да и его дружки, мягко говоря, не выглядели располагающими и добродушными. Все в них буквально кричало об опасности, и игнорировать свое предчувствие Коул не мог.

Встреть Коул их на улице обычного города, даже не обратил бы внимания, просто прошел бы мимо. Но здесь, в Шарпе, они внушали ему опасение. Если решат напасть, то что он будет делать с бессознательной Мартой на руках? И бежать-то некуда. А в том, что от мальчишки Роя будет хоть какой-то толк, он сильно сомневался.

— Кого ты с собой притащил? — гнусаво спросил мужчина с переломанным носом.

Как Коул и ожидал, защитник из Роя был так себе. Он начал сумбурно лепетать, превращая историю их появления в хаотичную и нелепую сборку предложений, которую местами было просто невозможно понять, разве что сложить из разрозненных и абы как подобранных слов. Вот только в своем монологе Рой ни разу не использовал имя Джуди.

По тому, как все больше темнел взгляд Сломанного Носа, Коул все больше желал скрутить мальчишку и заставить его заткнуться. С каждой секундой ситуация из плохой

превращалась в отвратительную, а доводить до катастрофической совсем не хотелось.

— Как ты мог? — зло прошипел Сломанный Нос, и дружки за его спиной резко подобрались, готовые тут же ринуться в бой. — Ты должен был получить разрешение, прежде чем приводить сюда непрошенных гостей.

То, как он произнес это «гостей», наводило на мысль, что хотел он использовать совсем другое слово.

— Да у кого бы я спросил разрешение? — испуганно возмутился мальчишка, всплеснув руками с ведрами. Коулу начинало казаться, что испуг — единственная эмоция, на которую Рой был способен. — Матери-то тут нет!

— Отсутствие Госпожи Клементины не значит, что ты можешь таскать сюда всякий... сброд!

И снова у Коула появилось чувство, что мысленно его покрыли благим матом и даже выдали порцию на будущее.

— Тащите их всех к старейшинам! — отдал приказ своим дружкам Сломанный Нос и недобро посмотрел на Коула. — Пусть они решают, что с ними делать. Надеюсь, вы, дорогие гости, сопротивляться не будете?

«Не паникуй» — мысленно приказал себе Коул, ощущая, как по спине побежали струйки пота. Кто они, эти «старейшины», и чего от них ожидать? Перед глазами вновь стояла окровавленная Ада. Ему даже показалась, что он услышал металлический запах крови, смешанный с вонью потрохов. Запах, который теперь навечно будет ассоциироваться с его сестрой.

Коул глубоко вдохнул, стараясь отогнать от себя образ сестры, и натянул добродушную улыбку.

— Конечно же нет. Мы ведь туда и направлялись, верно?

Рой как-то странно посмотрел на него и выдохнул, что заставило Коула подумать, что изначально вел он их куда угодно, но не к Старейшинам.

— Да, Марк, — срывающимся голосом ответил Рой. — Именно туда я их и вел. Девушке стало плохо после перехода, и ей нужна помощь...

— Нужна ей помощь или нет — будешь решать не ты, — перебил его Марк-сломанный-нос. — Пойдемте, не стоит заставлять Старейшин ждать.

Его привели к небольшому зданию — одноэтажному и старому — в отличие от остальных домов оно было сделано из камня: белого с прожилками серебряного и черного. То ли мрамор, то ли еще какой-нибудь природный камень. И только войдя внутрь, Коул понял, что то было никакое не здание, а амфитеатр: маленький, всего три ряда ступеней-сидений, а в центре — пустой круг, на котором стоял каменный постамент, вокруг которого стояли четыре молодых женщины.

Марк-сломанный-нос и его товарищи, которые отконвоировали их сюда, вышли вперед и опустились на колени перед женщинами. Рой сделал то же самое, а Коул так и остался стоять на месте, держа Марту на руках. Если ему и нужно было стать перед ведьмами на колени, он этого делать не собирался, считая женщину на своих руках веским для того аргументом.

Одна из женщин повернулась к ним и выразительно смерила взглядом присутствующих, словно ожидая, что сейчас ей дадут полный отчет. Ее взгляд задержался на нем лишь на секунду дольше, чем на остальных. Коул заметил легкое недоумение, но постарался не подать виду, что его волнуют окружающие его люди, хотя внутри все сжималось от желания

немедленно покинуть это место.

Женщина была красива, этого Коул не мог не заметить. Красивых женщин вообще сложно не замечать. Длинные темные волосы, заплетенные в толстую косу, уложенные на ее голове на манер короны. Острый взгляд голубо-серых глаз прожигал в гостях дыры, а пухлые ярко-алые губы слегка искривились в намеке на покровительственную улыбку. Одетая она была в длинную мантию, расшитую этническими орнаментами с прорезями для рук.

Только вот на ее красоту было сложно смотреть. На секунду Коулу показалось, что женщину словно покрывала тонкая пленка красоты, за которой скрывалось что-то еще. Но затем он моргнул, и перед глазами вновь была просто красивая женщина.

— Дети мои, — обратилась женщина к ним, и в ее тоне было столько сладости, что Коул побоялся словить передоз сахара, — почему вы прерываете нас во время обряда?

Да и когда молодая женщина обращается к взрослым мужчинам «дети мои» чувствуешь себя не совсем комфортно.

Марк-сломаный-нос поднял голову, но так и остался стоять на коленях.

— Госпожа Брунгильда, — в его тоне прозвучали раболепные нотки, — Рой провел через портал чужаков. Без разрешения. Мы привели их к вам, чтобы вы приняли решение, как с ними поступить.

Брунгильда вновь посмотрела на Коула, и теперь в ее взгляде было чуть больше заинтересованности. А Коул удивился тому, насколько имя не соответствовало внешности женщины. Казалось, так просто не могли звать эту утонченную деву. Ее внешность навевала мысли о каком-нибудь легком имени, возможно связанным с цветами и теплом. Только вот холодный цепкий взгляд совсем не вязался с таким образом. Этот взгляд принадлежал Брунгильде, и им она скользила по лицу Коула, словно пыталась отыскать что-то, понять, разгадать. Коул так и не понял, нашла она что-то или нет, потому что женщина вдруг улыбнулась как-то сладко и даже по-матерински, а затем перевела свой взгляд на Марту, и ее брови взлетели вверх и улыбка исчезла.

— Рой, кто эти чужаки? — материнским голосом спросила она, и Рой вздрогнул под ледяным взглядом.

Пугливый мальчишка вскинул голову и посмотрел сначала на госпожу Брунгильду, а затем с мольбой во взгляде — на Коула. Если это и был какой-то знак, Коул его не понял, но посчитал за благо промолчать.

— Я нашел их в лесу, у реки...

— И?

— Мужчина... он отравлен хьянгой. Им посоветовали найти наш ковен...

— Посоветовал кто? — госпожа Брунгильда вновь посмотрела на Марту. — Сестры мои, подойдите ко мне.

— Не сейчас, — ответила одна из них скрипучим старческим голосом, который никак не мог принадлежать молодой светловолосой девушке с янтарными глазами и пухлыми округлыми чертами лица. Она смерила их взглядом и вновь склонилась над постаментом. — Пусть ждут. Камни необходимо стабилизировать, иначе пойдет отток энергии.

— Пусть отведут их в дом Розы, — предложила третья женщина, не поднимая головы. Ее распущенные длинные черные волосы не давали рассмотреть женщину, да Коул особо и не пытался. — Ты нужна нам здесь, Брунгильда, иначе не удержим.

Брунгильда недовольно скривила губы и холодно отчеканила:

— Отведите их в дом Розы. Пусть запрет их, — она уже повернулась к постаменту,

когда бросила через плечо. — Роя тоже заприте.

— Но госпожа Брунгильда... — попытался протестовать Рой.

— Твоей матери здесь нет, мальчишка, но даже если бы и была, думаю, поступила бы она так же, — прервала его женщина, не оборачиваясь. — Ты привел к нам чужаков, не задумываясь, чем может грозить твой поступок. Мы решим вашу судьбу, когда закончим с обрядом.

Марта проснулась от дикой головной боли, словно кто-то сильной рукой сдавливал ее виски. Она протяжно застонала и перевернулась на бок, чувствуя под собой мягкое теплое ложе. Что было немного неожиданно после нескольких дней в лесу и ночевок в палатке, где от стылой земли защищали только тонкий брезент да спальник.

Она резко открыла глаза, чтобы понять, где находится, и тут же поняла свою ошибку. Глаза словно резало ярким светом, хотя уже не так сильно, как после перехода. Ощущения были такими, словно ей посреди ночи начали светить фонариком в глаза. Или как когда берешь проверить телефон рано утром, когда глаза еще не адаптировались к свету. Хотелось просто закрыть глаза и продолжить спать. Но она заставила себя проморгать, надеясь, что с магическим следом все будет так же, как с экраном телефона. Вдруг глазам просто нужно к нему привыкнуть?

— Проснулась? — донесся через шум в ушах до нее голос Коула, и она повернулась к нему, силясь увидеть хоть что-то. Но мужчина тонул в ярком магическом следе, и она едва могла рассмотреть контуры его тела. Он был единственным темным пятном, и если смотреть на него, то становилось немного легче.

— Как видишь, — ответила Марта, против воли едко. Вопрос был глупым. — Где мы?

Она увидела, что он едва пошевелился, словно оглядывался.

— В комнате, — пояснил он и, похоже, пожал плечами.

— В какой? — спросила Марта, чувствуя, что начинает понемногу злиться. Неужели нельзя было объяснить все четко и по факту? Зачем нужно было увиливать? Тяжело вздохнув, Марта попыталась успокоить себя. — Что произошло? Долго я была в отключке? И где мы?

Силуэт Коула приблизился и сел рядом с ней, матрас прогнулся под его весом.

— Ты отключилась практически сразу, как мы отошли от портала, и была без чувств пару часов. А сейчас мы... я думаю, мы в плену.

Марта ощутила, как вспотели ладони, а к горлу подкатила желчь. Плен?

— Ты преувеличиваешь, — послышался голос Роя, и Марта вздрогнула, оглядываясь по сторонам, пытаясь понять, где находится юноша, но тот тонул в магическом следе. — Госпожа Брунгильда отпустит вас после того, как разберется в ситуации.

— Я в этом сильно сомневаюсь, — буркнул Коул, и Марта даже смогла представить, как нахмурены его брови в этот момент. — Судя по тому, как она буравила нас своим взглядом, из этой комнаты мы скорее всего выйдем вперед ногами.

— Неправда. Просто сейчас время такое. Недавно на нас напали — охотники рассекретили один из входов, и нам пришлось его полностью отрезать. Так что они опасаются, как бы не произошло что еще...

— Подождите, — вклинилась Марта, пытаясь совладать с потоком информации. — Кто такая госпожа Брунгильда?

— Злобная сука, — ответил ей Коул.

— Старейшина города Шарпа, — вторил ему Рой.

— Ага, старейшина, которая приказала запереть нас в этой комнате, — не без яда продолжил Коул. — Собственно приказала пленить нас, даже не попытавшись разобраться в ситуации.

— У них обряд шел, — защищал эту женщину Рой.

— Но мы ведь не охотники, — Марта вновь перевела взгляд на Коула, не желая закрывать глаза.

Ей начинало казаться, что вокруг начали проступать контуры предметов. Или ей хотелось в это верить, и сознание подкидывало желанные картинки. Нужно было поговорить хоть с кем-нибудь о терзающей ее проблеме. Вот только рядом не было никого, кто мог бы помочь ей. Рой ведь сам сказал, что не являлся колдуном, так что вряд ли он сталкивался с подобным. Да и раскрывать себя ей не хотелось.

— Старейшина — это что-то вроде ведьминой королевы? — спросила Марта, решив сначала разузнать как можно больше, а уже потом думать о том, что делать. Хотя она уже жалела, что послушала Коула и пошла к поселению ведьм. Нужно было уже тогда поворачивать назад.

Рой нервно хохотнул.

— Скорее премьер-министр, — предложил он, но, подумав, все же выдал другой вариант. — Я, конечно, не силен в политике внешнего мира, так что могу ошибаться. Старейшин несколько, и они представляют собой нечто вроде парламента. А главная у нас госпожа Клементина. Вот ее вполне можно назвать «ведьминской королевой».

Марта переваривала полученную информацию и гадала, что бы еще такого спросить, когда Коул пробурчал себе под нос:

— Если у них такой премьер-министр, то я даже боюсь представить, кто такая госпожа Клементина.

— Моя мать, — ответил Рой.

— Ты шутишь? — недоверчиво спросил Коул, и Марта, вновь открыв глаза, посмотрела на него. Да, она определенно видела лучше. Коула так точно, с остальным все еще были проблемы.

— Абсолютно серьезен, — заверил Рой.

— Они посадили под замок собственного принца за нарушение правил? — ехидно спросил Коул. — Боюсь даже представить, какие у вас тут нравы. В какой момент нас казнят, ваше величество?

Марта протянула руку и ткнула Коула под ребра, боясь, как бы он не сказал что-нибудь лишнее.

— Эй, ты чего? — возмутился он.

— Следи за языком, — буркнула Марта.

— Ничего страшного, — вступился за Коула Рой, и Марте стало немного не по себе. Этот мальчишка защищал и оправдывал буквально всех и каждого. — Я не принц. Власть моей матери не распространяется на меня. Для Старейшин я такой же, как и все жители города, и обязан подчиняться правилам.

— Почему? А как же наследование власти? — спросила Марта.

— Во-первых, я не колдун, и магии во мне с гулькин нос. Власть передаётся только от ведьмы к ведьме. Никогда во главе ковена не встанет такой, как я. Для поселения я ценен лишь как осеменитель, хотя вероятность того, что у моей жены в дальнейшем родится

ребенок с магическими способностями — ничтожно мала. Так что и осеменитель из меня никакой, наверное. Джуди, конечно, могла бы впоследствии занять место матери, но только не после того, что произошло... — он осекся. — Так что принц из меня никакой. И вы можете говорить обо мне все, что хотите.

— Спасибо за разрешение, ваше осеменительное величество, — как-то беззлобно усмехнулся Коул, и Рой рассмеялся, а Марте только и оставалось что гадать, когда эти двое успели сдружиться.

— Можно воды? — спросила она. — Или у нас ее нет?

— Есть. В этом наши пленители оказались очень щедры, — хмыкнул Коул и поднялся с кровати.

Марта проследила за его фигурой, попутно пытаясь рассмотреть предметы вокруг него. Но толку не было никакого. Похоже, ее теория «экрана телефона» не работала. Коул вернулся с бокалом воды, и она принялась пить ее жадными глотками, чуть не проливая воду на себя.

— Они нам даже еды принесли, но я не стал пробовать, — сказал Коул и вновь сел рядом с ней на кровать.

— И зря. Никто тебя травить не собирается. Ах, да Марта, я вот о чем хотел тебя попросить: когда придет госпожа Брунгильда и начнет спрашивать о том, зачем и как вы здесь оказались, ничего не говори о Джуди. Пожалуйста.

— Почему? — спросила Марта, сжимая в руках опустевший бокал.

— В городе кое-что случилось, и она сбежала. Старейшины... они захотят вернуть ее. Против воли. И наказать. Мама дала на это добро. Поэтому, пожалуйста, не говорим им с Джуди ничего.

— Хорошо, — тут же ответила Марта. — Она твоя сестра?

— Младшая, — пояснил Рой и то, как он это сказал, отозвалось в душе Марты. Рой любил младшую сестру и ради нее был готов на все. Она поняла это еще тогда на поляне. Поняла и воспользовалась, не задумываясь ни на секунду. Ведь у нее тоже была младшая сестра, к которой она была просто обязана вернуться, так что оставаться в плену в ее планы не входило. — И я действительно удивлен, что вы смогли с ней встретиться. Старейшины ищут ее уже месяц, и толку никакого, на ней какая-то сильная защита, которая путает все поисковые заклятия. Поразительно, конечно, но старейшины даже не знают, кто бы мог его создать. Джуди в постановке защиты всегда была никакой. Больше по ударной магии. Так где вы ее встретили?

Марта предполагала, кто мог поставить на Джуди защиту, но придержала свои догадки при себе. Куда важнее было придумать достоверную историю для Джуди. Ее злость на Кеторин немного отступила, но ей не давало покоя происходящее. Она не могла разгадать того, что творилось в голове этой женщины, и какие планы она строила. Вот только Марта точно не собиралась раскрывать свой город. Не хватало еще, чтобы там объявились ведьмы в поисках Джуди.

— Она была проездом в нашем городе. Путешествовала с бродячим цирком, — соврала она, прекрасно понимая всю нелепость подобного высказывания. Существуют ли до сих пор бродячие цирки?

Рой хохотнул, и Марта пожалела, что не может видеть сейчас его лицо. Ей нужно было видеть, чтобы понять, как мальчишка воспринял ее ложь. У того буквально все было написано на лице.

— О, это вполне в духе моей сестренки, — добродушно и даже слегка мечтательно протянул парень. — Пару лет назад она разругалась с мамой и сбежала. Две недели жила на чердаке театра, пока мама не нашла ее поисковым заклинанием.

— О, так твоя сестра — сорванец? — встрял Коул, и в его голосе Марта услышала нечто похожее на тоску. Удивительно, как, лишившись зрения, начинаешь искать подтекст в интонациях. Ей оставалось только надеяться, что зрение вернется в ближайшее время. Марте не нравилось чувствовать себя слабой.

— Да. Тот еще! Вы знаете, почему она такая маленькая? Это потому, что свалилась в котел с зельем молодости, поэтому и взрослеет теперь очень медленно. Если на нас посмотреть, то никто и не подумает, что между нами разница в пять часов, а не в пять лет.

Марта услышала, как повернулся ключ в замке, и заозиралась по сторонам, пытаясь найти дверь. Дверь она не нашла, но нашла еще один силуэт — такой же, как у Коула, не излучающий ни малейшего намека на магию.

— О, Рози, тебе разрешили прийти? — радостно спросил Рой.

— Нет, — последовал мелодичный женский голос, и Марта подумала, что к ним точно пришла девушка. Возможно она хорошо поет, уж очень нежно она тянула гласные звуки. — Мне не нужно разрешение, чтобы ходить по собственному дому. Вы так и не поели?

— Коул считает, что ты можешь его отравить.

— С чего бы?

— Ну... его уже травили, так что его опасения оправданы...

Марта не стала встревать и высказывать свое мнение о том, что было оправдано, а что нет. Ведь Коул не ел не потому, что боялся отравления, а потому, что не доверял ведьмам. Вот только эта Рози определенно не была ведьмой в отличие от Роя. В нем все-таки было немного волшебства, что бы он ни говорил.

— Хьянга? — переспросила девушка с сочувствием. — Жуткая вещь. И как тебя только угораздило? Ее ведь уж много лет как не выращивают. Так что вывод только один: ты перешел дорогу какой-нибудь ведьме. Небось изменил с ней жене, а потом сознался, что не можешь быть с нею, вот она тебя и траванула! Я права?

Марта хохотнула. Настолько же далеки были ее предположения от реальности...

— О, ты уже проснулась, — как ни в чем не бывало поприветствовала ее Рози. — Как себя чувствуешь?

— Терпимо, — ответила Марта.

— Меня вот штормит каждый раз после перехода, потом несколько дней в себя прийти не могу. Госпожа Брунгильда говорит, что это из-за слабого здоровья. По ее мнению меня штормит буквально из-за всего, — в ее голосе прозвучали скептические нотки, и Марта не смогла сдержать улыбки. — Может поешь? Ты же не боишься, что я тебя отравлю?

Марте хотелось есть, действительно очень хотелось. Вот только как есть в таком состоянии? Выпить воды она еще худо-бедно смогла, а вот есть явно не сможет. Как зачерпывать еду, если не видишь ее? Подносить пустую ложку ко рту, когда все сыпется на одежду?

— Я бы с радостью, — призналась она, — вот только не знаю, как. Понимаете, у меня проблемы со зрением, а очки я в лесу потеряла. Вы для меня сейчас просто размытые пятна.

— Ох! — с жалостью воскликнула девушка. — Это плохо.

Как будто Марта и сама не знала, что это «плохо». Вот только ее проблема не решилась бы поиском очков. Она нащупала рукав Коула и притянула его лицо к себе. Раз уж они в

одной команде, он должен знать и понимать, что сейчас толку от нее нет.

— Я действительно ничего не вижу, — прошептала она ему на ухо и услышала, как он со свистом втянул воздух.

— О чем шушукаетесь? — спросила Роза.

Коул, к немалому удивлению Марты, нашелся с ответом таким, от которого ей захотелось промыть уши с мылом и желательнее еще и разум почистить.

— Марта сказала, что отрежет мне яйца кухонным ножом, если узнает, что я действительно ей изменял.

И черт, ее большое воображение подробно воспроизвело перед ней столь нелепую картину: ее с ножом для разделки мяса, как бы он ни выглядел, и голого Коула, распростертого на столе. Она вполне могла бы нарисовать подобную картину, настолько четкими были кадры в ее голове. А еще она поняла, что от нее можно было бы ожидать именно таких действий в ответ на измену.

Громкий смех Роя разорвал ее воображение и заставил вновь обратиться в слух, чему она была безмерно благодарна.

— Мое счастье, что я всегда был верным, хотя бы потому, что у меня хорошо развит инстинкт самосохранения, — продолжал Коул, а Марта испытывала желание стукнуть его или придушить.

Рой продолжал смеяться, а Роза как-то уж больно понимающе вздохнула, что натолкнуло Марту на мысль, что возможно у нее есть парень или муж, и женщина с мелодичным голосом тоже была любительницей кровавых расправ.

— Я спрашиваю у местных, может у кого-то есть очки, — предложила Роза. — Какой минус?

Марта растерянно заморгала глазами. Какой еще минус?

— Не помню. У меня проблемы с числами, — нейтрально ответила она. Будучи человеком со стопроцентным зрением, она никогда не сталкивалась с терминологией окулистов. Для нее люди делились на две категории: те, кто хорошо видят, и те, кто носит очки. Были еще шифровщики в линзах, но их она предпочитала просто не замечать, относя ко второй категории.

— Тогда я просто принесу все, что смогу найти, — предложила Роза. — И заодно принесу тосты. Их ты сможешь поесть и руками. Кстати, Рой, пойдём поможешь мне.

— А я могу? — с сомнением спросил парень.

— Марк сказал, что ты должен быть у меня, а вот в какой конкретно комнате — не сказал.

Стоило двери закрыться, как Коул кратко и тихо подвел итог:

— Мы в жопе.

Марта нервно хохотнула.

— Не будь столь категоричен, возможно мы все еще на пути к ней.

— На пути, в ней, да хоть за ней. Без разницы.

— Разница есть. Все может стать еще хуже.

Коул тяжело вздохнул:

— Ты не представляешь, как мне хочется сейчас материться.

— Мне тоже, — вторила ему Марта.

— И закурить.

— Не знала, что ты куришь, — Марта нащупала подушку за спиной и откинулась на нее,

вытянув ноги.

— Курил в универе, — буркнул Коул и, похоже, вытянулся рядом. — Потом бросил. А вот теперь думаю, что стоило бы начать заново и возможно напиться.

— Тебе не хватает хьяго-зависимости? Хочешь собрать полный комплект?

— Хьяго-зависимость? — непонимающе переспросил Коул.

— Зависимость от хьянги, — пояснила Марта.

— Прекрати выдумывать новые слова, мне каждый раз не по себе, когда ты строишь из себя заучку.

— Никого я не строю, — слегка обижено хмыкнула Марта. — Так что там с этой госпожой Брунгильдой?

— Ничего хорошего. Мне кажется, она поняла, кто ты. Так и буравила тебя взглядом, словно ты стейк на тарелке, а она очень голодна.

— Ох! Это плохо! — съерничала Марта, копирую манеру Розы для пущей театральности.

— Действительно ничего не видишь? — спросил Коул, и его силуэт слегка пошевелился, словно он приподнялся на локтях, и Марте показалось, что он изучает ее, хотя его лицо вполне могло быть направлено в другую сторону, и она этого не поняла бы.

— Ничегошеньки, — подтвердила она. — Магический след затмевает все. Единственное, что я худо-бедно могу разглядеть — это ты и Розы. В вас магии нет совсем.

— Приятно слышать, — охотно кивнул Коул. — Если что, я сказал им, что наша фамилия Томсон. Подумал, что твою светить не стоит, особенно после каннибалки Брунгильды. Странная она какая-то. Вроде смотришь на нее и кажется, что она молодая и красивая, а после того, как моргнул, проскакивает какая-то другая женщина.

— Скорее всего чары. Что еще можешь рассказать?

— Городок не маленький, да и людей тут много. Когда нас вели к Розы, я даже увидел нечто похожее на школу. И если все эти люди колдуны и ведьмы, то у нас проблемы.

— Не все, — категорично заявила Марта. — Розы точно не ведьма, а значит тут живут и обычные люди.

— Даже не знаю, радоваться мне этому факту или огорчаться, — цинично протянул Коул. Марта как наяву представила его, затягивающимся в этот момент и выпускающим дым. И да, его сигареты должны были пахнуть просто омерзительно. — Кто в здравом уме будет жить с ведьмами, да к тому же еще и в городе ведьм?

Марте показалось, что его вопрос не относился ни к кому конкретному, он словно спрашивал сам себя — и ответ, наверное, хотел получить от себя. Вот только ее буквально распирало от желания пролить свет на правду. Так сказать, сорвать шоры с его глаз.

— У ведьм рождаются и обычные дети, не способные колдовать. Так же, как и у обычных людей могут родиться дети с магическими способностями, если в их роду когда-либо были люди с магическими силами.

— Так то, что ты ведьма, а твоя сестра нет... Такое действительно возможно?

Марта придержать при себе мысли о том, что все ее знакомые ведьмы считали, что у Мегги есть способности, и уклончиво ответила:

— Не исключено.

— Да уж... ты знаешь, что я наводил о тебе справки? — спросил Коул. — Искал все, копал под тебя. Ты ведь была моим заданием, я должен был найти ведьму сам. Найти и убить. В итоге я провалился, но суть не в этом...

— А в чем? — спросила Марта, поежившись.

— В среде охотников никто не знал, что у ведьм могут рождаться обычные люди. Вот теперь я и думаю, сколько из тех, кого мы зачистили, не имел магических способностей?

Марта пожала плечами:

— Без понятия.

— Да уж, Марта Эйприл Рудбриг, как мало ты знаешь о мире! — театрально воскликнул Коул. — Кстати, а почему именно Марта Эйприл? Странное сочетание, тебе так не кажется?

— Бабушка настаивала на Марте, а мама — на Эйприл. Так и появилась Марта Эйприл Рудбриг.

Коул рассмеялся. Звучно так, с присвистом.

— А знаешь, было бы забавно, если бы твой отец настаивал на Мей. Тогда бы ты была Марта Эйприл Мей Рудбриг. Так сказать, весенняя девочка.

— Забавный каламбур, — недовольно скривив губы, буркнула Марта. — На уровне первого класса.

— Что, тебе такое уже говорили?

— Ага.

— Черт, а я думал, что вышло остроумно. Кстати, а у Мегги есть второе имя? Я-то ее не искал особо.

— Мегги — это прозвище. Ее полное имя Магдалина.

— Ух ты! — присвистнул Коул. — Я смотрю, у вас в семье пунктик на вычурные имена. Бабуля настояла?

— Кто же еще? Собственно поэтому и Мегги. Сложно немного отчитывать маленького обделавшегося младенца и укоризненно произносить «Магдалина». Сам понимаешь, есть такие имена, которые просто не ассоциируются с человеком. Меня полным именем в последний раз называли, когда в школе на какой-то конференции награждали. И даже тогда мне было дико слышать этот довесок к имени.

— Ну не знаю, — протянул Коул. — Как по мне «Магдалина» очень подходит твоей сестре.

Марта лишь пожала плечами. Для нее Мегги была просто ее Мегги, и она не могла судить, что ей подходило, а что — нет.

— Кстати, не хочешь принять душ? Тут есть отличная старая медная ванная, я такие только в музее видел...

— Не знала, что ты любитель истории, — вторила ему Марта.

— Я-то? Да ни в жизнь! Я про эту ванную-то почему помню: прятался за ней в том треклятом музее.

— Прятался?

— Да. Пас сестру на ее первом свидании, — отчего-то ей показалось, что все, сказанное им, было лишь шуткой, попыткой пустить пыль в глаза.

— Вау, — только и смогла что ответить Марта. — А ты не боишься, что ванная заговорена, и у тебя потом появиться проказа?

Судорожный вздох и последовавшая за ним немая пауза рассмешили Марту.

— Такое возможно?

— Наверное, нет, — пожала плечами Марта. — Я просто предположила.

— Для простого предположения твой тон был слишком уверенным.

— Да господи, иди мойся. Если что, сниму я с тебя это проклятие, — Марта не стала говорить, что она без понятия, как снимать или накладывать проклятия.

— Только вот теперь твой голос не такой уж уверенный. Даже не знаю, как поступить. Марта нащупала за своей спиной подушку и швырнула ее в силуэт Крула.

— Ауч! Ты же сказала, что ни черта не видишь! — возмутился мужчина, театрально потирая ушибленную руку.

— И не вижу!

Коул поднял с кровати и пошел в неизвестном Марте направлении.

— Вот и связывайся с ведьмами. Везде один обман, — причитал он.

Сдерживая улыбку, Марта следила за его силуэтом.

— Знаешь, мне начинает казаться, что ты ошибся с профессией. Тебе нужно было идти в театральное. Играл бы сейчас какого-нибудь умалишенного на подмостках, а не сидел бы с ведьмами.

— Были такие мыслишки. Даже ходил на несколько занятий. Они так и назывались: «Как общаться с ведьмами?»

— Шутишь?

— Конечно, — он склонился над чем-то и по тому, как двигался его силуэт, Марта поняла, что он перебирает содержимое сумки. — Курсы назывались «Основы актерского мастерства», и меня выгнали с первого занятия за неподобающее поведение.

— Пытался убить лектора? — предположила Марта.

Коул коротко хохотнул.

— Знаешь, то, что я не смог управиться с тобой, еще не значит, что я совсем уж неумеха. Кстати, я тут вспомнил, а где твой отец учился драться? По нему и не скажешь, но у него сильный удар. Я, конечно, был слегка не в себе... Представляешь, какой это удар по самолюбию? Меня уложил офисный клерк! И как уложил!

Марта слушала его с отвисшей челюстью.

— Насколько я знаю, он нигде никогда не занимался. Даже на школьные спортивные фестивали отказывался ходить.

— Похоже, ты очень плохо его знаешь.

— Похоже, — неуверенно пробормотала Марта.

Она прикрыла глаза, пытаясь представить своего отца в бою. Вот только никак не получалось. Перед ее мысленным взором отца раз за разом укладывали на лопатки. Да уж, сложно представить, когда не знаешь, что представлять.

— Март, слушай, а откуда в наших вещах взялся этот голубой мешочек? Его не было, когда я перебирал их в последний раз. Ты положила?

— Какой мешочек? — растерянно взглянула на Коула Марта.

— Такой голубой с вышивкой в виде листов то ли папоротника, то ли еще чего-нибудь подобного, — в описаниях Коул был не силен, но это не меняло того факта, что Марта впервые слышала об этом мешочке.

— Не я...

— Хм... в нем пара солнцезащитных очков и какие-то склянки.

— Ты его открыл? — изумилась Марта. — А если бы в нем было проклятие?

— Ты меня со своими проклятиями уже достала! Нет в нем никаких проклятий. Со мной все в порядке. Тут есть карточка. «Очки для твоих глаз, притушат яркость солнца. Не забывай принимать лекарства. С любовью, твоя К». К — значит Кеторин?

Кажется, в комнате резко стало меньше воздуха. Или же Марта начала задыхаться от собственной злобы. Кеторин манипулирует ей. Играет, словно куклой, и Марте это не

нравилось. Ей очень сильно не нравится, когда ее пытаются затянуть в игру, правил которой она не знает. Внутри нее негодование, злость и обида смешивались в странный коктейль, от которого не стоило ждать ничего хорошего.

— Я прибую ее. Найду и прибую, — сквозь зубы прошипела она, тщетно пытаясь обуздать свою ярость, но она накатывала на нее волнами.

Она не видела, но ощущала, как ее эмоции выплескиваются через край, энергетическими волнами разметав все по комнате.

— Вот черт, — услышала она Коула, прежде чем потеряла сознание.

Глава 27. Дурные знамения

Джилс чувствовала себя некомфортно, выпроваживая последнего клиента. Она обычно никогда не брала кого-то после девяти вечера, но мужчина так просился, буквально умолял — видите ли жить не сможет, если не узнает свое будущее — и Джилс согласилась нехотя, подсчитывая свою прибыль за поздний прием. Не могла же она запросить двойную плату... или могла? Она предложила добавить половину стоимости к своей обычной цене, и мужчина сразу же согласился, рассыпаясь в благодарностях. Если бы знала, что так получится, сразу бы попросила двойную оплату и не страдала бы сейчас угрызениями совести.

Джилс убрала деньги в кошелек и потушила свечи. На сегодня приемы закончены. Вот только неприятные ощущения никуда не делись. Вначале она считала, что причиной был клиент и его не самый приятный внешний вид — эта его разорванная щека. Джилс содрогнулась, только вспомнив. Такое кого хочешь может заставить чувствовать себя некомфортно.

Она надеялась, что после его ухода все пойдет, как по маслу, и ее душевное равновесие вернется к ней. Не тут-то было. Ее все еще словно дергали за нить изнутри.

— Нехороший знак, — рассеянно пробормотала она и покосилась на карты, все еще разложенные на столе.

Она вполне могла бы сделать себе расклад, если бы не одно правило: она никогда не гадала для себя, только для кого-то. И отступаться от своих принципов не собиралась, какие бы предчувствия ее не мучали.

Джилс отдернула шторы, впуская лунный свет в темную комнату. За окном уже лежали высокие сугробы, и ей совсем не хотелось идти домой по такой погоде. Может заночевать прямо здесь, в кабине? Не зря же в шкафу прятались раскладушка и подушка с пледом. Не впервой.

Она включила тусклый торшер с цветным абажуром, и комнату залил теплый желтый свет, вырвав из тьмы заставленные всякой эзотерической лабудой полки. Настоящих магических предметов там никогда не было, только атрибутика для наведения антуража. Птичьи черепа да ножи «типа из слоновой кости», а на самом деле — крашенные пластиковые шпучки, купленные на распродаже в местном магазинчике. Из магического в маленьком кабинете была только старая рисованная колода на столе и настоящая ведьма на стуле.

Джилс проверила свое расписание на завтра и ужаснулась. Домой идти нет никакого смысла, первая клиентка придет уже в семь утра. И почему им не спится в такой час? Сама бы она никогда не пошла бы к гадалке ни утром, ни поздно вечером. Хотя, если быть точной, она никогда не ходила к гадалкам и никогда не пошла бы.

А зачем? Джилс знала одну непреложную истину: как только человек узнал будущее — это будущее тут же начинает меняться, и то, что ты уже знаешь о будущем, может быть уже вовсе не так. Поэтому Джилс и трактовала карты максимально туманно, чтобы не сильно повредить ткань времени. Поэтому она никогда не смотрела будущее для себя. А пророчества — очень тонкая материя. На сотню пророчеств приходится не больше трех сбывшихся, остальные же канут в небытие.

Джилс захлопнула ежедневник, жалея себя за чрезмерную доброту. Не была бы она

столько лояльной к людям, ей бы не пришлось вставать ни свет ни заря, чтобы рассказать глупой девчонке, что ей не изменяет муж: ни с женщинами, ни с мужчинами, ни с собаками. В какой уже раз к ней придет именно эта клиентка и именно с этим вопросом? В пятнадцатый? Она сбилась со счета после десятого.

Джилс достала свою раскладушку и принялась стелить постель, когда в дверь постучали. Два легких, едва уловимых удара, словно у человека за дверью не было сил для чего-то большего. Джилс нахмурилась и запихнула свою раскладушку обратно в шкаф, а еще взяла бутафорный нож — на всякий случай. Глядишь он припугнет незваных гостей, хотя толку от него все равно не будет.

Она распахнула дверь и уставилась на шуплую слепую старушку, глаза которой были перерезаны шрамом. Похоже, сегодня вечер покалеченных людей.

Джилс устало вздохнула и отошла в сторону, пропуская старушку в кабинет. Та была в длинном зимнем пальто чуть ли не в пол, и Джилс только дивилась, как слепая женщина не пугается в собственных ногах. Сама Джилс была адептом брюк, и ни юбки, ни длинные плащи ее не привлекали.

— Могла бы и позвонить, прежде чем приходить. Джослин, я не сижу здесь целыми сутками.

— Это не телефонный разговор, — ответила женщина и прошла внутрь, опираясь на резную трость. Джослин вполне уверенно прошла к столу и села на клиентский стул. Сняла декоративную шляпку и положила на стол, а трость разместила на коленях.

Джилс же закрыла дверь и привалилась к ней спиной.

— Зачем ты пришла?

Джилс чувствовала, как нить, которая дергала ее весь день, натянулась так, что вот-вот — и лопнет. К горлу подкатила желчь.

— Предупредить, — только и ответила Джослин, а по спине у Джилс уже побежал холодок.

— Что-то случилось в ковене? — язык заплетался, а ноги, казалось, откажут в любой момент. Джилс не могла этого отрицать — ей было страшно. Джослин никогда не приходила просто так.

— Глава при смерти. Говорят, не протянет и недели. И если так, то скоро будет проведен обряд и выбрана новая, — ответила женщина, и на ее морщинистом лице прорезалась горькая усмешка.

— Они знают, где меня искать?

— Если на обряде выберут тебя, то поиски для них не составят труда. Потроха сами проложат к тебе путь.

Джилс сглотнула.

— Значит, выбора нет. Либо я приду и сложу голову сама, либо меня найдут и заставят...

— Либо ты забереешь то, что принадлежит тебе по праву рождения, — предложила Джослин.

— Как будто они позволят мне что-то у них забрать, — горько усмехнулась Джилс.

— Вечно прятаться ты не сможешь, девочка. Кровавая корона всегда требует то, что принадлежит ей. А ты ей принадлежишь. Ты уже чувствуешь ее зов?

Вроде вопрос, но Джилс слышалось в нем утверждение. Ведь она действительно чувствовала, как натягивается нить.

— Я поеду, — через силу выдавила она, хотя все, чего ей хотелось сейчас — выбежать из кабинета и бежать, куда глаза глядят, в надежде, что корона выберет кого-нибудь другого. Глупая надежда. Джилс уже знала, что корона не выберет никого другого, пока по ее венам еще течет кровь.

Мегги буквально вытолкнули из сна. Секунду назад она спала — щелчок — и она уже сидит в кровати, жадно хватая губами воздух и пытаясь понять, что произошло. Ее была мелкая дрожь. Что-то произошло. Что-то произошло не здесь, но проснулась она именно из-за этого.

Она чувствовала сильный всплеск чего-то неизвестного. Ощущения были похожи на те, что она ощутила, встретив Джона. Она знала тогда, что ему не стоит встречаться с ее сестрой. Она знала, что мама не оставила их без защиты. И теперь она знала, что что-то произошло.

Что-то нехорошее.

Мегги выбралась из кровати и на трясущихся ногах пошла в спальню к папе. Попутно она включала свет на своем пути. Ей было страшно. Она боялась темноты, но не только ее. Она боялась того, что произошло где-то там, где ее не было, потому что знала — произошедшее будет иметь последствия для нее.

И ей точно не понравятся эти последствия.

Мегги забралась в кровать папы и, накрывшись его одеялом, поудобнее устроилась у него под боком. Ее все еще была нервная дрожь, но родное тепло и слабый аромат одеколona успокаивали.

— Страшный сон? — сонно спросил отец, обхватив ее руками и притянув к себе покрепче.

— Ага, — вяло ответила Мегги, не желая обсуждать свои дурные предчувствия.

— Это всего лишь сон, он не имеет над тобой никакой власти, — так же вяло произнес отец. Возможно он и хотел ее поддержать, только сон был сильнее, и Мегги буквально ощущала, как отец проваливается в забытие.

— Точно, — кивнула она, и положила голову ему на грудь. — Сны — всего лишь сны.

Она понемногу начала расслабляться, ведь сейчас она была в самом безопасном месте на свете: рядом с ее отцом и под защитой ее матери. Она знала — пока она здесь, с ней ничего не случится. Но также она знала, что долго здесь оставаться не получится.

Было так много вещей, которые Мегги знала, и так много — чего нет. Но сейчас она могла спать, потому что ее время еще не настало.

— Вот черт! — простонал Коул, бегло осматривая разруху, которая теперь господствовала в месте их пленения.

Еще пару секунд назад все было хорошо, насколько это вообще было возможно в нынешних условиях. А затем от Марты пошла какая-то неведомая энергетическая волна и разметала все по комнате: самого Коула отбросило к стене, и он, сильно приложившись головой и спиной, съехал вниз, да там и остался, опасаясь подниматься на ноги. Если будет еще одна подобная волна, то ее он лучше встретит сидя.

Но, похоже, ничего подобного не планировалось. Марта в бессознательном состоянии лежала на кровати.

И как ему объяснять произошедшее, если кто-то придет проверять их? А их точно

придут проверять. Если так подумать, то грохот стоял такой, что их могли услышать не только жильцы дома, но и люди на улице.

Коул смачно выругался и поднял на ноги. В руках он все еще сжимал мешочек с очками и склянками. Ну Кеторин и удружила конечно.

Нужно было что-то предпринять — и немедленно. Вот только Коул не знал, за что хвататься. Комнату в первоизданное состояние он уже не приведет. Нужно хотя бы проверить, как там Марта.

— Из тебя просто отвратительная соратница. Накосычила и свалила в забытие, а мне разгребай, — причитал Коул, склонившись над ней и хлопая по щекам, чтобы привести в чувства. Он даже потряс ее для пущего эффекта, но Марта не откликнулась. Хорошо хоть, что дышала. Таскать за собой труп ему совсем не хотелось.

Дверь резко распахнулась, и в дверном проеме Коул увидел Розу. Женщина ошарашено воззрилась на него и на разгромленную комнату. И дураку было понятно, что семейная ссора не могла привести к разломанному дивану и заваленному трюмо. Если только Марта не решила опрокинуть его на мужа.

— Что-о... что здесь произошло? — нахмутив брови, Роза уставилась на бессознательную Марту в руках Коула.

— Может Марта на что-то напоролась? — послышался голос Роя из коридора, и в следующую секунду его голова показалась за плечом Розы: выглядел он при этом таким же оглушенным, как и Роза.

— Ты колдун, — удивленно произнесла круглолицая женщина.

От такого заявления Коулу даже смеяться захотелось, хотя обстоятельства к тому не располагали.

— Я не...

— Не он, — неуверенно отрицал Рой. — Марта. Она ведьма. И очень сильная, раз уж я смог разглядеть ее след.

На Коула словно ушат воды вылили. Если до этой секунды он еще мог попытаться отрицать, то теперь смысл пропал. Роза судорожно вздохнула, и все ее хорошее отношение к ним и те доброжелательные улыбки и вполне добрые шутки развеялись. Коул видел, как взгляд женщины стал холодным и настороженным.

— Кровавая?

— Не думаю, — в голосе Роя все так же не было уверенности. Он словно говорил одно, а подразумевал другое. — Посмотри, ее кожа почернела!

Коул опустил взгляд и отшатнулся: руки Марты там, где задрались рукава ее куртки, были черными. Точнее их словно покрывала та же глубокая тьма, что заменяла небо городу Шарпа.

— Точно не кровавая, — Рой, казалось, стал чуточку увереннее, но Коул никогда бы не поверил человеку, который пытался бы его в чем-то убедить таким тоном.

Коул не знал, что ему делать. С одной стороны, нужно было немедленно привести Марту в чувство — только она могла помочь им выбраться из этой заварушки. С другой — прикоснуться к ней ему совсем не хотелось. Он испытывал дикое желание пойти и вымыть руки с мылом. Не просто ведьма, а ведьма, кожа которой была покрыта странной черной субстанцией. Осознание этого в миг разрушило шаткое равновесие их отношений.

— Нужно немедленно позвать госпожу Брунгильду, — предложила Роза.

— Нет! — воскликнул Рой. — Только не ее.

Рози укоризненно посмотрела на паренька.

— Ты привел в наш город неизвестную ведьму с неизвестными способностями и говоришь мне, что я не должна поставить в известность глав города? Я правильно поняла? Мальчик мой, ты часом умом не тронулся? Или она наложила на тебе какое-то заклятие послушания?

Во взгляде Рози отразилось понимание, и Коулу стало дурно. Сейчас они приведут сюда госпожу Брунгильду, и ситуация из критической превратится в фатальную. Схватив Марту за куртку, он притянул ее к себе, стараясь не касаться голой кожи, благо на девушке было много одежды, и, обернувшись к Рози и Рою, попытался изобразить на своем лице нечто, что можно было принять за смирение пополам с паникой. Хотя паники у него сейчас было столько, что хватило бы на целый взвод.

— Мы пришли к вам, потому что нам нужна помощь, — затеял он ту же игру, что вела Марта, в надежде, что Рой опять клюнет. — После того, как меня отравили, с моей женой что-то произошло. Мы и сами толком не понимаем. Это нечто просто выплескивается из нее.

Коул тараторил, сочиняя на ходу, сам не понимая, что конкретно говорит.

— Недавно пробудившаяся и не контролирующая свои способности? — выпучила глаза Рози и уперла руки в боки. — Час от часу не легче!

— Рози, — умоляюще позвал Рой, — только не Брунгильду, прошу тебя! Она же... Позови госпожу Еву, если тебе так уж хочется привести Старейшин. Но только не Брунгильду.

Рози тяжело вздохнула и потерла переносицу.

— Что они тебе пообещали? Признавайся!

— Н-ничего... — потупил взгляд Рой.

— Не ври мне, мальчишка! — грозно воскликнула женщина, и даже Коул немного ужаснулся. Примерно так на него кричала мать, когда он ее чем-то не устраивал.

— Я не вру! — попытался отнекиваться Рой, но взгляд женщины стал еще нетерпимей.

— Я вас с Джуди как облупленных знаю. Это же я вас выкармливала, когда у вашей матери молоко пропало, а ты смеешь мне лгать. Что ты, что Джуди, шайка неблагодарных уб... — Рой побледнел, а лицо Рози просветлело. — Значит, Джуди?

Судя по тому, как парень то и дело косился на коридор за своей спиной, он действительно подумывал сбежать.

— Рози, пожалуйста! — взмолился парень, и в его глазах даже блеснули слезы.

— Говори! — напирала женщина. — Неужели ты думаешь, что я могу ей хоть как-то навредить?

Рой мучался. Было видно, как он буквально разрывался между верностью сестре и доверием к Рози. И выбор сделать не мог. Молчание и переглядывание этих двоих затягивалось, и Коул понял, что выбор придется делать ему.

Тяжело вздохнув, он произнес:

— Мы встретили эту девушку на ярмарке, кажется, цирковой... и она направила нас сюда.

Рой пронзил его странным взглядом: смесью благодарности и презрения. А Рози вскинула бровь, и, кажется, в ее взгляде, направленном на Коула, стало чуть меньше холода.

— Вот оно что, — протянула она. — Тогда я приведу госпожу Еву, а вы пока оставайтесь здесь. И ты, Рой, тоже.

Она умело затолкала парня в разгромленную спальню и закрыла дверь снаружи. Затем послышалось уверенное цоканье ее каблучков, и Коул вздохнул с облегчением. Кем бы ни была госпожа Ева, она в любом случае не могла быть такой же, как Брунгильда. Коул не хотел признавать, но эта женщина внушала в него страх.

— Ох, ох, ох, — причитал Рой, плюхнувшись на пол рядом с дверью. — Почему вы сразу не сказали, что Марта ведьма?

Паренек косился на бесчувственную Марту в руках Коула и продолжал стонать, словно на его плечи свалили тяжкий груз, с которым он не справляется, и тот давит и давит, а бедняга Рой только и мог что стонать и жаловаться. По крайней мере так его стенания представлялись Коулу.

— Как ты помнишь, у нас и возможности-то не было. Все так завертелось, — попытался сослаться на обстоятельства Коул.

Поверил ему Рой или нет, Коул не знал: парень уткнулся носом в свои колени и продолжал стонать. Похоже, он уже сам не рад, что ввязался в это дело. Вот только Рой сейчас не был его главной проблемой.

Главной была Марта. Натянув на ладонь рукав свитера, он принялся хлопать по щекам Марты. Ее нужно было привести в чувства и немедленно. Во всяком случае до прихода госпожи Евы.

— Кто она такая, эта ваша госпожа Ева? — спросил Коул, тряся Марту за плечи. Та что-то невнятно пробормотала и даже попыталась отмахнуться от него, что лишь разозлило Коула.

— Одна из старейшин, — буркнул Рой в свои колени. — Она добрая.

Класс! Добрая ведьма Старейшина. Лучшая и, самое главное, развернутая характеристика. Рой вполне мог сказать, что она любит фасоль — тогда у Коула было бы больше представления об этой женщине. Потому что понятие «добрая» настолько же абстрактное, как и «злая». А вот «чокнутая сука» понятие очень точное, так же как и «мягкосердечная дура». Вот Рой был мягкосердечным дураком, и если госпожа Ева окажется такой же, то им несказанно повезет.

Коул попытался вспомнить женщин возле постамента и предположить, кто из троих мог быть госпожой Евой, но ею в равной степени могла быть каждая из них, и гадать не было смысла.

Он вновь потряс Марту, и, о чудо, она соизволила открыть глаза.

— Что происходит? — едва ворочая языком, спросила она, пытаясь сосредоточить свой взгляд на Коуле. Ох, как он жалел, что она не может сейчас видеть его лицо, да и всю комнату. Ему хотелось, чтобы она точно знала, во что их втравила, и какие им могут грозить последствия.

— Ты разнесла комнату. В прах.

Ее глаза и губы округлились и сейчас она очень сильно напоминала «Крик» Мунка: только руки к ушам приложи и сходство будет почти портретное.

— Вот черт! — выругалась Марта и отстранилась от Коула.

— Да, милая, я думаю точно так же, — Коул вложил в «милую» столько яда, сколько смог, но Марта не обратила на это никакого внимания.

— Поддай мне очки, которые нашел, — приказала она, и Коул, скрипя зубами, подчинился.

Она нацепила забавные солнцезащитные очки со стеклами в виде сердечек и

облегченно выдохнула.

— Вижу, — решительно произнесла она, осматривая разруху комнаты. А ведь недавно тут была маленькая спальня с чрезмерным количеством декора и всяких рюшечек и оборочек, но даже она была лучше того, что творилось сейчас. — Это я сделала?

Марта была ошарашена. Еще бы, кто угодно удивился бы, если бы смог силой мысли опрокинуть трюмо и разворотить диван.

— Ты не пострадал? — к немалому своему удивлению услышал Коул и даже на секунду лишился дара речи.

— Не особо. Головой приложился, но в целом нормально, — ответил он и еще больше удивился облегчению, появившемуся на лице ведьмы. Хотя чему удивляться, ей, наверное, тоже не с руки таскать за собой труп.

Коул кратко пересказал ей события и обрисовал грядущие. Рой подчеркнуто молчал, иногда хмыкая, но Коул так и не понял, что паренек пытался показать своими междометиями.

— Рой, — позвала Марта его таким тоном, точно пыталась успокоить маленького ребенка. — Я действительно общалась с Джуди, и с ней все хорошо. Я ничего тебе не внушала, если ты...

— Вы бы и не смогли мне ничего внушить, даже если бы захотели, — вполголоса отозвался Рой, приподняв голову и уткнувшись подбородком в колени. — На мне ментальная защита. Ее поставила моя тетя, когда я бы еще ребенком. Так что привел я вас сюда по своей воле.

Он запустил пятерню в свои короткие волосы и взъерошил их.

— Ясно, — кивнула Марта. — Нас же не запрут в какой-нибудь темнице? Мы пришли к вам за помощью, а не для того, чтобы причинить кому-то вред...

— Вас не запрут. Госпожа Ева не позволит.

Коул расслышал стук каблуков по деревянному полу и напрягся. Их точно было три пары. Похоже, Марта их тоже слышала, потому что принялась поправлять перчатки и одергивать рукава, стремясь скрыть черные пятна на коже.

Первым желанием Коула, когда дверь открылась, было придушить Розу прямо там на месте. За ее спиной стояла госпожа Брунгильда и улыбалась своей теплой с нотками высокомерия улыбкой. А прямо за ней Коул разглядел ту тучную светловолосую женщину с по-старушечьи скрипучим голосом. И в его представлении эта женщина была кем угодно, но только не «доброй госпожой Евой».

— Розу? — обиженно позвал Рой, поднимаясь с пола. Выглядел он, как котенок, которого бросила в воду мама-кошка.

— Они были в лизии, — ответила на невысказанный вопрос Розу. — Госпожа Брунгильда решила сопроводить госпожу Еву.

— Розу, посторонись, — приказала госпожа Брунгильда и, недолго думая, отодвинула женщину в сторону.

Размашистым шагом она вошла внутрь, и госпожа Ева последовала за ней. И если движения первой были резкими и даже дикими — она словно пропалывала воздух перед собой, то вторая шла плавно, словно плыла по полу, как по морю.

Госпожа Брунгильда окинула Марту оценивающим взглядом, и от этого взгляда Коулу стало дурно: так смотрели на гниющую падаль, а не на живого человека.

— Значит, я все-таки была права, — торжествовала Брунгильда. — Ты ведьма. Деточка,

да от тебя за версту фонит магией, ты сейчас как огромный живой маяк. Кто же ты такая?

— Не пугай ее, — своим скрипучим старушечьим голосом произнесла госпожа Ева и, обогнув свою подругу, села на край кровати, сцепив руки в замок и положив их на колени. — Роза сказала, что ты недавно инициировалась. В твоём роду были ведьмы?

— Нет, — тут же выпалила Марта.

— Врешь, — сладко улыбалась ей Брунгильда. — Такая мощная энергетика не берется из воздуха. В твоём роду были ведьмы — и очень сильные.

— Я не знаю, — Коулу хотелось знать, были ли испуганные нотки в голосе Марты фальшивыми или она действительно испугалась. Потому что у него волосы на руках встали дыбом. Брунгильда пугала его. — Я сирота.

— Слабо верится, — ответила Брунгильда, склонив голову на бок.

— Не дави на девочку, — вступилась госпожа Ева. — Я бы тоже ничего не сказала бы, если бы на меня так напирала.

— Ева, я не давлю, лишь пытаюсь добиться правды. А она, как видишь, не желает идти на сотрудничество.

Госпожа Ева тяжело вздохнула и во всей ее позе так и читалось снисходительное отношение к Брунгильде.

— Просто это странно, — продолжала госпожа Брунгильда. — С начала лета за нами гоняются охотники, даже умудряются украсть запасы редкого яда, а теперь здесь объявляется ведьма с сильными магическими дарованиями и ее муж, отравленный тем самым ядом.

Марта сглотнула.

— Расскажи-ка, девочка, как так получилось, что твоего мужа отравили именно хьянгой? — Старейшина уперла свой ледяной взгляд в Марту и смотрела на нее, не моргая.

Коул судорожно соображал, пытаясь придумать, что такого сказать, чтобы им поверили. Вот только в голове не было ни единой идеи.

Марта, кажется, всхлипнула и, судорожно втянув воздух, принялась рассказывать, а Коул старался не уронить свою челюсть и выглядеть не таким уж шокированным.

— Его отравили... мы сами не знаем, где и когда... ох... ему было так плохо... он словно заживо горел, — говорила она сбивчиво, словно подбирая каждое слово. — А когда ему стало уже совсем плохо, я нашла на пороге конверт — в нем был сверток с какой-то травой и записка... что ему может помочь только это. И что потом мне придется заплатить...

— Заплатить чем? — нахмурила брови госпожа Ева, внимательно изучая Марту.

— Не знаю. Просто заплатить. Я испугалась. Только вот выбора у меня все равно не было, Коул... он же умирал, — в глазах Марты стояли настоящие слезы. — Я... я дала ему эту траву, и ему стало лучше. Какое счастье! А потом... Потом был тот мужчина... в парке... с арбалетом... Он наставил оружие на меня и я... О Боги, — она судорожно вдохнула. — Я не знаю, что тогда произошло, но арбалет его разнесло в щепки, а мужчина... он умер.

Коул сжал руку в кулак так, что побелели костяшки. Если Марта сейчас не врала, в чем он сильно сомневался, то скорее всего учитель мертв, и она убила его за то, что он направил арбалет на ее сестру. Об этом нужно было подумать, ведь Марта умело мешала правду с вымыслом, и не запутаться было сложно.

— Какой мужчина? — госпожа Брунгильда выглядела заинтересованной. Ее глаза даже начали светиться, словно в них пылал огонь. Холодный огонь.

— Я не знаю. Я не видела его лица, сразу же убежала. Потом уже узнала, что в парке

нашли мертвого мужчину.

— Понятно, — протянула госпожа Ева. — И больше ни травы, ни писем вы не получали?

— Нет, — ответила Марта, и Коул кивнул, как бы подтверждая ее слова. — А запас этой дряни начал заканчиваться и мы искали, где взять еще. У нас осталось на один раз — не больше.

— Мы подумаем, что с этим можно сделать, — улыбнулась госпожа Ева, и ее улыбка была теплой. — Спасибо за откровенность. И все-таки, кем были твои родители?

— Я не знаю, мне было четыре, когда произошел пожар в доме и они сгорели заживо. Рой, стоявший у двери, тоже всхлипывал. Расчувствовался парнишка, опять заскочив на крючок Марты.

— Вот как... бедная девочка, — она протянула руку и по-матерински похлопала Марту по плечу. — Я тебе верю. Но пока вы останетесь здесь, и я повешу на вход магический замок — на всякий случай.

— Я думаю, их стоит поместить в карцер, — предложила госпожа Брунгильда, скрестив руки на груди.

Госпожа Ева смерила Брунгильду холодным взглядом и снисходительно улыбнулась.

— Я думаю, в этом нет особого смысла. Марта ведь не станет колдовать без разрешения?

— Конечно нет, мадам!

— Вот и отлично, — просияла госпожа Ева и поднялась с кровати. — Тогда мы, пожалуй, пойдем. Время уже позднее. И да, Рой, можешь идти домой.

Парень облегченно выдохнул, и его напряженные плечи расслабились.

— Отдыхайте и чувствуйте себя, как дома.

Дверь за ними закрылась, и Марта повернулась к Коулу. На ее лице светилось невиданное доселе облегчение.

— Пронесло, — произнесла она и улыбнулась уголками губ.

— Надолго ли?

Марта пожала плечами и откинулась на подушки, которые каким-то чудом не разорвало при всплеске ее магии.

Коул вытянулся рядом с ней, ощущая себе безмерно уставшим. Ему чертовски хотелось спать. Уже засыпая, он осознал одну вещь: никто, совершенно никто, не упомянул о черных пятнах на руках Марты, и даже Рой не напомнил об этой Старейшинам.

Коул не знал, что и думать, но почему-то эти черные пятна казались ему дурным знаком.

Кеторин заварила себе вкусный чай с ромашкой и села за небольшой кухонный столик. Ей всегда нравился чай госпожи Евы. Та умела собирать и высушивать травы каким-то неведомым для Кеторин способом, и вкус всегда получался более насыщенным, чем если бы травы заготавливала она сама.

В темноте кухни чай дышал паром, а Кеторин, обхватив кружку обеими руками, ждала госпожу Еву, в нетерпении стуча ногтями по древнему фарфору — возможно такому же древнему, как и госпожа Ева. Эта женщина была уже очень стара, когда Кеторин еще и на свете не было. Самая старая Старейшина. Возможно госпожа Ева еще помнила таинственный город Шарпа, когда в нем горели огни на всех улицах.

Кеторин сделала глоток и блаженно вздохнула: она скучала по этому чаю. Возможно только из-за него ей стоило вернуться сюда.

Входная дверь скрипнула на старых несмазанных петлях точно так же, как и когда Кеторин вошла в дом, а затем кухню залил мягкий свет магического хрусталя.

Кеторин растянула губы в широкой улыбке, приветствуя свою старую наставницу, прятаясь за молодой личиной.

— Так и знала, что без тебя не обошлось, — скрипнул старый голос, и госпожа Ева подошла к столу. — Если что-то идет странным образом, то к этому непременно приложила руку Кеторин Чубоски.

— Я тоже рада вас видеть, — ответила ей Кеторин, припадая губами к чашке.

Госпожа Ева села напротив, заняв потертый резной стул с мягкими бархатными подушками, и сняла с пальца переливающееся магическим светом медное кольцо. Стоило тому коснуться крышки стола — и от прекрасной молодой женщины не осталось и следа. Теперь перед Кеторин сидела хорошо знакомая ей тучная старуха с горбатой спиной и такими глубоким морщинами, что ее лицо больше походило на бульдожью морду с обвисшими складками кожи. Неизменными остались только знакомые глаза яркого янтарного оттенка.

— Никогда не могла понять, зачем вы натягиваете на себя эту маску. Все и так знают, что вы самая древняя ведьма.

— Долгоживущая, — скрипнула в ответ Ева.

— Точно.

— Затем же, зачем и ты прячешься за этой тонной барьеров. Так проще.

— Не всегда, — хмыкнула Кеторин. — Иногда хочется, чтобы кто-нибудь разглядел тебя настоящую. А потом ты достаешь бутылку хорошего вина, и уже не хочется. Кстати о вине, у тебя не осталось того из запасов Линалы? Ох, вот кто был истинным ценителем.

— Нет, откупорила месяц назад. Тебе стоило вернуться раньше.

— Я и не собиралась возвращаться. Никогда не собиралась.

— Кеторин, это твой дом и он всегда им будет.

— Больше нет. Не после того, как вы предали меня, сговорившись ради Клементины.

— Я была на твоей стороне, даже не смотря на твой изъян. Ты стала бы лучшей Главой, чем когда-либо будет она.

— Стала бы, если бы вы выбрали меня.

— Полно, в тебе говорят старые обиды. Может пора отпустить их? Ты ведь отплатила ей сполна.

— До сих пор не собрала все артефакты для Возвышения? — язвительно поинтересовалась Кеторин.

— Осталась только сфера Восхода. Может подскажешь, куда ты ее дела?

— Даже удивительно как-то. Я думала, она будет гоняться за ними еще лет пятнадцать, а она управилась почти за десять. Обидно.

— Ох, Кеторин, — только и ответила госпожа Ева, смотря на нее своими добрыми сочувствующими глазами. — Твои бы таланты, да в благие дела.

— Откажитесь от Клементины — и верну сферу, — предложила Кеторин, пожимая плечами.

— Если бы все зависело только от меня, тебя уже сегодня Возвысили бы, как Главу ковена. Но мое слово — ничто против трех оставшихся. А они уперты. Сама знаешь —

ведьма без потомства никогда не станет Главой. А ты...

— А я бесплодна, спасибо что напомнила, — отрезала Кеторин сжав кружку в руках так, что побелели костяшки. — Как тебе Марта?

— Милая девочка. Очень сильная. Брунгильда положила на нее глаз. Думаю, попытается затянуть ее к себе. Кто же откажется от ведьмы, да еще и с комплементом.

— Заметила? — спросила Кеторин, хотя сама уже давно не сомневалась.

— Их связь очень слабая, только начинает формироваться, как у вас Люком когда-то...

— Не начинай. Люк не был моей парой.

Ева рассмеялась каркающим скрипучим смехом.

— Годы идут, слова все те же. Когда же ты наконец признаешь, что он твоя пара и ты сама оттолкнула его и отдала собственной сестре?

— Я никого не отдавала, — натянула ответила Кеторин. — А Клем всегда любила подбирать объедки.

— Ты невыносима и знаешь это.

Кеторин лишь отхлебнула чая и пожала плечами, мол, никто не идеален.

— В мои планы не входило, что она так быстро раскроет себя. Я ведь ей даже зелье дала, скрывающие магический след.

— Что ж, тогда тебе стоило еще и предупредить ее, что не стоит разрушать чужие дома.

— Я сказала ей не колдовать здесь... но, черт, ладно уж, буду действовать по ситуации. Я пока останусь у тебя. Ты же меня не выдашь?

— Я — нет, но не попадись на глаза никому другому. Брунгильда до сих пор точит на тебя зуб.

— Мелочная сука, — хмыкнула Кеторин.

Госпожа Ева выгнула бровь, заставляя двигаться свою дряблую кожу и как бы спрашивая: «А ты — нет?» Кеторин оставила немой вопрос без ответа. Сама-то она точила зубы на многих людей и не собиралась отпускать им их грехи, в этом они с Брунгильдой были похожи, но Кеторин нравилось верить, что здесь их сходство заканчивалось и дальше шли только различия.

Кеторин посмотрела на лестницу, ведущую на второй этаж, и как всегда горько улыбнулась. Такой большой дом для такой одинокой женщины, как госпожа Ева. Их объединяла одно: ни у одной, ни у другой никогда не было и никогда не будет детей. Забавная шутка судьбы — сильные ведьмы не могли передать свой дар потомкам, в то время как у Клементины, жалкой Клементины, не способной связать даже самую легкую магическую вязь без чьей-либо помощи, были дети. Двое чудесных малышей — Джуди и Рой. А еще у Клементины был Люциан и статус Главы ковена, пускай пока и только номинальный.

Неудивительно, что Кеторин завидовала сестре: у той было все, чего когда-либо хотела Кеторин, вот только Клементине нужно было другое — сильная магия, передававшаяся во всей полноте ее младшей сестре.

— Люк, он в городе? — как бы невзначай спросила она. — Не хотелось бы ненароком встретиться с ним.

— Нет, его здесь нет. Уехал пару дней назад к кровавым ведьмам засвидетельствовать смерть Главы и Возвышение новой.

Кеторин содрогнулась от дурного предчувствия. С кровавыми их отношения всегда были натянутыми. Шаг вправо, шаг влево — и вы уже на границе военных действий.

— Хорошо, — Кеторин допила чай в пару глотков и встала из-за стола. — Пожалуй, я займу Вишневу спальню. Не говори никому, что я здесь.

— Это приказ?

— Всего лишь просьба.

Кеторин вышла из кухни и поднялась по лестнице на второй этаж, к Вишневой комнате, где надеялась выспаться, потому что была уверена, что госпожа Ева возможно единственный человек в Шарпе, кто не предаст ее.

Глава 28. Да здравствует Королева!

Джилс поправила капюшон плаща, прежде чем войти под защитный купол города Кровавых Вод. Пока она все еще стояла на границе и видела лишь заброшенный опустевший много лет назад городок со старыми деревянными постройками, запорошенными снегом. Купол был защитой. Он отпугивал непрощенных гостей от города Ведьм. Никто не видел его во всей своей отвратительной красе, пока не пересекал границу. И сейчас, стоя у самой кромки защитного барьера, Джилс дрожала от страха в той же степени, что и от холода.

Она, конечно, пыталась себе внушить, что причина была лишь в холоде, но врать себе она никогда не умела. Там, за границей, ее ждала судьба, злой рок, висевшей над ней с самого рождения. Кровавая корона, что тянулась к ней. Она ощущала ее. И чем ближе подходила к ней, тем сильнее натягивалась нить, связывающая их.

Джилс понадобилась недюжинная смелость, чтобы переступить границу. И сделать это так, как подобает королеве кровавых ведьм: с высоко поднятой головой и прямой, как палка, спиной. И плевать, что за этим грозным фасадом она дрожит от страха, осознавая, что день ее коронации станет последним днем ее жизни. Ведь Кровавым ведьмам не нужна такая королева, как Джилс.

Но даже если ей суждено умереть, она умрет королевой, а не жалкой трясущейся девчонкой, за которой гонялись по всему свету, а затем зарезали в луже собственной мочи, потому что ей было так страшно, что собственное тело подводило ее. Она так решила — и то, что внутри нее была заперта именно та девчонка, не могло ее остановить.

Город Ведьм встретил ее теплым весенним солнцем и ласковым ветерком, которые были так несвойственны суровым декабрьским морозам. Вот только под куполом погода всегда была одна. Здесь всегда было теплое весеннее солнце, по улицам гулял игривый ветерок, наполненный запахом крови: соленым, оставляющим привкус меди на языке. А ночами здесь всегда светила полная луна.

Город Кровавых Вод замер в своем развитии в тот день, когда на него опустили защитный купол. Замер тем погожим весенним деньком, когда сотни ведьм пролили свою кровь, выжав ее до последней капли, чтобы закрыть город от внешнего мира. А потому, даже когда за барьером бушевала суровая зима, здесь все так же было тепло.

Джилс сняла свой теплый плащ и повесила его на руку — теперь в нем не было нужды. Не нужно было защищаться от морозов, а спрятаться от лишних глаз он не помог бы. Каждая ведьма в городе ощутила тот момент, когда Джилс пересекла границу, ведь каждая ведьма Кровавых Вод была связана с куполом посредством собственной крови.

Джилс шла по узким мощеным булыжником улочкам, тут и там ловя на себе замороженные взгляды. Мужчины, женщины, дети. Все смотрели на нее во все глаза. Для них она была диковинным представлением.

«Смотрите, пока можете, — язвительно подумала она. — Надеюсь, я буду сниться вам в кошмарах»

Она сразу же заметила, что все люди на улице были одеты в церемониальные мантии, кроваво-красные с черной розой, вышитой на спине. В своих синих джинсах и розовом джемпере Джилс выглядела нелепо на фоне местных, в то время как там, за куполом, именно они были бы нелепыми. Там на них косились бы точно так же, как сейчас они косятся на Джилс. Хотя возможно там на них смотрели бы не столь враждебно. Еще бы —

для них Джилс всегда была чуть ли не врагом народа.

Ей даже было интересно, сколько жителей города будут мысленно поливать ее грязью, когда корона опустится на ее голову. Джилс сделала ставки: их точно будет больше половины.

Под безотрывными взглядами Джилс вышла к главной площади — точнее, единственной площади. Кровавые Воды был небольшим городком с узкими мощеными улочками, кирпичными домами и огромным каменным замком, возвышающимся над городом. Парадные ворота — назвать их дверьми просто язык не поворачивался — выходили на площадь. Это не было местом для прогулок, увы и ах. У этой площади с покатою площадкой было всего две цели: первая и самая важная — на ней проводились ритуалы, из-за которых городок и получил свое название много лет назад. Кровь, стекавшая по дорожкам, попадала прямо в протекающую через город реку, окрашивая ее воды в красный цвет. В детстве Джилс всегда было интересно, сколько крови должно было попасть в реку, чтобы окрасить ее в красный, чтобы жители соседней деревни, ужасаясь, стали называть небольшой городок вверху по реке городом Кровавых Вод. Вот только этого городка уже давно не было в низинах реки, а Кровавые Воды все еще стоял на своем месте, как кровавый нарыв на карте мира. Сама она считала, что то была лишь красивая легенда — и не более.

Из-за второй же причины существования площади Джилс сюда и пришла. Коронация — тоже своеобразный ритуал и, в нем даже участвовала корона, только вот она не имела ничего общего с тем, что в мире людей называли коронацией. Разве что торжественное настроение, что витало в воздухе, смешиваясь с ароматом крови, который на площади был еще гуще. И да, конечно же корона. Куда же без нее?

Корону она заметила сразу же. Та лежала на бархатной подушечке на деревянном возвышении посреди площади. И да, подушечка была красная. У кровавых ведьм просто не могло быть неоновозеленой подушечки для этой чертовой короны. Древней, как и сам город. Хотя возможно корона была еще старше. Медная с зеленоватой патиной и, о чудо, с сапфирами на двух пиках, чем-то отдаленным напоминающих рога. Вот только почему там были сапфиры, а не рубины, Джилс не знала, да и, если честно, знать не хотела. Наверное, раньше кровавые ведьмы не сильно заботились о символике и красном цвете. Скорее всего увидели красивые синие камушки и вставили в корону. По крайней мере Джилс придерживалась такого мнения. Она вообще не слишком верила в легенды и символизм, хотя бы потому, что сама была легендой для кого-то.

Тяга между чертовой короной и Джилс усилилась, когда на деревянный помост за возвышением с короной вынесли на носилках старую больную женщину.

«Бабушка» — с ужасом подумала Джилс. Ей было больно смотреть на когда-то высокую и статную королеву ведьм, которая держала своей властной рукой весь город и внушала страх другим ковенам. Раньше никто бы не посмел и слова ей пискнуть. Теперь... теперь эти скрюченные узловатые пальцы и ложку с супом не удержат, что уж говорить о каком-то городе. Неудивительно, что женщина, шедшая за носилками, так широко и торжествующе улыбалась.

— Вивьена, — произнесла одними губами Джилс, едва сдерживаясь, чтобы не крикнуть на всю площадь прозвище, которое дала ей в детстве.

Вивьена-гиена. Прозвища никогда не прицепляются просто так. Живучая тварь, падальщица. Джилс помнила, как Вивьена смеялась на казни родителей. Этот лающий смех

невозможно забыть. Даже бабушка тогда не сдержалась и вlepила ей звонкую затрещину. Казнь казнь, но смеяться над детьми королевы, пусть даже и предателями — недопустимо. Хотя то, что они были предателями, не доказано, для кровавых ведьм понятие о предательстве довольно неточное.

Смех гиены звучал в голове Джилс, как бой барабанов, сопровождая каждый шаг Вивьены. Возможно то было лишь предвзятое мнение Джилс, но даже внешне Вивьена напоминала ей гиену или может быть лошадь, Джилс все никак не могла определиться. Выпирающая вперед челюсть с массивными верхними зубами, которыми вполне можно было прокусить человеку руку и оторвать кусочек побольше, нос с горбинкой и водянистые голубые глаза с вечными воспаленными красными белками. Вивьена никогда не была красавицей, но по какой-то неведомой причине не пыталась скрыться за магическим покровом.

Носилки с бабушкой положили на деревянный настил возвышения, а затем помогли ей подняться и усадили на резной красный трон, что всегда стоял там. Бабушка полулежала на троне, склонив голову к плечу: держать ее ровно у нее уже не было сил. Она напоминала безвольную куклу или марионетку с отрезанными нитями.

Бабушка была на последнем издыхании, и только желтые воспаленные глаза все еще цепко скользили по площади, разглядывая каждого, кто пришел — а пришли все.

Джилс подалась вперед, пробираясь через толпу, надеясь попасться на глаза бабушке. Чтобы умирая та, знала, что ее трусиха Джилс все же пришла, что даже ее ни на что не годная внучка может собрать волю в кулак и действовать, когда это нужно.

Вивьена встала за спинкой трона, положив руки на резные столбики в форме листьев клена.

— Дети мои, — слабый, едва уловимый голос королевы ведьм пронесся по площади и заставил всех замолчать. Слабый голос когда-то сильно женщины. Джилс подавила всхлип, продолжая пробираться к возвышению. Еще совсем чуть-чуть, пару рядов — и она встанет напротив бабушки, напротив чертовой короны. — Сегодня я прощаюсь с вами. Я правила вами долгие сто пятьдесят лет, я вела вас и оберегала. Но мое время пришло. Сегодня я стану частью нашего купола, запитав его своей кровью, — бабушка закашлялась. — А вы примете новую королеву, которая поведет вас в новое будущее.

Джилс выбралась из толпы, буквально вылетела из нее, чуть не свалив корону на брусчатку. Вот было бы шоу, если бы она действительно упала и покатила бы по земле прямо к речке, утопая на веки в ее водах. Джилс даже на секунду подумала так поступить, но не смогла. Не сейчас, когда взгляд бабушкиных глаз был направлен на нее. Та ничего не сказала, просто смотрела на Джилс, и в этом взгляде читалась любовь и тоска.

Джилс хотелось разрыдаться, но она затолкала слезы поглубже и выпрямилась, расправив плечи. Она поплачет потом, если у нее еще будет такая возможность. Но плакать на глазах Вивьены Джилс не станет, а ведь та цепко усталилась на нее, улыбаясь лишь правым уголком губ, словно спрашивая: «И что ты будешь делать дальше?»

Мужчины, которые внесли бабушку на помост, подхватила ее за подмышки и, вздернув на ноги, понесли к краю помоста, к короне, туда, где стояла Джилс. Когда-то огненные, а теперь седые волосы бабушки развевались на слабом ветерке. Такая слабая, даже стоять сама не может.

Прошло всего пару лет с последней встречи Джилс с бабушкой — и как ту подкосила Болезнь. Для ведьм не было ничего ужасней, чем тот недуг, что поразил Королеву ведьм.

Она была больше не способна восстановить свои магические запасы: исчерпала все, что было, и теперь буквально усыхала, поедая себя изнутри. Иногда Джилс казалось, что лучше вообще родиться без магических способностей и прожить обычную жизнь, чем вот так, как бабушка, подойти к рубежу, за которым не было ничего. Сама болезнь была редким, но от того еще более пугающим явлением. Кто-то мог жить столетиями, и их внутренний источник наполнялся, питаясь магией природы, а кто-то мог прожить долгую или короткую жизнь и однажды утром проснуться, не способным сделать даже вдох, потому что магия ушла безвозвратно. Иногда случалось, что дети рождались не просто не способными к магии, а уже больными и тогда их убивали сразу же: такая смерть была милосерднее, чем позволить ребенку прожить несчастные пару дней, пока он не умрет от дефицита энергии.

Обычно ведьмы не болели. Простуда и грипп, свойственные для людей, ведьм просто не брали. Конечно, у них были недуги и дефекты, такие как бесплодие или, скажем, заячья губа. Сама Джилс в подростковом возрасте мучилась с прыщами. Но в целом их иммунитет был очень сильным. А это... это была Болезнь с большой буквы. Необратимая медленная смерть.

Вивьена последовала за королевой, сжимая в руке ритуальный нож, древний, сделанный из зуба дракона, такая редкая и ценная вещь. Во всем мире артефактов, изготовленных из костей драконов были единицы. И этот нож, весь в зазубринах и сколах, был куда старше Кровавой короны.

Вивьена стала точно за королевой ведьм, и ее сухая костлявая рука зависла точно над пупком бабушки.

— Прощайте, дети мои, — выдохнула бабушка, и Вивьена точным единым движением вспорола той живот.

Потроха вперемешку с кровью выпали из слабого старушеческого тела и упали на корону, протнутые ее острыми краями. От вони, пронесшейся по площади, слезились глаза. Лицо Джилс обрызгало кровью. Кровью ее королевы. Кровью ее бабушки. И не только кровью. Джилс замутило, она ощутила, как желчь подкатила к горлу.

«Не сейчас, — мысленно приказывала она себе. — Я справлюсь»

Она сглотнула, молясь, чтобы ее не вырвало. Одно дело — знать, что должно произойти, и совсем другое — видеть. Перед глазами у нее были две картины: казнь родителей и ритуальная смерть бабушки. Ее хриплое дыхание еще разносилось над площадью, но королева ведьм не стонала. Жестокая и кровавая смерть, долгая смерть. Бабушку опустил на красные от крови доски и так и оставили лежать. Ведьмы города Кровавых Вод в полном молчании ждали конца своей королевы. В ушах звенело, перед глазами все плыло, но Джилс не могла позволить себе ни минуты слабости. Не сейчас, когда Вивьена смотрит на нее с пьедестала. Не сейчас, когда она забрызгана кровью. Джилс даже не позволила себе стереть ее с лица, хотя ей очень того хотелось. Она немигающим взглядом смотрела на Вивьену, которая улыбалась.

Удар сердца, последний слабый вздох — и город накрыло гробовой тишиной.

— Сегодня мы простились с нашей королевой. Королева Гертруда простилась с нами и благословила нас своей кровью на новое светлое будущее. И мы пойдем к нему с новой Королевой, новой Главой нашего ковена, — своим похожим на смех гиены голосом Вивьена разрезала день на до и после. — И сегодня корона выберет для нас ее!

Словно подтверждая слова, Вивьена корона на бархатной подушке завибрировала и плавно поднялась в воздух. Бабушкины потроха соскользнули с нее, да так и остались лежать на земле. Джилс сглотнула, стараясь загнать рвотные позывы обратно, когда корона поплыла

к ней. Вот только все, чего ей хотелось, это развернуться и бежать. Как же хорошо, что она не ела со вчерашнего дня, а то сил бороться с тошнотой уже не было.

Джилс бегло осмотрела площадь, надеясь, что не ей одной сейчас так паршиво, но наткнулась лишь на смиренные лица и ни намека на то, что им не по себе. Лишь один мужчина смотрел на происходящее с отвращением, и Джилс сразу узнала его — Люциан Толчен, последний колдун Шарпы. Не узнать его было невозможно, ведь за те годы, что Джилс не видела его, он совсем не изменился, все тот же тридцатилетний мужчина. Черт, да у него даже волосы лежали точно так же, как в их последнюю встречу, когда он прибыл на казнь королевской дочки.

Мужчина ободряюще улыбнулся Джилс, встретившись с ней взглядом. Значит, тоже узнал и понял, кого выберет корона.

А корона, с которой капала бабушкина кровь, уже приблизилась к Джилс, зависнув на уровне ее рук. Только и осталось что протянуть и взять. Нить между ними была натянута до предела.

Джилс поймала злой взгляд Вивьены и схватила корону обеими руками, нацепив на лицо самую широкую свою улыбку.

— Да, здравствует королева! — ехидно произнесла Вивьена, даже не попытавшись прикрыться маской раболепия, которой потчевала бабушку многие годы.

Джилс уложила корону себе на голову. Тело прошибло током, и она ощутила то, что было на конце натянутой нити. Там были ведьмы, все ведьмы, которые когда-либо использовали кровь для колдовства. Они были огоньками на том конце нити, морем огоньков, из которых нельзя было выловить один конкретный: все равно что пытаться горстями переливать воду. Они мигали для нее, вот только Джилс не могла понять, зачем. Бабушка никогда не рассказывала об этой особенности короны.

— Приветствуем нашу королеву, — Вивьена махнула рукой на помост, предлагая Джилс подняться.

Неуверенным шагом Джилс поднялась на помост, гадая, убьют ли ее сейчас, прямо перед толпой и изберут новую или ее смерть произойдет за закрытыми дверями. Судя по тому, что Вивьена убрала ритуальный нож в ножны, висящие на поясе, смерть пока откладывалась. Хотя нож не был показателем, Вивьена вполне могла вновь достать его за считанные секунды. Джилс уже наглядно убедилась в ее умении обращаться с оружием.

Новая королева встала возле трона, окинув взглядом своих так называемых подданных, и удивилась, не увидев на их лицах ненависти. Они либо смирились с выбором короны, либо умело скрывали свое недовольство. Все, как один, опустили на колени: и взрослые, и дети.

Лишь один Люциан остался стоять на ногах, слегка склонив голову, приветствуя новую королеву. Большого от него никто и не ждал, мужчина не был частью ковена, и теперь Джилс знала, что он никогда не прибегал к магии крови.

«Кучка фанатиков, — пронеслось в голове Джилс. — Чертова кучка фанатиков»

Джилс едва добежала до туалета. Она склонилась над унитазом в своей старенькой детской комнате. Треклятая корона свалилась с головы и, со звоном ударившись о розовый кафель, укатилась под ванную.

«Туда тебе и дорога» — подумала Джилс, и ее накрыла первая волна. Рвало ее желчью и водой, и теперь она пожалела, что ничего не ела. Тогда, наверное, сейчас ей было бы немного легче.

Перед глазами все еще лежала бабушка с разрезанным животом. Вскрытая, словно

свинья на закланье. Очередной толчок. К глазам подступили слезы. Как же она ненавидела все это. Ненавидела тогда и ненавидела сейчас. Магия крови всегда была мерзкой. Магия крови всегда была жестокой. То была магия жертв. И в жертву ей приносили не только себя, но и других. И ведьмы, использующие ее, были такими же чудовищными, как и сама магия...

Даже бабушка...

Даже отступница Джослин все они использовали магию крови. Джилс не использовала. Не использовала со дня казни родителей. Не использовала до сегодняшнего дня. Корона была сосредоточением магии крови. Несла в себе след десятков поколений. И эта вещь была на ее голове.

Джилс рвало воздухом, в желудке не осталось ничего.

— Ненавижу, — прохрипела она, обхватив сидушку руками, чтобы подняться. Как же она ненавидела все что было связано с этим городом. С этими людьми, чьей королевой она теперь была.

Наверное, стоило бы радоваться, что оставаться таковой долго не придется. Вот только она не радовалась. Кто в здравом уме будет радоваться тому, что его хотят убить? И по какой причине? Да потому, что она их не устраивала, как королева!

Кому нужна королева, которая может запретить им творить свои бесчинства? Уж точно не городку Кровавых Вод и не его жителям, любимое занятие которых — устраивать кровавые бани.

На трясущихся ногах Джилс подошла к раковине, чтобы прополоскать рот и умыться. Хорошо, что в ее спальне не было зеркал, она не хотела видеться себя сейчас, прекрасно представляя, в каком плачевном состоянии была.

Задней мыслью она жалела свой безвозвратно испорченный джемпер. Возможно его еще могла спасти химчистка, вот только как объяснить работникам, откуда на свитере столько крови.

В дверь постучали, и Джилс вскинула голову.

«Что, уже пора? Ну здравствуй, смерть, я жду тебя с утра, мне кажется, ты чутка запозднилась. Советую купить часы»

Она подошла к двери, которую до этого закрыла на щеколду, и тихо спросила:

— Кто там?

— Ваше высочество, — донесся приглушенный дубовой дверью мужской голос. — Я принес вам обед. Госпожа Вивьена предположила, что вы не захотите есть в главной зале.

— Оставь у входа, — крикнула Джилс, окинув взглядом свою спальню. Для защиты тут не было ничего. Удивительно, что она вообще устремилась сюда. Наверное, на автопилоте побежала в место, которое с детства считала самым безопасным.

— Но госпожа...

— Я сказала, оставь у входа! — вспыхнула Джилс. — Я не голодна.

— Хорошо, — последовал ответ, но расслабиться Джилс смогла лишь, когда услышала перестук шагов по полу.

Хотя «расслабиться» — довольно громкое слово. До «расслабиться» ей было очень далеко. Как вообще можно расслабиться, когда смерть с косой дышит тебе в затылок и смеется, как гиена?

Дверь открывать и забирать еду Джилс не стала, мало ли, что Вивьена могла туда подсыпать. У этой женщины не залежится. Она могла убить ее самолично, а могла и отравить.

Джилс подошла к окну и села на широкий дубовый подоконник. Старый замок города Кровавых Вод был прекрасен. И город, распростершийся перед ним, тоже: с его мощеными каменными улочками, невысоким домиками и вечно цветущими в горшках розами и азалиями. Заснеженные поля за границей купола тоже были прекрасными. Лучи заходящего зимнего солнца ложились красноватыми бликами на бескрайнее снежное поле. До дороги отсюда далеко. Бежать придется несколько часов, если Джилс решится на это.

— Прекрасный город отвратительных людей, — пробормотала Джилс, уткнувшись лбом в стекло и смаргивая слезы.

Почему же, когда она была ребенком, город Кровавых Вод не казался ей таким? Тогда это был просто ее дом. Ее любимый и прекрасный город не внушал ей ужаса. И магия крови тоже не внушала. А потом была казнь и события, предшествующие ей. События, о которых Джилс не хотела вспоминать. Зачем еще больше отравлять свои последние часы или, быть может, минуты жизни?

Сама Джилс не видела причин для своей смерти, да и умирать ей было не с руки, особенно после того, как ей наглядно показали, насколько смерть нелицеприятная вещь. Встав с подоконника, Джилс вернулась в ванную и подняла корону с пола.

Проблема была в ней. Древний закон гласил, что править ковенем кровавых ведьм может лишь та, кого выберет корона. Почему так, а не иначе, Джилс особо не интересовалась. Раньше это было неважно. До того, как бабушка заболела, Джилс была уверена в том, что ей не придется никогда править, ведь бабушка была сильной ведьмой. А после того, как Джилс изгнали, как неудобную, у нее даже мысли не было, что когда-нибудь корона затронет ее.

В полной уверенности, что она — хозяйка своей жизни, Джилс прожила пять лет, подрабатывая гадалкой, а потом два года назад к ней пришла Джослин с жуткими новостями. Бабушку поразила Болезнь, и Старейшины против того, чтобы Джилс унаследовала корону. Против, но ничего сделать не смогут: Джилс прямой потомок, а кровь вызывает к крови. Именно Джослин рассказала о плане убить Королеву после возложения короны в надежде, что корона выберет кого-то другого. Кого-то вроде Вивьены-гиены.

Два года страха, глупой надежды, что бабушка все же окажется сильнее Болезни — и вот она здесь, с кровавой короной в руках и без какого-то плана действий. Умереть ради них? Джилс пришла сюда с такими мыслями, ведь то был самый просто план. Смерть всегда самый простой план.

Но то было утром, то было до смерти бабушки, то было до алчных взглядов Вивьены, которые та бросала на корону.

Сейчас все стало иначе. Джилс не хотела умирать ни из-за короны, ни из-за кровавых ведьм, которые ее ни в грош не ставили.

— Что мне делать? — спросила она обращаясь то ли к себе, то ли к короне в руках.

Джилс вышла из ванной и вновь села на подоконник, положив корону, покрытую запекшейся кровью, на колени. В детской розовой спальне эта вещь выглядела неуместной. Хотя возможно и Джилс выглядела неуместно в своей детской спальне: последний раз она была здесь лет семь назад.

Джилс почувствовала приближение ведьмы крови, корона передавала ей сигналы. Конечно, та не могла сказать, кто конкретно сейчас стоял за дверью, но Джилс это было не важно. В равной степени там могла оказаться Вивьена или любая другая ведьма, посланная убить свою королеву.

Замок щелкнул, и дверь распахнулась. Ну конечно, в ее детской просто не могло быть замка, открывающегося только изнутри. А вдруг с ребенком что-то произойдет?

— Почему отказалась от еды? — спросила Вивьена, изучая здоровенный поднос на полу. — Я думала, ты любишь овощное рагу. В детстве его за обе щеки уплетала. Кухарка даже положила тебе яблоки в карамели. А ты не стала есть — Турин очень расстроится, она так обрадовалась твоему возвращению, чуть ли в пляс не пустилась, когда ей сказали, для кого обед.

Джилс сглотнула.

— Было бы неплохо, если бы наша королева просто уснула мертвым сном. Ты бы была прекрасна, мы бы сделали аккуратные разрезы и спустили бы твою кровь во имя рода, а затем положили бы нашу красивую бледную королеву на подушку из еловых веток и сожгли вместе со старой королевой. Это был отличный план. Почему ты все испортила?

— Еловые ветки слишком колючие, вам стоило выбрать что-то помягче. Как насчет мха? Вспыхнул бы быстро...

— И быстро бы сгорел. Нет, мох не подошел бы для нашей королевы, но мы могли бы постелить мягкую перину, — предложила Вивьена. — Вот только план уже провалился, придется придумать что-то другое.

Она выставила вперед руку, которую раньше держала за спиной и Джилс вздрогнула. В руке Вивьена сжимала меч с черным обсидиановым лезвием. Церемониальный. Им никогда не пользовались, он висел в главной зале за королевским тронном.

— Красивое оружие для красивой королевы, — любовно оглядев меч, пояснила Вивьена. — Всегда хотела его опробовать, только случай никак не представлялся. Мне даже интересно, смогу ли я аккуратно отсечь твою голову, чтобы положить ее вместе с телом на костер. Поможешь?

— Ты сумасшедшая, — прошептала Джилс. Ее сердце бешено колотилось, готовое выпрыгнуть из груди и облегчить Вивьене задачу.

— Грубо.

Вивьена подалась вперед и сделала пробный взмах мечом.

— В самый раз для меня.

Может он и был в самый раз для Вивьены, но шея Джилс была немного против близкого контакта с холодным оружием. Да и вообще все ее тело не испытывало особого желания встречаться с любым оружием. Но похоже Вивьена не особо заботилась о чужом мнении и чужих желаниях.

В тот момент, когда Вивьена бросилась с ней, замахаясь мечом, Джилс вскочила с подоконника и отлетела в сторону, хотя скорее просто рухнула на пол. Обсидиановое лезвие ударило о деревянные облицовочные панели, и полетели щепки. Джилс перевернулась и на коленях поползла к выходу, сжимая корону в одной руке.

— Куда собралась? — удивленно воскликнула Вивьена. — Стой на месте!

— Нашла дуру, — крикнула Джилс.

У двери она схватилась за косяк и подтянулась по нему. Убегать на ногах как-то сподручнее, чем на коленках. Вивьена все еще стояла возле окна, тяжело дыша и буравя Джилс взглядом. Неужели это была ее первая попытка убийства? Даже удивительно, ведь Джилс была уверена, что Вивьена-гиена людей пачками вырезает.

Значит, шансы на побег возрастают в геометрической прогрессии. Не раздумывая больше ни секунды, Джилс припустила по коридору. Ну и дурочка же она, зачем только

пошла в свою спальню на третьем этаже? Вообще зачем она пошла в замок? Нужно было еще тогда на площади схватить корону и бежать без оглядки.

— Стой! — кричала Вивьена из детской, но Джилс даже не обернулась, чтобы проверить, бросилась ли та за ней.

Она бежала по каменным коридорам, едва успевая вписываться в повороты. Ведьмы слуги замка Кровавых Вод шарахались от нее, удивленно провожая взглядом. Но никто не пытался остановить — и на том спасибо.

Джилс уже спускалась по лестнице, когда краем глаза заметила бегущую за ней Вивьену с перекошанным лицом и горящими глазами.

«Ну, и бред! — подумала Джилс не останавливая ни на секунду. — Вот они, проблемы магии крови и убийц-неумех»

Джилс уже начинала задыхаться, но женщина, бегущая за ней с мечом, просто не давала ей возможности остановиться и перевести дыхание. Джилс чувствовала себя героиней фильма. Героиней нелепого фильма с самой нелепой попыткой убийства. Черт, если ее все-таки убьют, будет обидно. И неужели Вивьена действительно считала ее настолько тупой, что продолжала выкрикивать то и дело «стой, стой, я кому сказала»?

Ей даже стало немного грустно от такой жестокой дискриминации, и она решила, что точно не остановится, пока Вивьена не начнет умолять ее остановиться. Если она при этом еще и на колени встанет, так вообще чудесно.

Джилс даже хотелось рассмеяться от своих бредовых мыслей, но дыхалка ей этого не позволила.

Без особых приключений она достигла первого этажа, хотя на последних ступенях ноги у нее уже подгибались от усталости, и она чуть не упала, удержавшись только благодаря каменным перилам. Хоть какой-то плюс быть хозяйкой целого замка.

В холле везению Джилс пришел конец.

— Так и знала, что этим все и закончится, — скрестив руки на груди, произнесла госпожа Демьяна. Она стояла, привалившись к высоким деревянным дверям, ведущим из замка в город. — Не стоило доверять это Вивьене. Надо же было превратить смерть королевы в театральную постановку.

Джилс замерла в паре метров от нее, не в силах пошевелиться. Она тяжело дышала. Ее шансы на побег стремились к нулю. Темные глаза госпожи Демьяны сверлили Джилс, а тонкие губы скривились в усмешке, которая заметно понизила градус привлекательности лица Старейшины. У госпожи Демьяны было самое красивое лицо, которое Джилс когда либо встречала. Эта хрупкая невысокая женщина обладала внешностью греческой богини, словно статуя, за которой хочется наблюдать. Высокий лоб с вдовьим пиком, огромные темные глаза, не то коричневые, не то черные, тонкие, но идеально очерченные губы, и такой же тонкий вздернутый нос. И так же, как и статуя, госпожа Демьяна была красива лишь в статике: стоило ей подвигать бровями или, скажем, улыбнуться, как вся эта красота рушилась, как карточный домик от порыва ветра.

— Пропустите меня, — взмолилась Джилс, чувствуя, как начинает сдавать перед подступающей паникой. — Пожалуйста. Я уйду и больше никогда не вернусь. Вы сможете делать с ковеном все, что захотите.

— Я бы с радостью, Джилс, — ответила госпожа Демьяна, заправив светлую прядь за ухо. — Ты, наверное, не поверишь, но я всегда тебе симпатизировала. Если бы ты приняла яд, то умерла бы безболезненно. Я выбрала самый быстрый яд. Но видно судьба

распорядилась иначе.

Сверху донесся очередной хриплый крик Вивьены, и госпожа Демьяна закатила глаза.

— Мы не можем тебя отпустить.

— Почему?

— Корона, милая моя девочка, все дело в короне. Она связывает нас воедино. Понимаешь ли, девочка, если мы отпустим тебя, корона в любом случае последует за тобой — такова участь королевы. А корона имеет над нами некоторую власть, и мы не можем оставить ее в твоих руках.

— Какую власть?

— Неужели ты думаешь, что я тебе скажу? — искренне удивилась госпожа Демьяна. — Мы подчинялись твоей бабушке, потому что уважали ее, и она уважала нас. Мы скорбим по нашей королеве. Но ты не заслуживаешь править нами, а, пока ты жива, корона не избрет никого другого.

— И кому же вы хотите вручить эту корону? Вивьене?

— Не смей меня. Ты и сама понимаешь, что она не достойна. Я бы с радостью изгнала ее из ковена, но у Вивьены есть сила, с которой приходится считаться. К сожалению.

Вивьена, словно подгадав момент, выскочила на лестницу из коридоров второго этажа. Запыхавшаяся, она остановилась на верхних ступенях, торжествующе оглядывая холл. Она не торопилась спускаться, прекрасно понимая, что теперь то с Джилс будет покончено. На балконах второго и третьего этажа собирались люди. Они чуть ли не свешивались с балюстрад, чтобы рассмотреть, что происходит у главного входа.

Джилс оглядела балконы, надеясь найти хоть кого-то, кто мог бы ей помочь, но наткнулась лишь на заинтересованные взгляды, и у нее предательски засосало под ложечкой, а глаза обожгли слезы. Она выросла в этом городе, она знала почти каждую ведьму в лицо. С кем-то играла в детстве, с кем-то дружила в отрочестве. Это был ее город, ее дом. Но тогда почему никто, абсолютно никто не хотел ей помочь?

«Неудобная» — слово билось в ее голове, словно гонг, по которому ударяли раз за разом.

А она ведь действительно думала умереть ради них, стать их жертвенной овцой — и стала бы, найди она хоть один сострадающий взгляд. Но их не было.

— Пропустите меня, — каким-то не своим, мертвым голосом потребовала Джилс, до боли сжимая корону в руках.

— Давай не будем усложнять, Джилс, — предложила госпожа Демьяна. — Просто встань на колени и позволь Вивьене обезглавить тебя.

— Нет. Я ухожу.

— Жи-и-илс, — протянула Демьяна и покачала головой. — Все та же глупышка Джилс. Ты не выйдешь за порог замка.

С верхних ступеней донесся смех Вивьены, который был подхвачен другими ведьмами, и Джилс пробрала дрожь.

— Забавная у вас, однако, вечерняя программа, — хриплый мужской голос заставил утихнуть смех. — Бег с мечом за королевой — это разновидность спорта?

Джилс повернулась. Люциан стоял, привалившись к колонне, скрестив руки на груди и склонив голову набок, оценивая представшую перед ним картину. Возможно неправильно оценивать мужскую красоту, когда тебе грозит неминуемая смерть, но Джилс оценила. Люциан был тем мужчиной, которого было просто невозможно не заметить и невозможно

не оценить. С этой его нахальной полуулыбкой, от которой замирает сердце, и чертинкой во взгляде светло-карих, почти янтарных глаз. Джилс всегда нравилось наблюдать за красивыми мужчинами: как разновидность спорта, не более. Хотя Люциан был определенно не ее типажом. Все в этом мужчине буквально кричало: потом будет больно. А Джилс не любила боль ни в каком проявлении.

— Главная зала справа от вас, — госпожа Демьяна тоже повернулась к нему. — Я здесь скоро закончу и приду к вам. Сегодня на ужин у нас потрясающая телятина с кровью.

— У меня от крови несварение, — ответил Люциан, поправляя лацканы идеально подходящего ему пиджака. — Ее величество хочет выйти на прогулку?

Джилс не сразу поняла, что обращался он к ней.

— Я помню по моему последнему посещению, что город Кровавых Вод прекрасен в это время суток. Не так ли, Ваше величество?

— Да, — неуверенно ответила Джилс, не понимая, к чему он клонит.

— Тогда вам непременно стоит прогуляться по городу, вас же давно здесь не было. Если хотите, могу составить вам компанию?

— Люциан, вернитесь в главную залу, — сквозь зубы процедила госпожа Демьяна. Ее губы при этом стали похожи на сморщенный чернослив. — Вам стоит попробовать малиновое вино, которое готовит наша кухарка.

— Знаете, я лучше прогуляюсь с королевой. Нам нужно обсудить некоторые моменты относительно сотрудничества с ковеном Шарпы, — он подошел к Джилс и встал практически рядом с ней.

— Люциан, неужели вы хотите спровоцировать конфликт?

— Не понимаю, о чем вы, я всего лишь хочу прогуляться с королевой. Знаете, мне льстит внимание молодых женщин.

— О да, я знаю, как оно вам льстит, — едко ответила госпожа Демьяна. — Только вот королева никуда не пойдет.

Джилс ощутила прикосновение к своему локтю и тихий шепот:

— Когда откроются двери — беги.

Она вскинула голову, но Люциан продолжал смотреть на госпожу Демьяну и улыбаться так, словно они разговаривали об искусстве и красоте природы, но никак не о смерти самой Джилс.

— Вы в этом уверены? — спросил он. — Мне казалось, подданные не имеют права указывать королеве. Но похоже в Кровавых Водах свои правила.

— Люциан, — предостерегающе произнесла госпожа Демьяна. — Вы ходите по очень тонкому льду.

Люциан усмехнулся.

— Я знаю.

А затем произошло то, что Джилс называла «магией в ее стихийном великолепии». Стихийная магия явление редкое — сама Джилс видела ее лишь однажды, когда госпожа Кеторин, бывшая жена Люциана, смогла создать маленький огонек на своей руке. Не весть конечно какое чудо, но для ребенка, привыкшего к размеренной кровавой магии, для которой нужно время, много времени, маленький огонек на ладони был сравним с тем чувством, когда обычный человек узнает о существовании магии.

Сейчас Джилс ощутила такой же трепет, а возможно даже больше, когда тяжелые дубовые ворота распахнулись под напором шквального ветра, снеся госпожу Демьяну в

сторону.

— Советую поторопиться, — крикнул ей Люциан, заговорщицки подмигнув.

Ей не нужно было повторять дважды. Джилс рванула к проходу на пределе своих возможностей. Ей хотелось спросить у Люциана, почему он ей помогает, но она не могла позволить себя задерживаться.

Холл замка потонул в криках и топоте ног, и под прикрытием из суматохи Джилс смогла выбраться из замка. Петляя по узким улочкам и стараясь избегать других ведьм, благо корона все еще показывала огоньки-маяки, Джилс переживала за мужчину, который ей помог. Мужчину, который заступился за нее, когда семья ополчилась против нее. Мужчину, для которого она ничего не могла сделать взамен. Вернуться обратно стало бы для нее подписанием собственного смертного приговора. А теперь, когда она почувствовала, что жизнь снова в ее руках, расставаться с ней совсем не хотелось.

Джилс оставалось только надеяться, что Старейшины не убьют Люциана, ведь его смерть могла бы спровоцировать конфликт с Шарпой. А Старейшинам не нужны конфликты, уж тем более не сейчас.

Молясь всем Богам этого мира одновременно, Джилс выбежала за пределы купола и помчалась в поля. Хоть бы они не пустили за ней кого-нибудь в погоню.

Глава 29. Магия по памяти

Мегги нашла соль. Не обычную соль, а волшебную. Она была уверена в магическом происхождении кристаллов. Единственное, в чем она немного сомневалась, так это были ли найденные ею кристаллы солью или сахаром. Когда-то давно ей уже встречались большие кристаллы сахара — то были конфеты на ярмарке, сталактиты или сталагмиты, или же еще что-то, начинающееся на «стала-». Тогда Мегги уговорила папу купить ей целую коробку и, обещая себе, что будет есть строго по одному кристаллу в день, съела все коробку за раз. После этого случая Марта еще несколько месяцев обзывала Мегги «бешенной торбой», потому что такое количество сахара сделало Мегги «просто неуправляемой» по словам отца, сама же она никаких безумных изменений в себе не заметила. Правда потом безумно болел живот.

Но конфеты были вкусными, и она бы и сейчас съела парочку. Мегги еще раз внимательно посмотрела на кристаллы, которые выставила ровным рядом на мамином столе. Четыре бледно-голубых кристалла размером не больше чайной ложки, а то и меньше. Недолго думая, она схватила один, лизнула кончиком языка и, скривившись, сплюнула.

Чистейшая соль — такая же ядреная, как та, которую покупает отец, на коробке которой написано, что одной щепотки достаточно для целой кастрюли супа. Не то чтобы отец когда-нибудь готовил суп: он и яичницу иногда забывал посолить — так что эта пачка лежала у них на кухне уже года два и, похоже, и не думала заканчиваться.

Вот только то была покупная соль, а это волшебная. Ее Мегги нашла на мамином чердаке, когда решила совершить сюда набег после занятий с Джуди. Она проводила учительницу, дождалась, когда отец уедет на работу, и опрометью понеслась на чердак, расхищать мамину гробницу волшебства.

Раньше чердак не манил ее. Раньше чердак был старой пыльной комнатой. Раньше Мегги не знала о волшебстве.

Но все это было раньше. Теперь чердак стал для нее лакмусовой бумагой, что бы это ни значило.

Прежде чем натолкнуться на кристаллы соли, Мегги умудрилась перебрать десятки банок и склянок с пожелтевшими этикетками, на которых маминым витиеватым почерком было обозначено содержимое или то, что в них хранилось когда-то. Потому что пустых баночек было куда больше, чем полных. Затем она нашла несколько ловцов снов, сделанных из прутиков, веревочек и перьев. Еще она столкнулась со свиным копытом с опшетками засохшей плоти: брезгливо морщась, она не решила прикоснуться к чему-то подобному и продолжила свои поиски, но уже на других полках. Там-то она и нашла шкатулку с четырьмя кристаллами соли.

И на каком-то подсознательном глубинном уровне поняла, что три из них принадлежат маме, а самый маленький — папе. Она не могла объяснить, откуда появилось это знание, но она знала. Знала так же, как и то, что соль была волшебной.

— И что это мы тут делаем? — неожиданно раздавшийся голос отца заставил Мегги чуть ли не подпрыгнуть на месте. Мамин кристалл выпал из рук и закатился под стеллаж с волшебными штучками.

— Я думала, ты на работе, — пискнула Мегги и повернувшись к отцу лицом, пыталась спрятать за спиной кристаллы соли.

— У меня официальный оплачиваемый отпуск, — ответил отец и вошел в чердачную комнатку. Он выжидающе вскинул бровь, предлагая Мегги ответить на прежний вопрос.

— Не уйдешь? — с надеждой спросила она.

— А должен?

— Па-а-ап, — протянула Мегги.

— Что-о-о? — в той же манере вторил ей Алистер. — Сознавайся, что ты тут делала, если хочешь, чтобы я тебе не мешал.

— Марта не звонила?

— Не заговаривай мне зубы. И нет, она не звонила. Ее телефон вне зоны действия сети или выключен. Ничего удивительного, она и дома забывала о необходимости заряжать его.

— Понятно, — ответила Мегги и чутка подвинулась, чтобы уж точно спрятать за собой кристаллы.

— Мегги, тут полным полно вещей, которые не предназначены для игр маленькой девочки.

— Правда? — восторженно воскликнула она.

— Вообще-то это было предостережение, а не повод для воодушевления.

— Ну пап, — надула губы Мегги.

— Показывай, иначе я запрю чердак и ты сюда больше не проберешься.

— Иногда ты бываешь таким противным, — насупилась Мегги, когда он подошел к столу и поднял ее на руки, чтобы посмотреть, что она прятала за спиной.

На лице Алистера расцвела тоскливая улыбка, и у Мегги защемило сердце.

— Что это такое? — с опаской спросила она.

Алистер тяжело вздохнул, и Мегги подумала, что он не захочет ей отвечать. Настолько тоскливым было его выражение лица.

— Соленая память, — все-таки ответил он. — Твоя мама использовала их в качестве дневника. Но как ими правильно пользоваться, я без понятия. Она пару раз пыталась научить меня вкладывать в них воспоминания. Даже не знаю, получилось ли из этого что-то или нет...

— Получилось, — категорично ответила Мегги, кивая. — Вон тот самый маленький — он твой. Она не говорила, как извлекать воспоминания?

— Может и говорила, но я уже не помню. То было еще до рождения Марты.

Мегги положила голову на плечо отца и тоскливо вздохнула. Она скучала по Марте. Той не было уже несколько дней, и Мегги казалось, что от нее оторвали кусочек ее личности.

— Я надеюсь, она скоро вернется. Мне без нее плохо.

— Переживаешь, что не с кем поделиться тортом? — заговорщицки поинтересовался отец.

— Каким таким тортом? — вскинула голову Мегги.

— Бисквитным с ванильным кремом и шоколадной посыпкой.

— Он не доживет до Мартиноного возвращения.

— Сомневаюсь, что он вообще доживет до ужина, — рассмеялся отец. — Пойдем?

Мегги согласно кивнула, и отец вынес ее на руках с чердака. А она безотрывно смотрела на кристаллы, оставшиеся стоять на столе, давая себе обещание, что непременно вернется сюда и выяснит, как пользоваться этим кристаллами. Ведь теперь, когда она знала, что в них заключено, они стали для нее словно магнитом.

Марта никогда не думала, что будет скучать по своему комоду с нижнем бельем. Она всегда считала себя практичной женщиной, но так было до того, как ей пришлось с ним расстаться. Теперь она знала, насколько тяжелая участь ее постигла и насколько теплыми были ее чувства к комоду. Как говорится, любовь познается на расстоянии.

Периодами Марта впадала в уныние. Хотя возможно причиной тому было замкнутое пространство и Коул Томсон, с которым она была заперта в течение трех дней. Марта и подумать не могла, что он такой невыносимый. Предпосылки, конечно, были, но ей еще ни разу не приходилось получать Коула Томсона в концентрированном виде. Даже в лесу он не бесил ее так, как сейчас. В лесу им приходилось идти, и там Коул придерживал свой язык и свое мнение при себе. Как выяснилось, праздное бездействие превращает его в едкое, токсичное вещество, которое стоило бы разбавить водичкой действий.

Вот только Коул был ее не самой большой проблемой. Проблемой номер один были руки. Черные. Такие не спрячешь. Каждый раз, когда кто-то заходил в комнату-клетку, Марта замирала, опасаясь, что сейчас ее заставят снять перчатки и показать свои потрясающие черные ладошки. То, что Роза ничего подобного не просила, а Старейшины их не навещали, не уменьшало ее страха.

Зелье, которое Кеторин приготовила ей еще в Рупи, не помогало, что, собственно, было не удивительно, но Марта пыталась себя убедить, что от него будет толк, если втирать его в кожу, как крем. Пить мутноватую жидкость с плавающими на дне кусочками чего-то сомнительного Марта не решалась. Она вообще была не уверена, что мешочек подкинула именно Кеторин. «К» в конце записки могло означать что угодно. И в то же время мешочек навряд ли мог принадлежать кому-то, кроме Кеторин. Очки же работали.

Вот только откуда Кеторин могла знать, что Марту будет слепить магический след? И почему не сказала обо всем прямо в лоб, без нелепых шпионских игр?

Сейчас, когда злость на женщину немного поутихла, Марта все равно не могла взять в толк, зачем все это нужно было. Ей начинало казаться, что у Кеторин проблемы с головой, потому что другого объяснения не находилось. Все можно было обсудить изначально, а не кидать Марту, как котенка, в реку и надеяться, что она разберется сама. Если Кеторин надеялась на невероятные аналитические способности Марты, то она полная дура. Потому что сама Марта разобраться не могла.

Единственное, с чем она худо-бедно смогла разобраться, так это с руками. В течение трех дней она чуть по чуть выпрашивала у Розы ингредиенты для своей «огненной» ванны, выдумывая нелепые объяснения, зачем ей понадобились те или иные травы. Повезло, что Роза не была ведьмой и не придавала особого значения просьбам вверенной ей ведьмы-недоучки. Ингредиенты и дозировку она собирала по памяти и до последнего была не уверена, что из этой затеи что-то выгорит.

И сейчас, стоя над темной водой и вдыхая обжигающий воздух, она осознала, что ее память все-таки способна выдавать нужную информацию, когда прижмет. Вода потемнела, но не избавила Марту от сомнений.

Вот только выбора особо не было: ей нужно было избавиться от черных пятен на руках до того, как их хоть кто-нибудь заметит. Да и ее откровенно пугало то, что она проходила с магическим следом на руках почти три дня. Никогда раньше ей не приходилось столько носить черноту на себе. Какова вероятность, что она просто не исчезнет с рук, если ее вовремя не выжечь?

Рисковать совсем не хотелось. А если и правда не пропадет, то что тогда? Носить всю

жизнь перчатки? Марта представила, как в летнюю жару идет в бассейн в перчатках, и мысленно содрогнулась.

Прежде чем раздеться, Марта покосилась на дверь. Коулу пришлось стоять с той стороны, прислонившись к двери, чтобы Марта могла лечь в ванной. Еще одна проблема в копилке их проблем. И это уже порядком достало.

Она окинула симпатичную ванную комнату уже в пятый раз, прекрасно понимая, что тянет время. Но ванная комната, как и большое медное корыто, которое Коул обозвал музейной ванной, была симпатичной. Относительно симпатичной. Белые каменные стены, деревянные полы, окрашенные морилкой, тканевые коврики и, прости господи, унитаз, если его вообще можно было так назвать. Он отдаленно напоминал современного «белого друга», к которому Марта привыкла, точнее он был его очень шумным дедом, который любил оповещать всю свою семью, когда собирался уединиться, да и еще называл сие действие каким-нибудь вычурным словечком. Удивительно, что Коул не причислил его к музейным экспонатам, потому что Марта считала, что там ему самое подходящее место.

Да и вообще в тот момент, когда Марта только надела очки, ей показалось, что все в этом месте принадлежит другому времени, другим эпохам или же даже другому миру. Хотя с другим миром она скорее всего угадала. В общем, смириться с обстановкой было очень не просто.

— Ты долго там? Я уже устал сидеть на полу, — донеслось из-за двери.

Марта мысленно чертыхнулась. Похоже, тянуть время у нее больше не получится.

— Скоро, — достаточно громко ответила она и принялась раздеваться.

— Ты говоришь об этом уже в четвертый раз. Просто признайся, что занимаешься...

— Занимаюсь чем? — едко спросила она, и если бы не успела уже частично раздеться, то непременно вышла бы и спросила в лицо.

— Жалеешь, наверное, что у них с напором проблемы, — похабно ответил ей Коул, и она точно представила его противненькую улыбочку, которой он сопровождал подобные комментарии.

— Такое могло прийти только в твою голову, — бросила Марта и подошла к ванной, от которой поднимался далеко не приятный пар. А тут не было даже самого маленького окошечка, чтобы разогнать этот пар, обжигающий горло при каждом вздохе.

Марта попыталась сравнить свои нынешние ощущения с теми, что испытывала, когда проворачивала подобное дома с полной рецептурой и всем необходимым, вот только либо ощущения были теми же, либо Марта не особо разбиралась в самовосприятии и не могла различить весь спектр горения глотки при вдохе.

Задержав дыхание, она занесла ногу над водой. Была не была.

— Вот только не нужно говорить, что я какой-то извращенец. Шутки про душ и его напор были в ходу, когда я еще под стол пешком ходил.

— Я даже боюсь представить, откуда ты узнал эти шутки, — ответила ему Марта и опустила ногу в воду. Ее обожгло, что было неудивительно.

— Ну... у меня был старший брат-балабол.

— Так это у вас генетика такая... А я уж начала думать, что ты уникам какой-то, — буркнула Марта, отмечая, что словесная перепалка с Коулом немного облегчает для нее процесс. Так сказать, отвлекает от насущного.

Она закинула вторую ногу и не смогла сдержать стон.

— Нет, ну ты там точно занимаешься чем-то непристойным, — тут же нашелся за

дверью Коул.

— Ага, пытаюсь не сгореть заживо, — вторила ему Марта, тяжело хватая губами обжигающий воздух, от которого становилось только хуже.

— Всегда знал, что ведьмы — извращенки.

— Еще какие, — хмыкнула Марта, потому что только мазохистки могли додуматься до таких ванн. Ведьминское спа было бы популярно в определенных кругах.

Она схватилась руками за бортики и одним движением села, расплескав воду. Тяни не тяни — больно будет в любом случае. Она откинулась на спинку ванны-корыта, опустила руки в воду и тут-то поняла, что все-таки где-то она накосячила. И еще поняла, что боль, которую испытывала раньше, была вполне терпимой.

Марта закричала и попыталась подняться, но не тут-то было: ее ноги скользили по днищу, а из рук словно вытянули всю силу — она не могла их даже поднять.

— О боже, — простонала она, пытаясь сражаться с подступающей паникой. Быть может стоило выпить то, что дала Кеторин, а не пытаться изобрести велосипед. А ведь она даже гордилась собой, потому что смогла вспомнить все необходимые ингредиенты. Или дело было в дозировке. И первое и второе было опасным, вот только насколько?

Дверь распахнулась, и в проеме показался Коул.

— Да что у тебя тут творится? — возмутился он.

— Помоги... подняться... — прохрипела Марта, понимая, что сама не справится.

Вода в ванной стала темной, почти черной, и густой, как манная каша с такими же склизкими и противными комочками. Еще один повод не любить магию.

Коул приблизился к ней и с опаской посмотрел на жижу, в которой лежала Марта.

— Да уж, забавные у ведьм, однако, банные процедуры.

— Да помоги же ты, — не выдержала Марта. — Мне больно.

Коул встал над ванной и попробовал воду рукой, только вот опустить ее не смог — вода стала еще плотнее, чем была секунду назад.

— Что это? — нахмурился он.

— Неудачный эксперимент, — буркнула Марта.

— Так, ладно, мне это не нравится. Я подхватчу тебя под мышки и постараюсь вытащить. Попытайся податься вперед.

Марта попыталась. Честно попыталась. Все силы пустила на то, чтобы оторвать свое туловище от медной стенки ванны, но у нее ничего не получилось. Жижа над ней казалась куском цемента, придавившим ее.

— В следующий раз предупреждай заранее, когда надумаешь провести какой-нибудь сомнительный эксперимент, — нервно произнес Коул и, обойдя корыто, попытался просунуть руки ей подмышки.

И у него это получилось, но не с первой попытки. Марта закусила губу, стараясь заглушить очередной крик боли: не хватало еще, чтобы кто-нибудь пришел и застал их за несанкционированным магическим ритуалом. Хотя ритуалом процесс вытягивания ее из корыта с мерзкой жижей назвать можно было разве что с огромной натяжкой.

Коул кряхтел от натуги над ее ухом: Мерзость, которую наварила Марта, не желала отпускать ее.

— Вот черт, — выругался Коул. — Просто признайся, что ты придумала все это, чтобы убить меня. Представляю, как будет смеяться доктор, констатирую мою смерть. Сердце разорвалось от натуги — вот, что он напишет в графе причины смерти.

— Поверь, мне сейчас хуже, чем тебе, — сглотнула очередной крик Марта.

— О, получается, мы занимаемся двойным самоубийством. Просто потрясающе. Спасибо, Марта. Никогда даже представить не мог, что умру, вытягивая ведьму из ванной, — коротко хохотнул он.

— Из корыта, — машинально поправила Марта.

— Еще лучше.

Коул все тянул и тянул, и в какой-то момент ее тело все же поддалось ему на встречу. Сказать, что в этот момент Марта испытала облегчение, значит не сказать ничего. Словно разорвавшаяся натянутая струна, она вылетела из ванной и рухнула на Коула, повалившись вместе с ним на пол. Марта была настолько дезориентирована резкой сменой положения, что не сразу заметила, что чернота с ее рук ушла, а густая жижа в ванной вновь стала жидкой.

Девушка тяжело дышала, пытаясь прийти в себя и не понимая, почему смешанное зелье ей все-таки помогло, хотя действие было абсолютно другим. Коул поднялся на ноги и, найдя где-то большое полотенце, швырнул им в Марту. И только когда махровый ком повстречался с ее головой, та начала немного работать и до нее дошло, что она сидит на полу абсолютно голая, а над ней стоит охотник и буравит ее гневным взглядом.

Дрожащими руками Марта развернула полотенце и закуталась в него.

— Что. Это. Было?

— Эксперимент? — неуверенно предположила Марта. Она все еще была немного не в себе. Удивительно даже, как она смогла избавиться от черных пятен, когда все пошло не по плану.

— Ты из меня дурака-то не делай, — не поверил ей Коул. — Чего ты хотела добиться? А?

Марта выставила из-под полотенца руку и покрутила кистью. Кожа была абсолютно чистой, если не считать тонких шрамов. Подарок на память от Кеторин.

— Я знаю, что ты видел их, когда они были черными. Ты постоянно косился на мои руки, словно они были чем-то измазаны, и брезгливо морщился.

Коул уставился на выставленную ладошку и его всего аж передернуло.

— Не думал, что ты заметишь.

— Если не хотел, чтобы я заметила, не стоило корчить брезгливые рожи. Мне собственно все равно, что ты их видел. Даже удивительно, что ты не заметил их в тот раз в подвале.

— Знаешь, мне тогда было немного не до того.

— Я же сказала, мне все равно. Вот только ни Старейшинам, ни другим ведьмам в Шарпе знать об этой моей особенности не нужно. Собственно эксперимент и заключался в том, смогу я их убрать или нет.

— Рой видел твою темную кожу, — задумчиво произнес Коул. — Он может рассказать.

— Если не рассказал сразу, то и дальше не скажет, — возразила Марта, и спрятала руку под полотенцем. — Мне он кажется человеком очень... даже не знаю, как сказать... вообще тьюфяк, но тьюфяк правильный, который ради семьи готов на все, и если я права, то он ничего не скажет, пока на кону стоит жизнь его сестры. По крайней мере я на это надеюсь.

— Да уж, — протянул Коул. — Я бы на него не особо рассчитывал, да и Розы кажется слышала, но возможно пропустила мимо ушей.

— Надеюсь, что пропустила. Я не знаю, как они отреагируют, узнав об пятнах. Да и

знать не хочу.

Коул лишь хмыкнул и скептически посмотрел на ванную, в которой мутноватая черно-зеленая вода ходила мелкой рябью.

— Как думаешь, получится спустить ее или она опять застынет, если попытаться нащупать слив? И не ждать нам встречи с канализационным монстром?

Марта пожала плечами.

— Может она так только на меня реагировала? А если попробуешь ты, то она не застынет?

— О, — Коул недоверчиво покосился на Марту. — Ты сейчас серьезно предложила мне засунуть туду руку?

— Ну я же была там целиком...

— И, наверное, захотела обратно, — буркнул Коул и принялся оглядывать ванную комнату в поисках чего-то, чем можно было бы вынуть пробку.

А Марта в который раз подумала о том, как сильно скучает по дому, по своему комоду, по функциональному душу, по собственной мягкой кровати. И конечно же по сестре. Мегги не покидала ее мысли, постоянно маяча где-то на задворках сознания.

Марта тоскливо вздохнула и поднялась на ноги. Огромное полотенце доставало ей до колен, в такое вполне можно было завернуть трех Март и еще осталось бы место для Мегги. На дрожащих ногах она дошла до древнего унитаза и, опустив крышку, села на него. Пока она справлялась со своей непосильной задачей, Коул нашел какой-то странный инструмент: деревянную палочку с металлическим крючком на конце, название которой Марта не знала, — и в нерешительности стоял над ванной-корытом.

— Думаешь, на металл она не реагирует? — спросила Марта, склонив голову к плечу.

— Я ни о чем не думаю. Нам нужно избавиться от улики и как можно скорее, — однако в противовес своим словам, он не спешил совать палку воду. Он смотрел на нее так, словно оттуда действительно мог выпрыгнуть канализационный монстр и утащить его за собой.

— Это всего лишь вода, — попыталась успокоить его Марта, хотя сама не решилась бы вновь прикоснуться к этой воде, что уж говорить о том, чтобы погрузиться в нее.

— Ты совсем не помогаешь, — буркнул Коул и, тяжело вздохнув, опустил палку в воду.

Вода не застыла, и Коул с легкостью нашел затычку и подцепил ее. Марта с нескрываемой радостью смотрела, как мутная вода с противным бульканьем утекает в водосток. Она поймала себя на мысли, что экспериментатор из нее никудышный, и она вполне прожила бы без подобных новшеств. Вот только какое-то шестое чувство подсказывало, что в ближайшее время спокойная жизнь ей не грозит.

Коул как-то странно посмотрел на нее, и Марта вопросительно выгнула бровь.

— Советую помыться и на этот раз обычной водой, — он вышел и закрыл за собой дверь.

Марте хотелось на стенку лезть от скуки. Ей начинало казаться, что Старейшины просто не знают, что с ними делать, и потому держат взаперти — другого логического объяснения своего пятидневного пребывания в комнате тюремного свойства наедине со своим «мужем-сокамерником» Марта не находила. Теперь она понимала, как чувствовал себя Коул, находясь у них в заключении, и даже начинала сочувствовать ему, потому что ее мозг просто не выдерживал непрерывного нахождения в четырех стенах, где единственным разнообразием был поход в ванную, от которой Марту уже тошнило.

После того случая с «канализационным монстром», как его окрестил Коул, на ванную и водосток она не могла смотреть, не содрогаясь. А Коул еще и подначивал ее, рассказывая истории о людях, которых утащили в канализацию. Бред да и только, всего лишь вымысел людей с большой фантазией, но когда ты сама являешься ведьмой, на многие вещи начинаешь смотреть иначе. Ведь не могли же такого рода истории появиться просто так по щелчку пальцев.

Удивительно, как Коул умудрялся смеяться над подобным, когда сам являлся охотником на ведьм. Как-то раз он закончил свою историю фразой: «Не бойся, Марта, ты просто его задушишь, как и меня!», и ничего Марте в тот момент не хотелось так сильно, как придушить Коула Томсона. Теперь уже окончательно. Он нашел ее слабость и умело давил на нее, методично доводя девушку до бешенства. Вот только Марта не сдавалась, она не могла позволить себе еще один всплеск эмоций. Последний привел к тому, что Старейшины узнали о ее магических способностях, и Марта действительно боялась того, к чему может привести еще один такой же. Разгромленная комната была меньшим из последствий, которое тоже ударило по ней. Точнее по ее кошельку.

Рози оказалась очень меркантильной женщиной. Она стрясла с Марты всю ее наличность и еще потребовала выписать чек. Ее, конечно, можно было понять — мало кому понравится, когда в твоём доме учинят погром. Вот только выписать чек на свое имя Марта не смогла, и Коул любезно предложил воспользоваться своим счетом.

И да, теперь Марта должна была ему денег. Приличную сумму денег. И да, он любезно напоминал ей об этом по десять раз на дню различными способами. К примеру, сейчас Марта пила чай с тостами, которые принесла Рози.

Коул сидел напротив нее и поглядывал на девушку поверх чашки с чаем.

— А тосты у Рози просто потрясающие, — начал он.

Марта кивнула, не желая вступать в очередной нелепый диалог.

— А уж какие она готовит телячьи отбивные. Просто пальчики оближешь. Если бы я сразу знал об этом, то подался бы в плен к ней, а не к тебе.

— Ты все еще можешь остаться здесь, когда я уйду, — все-таки ответила ему Марта.

— К сожалению, не могу, мне все еще нужно стрясти с тебя мои кровные. Надеюсь, ты не забыла, что должна мне денег?

Марта недовольно поджала губы и буркнула в ответ:

— Не забыла... Как чай? Вкусный? Наверное, у Старейшин заодно и лучшие запасы хьянги? — натянуто улыбнулась ему Марта, припомнив, как Рози принесла сегодня вместе с тостами пакетик трав специально для Коула. — Можешь и к ним в рабство податься, только заранее спроси — а то вдруг запасы кончатся раньше времени, и ты не успеешь стрясти с меня свои кровные.

— Поубавь яду, а то он уже в кружку капет.

— Ха-ха, — процедила Марта, чувствуя, как начинает закипать ее кровь. В последнее время Коул вызывал у нее противоречивые чувства: ее мотало от сострадания до злорадства, как на горках — либо резко вверх, либо резко вниз, чего-то среднего просто не было.

— Ха-ха, передразнил ее Коул и отхлебнул своего хьянга-чая, причмокнув. — На твоём месте я бы попробовал. Вкус очень даже ничего.

— Воздержусь.

— Избавь меня от подробностей своей личной жизни, — мило улыбнулся Коул.

Марта вспыхнула. Да как он может выворачивать все шиворот навыворот и думать, что

так оно и надо?

На языке вертелись десятки — нет — сотни ядовитых ответов, которые Марте было не суждено озвучить. Где-то в глубине дома раздался громкий крик Розы.

— Ты не будешь указывать, что мне делать! — звук битого стекла. — Не в моем доме! Слышишь, Марк, не в моем доме! Я и не подумаю, переломаю тебе твою физиономию еще раз. Если родители не научили манерам, им обучу тебя я!

Марта не знала, кто-то такой этот Марк и что он сделал, чтобы раздраконить Розы, но попадаться той под горячую руку не хотелось. Коул отчего-то рассмеялся и подавился чаем. А в коридоре слышались шаги и тихий сбивчивый ответ мужчины, который Марта не смогла разобрать.

А вот звенящий от злости ответ Розы вполне.

— Нет, Марк, в том, как ты себя повел, не было и намека на вежливость. Ты должен был как минимум поприветствовать меня, а не с порога приказывать мне «тащить их задницы сюда»!

Коул снова прыснул, и Марта непонимающе уставилась на него, изогнув брови дугой.

— Что происходит?

— Да так, — уклонился от ответа Коул и вновь ухмыльнулся каким-то своим мыслям.

Марта хотела все-таки вытянуть из него ответ, но тут дверь распахнулась и в проеме показалась Розы с красными пятнами гнева на бледном лице. А за ее спиной возвышался грузный мужчина со сломанным носом и свежим кровоподтеком на квадратной челюсти. Коул смерил Марка оценивающим взглядом и тихо хмыкнул, для Марты же осталось загадкой, о чем думал охотник в этот момент. Ей самой и в голову бы не пришло смеяться над таким грозным и сильным мужчиной, как Марк, а уж кидаться в него предметами различного назначения и подавно.

Она могла лишь позавидовать Розы и ее выдержке — так спокойно стоять, когда за ее спиной возвышается Марк.

— Старейшины попросили привести вас в зал Совета, — произнесла Розы и даже улыбнулась, хотя взгляд ее оставался колючим. Марта и Коул ей определенно не нравились, и разница между тем, как она встретила их и как принимала в дальнейшем, была разительной.

— Немедленно, — хмуро дополнил ее Марк. И в этом тихом слове отразилось все его недовольство, которое он почему-то не смел выказать самой Розы напрямую.

Та покосилась на него через плечо и приказала:

— Повежливее.

— Как можно скорее, — сверкнув глазами, исправился Марк, и Розы довольно кивнула.

— Но вы вполне можете допить свой чай.

Марта осушила кружку одним глотком и вскочила на ноги — откладывая встречу со Старейшинами ей совсем не хотелось. Все, чего ей хотелось, так это как можно скорее вернуться домой. А, выражаясь словами Марка — немедленно.

— Не вижу смысла откладывать. Старейшины люди занятые, и нам не стоит заставлять их ждать.

— Что верно, то верно, — кивнул Марк, чем заслужил очередной недовольный взгляд.

Марта не могла понять, чем мужчина заслужил к себе подобного отношения, ведь Розы буквально самый маленький шаг или жест с его стороны воспринимала в штыки. Сама же Марта пока что не видела в его поступках и словах ничего предосудительного. Типичный

мужчина-гора, возможно немного скудоумный, и то не факт — ей было сложно судить об этом только по первому взгляду. Хотя ей довольно часто встречались люди, которые одним своим видом вызывали отторжение на каком-то глубинном уровне, и Марк не был таким человеком.

Коул тоже поднялся, что-то невнятно бурча себе под нос, и вместе они вышли из комнаты. То был первый раз когда Марта покинула разгромленную комнату, и она жадно оглядывалась по сторонам, изучая дом Розы. А изучить здесь было что. Идя по узким коридорам, Марта чувствовала себя так, словно попала в домик барби с одной лишь поправкой на то, что барби была ведьмой. Розовым здесь было все. Буквально все. Разбег цвета начинался от ядерной кислотной фуксии и заканчивался пыльной розой.

Возможно проблема была в очках-сердечках с розовыми стеклами, но Марта все же так не считала. Она, конечно, смотрела на мир через розовые очки, в прямом смысле слова, но мир из-за этого розовым не становился — на эту мысль ее натолкнули хрустальные огоньки, мерцающие мягким желтым светом.

Как выяснилось, дом Розы был не совсем домом. Точнее когда-то он был гостиницей для посетителей городка Шарпа, об этом рассказала сама Розы, когда поймала заинтересованный взгляд, которым Марта скользила вдоль ряда одинаковых дверей.

— Еще лет тридцать назад, когда я была маленькой, в Шарпу часто приезжали туристы, если их можно так назвать, и мои родители держали гостиницу. Сейчас гостей почти не бывает. После смерти предыдущей Главы Госпожа Клементина запретила пускать посетителей в город, всех принимают только в волшебных лавках с выходом в основной мир. Вы первые жильцы «Розового Дома» за последний пять лет. Ранее у меня гостила только представительница Кровавых ведьм, когда приезжала на Совет, — рассказывала Розы, пока они спускались вниз по лестнице, застеленной пушистым розовым ковром. — Теперь держать гостиницу в Шарпе дело совсем уж неприбыльное. В прошлом году пришлось уволить последних рабочих — со всем я теперь справляюсь сама. И повар, и горничная, и администратор, осталось только научиться чинить магические сливы — и буду на все руки мастер.

Они спустились в просторный холл, в котором была лишь розовая деревянная стойка администратора и небольшой диванчик возле единственного в доме окна. В холле было несколько закрытых двухстворчатых дверей с табличками. На правой «Столовая. Завтрак и ужин включены в счет», на левой «Волшебные бани. Ощутите магический жар».

Выйдя из гостиницы, Марта поняла две вещи: во-первых, в доме Розы было слишком мало магических предметов, во-вторых очки не справлялись с нахлынувшим на нее потоком чистого магического света, который струился с неба, которое, по словам Коула, было непроглядной тьмой. Для Марты оно не было черным, для нее «небо» Шарпы сияло мириадами граней света. Там, над ее головой, раскинулось средоточие магии, и смотреть на него было так же больно, как пытаться смотреть на солнце.

Марта перевела взгляд на дома — на них смотреть было легче. Белые низенькие домики не выше второго этажа с покатыми крышами и без окон, что неудивительно, когда над головой у тебя мерцает столь яркий магический след, от которого хочется скрыться хоть ненадолго. Вот только то, что ни Коул, ни Розы, ни Марк не испытывали никаких затруднений, натолкнуло Марту на мысль — если в тебе нет магии, то и прятаться от «неба» тебе не нужно. Тогда как же Старейшины? В них-то магия есть, но они не слепые, как котята, и в отличие от Марты чувствовали себя хорошо. Кто бы стал жить в городе,

проживание в котором связано с целой кучей проблем?

Петляя по узким улочкам, они вышли на большую площадь с неработающим фонтаном в центре. Таким черным, что на фоне белых улиц и чистых бело-кремовых мостовых выглядел он не то чтобы слишком заметным, но отвести от него взгляда Марта не смогла. Его нельзя было причислить к произведениям искусства, которыми пестрели журналы и исторические каталоги — этот фонтан был уродлив, словно его вылепили дети, ничего не смыслящие ни в пропорциях, ни в симметрии. То, что скорее всего предполагалось кругом, на деле вышло кривым овалом, края чаши, местами отколотые, местами изначально вывернутые наружу, были точно предназначены не для сидения. Марта так заметила две ступеньки, ведущие в саму чашу, где в центре стояла кособокая женщина в длинной юбке и блузе (точнее Марта думала, что таковой одежда изначально подразумевалась, годы превратили ее в едва различимое «нечто»). Длинные волосы развевались словно бы на сильном ветру, а лицо, возможно когда-то симметричное, было местами отбитым и не давало представления о внешности статуи. Руки женщины были вытянуты вперед, а ладони сложены лодочкой — скорее всего из них когда-то и вытекала вода.

— Он никогда не работал, — заметив ее интерес, пояснила Роза. — Его много лет пытались запустить, но ничего не вышло. Снести пытались тоже. Мама рассказывала, что раньше у ног женщины был выбит барельеф «Ключ темен, как сама ночь», но когда тогдашняя Глава пыталась разрушить фонтан, у нее ничего не вышло. Только поотбивала несколько кусочков и смогла сбить барельеф.

— Ключ темен, как сама ночь? — рассеянно пробормотала Марта, все еще смотря на фонтан. — Возможно это какой-то шифр, чтобы запустить фонтан.

Роза хохотнула, и Марта покосилась на нее — в своих словах она не видела ничего смешного.

— Извини, просто ты говоришь, как Кеторин. Она было, ну как была, и сейчас тоже есть, дочерью наше прошлой Главы. Так вот, из-за нее-то фонтан и пытались разрушить: она все твердила про шифры, ключи и пропадающую магию. Говорила, что фонтан скорее всего Источник. Настолько замучала Старейшин и Главу, что те приняли решение разрушить его. Я тогда маленькая была, и меня подобные вещи не интересовали. Но люди поговаривали, что Кеторин закрывала собой фонтан от заклятий, когда они попытались разрушить его. А ведь ей тогда было лет десять, не больше. Всегда сама себе на уме. Чокнутая, — Роза снова рассмеялась и покрутила пальцем у виска. — Кто бы что ни говорил, но, когда она ушла, Шарпа словно вздохнула с облегчением.

— Это точно, — вторил ей Марк. — Представляешь, чтобы было бы, стань она нашей Главой?

Мужчину аж всего передернуло, и Марта удивленно вскинула брови. Так вот почему Кеторин не хотела появляться в городе. Марте тоже бы сбежала, если бы к ней относились с таким предубеждением.

— Пойдемте уже, — предложил Коул, которому, похоже, надоело стоять посреди площади под взглядами проходящих мимо ведьм. Он вообще выглядел напряженным с того момента, как они покинули гостиницу Розы: все косился по сторонам, словно ожидая, что на него нападут из-за угла.

И они пошли напрямик к невысокому зданию совета — единственному зданию, где было много окон. Оно тоже стояло на площади, выходя на нее большим резным крыльцом с каменными белыми ступенями и деревянными перилами. Двери были распахнуты настежь,

и Марта со своими провожатыми без особого труда проникли внутрь. Никаких тебе охранников и надзирателей. Вход был свободен для всех.

Внутри все было застелено коврами, такими пушистыми, что ноги в них утопали чуть ли не по щиколотку. На белых каменных стенах были выписаны защитные знаки, Марта и сама толком не поняла, почему решила, что они защитные, просто посмотрела на них и поняла. На окнах, к ее немалому удивлению, не было никаких штор.

Они прошли по пустому широкому коридору, по сторонам которого тянулись высокие окна.

— Даже не знаю, сумеет ли девчонка удержать кровавых в узде, — услышала Марта недовольный голос госпожи Брунгильды, когда они приблизились к распашным белым дверям.

— Удержит или нет, уже не наша проблема. Люциан написал, что они выбрали ее. Корона выбрала ее сегодня утром, сомневаюсь что Демьяна пойдет против Короны, — прозвучал незнакомый голос.

— Ты плохо ее знаешь, — хмуро ответила Брунгильда. — Мне вот сложно предугадать, что она предпримет. Гертруда держала ее в ежовых рукавицах, не знаю, чем та ей угрожала, но при ней Демьяна была покладистой, а теперь, когда Королевы не стало, нам стоит ждать проблем. Особенно когда наша собственная Глава до сих пор не возвышена.

— Не нагнетай, — Марта узнала голос госпожи Евы и даже смогла представить, как та закатывает глаза.

— Это я-то нагнетаю? — возмутилась госпожа Брунгильда. — Я? Ева, если ты не заметила: с одной стороны нас пасут охотники, с другой — кровавые и их перевороты...

— Не было еще никакого переворота, — воскликнул еще один незнакомый голос — высокий и молодой, в отличие от голосов других Старейшин.

— Не было, но будет. Помяните мое слово, — отрезала госпожа Брунгильда.

— Если бы к этому были бы какие-то предпосылки, Люциан непременно бы написал.

— Ну конечно, — едко ответила Брунгильда. — Люциан же всегда пишет самые развернутые послания. Цитирую: девчонка коронована. Если он что и заметил, нам он об этом сказать не удосужился. Как и всегда.

Марк постучал в дверь, и голоса за ней затихли.

— Войдите, — приказала госпожа Ева, и через пару секунд и Марк распахнул одну из тяжелых дверей.

Зал совета был просторным и светлым. Каменный пол был застелен таким же толстым ковром, что и коридоры. Здесь также было много окон, но на них висели тяжелые кремовые шторы, некоторые зашторенные, некоторые — нет. Магический свет, лившийся через окна, освещал комнату приятным желтым светом. Так что Марта не сразу поняла, зачем нужны были свечи на столе и хрустальные шары по углам квадратной комнаты.

Госпожа Ева сидела за столом, откинувшись на высокую спинку стула. Ее большие мясистые руки спокойно лежали на подлокотниках, а безразмерная золотистая мантия-балахон струилась вокруг нее и мягкими складками спускалась на пол. Смотря на Старейшину, Марта испытывала двойкие впечатления. Она видела двух женщин одновременно, и они словно накладывались друг на друга, как на неумело отредактированной фотографии. Молодая и красивая пухляшка словно прикрывает собой старуху с обвисшей кожей. От такого буквально рябило в глазах.

Марта перевела взгляд на госпожа Брунгильду, что стояла у стены, скрестив руки на

груди, и лучше бы она этого не делала. Ничего не изменилось с их первой встречи: смотреть на Брунгильду было физически больно из-за той женщины, что скрывалась под маской невероятной красоты. Марта не рассказала Коулу о том, что пряталось там. Лысый обожженный череп, волосы на котором росли лишь в двух местах маленькими клочками, лицо, все в шрамах от старых ожогов, рот, кривляющийся из-за того, что верхней губы практически не было, и почти полностью заплывший левый глаз.

Брунгильда пугала Марту. Пугала не столько своей внешностью, сколько историей, скрывающейся за ней. Брунгильда выглядела, как человек, которого пытались сжечь заживо, и Марта сомневалась, хочет ли она знать, было так на самом деле или же то был несчастный случай. Неудивительно, что женщина была таким параноиком.

Госпожа Брунгильда накрутила прядь волос на палец, и Марта вздрогнула. Чувствовала ли Старейшина несуществующие волосы как настоящие или же нет?

Марта поймала на себе ее взгляд и тут же отвернулась. Ей не хотелось привлекать к себе чрезмерное внимание госпожи Брунгильды.

Двух других Старейшин Марта не знала. Одной из них оказалась высокая темноволосая женщина, которая так же пряталась под своеобразным магическим покровом, но тот лишь сглаживал морщины у зеленых глаз и тонких губ, не вызывая такого же сильного диссонанса, как с госпожой Евой или же Брунгильдой. Эта Старейшина стояла у стола, уперев руки в крышку, и сверлила Марту заинтересованным взглядом.

Из всех Старейшин только одна не использовала магических заклятий для приукрашивания внешности. То была единственная молодая Старейшина. Ее русые густые волосы были собраны в высокие хвост, открывая красивое лицо с большими миндалевидными карими глазами, вздернутым носом картошкой, пухлыми губами и ямочкой на подбородке. Она сидела за столом рядом с госпожой Евой и по тому, как то и дело поглаживала свой живот и улыбалась каким-то своим мыслям, Марта поняла, что Старейшина была в положении. Она вся словно светилась изнутри.

— Ну наконец-то, — хмурым кивком поприветствовала их госпожа Брунгильда. — Я уж думала, ты их никогда не приведешь.

Слова были обращены к Марку, но отчего-то пристыженной Марта почувствовала себя.

— Розы, Марк, можете быть свободны, — мягко предложила выйти за дверь госпожа Ева. Зачем это было сделано, Марта не поняла, ведь и за дверью все было отлично слышно.

Однако же Розы с Марком вышли и плотно прикрыли за собой дверь. Коул встал точно за спиной Марты, то ли защищая, то ли, наоборот, прячась. Марта так и не определилась — вот только ощущать кого-то за своей спиной было даже приятно. Конечно, она не доверяла Коулу, но и Старейшинам она не доверяла. И если сравнивать «недоверия», Коулу она не доверяла чуть меньше, чем Старейшинам.

— Марта, — госпожа Ева улыбнулась ей, и улыбка эта была теплой. От женщины буквально веяло добротой, таким людям хочется верить. — Мы посоветовались относительно вас и вашего мужа. И пришли к заключению, что попытаемся вам помочь.

Госпожа Брунгильда хмыкнула и подошла к столу, встав рядом с беременной Старейшиной.

— Хьянгу невозможно вывести из организма полностью. Можно сделать только одно — привязать его жизнь к другому человеку, — произнесла госпожа Брунгильда, натянуто улыбнувшись.

— Как?

Беременная Старейшина подалась вперед и положила локти на стол.

— Понимаете, хьянга — яд, и на данный момент антидота к нему нет. Я проверила все наши записи относительно него и нашла лишь древний рецепт зелья-антидота. Только проблема в том, что ингредиентов для его изготовления нет в природе. Соцветия, которые упоминаются... мда уж... если честно, я думаю, это шуточное зелье. Парочку таких я уже находила, так что и это тоже ненастоящее.

Марта слушала женщину и ничего не понимала. Если зелье не существует, тогда зачем о нем упоминать. Неужели нельзя строго и по факту рассказать, что делать? Зачем нужны эти лирические отступления?

— Торин имеет в виду, что простого способа лечения нет, — сказала госпожа Брунгильда. — И это возвращает нас к моему предложению. Мы уже несколько раз пробовали привязывать жизнь одного человека к другому — и результат вполне неплох. Больной не исцеляется, но он словно попадает в стазис, замирает в том своем состоянии, в котором был в момент привязки, и остается в нем до того момента, пока тот, к кому он привязан, жив.

— И к кому вы предлагаете его привязать? — Марта почувствовала, как предательски засосало под ложечкой. Ей не хотелось слышать ответ на свой вопрос.

— К вам, — просияла Торин. — Вы, Марта, просто идеальный вариант.

Коул за ее спиной напрягся.

— Вы сможете удерживать его многие годы. Ваших магических способностей для этого хватит. Но, что еще лучше, вы является комплементалами друг друга. Разве это не чудо?

Марта застыла, как громом пораженная. Весь воздух из ее легких словно разом выкачали. Она хватала губами воздух и таращилась на Старейшин, надеясь, что сейчас слуховые галлюцинации пройдут.

— Что вы имеете в виду? — спросил Коул из-за ее плеча. О, так у него тоже галлюцинации?

— Ох, вы же не в курсе, — произнесла Торин слегка удивленно. — Понимаю, для вас мои слова ничего не значат, — она нервно хохотнула. — Как же объяснить?

Старейшины переглянулись, и госпожа Ева принялась рассказывать теорию, которую Марта уже и так знала. Девушка даже как-то отстраненно отметила, что женщина временами выбирала даже те же формулировки, что и Кеторин, когда рассказывала ей о комплементаллах, разве что без той доли скептицизма и иронии, что была присуща хозяйке Ведьминой обители.

Вот только пока госпожа Ева все рассказывала и рассказывала, а Коул хрипло дышал за ее спиной, Марту не покидала мысль, что где-то здесь закралась какая-то огромная ошибка. Ведь она, Марта, не чувствовала Коула. Не чувствовала никакого единения душ. Не чувствовала никакой связи.

Она уже хотела развеять их заблуждения, так сказать пролить свет на правду, когда над столом вспыхнул яркий свет, ослепив всех на несколько секунд и погрузив комнату в хаос. Марта ощутила, как Коул схватил ее за руку и оттащил к двери. Она услышала, как судорожно вздохнули Старейшины.

А затем так же резко, как появился, свет пропал, оставив после себя на столе мужчину. Высокого темноволосого мужчину в помятом костюме тройке, с взлохмаченными волосами и явно только что сломанным носом, из которого продолжала капать кровь.

— Люциан, — произнесла госпожа Ева, обалдело тараща глаза на мужчину. — Что

случилось?

Тот спрыгнул со стола, на ходу тщетно отряхивая костюм.

— Пришлось использовать последний мгновенный перенос, — раздраженно бросил он и, схватив какой-то лист со стола, разорвал его и принялся затыкать кровоточащий нос. — Произошло кое-что непредвиденное. Демьяна попыталась убить новую Королеву, и мне пришлось вмешаться.

— Как девочка? — взволнованно спросила госпожа Ева.

— Марк! — раздраженно крикнула госпожа Брунгильда.

— Сбежала, — вторил той Люциан. — Вместе с короной.

Дверь за спиной Марты распахнулась, и в проеме показался ошалелый Марк. Его взгляд метался от Марты и Коула к Люциану и Старейшинам.

— Проводи наших гостей обратно к Розе. Мы продолжим наш разговор позже, — приказала госпожа Брунгильда.

— Куда убежала? — спросила госпожа Торин, не обращая внимания ни на кого, кроме Люциана, который стоял у стола, запрокинув голову. — Нам нужно ее найти как можно скорее.

— Не стоит переживать. Я успел накинуть на нее покров. А так как у Королевы кровных родственников не осталось, по крови ее найти они не смогут, так что время у нас пока есть.

Марта чувствовала себя, как в тумане. Слишком много всего произошло за какие-то секунды, и ее мозг не справлялся. Комплементаллы. Неизвестно откуда взявшийся мужчина. Королевы. Смерти. Бегства. Всего этого было слишком много для нее. Она чувствовала себя героиней какого-то бредового фильма.

Отстраненно она отметила, что Коул схватил ее за руку и поволок куда-то прочь из комнаты. Хотя она настолько была не в себе, что ее вполне мог схватить Марк или кто-то еще — и она бы не заметила.

Марта тяжело дышала, пытаясь совладать с собой и не дать силе выплеснуться наружу. Мысленно она молилась, чтобы все происходящее оказалось всего лишь галлюцинацией.

Глава 30. Вперед, не забывая прошлое

— С.В.И.Д.А.Н.И.Е. Слышишь, Терра, он позвал меня на свидание! Просто подошел спросил, не хочу ли я пойти с ним в кино! Чарли Томсон подошел ко мне и предложил пойти в кино! О мой Бог, — Сьюзи причитала уже минут двадцать, и Терра стойко терпела словесные излияния подруги, даже умудряясь не кривиться, когда та слишком громко выплескивала свои эмоции. — Мы поженимся в ноябре!

Терра вскинула голову, все-таки отложив смету, и уставилась на Сьюзи. Сьюзи, которая буквально светилась изнутри.

— Не слишком ли ты спешишь? Разве не ты недавно возмущалась относительно того, какой Чарли... как же ты его тогда назвала? Точно! Твердолобый! Твердолобый, бесячий Чарли! А теперь посмотри на себя — стоило ему предложить тебе сходить в кино, и ты переобулась на ходу, даже не удосужившись сбросить скорость, — Терра выдала свою тираду на одном дыхании и, скрестив руки на груди, уперла хмурый взгляд на подругу, надеясь, что сейчас у той включится мозг, и она снова станет той привычной Сьюзи, которая своим скептицизмом способна сдвинуть горы.

Но чудо не свершилось. Сьюзи смотрела на нее непонимающим взглядом, хлопая обильно накрашенными ресницами и недовольно кривя губы. Как же так? Неужели Терра посмела нарушить ее великий любовный словарный понос?

— Это сейчас была какая-то механическая терминология? Прости, я не сильна в механике, — Сьюзи тоже скрестила руки на груди, отзеркалив позу Терры.

Они стояли на кухне старого-нового дома Терры и буравили друг друга недовольными взглядами. Через разбитую оконную раму задувал свежий летний ветерок и трепал их волосы. Терра откинула пряди с лица и вновь села на пыльный стул.

Она позвала Сьюзи для помощи, а не для того, чтобы без конца слушать хвалебные отзывы о Чарли-Томсоне-лучшем-мужчине-всех-времен-и-народов. Последние недели в жизни Терры были очень насыщенными. Алистер и банкротство его семьи, ремонт, воспоминания и правда о маме и магии, а теперь еще и Чарли.

Если бы когда-нибудь ей сказали, что какого-то человека может быть слишком много, то она скорее всего просто рассмеялась бы над таким заявлением. Вот только тогда она не знала Чарли Томсона. Парень был буквально в каждой бочке затычкой, его с лихвой хватало дома — но нет, теперь он еще каким-то неведомым образом умудрился стать единственной темой для разговоров Сьюзи. Та буквально любой диалог умудрялась свести к обсуждению Чарли, а они ведь даже не встречались.

Ох, Терра испытывала огромное желание спихнуть подругу на Чарли — пусть он сам разбирается с монстром, которого создал.

— Сьюзи, пожалуйста, — взмолилась Терра, — мы можем поговорить о чем-нибудь другом?

— О чем? О чем, скажи на милость, нам разговаривать? — насупилась Сьюзи. — С твоим ремонте? Так я и так уже все о нем знаю! Может о том, что ты решила не поступать в универ и остаться в Руни? Так и здесь я уже в курсе и отчаялась убедить тебя в обратном. Мы еще можем поговорить о пропавших ребятах, но эта не та тема, которую мне хотелось бы поднимать. Понимаешь, они просто сбежали, а то, что все пытаются вывернуть правду и докинуть ей мистического флера, меня уже порядком достало.

— К чему ты клонишь? — устало спросила Терра, посмотрев на подругу исподлобья.

— К тому, что ты стала скучной! Зациклилась на какой-то своей проблеме и молчишь.

Терра, я же не слепая, я все вижу! Я знаю, что тебя что-то гложет, и ты накручиваешь себя, но мне ты ничего не говоришь. А Чарли... Чарли ведь и правда хороший.

Терре, конечно, хотелось сказать, что зациклилась отнюдь не она, но девушка промолчала и вновь уткнулась в свои сметы, в которых не понимала ровным счетом ничего. Рядочки, колоночки, циферки. А в сумме только головная боль.

В коридоре скрипнули половицы, и Терра уловила едва различимый запах горячей выпечки, а через минуту в старую потрепанную кухню вошел Алистер, словно бы влекомый ее беззвучными молитвами. В руках он держал термос и пакет с сэндвичами.

При одном только взгляде на него Терра просияла, буквально наполняясь его теплом. Что ж, если здесь будет Алистер, то она, возможно, справится даже со Сьюзи.

— Сьюз, у Чарли в машине остался термос с кофе и коробка с эклерами. Может сходишь поможешь ему принести? — предложил Алистер, и для Терры в эту секунду он стал тем самым героем, который спасет принцессу из лап гнусного монстра. Правда Терра не чувствовала себя принцессой, да и Сьюзи назвать монстром было крайне сложно, но вот Алистер... Алистер определенно был принцем.

Терра одними губами произнесла «спасибо», когда Сьюзи повернулась к Алистеру и больше не могла ее видеть. Алистер увидел жест и только кивнул, давая понять, что все понимает.

— Ох, там же калитка заедает. Он не пройдет с громоздкой коробкой, — воскликнула Сьюзи и умчалась так, словно ее подгонял разгорающийся за спиной огонь.

Терра подождала, пока за Сьюзи захлопнется входная дверь, и только тогда начала говорить с легкой улыбкой:

— А термос-то у тебя с собой.

— Правда? Ох, а я совсем и забыл, что забрал его, — Терра уловила едва заметный намек на улыбку, которую Алистер пытался сдержать. — Но Чарли определенно нужна помощь с эклерами. Он, конечно, парень хороший, но в калитку не пройдет.

Терра рассмеялась в голос.

— Ты все слышал?

Алистер кивнул и сел за стол напротив Терры.

— Только не говори ничего Чарли, а то не видать Сьюзи свадьбы в ноябре. Сбежит так же быстро, как она к нему, только из города.

Алистер отрицательно мотнул головой.

— Сомневаюсь, что он хоть куда-то сбежит. Мне кажется, она подцепила его на крючок, — Алистер достал из пакета пару пластиковых стаканчиков и принялся разливать горячий кофе.

— Только не говори, что он тоже расхваливает Сьюзи. Я не выдержу, если он придет и начнет петь мне в уши о том, какая Сьюзи чудесная-милая-обворожительная-и-просто-душка. Я ведь знаю, что это далеко не так.

— Он, конечно, ее обсуждает, но на свой манер, — усмехнулся Алистер.

— Даже слышать не хочу! — Терра театрально заткнула уши пальцами и начала напевать какой-то мотивчик, на что Алистер лишь рассмеялся и жестом показал, что закрывает рот на замок.

Алистер протянул ей стаканчик с кофе и достал из пакета сэндвич с тунцом. Только

увидев поджаренный хлеб и ломтики салата с прослойкой маринованного тунца и свежих помидоров, Терра поняла, как сильно она проголодалась, и что чашка чая и одно вареное яйцо не могут быть полноценным завтраком.

Она вонзилась зубами во все еще теплый и хрустящий сэндвич, чувствуя себя кровожадным монстром, разрывающим плоть какого-нибудь животного.

— Бобби просто бог, — пробурчала она с набитым ртом. — Если бы он не был женат, я бы вышла за него замуж, не задумываясь.

— Сомневаюсь, что он готовит еще и дома, — вторил ей Алистер. — Когда целый день стоишь у плиты, дома скорее всего просто хочется отдохнуть.

— Не знаю... не знаю... Я бы ходила к нему на работу и ела бы там.

— Для этого не обязательно выходить за него замуж, — возможно Терре показалось, но Алистер, видимо, не оценил ее шутку.

Терра лишь пожала плечами, гадая, куда бы свернуть разговор, раз ее шутка не пошла по нужной тропе, но Алистер свернул вместо нее, и девушка не могла сказать, что выбранный им путь оказался ей по душе.

— Не думаешь рассказать Сьюзи о своих способностях? — спросил он как бы невзначай.

Терра непонимающе нахмурилась.

— Нет. А должна?

— Чарли в курсе, — пожал плечами Алистер. — А Сьюзи твоя подруга. Вы, считай, выросли вместе. Думаю, было бы логично рассказать ей.

Терра покачала головой и поджала губы. Логике в подобном поступке она не видела от слова совсем. Если честно, она не могла представить, какой оказалась бы реакция подруги. Та с равной вероятностью могла впасть как в одну, так и в другую крайность. И Терра не хотела знать, какую крайность выберет Сьюзи. Рушить долгую дружбу ей совсем не хотелось.

— Не стоит, — вслух произнесла она и вновь уткнулась в свои сметы, просто не зная, что еще можно сказать.

Так что Терра была даже рада, когда вернулись Чарли и Сьюзи с коробкой эклеров от Бобби. При них Алистер не решился больше поднимать тему магии. Он принял ее решение относительно Сьюзи и, даже если и не был с ним согласен, не оспорил.

То лето в своей жизни Терра считала поворотным. Изменилось многое, и по большей части происходящее ее не радовало. Разорение Рудбригов вернуло Алистера в ее жизнь, и он больше не собирался покидать Рупи. Что одновременно радовало и заставляло сердце щемиться от тоски. Ведь теперь она уже точно знала, что причина была в ней. Она нарушила ход соглашения, которого и сама толком не понимала. Да, не по своей воле, но нарушила, и Алистер стал жертвой доверчивой девочки, которая очень любила свою маму.

Мама... Папа...

Они тяжелым грузом висели на ее совести, и ей не с кем было поделиться своими тревогами. У Алистера и без того проблем было выше крыши, а мадам Рудбриг никогда не была тем человеком, с которым Терре бы хотелось поговорить по душам. Их единственный подобный разговор состоялся в начале лета, когда Терра обвинила женщину во лжи, и с того дня девушка намеренно избегала мать Алистера, которая растила ее все эти годы. Возможно, это и удивительно, но между ними так и не сложилось теплых отношений. О чем Терра, если быть откровенной, не очень-то жалела: скорее ей было все равно.

Заменить мать невозможно, так считала Терра, а то пренебрежение, с которым мадам Рудбриг относилась к Селене Грабс, стало еще одной причиной, из-за которой Терра ни за что не пошла бы к ней изливать душу.

И именно из-за мадам Рудбриг Терра считала дни до того момента, когда сможет наконец перебраться в свой старый-новый дом. Что она и сделала, когда ремонт был закончен. Вот только назвать ремонтом то действие, что нанятые рабочие произвели в доме, можно было только с большой натяжкой. Было сделано лишь самое необходимое: разобрана оранжерея, заменено окно и часть фасада на кухне, а также перекрыта крыша, и отремонтирован чердак, в котором Терра хотела сделать свою студию. На этом все. Больше она не изменила в доме своих родителей ничего, да и не посмела бы изменить. Как ни странно, ей хотелось оставить все, как есть.

Тем летом она разбила маленький садик на месте старой оранжереи как дань памяти своим родителям. Ей это казалось правильным и важным — помнить их и не забывать того, что с ними стало.

Она перебралась в дом сразу же, как были закончены последние работы. До этого момента она и подумать не могла, каким количеством барахла обзавелась за эти годы. Пришла только с некоторыми игрушками и одним маленьким чемоданом, а чтобы уйти понадобилась целая фура, набитая под завязку.

Сузубо — и исключительно — в целях экономии Алистер помог перевезти вещи. На это у них ушло несколько дней и столько бензина, что в итоге не о какой экономии речи быть не могло. Терра сбилась со счета, сколько раз они ездили туда и обратно. Но она была довольна. Они загружали небольшой багажник и заднее сидение так, что в машине не оставалось места не для кого, кроме них с Алистером. Они ехали по лесным дорогам от поместья к городу и по улочкам Руни — это занимало около часа в одну сторону. Правда они могли бы ехать и быстрее, если бы Алистер вдруг не стал адептом низких скоростей. Он резко начал не только соблюдать скоростной режим, но и занижать его. Терра понимала, почему. Алистер тоже понимал. И даже Чарли все прекрасно понимал. Парень то и дело бросал на них понимающие взгляды и улыбался, как добрый папочка, который гордился своими детьми. Однако от этой откровенной но тихой поддержки, Терра чувствовала себя немного некомфортно: то и дело хотелось спрятать глаза и сделать вид, что ее здесь нет.

Терра чувствовала, что стоит на перепутье. Еще чуть-чуть, маленький шагок, и ее стремительно меняющаяся жизнь сделает новый виток и пойдет по новому руслу. Она буквально ощущала вкус чего-то нового и неизвестного на кончике языка. И боялась. Конечно же Терра боялась — она никогда не была тем человеком, который несется на всех парах, не оглядываясь ни на секунду.

Она боялась, что если покинет дом Рудбригов, то ей некуда будет вернуться. Она боялась, что если скажет Алистеру о своих чувствах, то все изменится, и она потеряет тот хрупкий мир, который у нее был. Боялась потерять Сьюзи, которая все больше и больше ускользала. Магия и Чарли стали между подругами стеной. И Терра боялась, боялась до дрожи в коленках, что если переломит ее со своей стороны, то потеряет единственную подругу.

Но все эти страхи не могли остановить необратимый виток жизни, который несся вперед, и тащил Терру за собой, словно на привязи.

Когда Алистер грузил ее последние вещи в машину, мадам Рудбриг подошла к ней, и,

взяв за локоть, отвела в сторону. Она говорила очень тихо, словно опасаясь, что кто-то во вселенной сможет заметить, что она, эта стальная женщина, далеко не так сильна и непоколебима, как хочет казаться.

— Я всегда рада тебе в моем доме, Терра. Мы семья. И ты всегда сможешь вернуться сюда — просто знай это.

От этих слов у Терры защипало в носу, а к глазам подступили слезы. Она поняла одну вещь: возможно все ее мысли о мадам Рудбриг были скорее всего надуманными и далекими от реальности. Она кивнула матери Алистера и, поддавшись минутному порыву, предложила той заглянуть к ней как-нибудь на чай. По удивленному взгляду, которым мадам Рудбриг наградила ее, Терра поняла, что эта взрослая женщина была так же подвержена страхам и надуманным выводам, как и она сама. Но мадам Рудбриг справилась с собой гораздо быстрее Терры и, ответив короткое «с радостью», скрылась в доме.

Терра потом еще долго проигрывала в голове тот короткий разговор, вертела его и так и этак, все гадая, почему же так и не смогла проникнуться к мадам Рудбриг теплыми чувствами.

Первая ночь в новом-старом доме была тяжелой. Терра все ворочалась с боку на бок и не могла уснуть: ей то мерещились чьи-то шаги на лестнице, то как-то не так скрипел пол, когда она пошла на кухню налить воды, то ветки на деревьях в темноте казались людьми, которые смотрят за ней через окна. В какой-то момент, устав шарахаться от каждой тени, Терра включила свет везде, где только можно, и уселась на полу в гостиной вместе с кристаллами соленой памяти.

До кристаллов, в которых были заключены ее детские воспоминания и воспоминания Алистера, Терра дотрагиваться не решалась. Она боялась их обоих — но по разным причинам. Если со своими ей все было понятно, то вот кристалл Алистера вызывал у нее смешанные чувства. С одной стороны ей хотелось к нему прикоснуться, хотелось узнать, что такого он туда вложил, с другой — она боялась этого кристалла, хоть и понимала, что страх ее нелеп.

Так что, оставив «пугающие» кристаллы в шкатулке, которую она для них приспособила, Терра взяла один из пустых и принялась наобум вкладывать в него воспоминания. Отчего-то вспомнился тот разговор в библиотеке о магии. Ах, они ведь тогда были совсем детьми! Терра постаралась вспомнить все — вспомнить и вложить. Надеясь, что память ей не изменяет и все действительно было так, как она помнила.

Она попыталась вспомнить что-то еще, но воспоминания разбежались, словно птицы с потревоженной ветки. Детских воспоминаний было много, но чего-то такого, что заслуживало быть заложенным в кристалл соли, не было, да и то воспоминание с библиотекой на самом деле не было таким уж важным. Или же было?

В итоге Терра провела всю ночь, вкладывая воспоминания об этом лете: об Алистере и о доме, о мадам Рудбриг, о Сьюзи и о Чарли. Вкладывала все, пока воспоминания не померкли в ее голове. Ей хотелось создать такой артефакт, чтобы, даже если в старости она что-то и забудет, она бы смогла взять в руки кристалл соли и вновь ощутить, почувствовать и вспомнить все то, что с ней когда-нибудь случалось.

Той ночью она дала себе обещание, что будет делиться воспоминаниями с кристаллами регулярно, вот только в дальнейшем частенько забывала о своем обещании и закладывала лишь минуты великого счастья и тяжелого горя.

Глава 31. Девушка, вы одеты не по погоде!

Кеторин сидела на каменном полу, обложившись гримуарами так, что если бы стопки вокруг нее обвалились, то вполне могли похоронить ее заживо. Закрытое крыло Ведьминой библиотеки было тем местом, куда не пускали никого, кроме Старейшин и Главы ковена. Заклятие пропуска надежно защищало его от незваных гостей, а те, кто мог прийти сюда, сейчас были слишком заняты, чтобы предаваться чтению и корпеть над древними фолиантами. Так что Кеторин была в относительной безопасности в своей маленькой гробнице из древнего папье-маше.

Сама-то она сюда, конечно, проникла не совсем законным способом — госпожа Ева вполне могла бы назвать действия Кеторин кражей, но Кеторин предпочла бы окрестить свой подвиг другими словами. Она же все-таки собиралась вернуть ключ от закрытого крыла. Лет семь или восемь назад, но собиралась же! Госпожа Ева все равно успела обзавестись дополнительным комплектом ключей, и слова против не сказав, так что никакой проблемы, с точки зрения Кеторин, не было.

Кеторин захлопнула очередной талмуд и страдальчески чихнула, когда облако пыли окутало ее чуть ли не с головой. Минусы закрытого крыла: уборщиц сюда не пускают, а Старейшины слишком велики, чтобы протереть пыль на книгах. Так что в закрытом крыле везде и всюду лежал сантиметровый слой пыли. Местами он, конечно, был чуть потоньше, но только там, где недавно брались гримуары.

Кеторин искала информацию, что было неудивительно. Кеторин сколько себя помнила все время искала какую-нибудь информацию.

Вот только сейчас она искала информацию о Марте. Марте Грабс и всех ведьмах ее рода. В основном открытом крыле не было и малейшего упоминания о ведьмах Грабс, в закрытом же информации было чуть больше. Как минимум здесь встречались пометки о ведьмах-отщепенцах, появившихся много веков назад — примерно тогда же, когда и все ведьмы, вот только Грабсы никогда не вступали в ковены и не образовывали своего. То всегда была ведьма или же колдун-одиночка, которые иногда появлялись в Шарпе. В хрониках упоминалась некая помощь, которую Грабсы оказывали, но на этом все. Ни слова о том, какая конкретно помощь, и когда конкретно она оказывалась. Пару раз Кеторин наткнулась на фразу «пришлось позвать Люсинду Грабс» или же какую-нибудь Матильду Грабс — или Ферену, или Питера и еще десятки имен в разные времена.

Все это натолкнуло Кеторин на один простой вывод — Марта Рудбриг Грабс была ключ к магии. К свободной и сильной магии. Вот только как воспользоваться этим ключом никто не знал, и в гримуарах и хрониках о подобном не писалось. А это в свою очередь натолкнуло Кеторин еще на два вывода: либо в Шарпе было еще одно закрытое крыло, о котором никто не знал — разве что Старейшины — либо лет сто назад информация о Грабсах была кем-то уничтожена. Потому как примерно сто лет назад Грабсы перестали упоминаться где бы то ни было вообще.

Вот только все это Кеторин и так знала — сказывались предыдущие незаконные проникновения в закрытое крыло. Кеторин вообще знала много такого, чего обычной ведьме знать не положено. Так что день по большей части был потрачен впустую. Хоть она и освежила в голове некоторые детали, полной картины у нее все равно не было. И заполнить пробелы тоже было некому. Разве что старая как мир Госпожа Ева... Но как у нее спросить,

не вызывая лишних вопросов?

— Так и знала, что ты тут, — госпожа Ева прошла по узкому проходу к Кеторин, то и дело задевая своими тучными боками гримуары на полках. — Мне иногда действительно становится интересно, все ли пропажи в моем доме связаны с тобой или это дело случая.

Кеторин пожала плечами, задумчиво поглядывая на госпожу Еву в тусклом магическом свете. Сейчас перед ней была красивая молодая женщина, а Кеторин никогда не умела смотреть сквозь иллюзии. К своему огромному сожалению.

— Люциан вернулся, — сказала госпожа Ева, опустившись на пыльный пол рядом с Кеторин.

— Быстро он, — только и ответила ведьма, не желая показывать своей заинтересованности.

— Там кое-что произошло, и ему пришлось вернуться. Задействовал последний мгновенный перенос, который у нас был, — госпожа Ева поджала колени к груди, превратившись в большой и круглый шар, обмотанный мягкими тканями. — Эх... больше такой не изготовить... но хорошо, что он у него был, даже не знаю, чем бы все закончилось, если бы он был там без него.

— Что произошло? — нетерпеливо потребовала Кеторин.

— Демьяна попыталась убить новую Королеву, — избавив Кеторин от подробностей, ответила госпожа Ева.

— Вау, — присвистнула Кеторин. — Предприимчиво.

— Нет тут поводов для восхищения! У нее ничего не получилось. Люциан не дал убить девчонку. Говорит Демьяна и ее прихлебалка Вивьена превратили попытку убийства в какой-то балаган, а остальные были настолько затюканные, что и слова против не сказали бы. Если бы не Люциан, убили бы девочку, и все тут.

— Сомневаюсь, что кровавых можно назвать затюканными, да и Джульетта Морт далеко не девочка. Сколько ей сейчас? Двадцать семь? Тридцать?

Госпожа Ева тяжело вздохнула и укоризненно посмотрела на Кеторин, мол, для меня вы все девочки, сколько бы лет вам ни было.

— По-моему, двадцать шесть, но я могу ошибаться. Когда проживешь с мое, перестанешь задумываться в возрасте. В какой-то момент все люди становятся для тебя либо младенцами, либо детьми. Люциан для меня все тот же ребенок — я ведь помню, как он под стол пешком ходил, как за ним мать по всему городу с ремнем бегала, как отец катал его на шее в праздник Поворота Года. Вот только их обоих уже давно нет, а Люциан... ох, я ведь даже не помню, сколько лет нашему мальчику!

Кеторин хотелось спросить, сколько лет госпоже Еве, но она промолчала, ведь и так было ясно, что та скорее всего не помнит. Кеторин всегда помнила слова матери о том, что для ведьм возраст не важен. Для них важна магия, и чем больше в ведьме магии, тем дольше она живет. Как оказалось, в маме магии было не много. Она умерла, едва разменяв шестой десяток, в то время как госпожа Ева продолжала жить, несмотря ни на что. Кеторин тоже так хотелось: прожить столько, чтобы все окружающие тебя люди вдруг стали сущими детьми.

— Что думаете делать с новой Королевой? — спросила Кеторин, вернувшись к изначальной теме разговора.

— Ее нужно найти и привести в Шарпу. Пока девчонка жива, новую Королеву избрать они не смогут, а мы, если правильно разыграем карты, сможем ее использовать, чтобы

повлиять на кровавых.

Кеторин поджала губы. Да, чего-то подобного она и ожидала. Старейшины как всегда в своем репертуаре. Она даже знала, кто предложил этот умопомрачительный план. Брунгильда. Кто же еще?

— Подожди, — нахмурилась Кеторин. — Ты же сказала, что Люциан накинул на нее покров. И как вы ее искать-то будете, если она под покровом?

— В этом есть небольшая загвоздка...

— Он, как всегда, в своем репертуаре: сначала делает, потом думает. Покров дистанционно снять не получится даже тому, кто его наложил. Есть предположения, куда Королева могла бы податься?

— Никаких. Одно время ходили слухи, что внучка Королевы живет где-то на юге, но то были лишь слухи и, даже если она там и жила, сомневаюсь, что в нынешних обстоятельствах она подается обратно. Я надеюсь, что она сама придет в Шарпу в поисках защиты.

Кеторин насмешливо взглянула на госпожу Еву. Безупречный план, ничего не скажешь. Давайте ничего не будем делать, и все само как-то разрешится.

— Где Клем?

— Ищет сферу по всему миру, так как одна наша милая девочка обиделась и украла ее. Мы не видели Клементину уже почти месяц. Где-то с пол года назад, когда охотники рассекретили одну из наших лавочек, пошли слухи о сфере. То ее на торги выставляли, то ее купил какой-то коллекционер, то еще что-то.

Кеторин нахмурилась еще больше. О сфере просто не могло ходить никаких слухов, ведь та спокойненько себе лежала в подвалах Ведьминой обители, и Кеторин не собиралась ее пока отдавать.

— Понятно, — только и ответила Кеторин.

Когда Джуди неделю назад вернулась и сказала, что матери все еще нет в Шарпе, Кеторин не придавала особого значения этой новости. Лишь еще минус одно препятствие для нее и Марты на пути спасения глупого мальчишки, сбившегося с пути. Но теперь отсутствие сестры показалось ей странным хотя бы потому, что слухи о сфере явно были выдуманы. Но Кеторин решила попридержать пока это знание о себе. Пусть думают, что Глава ищет сферу, не хватало еще разжечь панику, когда ситуация и так складывалась не самым лучшим образом.

— Как Марта? — спросила Кеторин, желая увести мысли госпожи Евы подальше от своей никудышной сестрицы.

— О, чудесно! Мы как раз рассказывали ей и Коулу о том, кем они являются друг для друга, когда появился Люциан.

Кеторин выпучила глаза и воскликнула:

— Вы сделали что?!

Ее голос эхом разнесся по пыльным коридорам закрытого крыла.

— Рассказали им о комплементарности. Они должны об этом знать, так как мы собираемся провести обряд...

— Вы просто кучка тупорылых!..

— Кеторин!

— Общество престарелых глупцов! — выплюнула она и вскочила на ноги, задев стопки гримуаров и раскидав их по полу.

— Да чтос тобой? — возмутилась госпожа Ева и тоже поднялась с пола с прытью,

которой совсем не ожидаешь от женщины столь преклонного возраста. — Что такого в том, что они знают о комплементарности? Он же ее муж в конце-то концов! Она только рада должна быть, что ее выбор оказался самым правильным!

— Точно... муж, — неуверенно пробормотала себе под нос Кеторин, гадая, что может выкинуть Марта, узнав о подобном в таком ключе. Ох, ничего хорошего.

А Коул? Этот парень вполне может отказаться от обряда.

Может не стоило их приводить в Шарпу? Может она и сама бы справилась?

Кеторин запустила пятерню в волосы и взъерошила их, пытаясь совладать с обуревавшими ее чувствами. Она просто ненавидела, когда ее планы рушились, и при этом от нее ровным счетом ничего не зависло.

Нужно было что-то предпринять, пока все не улетело в трубу окончательно. Вот только что?

Кеторин схватила госпожу Еву за руку и хмуро посмотрела на нее.

— Мне нужно поговорить с Мартой. Немедленно.

— Ох, она в гостинице Розы. Сомневаюсь, что ты сможешь попасть туда незамеченной.

— Так отвлеките Розу, — предложила Кеторин, всплеснув руками.

— Все-таки я не понимаю, почему ты так вспылила, — причитала госпожа Ева. — Но я помогу. Правда, не думаю, что надолго.

Кеторин просто кивнула и, прикоснувшись к одному из стеллажей, запустила заклинание, возвращающее гримуары на свои места. Книги принялись кружиться по залу и в считанные секунды уже стояли на полках. Мгновенная уборка — удобная вещь. Жаль, что дома она не может сделать ничего подобного. Такие места, как библиотека ведьм, были созданы много лет назад, и ни одна ныне живущая ведьма не сможет повторить подобного заклинания: привязать каждый гримуар к определенному месту, заложить в стеллажи память, да еще и примешать магию воздуха для левитации. Кеторин оставалось только завидовать тем ведьмам, в руках которых было столько магии.

Выходя из закрытого крыла, она проигрывала в голове различные комбинации того, как построить разговор и убедить Марту, что Коул не так уж плох в качестве ее партнера и вполне поддается дрессировке. А уж мысли об убийстве ведьм из его головы вытравить не так уж сложно.

Элиот теперь был счастливым обладателем подержанного дома на колесах. Как же это приятно, когда ты наконец можешь осуществить мечту своего детства!

Элиот, выросший в старой тесной квартирке, где за стеной всегда храпел сосед, а наверху топали слонопотамы, при этом передвигая металлические стулья, ни о чем в своей жизни не мечтал так, как о собственном доме на колесах. Его будоражила мысль, что он может сесть за руль и уехать куда глаза глядят: остаться на ночь где-то в лесу и смотреть, как на небе зажигаются звезды; надоест — поехать на пляж и встретить рассвет, наслаждаясь дыханием моря и шумом волн; а если претит одиночество, то он всегда может вернуться в город и жить на какой-нибудь парковке.

Благо работа не привязывала его к месту. Хороший Wi-Fi, солнечные батареи, на которые пришлось изрядно раскашелиться, потрепанный ноутбук — и он может работать где и когда угодно. Когда ты фрилансер, весь мир открыт перед тобой. Точнее, так Элиоту казалось.

Элиот был аутсорс-бухгалтером для нескольких маленьких фирм, и, к сожалению, такая

работа не приносила много денег. На свой дом на колесах он откладывал почти десять лет и все это время жил в старенькой квартире родителей, слушая мать с отцом, которые периодически ругались не хуже соседей, которых было ничуть не меньше слышно через картонные стены.

Но сегодня всему этому пришел конец. Теперь у Элиота был его Рольф — так он назвал свой дом на колесах. Рольф был большим и красным, правда потрепанным, но ведь все мы не без изъянов. Вот и Рольфу можно было простить, что краска у него местами потрескалась, а когда-то кожаная обивка в салоне слезла опметками. В этом не было ничего страшного. Элиот подкрасит Рольфа, а для сидений закажет чехлы.

Он как раз гадал, какую расцветку выбрать для чехлов — зеленый рубчик или коричневый бархат — когда фары Рольфа высветили фигуру посреди дороги. Это было настолько неожиданно, что Элиот едва успел ударить по тормоза, чуть не сбив девушку.

И откуда, черт возьми, ночью на проселочной дороге выскочила девушка?

Это мысль крутилась у него в голове, когда он рассматривал сквозь лобовое стекло фигуру с раскинутыми в разные стороны руками. Да, фигура в свете фар определенно была женской. Девушка стояла в одном свитере и джинсах с копной взлохмаченных и, кажется, рыжих волос.

Элиот отстегнул ремень безопасности и выбрался из машины. Он не стал глушить двигатель Рольфа — на всякий случай, мало ли каких сумасшедших можно встретить на проселочной дороге ночью. Тем более когда они кидаются под колеса большой машины.

Идя по покрытому тонкой коркой льда асфальту, Элиот пожалел, что не обзавелся разрешением на ношение оружия.

— Ты что творишь? — крикнул он, стараясь перекричать завывания ветра. — Совсем ум отморозила? Кидаться под колеса! Ты видела, какой лед? Я едва успел затормозить! Еще чуть чуть, и мы летели бы в кювет вместе!

— Извините, — прошептала девушка, обхватив себя руками и прижав к груди какой-то предмет. Ее так трясло от холода, что понять то, о чем она говорила, было крайне сложно.

— Девушка, вы в порядке? — стушевался Элиот.

Вся его злость и негодование лопнули, как мыльный пузырь, стоило ему подойти и увидеть ее поближе. Там, в машине, он не мог разглядеть одной маленькой детали. Маленькой, но до чертиков пугающей — свитер девушки и ее волосы были залиты кровью, так что теперь Элиот еще больше засомневался в своем выводе о рыжине волос девушки.

Что было пугающе, но при этом частично успокаивающе, кровь вряд ли принадлежала незнакомке. Хотя на перепачканном лице и было несколько царапин, из них физически не могло вытечь столько крови.

— Не совсем, — только и смогла произнести девушка.

Элиот дернул молнию на толстовке и, стянув ее с себя, накинул девушке на плечи. Ему тут же стало невыносимо холодно в своей цветастой футболке с пальмами. Сказать по правде, он выглядел неуместно на этой промозглой проселочной дороге: солнечный мужчина со смуглой кожей и вьющимися волосами цвета пшеницы. Он словно шагнул из жаркого лета в суровую зиму. Да и девушка тоже была не приспособлена к погодным условиям. Кто увидел — посмотрел бы как на сумасшедших, сбежавших из клиники, в чем пришлось. Но, слава богу, посторонних глаз не было.

Элиот еще раз окинул тонущие в снегах и ночи поля, пытаясь найти того, кто мог бы гнаться за этой девушкой, но на мили вокруг не было никого, кроме них. Сколько же она

провела на морозе?

— Ох, пойдёмте в машину, там точно теплее, чем здесь, — без какой-либо задней мысли предложил Элиот, и девушка кивнула — хотя вполне возможно, что Элиот сам себе придумал этот жест в своей голове, чтобы как-то оживить странную незнакомку в своей голове — и последовала за ним.

Печка в Рольфе работала на максимум, и девушка испустила такой протяжный вздох облегчения, когда забралась на пассажирское сидение, что Элиот почувствовал себя прямо-таки супергероем.

«Как мало, оказывается, нужно, чтобы доставить женщине удовольствие, — подумал он и усмехнулся, покосившись на розовый свитер, торчащий из-под его огромной черной толстовки. — А за чашку чая она может меня поцеловать или убить — тут уж как повезет.»

Элиот решил отъехать от того места, где подобрал свою попутчицу, а уже потом закидать ее вопросами. Если за ней кто-то гнался, то стоять посреди дороги было бы не самым лучшим решением. В бескрайних полях красный Рольф можно было бы разглядеть издали. Особенно если фары включены.

К тому же, стучащие зубы попутчицы явно не особо располагали к долгой беседе. А Элиот любил долгие беседы. В компании друзей он слыл балаболом, заткнуть которого можно было только едой.

В полной тишине они доехали до ближайшей заправки. И в этой тишине Элиот чувствовал себя максимально некомфортно. Обычно он не имел ничего против тишины: когда растешь в доме, где слышно буквально каждый шорох, начинаешь ценить всю прелесть умиротворения, но когда едешь с незнакомой девушкой, заляпанной кровью, тишина немного — ну так, самую малость, да — напрягает.

Элиот припарковался под неоновой ярко-красной вывеской бензоколонки и повернулся к девушке.

— Я думаю, нам стоит познакомиться, — начал он и протянул ей руку. — Я Элиот. Элиот Тротт. А ты?

— Джилс, — коротко ответила девушка и неуверенно пожала его руку. Пальцы девушки все еще были холодными и в неоновом свете приборной панели казались какими-то синюшными.

— И все?

— Джульетта Морт, — после некоторой заминки произнесла девушка. — Но зови меня просто Джилс.

— Хорошо, Джилс, что ты делала на дороге?

— Шла? — скорее спросила, чем ответила Джилс. Ее брови изогнулись, а во взгляде читалась немая паника, словно это она хотела спросить у Элиота, что она делала на дороге зимой в одном свитере и джинсах, вся в крови, да еще и с какой-то короной в руках.

Элиот повнимательнее присмотрелся к короне — там, на дороге, он был слишком огорошен, чтобы сосредоточить свое внимание на чем-то еще, помимо замерзшей девушки. А корона была старая и кажется медная. Девушка с такой сильной сжимала ее своими отмороженными пальцами, словно эта корона была спасательным кругом, а она — утопающей. Кто знает, возможно так оно и было? Однако Элиот до сих пор не знал всей — или хотя бы части — истории, поэтому поспешных выводов делать не спешил.

Мужчина ощутил, как в голове появляются все новые и новые вопросы, и он вполне мог бы их задать. Собственно, что он и сделал, при этом подбирая слова очень осторожно — ему

не хотелось напугать девушку или спровоцировать ее на убийство.

— На вас напали?

— Да, — короткий, но очень уверенный ответ. Джилс даже кивнула, словно пытаясь подтвердить свои слова.

— Из-за того, что вы украли корону? — Элиоту такое предположение показалось более чем разумным.

— Нет, — ответила девушка и снова помотала головой. Элиоту показалось даже забавным то, как Джилс сопровождала каждое свое слово каким-то действием. — Ее хотели украсть.

— В полях? — недоверчиво поинтересовался Элиот. Он, конечно, не был знатоком местности, но никаких поселений поблизости точно не было. Хотя девушка могла вполне выпрыгнуть из машины, которая проезжала мимо, и идти вдоль дороги. Элиот и здесь не был особо сведущим человеком, но, если судить по боевикам, которые так любила его мать, выпрыгнуть из машины, движущейся на полном ходу, вполне можно. Только вот каковы последствия?

— Нет. Не в полях. Дальше, если идти по проселочной дороге, есть городок, маленький такой. Я оттуда бежала.

Кажется, это была самая длинная реплика, которую Элиот услышал от своей попутчицы с момента их встречи.

— Вас похитили? Если так, то, думаю, нам следует обратиться в ближайший в полицейский участок за помощью.

При этих его словах Джилс выпучила глаза и отчаянно замотала головой из стороны в сторону.

— Нет. Ни в коем случае.

Элиот насторожился и еще раз пожалел, что у него нет никакого оружия. Разве что, разводной ключ в ящике с инструментами, но пока он до него доберётся, пройдет целая вечность. Хорошо, что у Джилс из оружия была только корона, и Элиот сомневался, что ею можно нанести хоть какой-то ущерб.

Вот только когда незнакомая девушка, которую ты подобрал на дороге, говорит, что не стоит обращаться в полицию, нечто под названием здравый смысл, начинает нещадно бить во все колокола, да так, что даже голова начинает болеть. И Элиот не мог игнорировать этот звон.

— Слушай...

— Это семейные неурядицы, — не дала ему договорить Джилс. — Мы с родственниками поссорились из-за моего... наследства, — девушка покосилась на корону. — Они хотели ее отнять. А она моя... моя по праву. А если я пойду в полицию, то их за насилие могут... как же это... призвать к ответу. А я этого не хочу... а еще... а еще...

Элиот поймал себя на двух мыслях сразу. Во-первых, девушка использует слишком много «а», а во-вторых, ему не нравится эта история. Пускай они поругались из-за наследства — бывает, видели, знаем такие истории. Но почему она ушла в ночь, не по погоде одетая, и при этом еще и вся в крови?

— Откуда кровь? — возможно чуть резче, чем нужно было, спросил Элиот, и Джилс вздрогнула.

— Она не моя... — начала было девушка и разрыдалась.

Громко так, протяжно, что даже мужчина в припаркованной рядом машине

недоброжелательно посмотрел в их сторону. Небось думал, не вызвать ли полицию. Элиоту даже захотелось открыть окно и крикнуть ему, чтобы не переживал, ведь он скорее всего и сам первым вызовет полицию.

Элиот никогда не мог адекватно реагировать на женские слезы, его они вгоняли в ступор и вызывали желание сбежать. Он прямо чувствовал, как его рука сама потянулась к ручке двери. Но, приложив немалые усилия, Элиот заставил себя сидеть на месте и даже бормотать какие-то невнятные утешения.

— Ну что ты, ну что ты... ну не надо, — причитал он. — Ну что ты, ну не плачь. Ну, пожалуйста.

А она завывала, вторя ему.

— Не моя... я ничего не делала... они... а я... не надо полиции, пожалуйста...

И все на повторе, как у заевшей пластинки, временами меняя порядок слов и постановку всхлипов. В итоге, когда Джилс все-таки успокоилась, Элиот чувствовал себя, как выжатый лимон. Несколько раз выжатый. Даже самому захотелось всплакнуть, самую малость.

— Кофе будешь? — устало спросил он, не сводя взгляда с зазывно мигающей вывески. Ему вот очень хотелось кофе с сахаром, чтобы поднять себе настроение и немного взбодриться — вдруг все это глюк от бессонницы и после кофе никакой девушки в чужой крови у него в машине не будет.

Джилс шмыгнула носом и ответила «да», не забыв сопроводить ответ очередным кивком.

— Отлично, — буркнул Элиот и собирался уже выбраться из машины, когда вновь зацепился взглядом за окровавленный свитер и свою толстовку. Наверное стоило ее забрать — холодно идти до заправки в одной футболке, еще за умалишенного примут. — Слушай, там бак с горячей водой полный.

Он показал рукой на утопающее во мраке нутро Рольфа. А потом, осознав, что девушка скорее всего не совсем понимает, что он имеет в виду, встал с водительского места и, нащупав выключатель, который то и дело заедал, включил свет. Нутро Рольфа приветливо озарилось теплым светом. Теперь из мрака выступила и крохотная кухонька с зелеными дверцами шкафчиков, и облупившийся диванчик, который Элиот застелил мягким флисовым пледом в черно-белую шашечку, и цветочные шторы, оставшиеся от прежних хозяев. Там еще была облупившаяся дверь в ванную, такую же крохотную, как и все, что было в Рольфе, и ступени, ведущие к спальному месту, расположенному над передними сиденьями.

Элиот раскрыл сумку с вещами, что оставил на диване — у него пока не было возможности их распаковать — и достал оттуда водолазку с длинным рукавом. Ему она была чутка маловата в плечах, а худощавой Джилс будет в самый раз. Сообразив, что ей еще нужны будут брюки и немного подумав, Элиот достал свои пижамные штаны с начесом — самое оно для зимних ночей в доме на колесах — и добавил пару чистых носков с пальмами. Ну нравился ему принт с пальмами — и что с того?

Он протянул вещи Джилс, и та безропотно приняла их. В ярком свете Джилс выглядела еще хуже, чем раньше. Такая вся из себя потрепанная бродяжка, но зато с короной.

— В ванной есть полотенце. Оно у меня одно, — пожал плечами он, словно извиняясь за то, что другого нет.

— Ничего страшного, — ответила Джилс и вновь кивнула. — Я не брезгливая.

— Это хорошо, — как-то неловко ответил Элиот и почесал затылок.

Он не стал просить отдать толстовку, а взял свою куртку, что висела на крючке у

«выхода из дома» и, натянув её, вышел. Уже дойдя до раздвижных дверей заправки, Элиот осознал, насколько опрометчиво все-таки было оставлять Джилс в Рольфе, так еще и с ключами в замке зажигания. Но возвращаться не стал — только косо смотрел на машину, пока стоял в небольшой очереди и делал заказ, пока ожидал готовности, пока отвечал на надоедливые вопросы продавца, и даже пока бежал к фургону, сжимая в руках два стаканчика с кофе и пакет со сладкими пончиками.

Он все ждал, что его Рольф сейчас взвизгнет шинами, немного пробуксует на льду и унесется в неизвестном направлении, но ничего из этого, к счастью, не произошло. Элиот выдохнул, когда забрался в Рольф и услышал шум из ванной.

Мужчина со спокойной душой уселся за столик и принялся пить свой стопроцентно сладкий кофе — без молока, но с пятью ложками сахара. О да, Элиот любил сахар, особенно когда наступали стрессовые ситуации. В последнее время стресса было много. Наверное, это поэтому ему стали маловаты некоторые вещи — наверняка ведь поэтому? Недавно он для себя даже решил сесть на диету и ограничить свое потребление сахара, но Джилс, очевидно, спугала ему все карты. И как после такого не верить отцу, что если бы не мать, то он давно разбогател бы, а не работал автомехаником?

Элиот, как сторонний наблюдатель отцовского регресса, конечно, знал, что причиной была не мать, а затяжные запои, но помалкивал. Все-таки мистер Мортимер Тротт был не тем человеком, которому можно было указывать на его недостатки — особенно когда тот был пьян. Элиот с детства уяснил одну простую истину: никогда не знаешь, что конкретно отец примет в штыки, а значит, ему лучше не попадаться на глаза, когда тот уже залил в себя что-то.

Шум воды стих, и Элиот подумал о том, что нужно, наверное, наполнить бак, прежде чем двигаться дальше. Через пару минут вышла Джилс с намотанным на голову полотенцем и в одежде Элиота, в которой выглядела она вполне неплохо — хотя все что угодно было лучше, чем окровавленный свитер. О, мужчина был просто уверен, что не скоро забудет этот предмет гардероба — главное, чтобы в ночных кошмарах не являлся, надетым на какого-нибудь жуткого призрака.

— Там вода закончилась... совсем, — девушка мялась возле двери, похоже, не зная, куда ей податься.

— Я так и понял, — кивнул Элиот. — Успела хоть шампунь смыть?

Девушка усмехнулась.

— Что?

— Извини, — ответила она, закусив губу. — Впервые встречаю парня, у которого столько шампуней и гелей для душа. У меня от такого обилия аж в глазах зарыбило.

Элиот понимающе улыбнулся.

— Это моя коллекция. Я покупаю почти все, что вкусно пахнет, — он потянул носом. — О, вижу тебе понравился «тропический взрыв». Он классный, пахнет ананасами и кокосами. Я его использую, когда совсем грустно, чтобы взбодриться.

После его слов Джилс как-то резко расслабилась, словно натянутая струна ее нервов лопнула, и она улыбнулась. Широкой такой улыбкой... и очень красивой. Элиот даже не знал, что можно так улыбаться... так искренне что ли.

— Я купил кофе и пончики с шоколадом.

Элиот махнул девушке рукой, предлагая присесть на диванчик напротив, и Джилс села, вцепившись в несчастный пончик с каким-то диким остервенением. В итоге Элиоту

пришлось вновь идти на заправку, но на этот раз уже за сосисками, пачкой чипсов и еще одной порцией кофе. Как выяснилось, Джилс не любит кофе с сахаром. Точнее Джилс не любит кофе с ТАКИМ количеством сахара. Стоило ей сделать глоток, как она выплюнула его и, скривившись, сказала:

— Я буквально чувствую, как мои зубы покрываются кариесом.

Удивительно, но в этот раз Элиот шел на заправку со спокойным сердцем и душой. Не может человек с такой улыбкой сделать ничего плохого. Просто не может. Он, конечно, понимал, что судить о человеке, основываясь лишь на том, как он улыбается, неправильно, но ничего не мог с собой поделать.

Они сидели за столиком и ели хот доги с кофе, когда Элиот спросил:

— Хорошо, раз в полицию мы не едем, то куда дальше?

— Ты можешь скинуть меня в любом близлежащем городе, а дальше уже сама разберусь, — предложила Джилс.

— Как разберешься? У тебя деньги-то есть?

Джилс грустно пожала плечами и склонила голову на бок.

— Мои документы и карточка были в моем плаще. И телефон тоже был там.

Элиот упрямо посмотрел на неё, вскинув брови — мол что и требовалось доказать. Хотя он сам при побеге схватил бы в первую очередь телефон и кошелек, а никак не корону. Элиот вновь покосился на предмет, который лежал на диване рядом в Джилс. Старая корона, очень старая. Раритет. Кто же ее родственники, раз в наследство ей досталась корона?

— У тебя есть, к кому обратиться за помощью?

Джилс задумчиво ела свой хот дог и не спешила с ответом, что натолкнуло Элиота на мысль, что обращаться за помощью ей, собственно, не к кому. И что ему с ней делать?

— Тетя, — все-таки произнесла Джилс. — Мы не близкие родственники, но, думаю, она мне поможет.

— И где она живет, эта твоя тетя?

— В Рупи, — ответила Джилс, но без уверенности в голосе.

— Серьезно? — Элиот уставился на нее, как на умалишенную. — Ты предлагаешь мне провести тебя через всю страну, чтобы доставить к тетке?

— Наверное, да, — ступевалась девушка.

— Ты просто нечто, Джилс!

— Это хорошо или плохо?

— Я пока не разобрался, — буркнул Элиот, осознавая, что ему не повредит еще одна порция кофе или очередной пончик. Больше стресса — больше сахара на борьбу со стрессом. Простая и легкая философия, которая уже не раз доказывала свою эффективность на практике.

Элиот поднялся на ноги, собираясь еще за одним пончиком. Ему нужно было подумать. Рупи, конечно, далеко, но ведь ему все равно нечем заняться. Wi-Fi на заправках есть, и он вполне может работать там, когда будет останавливаться, чтобы передохнуть. Да и Джилс сама не доберется до Рупи без денег и документов. Стоя на кассе, Элиот поймал себя на мысли, что составляет план действий. Сам не понимая, когда он уже решил, что повезёт Джилс к тетке.

— Рупи так Рупи, — выдал он, войдя в Рольф. — Только с одним условием: твоя тетка оплатит мне бензин. Я, конечно, человек добрый, но лишних денег у меня нет.

— Хорошо, — Джилс очень активно принялась кивать головой.

— Тогда переночуем здесь, а завтра тронемся в путь, — предложил Элиот. — Забирайся наверх, а я тут на диванчике размещусь.

Джилс доела свой хот дог и, пожелав Элиоту спокойной ночи, забралась на кровать. Элиот же, не долго думая, тоже улегся, уже после пожалев, что отдал попутчице свое спальное место. Диван был старым и местами продавленным, и ему на нем лежалось, мягко говоря, не мягко. Всю ночь он ворочался и думал о том, как его сердобольность однажды сведет его в могилу. Хотя возможно причина бессонницы крылась в чрезмерном количестве сахара и кофеина перед сном — но это уже детали.

Вот только не у него одного ночь выдалась паршивой. Джилс тоже мало спала: все ворочалась и ворочалась, а матрас скрипел и мешал спать Элиоту. В итоге еще даже толком не рассвело, а Элиот уже сел за руль и поехал в направлении Рупи, надеясь, что уж следующей ночью он переселит Джилс на диван внизу и отоспится. Наивный.

Глава 32. Нежеланные встречи

Марту трясло. Ее еще, наверное, никогда не трясло так, как сейчас. Комплементаллы. Бред. Она не верит ни одному слову. Ни одному чертовому слову. Мало ли, что напридумывали себе эти Старейшины. Она не верит.

Вот только от того, что она продолжала твердить себе, о том, как ей все равно и как не важны их бредовые идеи, легче не становилось. А кому станет легче от самовнушения? Когда на одной чаше весов твоя правда, а на другой — «компетентное» мнение.

В голове, как птицы в клетке, бились слова Торин. «Это же такое счастье — вдруг узнать, что твой выбор истинно правильный!» Выбор... Какой к черту выбор? Она не выбирала Коула, а он не выбирал ее. Они же друг друга ненавидят.

— Не верю... не верю... — причитала Марта, ходя по кругу от дивана к кровати, пока не натянется нить: от кровати к двери в ванную, от двери к комоду, от комода к дивану. И так подход за подходом.

А Коул все это время сидел на диване и смотрел на покосившуюся картину на стене, выглядя при этом максимально спокойным. Он вообще оставался спокойным все время с того момента, как их привели в зал Советов. И даже когда Старейшины назвали их комплементаллами, он лишь пожал плечами. Марта так и не поняла, как он отнесся к подобному известию. В том, что его оно не обрадовало, она не сомневалась — такое вообще мало кого может обрадовать.

Вот только Коул пока не сказал ни слова. Молчал, словно воды в рот набрал, что для Коула Томсона было не свойственно. То, что он молчал, о чем-то да говорило.

Если честно, Марта боялась, что теперь он еще больше утвердится в своем желании убить ее. Мало ли какие мысли роятся в его голове. Ей иногда до безумия хотелось уметь читать чужие мысли — глядишь и жизнь тогда стала бы чуточку проще.

— Почему ты молчишь? — не выдержала Марта, и ей самой показалось, что в ее голосе прозвучали какие-то обиженные нотки. С такими интонациями могла говорить принцесса из детского мультика, но никак не Марта Рудбриг, и осознание своей слабости перед людьми и обстоятельствами тяжким грузом легло на ее плечи.

Она села на пуфик рядом с Коулом и выжидающе уставилась на него, а он отвлекся от созерцания невероятно живописной картины на стене и встретил ее взгляд. Слегка насмешливо, как Марте показалось.

— Мне нечего сказать, поэтому и молчу.

— Как это нечего?! — возмутилась Марта.

— Вот так. Марта, с чего ты вообще взяла, что меня должно волновать мнение посторонних — пускай и красивых — женщин?

Пускай и красивых? Сама бы она Старейшин не назвала красивыми ни в коем разе, разве что Торин, да и та не то чтобы была красива — она просто светила изнутри и зажигала своим светом все вокруг.

— То есть тебе все равно? — спросила Марта, отбросив совершенно ненужные мысли.

— Да. Ну свяжут наши жизни, тебе же это на руку. Будешь уверена в том, что я тебе не наврежу. Я, конечно, ярый борец с ведьмами и все такое, но, знаешь ли, жить мне пока хочется, — Марте послышался какой-то подтекст в его словах, вот только она не поняла, какой.

Однако она немного успокоилась. Уверенность Коула в том, что все происходящее не важно так же, как и слова Старейшин, подействовали на нее, как большая доза пустырника. Проблема, как таковая, не исчезла, но стало чуточку легче, ведь на чашу весов со своей стороны давила не она одна.

Марта налила себе в чашку давно остывший чай, который принесла Роза после того, как они вернулись обратно. Выглядела она при этом как человек, который умрет, если не задаст все интересующие ее вопросы прямо сейчас и ни секундой позже. Собственно, именно это она и попыталась сделать, накинувшись на них под предлогом «распития чая в хорошей компании». Вот только ни Коул, ни Марта к милой дружеской беседе были не расположены, и вскоре недовольная Роза ушла. Если Марта не ошибается, то хозяйка гостиницы даже хлопнула дверь.

— Я единственное вот что не пойму, — начал Коул, вновь вернувшись к созерцанию картины. Розовый пейзаж, осыпающаяся сакура и закатное солнце — красота да и только. — Они все говорили, что мы должны друг друга чувствовать. На каком-то подсознательном уровне, чушь про единение душ в общем. Но вот я не чувствую. Никакого тебе единения душ, я вообще не понимаю, что там творится в твоей голове.

— Я тоже, — усмехнулась Марта, и ей стало еще чуточку легче. Она не одна такая, Коул тоже ее не понимает.

— Просто мне казалось, что нечто подобное и ощущаться должно как-то иначе. Вот смотришь ты на свою истинную пару — и она прям светится, как неоновая вывеска ночного клуба, так зазывно моргает, а ты летишь на этот свет, как мотылек.

— Да ты прямо поэт.

— А ты не светишь, — натянуто улыбнулся ей Коул. — И это грустно.

— Спешу тебя огорчить: ты тоже не светишься.

— Значит Старейшины ошибаются насчет нас, — подвел итог Коул, и Марта кивнула.

Ей показалось, что в этот самый момент они подписали мысленное соглашение считать все происходящее горячечным бредом и, как только они покинут Шарпу, сразу же обо всем забыть. По крайней мере таким был ее план, и ей хотелось верить, что хотя бы тут они с Коулом друг друга «чувствовали».

И все бы так и было бы, если бы не открывшаяся дверь и не Кеторин, стоявшая в коридоре и улыбающаяся им как ни в чем не бывало. Если бы они были в немом кино, то происходящее можно было бы разложить на кадры. Вот Марта с Коулом поворачиваются на звук. Вот Марта вскидывает брови и несколько раз моргает, словно не веря своим собственным глазам. Вот Коул подбирает отвалившуюся челюсть и одним плавным движением встает на ноги. Вот Кеторин поднимает руку и машет им, словно бы говоря привет, а в следующее мгновение отлетает к противоположной стене и с грохотом впечатывается в нее. А вот Марта сидит на своем пуфике и тяжело дышит.

— Теплый приемчик, ничего не скажешь, — хмыкнул Коул и, выйдя в коридор, потрепал Кеторин по плечу. Та что-то не совсем разборчиво пробормотала и, оттолкнув его руку, сама поднялась на ноги, тяжело опираясь на стену, на которой даже осталась вмятина.

— Заслужила, — сквозь зубы прошипела Марта, все еще пытаясь восстановить дыхание. Она всплеснула руками, ощущая как на правой начало расплзаться черное пятно. Блеск, просто блеск!

— А я и не спорю, — ответила Кеторин и на удивление легкой походкой вошла в комнату. — Но все-таки вышло неловко.

— Когда-нибудь это станет твоей эпитафией, — процедила Марта.

— Ох, неужели ты мне угрожаешь? — Кеторин лучезарно улыбнулась. — Потренируйся лучше, но не сейчас. Хорошо? Сейчас на это, увы, времени нет. Розы может вернуться в любую минуту, а нам нужно поговорить.

— О, неужели великая и могущественная Кеторин Чубоски снизошла до разговора со мной? — даже не пытаясь понизить уровень яда в голосе, спросила Марта.

— Я так понимаю, ты обиделась? — уточнила Кеторин и села на диван, который ранее занимал Коул.

Кеторин принялась приводить свою прическу в порядок, и только сейчас Марта заметила, какой пыльной была одежда Кеторин. Пыльной и до неприличия обычной. Темная водолазка и черные джинсы. Марта и подумать не могла, что Кеторин может надеть что-то настолько обыденное, настолько не кричащее. Оказывается она очень даже привыкла к женщине, которая вполне могла сойти за цыганку или работницу цирка.

Заметив ее интерес, Кеторин пояснила:

— В Шарпе, конечно, любят яркие цвета, но мне выделяться нельзя. Если заметят, то вполне могут отправить отдохнуть за счет Главы ковена. Под зданием Совета есть магическая тюрьма, колдовать там невозможно. Так что то, что вас туда не поместили, о многом говорит.

— А тебя могут? — спросил Коул. Скрестив руки на груди, он прислонился к дверному косяку, наблюдая сразу и за коридором, и за комнатой.

— Могут, — коротко ответила Кеторин и, оставив свои волосы в покое, откинулась на спинку дивана.

— И за что?

— Скажем так, одолжила королевские регалии.

— Понятно, — протянул Коул.

— Тебе не кажется, что ты должна объяснить, почему бросила нас в лесу и почему появилась сейчас? — осведомилась Марта, чувствуя, как внутри начинает закипать от злости. Ей стоило немалых усилий сдерживать свою магию, которая клокотала в ней, как в жерле вулкана, готовая выплеснуться на Кеторин без остатка.

— Как раз с этого и хотела начать, пока ты не отправила меня в полет, как мяч для тенниса. Мне нельзя было появляться с вами в городе.

— И сказать об этом ты не могла? — сквозь плотно сжатые зубы процедила Марта.

— Я думала, ты поймешь, — пожалала плечами Кеторин. — И вообще, я же говорила, что здесь мне не будут рады!

— Мне кажется, она над нами издевается, — буркнул от двери Коул, и его слова как нельзя лучше отразили отношение Марты к происходящему.

— Только если самую малость, — Кеторин послала ему жеманную улыбку, от которой Марте почему-то стало холодно. — Только это сейчас не самое важное. Вопрос вот в чем, ребята: вам нужно согласиться на этот обряд, другого варианта нет. Я долго думала — и это единственный способ спасти твою жизнь, мальчик-охотник. И вот еще что, на ком еще помимо тебя проводили этот эксперимент?

Кеторин пронзила Коула ожидающим взглядом, и, что удивительно, Коул ей ответил.

— Ребята-стажеры. Не включая меня, их было семеро, — без особого желания произнес Коул, и у Марты по спине побежали мурашки.

Семь человек. Уму непостижимо.

— Ты же понимаешь, что они все вероятнее всего уже мертвы? — сухо спросила Кеторин, и в ее голосе не было ни намёка на сострадание. — Даже с тем количеством этой дряни, что они украли в Шарпе, продержат семь человек на постоянной дотации невозможно. Трое — еще куда ни шло, но не семеро. Я все гадала, откуда у них вообще могла взяться хьянга, но, когда узнала про то, что охотники нашли один из входов, картинка сложилась. Однако у меня еще остались вопросы. Коул, ты знаешь, кто эта ведьма, которая вам помогает? Или же группа ведьм.

— Я думал, что это ты помогала нам — слегка неуверенно ответил Коул.

Марта переводила взгляд с него на Кеторин и обратно, не испытывая ни малейшего желания вступать в разговор. Ей нужно было для начала разобраться с самой собой. Йога, дыхательный практики, курсы по укреплению гнева — она запишется на все и сразу, как только покинет Шарпу.

— Не я, — Кеторин покачала головой. — Точнее не совсем я. У нас только с Люцио когда-то был договор: я помогала ему выслеживать кровавых, а он не лез на мою территорию. Ты же и сам знаешь, что в вашем кругу он был своеобразным отщепенцем. Охотник-одиночка — так, кажется, его иногда называли. Мы с ним никогда не встречались в Рупи, да и последний раз встречались с год назад, поэтому я действительно удивилась, когда он прислал тебя ко мне, да еще и за защитным амулетом. Мне это странным показалось... да тут еще и твои нити... так что я подумала, что что-то не так, и решила не давать тебе настоящий амулет. И — вот так совпадение — спустя некоторое время ко мне пришла Марта... Если так подумать, то в случае с ней тебе бы и настоящий амулет не помог, судя по тому, как эта девчушка отправила меня сегодня в полет.

Марте показалось или Кеторин посмотрела на нее с опаской? Даже если так, пускай боится — глядишь, меньше будет пытаться манипулировать ею.

— И вот вопрос, на который у меня нет ответа: кто та ведьма, которая с вами якшается? А вам определенно кто-то да помогает. Причем давно. Я когда в Рупи приехала, даже подумать не могла, что Марта — ведьма, да и Джослин не отсвечивает. В ее состоянии и колдовать-то не получится, но суть не в этом, а в том, что Коул пришёл, уже зная о том, кого конкретно ему нужно искать. И не абы какую ведьму. Что удивительно, потому что мне самой понадобилось время, чтобы выяснить, кто она такая — непрaktикующую ведьму по магическому следу не определишь: он со временем стирается. А тут ты такой с шапками наголо вылез. Вот я и думаю, что за Мартой следили уже давно, а вы с Люцио влезли с чужой план. Хотя Люцио и сказал, что кроме вас двоих никто не в курсе, но что-то я в этом сильно сомневаюсь... Откуда он тогда вообще мог узнать о Марте?

— Ты разговаривала с учителем? — перебил ее Коул.

— Когда? — все-таки спросила Марта.

Губы Кеторин сложились в тонкую линию, а глаза забегали по комнате. Выглядела она при этом как человек, которому есть, что скрывать. Хотя она и раньше не была образцом доверия, но в этот момент особенно.

— Я навещала его в больнице, — нехотя ответила Кеторин. — Мы перебросились парочкой слов, не более. Бедный человек — инсульт. Врачи ничего не смогли сделать. Что поделать — старость.

Марта нахмурилась, но промолчала. Чувствовала она себя при этом так, словно ей отпустили грех, о котором она и не знала. То, что Люцио мёртв, Марта и так была в курсе, но вот от того, что умер он не из-за нее — точнее не совсем из-за нее — ей стало легче. Был

ли там инсульт или же не был, но в том, что Кеторин приложила руку к случившемуся, Марта несколько не сомневалась. Вот только как относиться к этому — пока не знала.

— Значит, он действительно мертв? — казалось, Коул не мог поверить в происходящее и был очень расстроен.

— Увы, — Кеторин даже добавила в голос немного печали.

Не сказать, что Марта особенно сожалела об участи этого человека. Куда больше ее волновало то, что вполне вероятно есть люди, охотники, которые знают о ней и о Мегги. И они с той же вероятностью могут прийти к ним домой, пока Марта находится здесь, в Шарпе. Ее пробил озноб, и появилось дикое желание начать что-то делать — что угодно, лишь бы не сидеть на пуфике.

— Если за мной следят, то они могут прийти, пока мы здесь. Прийти за Мегги, — озвучила она свои опасения.

Кеторин подалась вперед и, уткнувшись локтями в колени, подперла подбородок ладонью.

— Сомневаюсь, что им нужна твоя сестра, — попыталась успокоить ее Кеторин, однако ни в ее словах, ни в интонации уверенности не было. — В одном мы с вами согласны: надолго задерживаться в Шарпе нам нельзя. Так что вы соглашаетесь на обряд и идете на него с широкими улыбками, как истинная и любящая супружеская пара, а потом мы без проблем тихо улизнем из города.

— Не думаю, что Старейшины без вопросов нас отпустят, — подал голос все еще не оправившийся от потрясения Коул.

— Я об этом позабочусь. И пока есть время, постараюсь разобраться со шпионом. Если это кто-то из Шарпы, то закрыть пробоину может и получится, а вот если кровавые... — Кеторин запустила руку в волосы. — Даже не знаю, что такого могло произойти, чтобы охотники связались с кровавыми. Обычно они за ними гонялись, а нас особо не трогали.

Кеторин тяжело вздохнула, и только сейчас Марта заметила, какими красными были ее глаза. Идеальная Кеторин все еще была идеальной, но уставшей, очень уставшей. Спала ли она вообще в последнее время?

— Так, ладно, друзья-товарищи, я пожалуй пойду, пока Розы не нагрязнула. Постараюсь еще навестить вас до обряда, но ничего не могу обещать, — Кеторин поднялась с дивана и пошла к двери. — А еще, Марта, выпей то зелье, что я дала — она должно убрать твой магический след или немного притупить. Эксперимент, конечно, но все лучше, чем ходить с черными руками.

Кеторин не совсем так собиралась строить разговор. Она шла к ним с твердым намерением говорить о любви, великой и всепоглощающей, которой не страшны ни предрассудки, ни законы мироздания. Однако полет в стену спутал карты: сложно говорить о любви, нехило так приложившись головой. У Кеторин до сих пор звенело в ушах, а мышцы спины, принявшие на себя большую часть удара, нещадно ныли. Ей было интересно, что произошло бы с ней, не будь она обвешана защитами, как праздничная ель.

Марта ведь вполне могла размазать ее по стенке. Кеторин передернула плечами, только представив подобный исход. Теперь-то она была уверена, что ее желание быть защищенной отнюдь не паранойя, а острая необходимость. Нужно будет еще поработать над усилением защиты.

Ох, Марта, Марта, а она ведь своей силы до чертиков боится. Небось сама от себя не

ожидала такого всплеска, вся прямо жжалась. Боится, но пытается убедить себя в обратном. Только вот на страхе далеко не уедешь. Ей нужно принять свою магию, принять и понять ее.

И Кеторин тоже это нужно, так что такое наглядное проявление магии очень даже кстати пришлось. Все эти спектры магического следа... магия буквально струилась из нее потоком. Права была госпожа Ева, Марта сияет, как маяк. Чистая первозданная магия.

И Мегги тоже, только ее огонь пока слабенький. Хотя ее силу сравнивать нужно с водой. С водой за старой каменной плотиной. Водой, которая просачивается, подтачивая камень, и когда образуется достаточная брешь, снесет всю платину без остатка. Кеторин определенно хотела бы это увидеть.

Она вышла из гостиницы и принялась окольными путями пробираться к дому госпожи Евы. Будь она сейчас в обычном мире, накинула бы на голову капюшон и шла бы, не привлекая к себе никакого внимания. В Шарпе такой трюк не сработал бы. В Шарпе любой человек, скрывающий свою личность, вызовет к себе именно тот интерес, которого старался избежать.

Поэтому Кеторин и приходилось петлять по узким улочкам, прячась в тени домов без окон, и по возможности продвигаться «мертвыми» кварталами, на которые больше не хватало магического света. Сколько еще лет пройдет, прежде чем Шарпа навсегда утонет во мраке или же в свете — тут для каждого свое? Для Кеторин, к примеру, междумирье было тенями, пронизанными прожилками магического следа. Люциан говорил, что для него Шарпа всегда окрашена закатным солнцем. Рой мальчишкой боялся непроглядной тьмы, подступающей со всех сторон, а Джуди успокаивала его и говорила о теплом весеннем солнечном свете. А Марту он слепил. Конечно, Кеторин предполагала подобный исход, поэтому и создала для нее очки, но, судя по тому, как девушка то и дело щурила глаза, очки стоило бы доработать.

Кеторин действительно намеревалась вернуться в дом госпожи Евы, но по чистой случайности свернула не туда. С кем не бывает? Она же не была дома уже много лет! Забыла нужный поворот! И только поэтому вышла на улочку, где располагался ее, Кеторин, дом.

Она стояла, притаившись среди других домов, и смотрела на большие овальные окна первого этажа. С того места, где она стояла, была отлично видна библиотека. Люциан очень любил свой кабинет, который организовал в библиотеке задолго до того времени, как Кеторин начала считать этот дом своим. Она столько часов провела в этой библиотеке, глядя на мужа, который либо читал, либо делал вид, что читает, что могла в мельчайших подробностях вспомнить обстановку. Мягкий кожаный диван с объемной спинкой, потертый деревянный стол на латунных ножках, магический светильник на нем, старый, очень старый светильник, который давал мягкое, но отчего-то зеленоватое свечение. Темный ковер с длинным мягким ворсом, на котором было так удобно лежать, подперев подбородок рукой. И книги, много книг, и ни одного гримуара. Люциан был не то чтобы любителем почитать, он скорее был коллекционером, которому нравилось покупать книги и ставить их на полки, а потом любоваться. Кеторин тоже любовалась, но отнюдь не книгами.

Вот только с того места, где она стояла, разглядеть можно было лишь угол книжного шкафа, потертое кожаное кресло Люциана и самого Люциана. Мертвецки пьяного Люциана.

Кеторин усмехнулась. Мужчина полулежал в этом кресле с бутылкой — отсюда, конечно, не разглядишь, но Кеторин и так знала, что в бутылке если что и осталось, то только односолодовый виски. Хотя судя по тому, в каком состоянии пребывал Люк, виски в бутылке не осталось. Скорее всего даже в нескольких бутылках.

— Ну и зачем ты сюда пришла? — спросила она сама себя и недовольно добавила. — Дура!

Тихо проклиная себя, Кеторин развернулась, чтобы уйти и, кажется, поймала на себе его взгляд. Так... только этого не хватало. Продолжая костерить себя на чем свет стоит, Кеторин побежала к дому госпожи Евы.

Мегги сжала в руке магический хрусталь, стараясь зажечь его. Ища в себе силы, чтобы наполнить его. Но маленький шарик не желал загораться, вообще не светил. Она, конечно, могла предположить, что бусина сломалась, вот только в руках Кеторин она светилась так ярко... И это расстраивало. Мегги привыкла всегда добиваться своего. Мегги хотела во всем быть лучше, стремилась к идеалу и всегда достигала своего. Потому что знала, что может больше, а полурезультат ее не интересовал.

В школе она как-то подслушала разговор учителей и несколько не стыдилась этого, ведь предметом их разговора была она сама. И Мегги считала, что имеет полное право знать, что говорят о ней люди. А говорили они следующее: девочка она, конечно, хорошая и старательная, вот только синдром отличника ни к чему хорошему не приведет.

Тогда Мегги не знала подобной характеристики и обратилась за ответами к своему верному другу Интернету. Немного поразмыслив, девочка пришла к выводу, что правы взрослые лишь отчасти. Если она знала, что добьется результата, то шла прямо и до конца. А вот если знала, что ничего не получится, то бросала или же даже не начинала. Бросила же она занятия по скрипке, на которые ее затащила бабушка? Понимала же, что рвать струны и драть чужие уши не ее.

С магией все было иначе. Магия была ее. И она это знала. А если знала, то шла до конца. Да, пока никакого результата не было. Но ведь Джуди не столько учила ее колдовать, сколько рассказывала о ведьмах города Шарпы, целебных травах и немного о стихийной магии, которая Джуди была недоступна. А вот отец Джуди, колдун, владел той в совершенстве, судя по ее словам. Джуди рассказывала, что ведьмам, в отличие от колдунов, стихийная магия дается неохотно. Ведьмы больше привязаны к природе, к земле как таковой, и вся их магия по большей части несет в себе землю и ее плоды. Колдуны же были стихийниками. Почему были? Да потому что отец Джуди — последний в своем роде колдун.

Конечно, у Джуди еще был брат, вот только он не умел колдовать. Не мог. Чем немало расстроил их родителей. Они ведь надеялись на то, что мальчику перейдет дар отца. Не перешел. Мегги сочувствовала Рою, как тут не посочувствовать.

Вот только уж слишком много она теперь знала об этом Рое, потому что Джуди была болтушкой. Она вываливала на Мегги истории из своего детства со скоростью пулеметной очереди, перемежая их с фактами о ведьмах и основной магии. Так что Мегги приходилось очень сильно стараться, чтобы из нескончаемого потока мыслей Джуди по крохам собирать необходимую информацию.

Так Мегги узнала о том, что магию нужно пробудить, и пробуждает ее лишь сильное эмоциональное потрясение. И как только узнала, начала думать и строить планы. Ей нужно было как-то растормозить себя, чтобы побудить свою магию проснуться. Жаль, конечно, что не было какого-то универсального будильника, но...

Мегги вновь попробовала зажечь хрусталь.

Ничего. Ровным счетом ничего. Даже того маленького огонька, который она вызвала в «У Бобби», не появилось.

Тяжело вздохнув, Мегги убрала хрусталь к карман джинсового комбинезона, где уже лежали мамины и папины кристаллы памяти. Как пользоваться ими, она тоже должна научиться. Уж больно манили ее родительские секретки.

Она откинулась на спинку дивана и с грустью осмотрела гостинную. Мегги уже порядком утомилась от постоянного сидения дома. Вот сколько раз за этот месяц она выходила из дома? Прогулки до калитки не в счет. Три, может быть четыре раза?

Мегги была деятельной, она не умела просто сидеть без дела. Если бы не охотники, она сейчас сидела бы в классе на уроке и возможно слушала бы что-нибудь интересное. Мегги любила учиться, а дома учиться не получалось. Девочка постоянно отвлекалась на созерцание стен или картин, а те, нарисованные Мартой, вызывали мысли о сестре. В их доме все картины были нарисованы Мартой, начиная от страшенького грифельного человечка в папиной спальне и заканчивая огромным натюрмортом с красными яблоками и расписным голубым графином с цветами, которых и в природе-то не существовало, Марта и выдумала, и нарисовала. А название они так и не придумали. Цветы напоминали пионы, только вот лепестки у них были колючими, а листья какими-то бурыми.

Ох, Марта. Мегги грустно вздохнула. Сестры не было уже больше недели, и, в отличие от папы, Мегги переживала. Хотя и отец скорее всего переживал, только виду не подавал — его взгляд становился все мрачнее и мрачнее, а лучики от морщин стали еще глубже. Он и у Джуди спрашивал, когда они вернутся, сухо так, словно между прочим, но учительница лишь пожимала плечами и отвечала, что не знает, мол сама переживает, но связаться с Кеторин у нее никакой возможности нет.

Без Марты Мегги чувствовала себя брошенной, ведь Марта никогда не покидала дом — сколько Мегги себя помнила сестра всегда была рядом, а теперь ее не было уже неделю, и в доме было тихо. Хотя не сказать, что при Марте было шумно, сестра в целом была тихушницей, одинокой затворницей. Но без Марты все было каким-то не таким.

И без Коула тоже. Что бы там сестра не говорила, но Мегги относилась к мужчине хорошо. Он не был плохим человеком, в этом Мегги была уверена. Хотя вдруг она его просто идеализировала?

Мегги где-то читала, что девочкам ее возраста свойственно идеализировать взрослых малознакомых мужчин. Они даже могут влюбляться в них некой детской наивной любовью. Мегги думала о том, какие чувства она испытывала к Коулу, и пришла к выводу, что нравился он ей так же, как и отец. Хотя нет, папу Мегги любила, а вот Коул ей просто нравился. И она ничего не имела бы против, если бы такой человек, как Коул, был бы рядом с Мартой. Человек, который мог бы раскатать ее сестру-затворницу, ведь до появления Коула Марта была более отчужденной что ли. Мегги иногда шутила, говоря, что у сестры эмоциональный диапазон, как у зубочистки. Точнее такой Марта была по отношению к посторонним, в семье она была все же чуточку живее.

Да уж, Мегги не нравилось то, что она скатывается до копания в чувствах своих близких, обычно она так себя не вела. Точнее вела, но не настолько дотошно, а сейчас ей было нечем заняться, и поэтому она анализировала. Бесплезное занятие, на самом-то деле. Сидеть и перебирать в голове факты, которые и так знаешь. Наверное, так ведут себя сплетницы: собираются группками и начинают перетирать косточки окружающим. Вот и Мегги как те сплетницы.

Умей она колдовать, создала бы себе двойника, чтобы сидеть и сплетничать на пару — глядишь в какой-нибудь момент темы закончатся, если думать их в две головы.

Можно ли причислить постоянные самокопания к болезням? Мегги достала свой планшет и вбила запрос. Если кто-нибудь когда-нибудь решит проверить историю ее браузера, то посчитает Мегги либо чересчур дотошной, либо сумасшедшей, либо гением.

Мегги предпочитала думать, что вобрала в себя всего понемногу.

После обеда она таки напросилась с отцом в больницу. Папа был против, но Мегги нужно было развеяться, пока она сама не начала считать, что сумасшествия в ней чуточку больше, чем гениальности. Она умоляла, уламывала, выдвигала ультиматумы, строила глазки, даже пустила одинокую слезинку, и таки сломила отца. С Мартой такое срабатывало через раз, но вот отец всегда сдавался.

Поход в больницу был чисто символически, только ради какой-то справки, которую отцу нужно было предоставить на работу. Мегги отсидела с ним в очереди, разговаривая о всякой неважной всячине, книжках, фильмах, пирожных и чае, которые надо купить домой. Пока они ждали, в очереди мимо них дважды прошел Джон, и каждый раз он мельком посматривал на них, но ничего не говорил. Мегги показалось, что мужчина был нервным. Нервозность читалась в каждом его шаге, в напряженных плечах, во взмахах рук, а еще в улыбке. Дерганой улыбке. Вот вроде улыбается, видит их с отцом, меняется в лице, но тут же берет себя под контроль и снова натягивает улыбку. А глаза все такие же недобрые.

Отец вошел в кабинет врача, и Мегги хотела пойти с ним, но ей сказали посидеть в коридоре, и она согласилась. Ей этого совсем не хотелось, но и отца ставить в неудобное положение она не собиралась, а потому осталась сидеть, где сказали.

Мегги считала минуты до того момента, когда отец выйдет из кабинета, но он все никак не выходил. Зато Джон опять прошел и, как назло, остановился прямо перед ней. Мегги сразу подобралась, спину выпрямила, подбородок слегка вздернула и даже улыбнулась — не так как Джон, а вполне искренне.

— Привет, Джон.

Мегги девочка вежливая, здороваётся даже с теми людьми, которые ей не нравятся, с теми от которых мурашки по спине бегут и хочется спрятаться. И почему никто не видит того другого Джона, который прячется за доброй улыбкой?

— Как дела, Мегги? — спросил он, и Мегги почувствовала себя совсем маленькой, даже крохотной. Очень захотелось открыть дверь кабинета, вбежать туда и спрятаться за папиной спиной.

— Все отлично, — она улыбнулась еще шире — так, что скулы свело. Пока папа был тут, Джон к ней не подходил, даже заговорить не пытался, а стоило тому уйти, как вот он, появился, словно следил за ней. — Папу жду.

— Понятно, — ответил он и сел на один из металлических стульев напротив. — Как Марта? Не вернулась еще?

Мегги только покачала головой, боясь, что язык ее не послушает или голос выдаст, как она напугана.

— Жаль... Не звонила?

Мегги снова покачала головой.

— Может с ней что-то случилось? — предположил Джон, и Мегги не понравилось то, как прозвучало это предположение, словно бы он надеялся, что с Мартой могло что-то случиться.

— Да что с ней будет-то? Марта у нас с техникой не дружит! — выпалила Мегги. — А ты как, Джон? Как работа?

— Не жалуясь, — ответил мужчина, и его улыбка опять дрогнула. — Нервная она у меня, знаешь ли. С такой работой, как у меня, не соскучишься.

Вот вроде бы ничего такого не сказал, а у Мегги уже мурашки по коже. Может у нее паранойя? Нет, нет, Мегги своей интуиции верит, а значит нужно рассказать папе о Джоне и том, какие эмоции он у нее вызывает. Папа умнее, он разберется в том, чего Мегги не до конца понимает.

— А ты в школу, смотрю, не ходишь, — словно между прочим произнес Джон, и Мегги скрестила руки на груди и вжалась в сидение.

Мысленно она пыталась внушить, что в стенах больницы он ей ничего не сделает. А за стенами?

Папа словно ответил на ее невысказанный призыв, выйдя из кабинета вместе с невысоким, полноватым врачом.

— ...вы удивляете меня, мистер Рудбриг, с последнего обследования изменения значительны, — донесся до Мегги обрывок разговора, и она вздохнула с облегчением. — Думаю, нужно будет через пару месяцев повторно сдать анализы, — мужчина заметил Мегги и замолчал так резко, что девочка не могла не обратить внимание. — Я напишу вам, когда нужно будет посетить меня снова.

— Хорошо, — отец кивнул. — До встречи.

— Надеюсь, не скорой, — ответил мужчина, и ему пришлось немного приподняться, чтобы похлопать отца по плечу. — Вы счастливчик, Алистер.

Джон наблюдал за ними внимательно: даже слова не проронил, и улыбка его не дрогнула, — но Мегги заметила это. Она вообще многое замечала. Возможно не все понимала, но стремилась к этому. Зря взрослые думают, что при детях можно делать все, что им только в голову взбредет.

Заметив ее внимание, Джон улыбнулся, подмигнув ей, встал с сиденья и, не прощаясь, ушел по коридору. Мегги еще раз облегченно вздохнула, что не укрылось от папы. Он вскинул бровь и вопросительно посмотрел на девочку. Та лишь покачала головой, мол устала и потом расскажет. Отец кивнул, принимая правила игры.

Папа еще раз попрощался с доктором, и Мегги, как воспитанная девочка, тоже сказала ему «пока», за что получила клубничную карамельку, которая немного подняла ей настроение. Вот этот абсолютно незнакомый ей доктор не вызывал у нее никаких плохих эмоций. Он был добрым, и улыбка у него была доброй с примесью сочувствия.

Когда они выходили из больницы, Мегги спросила у папы, зачем они на самом деле приходили в больницу. Алистер не то чтобы отмахнулся от нее, но в том, как он пожал плечами и сказал, что это больше неважно, Мегги уловила намек на то, что когда-то это было важно. И неприятный осадок внутри остался. Папа что-то скрывал от них с Мартой, и Мегги очень хотелось надавить на него и заставить рассказать правду, но она решила, что пока не стоит, сосредоточившись на Джоне и том, какие эмоции он у нее вызывал. Как Мегги и ожидала, к ее словам он отнесся со всей серьезностью, и Мегги даже пожалела, что не повременила с рассказом до того момента, пока они не вернулись домой. Ведь тогда они бы зашли в пекарню за чем-нибудь вкусненьким, а так отец направился из больницы прямиком домой, не поддавшись даже на уговоры Мегги.

Глава 33. Обряд

Джилс заснула только под утро. Стоило ей закрыть глаза, как картинка минувшего дня слайдами проносились перед глазами. Бабушка. Ее потроха на мощеной дорожке. Довольная такая улыбка госпожи Вивьены. Корона, плывущая прямо к Джилс. Меч, занесенный в ударе. Бесконечные коридоры родного дома. Госпожа Демьяна, ее алчный ждущий взгляд. И ведьмы, кровавые ведьмы, затаившие дыхание, готовые приветствовать новую королеву.

Раньше Джилс мучал вопрос «почему»? Почему ее хотели убить?

Теперь все было предельно ясно, стоило лишь вспомнить то, как госпожа Демьяна смотрела на нее. Вернее не на нее, а на корону в руках Джилс. Та хотела быть королевой, и Джилс была ненужным препятствием на пути к заветной цели.

Каждый раз когда картинка, закручиваясь каруселью, были готовы свести ее с ума, Джилс открывала глаза и смотрела на медный обруч, лежащую на матрасе рядом с ней. Корона здесь, Джилс здесь, в трейлере — или как-там назывался огромный красный монстр Элиота? Она здесь, а не там, и сейчас она может спать. Однако сон не шел долго, очень долго, и даже во сне ее не оставляло ощущение, что за ней гонятся, что ее ищут и вот-вот настигнут.

Проснувшись она уставшей и разбитой, словно и во сне бежала по насту, который то и дело проваливался под ногами, замедляя ее. Джилс потеряла сухие глаза и огляделась. Матрас, на котором она спала, находился над кабиной водителя, и сейчас ее спальное место заметно так потряхивало. Значит, Элиот выехал с той заправки, на которой они ночевали, а ее будить не стал.

Джилс оставила корону на матрасе, а сама, пригибаясь, выползла из закутка. Потолок здесь был низкий: только ребенок смог бы стоять в полный рост. Джилс пришлось на коленях доползти до ступеней и, не меняя позы, немного спуститься, прежде чем она смогла выпрямиться в полный рост.

Машину тряхнуло на кочке, и Джилс полетела вперед, но, вовремя ухватившись за диванную спинку, отделалась лишь встречей локтя с крышкой стола. Девушка протяжно всхлипнула, а с водительского места донеслось добродушное:

— Как спалось?

Голос у Элиота был приятный, даже очень. Таким голосом только книжки для детей читать. Джилс улыбнулась своим мыслям и ответила:

— Не очень, — и на фоне его голоса собственный показался карканьем вороны. Джилс прочистила горло. — Всю ночь ворочалась.

— Я в курсе, — ответил Элиот, не отрывая взгляда от дороги.

Та была пустой и проходила через поля. Если так задуматься, то вокруг города ведьм было много полей, даже слишком много. Это просто чудо, что она умудрилась убежать, и ее не поймали. И Элиот, попавшийся ей и согласившийся помочь, тоже был каким-то чудом.

— Тоже не спал? — спросила она и принялась пробираться к пассажирскому сиденью рядом с водителем.

— Ага. Диван слишком узкий, и пружины продавленные. Нужно будет подсобрать денег да заменить его, — рассуждал Элиот и, взяв стаканчик с кофе одной рукой, сделал несколько глотков.

Джилс плюхнулась на сидение рядом с ним и, заметив второй стаканчик в

подстаканнике, просияла.

— Я на тебя тоже взял, без сахара. Планировался капучино, но пена уже наверняка осела. Как тебе кофе с молоком без сахара?

— Потрясающе, — совершенно искренне ответила Джилс и взяла свой стаканчик.

Кофе уже и вправду остыл, но не настолько, чтобы его не пить. Джилс сделала глоток и блаженно простонала. Кофе, конечно, был не идеальный, но ожидать идеального кофе на придорожной заправке не стоило. Наверное поэтому Элиот и засыпал то невероятное количество сахара, который даже не растворился полностью, а хрустел на зубах.

— Я еще купил сэндвичи с ветчиной и пончики. Они в холодильнике. Если хочешь, можешь взять себе и мне заодно прихватить.

Джилс посмотрела через плечо на маленький холодильник в глубине салона и прикинула, как будет пробираться к нему в покачивающейся машине, после чего решила, что она не так уж и голодна. Пока не голодна. Вот потом, когда Элиот остановит машину, она пулей пронесется до маленького холодильника.

— Может быть потом, — ответила она и отпила еще немного кофе.

— Жаль, — хмыкнул Элиот.

Джилс поняла, что ему скорее всего захотелось пончик, и таким образом он намекал ей, что неплохо было бы принести его ему. Небось корит себя за то, что убрал в холодильник, а не взял с собой. Джилс улыбнулась поверх стакана и без стеснения принялась разглядывать Элиота. При свете дня он выглядел чуточку иначе. Большой. Нет, не толстый и не рохля. Джилс назвала бы его грузным. С широкими плечами, высокого роста. Хотя небольшой животик у него был: просматривался под нелепой футболкой с пальмами. Такой своеобразный мужчина-гора. Рядом с таким и ведьмы, наверное, не страшны. И лицо у него правильное, грубое и даже жесткое — Элиота вполне можно было бы назвать пугающим, если бы не улыбка, которая всегда была на его губах и никогда не покидала лица полностью — разве что пряталась в карих глазах.

Но эта улыбка... Джилс закусил щеку изнутри, чтобы сдержаться и не сказать ничего лишнего. Ох, даже сейчас, просто смотря на дорогу, Элиот продолжал улыбаться, и Джилс безумно нравилась эта улыбка.

В лучах рассеянного зимнего солнца волосы Элиота казались пшеничными.

— У меня что-то на лице? — спросил он, похоже заметив, как Джилс его разглядывает.

— Нет, — слегка сконфуженно ответила девушка и, отвернувшись, уткнулась в свой стаканчик.

— Слушай, Джилс, я тут подумал по поводу твоей тети. А она не сдаст тебя твоим родственникам?

Джилс нахмурилась. Какая тетя? Не было у Джилс никакой тети. Ее мать была единственным ребенком королевы Гертруды — та просто отказывалась заводить других детей, чтобы не было проблем с наследством. Один ребенок — один возможный вариант для короны. А когда нет других вариантов, нет и конфликтов. Поэтому у родителей Джилс была единственным ребенком. На памяти девушки мать беременела трижды после рождения дочери и каждый раз травила ребенка еще в утробе, пока было не поздно. Но однажды она проглядела, и тогда ребёнка пришлось выносить. Мальчик. У Джилс родился брат, не способный колдовать, и бабушка умертвила его почти сразу же. Джилс даже не видела своего брата — ни живым, ни мертвым.

Поэтому вопрос Элиота поставил ее в тупик. И ей пришлось изрядно напрячь мозги,

прежде чем она вспомнила, что вчера назвала Джослин тетей. Вот только Джослин таковой не являлась, да и к кругу близких родственников Джилс ее причислить нельзя было, как и к кровавым ведьмам. Джослин была кровавой ведьмой лишь наполовину. Ее мать была одной из Старейшин города Кровавых Вод — очень давно, когда Джилс и в помине не было — но покинула свой пост, выйдя замуж за слабенького колдуна из Шарпы. Такие браки для кровавых были не в почете, если не сказать, что порицались, а детей рожденных в такого рода союзах в Городе Кровавых Вод терпели, конечно, но не жаловали. Родители Джослин еще жили в городе ведьм некоторое время после рождения девочки, но потом покинули его.

Так что Джилс была более чем уверена, что Джослин ей поможет и не сдаст Демьяне, которую девушка решила больше никогда не называть госпожой.

Собственно об этом она и сказала Элиоту — о том, что тетя ее не сдаст, а не о том, какие порядки творились в Городе Кровавых Вод.

Элиот лишь хмыкнул, похоже не до конца поверив в историю о сердобольной тетушке, которая с радостью примет племянницу и поможет ей всем, чем сможет. Джилс бы тоже не поверила. Вот только кроме как на Джослин надеяться ей было не на кого. Да и вариантов у нее немного: живи в бегах или отнеси свою голову Демьяне. А Джилс пока не готова была раздавать такие щедрые подарки, а потому и вариантов у нее не было.

К обеду они покрыли достаточное расстояние, и чем дальше Джилс была от Города Кровавых Вод, тем спокойнее ей становилось. Ведьмы, конечно, могли ее выследить — в этом она не сомневалась, но пока она находится в постоянном движении, отследить ее было трудно. Да и ближайших родственников у нее не было, чтобы Демьяна могла попробовать поиск на крови. Иногда оказывается быть круглой сиротой даже выгодно.

Они остановились на одной из заправок, попавшихся на пути, чтобы перекусить. Заправка была большая, там даже было нечто похожее на кафе: пластиковые стулья со столами и выложенные на прилавок готовые блюда. Выбор, конечно, не ахти: несколько странных на вид супов, которые Джилс не решилась бы попробовать ни за какую цену, и картофельное пюре с чем-то под названием «котлета рыбная». Джилс рыбу не любила и ограничилась чаем и пюре. Элиот же, возмнив себя супергероем — не меньше — отважился взять себе суп, ту самую котлету и, конечно же, пончик. Куда же без пончиков?

Они заняли один из столиков в углу и принялись есть. Джилс чувствовала себя нелепо в одежде Элиота. Одно дело носить ее в Рольфе и совсем другое — выходить в ней на люди. Вот только дальнобойщики, одетые еще хуже, заставили девушку смириться со своим нарядом, в котором она выглядела, как типичная жена в долгом путешествии. Люди даже не смотрели в ее сторону. И это было хорошо.

Элиот, поморщившись, отставил тарелку с супом, и Джилс понимающе усмехнулась. И в этот момент заметила мужчину, который сидел в углу и в упор смотрел на них с Элиотом. Таким взглядом смотрят на знакомых, и Джилс сильно сомневалась, что он узнал Элиота. Этот худощавый мужчина в потрепанной зимней куртке, которая была ему явно велика, откуда-то знал Джилс, и ей совершенно не хотелось знать, где он о ней узнал.

Джилс схватила Элиота за руку, которая лежала на столе, и постаралась выдавить из себя улыбку.

— Ты доел? Тогда может уже поедем? — говорила она тихо, надеясь, что мужчина, кем бы он ни был, не услышит ее.

— Наестся я не наелся, но доедать не собираюсь. Возьму с собой кофе и поедем, — ответил Элиот и поднялся, чтобы купить себе уже третий стаканчик за сегодня, но Джилс

придержала его.

— Может заедем на другую заправку? — предложила она. — Сомневаюсь, что у них вкусный кофе.

— О, так ты веришь, что на заправках бывает вкусный кофе? — усмехнулся Элиот.

Джилс неоднозначно пожала плечами.

— Попробуем счастье на другой?

Элиот кивнул, и они вместе вышли на улицу. Им никто не препятствовал, и Джилс уже начала считать, что у нее развилась паранойя. Вот только когда Элиот вырубивал с парковки, Джилс заметила того самого мужчину вновь. Он стоял у входа на заправку и с кем-то разговаривал по телефону. Конечно, он мог вполне разговаривать со своей мамой или женой, да вообще с кем угодно, кто не имел к Джилс никакого отношения, вот только смотрел он точно на Рольфа и провожал их взглядом, пока они не выехали на трассу.

Джилс ощутила, как в горле встал ком, и ее начало потряхивать от паники. Она не могла отделаться от мысли, что ее выслеживают. И выслеживают не ведьмы. Тот мужчина не был колдуном, от него не исходило ни намек на магический след. Тогда кто?

Ответ пришел мгновенно.

Охотники.

Вот только откуда охотникам знать, как выглядит Джилс? Ведь ей не показалось. Мужчина действительно узнал ее.

Кеторин притаилась в нише амфитеатра, наблюдая за подготовкой к обряду. Марта согласилась, и теперь Старейшины готовились к предстоящему обряду. Вокруг постамента рассыпали кругами соль. По сторонам света расставили энергетические кубы-проводники, через которые Старейшины будут направлять свою силу в людей, которых положат на постамент. В медных чашах уже тлели травы, наполняя амфитеатр тяжелым дымом, от которого нет-нет да слезились глаза. Отчего-то вспомнился день Приворота, но Кеторин решительно отмахнулась от воспоминаний: сейчас было не до них.

Сиденья вольных наблюдателей заполнялись. В какой-то момент Кеторин начало казаться, что в амфитеатр набьется вся Шарпа, но нет — пустых мест было много. К тому же на такие обряды детей не пускали, а молодых ведьм с нестабильным даром и подавно. Во время обряда высвобождается огромное количество энергии, а маленькие ведьмы — нестабильная компонента, и лучше обезопасить себя заранее, чем пожинать плоды неудачи, если какая-нибудь ведьмочка неожиданно вклинется в обряд.

Мужчин на каменных сиденьях тоже не было. Единственным мужчиной в зале был Люциан. Скрестив руки на груди, он стоял, привалившись к стене, и так же, как и Кеторин, наблюдал за Старейшинами. В отличие от вольных наблюдателей он здесь был действительно нужен, если вдруг придется подхватить заклятие.

Кеторин перевела взгляд на Торин. Беременная Старейшина тоже была нестабильной компонентой. Если бы Кеторин предоставили выбор, она ни за что бы не подпустила Торин к обряду, сама бы заняв ее место. Но выбор стоял не за ней, а госпожа Ева была уверена в том, что девчонка справится. Срок пока позволяет. Вот если бы они пришли в Шарпу через месяц, да даже через пару недель, об обряде можно было бы забыть. Магия ребенка отделилась бы от магии Торин, и молодая Старейшина на несколько месяцев стала бы тайфуном, непредсказуемым и неконтролируемым. Такой и колдовать нельзя.

Так что время было самое что ни на есть правильное. И как тут не верить в судьбу?

Кеторин горько усмехнулась и еще сильнее вжалась в тень, хотя сейчас ее бы никто и не заметил бы. Марту с Коулом ввели в залу, с них стекала вода ручьем, а мокрая одежда липла к телам. Коул выглядел спокойным, но спокойствие было напускным: Кеторин видела, как напряжена каждая его жила, он смотрел только перед собой — небось пытался внушить себе, что вокруг него не ведьмы или что вообще никого вокруг него нет.

Ведьма даже пожалела, что не расспросила Люцио о его ученике. Ведь и дураку было ясно, что он не из охотничьей семьи — и взгляд не тот, и порода не та. От охотников обычно за милую душу несли, Кеторин и сама не могла сказать чем, но она чувствовала эту вековую застарелую ненависть, которую в мальчишек с рождения вдалбливали церковники. Вот только Коул был не таким. Да, в нем была ненависть — кровная ненависть, но не такая. У него отняли кого-то, от того и фанатичность. А Люцио умело им воспользовался — нашел потерянную душу и давай вить из нее то, что ему было нужно.

Если разобраться, охотников Кеторин недолюбливала как раз из-за их фанатичности и нетерпимости. Интересно, удастся ли вытравить эту дрянь из Коула?

Кеторин посмотрела на Марту. Девушка внимательно следила за каждой ведьмой в амфитеатре, глазки за стеклами очков так и бегали от одной к другой. Отчего-то ей хотелось верить, что Марта справится. Справится, если переборет свой страх или же если появится причина смириться со своей силой. Такой, как Марта, нужен большой враг, чтобы перешагнуть через меньшего.

Коулу пришлось подсадить Марту, чтобы та забралась на постамент. Девушка легла, а Коул забрался следом и лег рядом. Госпожа Ева подошла и связала их руки заговоренной красной шерстяной нитью, а затем очертила еще один последний круг у основания каменного ложа и отошла, заняв место у восточного куба-проводника. Остальные Старейшины встали на свои места. Торин — у южного, Брунгильда — у северного, западный остался госпоже Софии. Люциан встал у кромки последнего соленого круга, рядом с Торин, готовый вступить за его черту при первых признаках неспособности той завершить обряд.

И все началось. Старейшины одновременно положили руки на кубы, наполняя их своей силой, направляя через них магию к двум людям, лежащим на каменном ложе. Сам воздух замер, когда от кругов соли начало подниматься марево, образуя полусферы, накрывающие пару куполом. Судорожный вздох Марты пронесся по тихому амфитеатру.

Испугалась-таки — поняла Кеторин, но уже было поздно — Марта не поднимется и убежать не сможет, пока обряд не завершится. Под куполами стали отчетливо видны нити связей. От каждого из них поднимались в высоту к грани купола сотни тоненьких нитей — и лишь одна, еще пока недостаточно толстая нить, связывала Марту и Коула. Она мерцала и извивалась в такт сердцебиения, словно вена перекачивающая кровь по телу.

Старейшины принялись уплотнять нить, привязывая жизнь мужчины к Марте, а Кеторин нахмурилась, заметив нечто странное. С того места, где она стояла, был отчетливо виден обрубок нити, что торчал из груди Марты — толстый у основания и тонкий у края. Кеторин никогда не видела ничего подобного, и ей стало дурно.

Какое кощунство! Кеторин задохнулась от возмущения. Да кто додумался перерубить нить? И не абы какую, а родительскую. Это Кеторин поняла по слабому фиолетовому свечению, исходящему только от родительских нитей — нитей, связывающих человека с его родом.

Надо же было так надругаться над девочкой! Да кто только посмел! Кеторин сжала руки в кулаки, готовая этими же руками удавить ту ведьму, которая провернула подобное.

Кеторин взглядом перебирала нити Марты, ища еще обрубки, которых больше не было. Ведьма настолько была поглощена своим занятием, что и не заметила, как купола потухли. Она поняла, что Старейшины закончили, только когда нити растаяли в воздухе, словно их и не было.

В зал вошли трое мужчин и унесли бесчувственных Марту с Коулом, а Кеторин осталась стоять в своей нише, сторя от гадкого чувства. В носу защипало, и она зажала его пальцами, силясь побороть свою слабость. Кеторин всегда питала слабость к детям. И теперь Марта в ее глазах была маленькой поруганной девочкой.

Кеторин закрыла глаза, прогоняя нахлынувшую ярость, и поняла свою оплошность уже когда было поздно.

— Заметила? — тихий голос, от которого по спине побежали мурашки, и Кеторин, распахнув глаза, вжалась в стену.

Люциан.

Он стоял от нее на расстоянии вытянутой руки и смотрел своими теплыми янтарными глазами со сдерживаемой... Кеторин не хотелось знать, что он там сдерживает. Она отвела взгляд и уткнулась в ступени амфитеатра. Каменные такие, совсем не интересные, но все лучше, чем смотреть на Люциана.

И как он только ее заметил? Подобрался так, что она и не почувствовала. Дура. Будет ей урок — меньше поддаваться чувствам.

— Заметила, — коротко ответила она.

— Отцовская, — пояснил Люциан и спросил без обиняков: — Кто она? Что-то мне слабо верится, что девчонка обычная сирота.

— Тебе не нужно этого знать, — буркнула Кеторин, просчитывая ходы к отступлению.

— Не нужно? — Люциан вопросительно вскинул бровь. — А мне кажется, нужно. Хотелось бы знать, что ты задумала, притащив сюда новую пару комплементаллов. Госпожа Ева может и не поняла, вот только они не женаты. Небось и спят-то не вместе.

Люциан протянул руку и, схватив Кеторин за запястье, принялся поглаживать мягкую кожу со внутренней стороны, не приближаясь более.

— Что ты задумала, Кетти? — обратился он к ней тем прозвищем, которым называл ее всегда, и Кеторин его не исправила. Сил в себе просто не нашла: ни чтобы оттолкнуть, ни чтобы исправить.

— Ничего интересного, — процедила Кеторин осипшим голосом.

Разум кричал, требовал, умолял убежать, а тело так и осталось стоять на месте — недвижимое, безвольное. Вот поэтому она его и избегала. Потому что сил сопротивляться тому влиянию, которое он на нее оказывал, просто не было. Когда она в тот раз убегала, думала, что больше не увидит его, но нет... стояла теперь перед ним и пыталась не смотреть, а в голове ни одной трезвой и здоровой мысли — даже бежать уже не хотелось. А хотелось... Кеторин судорожно сглотнула. Ничего ей не хотелось.

— Так-то я тебе и поверил, Кетти, — иронично усмехнулся Люциан. — В твоей умной головке всегда роятся какие-то планы. Может расскажешь, какое место в них ты отвела мне на этот раз? На всякий случай. Чтобы я не оплошал, действуя не по сценарию.

Вкрадчивый голос, круговые движения на запястье, а в голове... да черт с ней, с головой, в ней все равно правильных мыслей больше не было — только звенящая тишина.

— Кетти, ну расскажи, что задумала? — увещевал он. Так вкрадчиво, так нежно.

Кеторин окинула взглядом пустой амфитеатр. Никого. Никто не придет ей на помощь.

— Прекрати, — шепотом попросила она и задохнулась, когда он наклонился и поцеловал кожу на запястье.

— Не могу, — ответил он, и в его голосе прозвучали и горечь, и обида, и тоска.

И от этой смеси чувств, являвшейся точным отражением ее самой, сердце защемило. Бежать ей надо, и немедленно, но ватные ноги приросли к месту, а руки потянулись к его волосам. Мягким таким, почти шелковым. И таким до боли знакомым.

— Не стоит, — произнесла та маленькая разумная часть Кеторин, которая еще не сдалась, а большая, неразумная, перебирала мягкие пряди и просто не хотела отпускать их.

Но именно эта слабая и неразумная Кеторин и потянула его за волосы, заставляя поднять голову и поцеловать ее. Кеторин впиалась в его губы, жадно сминая их — шершавые и обветренные — своими. Она вдыхала его запах — такой, от которого ноги подкашивались. Люциан пах табаком и жженым деревом, а на языке чувствовалась горечь алкоголя. Он был пьян, не так чтобы сильно, но точно выпил с утра, прежде чем прийти на обряд. И за это Кеторин хотелось его удавить. Да чем он только думал? А если бы действительно потребовалась его помощь?

Осознание этого немного охладило ее пыл, но не настолько, чтобы отстраниться. Уж что-что, а сойти с этой дорожки, уже вступив на неё, Кеторин никогда не могла.

Она и не заметила, как Люциан, перемежая поцелуи с рваными дикими ласками, довел ее до кладовой, в которой Старейшины хранили все необходимое для колдовства. Он спиной втокнул ее в комнату, а сам вошел следом, ногой захлопнув деревянную дверь.

Люциан уложил ее на пол и взял прямо там, на холодном каменном полу, которого Кеторин даже не замечала. В тот момент для нее не существовало ничего, кроме Люциана. И не было в их соитии ни ласки, ни неги, ни терпения, ни желания угодить партнеру — лишь дикая звериная страсть. Всепоглощающая страсть. Они набрасывались друг на друга, как жаждущие: как умирающие в пустыне — на жалкие крохи воды. Каждый брал свое и каждому было мало.

Кеторин не уснула после произошедшего. Лежала на холодном полу и мысленно материла себя за слабость, слушая мирное сопение Люциана. Ведь знала же, что этим все и закончится, потому-то и избегала его. Люциан всегда был ее слабым местом. Не могла она рядом с ним быть сильной. Этот его взгляд, этот голос. Да он веревки из нее вить мог, а она, как последняя дура, раз за разом ломалась ради него.

Кеторин смахнула одинокую слезу и встала на ноги. Не одеваясь, она собрала настой для долгого сна — благо у Старейшин был большой стратегический запас. Накапала Люциану на приоткрытые губы и, когда он, сонный, слизнул зелье, спокойно начала приводить себя в порядок. Теперь он проспит до завтрашнего утра, а то и дольше, если не поднимут. А ей за это время нужно было покинуть Шарпу.

Ведьма села на колени рядом с мужчиной и с тоской посмотрела на красивое молодое лицо. Магии в Люциане было хоть отбавляй: именно она и поддерживала его в форме, не давая стареть. Ей хотелось еще немного побыть рядом с ним, может даже полежать на его предплечье, вдыхая родной аромат, но она не могла позволить себе такой роскоши. Ведь прекрасно знала, что, дай она ему хоть шанс, и он ее не отпустит.

Глава 34. Опасные связи

Бабушка приехала домой тем же вечером. Папа настоял. Мегги, конечно, думала, что он всполошился по чем зря, ведь будь она на его месте, то не стала бы действовать, основываясь только на словах маленькой девчонки. Сейчас, когда Джон не маячил на фоне, а сама Мегги находилась под защитой стен дома, страх, который девочка испытала в больнице, казался ей иррациональным. Мало ли что и как говорят люди? Ведь Джон, если так подумать, не сказал ничего такого. Спросил о девушке, в которой заинтересован, и о том, как у Мегги дела. Разве не так ведут себя взрослые?

Мегги была согласна с каждым доводом, который приводила, но переступить через страх не могла. Так что то, что бабушка приехала к ним, даже хорошо. Дома безопаснее, чем в отдаленном поместье. Однако то, что бабушка, которая никогда не шла на поводу у чужой воли, вдруг послушала отца, наталкивало на мысль, что все куда хуже, чем кажется.

Бабушка привезла с собой в термосе вкусного тыквенного супа, и в тот вечер они сидели на кухне, поедая суп со свежим хлебом из пекарни и чаем. Правда готовила его приходящая кухарка, а не бабушка, но оттого он был не менее вкусным.

Ели они в полной тишине: ни папа, ни бабушка не были любителями поговорить по душам, и это тяготило Мегги. А вот поругаться — за милую душу. Вначале все было хорошо. Ели суп, пили чай. А потом вдруг заговорили, и в разговоре всплыла Марта, а затем пошло поехало. Сцепились, как кошка с собакой. Они, конечно, не кричали — Мегги вообще сомневалась, что бабушка еще способна кричать, а отцу совесть не позволяла повысить голос на мать. Вот только их словесная перепалка была руганью в чистом виде. Отец отстаивал Марту и Коула, говорил, что они умные ребята. Бабушка причитала, что отец на старости лет совсем мозги растерял, раз позволил дочери вместе с охотником отправиться неизвестно куда. Отец не сдавался, объясняя, что Коул не причинит Марте вреда, потому что он брат Чарли, а бабушка устало вздохнула и, похлопав сына по руке, сказала, что воспоминания о добром друге застилают Алистеру глаза и что память о старшем брате не остановит мальчишку, если он надумает что-то дурное. И так по кругу в разных вариациях.

В какой-то момент Мегги устала и, не сказав никому ни слова, встала из-за стола и ушла на мамин чердак. Взрослые ее ухода так и не заметили, продолжая перебрасываться тихими, но от того не менее гневными фразами.

Для Мегги их ругань была беспочвенной, ведь она знала, что Коул просто не сможет причинить Марте вреда. Она толком не понимала, откуда у нее такая уверенность в своей правоте, оттого и помалкивала, потому что подтвердить свои слова ничем, кроме чувств или же интуиции, не могла.

На чердаке было темно: свет уличного фонаря, проникая через круглое окно, ложился белыми тенями на пол. Мегги забралась с ногами на маленькую софу и вытянулась на ней, зарывшись головой в мягкие аляпистые подушки, пахнущие лавандой. И от этого запаха на глаза набежали слезы. Когда мама была жива, она делала для них с Мартой мешочки для хорошего сна, которые они клали под подушки. Эти мешочки пахли лавандой.

Мегги поймала себя на мысли, что не помнит мамино лицо. Нет, она помнила смеющиеся зеленые глаза, светлые волосы, такие же длинные как и у самой Мегги, помнила красивую улыбку. Но все вместе... девочка всхлипнула, утирая слезы. Захотелось спуститься вниз и взять семейный альбом с каминной полки и долго смотреть на мамино лицо, впитать

его до последней черты, чтобы не забыть. Но Мегги осталась лежать на софе, вдыхая родной аромат лаванды и судорожно всхлипывая время от времени. Она могла забыть мамино лицо, но ведь невозможно забыть аромат. Лаванда всегда пахнет лавандой, так же как мама и те мешочки.

Прежде чем провалиться в сон, глубокий и без сновидений, Мегги решила, что непременно научиться делать такие мешочки, чтобы всегда чувствовать, что мама где-то рядом.

Проснувшись она от яркого зимнего солнца, которое било по глазам, мешая спать. Мегги вытащила из-под бока подушку и положила ее на глаза, стараясь снова уснуть. Сон не шел. Софа, на которой она так хороша спала, вдруг стала невероятно жесткой, и ей отчаянно захотелось укрыться одеялом, а еще пальцы на ногах отмерзли, казалось к ним приложили кусочки льда. Так еще и кристаллы соли в кармане джинсового комбинезона нещадно кололи бок.

Мегги тяжело и шумно вздохнула и села на софе, спустив ноги на холодный деревянный пол. Сонная девочка спустилась на первый этаж, но еще на лестнице услышала лимонный аромат.

Бабушка, в теплом домашнем халате и неизменных тапочках, сидела на кухне и пила чай с лимоном, закусывая его все еще горячими гренками, с которых капало расплавленное масло. Мегги сглотнула слюну и пожелала бабушке доброго утра.

Та улыбнулась ей своими утопающими в морщинках губами и спросила:

— Как спалось?

— Отлично, — ответила Мегги и, взяв чистую кружку с сушилки, села за стол напротив бабушки. Она налила себе из заварника чаю и положила в кружку дольку лимона, а еще добавила меда, который стоял на столе вместе с заварником.

— Алистер хотел отнести тебя в спальню, но ты так крепко и сладко спала, что мы не решились тебя трогать, — рассказывала бабушка, пододвигая к Мегги тарелку с гренками.

Мегги кивнула и вцепилась зубами в хрустящую гренку. Она блаженно простонала, растянув губы в широкой улыбке. Хрустящие снаружи, мягкие и теплые внутри. Мегги любила вкусно покушать.

— В холодильнике есть сыр, если хочешь — могу порезать, — предложила бабушка, но Мегги отрицательно покачала головой, отправляя гренку в рот целиком и запивая ее большим глотком теплого и сладкого чая.

— Где папа? — спросила она, болтая ногами и смотря то на бабушку, то на искрящийся в лучах яркого солнца снег за окном. — Еще спит?

— Нет. Уехал. Вскочил ни свет ни заря и унесся, даже не позавтракав. Сказал, что ему срочно нужно что-то проверить.

— Понятно, — протянула Мегги и взялась еще за одну гренку.

Покончив с завтраком, они расположились в гостиной. Бабушка разожгла камин и устроилась в кресле возле него, вытянув ноги и положив их на маленькую банкетку. А Мегги сбегала на чердак и, взяв с маминой полки книгу о травах и их применении в быту, расположилась на диване, укутав ноги вязаным пледом. Так они и сидели, слушая треск поленьев и занятые каждая своим делом. Мегги читала, бабушка смотрела на огонь. Время от времени они перебрасывались абсолютно незначительными фразами. Бабушка пожаловалась, что больше не может читать. Зрение у нее уже не то: если долго смотреть на буквы, они начинают расплываться перед глазами, а голова отзывается мигренью.

Мегги стала читать вслух. Она наобум открывала страницу и читала о полезных свойствах того или иного растения. Затем закрывала книгу и открывала уже на другой странице. О полыни, о ромашке, о лаванде, о розмарине, о пионах, об астрах. И так раз за разом.

В какой-то момент бабушка задремала, и Мегги продолжила читать уже про себя. Ей было спокойно.

Но потом она замерла и отложила книгу, ощутив странную рябь. Воздух словно содрогнулся, и Мегги испугалась. Было что-то неправильное в этой ряби. Что-то, чего не должно было произойти. А затем раздался глухой удар, с которым входная дверь впечаталась в стену.

От этого удара бабушка проснулась и ошарашенным взглядом принялась озираться по сторонам, ища источник неожиданного шума. Мегги вскочила на ноги и подбежала к бабушке. Ее сердце бешено билось.

Оправдывая все ее страхи, в гостиную вошел Джон со своей неизменной улыбкой, от которой у Мегги волосы на руках встали дыбом. А за его спиной маячила женщина, при одном только взгляде на которую в голове девочки появились мысли о гиенах и лошадях — настолько фактурным и запоминающимся было ее лицо.

Бабушка поднялась на ноги и задвинула Мегги себе за спину.

— Что вы здесь делаете, молодой человек? — хмуро спросила она. — Вы вторглись без приглашения на частную собственность. Это незаконно.

Женщина за спиной Джона громко и свистяще рассмеялась. Мегги из-за спины бабушки разглядывала пришедших и от того, что увидела, кровь в ее жилах заледенела, а в животе завязался едкий узел страха. Нет, не страха — глубинного ужаса. В руках Джон сжимал пистолет.

— Вы уж нас извините, — улыбка на его лице не дрогнула, — но мы пришли за девочкой.

— Ба-а-а, — в ужасе протянула Мегги, чувствуя, как глаза обжигают слезы.

Женщина-гиена обогнула Джона и вошла в комнату. В ее движениях не было плавности, она сильно припадала на правую сторону и зажимала ладонь какой-то тряпицей. Женщина села на диван, где еще недавно так уютно читала Мегги, и вытянула вперед правую ногу, позволив девочке заметить гипс, до этого скрывавшийся под длинным красным плащом.

— Отойдите в сторону, миссис Рудбриг, — попросил Джон. — Нам не нужны лишние жертвы.

Мегги сглотнула подступившие к горлу рыдания, пытаясь понять, как они вообще оказались в ее доме. В доме, который находился под защитным куполом, не пропускающим никого, кроме членов семьи и людей, выпивших их кровь. Первой ее мыслью было то, что они смогли каким-то образом добраться до папы, и Мегги задохнулась. В этот момент она поняла, что у страха нет границ, и всегда можно бояться еще сильнее, чем прежде.

— Вы не получите мою внучку, — в голосе бабушки звучала сталь, и Мегги поняла, что та по своей воле не сдвинется ни на шаг.

— Миссис Рудбриг, давайте не будем устраивать драм, — вкрадчивым тоном предложил Джон. — У вас все равно нет выбора.

Мегги вцепилась в подол бабушкиного халата, судорожно соображая, что может предпринять она, маленькая девочка, против мужчины с пистолетом и этой странной истекающей кровью женщины.

И где же ее магия, когда она так нужна? Разве похищение — это не сильное эмоциональное потрясение?

Мегги до боли закусала губу, не желая поддаваться панике. Они могут что-то предпринять, хотя бы попытаться, вот только ее пылливый ум отказывался работать.

Девочка повнимательнее присмотрелась к женщине-гиене, и на секунду ей показалось, что вокруг руки, с которой капала кровь, клубится красноватое марево, но стоило ей моргнуть, и наваждение исчезло.

И в этот момент прогремел выстрел. Мегги взвизгнула от испуга и подпрыгнула на месте, а бабушка начала заваливаться. Мегги, смаргивая, слезы, которые не хотели смаргиваться, смотрела на бабушку, которая осела на пол, прижимая руку к ноге. На ее халате цветком распустилось кровавое пятно.

— Нет! — всхлипывала девочка, рухнув на колени рядом. Своими маленькими ручками она пыталась зажать рану, заставить кровь больше не вытекать, но пятно словно в насмешку становилось все больше. — Ба!

— Мегги, — позвал ее Джон, и в его голосе ей даже послышалось сострадание, — нам пора. Ты же не хочешь, чтобы я прострелил твоей бабушке что-то еще? Я даю тебе честное слово, что даже наложу ей жгут, если ты пойдешь со мной без истерик.

— Прекрати с ней сюсюкаться, — потребовала женщина-гиена. — Бери в охапку и пощи.

Мегги злобно зыркнула на них обоих. Если бы у нее была магия, она бы испепелила их прямо здесь. Она бы, как Марта, разорвала пистолет в руках Джона. Она бы... она бы... но магии не было. Внутри себя Мегги не ощущала ничего, кроме гнетущего страха и злости. Ни щепотки магии. Ни-че-го.

— Мегги? — Джон вопросительно вскинул бровь и наставил оружие на бабушку, которая и так уже лежала на полу, сипло хватая губами воздух, а глаза у нее закатились.

И сколько она еще продержится, если ей не окажут помощь? У Мегги не было времени на раздумья.

— Ты... обещаешь... что... поможешь? — еле выдавила она. Горло свело от сдерживаемых рыданий.

— Конечно, — улыбка на губах мужчины стала шире.

— Тогда помоги... и я пойду... — решительно ответила девочка, поднимаясь на трясущихся ногах.

Марта открыла глаза, выныривая из тяжелого забытья. В висках непрекращающимся наботамом стучала боль, нос не дышал. Губы пересохли и потрескались, во рту стоял отвратительный привкус желчи, так еще и живот крутило, как при сильных газах. Марте пришлось открыть рот и дышать через него. Ей было настолько паршиво, что она не сразу поняла, что на ней нет очков, но она все равно видит. Видит незнакомую светлую комнату и Коула, вытянувшегося на кровати рядом с ней. Он лежал на животе, головой повернувшись к Марте. И лицо его выражало муку, немного сглаженную сном.

Осознание ударило по Марте запоздало. Она несколько раз медленно моргнула, свыкаясь со своей новой реальностью. Оперевшись на руки, Марта села в кровати, осматривая незнакомую комнату. Она все еще видела магический след, пропитавший здесь практически все: и маленькое зеркало на туалетном столике, и круглый пуфик на деревянных ножках, и симпатичный ковер с цветочным рисунком, и даже покрывало,

которым она была укрыта, что уж говорить о светящихся мягким огнем хрустальных сферах. Она все видела, а магический след лишь приукрашивал — так сказать, добавлял контрастности и насыщенности, но больше не слепил.

Неужели обряд поубавил ее восприимчивость?

Марта нахмурилась, не зная, радоваться ей такому исходу или огорчаться. С одной стороны, в ней определенно стало меньше магии, и это определенно хорошо, с другой стороны... живот крутило не у нее.

Ее брови взлетели вверх, когда она ощутила новый виток крутящей боли, и тут же — доносившийся откуда-то издалека хриплый стон Коула. Ощущения были похожи на те, которые испытываешь при просмотре реалистичного фильма, где у героя отрезают, скажем, руку, а ты чувствуешь, как у тебя самого начинает зудеть рука — несильно так, но неприятно.

О подобном ее не предупреждали. И ей это не понравилось.

Коул вновь простонал и, перекатившись на бок, прижал колени к груди, словно так можно было унять боль. Этот жест был настолько по-детски невинным, что Марта даже улыбнулась. Она протянула руку и потрепала Коула по растрепанным волосам. Тот даже не проснулся. За время, прошедшее с их знакомства, Коул порядком зарос — это касалось и отросших непослушных волос, и щетины, грозящей вот-вот дорасти до состояния бородки.

Марта никогда не любила мужчин с бородой или даже просто небритых, ей это казалось признаком небрежности или же наоборот чрезмерного самолюбования. Она прекрасно знала, сколько времени и сил нужно, чтобы укладывать бороду. Да и вообще борода колется. Но, удивительное дело, Коулу его небритость даже шла.

Поймав себя на столь нелепой мысли, Марта испытала желание врезать чем-нибудь тяжелым по своей глупой голове, чтобы вытравить оттуда всю дурь.

Коул вновь застонал, и Марта отдернула руку, которой все это время продолжала поглаживать его по волосам, которые не были мягкими — скорее наоборот жесткими и очень густыми. Настолько густыми, что ей стало завидно. Из ее-то волос, если заплести в косичку, получился бы крысиный хвостик, поэтому она и стриглась всегда довольно коротко.

Дверь их новой спальни открылась тихо, без малейшего скрипа, и Марта увидела на пороге госпожу Еву. Настоящую госпожу Еву без того морока, что ложился какой-то добавочной пеленой. Женщина сжимала в руках поднос, на котором стояло несколько склянок, слабо мерцающих магическим следом.

— Проснулась? — спросила она, но звучало это скорее как утверждение.

Марта вяло кивнула, не чувствуя в себе сил для полноценного ответа.

— Как себя чувствуешь? — спросила госпожа Ева, поставив поднос на тумбочку рядом с Мартой, а сама она присела на край кровати.

— Где мы? — слабым голосом задала вопрос Марта.

— У меня дома. После обряда за вами некоторое время нужно присматривать, а Роза скорее всего даже не заметит, если что-то будет не так.

— Я чувствую его боль, — выдала Марта, когда Коул вновь простонал.

Госпожа Ева пожала плечами:

— Такой исход был возможен — вы же комплементаллы. Правильнее было бы провести над вами Приворот, тогда бы ваша связь была бы полноценной, но сомневаюсь, что вы к нему готовы. По крайней мере не сейчас. Мы уже однажды поспешили, проведя его. Не

хочется совершить ошибку еще раз, — госпожа Ева грустно улыбнулась и покачала головой.

— Почему ему плохо? — спросила Марта, почувствовав очередной виток боли, но совсем слабенький, Коул даже не застонал.

— Тело подстраивается под новые условия своего существования, — лаконично ответила госпожа Ева, но, наткнувшись на непонимающий взгляд Марты, продолжила объяснения. — Его тело не приспособлено к магии. В нем ее совсем нет — чистокровный человек, если можно так сказать. И теперь его тело учится использовать магию, твою магию, как топливо. И, к сожалению, подобное не проходит безболезненно.

Коул вновь простонал, и госпожа Ева горько улыбнулась.

— Думаю, скоро придет в себя, и тогда нужно будет дать ему зелье. Оно немного притупит неприятные ощущения, но не уберет их полностью.

Марта лишь согласно кивнула. Чем быстрее он перестанет испытывать боль, тем ей лучше.

— Я вот что хотела узнать: Кеторин не сказала тебе, как снять браслеты? — спросила госпожа Ева, и Марта ошарашенно выпучила глаза. — Не переживай, я в курсе, что она вас сюда привела. Если не выдашь меня другим, то я даже расскажу тебе, где она жила все это время.

— Где? — неуверенно спросила Марта.

— В соседней спальне. Вишневые покои, как она их называет. Еще девочкой она часто у меня оставалась, когда ругалась с родителями. Но ты не ответила на мой вопрос.

— Не сказала.

— Научить? Не думаю, что тебе хочется все время быть привязанной к нему. Иногда полезно знать, как скинуть ошейник в нужное время.

Марта коротко кивнула, и госпожа Ева аккуратно взяла ее за руку и перевернула запястьем вверх. Она начертила в воздухе руну и постучала узловатым пальцем по браслету — раздался щелчок, и браслет раскрылся. Теперь его можно было спокойно снять с руки, но Марта, не долго думая, защелкнула его обратно.

— Как знаешь, — только и хмыкнула госпожа Ева. — Если хочешь помыться, за той дверью ванная, я положила там еще и сменные вещи. Ваши уже высохли, но сомневаюсь, что ты захочешь надеть их обратно.

Марта не стала отказываться и сразу же выбралась из кровати. Голова кружилась: не сильно так, но неприятно. И этими побочными эффектами она была обязана Коулу. Возможно, нужно было злиться, но она была слишком усталой и дезориентированной, чтобы растрчивать себя на бесполезные эмоции.

Ванной, как таковой, у госпожи Евы не было. Была лишь медная лейка, отгороженная шторкой, чему Марта даже порадовалась, сейчас она не справилась бы с такой, казалось бы, простой задачей, как залезть, а потом вылезти из ванной. Марта слегка потупила, глядя на один единственный вентиль, который можно было либо открыть, либо закрыть. Ну и как ей настраивать воду?

Мыться ей пришлось чуть теплой водой — горячее ее сделать было просто невозможно. Однако душ ее не взбодрил, после него захотелось вернуться в кровать и поспать еще.

Когда она вышла из ванной, Коул уже не спал — слабый и бледный он сидел в кровати, откинувшись на спинку и внимательно слушал госпожу Еву. Марта услышала только конец ее фразы:

— ...если наберешь слишком много энергии, колдуном ты не станешь. Можешь не

переживать по этому поводу. Но Марту подобное временно ослабит, так что думай головой, а не промежностью.

Марта нахмурилась, но промолчала. Мало ли о чем они говорили до ее появления. Она с ногами забралась на кровать и собиралась уже вытянуться и поспать еще немного, как с грохотом распахнулась дверь, и в нее влетела взлохмаченная и запыхавшаяся Кеторин.

— Собирайтесь, мы уходим, — на одном дыхании выпалила она и лишь потом, опершись рукой о стену, замерла, чтобы отдышаться.

— К чему такая спешка? — спросила госпожа Ева, ее брови вскинулись вверх. — Они только проснулись. Обожди до завтра, и я под благовидным предлогом отправлю их восвояси.

— Нет. Мы уходим сегодня. Прямо сейчас.

Госпожа Ева окинула ее взглядом с ног до головы, раз, другой, и затем тяжело вздохнув выдала:

— Ох... дуреха, ты, Кеторин! Какая же ты все-таки дуреха! И за что вы свалились на мою голову?!

Марта поджала губы, сдерживая улыбку. На ее памяти никто не разговаривал с Кеторин так.

— Что ты с ним сделала? — продолжала госпожа Ева. — Где-то заперла? Что, опять усыпила?

Кеторин ничего не ответила, лишь хмуро посмотрев на госпожу Еву и вышла из комнаты. Госпожа Ева проводила ту сочувствующим взглядом и, посмотрев на Марту, погрозила пальцем:

— Даже не думай брать с нее пример. На старости лет останешься одна и будешь кусать локти, не зная, как задушить собственную гордость. Она ведь его так и не простила, а уже почти двадцать лет прошло. Только и делают, что мучают друг друга.

Марта поняла, о ком шла речь. О Люциане, бывшем муже Кеторин. Эту историю она знала поверхностно и только со слов самой Кеторин. Ей уже хотелось расспросить госпожу Еву поподробнее, но тут Кеторин вернулась, уже успев переодеться в теплые вещи, а в руках держа дорожную сумку Марты.

— Одевайтесь и будем уходить, — вновь приказала Кеторин и швырнула сумку на кровать.

— И куда ты их потащишь? — осведомилась госпожа Ева. — Коул вон еще от обряда не отошел. С лестницы свалится, еще сломает себе что-нибудь, и будешь его потом на спине таскать.

Коул весь подобрался и единым движением скинул ноги с кровати.

— Сейчас в душ схожу и пойдем, — хрипло ответил он и встал с кровати. Вот только Марта чувствовала, что делает он это на чистом упрямстве и никак иначе. Небось спящая временами гордость подняла голову.

Он покопался в сумке и вместе с найденными вещами пошел в ванную. Ноги его едва держали, Марта думала даже помочь ему, но по тому, каким уверенным взглядом Коул смотрел на дверь, поняла: не примет он помощи. Марта проводила его взглядом до двери, и лишь когда та закрылась за ним, спросила:

— Пойдем тем же путем, каким и пришли?

Вновь пробираться по сугробам и спать в промерзшей палатке ей не хотелось. Кеторин ответила отрывистое «да» и прошла в комнату. Села на пуфик у туалетного столика,

скрестила руки на груди и уставилась на белый потолок, словно там было что-то интересное. Ведьма нервно стучала пяткой об пол, отбивая ей одной ведомый ритм, а госпожа Ева смотрела на нее и сокрушенно качала головой, как мать, которая не может вразумить собственного ребенка. Марта же следила за происходящим, попутно натягивая на себя теплые вещи и проверяя, все ли на месте.

— Что? — не выдержала и спросила Кеторин, не отрывая взгляда от потолка. Голос ее был холодным и недовольным, а еще властным.

— Где он? — спокойно спросила госпожа Ева.

— В амфитеатре.

— Ты ему хоть бы плед дала что ли... замерзнет же... Что будешь делать, если заболит?

Кеторин перевела взгляд на госпожу Еву и насмешливо ответила:

— Я? Ничего. А вот он глядишь и проредит свою очередь на отогревание.

— Дура ты. Нет у него никого. Давно уже нет.

— Значит сам себя отогреет, — Кеторин даже улыбнулась, но Марта так и не поняла радостно или злорадно.

Вот только от сцены, свидетельницей которой она стала, вопросов в голове родилось столько, что захотелось расспросить обо всем. Ей было интересно узнать о том, каким человеком была их городская легенда Кеторин Чубоски. Ведь в Рупи никто не знал ее настоящую, и чем больше Марта узнавала ее, тем больше она казалась ей обычной женщиной, со своими проблемами и обидами, со своими чувствами — желанными и не очень.

И сейчас Марте казалось, что видит она перед собой не сильную ведьму, а глубоко раненную и обиженную женщину, в которой клокочет желчь и желание задеть побольнее. У Марты даже не возникло вопросов, кто причина этой желчи. Люциан. Мужчина свалившийся невесть откуда в зале Совета. Тогда она его не разглядела, самой до себя было, но сейчас ей стало до жути интересно, кто же этот мужчина, раз так кипит кровь Кеторин. Каков он, как человек?

До возвращения Коула никто больше не произнес ни слова, а Марта успела одеться и даже немного просушить волосы полотенцем. Коул вышел уже одетый, бледный и осунувшийся. Шел он медленно, каждый шаг словно давался с трудом, но его почти не шатало, что Марта приняла за хороший знак. Да и боль его она ощущала смутно, как может чувствоваться поврежденный много лет назад сустав: не болит, не болит, потом немного потянет и перестанет. Похоже, сработали снадобья госпожи Евы.

— Остальным Старейшинам скажу, что сама вас отпустила. Им, конечно, подобный расклад не понравится, но смирятся. Но ты найдешь и приведешь к нам Королеву Кровавых — это условие твоего прощения, — сказала госпожа Ева, обращаясь к Кеторин. — И сферу, если она еще у тебя.

Кеторин вскинула бровь и изумленно спросила:

— А ты с остальными это обсуждала? Сомневаюсь, что они смирятся с моим возвращением, даже если я приведу на поводу молодую Королеву.

— Я смогу их убедить, — пообещала госпожа Ева, на что Кеторин только фыркнула.

— А с чего ты взяла, что я хочу возвращаться?

— Каждому нужен дом, и твой здесь — в Шарпе. Ты не должна скитаться по миру, как неприкаянная душа.

Кеторин уперлась подбородком в ладонь и подалась вперед.

— Раз мы заключаем сделки, то убеди их еще и принять меня, как Главу.

Госпожа Ева нахмурилась.

— Ты же знаешь, что это выше моих сил...

— А ты попробуйся, — с милой улыбкой предложила Кеторин, но госпожа Ева ее проигнорировала.

Она повернулась к Марте и, протянув руку, взяла ту за запястье и некоторое время внимательно смотрела на голубые венки, выступающие под тонкой кожей, испещренной бледными круглыми шрамами. Что там пыталась разглядеть госпожа Ева, Марта не знала, но та вдруг тяжело вздохнула и подняла свой встревоженный взгляд на девушку.

— Марта, девочка, тебе учиться нужно. С такой большой силой уметь надо сладить. Не использовать — не вариант. Она будет в тебе накапливаться и однажды разгорится так, что уже и не потушишь.

— Сама ее научу, — буркнула Кеторин и поднялась на ноги.

Госпожа Ева даже не обратила на нее внимания и продолжила:

— Как почувствуешь, что не справляешься, приходи, мы тебя примем и поможем. Твоя магия, как пожар, и кровь твоя горячая. Небось и с эмоциями своими не всегда справиться можешь. Вот и пытаешь заморозить и себя, и свое сердце, да только толку от такого нет и не будет. Когда магию свою примешь и постигнешь, тогда и буря внутри поутихнет.

Марта сглотнула. Откуда Старейшина узнала о том, что Марта с эмоциями своими не справляется? Жутко ей стало от пронзительного и такого понимающего взгляда госпожи Евы. Марта кивнула, не зная, соглашалась ли она с пожилой женщиной, то ли просто голова у нее была тяжелая, и шея не выдерживала ее веса.

На ночевку они остановились не на берегу реки, а дальше, намного, намного дальше. Марте даже показалось, что они остановились в том месте, где ночевали ранее с Коулом. Но то были лишь предположения — тихий покрытый снегом лес был словно замершей картиной, куда ни глянь — ничего не меняется: те же деревья, утопающие во мраке ночи, тот же снег, те же коряги и сучья. Марта даже предположить не могла, как Кеторин разбирает дорогу. Раньше был ориентир, они шли к магическому следу, теперь не было ничего.

Однако Кеторин уверенно гнала их, словно стадо овец, за которыми шли волки, хотя Марте казалось, что волки были лишь в голове ведьмы. Та словно загоняла не их с Коулом, а саму себя. И долгая дорога по стлелому лесу была ничем иным, как наказанием.

В этот день в Кеторин терпимости не было ни на грош, она подгоняла Коула, требуя, чтобы тот быстрее перебирал ногами, но тот лишь слабо огрызался и продолжал идти медленно, но верно, а Марта помалкивала, ощущая, с каким трудом ему дается путь.

Палатку им с Кеторин пришлось ставить самим, благо костер разжигать не пришлось. Коул был настолько слаб, что рухнул на расстеленный мешок, да так и уснул, а в ночь у него поднялась температура. Лихорадило его так, что Марта даже подумала, что до утра не доживет. Метался, стонал, и звал сестру. Теперь-то она знала, кем была Аделина. Все звал и звал, и просил прощения, а у Марты сердце сжималось, ведь она слышала в его голосе тоску и горечь со страхом, и эти эмоции были ей знакомы. Каждый его хриплый стон заставлял думать о сестре. Как она там?

В какой-то момент Кеторин не выдержала и дала Коулу зелье из своей сумки. Не

прошло и пары минут, как он затих, правда жар не спадал.

— Так еще пару дней будет, — устало пояснила Кеторин. — Потом придет в себя и полностью оправится. Зелье ему помогает, но злоупотреблять нельзя — тело должно само привыкнуть.

Кеторин была явно не настроена на душевные разговоры, да и Марта тоже. Но был один вопрос, который давил на нее. Ей нужно было знать ответ.

— Почему вы все так уверены, что мы с ним пара? — спросила Марта на раскрошившегося Коула. — Я не чувствовала его до обряда, да и сейчас не чувствую к нему никакой привязанности... только его боль.

Кеторин хмыкнула и легла на свой спальник.

— А ты знаешь, что именно должна чувствовать? Или ты подумала, что комплементарность — это палочка-выручалочка, которая дает тебе мгновенную и незыблемую любовь до гроба?

— О чем-то подобном я и думала, — нехотя ответила Марта.

— Значит, из меня плохой рассказчик, раз у тебя сложилось подобное впечатление. Понимаешь, Марта, — Кеторин закусил губы, задумавшись, а потом продолжила с нескрываемой горечью: — комплементарность — это как знак свыше, что если постараетесь, то будете счастливы вместе, и дети у вас будут сильные. Хотя в старых записях упоминается, что между парами со временем развивается эмпатия, я бы к подобному заявлению относилась с большой опаской, мало ли что написано в старых фолиантах. Да и чувствовать свою пару начинаешь не сразу, для этого нужно узнать его получше.

— Чувствовать как? — резко спросила Марта. Ее не интересовала ни эмпатия, ни потомство.

— Эм... по запаху, — пожала плечами Кеторин.

— Ты сейчас пошутила?

— Нет.

— Серьезно? Если меня не тошнит от его пота, то он мне подходит? Да ты знаешь, сколько таких невонючих по всему миру? — повысила голос Марта, и Коул тихо застонал, вторя ей.

— Это просто признак. Один из многих. Тебя должно тянуть к этому человеку. Ты думаешь о нем чуть ли не постоянно. Не обязательно в хорошем ключе. Просто он заедает где-то на подкорке сознания, и ты не можешь отделаться от мыслей о нем.

— Это называется психологическая заикленность, — буркнула Марта, которой объяснения Кеторин казались нелепыми. — Нездоровое чувство.

— Марта, — устало вздохнула Кеторин. — Относись к этому проще. Комплементарность не равняется любви. Любовь — это чувство приходящее и уходящее. Сегодня любишь, а завтра убить готова. Комплементарность не убережет тебя ни от измен, ни от ссор. Это зависит от человека и тараканов в его голове.

— И?

— Что «и»? — Кеторин повернулась к ней и легла на бок, подперев подбородок ладонью.

— Почему вы так уверены, что мы с ним комплементарны? — повторила свой вопрос Марта.

— Нити, — коротко ответила Кеторин. — Понимаешь, это особое умение, меня ему госпожа Ева обучила, когда я еще ребенком была. Видеть нити без заклятия высвобождения

сложно, но можно. Без заклęcia они едва различимы, но если знать, куда смотреть, то можно и разглядеть. Так вот к чему я это: между людьми — обычными — она завязывается и на этом все. Может, разве что уплотниться. Между комплементаллами она оплетается новыми, со временем становясь похожей на небольшой плетеный трос, состоящий из множества тоненьких ниточек. Вживую я такую нить не видела ни разу, только в зарисовке в гримуаре. Не знаю, заметила ли ты во время обряда, но сейчас ваша нить состоит из восьми переплетенных. Когда я впервые увидела Коула, их уже было две. Заметила чисто случайно, а когда ты пришла ко мне спрашивать про охотников, я заметила, что из твоей груди идет плетенка из пяти нитей, которых ранее просто не было. Чем ближе вы друг другу становитесь, тем толще нить — вот и все.

— Какой толщины нить между тобой и Люцианом?

— С чего вдруг такие вопросы? Я же уже показывала тебе свою нить.

— Да, я помню. Она покрыта каким-то коконом, но она определенно была толще остальных. Так что, сколько нитей?

Кеторин смотрела на Марту немигающим взглядом, а затем ответила, словно выплюнула:

— Пятнадцать.

— А ты говорила, что ошиблась, и вы не комплементаллы, — все-таки произнесла Марта, хотя почему-то слова Кеторин ее несколько не удивили.

— Я действительно ошиблась. В нем. В том, что верила ему и любила. А сейчас он чей угодно, но не мой, — каждое ее слово было похоже на взмах хлыста. — И тебе советую относиться к происходящему проще. Хотя Коул не Люциан, и у вас вполне могут сложиться отношения, если усмирите своих тараканов.

— Значит, комплементарность не приговор?

— Приговор? Какое интересное слово. Для вас с Коулом нет, для меня — да, — на ее губах расцвела горькая усмешка. — Ладно, Марта, давай спать. Я за сегодня очень устала.

Марта тоже устала. Стоило Кеторин перевернуться на другой бок, как Марта подползла к Коулу и, устроившись у него под боком, тоже уснула. Рядом с ним было теплее.

Глава 35. Под омелой

Конец лета и осень были, пожалуй, самыми муторными месяцами для Терры. Она все мучалась из-за Сьюзи, гадая, говорить той о магии или нет. Но Сьюзи, погруженная в мысли о предстоящей учебе и подготовке к переезду, похоже решила все за них. Терра практически не виделась с подругой, и в итоге, когда в конце августа Сьюзи уехала учиться, они так и не поговорили. Когда девушка провожала подругу на автобус, ей все казалось, что это их последняя встреча, последний шанс поговорить по душам. И похоже Сьюзи чувствовала то же самое, потому что попрощались они как-то криво: не как друзья, расстающиеся надолго, а как малознакомые люди, которых почти ничего не связывает. На душе от такого прощания словно кошки скреблись, Терре хотелось схватить подругу и рассказать той обо всем на свете.

Но она сдержалась, съедаемая желанием поделиться своими тайнами, открыться ей, хотя и понимала, что Сьюзи не тот человек, которому можно доверить эту тайну. Ведь если бы она безоговорочно доверяла подруге, то не сомневалась бы? Она же рассказала Чарли! Чарли, которого знала без году неделю.

Вот только с Чарли все было иначе: ему доверял Алистер, а Терра безоговорочно доверяла Алистеру.

Так что Терра лишь махала на прощание в окно автобуса и думала о том, как сильно изменились бы их отношения, впусти она Сьюзи в эту часть своей жизни. И вместе с тем понимая, что Сьюзи скорее всего больше никогда не вернется в Рупи.

Затем уехал и Чарли. Его отъезд опечалил Терру ничуть не меньше. Чарли был хорошим и веселым другом для Алистера, и Терра не хотела, чтобы тот терял родного человека, как она сама потеряла Сьюзи. Дружба на расстоянии, как и отношения, невозможна. Сначала вы пишете друг другу, а затем постепенно теряете связь — иначе не бывает. Но, прощаясь, Чарли и Алистер не выглядели расстроенными, даже наоборот строили планы на следующее лето, и Терра надеялась, что у них ничего не изменится.

Сложилось ли у Сьюзи с Чарли что-то или нет, Терра не знала: последние недели лета у подруги были загруженными, и у той практически не было времени на встречи. А Чарли о своих отношениях и мыслях не распространялся. По крайней мере с Террой. Она, конечно, пыталась расспросить Алистера, но тот пожимал плечами и заговорщически улыбался. Как бы Терру это не злило, но выбить хоть крупицу информации из него у неё не получилось.

Начало осени Терра прожила в своем слишком большом для одного человека доме одна. Она потихоньку привыкала к нему, проводя выходные в полупустом поместье Рудбригов, не желая терять связи с людьми, которые были ее семьей.

С возвращением Джослин их занятия возобновились, и Терра пропадала целыми днями в академии «Мария-Роза». В какой-то из дней Джослин предложила ей поработать помощницей, и Терра согласилась, ведь у нее было слишком много свободного времени, которое было нечем занять, да и деньги лишними не бывают.

Алистер устроился младшим помощником в бухгалтерскую компанию, и свою работу он охарактеризовал не иначе как «подай-принеси-уйди-не-мешай». Работа выматывала его, и сил хватало лишь на то, чтобы ездить каждый вечер за город домой, а утром обратно. Так что, к немалому огорчению Терры, виделись они редко. Так продолжалось несколько недель, пока не произошло событие, поставившее весь Рупи на уши.

В одном из разбросанных в окрестностях озер нашли мальчишку Фишера.

«Всплыл, как рыба с распоротым брюхом» — гласил заголовок местной газеты, а рядом — фото с листовки о розыске. Когда Терре попала на глаза газета, она брезгливо поморщилась при мысли о человеке, который додумался до такого. Хорошо хоть фото трупа не разместили. Хотя хорошо это или нет — вопрос спорный, жители города пересказывали историю о мальчишке, приукрашивая и добавляя страшных деталей. Терра слышала десятки вариантов его смерти: кто-то говорил, что парень утонул, а брюхо ему распоролла какая-то коряга, кто-то говорил о маньяке, кто-то о самоубийстве — но никто не знал, что произошло на самом деле.

Да Терра и не интересовалась этой правдой, если честно. Жуткая смерть, да. Вот только к самой Терре она не имела никакого отношения. Разве что Алистер принял историю близко к сердцу — он относился к той группе жителей, которые верили в маньяка. И ничто не могло их переубедить — даже тот факт, что кроме Фишера жертв не было.

Хотя на самом деле Терре немного хотелось верить, что Алистер так фанатично рассуждает о маньяке из-за нее, ведь в тот же день, когда нашли бывшего одноклассника Терры, Алистер попросился к ней переночевать, рассуждая о том, как опасно молодой девушке жить одной. Собственно с тех пор он так и оставался у нее и, даже когда спустя месяц или около того шумиха вокруг Фишера поутихла, все равно никуда не ушел. В конце концов он и вещи к ней перевез, правда на этот раз без конца рассуждая о времени и тратах на бензин. Терра лишь улыбалась и кивала, а затем устрашала его тем, что цены на бензин в ближайшее время поднимутся, и Алистер с серьезным видом принимался рассказывать о ценах на машинное масло.

Все это было таким нелепым, что вечером, оставшись одна в своей спальне, Терра смеялась в подушку, а утром счастливая шла учиться готовить фильдеперсовы, как говорилось в поваренной книге, завтраки. И так каждый день. В конце октября она поймала себя на мысли, что еще никогда не была так счастлива. Она готовила ему есть, помогала ухаживать за вещами, а вечерами они вместе сидели в гостиной и пили теплый чай, разговаривая или просто молча. Вот только Терра никак не могла отделаться от напряжения, висящего в воздухе. Когда они жили в поместье Рудбригов, все было немного проще. Возможно из-за родителей или в силу возраста. Происходящее сейчас походило на обычную жизнь семейной пары, а Терра не могла не представлять, как Алистер, приходя с работы, целует ее в щеку или в губы или...

Но Алистер ничего такого не делал. Иногда ей, конечно, казалось, что сейчас он потянется к ней и поцелует, но в следующий момент он отдергивал себя и в срочном порядке находил себе какое-нибудь занятие. А Терра с грустью смотрела ему в спину, не зная, как подтолкнуть его. А иногда впадала в прокрастинацию и думала, а стоит ли? Так и ходили по кругу, не сближаясь и не в силах сделать шаг вперед.

В какой-то момент Терра решила отпустить ситуацию — если Алистер не решается сделать первый шаг, то и она не будет. Ведь она вполне могла ошибаться, и ей совсем не хотелось выставить себя полной дурой.

Все изменилось под Рождество. В тот вечер Терра задержалась в студии допоздна: они как раз украшали кабинеты и коридоры к вечеринке для детей, которую Джослин задумала еще в сентябре и упорно подготавливала все необходимое. Они развешивали по перилам и окнам гирлянды, мигающие теплым желтым светом, добавляя к ним бумажные рождественские звезды, которые одна из учительниц сделала вместе с детьми на

специальном курсе. Все звезды были разные: какие-то аккуратные и выверенные — идеальные, другие кособокие и помятые, но оттого не менее прекрасные, а были еще те, что застряли где-то посередине. На каждой рождественской звезде было написано имя ребенка, сделавшего ее. Джослин приказала развесить все звезды без исключения. Не без труда они все-таки установили в холле огромную ель, для украшения которой большой золотой звездой Терре пришлось залезть на стремянку. Спускаясь вниз, Терра чуть не рухнула, но Тони, преподающий лепку, успел ее удержать. Они даже украсили уголок для поцелуев, натянув самодельные гирлянды, которые представляли собой всего лишь крученую веревку с привязанными к ней веточками омелы. Единственное, Терра так и не поняла, зачем на детской вечеринке нужна своеобразная будка для поцелуев, но спорить не стала, поддавшись атмосфере счастья и предвкушения, которая так и витала в воздухе.

Домой она уходила счастливая, прихватив с собой веточку омелы и несколько самодельных гирлянд, чтобы немного украсить свой дом. До самого праздника времени было еще предостаточно, и Терра подумывала предложить Алистеру купить небольшую ель и поставить ее в гостиной. Всю дорогу до дома она мысленно составляла список покупок, неожиданно осознав, что в ее новом-старом доме нет ничего, чем можно было бы его украсить, и мысленный список рос в геометрической прогрессии, с каждым шагом, который делала Терра, прибавляя к себе по два, а то и по три пункта.

В итоге, когда Терра уже достигла калитки, ей пришлось признать себе в том, что на все необходимое у нее просто не хватит денег, так что, поднимаясь по ступеням крыльца, она резво вычеркивала из списка то, что хотелось, но не так сильно, как все остальное. Пришлось отказаться симпатичного Санты чуть ли не в полный рост величиной — по типу того, что Джослин купила для студии и поставила на ступенях у входа. Санта, конечно, был потрясающим, но где Терра стала бы хранить его в остальное время года?

Раздеваясь в прихожей, она мысленно заменила огромного Санту на маленького, которого можно будет поставить под елью в гостиной.

Поглощенная своими мыслями, списками и планами, Терра не сразу заметила мягкий свет, льющийся из гостиной. На него она обратила внимание только тогда, когда проходила мимо распахнутых дверей, направляясь в свою спальню, чтобы переодеться в домашнее.

Терра так и застыла в полоборота в дверном проеме, не зная, бежать ли в спальню или в гостиную. В обоих направления бежать ей хотелось, визжа от счастья и смущения.

Алистер стоял возле разожженного камина в неизменной рубашке и брюках, а в руках он сжимал букет белых астр. Возможно Терре стоило задуматься о том, сколько могли стоить цветы зимой или почему Алистер решил именно сейчас. Вот только в тот момент в ее голове была лишь одна мысль.

«Я люблю тебя больше, чем ты меня!»

Терре вспомнилось, что именно такую характеристику дала белым астрам Джослин, когда они сушили их для заготовок.

Она Наверное даже не думала о чем-то конкретном, когда громко и четко выпалила одно единственное слово, чувствуя, как сердце бешено колотится в груди:

— Неправда!

Алистер удивленно вскинул брови и повернулся к ней.

— Что неправда? — спросил он.

Под его немигающим взглядом Терра стушеввалась и отступила назад, как последняя трусиха. Ох, ну почему с ней всегда так? Неужели она не может просто взять себя в руки и принять неизбежное? Легко ей было рассуждать об Алистере и его чувствах, но стоило тому сделать шаг ей навстречу, как она готова бежать без оглядки.

— Терра, стой! — выпалил Алистер, явно понимая ее намерения. — Я устал.

Он положил букет на каминную полку, а сам рухнул в кресло. Терра поджала губы, смотря на него из мрака коридора и надеясь, что он не видит ее глупого и испуганного выражения лица. Она была уверена, что выглядит, как последняя тупица, потому что внутри чувствовала себя именно так.

Алистер устало потер лицо и посмотрел на нее.

— Почему ты постоянно убегаешь? Я что сделал что-то не так? Повел себя неправильно? Чем-то обидел? Терра, я чертовски устал. Устал думать и просчитывать, устал нащупывать эту черту, которую мне нельзя пересекать. И почему ты смотришь на меня, словно затравленный олень? Думаешь, я кинусь на тебя или что? — в его тихом голосе было столько обиды, что у Терры на глазах навернулись слезы. — О, чудесно, теперь я еще и до слез тебя довел!

Терра шмыгнула носом и утерла свободной рукой слезы. Ей не хотелось плакать, но вид уставшего и потерянного Алистера, сидящего у камина и смотрящего на нее такими печальными глазами, заставлял сердце сжиматься от смеси счастья и жалости.

— Терра, — Алистер смотрел на нее с мольбой. — Поговори со мной. Не жалея меня. Если я ошибся в нас... в тебе... просто скажи об этом. Мы опустим и... будем жить дальше, как ни в чем не бывало.

Терра еще раз утерла не желающие прекращаться слезы и попыталась собрать себя в кучку. Она должна сказать ему все, что думает, сказать о том, как сильно любит его, должна развеять его беспочвенные страхи. Вот только ее глупый язык выдал что-то совсем невразумительное:

— Я принесла омелу, — она даже подняла веточку и потрясла ею в воздухе.

Глаза Алистера широко распахнулись, и в этом взгляде был немой вопрос. Неужели она насмеяется над ним? Он смотрел на нее в полной тишине, нарушаемой лишь потрескиванием камина, да стуком бушующего в груди сердца девушки.

— Зачем? — спросил он, и в том, как прозвучало это слово, Терре послышалась уязвленная гордость.

— Традиция, — ответила девушка и всхлинула. — Ну, знаешь.... целоваться на Рождество.

Алистер глубоко вздохнул, прежде чем произнести:

— Я теряюсь в догадках: ты либо надо мной издеваешься, либо находишься в состоянии такого глубокого шока, что не понимаешь, что вообще происходит.

Терра понимала, что происходит. Ей признаются в любви, а она ведет себя, как сумасшедшая.

— Второй вариант, — ответила она и вновь всхлинула.

— Я, конечно, предполагал, что ты будешь шокирована, но и подумать не мог, что настолько, — устало улыбнулся Алистер, закрыв глаза, и откинулся на спинку кресла.

— Я... — Терра замялась. — Я... — глубокий вдох. — Люблю тебя. Очень сильно.

Стоило словам сорваться с губ, как Терра испытала невероятное облегчение, словно лопнула туго натянутая струна. Алистер тут же распахнул глаза и уставился на нее

немигающим взглядом, в котором отражался такой спектр эмоций, что у Терры перехватило дыхание.

Но уже в следующее мгновение Алистер преодолел разделяющее их пространство и, как показалось Терре, хотел ее поцеловать. Вот только он не сделал этого. Алистер положил свою горячую ладонь ей на щеку, поглаживая её, и девушка вздрогнула.

Он забрал омелу из ее рук и с нотками смеха, но не без страха, спросил:

— Я, конечно, понимаю, что еще не Рождество... но ведь ты сказала, что это традиция, верно?

— Традиция, — подтвердила Терра и улыбнулась.

— А мы соблюдаем традиции?

— Точно, — кивнула Терра.

Алистер поднял маленькую веточку над их головами и наклонился к Терре. Он не напирал, давая ей возможность передумать. Когда их губы соприкоснулись в нежном, мягком, едва уловимым поцелуе, у Терры подогнулись колени. Она подалась ему навстречу, открываясь, а Алистер углубил поцелуй.

В этот момент Терра только и могла думать о том, как же это правильно. Их поцелуй — это правильно. Они вместе — это правильно. Они всегда были половинками единого целого и ничто не могло бы изменить этого.

Глава 36. Магия с последствиями

Страх буквально въелся в Джилс, засел где-то на подкорке и не хотел никуда уходить. Хотя после того мужчины на заправке им никто не попадался в течении следующего дня, Джилс никак не могла отделаться от мысли, что ее преследуют. И это не укладывалось у нее в голове. С чего вдруг охотникам преследовать ее? Да и откуда они вообще могли узнать о ней?

Конечно все ее мысли были похожи на паранойю и разумнее было бы принять произошедшее лишь за странное стечение обстоятельств. Если бы не интуиция, которая вопила тогда, требуя бежать, и вопила сейчас, требуя не останавливаться. И ее мучил еще один не менее насущный вопрос: правильно ли ехать к Джослин, когда по ее следу возможно идут охотники?

Этот вопрос не давал ей покоя — она пыталась найти на него ответ с той самой заправки и никак не могла. Ей просто некуда больше идти. Шарпу она даже не рассматривала, как возможный вариант. С чего им вообще принимать у себя королеву чужого ковена и защищать ее?

Люциан, конечно, помог ей, но это был скорее единичный случай, который к тому же вышел ему боком. Джилс не знала, жив он или кровавые ведьмы убили его за то, что вмешался в их планы.

И чем дальше она думала о Люциане, тем больше переживала за Элиота. Люциан помог ей безвозмездно и скорее всего поплатился за это — вот только Люциан был колдуном, и у него вполне могло получиться выбраться из Города Кровавых Вод.

А Элиот?

Он обычный добрый мужчина — что он сможет противопоставить ведьмам или охотникам? Они через него перешагнут и даже не заметят.

Джилс чувствовала себя последней дрянью от того, как поступает с ним. Она ведь использует его, а он даже не представляет, в какой опасности находится. Был бы он с ней так же добр, улыбался бы ей так же широко и заразительно, если бы знал всю правду?

Джилс боялась, что нет. И в то же время понимала, что для такого доброго и правильного человека, как Элиот, скрываемая ею правда могла не значить ровным счетом ничего, и от осознания становилось еще горше.

Возможно, ей стоило оставить Элиота и не подвергать его опасности. Умом она понимала, что так будет правильно, но в душе была жалкой трусихой и не могла оставить человека, который на каком-то невиданном — даже магическом — уровне излучал спокойствие. Несмотря ни на что, рядом с Элиотом она чувствовала себя в безопасности.

Джилс намотала ниточку от чайного пакетика на пластмассовую ложку, рассеянно смотря то на Элиота, то на ночную дорогу и змейку разделительной полосы. Элиот держался середины дороги, и у Джилс создавалось впечатление, что огромный красный Рольф ест маленькие белые полосочки.

Ехали они медленно: дорога настолько заледенела, что Элиот боялся не справиться с управлением и улететь в кювет.

— Джилс, а ты водить умеешь? — спросил Элиот, лишь слегка повернув к ней голову и не отрывая взгляда от дороги.

— Немного, — ответила Джилс и отхлебнула теплого лимонного чая. — Прав у меня,

конечно, нет, но как водить — я знаю.

— Родители научили?

— Нет, парень, — не задумываясь ни на секунду, ответила Джилс.

— У тебя есть парень? — с нотками сожаления спросил Элиот.

— Был, — протянула Джилс, чувствуя себя участницей того самого разговора парочек «сколько партнеров у тебя было?». Обычно такие разговоры заканчиваются нелепыми ссорами и обидами. — Мы расстались довольно давно. У него был старенький — еще от дедушки доставшийся — фольксваген жук. Такая маленькая вечно ломающаяся машинка. У него еще радио заедало и ловило только одну волну, где на повторе рассказывали о каких-то чрезвычайных ситуациях. До сих пор помню, как он сажает меня за руль, я выжимаю сцепление, готовлюсь тронуться, а в этот момент по радио начинают транслировать новости о жуткой аварии из семи машин.

— Удачненько, — усмехнулся Элиот. — Наверное это был знак свыше, что тебе не стоит водить.

Джилс рассмеялась.

— Нет, знак свыше был после. Я отпустила сцепление, и жук поехал. Мы даже немного проехали, а потом нужно было переключить скорость. Я начинаю снова выжимать сцепление, дергаю за рычаг — и в этот момент он глохнет, и из-под капота начинает валить дым. Не знаю, что там произошло, но в итоге мы полдня прождали на трассе, дожидаясь эвакуатора.

Элиот тоже рассмеялся — громко, без малейшего стеснения.

— Да, это определенно знак свыше!

— Я думала, что после этого он меня за руль не пустит, но Сэм вбил себе в голову, что просто обязан научить меня водить.

— И удачно?

Джилс выдала мученическую улыбку.

— Ну как тебе сказать... эвакуатор на трассе мы ждали еще раз десять.

— Упорный парень этот твой Сэм, — протянул Элиот, присвистнув.

— После десятого эвакуатора он сдался. Сказал, что мне не суждено водить.

— Возможно тебя просто недолго любил жук, — пожал плечами Элиот.

— Все может быть.

Джилс не заметила, как за беседой допила свой чай. С Элиотом было приятно разговаривать: он был из тех людей, которые с первого взгляда внушают доверие. В какой-то момент ей даже начало казаться, что она может говорить с ним абсолютно обо всем, и каждое ее слово он примет на веру и не осмеет.

Поэтому, поддавшись минутному порыву, Джилс спросила:

— А ты когда-нибудь ходил к гадалке?

Элиот оторвал взгляд от дороги и удивленно посмотрел на Джилс.

— Ты это серьезно? — брови его взлетели вверх и скрылись под вьющейся челкой. — Я разве похож на человека, который ходит по гадалкам?

Возможно и не похож, но Джилс не стала говорить ему о том, что в подобном вопросе полагаться на внешность не стоит. Перед ее внутренним взором отчетливо стоял образ огромного, по-настоящему огромного, силовика, который внушает трепет и даже ужас, вот только этот пугающий мужчина сидел перед ней и рыдал, вопрошая, вернется ли к нему жена. Долгая практика отучила ее судить по внешности, ведь никогда не знаешь, что

творится в голове у человека.

— Это просто вопрос, — пожалала она плечами. — Мне кажется, почти каждый человек в тот или иной промежуток своей жизни обращался к магии. Ладно, не бери в голову.

Элиот усмехнулся добродушно, без тени издевки и спросил:

— Если я скажу, что был, ты расскажешь, к чему был твой вопрос?

— А ты был?

— Лишь раз, — ответил Элиот. — Еще когда в колледже учился — проспорил другу и в наказание пошел к гадалке.

— Странное какое-то наказание, — хмыкнула Джилс, совсем не понимая, как подобное может быть наказанием.

— Странное — для меня, — подтвердил Элиот. — А вот для моего друга, истинного католика, оно стало бы настоящим испытанием его веры. Но увы, проспорил я — и к гадалке пришлось идти мне.

— Знаешь, если ты все это выдумал только для того, чтобы добиться от меня ответа, то ты провалился. Хотя признаю, история очень даже занимательная.

— И в чем я прокололся? — искренне удивился мужчина.

— Не знаю, просто мне показалось, что ты врешь — вот и все, — ответила Джилс, не зная, стоит ли продолжать разговор или лучше свернуть на какую-нибудь другую более удачную тропинку.

— Да, лжец из меня всегда был никудышный, да и в покер я всегда с треском проигрывал, — Элиот запустил пятерню в волосы и взъерошил их. — И все же расскажи, почему ты завела этот разговор? Неужели ты из тех женщин, которые верят в магию и единорогов?

Джилс не стала говорить, что она как раз-таки из таких женщин, и лишь коротко бросила:

— Я — гадалка.

— Ух ты!.. А это значит, что ты ведьма или я что-то путаю?

Джилс была обескуражена таким прямым вопросом. Она несколько раз медленно моргнула, прежде чем ответить:

— Что-то вроде того.

— Настоящая или шарлатанка?

— А ты веришь, что есть настоящие?

— Ну это довольно сложный вопрос, — задумчиво протянул Элиот. — Понимаешь, Джилс, я человек немного другого склада ума. Я что к религии, что к магии отношусь с большим скепсисом.

Джилс поджала губы, уже жалея, что затеяла этот разговор. Но Элиот продолжил:

— Единственное, в чем я уверен, так это в том, что тебя ко мне послали какие-то высшие силы, — свободной рукой он сделал неопределенный жест, как бы показывая на небо. — Я не верю в Бога и уж тем более не придерживаюсь какой-либо религии, но как любитель английских романов верю в провидение.

Джилс рассмеялась.

— Не веришь в магию, но веришь в провидение?

— Определенно, — Элиот тоже ей улыбнулся. — Можешь называть это хоть судьбой, хоть злым роком, хоть провидением — главное не примешивай сюда религию, и мы непременно подружимся.

— Буду держать в голове, — одобрительно хмыкнула Джилс и встала со своего сидения. Несколько дней в Рольфе отучили ее бояться передвигаться по нему, когда Элиот за рулем. — Я пойду заварю себе чаю. Ты будешь?

— Непременно. С сахаром.

— Я и не сомневалась.

Пока Джилс пробиралась к кухонному гарнитуру, она никак не могла сдержать смущенно-счастливой улыбки. Они с Элиотом словно были на одной волне, хотя частенько расходились во взглядах. Рядом с ним она чувствовала себя не просто защищенной — рядом с ним она была счастлива. Счастлива, как никогда прежде, и ей это нравилось.

Было уже полночь, когда они въехали в небольшой городок, название которого Джилс не разобрала — настолько старой и потрепанной была вывеска «Добро пожаловать в...» на въезде. То был типичный провинциальный городок, который разрастался не для чего-то, а вопреки всему. Такая мысль появилась в голове Джилс, когда через лобовое стекло она рассматривала разношерстные улочки, утопающие в темной зимней ночи и грязном снеге. Невысокие многоэтажки перемешивались с одноэтажными домами и магазинчиками, закрытыми в столь поздний час. Казалось бы, обычный тихий городок — таких, как он, сотни, а то и тысячи. Они с Элиотом уже проезжали через парочку таких, но конкретно этот внушал девушке тревожные чувства.

Джилс предложила проехать его напрямую и остановиться на ночь в следующем, но Рольф оказался голоден и вряд ли дотянул бы до другого городка или заправки где-нибудь на дороге. Так что им в любом случае пришлось кататься по городу и искать заправку, что оказалось непростой задачей, ведь в городке не было прямой центральной улицы: дороги здесь представляли собой смесь углов и поворотов.

В итоге, когда они наконец нашли заправку, Рольф был уже на последнем издыхании и ехал уже скорее на парах бензина, чем на нем самом.

Элиот пошел заправлять Рольфа, а Джилс, стараясь успокоить себя, взяла корону и уселась на ступеньки дома на колесах, наблюдая взглядом за рождественскими гирляндами, которыми уже успели украсить городок. Глазами она смотрела на них, но не видела, настолько девушка погрузилась в себя и свою магию. Она до боли сжимала корону, пытаясь почувствовать хоть одну кровавую ведьму.

Ни одной из них поблизости не было. Почему же ее интуиция так нещадно вопила, что нужно покинуть этот город как можно скорее? Были бы у нее карты под рукой, она может и разложила бы их, только чтобы посмотреть будущее Элиота — может тогда бы успокоилась, а не тряслась от страха.

Джилс настолько погрузилась в себя и в поиск кровавых ведьм, что не сразу заметила двух мужчин, стоящих в тени здания и не сводящих с нее взгляда. Красный свет гирлянд кидал замысловатые тени на их хмурые лица.

Джилс нервно сглотнула и резко вскочила на ноги, чуть не поскользнувшись на стянутой тонкой коркой льда нижней ступеньке. Мужчины в тот же миг подались вперед, и один из них достал из кармана что-то очень сильно напоминающее пистолет.

Девушка подавила вопль ужаса, когда заметила вышедшего на парковку Элиота с двумя стаканчиками кофе в руках. Элиот шел к ней, широко улыбаясь и совершенно не замечая двух мужчин, которые тоже направлялись к ним. Один из них прицеливался.

— Что вам нужно? — крикнула Джилс, надеясь перевести внимание на себя. Глаза ее жгло от слез, а голос предательски сорвался.

— Ты о чем, Джилс? — спросил Элиот, удивленно замерев в паре шагов от нее. — Бери кофе, а я вернусь за сэндвичами. Я взял тебе с копченой курицей, а себе с ветчиной и грибами. Если не понравится — можем поменяться.

— Мисс Морт, — донесся с ветром холодный голос. — Вам пора домой.

Элиот наконец-то заметил их и, обернувшись, встал точнехонько между Джилс и нападавшими, что девушке совершенно не понравилось. Ей хотелось, чтобы Элиот немедленно зашел в Рольфа, и они уехали без оглядки на максимально возможной скорости. Вот только она понимала, что пуля, выпущенная из пистолета, будет быстрее, чем Элиот. Да и уехать они не смогут, ведь пулей можно и колеса пробить, а со спущенными колесами далеко не уедешь.

Уж лучше бы они, как Вивьена, взяли мечи, тогда от них еще можно было убежать. Джилс судорожно соображала, медленно спускаясь в пучину отчаянья.

— Кто вы такие? — осведомился Элиот и, хотя выглядел он вполне спокойно и собрано, голос выдавал в нем ту же панику, что испытывала Джилс.

— Мы пришли, чтобы вернуть Ее Величество Королеву ведьм домой, — в холодном голосе прорезались ехидные нотки, от которых у Джилс на затылки волосы встали дыбом.

Они пришли не просто за ведьмой, они пришли за Королевой Ведьм. Новость поставила Джилс в тупик. До этой самой секунды она думала, что мужчины, пришедшие за ней, никто иные, как охотники на ведьм. Но то, что они знали о новом статусе Джилс, натолкнуло ее на мысль, что они просто не могут быть охотниками. Кровавые ведьмы ни за что не связались бы с охотниками. Или?

— Королеву Ведьм? — нервный смешок сорвался с губ Элиота. — Забавная шутка. Вы уж извините, но Джилс не пойдет никуда с кучкой фанатиков. Да и если бы она была вашей королевой, стали бы вы наставлять на нее оружие?

— Она не наша королева, — отрезал второй — тот, что сжимал в руках пистолет и целился прямо в Элиота. — У нас приказ: вернуть живой или мертвой, если будет оказывать сопротивление.

Джилс всхлипнула, привлекая к себе внимание Элиота. Он ободряюще посмотрел на нее через плечо, и от этого взгляда ей захотелось разрыдаться пуще прежнего, в то время как ей наоборот нужно было думать.

Сейчас, когда между ней и нападающими стоял Элиот, ее принципы относительно магии крови пошатнулись. Она бы применила ее, если бы смогла, но маловероятно, что ей дадут время, чтобы сварить парализующее зелье, а потом еще и добровольно выпьют. На такую удачу она просто не могла рассчитывать.

— Ваше высочество, — в обращении пряталась злая насмешка: — вы пойдете по собственной воле? Или вас придется принудить?

— Джилс, — позвал Элиот сквозь зубы. — Если ты действительно ведьма, то наколдуй что-нибудь.

— Не могу, — сдавленно ответила девушка.

— Это плохо. Господа, давайте разойдемся с миром? Мы же в публичном месте. Здесь повсюду камеры. Неужели вы думаете, что можете похитить девушку, и вам ничего за это не будет?

— Девушку? — удивленно переспросил охотник с пистолетом. — Да где ты девушку увидел? Это ведьма! Они нам еще и благодарны быть должны, что мы избавляем их от подобной мерзости.

— Сумасшедшие, — брезгливо сплюнул Элиот.

В следующее мгновение охотник, которому надоело ждать, ринулся вперед и попытался скрутить Элиота, убрав его с пути. Кофе, который Элиот принес, расплескался по дороге. Они сцепились. Однако, к удивлению Джилс, Элиот не уступал охотнику физически, потому что тому так и не удалось сдвинуть Элиота от дверного проема. Все происходящее напоминало больше мышиную возню, чем настоящую драку. Однако когда охотник ошутимо приложил Элиота о раскрытую металлическую дверь Рольфа, Джилс закричала во всю мощь своих легких. Возможно, она надеялась на то, что ее услышит работник заправки и вызовет полицию или попытается помочь, но либо ее никто не услышал, либо проигнорировал.

В напоенном морозном воздухе ей отчетливо почувствовался запах горячей хвои — той самой, на которой ее обещала сжечь Вивьена. Красивой, наверное, будет хвойная подушка, на которой ее сожгут. Элиота, увы, скорее всего просто закопают в одиночной безымянной могиле.

Отвратительный исход, но к нему все и придет, если она ничего не предпримет. Как жаль, что рядом нет Люциана и его стихийной магии. Уж он бы разбросал охотников по парковке, и они смогли бы беспрепятственно покинуть городок.

И почему Джилс не родилась у какой-нибудь ведьмы из Шарпы — глядишь и проблем в жизни стало бы меньше.

Похоже тому охотнику, что остался стоять в стороне, надоело ждать, и он решил пустить свое оружие в ход. Первая пуля попала в Рольфа, чуть не задев дерущихся у двери, втора разбила стекло, и Джилс пригнулась, когда на нее посыпался град из мелких и не очень стекол. Третья срикошетила об асфальт, и охотник, пытающийся отодвинуть Элиота от проема, начал обильно материться и крыть своего товарища такой отборной бранью, что Джилс даже и не снилось. И как только охотник не побоялся палить на заправке!

Пятая пуля, к ужасу Джилс, нашла свою цель, прошив плечо Элиота насквозь. Тот вскрикнул, продолжая отбиваться здоровой рукой.

Кровь пропитала его рукав, и красные капли, стекая по непослушной руке, падали на асфальт. С таким едва уловим стуком, который в ушах Джилс был сравним с ударом в набат, от которого все в ней напряглось: каждая жила, каждая мышца натянулась, как струна, и, чуть не сложившись пополам, Джилс завизжала, все еще сжимая в руках корону.

Джилс и не знала, что способна издавать подобные звуки. Кровь в ушах шумела, не давая ей слышать, что происходит вокруг, а корона в руках нагревалась. Она была как раскаленная обжигающая жидкая сталь. И даже если бы Джилс хотела ее отпустить — а по какой-то неведомой причине не хотела — она просто не смогла бы, потому что ей начинало казаться, что корона вплавляется в ее руки.

Джилс все кричала, кричала и кричала. От боли в руках, от обиды, от страха за Элиота и себя. Ведь это она виновата, что его ранили — она и никто другой. Нескончаемый крик, который словно рвался из неведомого нутра, разрывал ее горло, но она все равно продолжала кричать.

Кричать — все что она могла.

Чьи-то холодные сильные руки обхватили ее и заставили уткнуться лицом в мужское плечо. Плечо, пахнущее клубникой и кофе. А еще тем тропическим гелем для душа.

— Все, все, тише, все хорошо. Теперь все хорошо, — тихий голос прорвался сквозь шум крови, и Джилс, всхлипнув, все-таки смогла остановиться. Корона выпала из ее ослабевших пальцев и с тихим брацаньем, которое Джилс тоже слышала, упала на ступени. — Поплачь.

Станет полегче. Все хорошо, девочка, все хорошо.

Голос Элиота успокаивал, но Джилс, не в силах совладать с собой, разрыдалась. Хотя рыдания, сотрясающие ее, теперь не имели ничего общего с минувшим визгом, они все равно разрывали уже и так поврежденное горло. А Элиот продолжал гладить ее спину и терпеливо повторять одну и ту же фразу.

— Охотники? — хриплым и каким-то не своим голосом спросила Джилс, когда ее немного отпустило.

— Кажется мертвы... не знаю... но они точно без сознания...

— Что? — воскликнула Джилс, оторвав голову от плеча Элиота и посмотрев в сторону нападавших.

Они лежали ничком: один чуть ли не у их ног, а второй в отдалении. И у того, кто был ближе всего, Джилс различила тоненькие струйки крови, вытекающие из носа и ушей. Джилс в ужасе зажала рот рукой, не в силах поверить, что она смогла совершить нечто подобное. И только когда рука коснулась ее губ, пискнула от боли — поперек ладони тянулся жуткий ожог.

— Так вот о какой силе говорила Демьяна, — рассеянно пробормотала Джилс, смотря то на свою руку, то на корону, то на охотника у ее ног.

— Что ж... теперь я могу быть уверен, что ты не шарлатанка, — Элиот может и хотел казаться беззаботным, но Джилс слышала отголоски страха в его голосе. Да и кто не придет в ужас после подобного?

— Твоя рука! — опомнившись воскликнула Джилс. — Ее нужно защитить.

— Только не говори, что ты еще и хирург, — нервный смешок сорвался с губ Элиота. Он обошел Джилс и устало плюхнулся на диван.

— Нет — не хирург, но зашивать раны умею. Правда, никогда не имела дела с огнестрельными...

— Нам сначала нужно убраться отсюда, а потом уже думать о моей руке, — перебил ее мужчина, устало потирая лоб здоровой рукой. Простреленной он старался не шевелить.

— Ты с ума сошел! — не поверила своим ушам Джилс. — Ты в таком состоянии не то что за руль не сядешь — ты и мили не проедешь, истечешь кровью.

— А что ты предлагаешь? Остаться здесь и ждать приезда полиции? О, или ждешь, когда к нам заявятся еще парочка охотников или как ты их там называешь, и предложат прогуляться до ближайшего кладбища? Сомневаюсь, что ты хочешь снова иметь с ними дело.

— Тогда выпей мою кровь, — предложила Джилс.

Элиот выпучил глаза и уставился на нее так, словно у нее на лбу вырос рог единорога, за спиной — парочка крыльев, а девушка позвала его в полет на розовых облаках.

— Джилс, послушай, то, что ты ведьма... королева ведьм... черт, ладно, это не значит, что я вампир. По крайней мере в моем роду вампиров не было.

Джилс покачала головой, сдерживая улыбку.

— Это никак не связано. Я ведьма крови и могу контролировать свою кровь. Если в тебе будет хотя бы пару капель моей крови, я смогу контролировать и твою. Не дать ей вытечь.

Элиот пару раз растерянно моргнул.

— А что, так можно?

— Да.

— Вау. А я после этого точно вампиром не стану? Или колдуном? А то мало ли, после сегодняшнего и не в такое поверишь.

Джилс все-таки улыбнулась.

— Точно.

— Ну если ты так говоришь, — согласился Элиот, в голосе которого не было и намека на уверенность.

Пока он не передумал, Джилс быстро нашла ножик и разрежала подушечку пальца, на которой тут же выступило несколько капель крови. Она подставила руку Элиоту, и он слизнул капли. При других обстоятельствах Джилс вполне могла бы найти что-то интригующее или даже сексуальное в данном действии. Но отголоски минувшего страха убивали всякое желание, даже не давая тому расцвести.

Джилс попыталась очистить сознание и сосредоточиться на Элиоте — точнее на движении его крови и удержании ее в теле.

— Сможешь сесть за руль? — спросила она, ощущая, как от натуги на лбу собирались капельки пота. — Я постараюсь притупить твою боль.

Элиот кивнул, и они, не теряя больше ни секунды, спешно начали готовить Рольфа к отъезду. Охотников им пришлось оставить там, где они лежали — брать их с собой в планы Джилс не входило. Она даже не стала проверять, живы они или нет. Ей было страшно узнать ответ на этот вопрос. Джилс и корону-то со ступеней убирала с огромной опаской, но та больше не была горячей.

Они стремились покинуть город как можно быстрее, и Джилс до последнего не могла поверить в то, что у них все получится. Более или менее она смогла вздохнуть спокойно, когда их от города стали отделять несколько десятков миль.

Элиот предложил остановиться где-то на трассе, чтобы Джилс наконец смогла зашить его рану. На ближайšie заправки они оба боялись заезжать на случай, если там их тоже будут ждать засады. Благо, что до Рупи им оставался всего день пути.

Самое худшее пробуждение, на которое мог рассчитывать Люциан — проснуться под гнусавое причитание госпожи Евы. Та ходила кругами вокруг него и собирала все необходимое для зелья.

«Ох, Кетти, ну и задачку ты ей задала» — подумал Люциан. Ему хотелось рассказать госпоже Еве, что Кеторин испытала на нем не только сонное зелье, но еще и парализующее. Но он не мог. Парализующее зелье, как и подразумевало название, парализовало все мышцы в теле. А язык такая же мышца, как и все остальные.

«Хорошо хоть не ослабляющее» — усмехнулся про себя Люциан. А ведь с Кетти станется, наверняка она и ослабляющее думала замесить, только ей времени не хватило. То нужно почти час настаивать, прежде чем от него будет толк. «Ох, какое счастье, что ей не хватило времени. Подобного позора я бы не пережил»

— Щепотка сушеного имбиря... так... кусочек оленьего моха. Где же душица? Я точно помню, что она была на четвертой полке. А вот и ты!

Люциан не видел госпожи Евы, но слишком хорошо слышал. Настолько хорошо, что начинал жалеть о том, что парализующее зелье не лишает еще и слуха вместе с осязанием. Он лежал на холодном каменном полу и внимательно изучал содержимое нижних полок. Благо там действительно было, на что посмотреть, и у него было вполне себе увлекательное занятие еще на четверть часа. Оставалось только надеяться, что за отведенное время госпожа Ева успеет собрать зелье. Но та как будто бы и не спешила вовсе, медленно прохаживаясь вдоль полок и очень тщательно — даже слишком тщательно — отбирая компоненты для

зелья, которое Люциан, если бы смог подняться, собрал бы минут за пять.

«О, она определенно пытается меня наказать. И когда же начнется лекция о здравом смысле и непозволительном поведении?»

Госпожа Ева не заставила себя долго ждать. Она никогда не заставляла себя ждать, когда вопрос стоял примерно следующим образом: тишина или долгая и нудная отповедь Люциана, во время которой она припоминает все его проступки чуть ли не с младенчества. Ответ очевиден.

— И о чем ты только думал? Что Кеторин, только завидев твою свистульку, броситься обратно в твои объятия и простит тебе все на свете? — Обидное сравнение, Люциан поморщился, если бы мог. — О да, ведь Кеторин прощала тебя каждый раз после того, как ты умудрялся затащить ее в постель, а не бежала от тебя, как от прокаженного.

«О, мадам, сегодня вы просто кладезь лестных сравнений!»

— Хоть раз бы с ней нормально поговорил бы. Хоть раз!

Вообще-то говорил и не раз, даже умолял, но Кеторин не желала слушать. Его доводы стояли на одной чаше весов, ее гордость — на другой. И гордость перевешивала. Удивительно, что ему удавалось временами затащить ее в постель. Наверное в эти моменты ее гордость собирала вещички и уезжала в теплые края, но где-то по пути ее рейс отменяли, и она возвращалась как раз к концу и устраивала какую-нибудь феерическую вендетту.

Чего только Люциан не пережил за последние двадцать лет: и зелье огненной уретры, от которой поход в туалет превращался в извержение огненного вулкана, и пачки парализующих зелий, к которым в ближайшем времени у него определенно выработается иммунитет, и проклятие неусваиваемости алкоголя, когда его рвало после каждого глотка, и трехлетняя импотенция, которой она наградила его в их последнюю встречу. Ведь он действительно в какой-то момент начал думать, что его свистулька, выражаясь невероятными эпитетами госпожи Евы, отпела свою последнюю серенаду. Он глазам своим не поверил, когда однажды проснулся и понял, что не все потеряно.

Вот только Кеторин стоила всего этого, и он ни разу не упрекнул ее, потому что понимал: виноват. Но исправить уже ничего не мог.

Кеторин всегда была по больному, удивительно, что в этот раз он отделался малой кровью.

— ...когда же это уже закончится? — продолжала причитать госпожа Ева, а Люциан понял, что пропустил какую-то часть ее несравненного и красочного монолога, погрузившись в свои мысли.

Вот и Люциана тоже мучал этот вопрос, правда он не знал, что конкретно госпожа Ева подразумевала под «этим», но его это самое «это» несколько не волновало. Он мог поставить любую свою проблему, и вопрос бы не изменился.

Госпожа Ева перевернула его на спину и принялась вливать горячие зелья маленькими глотками. От первого Люциан чуть не захлебнулся, но со второго его горло ожило и все пошло как по маслу.

— Премного благодарен, — произнес он, когда тело начало его слушаться, и принялся поправлять кусок ткани, который госпожа Ева накинула ему на бедра.

— Ох зла у меня на тебя не хватает! — возмущенно пыхтела госпожа Ева, подбоченившись. — Вещи там. Пришлось сходить к тебе домой за ними, твои были в плачевном состоянии.

Люциан посмотрел на разорванную кучу вещей на полу. Пуговицы его рубашки были

вырваны с мясом, и он никак не мог вспомнить, сам ли оторвал их или все-таки Кеторин постаралась. Хорошая была рубашка, качественная.

— Ох, как же я вас люблю, моя вы благодетельница. И зелье сварили, и тряпочкой накрыли, и даже вещи чистые принесли, — нахваливал ее Люциан, застегивая на себе чистые брюки. — Когда-нибудь вы непременно согласитесь выйти за меня замуж.

— Конечно. Я с радостью посмотрю, как ты будешь просить у Кеторин развод. И не думай, что после я соглашусь собирать тебя по кускам.

Люциан хмыкнул — и сам знал, что подобную выходку не переживет.

— Свалились вы на мою голову. Что Кеторин, что ты, что твои дети. С вами всегда одни проблемы! Может у вас кровь какая-то не такая?

— А что с детьми? — нахмурился Люциан.

— Рой сбежал, — потирая свой потерявшийся в складках кожи подбородок, ответила госпожа Ева. — Воспользовался моментом, когда мы проводили обряд, и никто не следил за входами. О том, что он сбежал, я узнала уже после того, как проводила Кеторин. Заметила слабое свечение его силы в портале.

— А чего вы ожидали, угрожая его сестре чуть ли не кровавой расправой? — устало спросил Люциан, облокотившись о крышку старого стола. Сейчас он бы с радостью сел в мягкое кресло и выпил бы чашечку самого крепкого кофе, но был вынужден стоять в подсобке амфитеатра и выслушивать нравоучения. — А все из-за чего? Из-за того, что девочка влезла в ваши чуть ли не священные запасы. Боже мой, да я в ее возрасте что и похуже вытворял и что-то не помню, чтобы меня за это обещали высечь розгами.

— Во-первых, не мы ей угрожали, а Брунгильда, — воспротивилась госпожа Ева. — Она всегда была быстра на расправу. А во-вторых, ты никогда не трогал пыль драконьих костей. Она же такая древняя! Ее за последние лет сто никто не применял!

— Сомневаюсь, что в этой пыли осталось хоть что-то от драконов, — продолжал защищать дочь Люциан. — А вы за что боролись — на то и напоролесь! Взбаламутили в не самой послушной девочке юношеский максимализм, вот она и ускользнула у вас из рук. А вслед за ней ее вечная припевала.

— И что, тебя это нисколько не волнует?

— А с чего меня это должно волновать? Они хоть и выросли физически, но в душе все те же дети, и единственный человек, к которому они могут пойти в открытом мире — их тетя. Найдете Кеторин — найдете и моих детей.

— Легко тебе говорить. Ты хоть раз пробовал ее искать? Я не знаю не одной ведьмы, которая была бы сильнее Кеторин в установке покрова. Никто из нас ее не найдет, пока она сама не захочет.

Люциан лишь улыбнулся, и улыбка его была полна гордости. Кеторин была идеальна далеко не во всем, но то, что умела, доводила до недостижимого другим людям уровня. К примеру, она отвратительно готовила: ее шарлотку с яблоками и тыквенный крем-суп Люциан до сих пор вспоминал с содроганием, а вот ее кофе — просто божественный. Люциан и сейчас не отказался бы от чашечки крепкого-бодрящего с молотой корицей и капелькой молока. Вот только, зная Кеторин, она бы ему туда еще и слабительного подлила, чтоб неповадно было.

— Это еще не все. Говорю только тебе — сомневаюсь, что Старейшины станут на ее сторону в этом вопросе — Кеторин думает, что кровавые заключили какую-то сделку с охотниками. И не спрашивай меня — я не знаю, как она пришла к этим выводам. Вот только

подобная мысль вполне разумна, — госпожа Ева сцепила пальцы в замок и положила их поверх живота.

— Почему?

— Помнишь нападение по лету? — Люциан кивнул, и госпожа Ева продолжила. — Ты, конечно, то время уже не застал, но когда перемирие с кровавыми было более прочным, мы иногда пускали их в Шарпу.

— И пускали вы их?

— Через тот вход, которым воспользовались охотники.

Люциан со свистом втянул воздух.

— И ты говоришь об этом только сейчас? Полгода прошло. Полгода, Ева!

— Люциан, — спокойно отдернула его госпожа Ева. — Я уже не так молода, и мой ум не такой цепкий, как раньше. Я просто забыла. Даже не подумала сложить известные мне факты в общую картину.

— Про какие ходы может еще быть известно кровавым? — шестеренки в голове Люциана вращались с бешеной скоростью.

— Сомневаюсь, что они знают еще о каких-либо проходах. Тогда бы на нас уже напали — и не единожды.

Люциан отчаянно захотел закурить, в то время как его мозг пытался разгадать загадку.

— Их нападение скорее всего часть какого-то плана. Условие для заключения союза, проверка на верность или что-то подобное. Кеторин что-нибудь еще говорила?

— Нет. Ты же знаешь, какая она тихушница.

— Прежде чем отпускать, ты должна была ее хорошенько расспросить.

— И ты тоже, — не без издевки парировала госпожа Ева.

Люциан умело проигнорировал едкий комментарий и принялся протирать заспанные глаза.

— Придется теперь ее искать и допрашивать.

— Тогда еще и Клем поищи за компанию. А то ей уже пора бы вернуться в Шарпу, вот только она не выходит на связь, а заклятия поиска блокируются.

— Час от часу не легче, — буркнул Люциан и вышел из подсобки амфитеатра.

Вот почему у всех нормальные семьи, а у него клубок непонятных нитей, который даже если постараться распутать — запутаешь лишь сильнее? Кеторин с ее извечной обидой и возведенной на пьедестал гордостью. Джуди и ее юношеский максимализм и все та же уязвленная гордость. Рой вот вроде был хороший и послушный сын, но, когда дело касалось сестры, даже в нем просыпались бунтарские нотки. А еще Клем... Клем, которая из всего этого клубка производила впечатление самой разумной, но даже она умудрилась вляпаться во что-то сомнительное.

Люциан глубоко вздохнул и пошел домой. Прежде чем браться за это дело, ему нужны были кофе и сигарета... хотя нет, пожалуй пол пачки сигарет.

Глава 37. Пересечение

Коул чувствовал себя тем самым листом бумаги, пропущенным через шредер по ошибке, а потому вновь склеенным по кускам. Вот только кусочки перепутались настолько, что воссоздать исходный документ никак не получалось. И вот в таком разбитом состоянии он плелся за Мартой по рыхлому снегу, чуть ли не разваливаясь на каждом шагу. В первый день было еще хуже: тогда он и дороги перед собой не разбирал, шел только благодаря Марте, которая время от времени поддерживала его, не давая свалиться в снег. Ночью стало совсем худо. Желудок крутило, перед глазами все плыло, каждая мышца в теле ныла, бросало то в жар, то в холод. Конечно, госпожа Ева говорила, что в подобном состоянии нет ничего плохого — тело адаптируется, и вскоре все пройдет. С другой стороны Старейшина говорила еще много чего такого, о чем Коул предпочел бы даже не думать.

А вот что действительно он предпочел бы — так это дожидаться неясного «вскоре все пройдет» лежа в кровати, а не таскаясь по лесам в тяжелой одежде и загребая ногами снег. В какой-то момент захотелось просто лечь и умереть, вот только к тому времени он уже лежал в спальнике на брезентовом полу палатки. Примерно тогда рассудок его и покинул. Коулу снилась сестра. Красивая Ада с высокой прической, в подвенечном платье и фате с крупными белыми цветами. Смеющаяся, счастливая до чертиков Ада, идущая к своему жениху. А затем кровь. Кровь, растекающаяся по белоснежному платью. Кровь, заливающая мужскую рубашу. Кровь, все еще вытекающая из развороченных грудных клеток. Коул кричал. Коул звал. Коул просил прощения за то, что не смог помочь.

Тепло. Он ощутил чье-то близкое тепло, которое отогнало кошмары, даровав ему тяжкое забытие без сновидений.

Проснулся мужчина задолго до пробуждения своих спутниц и так и лежал, уткнувшись взглядом в оранжевый полог палатки. Марта в поисках тепла тесно прижималась к его боку, и, удивительное дело, у Коула это не вызывало отвращения. Чем больше он узнавал Марту, тем больше проникался к ней симпатией. Да, она была вспыльчивой — и даже очень. Она из тех людей, которые либо думают, либо делают. И уж точно никогда не думают, прежде чем делать. Чудная она, конечно, женщина, но в отличие от Кеторин понятная. Точнее, чем больше он узнавал Марту, тем более понятной она ему становилась. Стоило ему лишь на секунду позволить себе посмотреть на нее, как на обычную женщину, а не на жестокую ведьму, как он больше не мог отделаться от этого образа.

Тяжело вздохнув, Коул перевел взгляд на Кеторин: та лежала на приличном расстоянии от них с Мартой и тихо сопела, завернувшись в свой спальник.

Коул ей не доверял и не понимал ее. Коул всегда опасался таких женщин, как Кеторин — женщин себе на уме. От таких никогда не знаешь, чего ожидать. Такие, как Кеторин, могут улыбаться тебе и думать о цветочках, но с той же вероятностью они могут точить ножи, чтобы убить тебя.

Так что Коулу оставалось только радоваться, что скоро их путешествие закончится и они пойдут разными путями. Он еще не знал, что будет делать дальше: вернется ли к охотникам или пойдет своей дорогой. Его убеждения пошатнулись, и месть за сестру больше не была путеводной звездой его жизни. Раньше Коул думал, что ведьмы — зло во плоти. Теперь знал, что ведьмы ничем не отличимы от людей, и по паршивой овце не стоит судить все стадо.

И от этого на душе было смутно.

Марта заворочалась во сне и что-то пробормотала ему в плечо, причмокнув губами, как ребенок, поедающий вкусную конфету. Коул усмехнулся.

Кеторин проснулась через четверть часа или около того и заставила будить Марту и выдвигаться в путь. Коулу вновь пришлось бороться с собой и своим телом, которое хотело лишь одного — чтобы его оставили в покое и дали отдохнуть.

День выдался ясный — такой ясный, что на небе не было ни единого облачка. Солнце палило и пригревало, а еще слепило, отражаясь от белоснежного снега. Глаза нещадно слезились, и приходилось идти, прикрывая их рукой. Коул вздохнул с облегчением, когда солнце, достигнув высшей точки, начало закатываться.

На холодный ветер он не обращал никакого внимания — ему и так все время было то жарко, то холодно. В какой-то момент Марта предложила ему руку, и он продолжил идти, опираясь на ее плечо.

— Знаешь, — сипло начал он, — из тебя вышел бы отличный посох... такая маленькая...

— Тебе же лучше, если это был неудачный комплимент, — едко ответила Марта и резко подалась вперед, выскальзывая из-под его руки. Коулу пришлось сильно постараться, чтобы не рухнуть в снег лицом.

— Жестоко издеваться над калекой, — сказал он, когда Марта вновь подошла, подставив ему плечо.

— Тоже мне нашел калеку. Я знаю, что ты чувствуешь. И с такими симптомами вполне можно жить. Развел тут драму. Руки-ноги есть — считай не калека.

— Злая ты девка, а уже начал проникаться к тебе симпатией, — с усмешкой произнес Коул.

— Больно мне нужна твоя симпатия, — усмехнулась Марта.

Коул уже собирался сказать что-то еще, но тут подошла Кеторин и отчитала их, как нашкодивших котят, требуя, чтобы они прекратили болтать без толку и шли вперед, если не хотят еще ночь ночевать в палатке посреди леса.

К машине они вышли в сумерках. Коул удивленно уставился на нее. Хотя скорее не удивленно, а ошарашенно. Их не было больше недели, а машину, стоящую в лесу, не завалило снегом. Если это какая-то разновидность магии, то Коул ничего не имел против неё.

— Рой! — возмущенно воскликнула Кеторин, и Коул перевел взгляд с машины на нее. Лицо женщины было красным и, как ему показалось, не только от холода. — Что-ты-здесь-забыл?

Кеторин даже говорила без пауз между словами. И ее всю трясло, как думал Коул, не столько от ветра, сколько от злости. Она чуть ли зубами не скрежетала.

В этот момент Коул и заметил небольшую цветастую палатку, расписанную замысловатыми символами, притаившуюся за машиной, и паренька, с опаской высунувшего голову над капотом.

— Машину от снега чистил, — звенящим голосом ответил Рой.

«Ой, да такую лопатную магию и я могу использовать!» — с досадой подумал Коул.

— Прекрати паясничать и говори правду! — приказала Кеторин, и от этого приказа даже Коулу захотелось встать по стойке смирно, а Рой чуть ли сжался, прячась за колесом. Одна Марта стояла перед Коулом, даже не дрогнув.

Парень что-то бурчал из-за машины, но из-за завывания ветра его слов было не

разобрать.

— Рой, у меня нет слухового аппарата, чтобы разобрать твой скулеж, — грозно оборвала его невнятные попытки объясниться Кеторин. — Подойди и скажи, как есть. У меня нет ни малейшего желания отмораживаться, пока ты возьмешь себя в руки.

В ее словах и в том, как Кеторин себя держала, Коулу показалась недюжинная властность. И на парня она тоже подействовала. Рой поднялся из-за колес и понуро побрел в их сторону, очень сильно при этом смахивая на побитую псину.

Рой остановился в паре шагов от Кеторин. Если в нем и было хоть немного храбрости, то к этому моменту он ее всю растерял: плечи поникшие, взгляд устремлен вниз — ни дать ни взять жертвенный агнец. Себя в подобном виде Коул даже представить не мог.

— Ну? — выжидательно протянула Кеторин, но, так и не дождавшись ответа от паренька, произнесла: — Я не буду ждать тебя вечно — сяду в машину и уеду, даже не став слушать. Так что говори, пока мое терпение не лопнуло.

— Я... — проямлил Рой, заламывая руки. — Я видел вас у дома отца! — выпалил он на одном дыхании, вдобавок еще и зажмурившись.

— И что? — вскинула бровь Кеторин. — Рой, не ходи вокруг да около. Говори, как есть. Неужели ты думаешь, что я тебя съем?

— Нет... нет, конечно, — замялся парень. — Я просто подумал... ох... подумал, что Джуди у вас... я же не дурак.

— Не дурак, — согласилась Кеторин. — И Джуди действительно у меня. Паренек облегченно вздохнул и просиял счастливой улыбкой.

— Я могу поехать с вами, тетя? Я должен поговорить с Джуди. Возможно, если мы вместе отправимся к отцу, он защитит Джуди от Старейшин.

— Рой, возвращайся в деревню и не баламуть воду. Я уже говорила Джуди, что ее поведение нелепо. Еще никто не умирал от заслуженного наказания, — в голосе Кеторин отчетливо слышалась усталость и непонятная Коулу горечь.

— Но тетя... — начал было Рой, но Марта его перебила:

— Дай ключи от машины, — она протянула руку раскрытой ладонью вверх. — У меня нет ни малейшего желания слушать ваши семейные разборки, да и машину нужно прогреть.

На лице Кеторин лишь на секунду промелькнуло сомнение, прежде чем она запустила руку в карман своей зимней куртки и протянула Марте связку ключей — точнее связку брелоков с одним единственным ключом.

Полный облегчения, Коул последовал за Мартой. Он тоже не испытывал ни малейшего желания наблюдать за унижениями Роя, а ведь тот был чуть не на колени готов встать, лишь бы Кеторин отвезла его к сестре. Чувства старшего брата-близнеца были Коулу хорошо знакомы: ради Ады он и не на такое пошел бы. Вот только Ады больше не было, а Джуди, кем бы она ни была, жива-здоровая.

Шагая за Мартой к машине, Коул испытывал желание вернуться к Кеторин и предложить той взять с собой мальчишку. Вреда от него никакого не будет. Желание желанием, но умом Коул понимал, что его мнения и предложения не будут иметь для Кеторин никакого значения. Та поступит только так, как сама считает нужным.

Вещи они закинули в багажник, и Коул забрался на заднее сидение, блаженно вытянув ноги и ожидая, когда печка заработает на полную мощность.

— Забавный Рой паренек, — рассеянно произнес Коул, наблюдая за припирианиями тети и племянника через окно. — Вот вроде колени дрожат — глядишь тут же и рухнет от страха

— а нет, стоит себе и уговаривает мегеру.

— Это в тебе что, мужская солидарность говорит? — усмехнулась Марта, обернувшись к нему через спинку водительского кресла.

— Может и она, — пожал плечами Коул. — Рой добрый парень, жалко будет, если его сомнут такие, как Кеторин. А она пережует и не подавится.

Марта лишь загадочно улыбнулась ему и, достав зарядный провод из бардачка, поставила телефон заряжаться.

— Эй, почему улыбаешься? — спросил Коул, внимательно следя за девушкой.

Та лишь, пожимая плечами, смотрела через немного запотевшее стекло за обильно жестикулирующими Роем и Кеторин, продолжая улыбаться. Коул потрепал ее за плечо.

— Марта, ну-ка говори, почему улыбаешься? Мне твоя улыбка совсем не нравится.

— Я смотрю, ты просто кладешь интересных комплиментов, — хмыкнула девушка. — Когда-нибудь я соберу их все, и получится целая книга под названием «Как закадрить комплементалла» с пометкой для чайников.

— Ха-ха, — процедил сквозь зубы Коул. — Не верю я в эту чушь.

— Действительно чушь. Вот я не могу представить нас женатиками с детьми. Вот что бы ты сказал нашей дочери, если бы она когда-нибудь спросила, как мы познакомились? «Я выслеживал ее, чтобы убить»?

— Ну, по крайней мере, это звучало бы оригинальнее, чем «познакомились вусмерть пьяными в баре».

Марта прыснула, и Коул опешил — он еще ни разу не слышал от нее такого искреннего смеха. Тот в ванной из-за кошачьей шерсти не в счет. Тогда она смеялась над ним, а сейчас — вместе с ним, и этот смех ему нравился.

А еще его испугало то, что в тот момент, когда она рассмеялась, так искренне улыбаясь, ему она показалась даже красивой. Но Коул отмахнулся от этой мысли, приписав ее своему паршивому состоянию и обряду, связывающему их жизни.

В этот момент он заметил, как Рой скатал шар из снега и запулил им в лицо Кеторин. Коул, не задумываясь ни секунды, схватился за это событие, как за повод перевести тему разговора. Он открыл окно и, высунувшись в него, принялся кричать:

— Давай, парень, покажи этой чокнутой!

Вот только Рой уже развернулся и припустил в сторону машины, стремясь оказаться как можно дальше от разъяренной ведьмы, которая медленно, очень медленно, счищала снег с лица. На скулах у нее играли желваки, и Коул начал опасаться за жизнь паренька.

— Рой, — проскрежетала Кеторин, — лучше тебе бежать в деревню, если не хочешь, чтобы я тебя высекла. Если бы у меня было время, я самолично оттащила бы тебя за ухо обратно, наглый глупый мальчишка!

— Ты этого не сделаешь! — звонко крикнул парень, прячась за машиной. — Кеторин, пожалуйста, возьми меня с собой. Старейшины ведь теперь точно выведуют у меня о Джуди и о тебе, если я им попадусь.

— Может определишься? Ты мне тут угрожаешь или умоляешь?

Коул усмехнулся и крикнул в поддержку Роя что-то не совсем культурное. Кеторин обожгла его таким взглядом, что если бы тот был кислотой, то растворил бы не только кожу, но и мясо до костей — возможно вместе с костями.

— Март, может уговоришь свою подружку взять с собой Роя? — продолжая улыбаться, Коул, обернувшись, обратился к Марте.

Девушка сидела вполоборота на водительском сиденье, сжимая в руках включенный телефон, и лицо ее было белее снега. Коул еще никогда не видел на ее лице выражения такого смертельного ужаса, даже когда его руки сжимались на ее шее.

— Эй, что случилось? — спросил Коул, потрепав ее по плечу, которое показалось ему каменным.

Марта не ответила — казалось, она словно выпала из мира и не слышала его. Коул выхватил телефон из ее рук, и девушка даже не сопротивлялась, не осознавая, что телефона в руках больше нет, и продолжая держать скрюченные пальцы в том же положении.

Коул посмотрел на экран. В чате мессенджера была открыта переписка с отцом. Коул даже отстраненно отметил, что рядом с названием контакта был зеленый смайлик, обозначающий тошноту. Еще переписка была крайне редкой и сухой — только факты, ни тебе «привет», ни «как дела». Таким же было и последнее сообщение — четкое и сухое, без эмоций, лишь факты.

«Мегги похитили. Бабушка в реанимации. Вероятно, не выкарабкается»

Смысл до Коула доходил медленно и налетел вместе с судорожным всхлипом Марты. Он поднял на нее глаза и увидел до крови закусенную губу и глаза, в которых стояли слезы, хотя ни одна слезинка не скатилась по лицу.

Марта дернула ручку дверцы, чуть не выпав из машины, когда та распахнулась, и побежала к Кеторин, которая все еще стояла посреди полянки и препиралась со своим племянником, прячущимся где-то за машиной.

Марта вцепилась в руку ведьмы, привлекая к себе внимание. В голосе девушки отражалась несдерживаемая паника.

— Мегги похитили.

Кеторин медленно повернула к ней голову. Даже с расстояния, разделяющего их, Коул разглядел карусель эмоций, пронесшихся по лицу ведьмы.

— Вот черт, — выдала Кеторин и присовокупила парочку крепких словечек. — Это чертовски плохо.

— Я знаю. Мы должны ехать сейчас же. Мы должны попытаться, — Марта все больше и больше поддавалась панике.

Коул посмотрел на дату сообщения. Даже если они выедут сейчас, не задерживаясь ни на секунду, и будут гнать, не останавливаясь, ничего не изменится — они уже опоздали. Сообщению было уже больше суток. Скорее всего маленькую леди забрали, когда они с Мартой лежали в отключке после обряда, или во время самого обряда. Вот только какой теперь резон гадать, когда Мегги похитили, если от этого ничего не изменится?

— Возьми себя в руки! — крикнула Кеторин и, схватив Марту за плечи, хорошенько встряхнула. — Мы сможем ее найти. Слышишь меня? Сможем! Так что прекрати!

Кеторин устало потерла переносицу и взглядом нашла своего племянника, который смотрел на них через капот машины.

— Если собрался ехать, то собирай свою палатку — у меня больше нет времени на твои глупые игры.

— Так ты берешь меня с собой? — просиял парень.

— Беру, — процедила сквозь зубы Кеторин. — Мне нужно, чтобы ты забрал Джуди обратно в Шарпу. Теперь ей не безопасно в Рупи.

Коул заметил темноту, притаившуюся во взгляде Кеторин, и подумал, что та, наверное, опасается, что охотники, или кто они там, могли забрать не только Мегги, но и Джуди, а

мистер Рудбриг об этом и не узнал бы.

— Иди в машину, — Кеторин легонько подтолкнула Марту. — Мы найдем кровавую, которая согласится нам помочь, и непременно отыщим твою сестру.

Марта уперлась пятками в снег и ошалело уставилась на Кеторин.

— Кровавую? Но зачем? Чем нам вообще может помочь ведьма крови?

— Понимаешь, Марта, я совершила ошибку. Тот хрусталик, который я ей отдала... это защитный покров — пока он у Мегги, отследить ее невозможно, ни один поисковой кристалл не покажет ее местонахождения. И наш единственный шанс — кровавая магия, как бы мне это не претило.

Марта в отчаянии простонала.

— Да где мы возьмем кровавую ведьму? Неужели ты не можешь сама найти ее по крови? Я же поставила тот барьер!

Коул не имел не малейшего понятия, о каком барьере шла речь, но слушал внимательно, надеясь, что потом сможет понять.

Кеторин покачала головой.

— Ты его не поставила, а активировала. Это разные вещи. И я не могу использовать магию крови. Попроси меня сварить зелье, и я это сделаю. Если нужно — заговорю артефакт. Могу даже стихийную магию применить... чуть-чуть. Но в моей крови нет силы. Понимаешь, ставить мою кровь рядом с кровью кровавой — это все равно что назвать воду вином и надеяться, что опьянеешь. Понятно?

Марта неуверенно кивнула.

— Но где нам взять кровавую ведьму?

— Джослин полукровка. Она может попытаться найти кровавую, а может быть, если повезет, и саму Мегги. Вариантов масса, но разбираться с этим мы будем уже в Рупи, — ответила Кеторин, вновь подталкивая Марту к машине. На этот раз Марта безропотно подчинилась.

Джилс смотрела через лобовое стекло Рольфа на кирпичное здание художественной академии «Мария-Роза», стоящее через дорогу от них. Одной стороной оно выходило на парковку, а другой — на заснеженный парк, утопающий в желтых огоньках и детском смехе, доносившемся оттуда через приоткрытое окно Рольфа.

Она никогда раньше не приезжала к Джослин, и им с Элиотом пришлось объехать практически весь небольшой городок, прежде чем они наконец нашли художественную академию.

— Никогда не думал, что тетя-ведьма может быть обычной учительницей лепки или рисования, — произнес Элиот.

Положив голову на руль, он усталым взглядом изучал «Марию-Розу», а Джилс изучала его и то, что она видела, ей не нравилось. Лицо Элиота приобрело синеватую бледность, под глазами залегли синяки, а возле губ прорезались глубокие морщины, как и на лбу. Джилс не была лекарем, она не могла лечить своей кровью — даже попытка не дать ему истечь кровью окунулась ей сильными мигренями, хотя возможно причина была в том, что она сотворила с охотниками, но об этом Джилс старалась не думать.

— Тебе нужно к врачу, — озвучила она мысль, которая крутилась в ее голове с прошлой ночи, когда ей пришлось зашивать Элиота при тусклом желтом свете.

Она, конечно, говорила ему, что умеет это делать. Ведь она действительно умела

зашивать, но одно дело зашить неглубокую рану, нанесенную в правильном месте, чтобы сцедить необходимое количество крови, и другое — зашивать огнестрельное ранение. У нее тряслись руки, и оставалось только надеяться, что Элиот этого не заметил. А еще надеяться, что она не занесла ему никакой заразы.

— Тебе тоже, — ответил он, покосившись на взмокший под повязкой ожог на руке девушки.

В аптечке Элиота была мазь от ожогов, но Джилс сомневалась, что та ей хоть чем-то помогла. Ожог постоянно болел и сочился кровью, разбавленной какой-то желтоватой жидкостью. Джилс тоже посмотрела на свою руку. При одной мысли о короне, из-за которой у нее появился этот ожог, Джилс пробирала нервная дрожь. А если бы та была у нее на голове? Да она бы в лучшем случае без волос осталась!

Джилс поклялась, что никогда не наденет эту корону себе на голову и никогда не позволит никому ее на себя надеть. Она бы с радостью утопила ее в ближайшей реке, если бы был шанс, что по весне ее никто не выловит и никогда не найдет. Ей было страшно от того, что еще может сотворить корона.

— Со мной все хорошо, — улыбнулась Элиоту девушка, когда поняла, что он продолжает буравить ее взглядом, а она молчит.

— Не похоже, что с тобой хоть что-то в порядке. Я слышал, как тебя рвало.

«Слышал, значит...»

— Просто нервное, — пожала плечами Джилс. Не говорить же ему, что ее скручивает каждый раз, когда она вспоминает лица тех охотников. Убила она их или нет? Наверное стоило проверить, возможно тогда она бы не мучалась сейчас. Хотя что ей дало бы знание? Она ведь даже не знала, что именно сделала и как конкретно. — Давай я схожу к тете, а потом сразу поедem в больницу.

Округлившимися глазами Элиот посмотрел на Джилс и грустно улыбнулся:

— Вот смотрю я на тебя и не понимаю, как в тебе могут сочетаться ум и дурость. Вот скажи мне, что произойдет, если я заявлюсь в больницу с огнестрельным ранением — к тому же зашитым? Первая же медсестра, которая меня увидит, позвонит в полицию. И когда та придет, что я им скажу, Джилс? Если бы рана была свежая и открытая, я мог бы еще сказать мол шел по улице, никого не трогал, а тут выбежал мужик из-за угла, пальнул мне в руку и побежал дальше. Почему он это сделал? Хм... наверное сумасшедший. Как он выглядел? Хм... простите, было темно, я не разглядел. И это сработало бы, но только в том случае, если работник той заправки не позвонил в полицию — а если позвонил, то у них наверняка есть наводки на нас и на малыша Рольфа.

Обо всем этом Джилс даже и не думала. Ее куда больше волновала рука Элиота и возможность развития воспаления. Ему нужна была помощь — и чем быстрее, тем лучше.

— Если ты не можешь наколдовать мне доктора, то даже не заикайся о нем, — устало ответил Элиот, когда Джилс уже собиралась что-то сказать. — И иди уже к своей тете, может она сможет нам чем-то помочь. А я пока попробую поспать.

Элиот заглушил Рольфа и шатко пошел к дивану, на котором лежала небольшая подушка и тонкое одеяло. Он буквально рухнул на него, застонав от боли, отозвавшейся в руке от резкого движения, а Джилс вздрогнула и ощутила, как желчь подкатывает к горлу. Она была виновата в том, что Элиот мучается. Виновата от и до. И потому ей было странно, что он ни разу не упрекнул ее в случившемся. Даже ее краткую ведьмину сводку принял, как нечто само собой разумеющееся, а не как рассказы ополоумевшей девицы, которой давно пора

обосноваться в белых палатах с мягкими стенами.

Хотя возможно он все еще не отошел от шока и выскажет ей все, когда впечатления поутихнут.

Бросив на Элиота очередной полный страдания и жалости взгляд, Джилс натянула на себя его зимнюю куртку и вышла из Рольфа. Она прекрасно знала, что зрелище из себя представляет, мягко говоря, плачевное. Все вещи были ей настолько велики, что она в них буквально утопала. Хотя Джилс никогда не считала себя маленькой девочкой, скорее наоборот — в детские годы она всегда была выше своих сверстниц на голову, а то и на две — но в вещах Элиота чувствовала себя чуть ли не крошечной, особенно в куртке. Ни дать ни взять малявочка, совершившая набег на родительский шкаф и по ошибке перепутавшая материн с отцовым.

Стараясь не обращать внимания на косые взгляды, которыми награждали ее мамочки с маленькими и не очень детьми, на которых одежды было столько, что хватило бы на троих, Джилс бежала через парк к парадному входу. Она бы с радостью зашла через черный вход, который выходил на парковку, но сомневалась, что ее туда пустят.

В просторном фойе за небольшой стойкой сидела круглолицая девчонка околоподросткового возраста и с кем-то переписывалась, заговорщицки подхихивая. Джилс тактично покашляла, привлекая к себе внимание девчонки, но та была настолько поглощена телефоном, что не заметила этого. Поэтому Джилс подошла к стойке и, постучав по крышке костяшками пальцев, произнесла:

— Извините, могу я увидеться с госпожой Джослин? — и только когда применила принятое у ведьм обращение, поняла, как оно режет слух.

Девчонка подпрыгнула на месте и выронила телефон. Ее огромные круглые, как у рыбы, глаза уставились на Джилс, не мигая.

— Хозяйки нет, — ответила девчонка и спряталась за стойкой, ища телефон. — Черт, разбила!

Сердце Джилс пропустило удар. Ведь и правда, Джослин могла быть где угодно — женщина не обязана сидеть на месте и ждать, когда к ней придет Джилс с мольбой о помощи. Та может быть даже не в городе. И где тогда Джилс будет ее искать?

— А где она? — спросила девушка, надеясь, что старая ведьма просто вышла выпить кофе с подружками. Хотя, зная Джослин, подруг у той явно не было.

Девчонка выпрямилась и уперла в Джилс такой взгляд, словно та была виновата во всех смертных грехах и должна умолять о пощаде прямо сейчас, желательно ползая по полу брюхом.

— А вам зачем? — спросила девчонка, скользя взглядом по наряду Джилс и недовольно морща высокий лоб. — Вы вообще кто?

Джилс сглотнула едкий комментарий и принялась потчевать рыбоглазую девицу состряпанной на коленках ложью.

— Племянница. Мы здесь с мужем проездом, вот и решили навестить Джослин. Мы с ней уже лет шесть не виделись, все как-то не до того было.

Джилс надеялась, что лет шесть назад девчонка пешком под стол ходила, и не станет задавать ненужных вопросов.

— Не вовремя вы в Рупи приехали, — куда миролюбивее произнесла девчонка, подперев круглую щеку кулачком. Похоже приближенность Джилс к начальству слегка уменьшила количество ее смертельных грехов.

— Почему? — Джилс попыталась улыбнуться, надеясь, что выглядит она скорее заинтересованной, чем нервной.

— Да весь Рупи на ушах стоит. Девчонку Рудбригов похитили, а миссис Рудбриг в реанимации лежит. Говорят, не выкарабкается, столько крови потеряла. Хозяйка, кстати, к ней и ушла.

Джилс не знала, кто такие эти Рудбриги, но тот факт, что Джослин в городе, ее обрадовал. Хотя они с Элиотом и не могли заявиться в больницу, но они вполне могли покараулить Джослин у «Марии-Розы».

— А кто эти Рудбриги? — спросила Джилс для поддержания разговора, потому что просто уйти было бы подозрительно.

Девчонка выпятила губы, задумавшись.

— Бывшее самое богатое семейство города. Они разорились задолго до моего рождения, но их в городе все знают. Миссис Рудбриг, несмотря на свой почтенный возраст, до сих пор в городском совете сидит, хотя, наверное, больше не будет сидеть. Жалко её, конечно.

— А что произошло?

— Ну, я же сказала: девочку младшенькую похитили, Мегги кажется, а миссис Рудбриг застрелили. Хотя, если она жива, то ее не застрелили, а подстрелили. Правильно? Мутная история. У моей подружки отец в полиции работает, и он сказал, что, когда мистер Рудбриг ее нашел, ну, мать свою, вот, у нее на ноге, той в которую стреляли, был жгут наложен медицинский, — девочка нагнулась вперед и заговорщицким тоном произнесла. — Но наложен неправильно — так, что кровь все равно сочилась. И, если бы мистер Рудбриг пришел бы на пару минут позже, — девочка всплеснула руками и откинулась на спинку стула, — старушка бы умерла!

— Да уж... — протянула Джилс, почему-то не сомневаясь в выводах девчонки. С чего бы похитители стали помогать старушке, в которую стреляли?

— А я о чем говорю? Мутная история! А старшей дочери тоже нет, и никто не знает, куда она делась! И мистер Рудбриг не знает! Марта — она, кстати, тоже здесь работает — заходила недели полторы назад взять отгулы до конца года, а потом как в воду канула.

Девчонка взяла со стола ручку и покрутила ее в руках.

— А еще Стефи, сестра моя младшая, они с мелкой Рудбриг в одном классе учатся, — у Джилс уже мозг начинал закипать от обилия ненужных подробностей, — сказала, что с подругами видела, как Марта закупалась зимними костюмами перед тем, как пропала. И она покупала не только женские, но и мужские вещи. Но все в городе знают, что у Марты Рудбриг парня нет и не будет, поэтому странно: зачем ей понадобились зимние мужские вещи. Мутная история!

— А почему «нет и не будет»? — спросила Джилс, поглядывая на входную дверь. Ввязалась же в разговор с этой болтушкой.

Девчонка рассмеялась.

— Да странная она. Парней от себя чуть ли не поганой метлой отгоняет. Смотрит на всех свысока, словно мы ей что-то должны. Мне бабушка рассказывала, что у миссис Рудбриг в школьные годы была кличка «Снежная Королева», вот и Марта такая же, а то и хуже. Сомневаюсь, что она вообще когда-нибудь замуж выйдет. Так и прослывет городской сумасшедшей.

Джилс тяжело вздохнула. Девчонка была явно находкой для шпиона — расскажет все, что знает, а что не знает, то додумает и все равно расскажет.

— Я пожалуй пойду, — произнесла Джилс, молясь, чтобы девчонка не начала еще что-нибудь рассказывать. — А то муж в машине уже наверное с ума сходит.

— А-а-а, — понимающе протянула девчонка.

Джилс собиралась уходить, но тут нащупала в кармане куртки телефон Элиота и, резко развернувшись, вернулась к стойке.

— А ты можешь дать мне телефон госпожи Джослин? А то я телефон старый разбила и у меня нет больше номера.

— Так у хозяйки нет телефона, — выпучив глаза, произнесла девчонка. — Она же слепая и со смартфонами не ладит. Только стационарным пользуется. Таким допотопным с большими кнопками.

— А, точно, забыла. Тогда дай мне ручку и листочек, я напишу ей свой номер. Попросишь ее мне набрать? Не буду же я ее в самом деле по всему городу отлавливать.

Девчонка кивнула и протянула ей раскрытый блокнот с карандашом. Джилс быстро нашла в памяти телефона номер Элиота и переписала его на страничку, стараясь не кривиться, когда карандаш задевал повязку, и вернула блокнот со словами:

— Только не забудь, пожалуйста.

Девчонка скривилась и посмотрела на Джилс таким взглядом, словно мысленно добавила еще один грех в свой список, который у нее, очевидно, был.

— Я что, похожа на скудоумную? — спросила она.

— Нет, конечно, — ответила Джилс, улыбаясь. — Я пойду.

— Идите, — кривя губы, процедила та.

Джилс вздохнула с облегчением, когда за ней закрылась дверь «Марии-Розы». Спускаясь по обледенелым порожкам, Джилс поняла, что так и не спросила имя девчонки, но то было и к лучшему. Та бы на подобный вопрос скорее всего рассказала бы всю свою жизнь, чуть ли не с момента зачатия. В ее практике часто встречались такие клиенты, которым не столько погадать на будущее нужно, сколько послушать истории из их прошлого. После таких людей ей очень часто хотелось помыться с мылом, чтобы смыть с себя все, что ей наговорили.

Вернувшись к Рольфу, Джилс первым делом проверила Элиота. Тот спал, но выглядел ничуть не лучше. Ему нужен был врач. Его трясло так, словно ему было чертовски холодно. Джилс забралась наверх и принесла оттуда свое одеяло. Она накрыла мужчину, надеясь, что так ему будет хоть чуточку легче.

Наверное стоило растолкать его и предложить перелечь на матрас, но Джилс не хотелось его будить. Она и сама была вымотана до предела и с радостью бы поспала, вот только не могла позволить себе такой роскоши.

А что, если, пока она будет спать, их найдут охотники? Или же позвонит Джослин, а она пропустит звонок? Или ее отыщут кровавые ведьмы?

Нет, в ближайшее время сон не был ее другом.

Стараясь не шуметь, она нашла в ящиках Элиота пачку растворимого кофе и заварила себе несколько ложек. Пойло получилось мерзкое, с химозной кислинкой, но она заставила себя его выпить, надеясь, что он поможет ей взбодриться. Джилс устроилась на полу рядом с ногами Элиота и принялась ждать, сама не зная чего.

Глава 38. Сестры во тьме

Мегги не позволяла себе заснуть. Она щипала себя за бока каждый раз, когда ощущала, что ее глаза слипаются. Удивительно, что даже находясь в бездне отчаяния, содрогаясь от страха и мучаясь тяжелыми мыслями, девочка все равно хотела спать.

Она уже была на той стадии изнеможения, когда тело держалось на чистом упрямстве и страхе. Энергия закончилась сутки назад: тогда она еще могла передвигать ноги, бредя за Джоном и ведьмой по коридорам красивой церкви. Но то было сутки назад, а не спала она уже двое.

— Ты как, девочка? — слабый голос донесся из соседней камеры.

— Закрой свою пасть, ведьма, — последовал незамедлительный ответ стражника.

Ведьма рассказала стражнику, куда ему пойти и чем воспользоваться для облегчения пути, и у Мегги опять заалели щеки. Сколько раз это повторялось? Та странная ведьма из соседней клетки уже не первый раз у нее спрашивала, как она, но у Мегги не было сил ей ответить.

— Девочка, просто скажи, что ты жива! — взмолилась ведьма, и Мегги вновь услышала лязг цепей: он слышался каждый раз, когда ведьма начинала ходить по своей темнице.

В отличие от Мегги, ту ведьму приковали. Мегги вновь посмотрела на цепи, что были и в ее клетке. Когда ее втолкнули сюда, она их сразу же заметила и забилась в дальний угол, молясь про себя, чтобы ее не приковали. И молитвы были услышаны: ведьма, пришедшая вместе с Джоном, лишь захлопнула тяжелую металлическую решетчатую дверь и, снова разбередив рану на ладони, накапала крови в замочную скважину.

Та не впервые ковырялась в своей ране. В первый раз она окунула в нее кисть, словно в баночку красной краски, еще дома, пока Джон накладывал жгут на ногу бабушки. Резко дернув на себя заливающуюся слезами Мегги, она нарисовала на ее запястьях какие-то знаки и отчеканила:

— Попытаешься бежать — они начнут разъедать твою плоть. И чем дальше ты будешь бежать, тем больнее будет. Попытаешься стереть — произойдет то же самое, — маниакальный огонек в глазах женщины заставил Мегги понять, что та только на это и надеется. Чужая боль доставляла женщине-гиене наслаждение.

По спине у Мегги пробежал холодок, когда она поняла, что сделать подобное могла только ведьма. Бабушка застонала в бреду, и женщина, посмотрев на нее, довольно улыбнулась.

— Ты поняла меня, девочка? Ты будешь послушной?

Мегги кивнула ей, и ведьма потрепала ее по волосам, словно послушную собаку. Мегги было противно, в душе из золы ужаса поднималась злость, и в этот момент ей показалось, что над кровавыми знаками на своих запястьях она увидела красное марево, но стоило моргнуть — и все исчезло.

Джон, как и обещал, наложил жгут на бабушкину ногу, но Мегги так и не поняла, почему он выполнил свое обещание, ведь мог просто забрать девочку силой, не помогая старой женщине. Когда Мегги одевалась, стоя в коридоре и смотря на распростертую на полу бабушку, она мысленно молилась, чтобы кто-нибудь пришёл, забрал ее отсюда и не дал умереть. Она согласилась — прекрасно понимая, что спрашивали ее чисто символически — только ради крохотного шанса, что бабушке смогут помочь. Хоть кто-то... Соседи, которые

заметят, как девочку выводят из дома. Или отец, который вернется. Если он вернется. Если ему никто не навредил. Мегги надеялась, что с ним все хорошо.

Она цеплялась за эту надежду, ведь та была единственным, что у нее осталось. И именем ее надежды была Марта. Как только Марта узнает, она отправится за ней, куда бы ее не отвезли. Но Марта должна знать, кто ее увез. А кто сможет рассказать об этом, если не бабушка? Бабушка, которая видела Джона.

Мегги пыталась себя убедить в этом и когда смотрела на пустынную улицу, на которой не было видно соседей, и когда сидела на заднем сиденье машины с затонированными окнами, и когда ее везли по городу. Даже когда Рупи остался далеко позади, она продолжала внушать себе, что Марта придет, что Марта уничтожит Джона, ведь Мегги знала, что следующая встреча Джона с его сестрой закончится чем-то ужасным. Оставалось только надеяться, что нечто ужасное случится с Джоном, а не с ее сестрой. Ох, как же она надеялась...

Вот только Мегги никогда не считала себя глупой и прекрасно понимала, что надежды всегда остаются только надеждами. А реальность была сложнее. В реальности одна ведьма, какой бы сильной она ни была, не справилась бы с целой сектой — тем более если это была секта ведьм.

Но Мегги гнала от себя эти мысли и хваталась за свою надежду.

Ее похитители молчали все время, пока она смотрела на них, утирая слезы и размазывая сопли по лицу. Мегги решила прикинуться спящей, чтобы получить шанс узнать, куда и зачем ее везут. Она еще с самых малых лет поняла, что взрослые не считают детей ни умными, ни опасными. Все видят детей бесхитростным, и Мегги надеялась, что похитители ничем не лучше большинства людей. Она молилась, чтобы они были глупее, чтобы они совершили хоть какую-нибудь ошибку, которая приведет к краху.

Потому что сама Мегги не знала, как маленький ребенок может сбежать от взрослых с пистолетами. Да еще и эти кровавые метки на руках. Она не знала, действительно ли они начнут прожигать ее кожу или ведьма ее просто обманула, стремясь напугать. Мегги боялась боли и потому не испытывала ни малейшего желания проверять. Шрамы еще ничего, но что если эти метки прожгут ее кожу и плоть до костей? Или, что еще хуже, расплавят даже кости? В таком случае она может остаться без рук или умереть от воспаления и заражения крови. Ничего из этого Мегги не хотела.

Она лежала с закрытыми глазами и даже всхлипывала время от времени, словно ей снился страшный сон, но ее похитители продолжали молчать. Либо понимали, что она притворяется, либо не испытывали ни малейшего желания разговаривать друг с другом. Мегги надеялась на второй вариант.

Когда Мегги уже отчаялась, устав ломать комедию, в которую, похоже, никто не поверил, похитители заговорили.

— Мне нужен кофе, — поставила в известность Джона ведьма, но прозвучало это так, словно она требовала кофе у своего секретаря.

Но Джон не был ее секретарем, о чем немедленно и оповестил женщину.

— Не разговаривай со мной... ведьма...

Последнее слово он выплюнул словно ругательство, и Мегги испытала сильное желание открыть глаза и убедиться, что в этот момент на его лице не цвела лживая улыбка, от которой по спине побежал бы холодок, но она сдержалась.

— Что-то с мелкой... — последовало слово, которое Мегги не осмелилась бы

произнести, и девочке стало противно от того, что ей дали такую характеристику, — ты был куда дружелюбней. О, милая Мегги, пойдем со мной, я дам тебе конфетку. Большой вытянутый леденец. Скажи, охотников давно на детей тянет?

Жуткий смех гиены наполнил салон машины.

— Заткнись, — процедил Джон.

— Произнеси мое имя, охотничек, и я может быть послушаюсь. Давай же... Оно не сожжет тебе язык. Мне в детстве всегда говорили, что имя у меня красивое. О женщинах с такими именами слагают песни. Вивьена. Давай же, охотник!

Джон молчал. Лишь включил музыку в машине на полную громкость. От резкого громкого звука, Мегги вздрогнула и принялась потирать глаза, словно только что проснулась и не понимала, что вокруг происходит. Женщина-гиена смеялась, смотря на Мегги через плечо.

Мегги до боли закусил губу изнутри и попыталась выдержать ее взгляд. Но проиграла.

Ведьма с охотником и дальше молчали, правда Вивьена время от времени подтрунивала над мужчиной, если всю ту грязь и желчь, которая изливалась из ее рта, можно было назвать таким простым словом, как «подтрунивать». Мегги даже не хотела вспоминать, о чем говорила ведьма — все ее слова не несли никакой смысловой нагрузки. Мегги не узнала ни куда ее везут, ни зачем. Зато солидно расширила свой запас бранных слов и поняла, что ненавидит Вивьену сильнее, чем могла даже предположить.

Каждый раз, когда ведьма смеялась, Мегги пробивал озноб, хотелось заткнуть себе уши и не слушать.

Когда Джон остановился на заправке, Вивьена пошла вместе с ним. Тогда-то Мегги подумала о побеге и распрощалась с этой мыслью в тот же момент. Стоило ей потянуться к дверной ручке, как знаки на ее запястьях начали постепенно нагреваться. Ощущение было такое, словно заносишь руку над свечой: сначала ощущаешь лишь приятное тепло, но чем ближе рука к пламени — тем сильнее жар. Только пламенем была мысль о побеге. Пока думаешь, ощущаешь тепло, начинаешь действовать — тепло становится жаром.

Ведьма не обманула, а Мегги ощутила прилив отчаяния. Оно нахлынуло волной, готовой утащить девушку в свои глубины. И Вивьена явно знала о неудачной попытке побега Мегги. Ведьма наградила ее довольной улыбкой, возвращаясь к машине со стаканчиком кофе. Вивьена сильно хромала, буквально волоча за собой увечную ногу.

Мегги было противно от самой себя, но боль, нередко проглядывающаяся на лице ведьмы, доставляла девочке удовольствие. Ей хотелось, чтобы женщине было больно, так же как и Джону. Перед глазами то и дело появлялся образ расprostертой на полу бабушки и красного цветка, распускающегося на махровом халате.

Если бы бабушка не приехала к ним, с ней бы ничего не случилось. Эта мысль билась в голове Мегги, как и та, что они слишком доверяли магии, считая барьер над домом непогрешимым.

Джон принес ей еду, если так можно назвать пачку чипсов и банку колы. Наверное он считал, что именно так и питаются дети.

— Ой, а одеялко ты ей поправить не хочешь? — насмешливо спросила Вивьена. — Или может купишь игрушку?

— Прекрати. В чем твоя проблема? — развернувшись в Вивьене, спросил Джон. — Хочешь, чтобы мы привезли ее в церковь полумертвой от голода? Думаешь, за такое нас по головке погладят? Она всего лишь ребенок. Ребенок, который нам нужен.

— Она всего лишь ведьма, — ответила Вивьена, растянув губы в противной улыбке, больше похожей на оскал.

— Ты сама сказала, что в ней нет магии! — воскликнул Джон, чересчур резко вдавив педаль газа, от чего Мегги вжало в заднее сиденье.

— Не вижу. Ни капельки, — подтвердила Вивьена.

От ее слов на душе Мегги стало муторно. Она и сама знала, что не способна колдовать. Но одно дело — знать самой, и совершенно другое — когда твои похитители говорят, что ты не можешь им ничего противопоставить.

Мегги постаралась отделаться от ненужных чувств и зацепиться за слова Джона. Она им нужна. Вот только для чего?

— Тогда почему ты называешь ее ведьмой? — в голосе Джона звучало искреннее недоумение.

— Меня удивляют твои двойные стандарты. Меня ты считаешь ведьминым отродьем, а ее нет. Хотя она такая же дочь ведьмы, как и я. Ну, охотник, объясни мне, что с тобой не так!

Джон промолчал, лишь наградил ведьму доброжелательной улыбкой. Мегги даже показалось, что она услышала, как Вивьена проскрежетала зубами.

Мегги съела несчастную пачку чипсов, даже не ощутив вкуса. Механически пережевывала, думая о похитителях, их целях и о магии, и девочка очень удивилась, когда пачка опустела.

Мысли вертелись в голове, перескакивая с одной на другую. Она нужна им, и Вивьена не увидела в ней магии. Ни капельки, сказала она, и почему-то Мегги была уверена, что та не соврала. Вот только Мегги помнила и слова Кеторин. А еще знала, что ей не почудился магический след — знаки на ее руках светились, когда Вивьена их рисовала. Но сейчас, сколько бы девочка не напрягала зрение, на своих запястьях она видела лишь чужую запекшуюся кровь. Кровь, которая держала ее на месте не хуже цепей.

В «церковь», как это место назвал Джон, ее привезли в серых предрассветных сумерках, и у Мегги язык не повернулся бы окрестить грязное белое здание церковью. Оно больше походило на исследовательский центр, военную базу или даже лечебницу для душевнобольных, но никак не на церковь. В представлении Мегги у церкви обязательно должен был быть купол, башенки и колокольни. У квадратного здания не было ничего, кроме плоской крыши и окон, вырезанных так симметрично, словно их выводили по линейке. Одно над одним, идеально ровно.

Мегги удивилась, когда предрассветные сумерки пронзил перезвон колоколов. Жуткий перезвон, не имеющий ничего общего с тем, что звенел в Рупи, когда Мегги проходила мимо церкви.

Эта «церковь» находилась в обычном тихом городе, но обычные города не пышут жизнью в это время суток. Через дорогу от церкви стояла обычная многоэтажка, и в ней уже горели окна. Знали ли люди из того дома, что происходит в здании напротив? Мегги казалось, что нет.

Джон въехал на подземную парковку. Там их встретили бетонные стены и вооруженные люди. Много вооруженных людей, в основном мужчины, но Мегги заметила и парочку коротко стриженных женщин, в которых лишь отдаленно угадывалось сходство с женским полом, настолько они были большими и мускулистыми. Такая вполне могла сломать Мегги руку, просто пожимая ее. Вот только вряд ли кто-то из них захотел бы обменяться рукопожатиями с девочкой.

Охотники смотрели на них с Вивьеной со смесью страха и отвращения, хотя отвращения было куда больше. И Мегги поняла бы, если бы так смотрели на нее, но на Вивьену... Разве они не союзники?

Джон передал их паре вооруженных охранников и ушел в неизвестном направлении, а Мегги в сопровождении ведьмы повели по коридорам куда-то вниз. Девочка мысленно считала повороты и лестничные пролеты, не задумываясь, зачем ей могла бы понадобиться подобная информация. Стоило подумать о цели, и кровь начинала нагреваться.

— Была бы моя воля, я бы вырезала их на твоей коже маленьким ножом, глупая ты девчонка, — тут же отозвалась Вивьена. — Но у тебя сильный покровитель, девочка, и пока что ты нужна им живой и невредимой.

Стражников от слов ведьмы передернуло так же сильно, как и Мегги. Они держались от ведьмы на расстоянии, и рука каждого охранника покоилась на рукояти пистолета. Мегги гадала: если Вивьена попытается их убить, успеют ли они воспользоваться своим оружием. Покалеченная хромая женщина, волочащая за собой поврежденную ногу, внушала ужас здоровым вооруженным мужчинам, которые в ширине плеч были в два раза больше нее. Этого Мегги никак не могла понять.

Ее привели в узкий, тускло освещенный коридор, по одну стену которого тянулись решетчатые двери, за которыми открывались маленькие темницы, клетки или камеры — Мегги не знала, как их правильнее назвать. Для нее это были клетушки с тюфяками на полу, цепями на стенах и странного вида унитазами со шторкой, которой можно было прикрыться. Толика уединенности в своеобразной тюрьме. Разве это не то пресловутое милосердие, о котором так распинались люди и которого заслуживает каждый?

Мегги сначала даже обрадовалась, когда, проходя мимо клеток, обнаруживала, что они пусты. «У них нет пленников, » — вот о чем она думала, — «никто больше не разделит ее тяжелую судьбу». Вот только вдруг у них была еще одна тюрьма этажом выше или ниже? Об этом Мегги старалась не думать — лучше надеяться, что в лапы к Вивьене больше никто не попал.

— Ребенок? — послышался каркающий, болезненный голос.

Мегги вздрогнула, увидев кучу тряпья на тюфяке в клетке, мимо которой ее провели. Раздался лязг цепей, и куча зашевелилась. Мегги не успела увидеть лица другой пленницы, как ее уже втолкнули в соседнюю клетку и закрыли решетку.

— Вивьена, ты чудовище! — возглас, полный ненависти, и лязг цепей, сопровождающий каждый шаг женщины. — Ребенка! Ты продала им ребенка! Ни в чем не повинную девочку! В тебе нет ничего человеческого, падаль!

Вивьена лишь рассмеялась, и ее смех резонировал от бетонных стен, разносясь жутким эхо по коридорам.

— Падаль? — Мегги увидела, как кровоточащей рукой Вивьена утирает слезы, выступившие в уголках глаз. — Мне уже говорили нечто подобное. Вот только я здесь, а ты — там. И скоро я вернусь в свой мир, а ты сгниешь здесь заживо. Боюсь, от тебя не останется ничего человеческого. Только па-даль.

Мегги увидела безумную улыбку на губах ведьмы и сжалась в комок.

Лязг цепей. Шаркающие шаги.

— Сумасшедшая! Я тебя своими руками придушу!

— Боюсь, поводок коротковат, — хмыкнула Вивьена и накапала крови в замок. — Сиди здесь, малышка, — сказала она Мегги. — Скоро за тобой придут.

Вивьена ушла, охранники остались. И это было почти сутки назад, если Мегги правильно считала время. Ей дважды приносили еду: ей и пленнице из соседней камеры. Мегги съедала безвкусную кашу, женщина предлагала затолкать ее охранникам в задний проход, а затем слышался очередной скрежет и звук удара.

Мегги подумала о сестре и судорожно втянула воздух, стараясь не разрыдаться. Знала ли Марта, где сейчас ее младшая сестренка и как ей плохо? Скорее всего, та еще даже не вернулась в Рупи, но Мегги не могла отказать себе в удовольствии представлять, как сестра врывается в этот тусклый коридор и раскидывает охотников по сторонам. Представлять, как пистолеты взрываются в их руках. В своих мечтах Мегги наделяла сестру всеми допустимыми способностями и даже больше.

Она настолько погрузилась в свои воспоминания и мечты, что не сразу услышала шаркающие шаги и перешептывания охранников. А когда начала напрягать слух, чтобы расслышать их, те уже перестали разговаривать.

Послышался звук поворачивающегося в замке ключа, и дверь соседней клетки открылась.

— Не приближайся! — гневный крик пленницы резанул по ушам, затем раздался звук удара и болезненный стон, от которого у Мегги свело живот. Они били ведьму. Сколько пройдет времени, прежде чем начнут бить и ее, Мегги?

Лязг цепей, шарканье ног. Очередной удар.

— Бешенная, — раздался брезгливый голос охранника, который сторожил их. — Да откуда в ней столько силы-то? Она ведь уже третий день ничего не ест.

— Жри сам свою отраву, — прохрипела ведьма. — Предпочитаю быть голодной, но в своем уме.

Мегги вздрогнула. Они что-то подмешивали в еду. Теперь она понимала, почему ведьма отказывалась есть.

Ведьму выволокли из клетки, и Мегги увидела засаленные лохмотья чего-то, что когда-то могло быть красивой мантией или плащом. Сопrotивляющуюся пленницу уволокли по коридору, а Мегги так и не увидела ее лица. Возможно никогда и не увидит. Мегги с ужасом подумала, что ведьму увели на казнь. На эту мысль ее натолкнул охранник, который вошел в клетку ведьмы и, судя по звукам, принялся в ней убираться, напевая какую-то фальшивую мелодию.

Тогда-то Мегги и заснула, не в силах больше сражаться со своим изможденным телом. Она смирилась. Будет она спать или нет, все равно ничего не может сделать. Она была вымотана до предела, ей нужна была эта передышка.

Мегги не знала, сколько прошло времени, прежде чем она проснулась. Бодрее она себя точно не чувствовала. Сейчас она чувствовала себя очень старой, просто вселенски старой. Такой же старой, как бабушка, а может еще старее. Тронь — и песок посыпется.

Она нащупала в кармане своего джинсового комбинезона кристаллы соли и сжала их в руках. Те все так же излучали тепло, которое она ощущала рядом с родителями. Мегги так и не смогла понять, почему ее не стали осматривать. Неужели подумали, что ребенок не представляет никакой опасности?

Хотя, если подумать, даже если бы они и нашли в ее карманах кристаллы соли, что изменилось бы? Она все равно никак не могла ими воспользоваться. А если бы и воспользовалась, то единственное, что сделала бы, так это показала бы воспоминания родителей охранникам.

Если бы Мегги была персонажем детского мультика, то охранники прониклись бы симпатией к ее семье и помогли бы ей сбежать.

Запекшаяся кровь снова начала нагреваться, а Мегги истерично рассмеялась. Этот безумный смех перешел в отчаянный вой. Мегги рыдала, захлебываясь воздухом и слезами, пока не поняла, что ее никто не окликает и не требует «заткнуться».

Тогда-то она и поняла, что что-то не так. Утерев слезы подкладкой куртки, она поднялась на ноги и побрела к металлической решетке. Прорези у той были квадратными и достаточно большими, девочка могла свободно просунуть в них голову, но никак не тело.

Что она и сделала, высунувшись по самые плечи в коридор, чтобы рассмотреть его. Решетка соседней камеры все еще была распахнута, а тянувшийся в обе стороны тусклый коридор был пуст.

Мегги нахмурилась, не зная, радоваться ей подобному пренебрежению к ее персоне или же бояться. Она им не важна, как та пленница? Или они думают, что она не может... Мегги вовремя отдернула себя, решив, что больше даже мысленно не будет произносить слово на букву «п» и все его синонимы. Хотя понимала, что в какой-то момент точно провалится — свои мысли контролировать сложно, практически невозможно.

В этот момент на лестнице, по которой ее сюда привели, послышались шаги. Несколько пар ног торопливо спускались по лестнице, и каждый их шаг сопровождался глухим ударом. Мегги сначала испугалась и спряталась в камере, но потом поддавшись любопытству она пристроилась на полу так, чтобы видеть лестницу. Ей оставалось только надеяться, что ее не заметят, а если и заметят, то ничего не предпримут, продолжая относиться к ней, как к ребенку.

На полу было фантастически удобно, а вид открывался просто сказочный. Хотя сказка была сомнительная, а персонажи препротивные. И эти самые персонажи тащили обратно кучу тряпья, которая была женщиной-пленницей-ведьмой. Она повисла на руках двух охранников и едва переставляла ноги, если переставляла их вовсе. Мегги отчетливо видела, как ее голые грязные ступни бились о ступени, пока охранники волокли ее. Опущенная голова и спутанные темные волосы по-прежнему не давали девочке разглядеть ее лица.

Ведьма что-то невнятно бормотала, а охранники кривились и громко пыхтели, словно волоча за собой не женщину, а куль с навозом. Подобного пренебрежения Мегги не могла понять — для нее человек всегда оставался человеком. В ее представлении магические способности, как соль или сахар, делали лучше, но не портили.

Хотя в отношении Вивьены правило не работало. Ее сколько не сахара — лучше не станет, только хуже.

Мегги отмахнулась от мыслей о злобной ведьме и сосредоточила все свое внимание на своей подруге по несчастью. Та вряд ли смогла бы ей чем-нибудь помочь: этой женщине самой нужна была помощь. Мегги заметила чистые повязки на ее запястьях. Она не знала, были они раньше или же нет, но маленькая деталь насторожила девочку, в голове тут же появились сотни мыслей и идей, что они могли делать с ведьмой и почему та сейчас была так слаба и не сопротивлялась.

Голова женщины мотнулась в сторону, и Мегги в изумлении разинула рот. Теперь она видела лицо женщины. Сломанный нос, рассеченная бровь, припухшие губы — все это мешало сложить полную картину.

«Кеторин, — подумала Мегги, изучая лицо пленницы, — эта ведьма очень похожа на Кеторин».

Однако женщина точно не была Кеторин и не была ее сестрой-близнецом. Она была старше, гораздо старше. Их объединяло точно такое же семейное сходство, как и Марту с Мегги. По этому сходству люди, впервые встречавшие их, сразу же понимали, что они члены одной семьи.

Лицо этой женщины было странной мешаниной из черт Кеторин и шрамов. Вроде очень похожий рот, но какой-то не такой: слишком широкий, словно растянутый. Вроде те же очерченные скулы, но лицу ведьмы они не придавали шарма, а скорее подчеркивали болезненную худобу. Синюшный кривой нос и вовсе не имел ничего общего с красивым вздернутым носиком Кеторин.

Мегги никак не могла отделаться от словосочетания «грустное подобие», которое пришло ей на ум при взгляде на женщину, настолько невзрачной она казалась.

Ведьму втащили в ее клетку, и вновь послышался лязг цепей. Охранники заперли ее и, к удивлению Мегги, ушли. Наверное подумали, что в таком состоянии никто из пленниц не представляет для них опасности.

Когда их шаги на лестнице стихли, Мегги слышала слабый голос:

— Девочка, ты спишь? — надсадный кашель превратил последнее слово в едва различимый набор звуков.

Мегги поднялась с пола и подошла к смежной стенке между их темницами, чтобы лучше слышать ведьму. Теперь женщина вызывала у Мегги куда больше интереса, чем раньше.

— Не сплю, — ответила Мегги, и то были первые слова, которые она произнесла за прошедшие сутки. Голос ее звучал так же слабо, как и голос ведьмы.

— Как тебя зовут, девочка?

— Мегги... Мегги Рудбриг.

— А я — Клементина, — Мегги показалось, что в голосе женщины послышалась улыбка. — Я бы сказала, что рада нашему знакомству, если бы обстоятельства были иными, — Клементина вновь закашлялась. — Из какого ты ковена, Мегги?

Мегги села на холодный пол, подтянув куртку под попу, чтобы было чуточку помягче.

— Не из какого. Я не принадлежу никакому ковену. Да я и не ведьма... вроде бы...

— Не ведьма? — удивленно переспросила Клементина. — А они об этом знают? Да уж, связались с кровавыми, так теперь и обычных детей воруют. Интересно наблюдать, как они сами выворачивают наизнанку свои убеждения.

Женщина горько рассмеялась. Смех снова перешел в кашель.

— Вы больны?

Женщина долго молчала, и Мегги уже начала думать, что та уснула или...

— Да. Тяжело больна, но сомневаюсь, что ты вкладываешь в это слово тот же смысл, что и я. Понимаешь, ведьмы не болеют в том смысле, в котором болеют все остальные люди.

— Но моя мама была ведьмой, и она болела, тяжело болела. Я как-то подслушала их с папой разговор, мама тогда говорила, что ей не сможет помочь ни один врач. Они не хотели, чтобы я знала...

— Значит, ты не так проста, — перебила ее Клементина. — Твоя мать была ведьмой-одиночкой? Она использовала кровь, когда колдовала?

— Я не знаю, — робко ответила Мегги, удивившись властности и требовательности, прозвучавшей в голосе ведьмы. — О том, что мама — ведьма, я узнала недавно, когда на нас с сестрой напали. Марта тогда взмахом руки разбила арбалет. И я заставила ее рассказать

мне все. Хоть Марта и говорит, что мама не ведьма, я ей не верю.

— Взмахом руки? — недоверчиво переспросила Клементина. — Ты уверена?

— Абсолютно! — громко воскликнула Мегги, уязвленная тем, что ее слова поставили под сомнения.

— Не кипятись, девочка, — отдернула ее ведьма. — Я просто уточняю. А в тебе магических способностей нет или они не пробудились еще?

Мегги начинала «кипятиться». Она чувствовала себя человеком на допросе, не хватало только яркого света, направленного в лицо, и доброго полицейского, который допрашивал бы ее вместе с Клементиной.

— Не уверена, — нехотя ответила Мегги.

— Не уверена в чем? — напирала Клементина.

— Не уверена, что во мне их нет, — процедила сквозь стиснутые зубы Мегги.

— Что ж... когда Вивьена придет сюда, хотя не факт, что это будет Вивьена, ты должна быть уверена в одном: в тебе нет магии, и никогда не было. И даже, если ты что-то чувствуешь или думаешь, что можешь что-то сделать, не пытайся. Не здесь, — женщина вновь закашлялась. — Ты меня поняла?

— Да.

— Умница. А сейчас я посплю. В этом месте сон — единственное, что еще может скрасить будни.

Раздался лязг цепей, и Мегги поняла, что ведьма поудобнее устроилась на своем тюфяке.

— Как же я хочу, чтобы Марта пришла и забрала меня отсюда, — в сердцах воскликнула девочка.

Ведьма рассмеялась.

— Хорошо, когда есть человек, которому можно всучить роль доблестного героя в доспехах. Надеюсь, когда твоя сестренка придет, ты и за меня попросишь. Моя-то скорее от облегчения выдохнет, чем пойдет меня спасать.

— Вы о Кеторин? Не думаю, что она бросила бы вас в темнице, — произнесла Мегги прежде, чем успела подумать.

Воздух в темнице буквально зазвенел от повисшей тишины. И Мегги начала гадать о том, насколько большую оплошность она совершила. Ведь Клементина вполне могла и не знать никакой Кеторин, мало ли в мире похожих людей.

— Девочка, кто ты такая, черт тебя дерит? И откуда ты знаешь имя моей младшей сестры?

В голосе ведьмы не было злости, лишь удивление и интерес.

— Мегги Рудбриг. А Кеторин... ее можно назвать кем-то вроде подруги моей сестры.

Смех Клементины был похож на карканье ворон.

— Подругой? Серьезно? Вопрос, конечно, глупый, но ты случаем не знакома с моими детьми?

— Джуди? — предположила Мегги, и смех тут же стих.

— Девочка, — проскрежетала Клементина, — если вдруг ты окажешься подсадной уткой, я нашигую тебя яблоками и зажарю на вертеле. Все поняла? Советую выбирать слова и подумать над моим следующим вопросом, прежде чем ответить. Где Джуди? Немедленно отвечай!

Послышался лязг цепей и заковыристые проклятья. Мегги отчего-то подумала, что не

разделяй их стены и решетки, ведьма набросилась бы на нее и возможно даже ударила. Для Мегги, которую никогда в жизни не били, сама мысль о том, что кто-то может поднять на нее руку была пугающей.

— Где моя дочь? Если ты сейчас же не ответишь, я...

— В Рупи, — не дай той договорить перебила Мегги. От открытой угрозы, исходящей от слов Клементины, у нее по спине побежали мурашки. — Меня одну похитили. Они стреляли в мою бабушку. Джуди... она не должна была приходиться заниматься со мной в тот день.

Глаза обожгло слезами, а в носу защипало. Она выпаливала все на одном дыхании, мешая слова со всхлипами, пока в какой-то момент Клементина не остановила её, громко гаркнув и потребовав прекратить.

— Я тебя не совсем поняла. Поэтому, пожалуйста, намотай сопли на кулак и говори по-человечески. Своим воем ты привлечешь сюда охранников и, поверь мне, нам не понравится, если они придут.

Мегги немалых сил стоило совладать с собой. Слезы так и катились из глаз, но она собрала их в кучку и затолкала в самые глубины своей души. Она будет плакать потом, когда окажется дома, и ей ничто не будет угрожать. Ведь Клементина не плакала, а ей было в разы хуже. Значит и Мегги не будет плакать.

— Да уж, девочка, ну и задачку ты мне, конечно, удружила, — как-то отстраненно произнесла Клементина, словно разговаривая сама с собой.

После этого Клементина молчала довольно долго, и Мегги начала думать, что та уснула. Девочка поднялась на ноги и побрела к своему тюфяку. Заняться было практически нечем, а Мегги терпеть не могла бесцельное времяпрепровождение. Она всегда что-то делала. Нахождение в клетке, где единственным развлечением было ходить кругами или квадратами в зависимости от угла поворота или разговаривать с Клементиной, которую Мегги никак не могла причислить к доброжелательным и приятным людям, общение с которыми доставляет удовольствие, было для девочки сущей пыткой.

Мегги рухнула на свой тюфяк, сжимая в руках кристаллы соли. Она решила хотя бы попытаться уснуть, надеясь скоротать время, которое от нее никак не зависело. И уже уплывала в сон, когда услышала тихие слова Клементины:

— Не называй им никаких имен. В этом месте никогда не знаешь, что может быть использовано против тебя.

Женщина зашлась в сильном страшном кашле, а Мегги забылась тяжелым сном без сновидений.

Глава 39. Потрошитель рыб

Шестеренки в мозгу Кеторин работали с бешеной скоростью. Она пыталась сложить для себя картину и объяснить увиденное. От барьера, защищающего дом Рудбригов, не осталось и следа, его разрушили подчистую. Некоторые факты были для нее предельно ясны, но целая картина на складывалась. Охотники связались с кровавой ведьмой — и не обычной рядовой девчонкой. Им помогал кто-то из Старейшин города Кровавых Вод. Обычная ведьма не сумела бы быстро уничтожить барьер подобного уровня. В том, что действовали быстро, Кеторин нисколько не сомневалась, как и в том, что у ведьмы, снявшей барьер, была кровь кого-то из Рудбригов в достаточном количестве, чтобы снять барьер.

Кеторин не понимала: зачем снимать барьер, если у вас есть кровь для беспрепятственного проникновения? Возможно подобные действия и несли какой-то скрытый намек, но Кеторин чудилось лишь расточительство и бахвальство.

«Глупое хвастовство, — подумала она, сжимая в руках руль, — жаль, что все Старейшины этого маленького королевства склонны к подобному».

Она обернулась через плечо и посмотрела на Марту, которая таким же неверящим взглядом смотрела на дом и разрушенный барьер.

«А ведь девчонка считала его неприступным, — с грустью подумала Кеторин. — Как самонадеянно с нашей стороны!»

Теперь Кеторин корила себя, что не додумалась установить дополнительный барьер на дом. Она всегда считала, что умеет перестраховываться. Потому-то и накинула на Мегги покров на случай, если кто-то будет ее искать. Даже вплела в него защиту, чтобы никто не смог разглядеть магические дарования девочки. Умно. Тогда ей действительно казалось, что она поступила умно.

Вот только ошибка колола глаза — она не подумала, что девочку уже нашли. Чтобы она там не говорила про Люцио, в глубине души она поверила, что частично избавилась от проблемы, отправив мужчину на тот свет. Самонадеянно — ничего не скажешь.

Кеторин все ждала, что Марта поймет, что все происходит по ее вине, и начнет упрекать ведьму, но та впала в апатию и за всю дорогу ни слова не проронила. Кеторин то и дело ловила в зеркале заднего вида растоптанную девчонку, которая смотрела на экран телефона. Ей было паршиво. Свою вину она осознавала так же точно, как и то, что барьер перед ними больше не мог защитить жителей дома: его даже не получится восстановить.

«Надо было и Мегги забирать с собой».

— Идите в дом, — обратилась она к Марте с Коулом. — Вам нужно отдохнуть.

Марта перевела взгляд на ведьму и удивленно вскинула брови.

— Зачем? Нам нужно ехать к Джослин и...

— Я разберусь с этим сама, — перебила ее Кеторин. — А тебе нужно поговорить с отцом и навестить бабушку. И, наверное, поговорить с полицейскими — возможно похитители попали на какие-нибудь камеры. Это значительно упростило бы нам работу. К тому же посмотри на Коула — он все еще похож на тухлый лист салата. Да и ты выглядишь не лучше.

Коул только хмыкнул, а Марта начала отчаянно протестовать, мол, надо действовать немедленно, но Кеторин умело свернула ее препирательства. На самом деле она хотела сбегать девушку хоть на время — ей нужно было составить план, а Марта — триггер для

чувства вины — не лучший помощник в этом случае. После довольно долгих словесных баталий Кеторин все-таки высадила их и уехала, пока Марта не продолжила дальше уговаривать ее.

Кеторин петляла по заснеженным улочкам Рупи, ощущая на себе хмурый взгляд Роя. Племянник буквально буравил ее своими глазами, которые были очень похожи на глаза Люциана, и это злило. Малышка Джуди хоть и была близняшкой Роя, но с отцом своим имела довольно отдаленное сходство и потому не так сильно влияла на Кеторин и ее большие мысли.

— Что? — все-таки не выдержала и спросила ведьма, поглядывая на Роя уголком глаза. Она старалась не пускать недовольства в свой голос.

Но племянник молчал, буравя Кеторин своими глазками.

— Рой, если ты хочешь поговорить, то говори. Я не понимаю языка взглядов, — едко ответила Кеторин. Она понимала, что временами ведет себя, как полная сука, перенося свою агрессию с Люциана на его сына. Умом понимала, но где-то между умом и языком связь терялась, и она вываливала на мальчика тонны грязи.

— Если тебе хочется на что-то смотреть, смотри на город. Рупи — довольно симпатичный городок.

Надувшись, Рой отвернулся и принялся изучать местность. Рупи был типичным маленьким городком, и для Кеторин такие утопающие в снегу городки были все на одно лицо. Она проехала мимо академии «Мария-Роза», чуть не врезавшись в огромный ярко-красный автодом, чуть не задев его зеркалом. Машина была припаркована так убого, что вся ее задняя часть буквально занимала половину полосы. Кеторин тихо выругалась сквозь зубы. Было бы у нее время, она бы непременно вышла из машины и повздорила с нерадивым парковщиком — сейчас у нее было как раз такое настроение. Но скатываться до подобного в присутствии племянника она не собиралась.

Вырулив на узкую улочку и петляя между домами, она направилась напрямик к «Ведьминой Обители». Кеторин припарковалась на общественной парковке и, всучив Рою вещи, поспешила к своему дому-бару. Возле главного входа была навалена огромная куча снега, и Кеторин даже не стала пытаться пробраться через нее. Обогнув обитель, она поспешила к черному входу. Тут снега было значительно меньше, хотя и дураку было бы понятно, что «Ведмину обитель» не посещали и не покидали несколько дней.

Кеторин пришлось приложить немало усилий, чтобы сначала пробраться по снегу к двери, а потом еще столько же, чтобы открыть ее. И почему она только не перевесила дверь, чтобы та открывалась во внутрь? Тогда проблем было бы значительно меньше.

Порядком взмокнув в зимней одежде, Кеторин наконец забралась в свою маленькую темную кладовку, невольно притащив с собой такое количество снега, что хватило бы на маленького снеговика. Рой вместе с вещами последовал за ней, добавив немалое количество снега на порог.

«Теперь мы сможем слепить еще и подружку для снеговика, — усмехнулась про себя Кеторин, осматривая стремительно превращающийся в лужи снег, — или не сможем».

Она показала Рою, куда скинуть вещи и, найдя лопату, больше похожую на совок для детей великанов, протянула его Рою.

Парень непонимающе нахмурился, переводя взгляд с лопаты на Кеторин и обратно.

— Зачем?.. — начал было он, но Кеторин не дала ему договорить и мило улыбнулась.

— В моем доме никто не останется без дела. Так что, мой маленький волшебник, бери

свою лопату и иди творить магию. Черный вход, главный вход, а еще весь снег с дорожек. Раз уж твоя маленькая сестренка не смогла справиться с такой простой задачей, ты должен ей помочь.

— Я должен поговорить с Джуди, — покачал головой Рой.

— Поговоришь, когда закончишь чистить снег.

— Но...

— Никаких «но», Рой. Снег твой лучший друг и товарищ на ближайший час.

— Вы с мамой так похожи, что аж зубы сводит, — буркнул Рой, выхватив у Кеторин лопату.

Ноздри Кеторин раздулись от возмущения.

— Еще раз услышу нечто подобное — отправлю в Шарпу пешим драпом, без монетки в кармане. Ясно?

Рой нервно сглотнул и кивнул. На его щеках проступили красные пятна. Кеторин не стала гадать, от смущения они или от гнева. Развернувшись на каблуках, она вошла в главный зал «Ведьминой обители». В том, что за время ее отсутствия в баре ни разу не убирались, Кеторин не сомневалась, но все-таки с толикой надежды провела пальцем по ближайшему столу и брезгливо поморщилась, встретившись с пылью.

— Когда-нибудь кто-то непременно сравнит тебя с ведром гербицидов — и будет прав! — пожурела себя Кеторин.

В главном зале Джуди не оказалось, и Кеторин, начиная опасаться, отправилась на поиски племянницы в жилые помещения «Ведьминой обители». Минуя бар, она проскользнула в коридор, прятавшийся за ним. Коридор был узким и тускло освещенным, с одной единственной дверью, ведущей на кухню, и лестницей, поднявшись по которой, можно было попасть в квартиру Кеторин.

— Свет горит, значит дома кто-то есть, — фальшиво пропела себе под нос Кеторин и принялась подниматься по лестнице.

Изначально в планах церкви никакой квартиры не было. На втором этаже располагались только кабинет пастора и несколько складских помещений, в которых хранилась всякая рухлядь. Но умелые рабочие и кувалды создали большое свободное пространство, которое Кеторин превратила в свою квартиру-студию. Небольшая, конечно, но для Кеторин, которая до недавних пор жила одна, студии было вполне достаточно.

Кеторин открыла тяжелую дверь в конце лестницы и вошла в свою квартиру. Полы здесь, как и везде в «ведьминой обители», были деревянные. А стены... что ж, их можно было описать выражением «взрыв на фабрике красок». Деревянные панели, которыми изначально были обшиты стены, Кеторин самолично зачистила и раскрасила в соответствии со своим тогдашним настроением. Что было на ее душе в тот момент, она уже не помнила. Наверное, ей было очень паршиво, раз она решилась на подобный эксперимент — сейчас Кеторин ни за что не стала бы делать ничего подобного.

Возможно потом, когда все это закончится, она сделает ремонт и превратит свою маленькую студию в нечто менее кричащее и более подходящее женщине ее возраста. Кеторин мысленно содрогнулась, припомнив несчастную дату, и постаралась ее поскорее забыть. Приятно, когда снаружи ты выглядишь хорошо, в то время как внутри уже давно песок пересыпается.

Джуди она нашла сразу же. Сложно было ее не найти, когда в комнате нет ни одного места, где можно было бы спрятаться. Под кровать не залезешь, в шкафу от одежды Кеторин

— не протолкнуться. Так что Джуди заняла единственную позицию, притаившись за спинкой дивана.

— Выходи, — приказала Кеторин, буравя взглядом макушку племянницы, которая торчала над невысокой грядущкой. — Это всего лишь я.

Джуди вскочила на ноги. Лицо у нее было бледное, осунувшееся. А глаза, как у оленя: такие же большие и перепуганные. Сейчас она была куда больше похожа на маленького ребенка, чем обычно. И Кеторин даже порадовалась, что взяла Роя с собой. Теперь нужно решить, как отправить их обоих в Шарпу и не нарваться на вековую обиду.

— Я услышала шорохи внизу и испугалась, — выдохнула Джуди и, перебравшись через спинку, села на диван.

— И не нашла ничего лучше, как спрятаться за диваном, — хмыкнула Кеторин и прошла вглубь комнаты, направляясь в ванную. Ей очень хотелось искупаться после долгой дороги и, возможно, вздремнуть пару часов, а потом уже со свежей головой взяться за Мегги и ее поиски.

— У меня не было времени, — надулась Джуди.

Кеторин устало вздохнула. И в кого ее племянники такие глупые? Вот вроде бы Люциан всегда был умным и даже хитрым, да и Клем... Кеторин отмахнулась от сестры, как от злобной гадюки и, повернувшись к Джуди, принялась разяснять той простые истины:

— У тебя было предостаточно времени на то, чтобы активировать на двери защитный барьер. А пока охотники бились бы в нее, ты могла бы забаррикадировать окна и закрыться в этой комнате на ближайшее десятилетие, — подумав о том, что охотники вполне могли бы поджечь обитель, Кеторин исправилась, — или выбраться через них. Вокруг церкви столько снега, что ты не разбилась бы, спрыгнув со второго этажа. Но ты спряталась за диваном. Мои орации, Джуди! Надеюсь, теперь ты понимаешь, почему я все время говорю, что тебе лучше вернуться домой?

Джуди поджала губы и надулась пуще прежнего. А на глаза навернулись слезы.

Кеторин щелкнула языком и, распахнув двери шкафа, принялась искать, во что переодеться.

— Не пытайся меня разжалобить. Я не Люциан и на твои слезы не куплюсь. Ты — будущая глава ковена. Научись думать головой до того, как тебе ее отрежут, — Кеторин достала вещи и захлопнула дверцу шкафа. — Кстати, где ты была, когда девочку похитили? Разве я не просила за ней присматривать?

Джуди потупила взгляд и не торопилась отвечать. Она скрестила руки на груди, словно готовясь защищаться или обороняться.

— Джуди, я жду ответа, — спокойно произнесла Кеторин, привалившись плечом к дверце шкафа. — Ты проглотила язык? Или разучилась разговаривать с людьми, как Рой?

— Рой умеет разговаривать! — тут же вспылила девушка и обожгла Кеторин злым взглядом.

— Как и ты, поэтому отвечай.

— На свидании! — скорее выплюнула, чем произнесла Джуди.

Глаза Кеторин округлились.

— Серьезно?

Джуди кивнула.

— Что ж... теперь я понимаю, почему Брунгильда хотела тебя высечь, и даже поддерживаю ее. Давно мы с ней во взглядах не сходились.

— Брунгильда — злобная тиранша! — воскликнула Джуди, вскочив на ноги.

— Отчасти ты права, ее методы довольно радикальны, но не тебе ее осуждать. Проживешь хотя бы половину из того, что выпало на ее долю, и тогда я посмотрю, что ты скажешь, — хмыкнула Кеторин. — А пока что ты ведешь себя, как глупая девчонка, которая наплевала на поставленную задачу из-за какого-то мало-мальски симпатичного парня. Ты хочешь, чтобы с твоим мнением считались. Хочешь, чтобы тебе доверяли и к тебе прислушивались. Вот только как доверить тебе целый ковен, когда ты не смогла защитить одну маленькую девочку?

Под конец Кеторин чуть ли не кричала, а Джуди сжалась и снова села на диван. Женщина буквально хлестала девочку словами не хуже, чем розгами. И в каждом ее слове была правда. Вот только эта правда относилась и к Кеторин. Ведь она доверилась племяннице и не уберегла маленькую ведьмочку. А еще поймала себя на мысли, что практически слово в слово цитирует Брунгильду, ведь именно та однажды уговорила ее поступиться собственной гордостью ради великих целей.

На душе стало совсем погано.

— Я в душ, — буркнула Кеторин и скрылась в ванной, громко хлопнув дверью.

Из-за стены до нее донеслись громкие рыдания племянницы.

— Молодец, — зло похвалила себя Кеторин, крутанув вентиль горячей воды, — довела подростка. Что дальше, пойдешь пугать грудничков? Вот поэтому тебя и не благословили детьми — потому что ты злобная химера, которая не вырастит ребенка, а лишь поломаст ему всю психику.

Коул последовал за Мартой в дом. Его все еще немного шатало, но в целом чувствовал он себя неплохо для человека, отходящего от тяжелой болезни. Он был даже рад оказаться за пределами машины. Всю дорогу Кеторин гнала, как умалишенная — малость ослабевший Коул и его бунтующий желудок не оценили подобных гонок. Каждый раз, когда женщина шла на обгон, он начинал молиться — чаще про себя, но иногда даже шепотом. Так что теперь, ощущая твердую почву под ногами, он чувствовал себя даже более живым, чем раньше.

Марта шла впереди и тяжело пыхтела, как закипающий чайник, нервно теребя молнию на куртке. Стоило им войти в дом, как она сорвала верхнюю одежду с себя и бросила на пол.

Ей явно не нравилось, что Кеторин отправила ее домой, и она выплескивала свое недовольство незначительной и бессмысленной агрессией по отношению к предметам: хлопнула дверью, запулила обовью в сторону кухни. Коулу начало казаться, что, будь у нее под рукой что-нибудь тяжелое — скажем, бита — и она пошла бы громить собственный дом.

И причиной была никто иная как Кеторин. Та ведь ее даже слушать не стала. Коулу со стороны показалось, что эти двое похожи на мать и дочь. То, как Кеторин отмахнулась от Марты и ее чувств, напомнило Коулу, как в детстве от него точно так же отмахивались родители, когда он вел себя чересчур эмоционально и необоснованно. Сейчас-то он понимал, что тогда вел себя, как человек, которому самое место в лечебнице для душевнобольных, но тогда ему казалось, что родители не считаются с ним и это им давно пора в лечебницу. Вот и Марта похоже считала, что Кеторин смахнула ее с доски, как ненужную фигуру, и пойдет действовать сама.

Вот только наблюдать со стороны, как Марта бесится, было несколько не забавно. Скорее страшно. Ведь Марте, чтобы выместить на ком-то свою злость, не нужна бита — у

нее есть магия. Если девушка не совладает с собой и своими чувствами, Коул боялся даже представить последствия...

В том, как Марта переживала из-за пренебрежения Кеторин, было нечто забавное, ведь Коул понимал, что Марта точно так же, как и Кеторин в этой ситуации, ни в грош не ставила своего отца: он видел, что она ни на секунду не задумывалась о том, что происходило с мистером Рудбригом. Она даже не ответила на его сообщение! Не подумала позвонить! Всю дорогу сидела и смотрела только на фотографию сестры на заставке.

Этого Коул не мог понять, да и понимать не собирался. Отношения, сложившиеся между Мартой и ее отцом, казались ему не просто странными — они были абсурдными. Однако не было похоже, чтобы они когда-то разругались. Нет, эти двое словно были чужими людьми — попутчиками в автобусе, а не членами одной семьи.

Продолжая пыхтеть, как паровоз, и то и дело сжимая и разжимая кулаки, обтянутые кожаными перчатками, Марта прошла в гостиную и плюхнулась на диван, недовольно сложив руки на груди. Коул, ведомый браслетом, последовал за ней. В гостиной никто не прибрался, и Коул прекрасно увидел огромное кровавое пятно на светлом ковре, разбросанные по полу подушки и плед, дырку от пули на каминной кладке. Гостиная выглядела так, словно по ней прошелся маленький ураган с эпицентром на ковре.

Марта все это тоже видела. Девушка переводила взгляд с ковра на сколотую кирпичную кладку — туда и обратно — и с каждым кругом недовольство медленно сползало с ее лица, сменяясь ужасом. Она стала бледнее мела и, в сочетании с короткими светлыми волосами, казалась призраком.

Коул занял кресло напротив нее и спокойно произнес:

— Послушай. Я думаю, тебе стоит успокоиться. Не стоит ничего предпринимать сгоряча. Можешь представить, как мне это не нравится, но сейчас я полностью согласен с Кеторин.

— Успокоиться? — Марта оторвала взгляд от засохшей крови на ковре и посмотрела на Коула. — Я абсолютно спокойна.

Ее голос был холодным и каким-то неживым. Таким голосом и с такими интонациями вполне мог говорить призрак. Да и нервно дергающийся уголок глаза не был признаком спокойствия. Коулу были знакомы и этот пустой взгляд, и этот мертвый голос: он чувствовал себя так же после смерти Ады. И еще он знал, что за апатией, смешанной с ужасом, когда еще толком не понимаешь, что и как произошло — последует гнев. Гнев и необдуманные поступки. А Марта была явно склонна и к тому, и к другому.

— Охотники не убивают детей, — попытался успокоить ее Коул, и в награду за свою попытку получил гневный испепеляющий взгляд. Будь у нее сейчас под рукой нечто посущественнее подушки, она непременно запулила бы ему в голову, а так лишь сжала край той в кулаке.

— С чего ты решил, что это должно меня успокоить? Не убивают детей? Серьезно? Те люди, которые требовали от тебя голову ведьмы, как членский взнос? Те, кто ранили пожилую женщину? Они стреляли в нее! — Марта махнула рукой в сторону кровавого пятна, переходя на крик. — Те, кто подсунули тебя яд, внушая, что это ради благой цели?

Марта вскочила на ноги. Она тяжело дышала и буравила Коула взглядом. Ее зеленые глаза буквально светились изнутри праведным гневом. Гневом, который Коул полностью понимал. Но мысленно подбирал слова, способные утихомирить ее.

— Сядь, пожалуйста, — спокойно попросил Коул, краем сознания ловя себя на том, что

копирует манеру, в которой с ним разговаривал учитель тогда, когда Коул был не в себе от горя и гнева.

Марта нахмурилась.

— Не строй из себя праведника. Во всем происходящем виноват ты, и ты обязан мне помочь.

В ее словах была правда, но лишь отчасти. Не Коул, так кто-нибудь другой появился бы на ее пороге. Да и не Коул похитил девочку. Вот только если бы не Коул, то Марта была бы здесь в этот момент. И ей хватило бы сил на то, чтобы защитить свою сестру. В этом он не сомневался.

— Ты же знаешь, куда ее могли отвезти? — не вопрос, скорее утверждение.

Коул устало покачал головой.

— У охотников много баз. Я не посвященный, Марта, я не знаю их все. А уж те, в которых мы бывали с учителем, можно по пальцем одной руки пересчитать и...

Марта рассмеялась надорванным истеричным смехом, швырнув подушку на пол. В уголках ее глаз блеснули слезы.

— Удивительно. Я согласилась связать с тобой свою жизнь, чтобы ты не умер, — она шмыгнула носом. — А ты отказываешься мне помочь. Я много прошу? Жизнь маленькой девочки для тебя ничего не значит? Коул, черт возьми, она относилась к тебе по-доброму, когда я тебя презирала!

— Марта, я же объясняю...

— Катись ко всем чертям, Коул Томсон! — крикнула она и, расстегнув браслет на своем запястье, запулила им в Коула. Движения были резкими, дергаными. Она даже не заметила, как порвала перчатку.

— Марта! Да послушай же ты! — Коул тоже вскочил на ноги.

— Уходи! — прошипела она сквозь зубы.

— О! Ты приказываешь мне уйти? — спросил он, скрестив руки на груди. — Что еще пожелаешь, моя госпожа?

Марта утерла рукой в порванной перчатке слезы с щек и зло улыбнулась. От такой улыбки Коулу стало не по себе.

— Я не приказываю. Мне плевать на тебя, — она взмахнула рукой, и Коул увидел маленькое черное пятнышко, проступившее на открывшейся коже запястья. Похожая темнота разлилась и на ее шее, рваными краями заползая на лицо. — Можешь идти, куда хочешь. Возвращаться к своим охотникам и таскать им головы ведьм, словно собака косточку. Только передай им, что я стану их ночным кошмаром. Найду их и не оставлю ни камня на камне от их грязных баз.

Она развернулась и вылетела из гостиной. Марта взбежала вверх по лестнице, и Коул по привычке последовал за ней, еще не осознав, что браслет их больше не связывает. Подъем по лестнице дался ему тяжело, внутри у него все словно шумело. Когда он достиг верхних ступеней, Марта уже была у подножья лестницы, ведущей на чердак. Борясь с дурнотой, Коул поспешил за ней.

— Марта, да подожди же ты! Давай поговорим по-человечески! Ты ведешь себя неразумно!

Но Марта наградила его еще одним испепеляющим взглядом и захлопнула дверь перед его носом. Коул еще попытался до нее достучаться, но Марта включила воду и продолжила его игнорировать.

— Ну и дура! — крикнул он ей и пошел вниз.

Уходить он никуда не собирался. Не после того, как на него вылили ушат грязи и даже не дали оправдаться. Он спустился вниз и принялся ходить вдоль книжных полок в гостиной, хотя книжными их можно было назвать лишь отчасти. На них пылились книги, но так же на них пылились альбомы, диски и кассеты в бумажных коробочках, фотографии в рамках и всякие сувенирные мелочи.

Мысленно обдумывая речь, которой он поставит Марту на место, Коул рассеянно изучал содержимое полок. Фотографий было много. Невысокая светловолосая женщина в цветастом платье до колен и соломенной шляпке смотрела в объектив, трогательно улыбаясь, и была никем иным, как Террой Грабс, матерью Марты. Отринув свое предвзятое мнение, Коулу пришлось признать, что эта женщина производит теплое впечатление. Удивительно даже, как женщина с такой доброй улыбкой могла воспитать такую вредную колючку, как Марта.

На следующем снимке, попавшемся Коулу на глаза, была запечатлена Марта. Он узнал ее по вечно недовольному выражению лица. Этот взгляд смотрелся довольно комично на пухленьком личике маленькой девочки, да и пышное розовое платье казалось неуместным. Были там и фотографии Мегги, сделанные в разные временные промежутки.

Фотографии маленькой леди всколыхнули в нем чувство вины, напрочь разрушив весь уничтожительный монолог, который он успел составить для Марты. Коул взял в руки фотографию, с которой на него смотрела Мегги, которую он знал. С пышной косой-короной, уложенной вокруг головы, с открытым серьезным взглядом и такой же доброй улыбкой, как у ее матери.

Маленькая леди не заслуживала ничего из того, что могло бы с ней произойти в плену у охотников. И Коул никак не мог понять, с какой целью ее похитили. И похитили ли... Возможно девочку уже убили, и Коул подвергнет Марту опасности, зазря приведя ее к охотникам.

Входная дверь хлопнула, и Коул поспешил проверить, кто пришел. В незашторенное окошко на входной двери Коул увидел, как Марта садится в желтое такси и уезжает, даже не обернувшись.

Коул громко и смачно выругался: за своими сожалениями и планами он упустил возможность вразумить взбаламутившуюся ведьму, и ему оставалось только гадать, куда она отправилась и вернется ли.

Без малейшего зазрения совести он пошел на кухню и совершил набег на холодильник, мысленно высказывая Марте все, что он о ней думает. В выражениях он не стеснялся, как и не стеснялся, поедая копченые колбаски и запивая их горячим чаем. Он даже думал о том, чтобы осквернить их кухню еще больше, сварив супчик, но, не найдя в холодильнике ничего, кроме яиц, молока и колбасы, вернулся в гостиную с чашечкой чая.

Заняться Коулу было нечем, поэтому, выбрав на полке диск подписанный от руки «Третье Рождество», он включил видеопроигрыватель и вместе с чаем и пультом вальяжно развалился на диване.

«Третье Рождество» оказалось ничем иным, как семейной хроникой. Он понял это по черному экрану и женскому голосу, доносившемуся через динамики.

— Я не понимаю! Показывает, что съемка идет, но экранчик темный.

Раздался смех, всколыхнувший детские воспоминания Коула и заставивший его подавиться чаем.

— Да уж, Терра, ты совсем далека от техники. Снимите крышечку с объектива, госпожа

ведьма.

Послышалось шуршание и мелодичный напев «так-так-так-ага-сюда-вот-и-получилось». В кадре появился деревянный пол.

— Терра, у тебя потрясающий голос. Скажи, ты его как сирена заманивала в свою постель? Ой, да не смотри ты на меня так, взглядом дырку просверлишь. Марта, твоя мать когда-нибудь меня проклянет!

Детский залиvistый смех — и вот картинка резко меняется. Коул во все глаза уставился на брата, появившегося на экране. Чарли задорно улыбался в камеру и щекотал светловолосую малышку в зеленом костюмчике эльфа. Та крутилась у него на руках и заливалась смехом.

— Осторожнее, ты ее уронишь! — воскликнула Терра из-за кадра.

Чарли тут же прекратил щекотать Марту и взял ее устойчивее, перехватив обеими руками и прижав спиной к груди.

— Ни за что на свете! — серьезно произнес он, а затем вновь рассмеялся.

— Чарли, ты невыносим! — воскликнула женщина. Камера в ее руках дрожала, и картинка постоянно плыла.

Марта тоже перестала смеяться и серьезно посмотрела в камеру — точнее на мать за камерой — а потом перевела взгляд на Чарли. Ей пришлось сильно запрокинуть голову, чтобы заглянуть в лицо державшего ее мужчины, и зеленый колпак слетел с ее головы.

— Чарли вы-но-сим? Куда вы-но-сим? Зачем?

Нахмуренные брови делали выражение лица девочки даже комичным, но это Коул заметил лишь краем сознания. Все его внимание было сосредоточено на Чарли. Коул помнил брата взрослым и статным — еще бы, ведь когда Коул с Адой родились, брат уже давно вырос — но с экрана на него смотрел молодой мужчина, чем-то отдаленно похожий на самого Коула. Веселый и счастливый мужчина, который действительно был другом этой семьи.

Коула прошиб озноб.

— Никуда-никуда, я всегда буду здесь ради тебя, моя принцесса, — ответил ей Чарли и вновь принялся щекотать Марту, и та снова рассмеялась.

— Сомневаюсь, что Сьюз это одобрит, — хмыкнула Терра и положила камеру на стол. Лицо Чарли пропало из кадра, и теперь там появились крохотные подрагивающую ножки Марты в полосатых рождественских носках и живот брата.

— Думаю, однажды она смирится и перестанет дуться. Тем более, что повод глупый. Да она и сама понимает, что нелепо обижаться на подружку невесты, которая необдуманно решила родить раньше срока, — в голосе Чарли слышалась такая знакомая Коулу усмешка.

— Мне жаль... — с тоской в голосе произнесла Терра.

— Не забивай себе голову, ведьмочка. Если бы я накручивал себя каждый раз, когда Сьюзи ведет себя не совсем адекватно, то мы никогда бы не поженились.

— И где она проводит Рождество?

— С моими родителями. Рассказывает им, какой у них неблагодарный сын...

— Это неправильно! Ты же сказал, что она отпустила тебя.

— Ну да, сказала «скатертью дорожка, любимый! Когда ты вернёшься, я поменяю замки!», а их давно уже нужно было поменять. Она прошлым летом поругалась с соседкой, и та набила спичек в нашу замочную скважину. Замок, конечно, почистили, но он постоянно заедает.

— Я думаю, она имела в виду не это...

— Не переживай, Терра, я знаю, что творится в голове моей жены. Кстати, что с камерой? Она работает?

Чарли нагнулся и вновь появился в кадре вместе с маленькой Мартой. Коулу было немного странно смотреть на такую Марту: словно видишь другого человека. Чарли взял камеру в руки, последовала смазанная карусель, и на экране предстала Терра Грабс, очень похожая на Марту, если ту хорошенько откормить. Она была маленькая и округлая, совершенно не похожая на снимок на книжной полке. Эта Терра с грустью смотрела на брата Коула.

— Чарли, может тебе стоит вернуться и встретить Рождество со Сьюз? Я думаю, тогда вы помиретесь и...

— Поверь мне на слово, если я приеду, то только испорчу праздник нам обоим. Мы поругаемся еще больше, поутру вместо рождественского подарка я найду свои любимые туфли, залитые медом, — Чарли рассмеялся, наверное, от того, насколько кислым в этот момент стало выражение лица Терры.

— Почему я не удивлена? — спросила Терра и сокрушенно покачала головой.

— Потому что это Сьюзи, и мы все знаем, какие методы она использует.

Камера в руках Чарли задрожала, и он воскликнул:

— Не трогай ее, Марта! Пошли лучше снимем, как твой папа украшает елку.

— Папа! — восторженно и очень громко крикнула Марта, и Коул посочувствовал ушным перепонкам брата.

А дальше Чарли поставил камеру на паузу, потому что уже в следующем кадре молодой Алистер Рудбриг сидел на полу возле огромной елки и раскручивал длинную гирлянду, а маленькая Марта ходила вокруг него кругами, то и дело плюхаясь на пухлую попку, которая явно перевешивала ее. Коул как-то отстраненно отметил, что все происходило на том же самом ковре, который сейчас, словно укор ему, был заляпан засохшей кровью.

— Скажи-ка, Али, мой добрый друг, по каким критериям ты будешь выбирать мужа для своей дочери? — полный смеха голос Чарли донесся из-за кадра.

— Прекрати вести себя, как дурак, — ответил Алистер, не отрываясь от своего занятия. В это время Марта взяла ёлочную игрушку, Коулу показалось олененка — хотя видео было не таким четким, чтобы он мог точно разобрать маленькую игрушку, — и повесила на нижнюю ветку — ту, до которой могла дотянуться.

— Дурак? Дурак?! О дружище, ты ранишь меня в самое сердце. Терра, ты его слышала? Наш праведник произнес самое близкое к матерной брани слово. Терра, ты плохо на него влияешь! — заливался Чарли, и Коул даже смог представить, каким было выражение лица брата в тот момент. — О Алистер, тебе нужно помыть язык с мылом!

Алистер обжег друга гневным взглядом, продолжая раскручивать неподдающуюся гирлянду.

— Знаешь, что?

— Что? — Коул вспомнил, как брат умел скидывать лишь одну правую бровь, и это придавало его лицу игриво-выжидающее выражение, словно он уже обдумывал свой следующий комментарий и уверен в том, что он будет самым остроумным. Скорее всего, в тот момент Чарли именно так скидывал бровь и кривил губы в ухмылке.

— Я решил, что отдам ее любому, кто не будет тобой и не будет иметь к тебе никакого отношения, — Коулу показалось, что, несмотря на серьезное выражение лица Алистера, в

глазах его мелькнули смешинки.

— О нет! — театрально воскликнул Чарли, и камера в его руках задрожала. — Что же мне делать? Как я скажу Сьюзи, что ей придется искать для нашего сына новую невесту? Она же меня со свету сживет.

— У Чарли есть сын? — спросила Марта, которая уже успела повесить на елку с десяток игрушек, но все на одну ветку. — У меня есть братик?

— Нет, Тучка, — ответил Алистер и потрепал дочку по волосам. — У Чарли нет детей.

— Но когда-нибудь будут, — запротестовал Чарли. — Марта, ты же выйдешь замуж за моего сына?

Девочка хмуро посмотрела в камеру и серьезно ответила:

— Нет.

— Ну что за семейка? — воскликнул Чарли и перевел камеру на себя. Лицо его оказалось слишком близко камере и появилось на экране телевизора не полностью. Чарли погрозил пальцем. — Марта, записываю это послание для взрослой тебя. Ты жестокая женщина! Как ты могла разбить сердце моему нерожденному сыну. Одумайся, женщина! Ты не найдешь себе лучшую партию!

Глаза Коула защипало, а в носу стало щекотно. Он нажал на паузу. Смотреть дальше было выше его сил. Дышать было тяжело. Казалось, воздух застрекает в его легких, а сердце тяжелым камнем бьется о ребра изнутри, готовясь проломить их.

«Чарли».

Весельчак Чарли. Коул помнил его. Он помнил старшего брата, которого любил, но который был далек от него. Он помнил и Сьюзи — женщину, которая ему никогда не нравилась, но женщину, которую его брат любил, не смотря ни на что.

Чарли, который был другом Алистера Рудбрига — Коул не знал. Чарли, мечтающего о сыне, — он тоже не знал. Чарли, ругающийся со Сьюзи, оставался загадкой не только для Коула, но и для его друзей.

И именно этот Чарли сейчас с укором смотрел с экрана телевизора. Он смотрел на Марту, которая не вышла замуж за его сына и не одумалась, потому что менять свое мнение было попросту не о чем. Никакого мальчика, сына Чарли Томсона, не существовало. Потому что Коул знал: пройдет еще каких-то пару лет, и Сьюзи, которая могла бы родить этого мальчика, как и Чарли, без которого зачатие было бы невозможно, — не станет.

Во взгляде, с которым Чарли смотрел с экрана, Коулу виделся укор, вот только бывшему охотнику чудилось, что укор был направлен на него, а не на Марту. Ему даже казалось, что он слышит слова брата.

«О, Коул! Братец, ну как так можно? Ты разбиваешь мне сердце! Одумайся, пока не поздно!»

Что-то подобное мог бы сказать Чарли со своей вздернутой бровью, хотя Коул и понимал, что брат вполне мог бы выбрать какие-нибудь другие — искрометные — формулировки.

Входная дверь хлопнула, и Коул вскочил на ноги и пошел в коридор, несмотря на накотившую тошноту. Он поговорит с Мартой и вразумит ее. Подберет правильные слова...

Вот только в коридоре его ждала не Марта.

Алистер Рудбриг сидел на мягкой скамейке у входа и невидящим взглядом смотрел перед собой, закинув ногу на ногу, так и застыв с недоконца расшнурованным ботинком. И это был не тот мужчина, за которым Коул следил месяц назад — уже не молодой, но

сильный и уверенный в себе и в завтрашнем дне. И уж тем более не тот серьезный молодой мужчина со смешинкой во взгляде.

Алистер Рудбриг, которого сейчас видел Коул, был смертельно больным стариком, который утратил надежду на выздоровление. И Коулу казалось, что эту надежду у него украл он.

— Мистер Рудбриг, — тихо позвал он, и Алистер вздрогнул.

Он перевел взгляд со стены на Коула и вымученно улыбнулся.

— Так и думал, что ты здесь.

— Почему?

— Марта написала, — пожал плечами Алистер и наконец расшнуровал ботинок до конца. — Она, конечно, тебя не упомянула, но я давно уже научился из коротких сообщений по типу «у бабушки» — выжимать максимум информации.

— Как вы? — неуверенно спросил Коул, осознавая, каким будет ответ.

— Паршиво. Никогда не думал, что мне придется пройти через подобное снова. Коул, не хочешь выпить? Выглядишь ты тоже не очень хорошо.

Коул кивнул. Его уже давно посещали мысли о том, чтобы напиться вдрызг. Однако, он сомневался, что его представление о «выпить» и представление Алистера Рудбрига сходились хоть немного. Его сомнения подтвердились в тот момент, когда мистер Рудбриг достал бутылку игристого вина.

На немой полный удивления вопрос Коула Алистер лишь пожал плечами:

— Обычно я не пью. Да и вкус алкоголя не особо люблю. Что до этой бутылки — ее я купил на Рождество, чисто символически. Марта тоже не пьет. Если бы все было, как обычно, то вино выпила бы мама. Но сомневаюсь, что в ближайшее время маме светит хоть что-то кроме питательных капельниц и света с того света, — Алистер словно пытался поддержать себя черным юмором и нелепым, но жизненным каламбуром.

У Коула чуть не сорвался с языка вопрос о состоянии мисс Рудбриг, но он вовремя отдернул себя — пятно крови в гостиной было довольно красноречивым.

— Я как-то больше по пиву, — попытался выкрутиться он, но только когда произнес слова вслух, понял, насколько неправильными они были.

«Молодец, Коул, — мысленно похвалил себя он. — Утешать, так под похоронный марш. Тактичность твое все!»

— Тогда оставим алкоголь до лучших времен, — ответил мистер Рудбриг и убрал бутылку в шкаф.

Коул почувствовал себя максимально некомфортно. Хотелось либо ударить кулаком по столу, либо удариться лбом об этот же стол, либо и то, и то одновременно.

— Может быть чаю? — с сомнением в голосе произнес он, боясь ляпнуть чего похуже. — Или кофе?

— Почему бы и нет. Только сомневаюсь, что у меня есть молоко...

— Я не пью кофе с молоком, — тут же вступился Коул, благодарный своим вкусовым предпочтениям. — Да и вообще я не привередливый.

— Понятно, — ответил мистер Рудбриг и, найдя турку, поставил ее на плиту.

Повисла долгая тишина, во время которой Коул искал нужные слова. Ему хотелось поговорить о Чарли. Ему хотелось узнать о Марте. Ему хотелось узнать, каким в действительности был Алистер Рудбриг. В его голове роились сотни вопросов, но он все никак не мог подобрать нужные слова.

А мистер Рудбриг, казалось, и вовсе не замечал сложившейся гнетущей тишины. Он занимался своими делами — монотонно мыл чашки, помешивал кофе в турке, разливал его, даже нашел неначатую коробку конфет — и все это, не обращая никакого внимания на Коула. Если у Алистера и были вопросы, он не испытывал нужды их задавать.

Он поставил перед Коулом исходящую паром чашку, и бывший охотник испытал до странности знакомое чувство дежавю. Месяц назад они так же сидели на этой кухне, правда пили они тогда чай, а не кофе, да и Коул расспрашивал мистера Рудбрига о его семье, при этом, как ему тогда казалось, умудряясь искусно врать. Как нелепо, он ведь тогда буквально искрился самодовольством: обвел вокруг пальца отца ведьмы, врал как дышал! Оказалось, врал он посредственно, раз мистер Рудбриг с такой легкостью его раскусил, да еще и пленил.

— Тебя вылечили? — нарушая затянувшееся молчание, спросил Алистер.

— Что-то вроде того, — уклончиво ответил Коул, сомневаясь, что стоит рассказывать отцу Марты, что парень, сидящий напротив него, недавно заделался каннибалом.

Да, именно этим словом Коул охарактеризовал связь, возникшую между ним и Мартой. Он питался ей. Ее магией, если быть точным. Еще сидя в машине по пути в Рупи, он впервые ощутил, как от нее к нему переходит поток энергии. Тогда он прикоснулся к ее коже чисто случайно, потянувшись к бутылке с водой. Как назло Марта сделала тоже самое, так еще и перчатки сняла. Руки у нее были все в шрамах — где кругами, а где и полукружиями. Вместе они создавали удивительный рисунок — именно к одному из таких шрамов он и прикоснулся.

Блаженство, чистое и глубокое, словно пьешь нечто одновременно сладкое и терпкое, нечто, от чего сразу же срывает крышу. Об этом-то его и предупредила госпожа Ева, не забыв упомянуть, что во время соития Коул будет перекачивать в себя эту силу.

При одном лишь воспоминании о сексуальном просвещении и методах контрацепции, полученном от женщины, которая ему не то что в бабушки годится, а в пра-пра-прабабушки, Коула проняла дрожь, и он постарался отмахнуться от этих воспоминаний и переключиться на что-то еще.

— Вы сказали «вновь», — произнес Коул, перед глазами которого все еще стояла госпожа Ева, объясняющая, к каким точкам прикасаться можно, не опасаясь перекачать слишком много силы, а к каким не стоит и вовсе.

— О чем ты?

— Ну, там, в коридоре, вы сказали: «Не думал, что придется пройти через подобное вновь», или что-то подобное.

От того, как мистер Рудбриг побледнел, Коул понял, что неосознанно зашел за черту, которую пересекать не стоило.

— Забейте. Я спросил глупость.

Мистер Рудбриг судорожно вздохнул.

— Марте было примерно четыре года, когда ее похитили. И то были худшие три дня в моей жизни. Точнее, так я думал когда-то. Теперь-то я знаю, что худшее меня ждет впереди.

Коул непонимающе моргнул. Раз. Затем еще раз. Госпожу Еву в мыслях как ветром сдуло.

— Что? Она не говорила об этом! — воскликнул Коул, и лишь потом его накрыло осознание, что Марта не обязана была ничего ему рассказывать.

— Она не помнит. Терра... — Алистер поморщился словно от боли, произнеся имя жены. — Она забрала воспоминания Марты. Понимаешь, сложно расти психически

здоровым человеком, пройдя через то, что пришлось пережить моей дочери.

— Похищение? — как дурак переспросил Коул.

— Убийство, — поправил Алистер и горько улыбнулся. — Ты, наверное, пытаешься ее осудить, но прими к сведению, что сделала она это из-за Чарли.

— Ничего не понимаю, — произнес Коул. От шока у него буквально глаза на лоб полезли.

— Это довольно долгая история...

— Сомневаюсь, что мы куда-то спешим.

— И то верно, — неохотно кивнул мистер Рудбриг. — Не знаю, в курсе ты или нет, но лет тридцать назад в Рупи объявился маньяк. В местных газетах его называли Потрошителем Рыб, потому что первой его жертвой был мальчишка Фишер, имя я уже не помню. Его нашли в озере со вспоротым брюхом. Тогда мало кто верил, что это действительно серийный убийца. В Рупи все буквально с ума посходили. Пару месяцев мальчишка не сходил со страниц местных газет, вот только больше года убийств не было, и все поутихло.

— Я читал об этом, когда наводил справки. Тогда я думал, что причина в вашей жене. Фишер был ее одноклассником.

— Был, — подтвердил Алистер.

— И период затишья выпал на вашу свадьбу и беременность Терры. Второй труп нашли по весне, уже после рождения Марты. Тогда-то я и решил, что Потрошителем Рыб была ваша жена. Его или ее так и не нашли, и...

Алистер покачал головой.

— Терра и мухи бы не обидела, а твоя теория притянута за уши. Она даже не интересовалась происходящим, пока беда не пришла на порог нашего дома. Тогда все ее внимание было поглощено магией. Она все пыталась понять, достанется ли ее дочери магия Грабсов. Даже заставила меня вложить свои воспоминания о семейной легенде в кристаллы соли. — Коул не понял, что имел в виду Алистер, но вопросов задавать не стал. — Как только Терра узнала о беременности, весь остальной мир перестал для нее существовать, все свободное время она проводила с Джослин. Все искали ответ на вопрос. Ответ, который нашел нас сам, но многим позже.

Алистер одним глотком выпил свой уже порядком остывший кофе и встал из-за стола. Коул безотрывно следил за ним.

— Ладно, это все лирика, не имеющая никакого отношения к фактам. Ты прав, вторую жертву нашли по весне, ближе к лету, если я не ошибаюсь. Жертвой оказался мальчишка из соседнего городка. Если Фишер пропал, и о нем ничего не было известно несколько месяцев, то этот паренек всплыл буквально через пару дней после пропажи с таким же разорванным и выпотрошенным брюхом и практически на том же месте. Тогда-то в Рупи и начали трубить о серийном убийце. Организовали патрули из добровольцев: наша полиция, сам понимаешь, не особо многочисленна, тогда все было еще хуже, чем сейчас. Три калеки, двое из которых спились на старости лет. До сих пор помню, проезжал я мимо, когда паренька вылавливали, а наш констебль стоит, еле на ногах держится, так еще и икает. Только благодаря местному клубу Рыболовов паренька удалось вытащить из воды.

Коул хмыкнул, отчетливо представляя пьяного констебля, едва держащегося на ногах, но пытающегося раздавать приказы. Видел его фотографию в газете и заголовок «Мы под надежной защитой, а наши винные погреба — нет!». Это было бы даже смешно, если бы не обстоятельства, не располагающие к смеху.

Коул знал сухие факты, почерпнутые из газетных хроник. Но не знал того, как происходящее затронуло семейство Рудбригов, и каким образом в этом оказался замешан его брат. В газетах никаких Чарльзов Томсонов не упоминалось.

— Терра тогда так взбеленилась, что они с Джослин установили какой-то защитный барьер вокруг дома. Как оказалось, штука абсолютно бесполезная: не помог тогда, не помог и сейчас, — в голосе Алистера слышалась злость, и Коул не мог понять, злился мужчина на Терру, на Джослин или на барьер, который не мог уберечь его дочерей. — Я так понимаю, ты в курсе, что потом всплывало еще несколько жертв?

Коул кивнул. Жертвами становились мужчины в возрасте от пятнадцати до тридцати лет. Выбирались они случайным образом, никто так и не смог вычислить закономерность. Последнего выловили по лету, и, если Коул правильно подсчитал, Марте тогда было около четырех, а осенью того же года Чарли разбился на машине вместе со своей женой Сьюз.

— Тогда, с твоего позволения, я опущу ненужные подробности, — Алистер собрал со стола опустевшие чашки и принялся их мыть, движения его были дергаными. Стоял он спиной к Коулу и, казалось, не решался начать говорить.

Некоторое время они молчали, слышался лишь шум бессмысленно льющейся воды, потому что Алистер покончил с кружками, но продолжал стоять спиной к Коулу.

— Собственно начать все равно придется издалека. Я должен был быть шафером на свадьбе Чарли, но Марта внесла коррективы. Она решила родиться преждевременно, поэтому мы не поехали. Сьюзи очень обиделась, а, когда Сьюз обижалась, что-то в ее голове начинало работать иначе. Ее мозг переставал правильно обрабатывать информацию и делать нужные выводы. Обижалась она на нас года четыре, а той осенью решила выписать нам индульгенцию, — Алистер не смог сдержать смеха. — Если что, это были ее слова, ну или Чарли выдал их за ее. Но не суть... Чарли взял отпуск, и они приехали к нам погостить на недельку.

Алистер глубоко вздохнул и повернулся к Коулу. В глазах его плескались такие боль и тоска, что Коул уже начал жалеть, что затеял этот разговор.

— На этом история, которую можно подпитать фактами, заканчивается и начинается... да уж... — Алистер не находил в себе сил, чтобы окончательно погрузиться в прошлое, поднять весь пласт тяжелых воспоминаний, и Коулу это чувство было очень хорошо знакомо. — По факту я знаю две вещи, в которых я уверен: Чарли и мою дочь похитили, а спустя три дня он принес ее обратно. Крохотную девочку, покрытую черными пятнами. Все остальное мне рассказал Чарли, и история эта довольно обрывочная. В тот момент, когда он пытался мне рассказать, Сьюзи орала на весь дом, кидалась вещами — Чарли пришлось выволочь ее на улицу и уехать. А через несколько часов мы узнали о том, что они разбились. Так что я так и не узнал всей полноты картины.

— Но вы же сказали, что Марта кого-то убила.

— Я знаю об этом со слов Чарли. Потрошитель Рыб оказался потрошительницей, — Алистер сложил руки на груди. — Скорее всего ведьмой, но какой — я без понятия. Чарли сказал, что в том месте, где их держали, было много банок с человеческими органами. Собственно, она хотела выпотрошить Чарли, а Марта, которую она похитила, как выяснилось, случайно, внесла коррективы.

— Да, Марта любит вносить коррективы, — совсем неуместно усмехнулся Коул.

Алистер встретился с ним взглядом и тоже усмехнулся.

— Действительно. Собственно, — Алистер потер переносицу, — в ней пробудилась

сила, и она каким-то образом убила ведьму.

Коулу вспомнилось ощущение чужих огромных рук на его горле. Они сжимаются, не давая ему сделать ни вдоха.

— Наверное задушила, — рассеянно произнес он.

— Не знаю, — ответил Алистер. — Терра извлекала воспоминания Марты об этом событии и знала чуточку больше. Но я... можешь считать меня малодушным, но мне хотелось похоронить эту историю и никогда о ней не вспоминать. Забыть точно так же, как обо всем забыла моя дочь.

Закончив историю, Алистер словно бы выдохнул, сбросил с себя груз ответственности, поделившись тайной. Перестав быть ее единоличным хранителем.

Алистер сварил еще кофе. Они долго сидели в полной тишине. Коул обдумывал услышанное, а мистер Рудбриг думал о чем-то своем. И никто из них не испытывал ни малейшего желания говорить ни о чем, словно они мысленно посоветовавшись и пришли к единому решению.

Так бы продолжалось довольно долго, если бы не сообщение, пришедшее на телефон Алистера. Мистер Рудбриг достал телефон из кармана и некоторое время смотрел на экран. Выражение его лица было странным — восторженно-удивленным — не свойственным ему.

— Мы нужны Марте, — произнес он и протянул телефон Коулу.

Абонент — Тучка. Короткое сообщение — по сравнению с другими односложными — казалось даже длинным.

«Нужна помощь в Ведьминой обители. Срочно».

— Почему Тучка? — спросил Коул, все еще держа телефон в руках и не двигаясь с места, в то время как Алистер уже скрылся в коридоре с какой-то невероятной прытью, которой раньше в нем не наблюдалось.

— Она же все время хмурится, — донесся ответ из коридора.

«Это точно. Самая настоящая тучка. Хорошо хоть не грозовая», — подумал Коул и встал из-за стола.

Глава 40. Манеры, юная леди!

Марта влетела в больничную палату, словно подгоняемая маленьким тайфуном. Ее буквально колотило от ярости, дикой и всепоглощающей. Ярость бушевала в ней, не находя выхода. И от того, что она сорвалась на Коула, лучше не стало — только хуже. К ярости примешалось нечто отдаленно напоминающее стыд. Нечто, от чего ее сердце билось, как сумасшедшее, а по венам начинала течь лава.

Мадам Рудбриг всегда говорила, что Марта чересчур привязана к Мегги, опекает ее сильнее, чем нужно. Перекладывает на нее ту любовь и заботу, которую просто не могла отдавать другим людям.

Знали ли охотники о том, что, забрав Мегги, они подожгли костер, разложенный у собственных ног? Потому что если нет, то Марта с радостью просветит их.

Марта была настолько поглощена своими мыслями и планами, не имеющими ничего общего с понятием «миролюбивости», что не сразу заметила пожилую женщину, сидящую в мягком — явно не больничном — кресле возле кровати.

— Джослин? — ошалело произнесла она, и женщина, повернувшись на ее голос, просияла.

— О, Марта, это ты! — в голосе начальницы не было удивления. Марте почудилось, что она поймала на себе взгляд через стекла солнцезащитных очков — то была лишь блажь, Джослин не могла видеть ее. — А я все гадала, когда ты вернешься. Как нынче Шарпа? Я ее уже лет двадцать не видела.

— Откуда вы знаете о?.. — стусевавшись, спросила Марта.

Джослин помяла свои похожие на высушенный инжир губы, прежде чем ответить:

— Кеторин мнит себя самой умной. Но я сразу же поняла, куда вы подевались, когда ты взяла выходные дни, а по городу прошел слух, что наше городское чудо отменило все приемы до конца года, еще и закрыв Ведьмину обитель. Единственное — я так и не поняла, зачем вы туда поехали? Искали что-то о Грабсах?

Марта плюхнулась на пластмассовый стул в изножье бабушкиной кровати. У нее не нашлось слов, чтобы описать степень своего удивления. Она ведь даже не думала, что Джослин интересуется их с Кеторин делами.

— Как бабушка? — спросила Марта, вспомнив о том, зачем она сюда пришла.

Мадам Рудбриг — настолько бледная, что практически сливалась с простынями — была окутана таким количеством проводов и трубок, что напоминала скорее робота, чем человека.

— В целом неплохо, — ответила Джослин. — Хотя не мне судить. Врачи боялись заражения крови, но пару часов назад ей резко стало лучше. Может расскажешь, чем таким ты занималась? Я так и чувствую исходящие от тебя потоки силы.

— Ей стало легче от того, что я колдовала? — вопросом на вопрос ответила Марта. Ей нужно было удостовериться. — Неужели я могу ее вылечить? Магией?

Джослин покачала головой.

— Не знаю, сможешь ли ты воздействовать на нее напрямую. Но вот в чем я точно уверена, так это в том, что проявление твоей магии косвенно влияет на твою семью.

— Вы верите в эту детскую сказочку? — Марта не смогла сдержать усмешки и от того, как Джослин нахмурилась, поняла, что той не понравился тон, с которым Марта это произнесла.

— Конечно, верю, — кивнула Джослин, и ее очки слезли на переносицу, открывая белесый шрам. — Благополучие Рудбригов — одно из условий, по которому Грабсам передалась магия. Вы же сами передаете эту историю в семье, почему же ты тогда в нее не веришь?

Марта пожала плечами, блуждающим взглядом окинув палату. На глаза ей попался диванчик с аккуратно сложенной постелью.

— Вы здесь спали?

— Да, — ответила Джослин. — Алистер договорился. Врачи были не в восторге, но у меня достаточно денег, чтобы сгладить их недовольство. Вот только ты увливаешь, Марта, и мне это не нравится. Почему ты так несерьезно относишься к своим способностям? Я, конечно, знаю, что Терра была против — и ее причины мне понятны. Ты ведь не только Грабс, но и Рудбриг, и магия косвенно влияет и на тебя. Я бы тоже боялась, если бы у моего ребенка были силы, которых даже я не понимаю. Хотя я сомневаюсь, что, если бы эта сила была доступна ей, она бы так паниковала.

— Я не хочу об этом говорить, — перебила ее Марта. — Я пришла проверить бабушку, а не разглагольствовать о своей матери.

— Не груби мне, девочка. Не хочешь говорить о Терре? Ладно, о чем тогда поговорим? Так, посмотрим, если мне не изменяет память — твои занятия отменены до конца года. Как думаешь сможешь начать уже на первой неделе? Если да, то нужно будет оповестить родителей...

Работа была последней вещью, которая волновала Марту в этот момент. Она уже давно забыла и о рисовании, и о детях, которых учила. Сейчас ее волновала только ее семья.

— Вы можете найти Мегги? — спросила Марта. — По крови...

— О! Кеторин, да? Можешь не отвечать — кроме нее некому. Знаешь, а это даже обидно. Ты позволила ей развивать твои способности, а обо мне даже не подумала, хотя я знаю тебя с рождения.

— Так вы можете или нет?

— Могу попытаться. Но у меня есть условия, — ответила Джослин, поднимаясь на ноги. Одной рукой она опиралась на ручку кресла, а другой на трость, которую Марта до этого не заметила.

— И какое же?

— Будь со мной повежливее. Я, конечно, понимаю — у тебя сейчас сложная ситуация, и нервы наверное ни к черту. Но я мало того что твоя начальница — я еще и старая больная женщина и люблю, когда с этим фактом считаются. Усади на цепь свой дрянной характер.

— Это все? — удивленно спросила Марта, которая была готова к чему угодно, но не к просьбе быть повежливее.

— Ну-у-у... ты можешь здороваться, когдаходишь в помещение.

— Здравствуйте, — чувствуя себя дурой, произнесла Марта.

— И тебе день добрый, — просияла Джослин.

Старушка ощупью передвинулась к кровати мадам Рудбриг и, склонившись над бабушкой, потрепала ту по щеке — по той части щеки, что не была закрыта дыхательной маской.

— Мы тебя ненадолго оставим, подружка, — доброе обращение резануло слух. — Нужно найти твою младшую внучку.

Мадам Рудбриг никак не отреагировала, хотя, будь она в сознании, вряд ли позволила

бы трепать себя по щеке. В таком случае Джослин не назвала бы ее «подругой». На самом деле Марта сильно сомневалась в том, что встретила бы здесь свою начальницу, будь бабушка в сознании.

— Ну что, Марта, пойдём? — Джослин безошибочно нашла Марту и протянула ей руку.

Из палаты они вышли рука об руку. Одной рукой Джослин опиралась на Марту, а другой — на трость. Медсестры, которые встречались в коридорах, косились на Джослин, и Марте это казалось странным.

— Смотрят, да? — спросила начальница. — Почему молчишь, Марта? Я же знаю, что смотрят. Я для них как диковинная кукла. Особенно после того, как проехала тростью по хребту какого-то санитаря.

— Вы сделали что? — Марта даже сбилась с шага.

— Он пытался не пустить меня к Маргарет. Видите ли не родственница я ей. Какая блажь! Для Маргарет любой человек, который терпит ее холодность больше десяти лет — считай, родственник.

Марта издала короткий смешок.

— А если больше двадцати?

— То это уже любовь или тяга к мученичеству. Она ведь вашего деда со свету сжила своими постоянными придирками. Пока с ней не познакомился — был обычным парнем, чутка инфантильным, на мой вкус, да и бесхребетным. Она по нему как катком проехала. Жалко его даже.

Марта промолчала.

Они вышли в холодный зимний день. От мороза щеки пощипывало, а через тяжелые свинцовые тучи не просачивалось ни лучика солнца. Не пройдет и часу, как на улице станет так же темно, как и ночью. Но даже это обычное затянутое облаками но живое небо было куда приятнее слепящего «неба» Шарпы. Марта так и не поняла, почему после обряда магический след Шарпы перестал так сильно давить на глаза, однако сейчас ее это не волновало.

— Поймай такси, девочка, — попросила Джослин, кутаясь в длинный кейп, который они забрали из гардеробной.

— Куда мы поедем? — спросила она, поплотнее запахнув ворот пальто, и вскинула руку, помахав таксистам, которые всегда парковались возле больницы.

Отдав Марте трость, Джослин проворно, особенно для женщины ее лет, забралась на переднее сидение и ответила сразу и Марте, и водителю.

— К академии «Мария-Роза».

В такси Марта не произнесла ни слова. Были сомнения, что водитель правильно оценит разговоры о поиске человека с помощью крови. Мужчину Марта не знала, но, судя по тому, какие полные сочувствия взгляды он бросал на неё через зеркало заднего вида, водитель ее явно знал. От постороннего и никому явно не нужного сочувствия Марте стало дурно и захотелось резко высказаться, но она закусила щеку и промолчала, сжимая в руках трость Джослин.

Детей в академии было хоть отбавляй. Они сновали по коридорам, показывая друг другу свои поделки и обсуждая предстоящие праздники. В прошлом году Марта радовалась подобному воодушевлению. В прошлом году этот праздник жизни захлестывал ее с головой. В этом же году ей захотелось вздернуться в тот же момент, как она открыла дверь парадного входа перед Джослин. Шум, гам и топот детских ножек обрушились на нее лавиной.

Дети тут же заметили Марту и, подбежав к ней, принялись расспрашивать со свойственной им непосредственностью. И Марта, воспользовавшись безграничным терпением — обращенным только к детям — отвечала им, натянув на губы грустную полуулыбку и стараясь не разрыдаться. За рукав пальто ее дернула светловолосая девочка, желая, чтобы учительница обратила внимание на нее и ее рисунок, а Марте стало совсем тошно, потому что на секунду ей показалось, что это Мегги дергает ее за рукав.

Джослин уверенным шагом направилась к своему кабинету, но ее окликнула девчонка-администраторша, которую наняли сравнительно недавно, и всучила ей какой-то листок. Марта поспешила распрощаться с детьми, которые все напирали, не желая оставить ее в покое. Некоторые из них были одноклассниками Мегги, и их слишком интересовала причина ее отсутствия, чтобы дать Марте спокойно уйти.

К тому времени как девушка распрощалась с детьми, Джослин уже сидела в своем кресле, откинувшись на спинку, и хмурилась. Марта закрыла за собой дверь, отрезая их от радостного рождественского гомона, и облегченно выдохнула.

— Племянница? — задумчиво произнесла начальница. — Вот только нет у меня никаких племянниц. Так, Марта, ну-ка набери-ка мне этот номерок и дай мне трубку. Выясним, какими такими родственниками я успела разжиться.

Марта взяла листок, на котором был только номер без каких-либо подписей, и с опаской посмотрела на допотопный телефон с кругляшом циферблата, а затем достала свой смартфон и набрала номер, прежде чем отдать его Джослин.

Начальница некоторое время молчала, а потом широко улыбнулась и воскликнула:

— Девочка моя, как приятно тебя слышать!

Марта слышала лишь взволнованный и явно женский голос на том конце трубки и с трудом могла разобрать некоторые слова — настолько быстро говорила женщина. Но даже тех немногих слов, что ей довелось понять, оказалось достаточно, чтобы у Марты засосало под ложечкой от дурного предчувствия.

В обычном диалоге давних знакомых вряд ли встретиться такой набор слов: корона, кровь, охотники, раны. Каждое слово было чуть ли не отдельным спусковым крючком для страха Марты.

Джослин же напротив выглядела абсолютно спокойной. Свою собеседницу она не прерывала, лишь кивала головой и угукала время от времени, как самый терпеливый на свете слушатель, когда Марту буквально дергало от разрывающих ее вопросов. Она даже попыталась что-то спросить, но Джослин тут же приложила палец к губам, требуя тишины.

Так продолжалось еще некоторое время, за которое Марта узнала, что ее начальница может издавать десятки разных поощрительных звуков, при этом не произнося ни слова, а женщина на другом конце даже успела поплакать.

Когда Джослин наконец вернула ей телефон и поднялась со своего кресла, Марта потребовала объяснений в самой вежливой форме, на которую была способна.

Начальница покачала головой.

— Мне нужна твоя помощь. Проводи меня к заднему выходу. Где-то за академией должна быть припаркована огромная красная машина.

Марта выпучила глаза.

— На это нет времени! Мы должны найти Мегги! Вы забыли?

Ее уже потрясывало от того, что все откладывают ее сестру в дальний ящик, словно проблему, с которой никто не хочет связываться. Сначала Кеторин, а теперь и Джослин.

Начальница постучала тростью по столу.

— Я ничего не забыла, — Джослин выглядела искренне оскорбленной. — Я нашла ту, кто справится с поставленной задачей куда лучше подслеповатой калеки-полукровки.

Марта непонимающе моргнула. Раз. Еще раз.

— Вы о чем вообще?

Джослин нащупала щеку Марты и обнадеживающе потрепала ее.

— Не переживай, девочка, скоро ты все поймешь. Никто не справится с поисками твоей сестры лучше королевы кровавых ведьм.

Титул Джослин произнесла так проникновенно, так воодушевленно, словно венценосная особа была чуть ли не божеством. И на секунду в сердце Марты зародилась надежда, оскверненная толикой сомнения. Кеторин считала, что кровавые ведьмы заключили договор с охотниками.

Да и откуда в Рупи взяться королеве ведьм?

Марта перебирала в голове все свои сомнения, пока вела Джослин коридорами академии к черному ходу, стараясь избегать детей. Она рисовала себе множество образов того, как может выглядеть королева ведьм. Такая же статная с долей высокомерия и величественная, как Кеторин? Или же добрая королева за холодной броней, как госпожа Ева? Вот только в представлении Марты на роль королевы — любой королевы — лучше всего подходила Мадам Рудбриг.

И еще ни разу в жизни Марта так не ошибалась в своих представлениях. Зареванная девушка с копной всклокоченных рыжих волос, одежда которая была явно ей велика, никак не вязалась с образом королевы. Разве что опальной королевы в бегах.

И если она и была в бегах, то скрывалась крайне неумело. Потому что девушка, стоящая на фоне огромной красной машины, просто не могла не привлекать внимания. Она тряслась на промозглом ветру, пританцовывая на месте и оглядываясь по сторонам, словно стоящий на стреме новичок в бандитской группировке, который вроде изучает прохожих, но на самом деле следит за своим мочевым пузырем.

Марта даже коротко хохотнула от нелепости своих сравнений, чем явно привлекла к себе внимание венценосной особы, и та, перепугавшись еще больше, метнулась к машине, но поскользнулась и рухнула в ближайший сугроб.

«Не быть тебе гангстером», — подумала Марта и, отпустив руку Джослин, поспешила помочь своей новой знакомой, которая пыталась подняться, но падала обратно.

Девушка тут же схватилась за протянутую Мартой руку, но стоило той сжать ее и потянуть, как несчастная протяжно взвыла и вновь повалилась в снег, утянув за собой еще и Марту. Приземлилась она совсем неудачно, повстречавшись подбородком с коркой наста, клацнув зубами и чуть не прикусив язык.

— Ты издеваешься? — возмутилась она, пытаясь подняться, уперевшись руками в сугроб. Если для ее подбородка наст оказался достаточно твердым, то под руками крошился, из-за чего ее ладони утопали в снегу, сводя попытки Марты на нет.

— Извини, — пискнула «королева», барахтаясь в снегу рядом.

— Девочки, что у вас происходит? Где вы? — Джослин озиралась по сторонам, стоя в десяти шагах от них. — Моя помощь нужна?

— Нет! — зло крикнула Марта, на замерзающих коленях выползая из сугроба. Не хватало еще вылавливать потом старушку из-под толщи снега. У Марты уже начинало складываться впечатление, что она когда-то порядком задолжала зиме, и та агрессивно

пытается взыскать с нее долги.

— Джилс, что случилось? — спросила Джослин, неуверенно продвигаясь в сторону производимого ими шума.

А Джилс производила очень много шума. Она кряхтела, стонала, материлась, успела даже всплакнуть, пока Марта целенаправленно поднималась на ноги, не позволяя себе отвлекаться на посторонние вещи.

— Я упала, — донеслось из сугроба.

Марта принялась отряхивать с себя снег.

— Моя помощь точно не нужна? — Джослин была настойчива в своем желании помочь, словно не понимая, что толка от нее столько же, сколько и от младенца.

— Джослин, стойте, где стоите, — резко приказала Марта, но, поняв, что вновь скатывается в темные объятия грубости, добавила: — Пожалуйста.

Джослин пожалала плечами и ответила отстраненное:

— Как скажете, — и даже отошла на пару шагов, прощупывая дорогу тростью.

Порядком разъяренная Марта подошла к Джилс, копающейся в снегу. Она лежала на спине и пыталась встать из этого положения, поднимая вокруг себя хлопья пушистого снега. Перевернившись она на живот — у нее получилось бы подняться. Хотя огромная — не по размеру — куртка, явно тяжелая, могла бы и перевесить девушку.

— Прекрати копошиться, — прикрикнула Марта. Заметив мать с ребенком, которые шли от академии «Мария-Роза», она добродушно им улыбнулась, мол «все хорошо, идите своей дорогой». — Я помогу тебе подняться, но, если ты потащишь меня в снег еще раз, я самолично тебя в нем закопаю.

В последнее слово Марта вложила максимум злости — которой у нее сейчас было в избытке — и слова прозвучали настолько грозно, что сама мадам Рудбриг похвалила бы ее. Джилс всхлипнула и пролепетала:

— Я не специально. Забыла про ожог.

Дышала Джилс тяжело, а выглядела еще хуже, чем раньше. Марта вздохнула и протянула ей руку. Джилс не нужно было повторять дважды: она схватилась за протянутую руку, и Марта одним движением подняла ее на ноги, стараясь не крякнуть от натуги, отозвавшейся тянущей болью в спине.

Поднявшись на ноги, Джилс принялась отряхиваться, в чем Марта не углядела никакого смысла — снег облепил девушку везде, превратив ее в снеговика с копной частично мокрых, частично заледеневших волос.

Джилс трясло, у нее зуб на зуб не попадал.

— Справились? — спросила Джослин.

— Да, — коротко ответила Марта, осознавая, что ее начальница все это время терялась в сомнениях, что с ними происходит. — Теперь все хорошо.

«Хорошо, — подумала Марта, — нет здесь ничего хорошего».

— Пой... дем... те в машину, — произнесла Джилс, делая чудовищно длинные паузы между слогами.

Марта кивнула и, подойдя к Джослин, взяла ту за руку. Ей пришлось помогать старушке, чтобы та не поскользнулась на обледенелых ступеньках огромного красного дома на колесах. Внутри было темно и тепло, однако не настолько, чтобы Марте захотелось снять пальто. Вместе с Джослин они замерли возле входа, стекло которого было заклеено скотчем.

Казавшаяся снаружи большой, машина оказалась просто крохотной внутри. С мебелью и

четырьмя людьми, находившимися там, в ней было просто не повернуться.

Марта сразу же заметила огромного, словно гора, мужчину, лежащего на слишком узком и коротком для него диванчике. Его дыхание было прерывистым, и лежал он в странной позе, словно баюкая руку на груди.

Джилс скинула свою полную снега куртку и, проскочив мимо Марты, подошла к мужчине. Она подняла с пола то ли плед, то ли тонкое одеяло и укрыла им мужчину.

— Болезнью пахнет, — поморщилась Джослин.

Принюхавшись, Марта тоже уловила сладковатый запах болезни, от которого ей немедленно захотелось покинуть это место.

— В Элиота стреляли охотники, — чуть ли не плача, произнесла Джилс, поправляя одеяло. — Я зашила рану, но лучше ему не становится...

— Наверное потому что ему нужно в больницу? — перебила Марта. — Да он воняет так, словно гниет заживо!

Джилс резко повернулась к ней. В таком скудном освещении Марта не разобрала выражение ее лица, но интонации у нее были явно гневные.

— Я знаю! Я сказала ему, чтобы бросил меня и шел в больницу, но он отказался.

— Мужчины, — протянула Джослин так, словно одно это слово объясняло все, что случилось и могло произойти в будущем.

— Я думала, Джослин сможет помочь, — трагически всплеснула руками Джилс.

— О, милая, — Джослин подалась вперед, пытаясь нащупать Джилс, — я же не лекарь, да к тому же еще и слепая. Раньше я может и могла бы что-то сделать. А мальчику нужен кто-то посерьезнее. Кто-то, кто хотя бы будет видеть, что делает.

В голосе начальницы было столько сострадания, сколько Марта за все время их знакомства от нее не слышала. Такая из себя добрая бабушка, которая не хочет отказывать своей любимой внучке, но и помочь не может.

Ноги у Джилс подкосились, и она опустилась на пол, обнимая себя руками, словно ища поддержки. Выглядела девушка так, как Марта себя чувствовала. И если Марта пыталась не рассыпаться на куски ментально, Джилс, казалось, рассыпется физически от малейшего прикосновения.

— Что же мне делать? — глотая слезы, запричитала она. — Я втравила его в это. Элиот... он такой хороший, такой добрый... а теперь... теперь он может умереть из-за меня! И мы не можем ему помочь? Никак? Не может быть! От огнестрельных ранений же не умирают!

Марта подавила нервный смешок.

— Люди могут умереть от чего угодно.

— Ты злая! — выпалила Джилс.

— Злая? Seriously? — Марта всплеснула руками и театрально проговорила: — О боги, принц лежит на смертном одре, и нет под рукой врача! О, милостивый всевышний, кто же ему поможет!

— Марта, — укоризненно позвала Джослин, поцокав языком.

— Что «Марта»? Что? Вы хоть понимаете всю абсурдность ситуации: моя сестра черти где, а я стою в этом ржавом трейлере и слушаю, как королева рыдает из-за своего принца! Ты сказала, что она мне поможет, но помощь нужна ей — причем психологическая!

Элиот во сне простонал и от крика Марты похоже начал просыпаться, а Джилс, вторя ему, удивленно спросила:

— Тебе нужна моя помощь?

Марта очень захотела включить свет и наконец-то разглядеть лицо женщины, которую Джослин назвала королевой, но которая явно не дотягивала до этого титула.

— Не думаю, что машина — подходящее место для обсуждения подобных вещей, — вмешалась Джослин. — Да и юноше явно было бы лучше на хорошей кровати. На чем он, кстати, лежит? Я надеюсь не на полу?

Марта с сомнением покосилась на гору, которую Джослин окрестила «юношей» — будь она зрячей, у нее язык не повернулся бы назвать его так.

— На диване, — нехотя ответила Джилс.

— Очень узком, — поправила ее Марта и ощутила на себе недовольный взгляд. Что ж, если ее высочество и могла бы ей помочь, то Марта самолично укорачивала у королевы желание быть альтруистом. — И куда мы его понесем? Раз уж мы решили, что больница — место неподходящее, то наверное мы могли бы отнести его в академию. Там явно диванчики пошире.

— А еще дети, — добавила Джослин. — Так что академия не подходит. Марта, у тебя нет знакомого врача, которому можно довериться?

Перед мысленным взором проскользнул образ Джона, но Марта отмахнулась от него. Встраивать посторонних людей в эту историю не хотелось, особенно Джона, которого она продинамила и ни разу не пожалела о своем решении.

— Нет, — ответила Марта. — И ко мне домой его вести тоже не нужно. Вдруг к нам придут сотрудники полиции. Как я им объясню, откуда в доме, из которого похитили девочку, появился мужчина с огнестрельным?

— Ох, и то верно.

— Домой к Джослин? — предложила Джилс.

— Юношу ко мне можно, но тебе у меня оставаться нельзя. Демьяна вполне может прийти ко мне. И я вряд ли смогу тебя защитить. Бедная моя девочка, почему с тобой всегда все так сложно? — Джослин трагически покачала головой.

— Тогда отвезем его к Кеторин, — предложила Марта. — Ты водить-то умеешь, Джилс?

— Не особо, — ответила девушка. В темноте Марта не разобрала, какие эмоции промелькнули на лице Джилс при упоминании имени Кеторин, но по тому, как резко та втянула воздух, стало понятно — какую-то ведьму с таким именем она точно знала. Вопросом, была ли это та же самая Кеторин или нет, Марта задаваться не стала.

— Тогда давай ключи.

Марта помогла Джослин сесть на пассажирское сидение, а сама заняла водительское и горько улыбнулась, встретившись с механической коробкой передач — это как встретить старого друга, с которым поругался и которого явно видеть не хотел. Да и вся дорога до Ведьминой обители оказалась той еще поездкой, подпортившей Марте и без того шаткое душевное равновесие. Незнакомая машина с непривычными габаритами, механика, гололед — набор, способный подорвать психику и куда более уравновешенному человеку.

Под конец Марта уже изрядно материлась и даже пожелала незадачливому водителю что-то нелицеприятное, за что получила полный осуждения комментарий Джослин:

— Не делай так.

— Как? — непонимающе спросила Марта, смотря по сторонам и пытаясь втиснуть огромный дом на колесах на общественную стоянку рядом с джипом Кеторин и маленькой черной легковушкой.

— Не вкладывай магию в свои желания, — пояснила Джослин.

— Я этого не делала! — возмутилась Марта, резко ударив по тормозам, и повернулась к Джослин.

— Собиралась. Я ощутила исходящие от тебя потоки. — Старушка крутила в руках трость и смотрела — если это слово можно было употребить по отношению к ней — прямо перед собой. Или по крайней мере ее голова не была обращена к Марте.

— Я тоже их почувствовала, — донесся сиплый от слез голос Джилс из глубины салона.

— Не было такого, — буркнула Марта и заглушила машину. — Пойду спрошу у Кеторин, что нам делать с вашим принцем. Вряд ли мы сможем перенести его сами.

Марта поспешила покинуть машину, чувствуя себя пристыженной. И Джослин, и Джилс были правы — она действительно неосознанно призвала магию. Она уже давно поняла, что ей достаточно чего-то очень сильно захотеть — и магия, как послушный щенок, спешит исполнить любое ее желание. Так было с Мегги, так было с Коулом. И чем сильнее обуреваемые ее эмоции, тем сильнее магический выброс, и тем больше она может совершить.

Идя по скользким дорожкам, Марта думала о том, что ждало того водителя, если бы Джослин не одернула ее. Чем больше Марта колдовала — тем охотнее магия отзывалась ей. Неужели она когда-нибудь дойдет до того, что одно ее мимолетное слово будет иметь последствия для сотен людей?

Если такой была ее сила, то ей она была не нужна. Марта еще больше утвердилась в желании избавиться от своих способностей. Она сделает это, как только вернет Мегги.

Дорожки перед Ведьминой обителью были очищены из рук вон плохо. Дверь бара оказалась открытой, но Марта помедлила, прежде чем войти. Она все еще злилась на Кеторин, которая отмахнулась от нее, но уже меньше. Здравый смысл немного возобладал над гневом и немедленным желанием действовать. Кеторин нужен был отдых, хотя бы недолгий.

Какая Мегги польза, если они придут спасать её, еле держась на ногах от усталости?

И Марта понимала, что без Кеторин и Джослин сестру ей не найти, поэтому нужно было взять себя в руки: не терять связь с реальностью и не давать эмоциям застилать глаза. Умом она все прекрасно понимала, но как перебороть себя — не знала.

Сделав несколько глубоких вдохов, она вошла в Ведьмину обитель. В главном зале было темно, светили только настенные светильники над баром, словно вырывая кусочек жизни у мрака.

Марта еще никогда не бывала в задней части церкви, прячущейся за барной стойкой. С легким трепетом предвкушения она направилась к двери и собиралась уже открыть для себя эту тайну, как дверь распахнулась сама, и перед ней появилась Кеторин со слегка мокрыми волосами и заспанными глазами.

— А-а, это ты, — протянула она, устало улыбаясь. Кеторин обогнула Марту и включила кофе-машину. — Ты хоть спала? Только не говори, что караулила меня здесь.

— Нет, не спала. И нет, я только что пришла.

— И на том спасибо, — буркнула Кеторин и смачно зевнула. — Я вот пыталась поспать и даже, кажется, заснула. Но мои племянники не понимают, что, когда человек спит, он хочет делать это в тишине. Уселись на диване и давай делиться всеми новостями. Когда-нибудь я их придушу — и ни один суд меня за это не осудит.

Рассказывая о своих племянниках, Кеторин попутно искала чистые чашки. Не спросив у

Марты, она сварила порцию и на нее.

— Молока нет. Как и свежих продуктов. Джуди засела здесь, как в бункере, и даже не думала выходить. Видела бы ты, как занесло Ведьмину обитель. Если бы мы вовремя не вернулись, пришлось бы ждать до весны, пока она растает. Или же пришлось бы искать колдуна, способного направить большое количество огня, чтобы растопить снег, но не поджечь мой дом. Вот бы было светопредставление — в Рупи его обсуждали бы еще десятки лет!

Кеторин словно закидывала Марту словами, и в какой-то момент та перестала улавливать суть.

— Вот и доверяй подросткам. Я в ее возрасте была куда исполнительнее...

— Остановись! — перебила ее Марта, вскинув руки. — Я здесь не из-за этого.

— Конечно же я знаю, что ты здесь не из-за этого, — пожала плечами Кеторин и отхлебнула горячего кофе из кружки. — То, что я сонная и уставшая — не значит, что я тупая. Сейчас взбодрюсь и поеду искать Джослин. Она скорее всего в академии, но возможно и в больнице. Хотя на всякий случай можно проверить и ее дом.

— Джослин в машине на парковке. Вместе с ее величеством королевой кровавых ведьм, — Марта вложила в титул все презрение, которое испытывала к ревущей девчонке.

Кеторин вскинула брови и так и замерла с поднесенной чашкой ко рту.

— С Джульеттой Морт?

— Джослин называла ее «Джилс».

— Ты почему сразу об этом не сказала? — спросила Кеторин, отставив чашку. — Где припарковались?

— Рядом с твоей машиной, — ответила Марта.

Как была — в легких пижамных штанах, которые походили больше на юбку, и футболке с коротким рукавом — Кеторин выбежала на улицу, нисколько не заботясь о том, что у нее не до конца высохли волосы. Благо хоть обута была, но не в ту обувь, в которой нормальный человек вышел бы на улицу в такую погоду.

Марта поспешила за ней, но сильно отставала. Так что, когда Марта наконец подошла к машине, Кеторин уже была там и раздавала приказы налево и направо. Марте же она приказала вернуться в Ведьмину обитель и привести Роя, а сама принялась будить Элиота.

Возвращаясь в церковь, Марта услышала обрывок разговора:

— ... давай же, открывай глазки, верзила. Будешь изображать мертвецки пьяного друга.

— Кеторин, пожалуйста, не трясите его так, — взмолилась Джилс.

Ответа Марта уже не услышала, шагая по отвратительно прочищенной снежной дорожке.

Джилс казалось, что это ее трясут, а не Элиота. Ее спаситель стонал, но просыпаться никак не хотел. А каждый его стон резал Джилс, словно ножом по живому. И каждый стон словно кричал ей одну и ту же фразу — из-за тебя.

— Кеторин, пожалуйста, не трясите его так. Ему же больно! — на глаза наворачивались слезы. Она чувствовала себя такой маленькой и беспомощной.

— А как иначе? — вскинула голову Кеторин, прервав свою пытку. — Как, по-твоему, я занесу бездыханное тело в бар на глазах у всего города? Чтобы завтра на моем пороге появился констебль с требованием пройти с ним на неопределенный срок? Нет уж! Он не так серьезно ранен. Войдет на своих двоих, еще и похабные песенки будет распевать на всю

округу.

И с удвоенной силой принялась хлопать его по щекам.

— Но как же...

Джослин ободряюще похлопала ее по руке.

— Она права, девочка. Рупи — городок маленький, и в таких городках слухи множатся так, что и глазом моргнуть не успеешь.

Кеторин залепила Элиоту звонкую пощечину, от которой Джилс поморщилась, и он проснулся. Сонными, затуманенными болью, глазами он смотрел на Кеторин и пытался понять, что происходит и откуда в его Рольфе могла появиться столь неземной красоты женщина. Хотя относительно красоты Джилс надумала сама, потому что в ее мире не существовало никого, кто был бы красивее Кеторин Чубоски, и Элиот был бы дураком, если бы не признал этого или хотя бы не заметил.

Кеторин всегда была для Джилс кем-то вроде кумира детства, и она восхваляла ее так же, как другие люди фанатеют по музыкальным группам. Что же до красоты Кеторин, то это была та живая красота, перед которой склонялись империи.

— Вы кто такая? — спросил Элиот, буравя ее взглядом, в котором не было и намека на то фанатское обожание — лишь негодование и недоверие.

Кеторин ему улыбнулась, а Элиот нахмурился еще больше и попытался сесть на диванчике, чуть не свалившись с него, а затем поморщился от боли, простреливший его тело насквозь.

— Не поверите — ваш ангел-хранитель, врач и лучший друг на ближайшие несколько дней.

Элиот нашарил взглядом Джилс и недоверчиво спросил:

— Это твоя тетя? Ей можно верить? Она ведьма?

Можно ли доверять Кеторин? Джилс могла бы найти неоновые буквы и сложить их в слово «конечно», но в таком случае ее сочли бы сумасшедшей, и поэтому она решила ограничиться кивком.

— О нет, милый, я не ее тетя. На Джилс распространяется то же самое, что и на тебя. Ангел-хранитель, врач и лучший друг. Могу побыть охранником и психологом, но за отдельную плату.

— Она сумасшедшая? — спросил у Джилс Элиот.

Джилс показалось чуточку забавным то, как Элиот обращается к ней, игнорируя других присутствующих.

— Ты как? — спросила она его.

— Я всегда считала себя человеком, не лишенным шарма, а не сумасшедшей, — вторила ей Кеторин, но Элиот пропустил ее слова мимо ушей.

— В целом неплохо.

— Вот и отлично, — протянула Кеторин, поднимаясь на ноги. Подол ее брюк, больше похожих на юбку, был мокрым. И Джилс только дивилась, как Кеторин не тряслась от холода в своем наряде. — Значит до бара дойдешь на своих двоих.

В этот момент Джилс услышала голос вспыльчивой девушки, которую вроде бы звали Марта. Джилс даже не удивилась, что та опять была не в духе.

— Рой, я и с первого раза поняла, что тебе жаль, что мою сестру похитили, и ты хочешь мне помочь. Спасибо. Я действительно благодарна, но не нужно повторять мне об этом десятки раз. Я не глухая.

— Но мне действительно...

— Рой, пожалуйста!

Удивительное дело, но с этим Роем, кем бы он ни был, Марта не была столь резка, как с Джилс. И это не могло не задевать — Джилс не сделала ей ничего плохого. Да, она понимала, что у девушки похитили сестру, но разве это повод бросаться на всех, как разъяренная собака. Джилс даже представить себе не могла, что должно было бы произойти, чтобы она повела себя подобным образом.

Свет уличного фонаря выхватил из темноты высокого долговязого юношу, на фоне которого Марта казалась еще мельче, чем была. Но Марта интересовала Джилс в последнюю очередь. Минуя Кеторин, Джилс подошла к Элиоту и присела на крышку стола.

— У тебя такой взгляд, словно ты меня уже похоронила, — усмехнулся он, и Джилс ответила ему улыбкой.

— Мама всегда говорила, что я склонна драматизировать, — пожала она плечами. — Думаю, Кеторин тебе поможет...

— Мне бы и антибиотики помогли. Джилс, простреленная рука не то же самое, что простреленная нога.

— Говоришь так, словно в тебя каждую неделю стреляют.

— Нет, впервые. И мне чертовски страшно. Но не думаю, что я умираю, — Элиот протянул к ней здоровую руку и сжал ее пальцы. Руки у него были холодные. — Эй, это мое тело. И я не думаю, что оно уже готово попрощаться с этим миром.

— Пытаешься меня успокоить? — спросила Джилс, глотая слезы.

— Да. Получается?

— Не очень.

— Это плохо. Джилс, бери себя в руки, мои нервные клетки не выдержат еще одной битвы со слезами.

— Хорошо, — ответила Джилс, стараясь не разрыдаться в конец. От его слов и доброты становилось только хуже. У Джилс было безумное желание распластаться на его груди и рыдать, пока не пропадет голос, пока будет уже невозможно открыть глаз, и чтобы все это время он гладил ее по спине и говорил добрые слова своим добрым голосом.

Вот только услышала она не голос Элиота, а ехидный комментарий Марты.

— Оказывается он и не при смерти. А ты тут уже развела сырость похлеще, чем на похоронах.

Джилс обожгло волной поднявшегося возмущения.

— Да что с тобой не так? — воскликнула она, обернувшись к девушке.

Та стояла на порожках рядом с высоким юношей, который чем-то отдаленно напоминал Люциана. Сей факт Джилс отметила для себя мимоходом, полностью поглощенная блондинкой. Сейчас, при искусственном освещении, она могла разглядеть ее получше. Она могла бы быть симпатичной и даже миловидной, если бы не хмурое выражение лица.

— Действительно, что со мной не так? Почему же я до сих пор не подношу вам бумажные платки, чтобы утереть королевские слезы?

Кеторин тяжело вздохнула и хлопнула в ладоши, привлекая к себе внимание.

— Сейчас Рой берет Элиота за подмышки и тащит в Ведьмину обитель, попутно распевая похабные песни и восхваляя мое пиво на всю округу. Понятно?

Рой с Элиотом переглянулись и одновременно кивнули. А Кеторин продолжила раздавать указания, как заядлый командир маленького полка, который даже не сомневается,

что все его указания непременно выполняют.

Джилс ничего не имела против подобного расклада: сколько себя помнила, ей всегда было легче подчиняться чужой воле, чем решать что-то самой. И от того, что Кеторин взяла на себя ответственность за нее и за жизнь Элиота, Джилс лишь вздохнула с облегчением.

Рой помог Элиоту подняться и выбраться из машины. Вместе они пошли к небольшой церкви, на которой красовалась огромная вывеска «Ведьмина обителей». Джилс оставалось только надеяться, что охотники на ведьм сочтут подобное шуткой и не станут искать ведьму там, где все буквально кричит об их присутствии.

Джилс, стоя возле Рольфа, смотрела, как паренек тащит на себе Элиота, чуть не складываясь вдвое под весом мужчины, но умело исполняет свою роль — надрывая горло, он пел какую-то невразумительную песню о великой любви и большой груди. Пел он, кстати, хорошо. Джилс даже подумала о том, что с радостью приняла бы ухаживания такого парня, будь она помоложе и спой он ей песню полиричнее.

Кеторин же обогнула Рольф и поспешила к черному входу. Ее огромные штаны развевались на ветру, как паруса. Джилс помогла Джослин спуститься и повела ее к церкви. Марта же осталась, чтобы закрыть Рольфа и поставить его на сигнализацию.

— Не злись на нее, — тихо попросила Джослин. — Марта может быть иногда чересчур резкой и даже желчной, но она не так плоха, как может показаться.

Джилс покосилась через плечо, не желая, чтобы Марта подслушала их разговор. Но та все еще стояла у Рольфа в тщетных потугах поставить огромное красное чудовище на сигнализацию.

— Я не понимаю, почему она на меня взъелась. Я не сделала ей ничего плохого, — так же тихо ответила Джилс.

— Ты не сделала ей ничего. Марта сейчас немного не в себе. Она очень привязана к своей сестре, а ее похитили. И она понимает, что сама не может ничего сделать — оттого и злится. Поэтому я прошу тебя ей помочь. Я бы могла сама попытаться найти ее по крови, но сомневаюсь, что сейчас смогу сделать все правильно.

Джилс вздрогнула, вспомнив о короне, лежащей сейчас в кухонном шкафчике в Рольфе, о кровавых подтеках на лицах охотников, об ожоге на своей руке. У нее было множество причин, чтобы не колдовать.

— Я не хочу иметь ничего общего с кровью, — отрезала она.

— Я понимаю, — кивнула Джослин. — И я бы не стала на тебя давить, если бы обстоятельства были другими. Но и ты меня пойми: на одной чаше весов твое нежелание, твой страх, твое отвращение — называй это как хочешь, а на другой — жизнь восьмилетней девочки. Девочки, которую могут убить — и убить жестоко. Джилс, пойми меня пожалуйста, я не хочу видеть, как еще хоть кто-нибудь разделит судьбу Розы.

Джилс ощутила, как защипало в носу. Она знала историю Джослин, кто же не знал. В городе Кровавых вод ту рассказывали, как страшную сказку для детей. Не стоит связываться с ведьмами и колдунами Шарпы, не стоит плодить полукровок. Говорили, что полукровки, как Джослин, прокляты, так же как и их потомство. Так старшая дочь Джослин — Мария — родилась больной. Малышка прожила всего несколько дней и умерла в своей колыбели. А младшая — Роза, хоть и прожила почти шесть лет, но оказалась не способной колдовать, и жизнь ее закончилась в руках охотников, так толком и не начавшись.

— Я подумаю, — ответила Джилс, сглотнув комок в горле.

— Подумай. Я не тороплю.

Хоть она так и сказала, но Джилс чувствовала, что на нее давят. Разве можно отказать человеку, который согласен помочь тебе в чем-то другом?

Заходя в церковь, Джилс уже решила, что поможет найти девочку, но не более. Она не полезет в пекло. Не пойдет к охотникам, рискуя своей головой. Даже у ее доброты есть пределы.

Ведьмина обитель только снаружи была похожа на церковь — внутри не оставалось ничего, что отдаленно напоминало бы прежнее убранство. Джилс заворуженно водила глазами по утопающим во мраке хорам и барной стойке, отдаленно напоминающей кафедру. Везде были развешены сушеные травы и расставлены бутафорные предметы, призванные вызвать у посетителей мурашки и чувство причастности к чему-то магическому.

«Да уж, моему кабинету далеко до подобного размаха», — подумала Джилс, подводя Джослин к одному из столиков, которых здесь было множество. Те были застелены скатертями с обугленными краями, и на каждом красовалась замысловатая композиция из засушенных цветов и черепов. Оставалось только гадать, сколько сил Кеторин вложила в создание атмосферы.

Но для Джилс были важнее куда более насущные вопросы. Куда они дели Элиота?

Джилс гадала, куда пойти — по лестнице наверх, к бывшим хорам, или в одну из дверей на первом этаже. Но все стало понятно, когда открылась неприметная дверь за баром, и оттуда показалась невысокая девчушка с понурым взглядом.

— Кеторин попросила проводить тебя в квартиру, — тоном обиженного ребенка сказала девочка, даже не подумав поздороваться.

«Похоже мне сегодня везет на насупленных женщин», — подумала она и собирала уже последовать за ней, когда вместе с порывом холодного ветра в Ведьмину обитель вошла Марта.

И если девочка за баром была праведно обиженной, то Марта была праведно разгневанной.

— Где вы только откопали эту колымагу? — возмутилась она, а ветер захлопнул за ней дверь, отчего Марта вздрогнула. — У меня получилось поставить ее на сигнализацию только с десятого раза!

— Рольфу просто не нравятся злобные сучки, — лучезарно улыбнувшись, ответила ей Джилс. — Но даже не смотря на это, я тебе помогу. Мне понадобится кто-нибудь из ваших родителей, живой волк, большая карта и несколько кристаллов соли для компаса.

Джилс на одном дыхании выпалила перечень необходимых ингредиентов и поспешила за девчонкой к Элиоту, боясь передумать. В спину ей донесся полный недоумения возглас Марты.

— Предположим, отца я приведу, карту с солью найду. А с волком мне что делать? Ограбить зоопарк?

— В зоопарке Рупи нет никого кровожаднее хомяка, — ответила ей Джослин.

И даже через закрытую дверь Джилс услышала полный отчаянья возглас Марты. Поднимаясь по лестнице, Джилс даже на секунду пожалела, что не сказала, что на крайний случай подойдет какая-нибудь очень большая собака. Но она решила оставить эту информацию до того момента, пока Марта не приведет своего отца. Джилс понимала, что поступает мелко, но ей хотелось самую малость проучить зазнавшуюся девчонку.

Глава 41. Маленькая Луна

Терру трясло. Сидя на ступенях дома, она прижимала Марту к себе. Та ни в какую не хотела спать, хотя время было самое подходящее — полночь. У Терры перепутался день с ночью, еще когда малышка была у нее в животе: та брыкалась только ночами и не давала матери спать.

Вот и сейчас Терра укачивала ее, наблюдая за тем, как Джослин ходит кругами вокруг забора, возводя защитный купол. Она обильно лила кровь, окропляя каждый дюйм, скрепляя заклятие.

Сама Терра на подобное была не способна: в ее крови не было достаточной силы, чтобы провести ритуал. Да и после рождения Марты Терра начала замечать, что сил в ней стало куда меньше. Возможно, сказывалась усталость и хронический недосып, которыми наградила ее дочь, не желающая спать ночью.

Как будто Терре было мало нервного ребенка, в Руи снова нашли труп. До рождения дочери девушка даже подумать не могла, что будет бояться... теперь она боялась практически всего. Она страшилась за Марту, она боялась за Алистера. Ее пугала неизвестность, подстерегающая на каждом шагу. Магия. Ей казалось, что она чувствует исходящие от дочери магические потоки. Для нее Марта светила, как луна на темном беззвездном небе. Ее нервы уже были на пределе, и Потрошитель Рыб был лишь каплей в море тревог.

Когда Джослин предложила поставить защитный барьер, Терра ухватилась за ее предложение в надежде на то, что ей станет чуточку спокойнее, если она будет знать, что к ним домой не сможет прийти ни один недоброжелатель. Ведь она не могла спать, даже когда Алистер забирал Марту и сам сидел с ней. Удивительное дело, но с отцом Марта была куда спокойнее, чем с ней. С ним она спала спокойнее, с ним она улыбалась чаще. Словно чувствовала себя в безопасности. Рядом с Террой она тряслась так же, как и сама Терра, лоя страх и делая его своим.

Терра покосилась на карту, что лежала на порошках рядом с ней. Ее нарисовала Джослин — необходимая последовательность для активации. Терра хотела взять ее и пробежаться глазами по начертанному, но Марта в ее руках начала истошно кричать, требуя неизвестно чего, и с тяжелым вздохом Терра принялась вновь укачивать ее.

Терра любила дочь, а себя считала отвратительной матерью. Матерью, которая, не успев обзавестись ребенком, уже устала от него. Временами ей самой хотелось лечь и завывать так же, как Марта, в надежде, что придет кто-то и успокоит. В такие моменты она жалела Алистера, который с выдержкой ангела терпел их двоих и еще не разу не сказал дурного слова.

Вот только Марта не хотела ни в какую успокаиваться, и Терра уже начинала думать о том, чтобы пойти и разбудить мужа, наплевав на то, что ему завтра вставать рано.

Джослин не дала ей поступить подобным образом, замкнув круг и подойдя к ней с толстым шилом в руках.

— Пора, — сказала она, протянув руки к Марте.

Терра судорожно сглотнула, крепче прижимая дочь к себе.

— Ох, что-то мне не по себе. Может обойдемся только моей кровью?

Джослин покачала головой.

— *Всего пару капель, чтобы связать заклятие. Не стоит переживать, — Джослин говорила тихо и ласково, словно с ребенком.*

Вот только шло, направленное в этот момент на Марту, казалось ее матери огромным мясницким ножом. А Джослин чуть ли не палачом.

— *Терра, нельзя тянуть. Заклятие может разрушиться, и все мои потуги будут напрасными.*

Терра уставилась на изрезанные ладони Джослин и, сделав глубокий вдох, все же подставила ей маленькую пяточку Марты. Малышка дернулась, и Терра дернулась вместе с ней. Сдерживаясь, чтобы не зарыдать на пару, она принялась успокаивать дочь, краем глаза наблюдая за тем, как Джослин пошла к калитке закрывать вязь барьера.

Мегги помнила, что ей снилась луна. Полная луна. И если бы Мегги не коробило от этого факта, то она признала бы, что луна с ней разговаривала. Она ее успокаивала и говорила, что все будет хорошо. И Мегги очень хотелось ей поверить, но даже во сне она знала, что ничего хорошего с ней не происходит. Собственно, она так и сказала Луне, а та, не моргнув и глазом — если у нее, конечно, были глаза — предложила ей выбирать и идти к ней. Проснувшись, Мегги еще долго вглядывалась в темный потолок над собой и думала о том, как медленно и плавно она скатывается в объятия шизофрении.

О своих странных снах Мегги не рассказала никому. Ей просто некому было рассказывать. Клементина болезненно храпела за стенкой и явно не хотела слушать ни о каких снах. Да и охранник — Мегги так и не поняла, тот же самый или другой — вернулся, и при нем девочка не испытывала ни малейшего желания разговаривать.

Она распустила свою растрепавшуюся косу и принялась расчесывать волосы пальцами. Как же ей хотелось помыть голову и, стоя перед зеркалом, заплести красивую косу, уложить ее по кругу, на манер короны, закрепив шпильками, а потом надеть свежую одежду. Но то были лишь мечты, а потому она заплела свои грязные волосы в тугую косу, а руки обтерла об джинсовый костюм.

Никто даже не подумал принести ей ведро воды, чтобы она могла умыться. Хотя Мегги понимала, что ожидать подобной щедрости от похитителей не стоит, но очень хотелось. Больше хотелось лишь принца на белом коне, — или вора с добрым сердцем, — который заберет ее отсюда и увезет куда угодно, но желательно — домой.

Хотелось Мегги очень многого, но умом она понимала, что у нее есть лишь два шанса на спасение: Марта и магия, которая все-таки решит проснуться в ней. Мегги же видела магический след Вивьены. Тогда почему она не могла направлять магические потоки сама?

Ей хотелось вновь зажечь маленькую сферу, что дала ей Кеторин, но она не решилась, помня о словах Клементины, да и боясь разочароваться, что хрустальная бусина не загорится.

Когда первые волны страха и паники отступили, забрав с собой истерику, Мегги поняла, что находиться в плену — скучно. Ни тебе танцев с бубнами, ни угроз, ни пыток, ни допросов — о ней все словно забыли. И это напрягало, вызывало постоянное чувство напряжения. Мегги не знала, что может произойти в следующую секунду, и время, казалось, растягивалось, становясь вязким, как мед. Мегги тонула в нем, толком не понимая, сколько времени прошло с момента ее похищения.

Клементину забирали еще несколько раз и каждый раз приносили обратно чуть живую. — Они вас пытаются? — тихо спросила Мегги, когда охранник находился на другом

конец коридора, и девочка надеялась, что он не услышит, о чем они говорят, а если и услышит, то не разберет.

— Ага, — уставшим и ослабевшим голосом ответила Клементина. Разговаривать через стенку было крайне неудобно. Мегги не видела ее глаз, не могла понять по мимике, что женщина чувствует, о чем не хочет говорить.

По голосу Мегги могла понять две вещи — Клементина устала и больна, и, даже если в девочке проснется магия, ведьма никак не сможет помочь ей бежать. Как раз-таки наоборот — в случае побега Клементина окажется тем самым балластом, который потянет их на дно. И даже зная обо всем этом, Мегги не могла оставить здесь маму Джуди. Она бы не смогла простить себя после этого.

Вот только все ее мысли о побеге были очень смутными. Сначала она боялась думать об этом из-за рун, вырезанных на ее руках, но со временем — Мегги не знала, сколько его прошло, возможно пара дней, а может быть — пара часов, — они начали ослабевать. Во сне она неосознанно повредила одну из них, и та перестала работать вовсе. Это дало Мегги надежду на то, что сила Вивьены не безгранична, и ее можно сломать.

Но главные потрясения ждали ее впереди. Вскоре после того, как Клементину забрали в очередной раз, и охранник, стороживший их, ушел вместе с теми, кто пришел за ведьмой, у Мегги были посетители.

Мегги не поверила своим глазам, когда увидела лицо Джона за металлической решеткой. Потом не поверила своим глазам еще раз, когда увидела на его лице ободряющую улыбку. Не ту отвратительную улыбку-ухмылку, от которой у Мегги мороз по коже бежал, а улыбку обычного человека с налетом грусти и сострадания.

В других обстоятельствах его улыбка могла бы даже расположить к нему, но сейчас Мегги боролась с желанием вцепиться ему в лицо, как дикая кошка, и исцарапать глаза в кровь. Мегги даже подивилась тому, насколько много в ней необузданной кровожадности. Заслуженной, но все-таки кровожадности. И Мегги не хотела быть такой.

В руках Джон держал большое металлическое ведро и губку-мочалку.

— Как ты тут? — спросил он, и Мегги выпучила глаза.

Ей так и захотелось съязвить и сказать, что она сейчас выбирает книги для своей личной библиотеки — не мог ли он ей что-то посоветовать? Но она сдержалась и просто промолчала, смотря на Джона исподлобья. Ей показалось, что он все понял по ее взгляду, потому что на секунду его улыбка дрогнула, а во взгляде появилось нечто похожее на жалость.

Мегги задумалась, жалел ли он ее только потому, что не знал, что она ведьма, и продолжит ли он это делать, если узнает, что она может видеть магические потоки? Мегги почему-то казалось, что, узнай он об этом — в первых же рядах понес бы ее к костру.

— Я подумал, что тебе захочется умыться, — так и не получив ответ на свой вопрос, произнес Джон, показывая на ведро в своих руках. — Но забыл, что она здесь колдовала.

Мегги заметила, что он не произнес имени Вивьены, так еще и брезгливо поморщился, словно само упоминание магии устраивало ему заворот кишок.

Мегги упорно молчала. Разговаривать с этим человеком ей не хотелось. И Джон это явно понимал. Поставил ведро возле решетки и опустил туда губку. Мегги следила за ним хмурым взглядом, гадая, был в его действиях подвох или же нет. Если он пытался расположить ее к себе, принеся ведро воды, то сильно просчитался. Мегги привыкла к взяткам уровня повыше, да и не принимала она от него никаких подачек.

Джон еще некоторое время постоял — наверное, думал, что Мегги кинется к ведру, и хотел посмотреть на это зрелище. Так и не дождавшись от девчонки никакой реакции, Джон тяжело вздохнул.

— Когда я только начал жить с отцом, мы не особо ладили, — произнес он, и Мегги наострила уши, стараясь внешне никак не выдать того, что внимательно слушает его. — Временами он запирали меня в этой камере — наверное, думал, что одиночество и теснота способны переломить несносный характер. Но я был мальчиком упорным и не любил ни одиночества, ни тесноты. А отец мой все был и остается человеком привычки. Он всегда сажал меня в одну и ту же камеру. В эту.

Джон провел рукой по прутьям решетки и в его взгляде промелькнуло нечто похожее на тоску.

— После третьего или четвертого раза, когда я пересчитал уже все трещины на стенах и полу, я понял, что попаду сюда еще не раз и что мне нужно развлечение получше. Тогда-то я и подгадал время, когда в карцере никого не будет, и проник в свою камеру, чтобы организовать тайник. Охранники никогда за мной особо не следили, так что, думаю, он все еще здесь.

Закончив свой рассказ, Джон развернулся на пятках и ушел, оставив ведро у решетки. Мегги дождалась, пока его шаги стихнут вдалеке, прежде чем подойти к воде. Она наскоро умыла лицо ладонями и, стараясь не думать, что и зачем делает, смыла с запястий остатки крови, которая все еще немного жгла, и натянула рукава кофты до самых пальцев, чтобы скрыть следы. Оставалось только надеяться, что Вивьена не придет и не захочет проверить свои руны.

«Руны», — Мегги мысленно протянула это слово. Да, она называла знаки на своих запястьях рунами, но они явно не имели ничего общего с теми рунами, которые она знала. Это было нечто словно из другого мира. Знаки древнего языка ведьм? Или это разновидность мертвых языков, которые девочка не знала?

Мегги досадливо фыркнула, возвращаясь к своему тюфяку. Ей не нравилось чего-то не понимать. Она считала себя тем человеком, который способен докопаться до сути проблемы. И методы у нее были самые разные — от рационального подхода до театральных слез и истерик. И если второе отлично работало в семье, то в нынешних обстоятельствах она могла положиться только на рациональность и хитрость — хорошо хоть, что и первого, и второго у нее было в избытке.

В какой-то момент Мегги заснула, потому не заметила, как убрали ведро и как привели обратно Клементину. Просто когда проснулась, начала снова слышать ее слабое свистящее дыхание. Эти болезненные хрипы одновременно успокаивали и пугали Мегги. По хрипам она понимала, что не одна, и от того становилось немного легче. По этим же хрипам она понимала, что с каждым разом Клементине становится хуже, и мысленно содрогнулась, представляя, как ей придется рассказывать Джуди о том, в каких страшных мучениях умерла ее мать.

Мегги даже не допускала мысли, что не сможет вернуться домой.

Вот только что делали с Клементиной, Мегги не знала и, пожалуй, это было единственное, чего девочка знать не хотела.

Мегги даже не подозревала, сколько прошло времени, прежде чем она услышала голос охранника:

— Вам сюда нельзя! Глава не разрешал вам общаться с пленниками.

— Ой ли? — послышался ехидный голос Вивьены. — Что-то мне он ничего подобного не говорил. Да и чем я могу навредить нашим милым пленницам. Я же всего лишь посол доброй воли.

От того, сколько яда была в ее словах, Мегги прошиб озноб. Захотелось забиться в угол, спрятаться от глаз злобной ведьмы, но прятаться было негде — вся ее клетушка была как на ладони, стоило лишь подойти к решетке — а потому Мегги осталась сидеть на тюфяке, сжимая в карманах кристаллы с родительскими воспоминаниями, неосознанно ища в них поддержку.

Удивительное дело, но шагов Вивьены Мегги не слышала, лишь по голосу поняла, что та теперь стояла напротив камеры Клементины.

— И как ты тут поживаешь? Смотрю, оценила уже все прелести местного гостеприимства, — обратилась она к Клементине, и слова ее сопровождались ритмичным стуком. Так стучали ногти по металлу.

Клементина надсадно рассмеялась, и смех ее перешел в кашель.

— Покои чуть ли не королевские. Если хочешь, скрепя сердцем, могу их тебе уступить, — ответила Клементина, ни сколько не боявшаяся Вивьены.

— Какая щедрость, — протянула Вивьена, и в голосе ее послышалась улыбка, — но я, пожалуй, откажусь. Мне, знаешь ли, и наверху хорошо. Не люблю надолго прощаться с моей Охотницей.

Клементина вновь рассмеялась так громко, что даже кашель на время отступил. Послышался лязг цепей.

— Надолго прощаться? Да ты часом не сбрендил ли? Вашей Охотницы здесь нет и в помине. Не может она пройти границу междумирья. Ваша вера в нее похвальна, но, что бы вы ни делали, к ней вам не попасть.

Цепи ударились по металлическим решеткам и раздался жуткий звенящий звук, от которого Мегги захотелось заткнуть уши.

— Так ли это? — ядовито-сладко спросила Вивьена. — Ключ мы уже нашли, и он скоро сам к нам придет. А замок? Замок в Шарпе. Я же права? Где же ему еще быть? Да и ты тоже в наших руках. Глава ковена, ключ и замок — вот и все, что нам нужно.

— А с чего ты взяла, что я стану вам помогать? Да и ключ к вам сам придет? Неужели? Ключ уничтожен! Его уничтожили сразу же, как закрыли проход...

— Какая красивая ложь! — воскликнула Вивьена и хлопнула в ладоши.

Мегги поднялась на ноги и, стараясь ступать как можно тише, приблизилась к решетке, чтобы видеть хотя бы Вивьену. Ей было недостаточно слушать, но теперь, когда ей был виден профиль ведьмы, Мегги испугалась не на шутку. У нее был взгляд человека, уверенного в своей победе.

— Наши предки были глупы, — усмехнулась Вивьена. — Они не смогли сложить всю картину.

— А ты смогла? — едко спросила Клементина.

Со своего места Мегги могла видеть лишь краешек носа матери Джуди и копну нечесаных волос. Клементина прижималась лицом к решетке, и их с Вивьеной разделяло настолько маленькое пространство, что они буквально дышали одним воздухом.

Вивьена пожала плечами и рассмеялась своим лающим смехом, который, казалось, делал ее еще более безумной.

— Не я. Госпожа Демьяна. Она все поняла... — она хотела сказать что-то еще, но тут

заметила Мегги и повернулась к ней всем телом. — Соскучилась по мне, маленькая Луна?

Мегги отпрянула, судорожно пытаюсь понять, о чем говорили ведьмы, и борясь с ощущением гадливости, которое вызывала у нее близость Вивьены.

— Ты же не хочешь сказать?.. — впервые в голосе Клементины Мегги послышалась неуверенность.

— Именно это и говорю. Ее сестра — наследница магии, способной открывать и закрывать проходы в междумирье. Хозяйка ключа, — кивнула Вивьена и, подойдя к решетке камеры Мегги, распахнула ее. — Пойдем, девочка, я хочу немного пообщаться с тобой наедине, пока не приехала госпожа Демьяна.

Мегги не знала никакой Демьяны и не испытывала ни малейшего желания идти куда-либо с Вивьеной. В этот момент камера казалась ей действительно райским местом.

— Пленникам нельзя покидать камеры без разрешения мистера Квеберта, — попытался вступить охранник, но Вивьена обожгла его злым взглядом.

— Девчонка — моя пленница, и мне не требуется разрешение вашего хозяина! — каждое слово она вбивала словно гвоздь в крышку гроба.

— Конечно, ты же элитная дрессированная собачонка, подчиняющаяся приказам только одного хозяина, — бросила Клементина. — Зачем тебе с ней разговаривать? Оставь девочку в покое. Она же тебе не нужна.

Слова Клементины, призванные успокоить Вивьену, лишь еще больше распалили ее.

— Вышла, — ледяным тоном приказала Вивьена, и Мегги сочла за благо подчиниться.

— Вы не можете... — предпринял еще одну попытку урезонить ведьму охотник. Вот только смотрел он на Вивьену перепуганным взглядом и не решался подойти. И Мегги поняла, что он боится ведьмы ничуть не меньше нее самой, а возможно даже больше.

— Могу, — хмыкнула Вивьена и, схватив Мегги за предплечье, поволокла к лестнице. Ведьма все так же припадала на увечную ногу, но на удивление не издавала никаких звуков. Хотя, возможно, они тонули в гневной тираде Клементины, которая неслась им вслед. Та требовала вернуть Мегги обратно и нисколько не стеснялась в выражениях в отличие от охотника.

Лестничные пролеты мелькали перед глазами, пока Мегги силилась их запомнить, но их было так много, что не заплутать в них было просто невозможно. Мелькали лица. Десятки, а может и сотни. Кто-то смотрел на Вивьену с опаской, кто-то — с отвращением. Но гневных, полных ненависти взглядов было куда больше. И Мегги просто не могла понять, как женщина умудрялась не обращать внимание на них, целенаправленно таща Мегги по запутанным коридорам, в которых лишь изредка проглядывали окна. На улице была глубокая безлунная ночь.

— Вам не страшно? — спросила Мегги, напоровшись на очередной гневный взгляд, от которого у нее мурашки побежали по коже. Как бы она не храбрилась, но против взрослых ей было нечего противопоставить.

Вивьена сбавила шаг, а затем и вовсе остановилась.

— С чего бы мне их бояться? — спросила женщина, нахмутив брови.

— Они вас ненавидят.

— Тоже мне новость, — фыркнула Вивьена и ткнула пальцем в охотника, стоящего у двери. — Они боятся всего, даже собственной тени. И истребляют все, чего не понимают. Вот только это неважно, ведь скоро все закончится. Мы вернемся туда, где нам должно быть место. И где нет подобных ничтожеств.

Охотник обжег Вивьену взглядом, а та улыбкунула ему и вновь поволокла Мегги по коридорам. Серым безликим коридорам. Обиталище охотников казалось Мегги местом, при строительстве которого люди забыли о таком простом слове, как разнообразие.

В какой-то момент ее вытолкнули на улицу, и Мегги даже на секунду обрадовалась, прежде чем осознала, что улица была ничем иным, как внутренним двором. Идеальный шестиугольник, находившейся между высокими стенами без окон, и незастекленный купол, каркас которого не спасал от снега. А снега там было много, даже слишком много, сугробы достигали Мегги чуть ли не до груди. Между сугробами были прочищены дорожки, которые вели от двери — их было шесть — к центру двора.

Дорожки сходились к одинокой колокольне в центре. Башня была куда старше бетонных стен, что окружали ее. Многоярусная, она белой стрелой поднималась ввысь, к самому куполу. Дорожки, ведущие к ней, были освещены невысокими фонарями, да и из окон колокольни лился мягкий золотистый свет. Колокол наверху, хоть и находился сейчас в покое, но представлял собой завораживающее зрелище. Серебряный, начищенный до блеска, он ловил на себе каждый лучик света и рассыпал его сотнями бликов. На секунду Мегги даже захотелось подняться и рассмотреть его вблизи.

— Раньше они вели себя открыто, — пожалала плечами Вивьена, которая так же, как и Мегги, смотрела на колокольню охотников. — Они гонялись за нами по всему свету и нисколько не стеснялись этого, рассказывая всем и каждому о том, какие ведьмы опасные.

Вивьена отпустила Мегги и сложила руки на груди.

— А теперь посмотри на них: прячутся от всех, ведут какую-то свою подпольную войну. Прикрываются ложью и сразу же соглашаются на союз с ведьмами, если те обещают оставить их в покое. Еще двадцать лет назад ведьму, которая решила бы прийти сюда, даже слушать не стали бы — просто снесли бы голову, не дав даже рта раскрыть. Знаешь, что находится под их колокольней?

— Нет.

— Действительно, откуда тебе знать? — хмыкнула Вивьена и снисходительно улыбкунула девочке. Улыбка ее была все такая же отвратительная. — Склеп с черепами. Тела они сжигали, а вот головы... Головы другое дело — головы они хранят. Как доказательство своей силы. Хотя какая там сила? Пустой звук.

Мегги не оставляла мысль, что Вивьена буквально упивается своей значимостью. Принизив других, пытается возвыситься сама. Если не действиями, то словами.

Телесного холода Мегги не чувствовала — высокие стены надежно защищали от ветра, — а вот в душе ее не отпускало чувство чего-то ужасного, и от этого ее трясло. Она знала, что Вивьена опасна и непредсказуема в своем безумстве. А еще Мегги знала, что верность Вивьены своей хозяйке не удержит ее от жестокости, если ту переклинит.

Вивьена пошла по заснеженной дорожке к колокольне, и Мегги не оставалось ничего иного, как последовать за ней.

— Скажи-ка мне, девочка, что ты знаешь о своей семье? — попросила она, даже не посмотрев на Мегги.

Мегги знала, что с ответом тянуть не стоит.

— Отец экономист, мать домохозяйка. Бабушка раньше имела большой вес в городе... — Мегги начала перечислять факты, которые в Рупи мог знать, если не каждый, то как минимум каждый второй, житель.

— Я не о том, — махнула рукой Вивьена. — Я о магии. И не говори, что ты о ней не

знаешь. Твоя сестра — ведьма, наследница силы. Великой силы, на самом-то деле, — Вивьена остановилась и повернулась к ней. — Судя по твоему взгляду, могу сказать, что о силе ты знаешь, а о ее истории — нет. Госпожа Демьяна считает это вполне логичным. Отдай силу человеку, не умеющему ей пользоваться, и уничтожь все знания о ней. Как результат — сила будет похоронена.

Мегги против своей воли жадно ловила каждое слово. Ей хотелось знать и знать как можно больше. Вот только словам Вивьены нельзя было верить полностью.

— Хочешь, расскажу тебе сказочку? Дети же любят сказочки?

Мегги кивнула.

— Что ж, тогда, пожалуй, начну. Когда-то давным-давно не было ничего. Была лишь тьма, бескрайняя и беспроглядная, самого понятия жизни не существовало. Но однажды бескрайнюю тьму прорезал луч света — или же это была маленькая искорка света, зародившаяся в глубине тьмы, — никто не знает доподлинно, ведь начало истории было положено очень давно и прошло через десятки миров и миллиарды существ, прежде чем ее узнала я, — взгляд Вивьены затуманился. — Так вот, тем лучом света, той искрой жизни, был Создатель. Никто не знает, кто он, никто не знает, откуда он пришел. Создатель просто был. Маленький ребенок, блуждающий во тьме. Создателю было одиноко, даже слишком одиноко, и он начал разрывать тьму. Он создавал в ней проходы, раскрашивал ее светом. Так, в бескрайней тьме, словно звезды на небе, стали зажигаться миры. По воле Создателя, они были разными, уникальными, не похожими друг на друга. Но Создатель исчерпал себя, истратил все, что у него было, и его свет погас.

Мегги прошиб озноб. Вивьена продолжала свой рассказ, и получалось у нее это завораживающе.

— Так появилось междумирье — остаточная тьма, разорванная на клочки. Так появились миры, и жизнь в этих мирах текла по-разному. Какие-то развивались стремительно, какие-то столь же стремительно разрушались и гасли, растворяясь во тьме. В одном из таких миров жили существа, обладающие невероятной силой, но их мир рассыпался на глазах, и даже их сила ничего не могла с этим поделать. Они не были Создателем, и миры были им не подвластны. В этом мире жила прекрасная Луна, и был у нее муж — яркий Сол. Их дочь впитала все самое лучшее, что было в них, — она была яркая и прекрасная. И очень любила охоту, но не очень любила свою мать. Если у Охотницы и было когда-то другое имя, никто его не знает.

Они подошли к колокольне и замерли в круге теплого света, лившегося из окон нижнего яруса. Вивьена ненадолго замолчала, а Мегги тем временем обдумывала историю и не находила в ней точек соприкосновения со своей семьей. Почему Вивьена вообще ей об этом рассказывает? Или то действительно детская сказка, финал которой должен чему-то научить?

— Их мир разрушался, а они не хотели в нем умирать. И тогда прекрасная Луна нашла способ войти в междумирье, что она и сделала, забрав с собой свою семью и горстку существ, которым не желала смерти. Вот только они не могли долго существовать во тьме междумирья, хоть оно и было удивительно притягательным. Им пришлось покинуть междумирье и шагнуть в один из миров — самый плотный и самый сильный, который не разрушился бы так же, как их родной. Но этому миру в своей первозданной форме они были чужды. Так прекрасная Луна застыла на ночном небе вместе со своей маленькой прекрасной дочерью. Она стала большим белым светилом, за которым пряталась ее маленькая красная

дочь. Сол даже в этом мире был слишком ярким, появляясь на небе, он освещал его своим теплом. Фейшал, подруга Луны, которую та не могла обречь на неизбежную смерть, проросла корнями в земле, а кроной устремилась к небу, чтобы иметь возможность хоть изредка говорить со своей подругой. В новый мир пришла и огненная Вал, сестра Сола. Она стала горой, чрево которой вечно бурлило от гнева и порождало невиданных прежде существ.

В тот мир пришли многие: разлившийся океанами и морями Адов, холодная и вечно недовольная Лидэя, которая ледяными ветрами блуждала по миру, который ей не нравился. Лидэя умирала со скуки, но однажды она повстречала странных существ, созданных Вал. Их кожа была такой же толстой, как покатые склоны Вал, а из их огромных пасть извергался огненный гнев их матери. И она начала созидать.

Мегги хотелось задавать вопросы — которых у нее было целое море буквально по каждому пункту — но она боялась задать свои вопросы Вивьене: мало ли в какой момент ведьму переключит. Как говорится, от доброй сказочницы до злой волшебницы — один шаг.

Вивьена говорила о сущностях, но Мегги уже давно поняла, что ей рассказывают сказку о Богах. Богах какого-то иного чуждого мира. Слова Вивьены были заученными, даже фанатичными, и создавалось впечатление, что Вивьена верит в каждое произнесенное слово. Вот только Мегги не могла относиться к ее словам без скептицизма.

— Лидэя создала существ, — продолжала Вивьена, — из ветра и снега. Кожа их была холодна, как лед, в глазах их не было жизни, а дыхание было способно сковать даже неукротимый огонь гор Валы. Те существа не были похожи на нас с тобой, в них не было ничего человеческого. Они были больше, сильнее, в их жилах никогда не текла кровь. Но они очень нравились Охотнице, они завораживали ее, так же как и ее мать. Луна, которая никогда не ладила со своей дочерью, а теперь была отделена и от мужа, была очень одинока и начала...

— Убывать с неба? — не без иронии предложила Мегги.

— Да, — кивнула Вивьена. — Так же, как и здешняя Луна, однажды та просто пропала с неба, оставив то своей дочери. Луна всегда была сильна, и она была единственной, кто мог изменить свою форму, потому что единственная была связана с междумирьем. Она сошла с небес и приняла форму, близкую к своей первоначальной. В чем-то она была похожа на себя прежнюю, но в то же время была невероятно далека и не так прекрасна. В теплых лучах Сола она возлегла с ледяным существом. И понесла от него дитя, маленькую лунную девочку. Ее волосы были цвета Луны. Ее кожа светилась, как Луна. Ее глаза были льдинами, как и льдистые глаза ее отца. За одним лишь исключением — лед ее глаз был зеленый.

Мегги поджала губы.

— Лед становится зеленым, если в нем содержится железо, при окислении оно...

— В жилах этой девочки текла кровь, — перебила ее Вивьена, явно недовольная, что Мегги вклинилась в рассказ. — Кровь, которой не было у ее отца, но была у ее матери. И мать любила ее больше всех на свете. Она любила ее так, как никогда не любила Охотницу. И девочка отвечала ей взаимностью. Она всегда была ведома своей матерью. Она всегда была ведьмой. Так появились первые лунные ведьмы. Так зародилась ваша магия. Магия, которая даже в другом мире продолжает влиять на вас. Маленькая прекрасная девочка со светлыми волосами и зелеными глазами. И я не могу понять, почему эта магия влияет на тебя, но я не чувствую в тебе ни малейшего ее отголоска. Может кто-то прячет ее?

Мегги сглотнула под пристальным взглядом Вивьены.

— Или может она еще не пробудилась? Твоя магия должна светить, как Луна в ночи, а ты не похожа даже на маленькую звездочку. И это странно, — продолжала рассуждать Вивьена, а Мегги ощутила, как у нее вспотели ладони.

Ей хотелось развернуться и бежать отсюда со всех ног, но она продолжала стоять, стараясь не подавать виду, как ей страшно.

Вивьена улыбнулась:

— Ты — жестокая маленькая девочка. Страдания твоей бабушки не заставили твою силу пробудиться. Она для тебя ничего не значила? — Вивьена выгнула бровь. — Мне кажется, если она еще жива, то расстроится, когда узнает об этом.

— Вы не правы, — дрожащим голосом ответила ей Мегги, прекрасно понимая, что сейчас ей стоило бы промолчать. Она знала ее провоцируют.

— Не права? Это я-то?

И прежде чем Мегги успела понять, что происходит, Вивьена наотмашь ударила ее по лицу. Губа лопнула, как перезревший плод. Мегги, которую никогда в ее жизни не били, ошалело провела языком по губам, ощущая медный привкус.

— Вот видишь, у Лунных ведьм есть кровь, а мы, кровавые ведьмы — дочери Охотницы, дочери преданной дочери — можем ее контролировать, — улыбка на губах Вивьены стала еще шире.

Она схватила Мегги за подбородок и прижала палец к треснутой губе. Она ощутила жжение. То медленно распространялось от ее губ по всему телу, и она ничего не могла с этим поделать: ни отстраниться — тело словно перестало ее слушаться, — ни даже воспользоваться магией.

Мегги понимала, что именно этого Вивьена от нее и добивалась. Но она не собиралась идти на поводу у ведьмы. Несмотря на жжение, разгоревшаяся в ее венах, несмотря на ужас, обуревавший ее, Мегги не пошла по легкому пути. Она ощутила свет, маленький огонек внутри себя, но не потянулась к нему. Только не ради Вивьены.

Она верила, что Вивьена не станет убивать ее. Уж точно не сейчас. А потому старалась стойко вытерпеть пытку, не показав своей слабости. В какой-то момент она закричала, закричала пронзительно громко. В этом крике отразилась вся ее боль, весь ее ужас.

Но Мегги не осквернила свою чистую магию, хотя все, чего ей хотелось, — собрать всю свою боль воедино и направить ее на Вивьену.

Глава 42. Главная по договоренностям

Марта чувствовала себя самолетом с включенным режимом автопилота. Она заварила чай, поставила перед Джослин чашку, от которой исходил пар, и помогла нащупать ей ручку, прежде чем села напротив женщины.

— Осторожно, еще горячий, — рассеянно предупредила она.

Мысли ее были где-то далеко. Последние полчаса она не думала о сестре, она не думала о похитителях. Она не думала и об отце. Она гадала, где ей взять волка. Вариант с зоопарком отпал сам собой — да, она сомневалась, что могла бы незаметно выкрасть волка. Это тебе не хомяк, которого можно пронести в кармане.

И что остается? Ловить по лесам на живца? В лесах вообще еще водятся волки, или цивилизация загнала их настолько глубоко в чащобы, что они от туда и носа не кажут?

— Ты отцу позвонила? — спросила Джослин.

— Написала, — буркнула Марта, мысленно пытаюсь вспомнить все, что она знала о волках. Вот только единственный факт, который она о них знала — это то, что они существуют.

Кусочек здравого смысла, который у нее еще остался, подсказывал, что Джилс просто подшутила над ней и вовсе не собирается ей помогать.

— Он скоро придет?

— Не знаю. Он не написал, — отмахнулась Марта. — Джилс... она... волк точно нужен? Зачем?

Джослин грустно усмехнулась.

— Точно. Для жертвы. Кровавая магия всегда требует жертвы: либо нашей, либо чьей-то чужой. Для поиска по крови нужна кровь охотника — охотника, способного долго идти по следу, способного выследить любую жертву. Нам бы мог подойти человек, долгое время занимающийся охотой. Но я не знаю ни одного человека, который выжил бы после того, как потерял всю кровь. Поэтому и остаются только животные — хищники, если быть точнее. Волк — оптимальный вариант, но в худшем случае подойдет и охотничья собака.

Джослин объясняла все довольно доходчиво, Марту аж пробрало.

— Она его убьет? — уточнила девушка, скривившись.

— Да, — как ни в чем не бывало ответила Джолин. — Все верно. А после смешает его кровь со своей и кровью твоего отца и пропитает ею кристаллы соли. Таким образом мы получим что-то вроде компаса, указывающего на его детей. А затем нам понадобится частичка Мегги, чтобы сделать компасы, которые поведут только к ней. У каждого заклятия есть свои нюансы, а так как вы с Мегги одной крови, компас будет тянуться и к тебе, и к ней. Так что тебя из этого уравнения нужно удалить, и лучший вариант — капля ее крови или хотя бы волос.

Голос Джослин не дрогнул ни разу, а вот Марта никак не могла отделаться от ощущения гадливости. Убить существо, смешать его кровь — во всей этой магии было что-то неправильное.

Пока они сидели и разговаривали, по обители шныряла Джуди. Она бегала то в кабинет Кеторин, то в кладовку, и ее руки были постоянно чем-то заняты — то книги, то склянки, то травы, то бинты. Джуди выглядела понурой и молчаливой, избегала взгляда Марты, словно в чем-то перед ней провинилась.

Марта отметила это между прочем, не сильно задерживая на Джуди внимание. Чувства и мысли посторонних ей людей занимали одну чашу весов, а другую — Мегги, и эта чаша явно перевешивала.

— Напиши отцу, пусть принесет ее расческу, — попросила Джослин, и Марта выполнила просьбу, все еще не понимая, что ей делать с волком.

Кеторин спустилась через четверть часа или около того. Уставшая, вымотанная до предела, с копной спутанных волос, с тусклым взглядом и глубокими морщинами, прорезавшими лоб, и собравшимися стрелками возле глаз. Марте даже показалось, что она выглядела старше.

— Чашка крепкого кофе мне не поможет, — провозгласила она, включая кофемашину. — Меня спасет литр кофе, тушь и патчи под глаза. Возможно, шампанское мне бы тоже помогло, но, боюсь, не сейчас.

— Нам нужен волк, — выпалила Марта, уставшая переваривать эту проблему.

— Волк? — удивленно выгнула бровь Кеторин. — Тоже мне проблема. Девчонка согласилась помочь? Просто я так и не поняла, о чем она говорила, мешая слова с рыданиями и размазывая сопли по щекам, пока я распарывала ее не самые аккуратные стежки. Не люблю людей, которые рыдают по поводу и без...

— Не смей так говорить о Джилс! — в голосе Джослин послышались стальные нотки, и Марта даже вздрогнула. Ей был знаком этот тон — так она отчитывала учительниц, которые в чем-то провинились, и детей, которые вели себя неправильно. Хотя, учительниц Джослин отчитывала чаще, чем детей.

Вот только Кеторин даже не посмотрела в сторону начальницы Марты, просто проигнорировав женщину и ее недовольство. Та свернула с конфликтной тропы так быстро, что Марта не сразу среагировала и не успела подстроиться под нее.

— Так вы говорили о волках. Нужен какой-то конкретный? Серый? Белый? Одноухий? С помеченными лапами? Или может быть совсем без лап?

— Любой, — ответила вместо Марты Джослин. Холодка в ее голосе не убавилось, но было видно, что ни она, ни Кеторин не собираются конфликтовать. — Самый обычный. Главное живой.

Кеторин хлопнула в ладоши и просияла широкой улыбкой, которая словно ластик стерла следы усталости с лица женщины.

— Так это еще проще! Будет вам волк.

Марта, как замороженная, смотрела на Кеторин. На то, как она играючи решает проблему, над которой Марта ломала голову, не зная, с какого бока к ней подступить. Один телефонный звонок, строго поставленная задача, несколько улыбок и комплиментов, а еще обещание выпить по чашечке кофе как-нибудь на досуге. И все. Она отложила трубку, и, подперев подбородок ладошкой, отпила кофе из большой кружки — его она, кстати, варила, попутно разговаривая по телефону.

— Волк скоро будет, — оповестила она их и блаженно улыбнулась. — Еще что-то нужно?

— Соль, — каким-то не своим, слабым голосом ответила Марта.

Кеторин лишь отмахнулась.

— Этого добра у меня завались. Пойду проверю, как там наша рыдающая королева.

Кеторин развернулась и скрылась за дверью бара. А Марта все тем же ошалевшим взглядом смотрела ей вслед.

— Она невероятна, — пробормотала она, и лишь когда услышала ответ Джослин, поняла, что произнесла слова вслух.

— Она не невероятна, а всего лишь эксцентрична, и успела за свою жизнь обзавестись большим количеством связей. Такие, как Кеторин, идут по жизни легко, в то время как другим приходится бродить во тьме, не зная, куда податься, — в устах слепой Джослин слова казались куда зловещей, чем если бы их произнес кто-то другой.

Джилс смотрела на спящего Элиота. Кеторин отдала ему свою большую мягкую кровать, вот только для Элиота она не была такой уж большой. Элиот был большим мужчиной, очень большим и очень добрым. Джилс умела разбираться в людях. Она знала, какие они, знала по тому, какая кровь течет в их жилах. Кровь всегда шептала. Раньше ее голос был похож на шелест листьев, а, может быть, дыхание ветра. В этот голос нужно было вслушиваться. Вслушиваться очень внимательно, иначе был шанс не разобрать голоса.

Но то было раньше, то было до того, как ее пальцы сжались на медном обруче короны. А ведь она не поняла этого сразу. Что-то изменилось уже тогда. Вот только тогда Джилс думала, что корона связывает ее с кровью других ведьм. Других кровавых ведьм.

Джилс посмотрела на свой шрам, спрятанный под бинтом. Кеторин великодушно обработала его каким-то своим зельем и перебинтовала. Женщина, которая столько лет была ее кумиром, тоже была доброй и великодушной.

Теперь Джилс это точно знала. Потому что корона была усилителем. Подарком Охотницы, богини, которой доброта никогда не была свойственна. Охотница была ревнива, Охотница была алчна. Она никогда ничего не дарила.

В детстве бабушка рассказывала Джилс сказки об Охотнице. И об усилителе, который та даровала избранной ведьме. Ведьме, которая отреклась от своей матери. По прошествию лет подробности истории стерлись из памяти. Джилс никогда бы и не вспомнила об этой истории, если бы кровь не пела для нее.

А кровь пела, да к тому же так громко, что Джилс хотелось закрыть уши. Только это не помогло бы, ведь кровь отзывалась в ней. А кровь ведьм пела громче, чем кровь обычных людей.

Раньше, когда все ее мысли были поглощены Элиотом, а до этого ковенom и охотниками, не обращать внимание на сей факт было проще, она даже и не замечала его. Но теперь, когда Элиот мирно спал на кровати, кровь набатом стучала в венах.

Даже не глядя на Джуди, сидящую на диване, Джилс знала, что та глубоко опечалена. А ее брат, резонируя, грустит вместе с ней. Благо она не слышала крови Кеторин, Марты и Джослин. У этой ее способности был диапазон действия. И она была готова даже возблагодарить Охотницу за то, что на нее не свалились эмоции и чувства всех людей этого мира. От такого она сошла бы с ума за считанные секунды. Невозможно сопереживать всем и каждому. Джилс считала себя доброй и даже сердобольной, вот только доброта не бездонная чаша, из которой можно черпать, не останавливаясь. Как и ненависть. У всего есть дно.

Джилс не знала, сколько времени она просидела так возле кровати Кеторин, погруженная в свои мысли, пытаясь отстраниться от магии, которая не желала отпускать ее. Корона, запертая в ящике в Рольфе, все равно дотягивалась до неё, и Джилс не знала, какое расстояние должно было развернуться между ними, чтобы корона перестала влиять на нее.

Кеторин вошла в студию с огромной кружкой с кофе в руках.

— Как дела у нашего мальчика? — громко спросила она.

Она окинула свою квартиру-студию взглядом, задержавшись на каждом лице. От Роя, который смотрел на тетю со смесью уважения и страха, и Джуди, которая тихонько всхлипывала и избегала взгляда Кеторин, до Джилс и спящего Элиота.

— Вижу, он спит, — кивнула она. — А ты наконец-то перестала реветь. Что ж, отлично... Рой, Джуди, я поставила на кухне кипятиться курицу, пойдите проследите за ней.

Рой вскочил на ноги чуть ли не мгновенно и потянул за собой сестру. Кеторин посторожилась, пропуская их. Но прежде чем закрыть за ними дверь, она крикнула им вслед:

— Джуди, умойся и прекрати уже меня избегать. Я уже не злюсь.

Она закрыла дверь и, прислонившись к ней спиной, сделала несколько глотков из своей кружки.

— Если честно, терпеть не могу детей в этом возрасте. Они считают себя уже достаточно взрослыми, но не понимают, что от ребенка их отличают разве что лишние дюймы в росте. Взрослыми нас делает не возраст, а опыт, вынесенный из ошибок. Знаешь, в их возрасте я творила такое, за что собственных детей придушила бы.

Джилс было сложно представить, что такого могла сотворить Кеторин, за что на нее можно было злиться. Возможно, потому что смотрела она на нее через призму детского обожания.

— Ладно, — она взмахнула рукой, словно отмахиваясь от предыдущей темы. — Я хотела поговорить не об этом. Мне нужно, чтобы ты сплела для меня еще одно заклятие поиска, кроме того, что сплетешь для Марты.

Не просьба, и не приказ. Просто признание нужды. И то, каким именно голосом была озвучена эта нужда, заставило Джилс задержать дыхание. Кеторин не давила на нее, как Джослин, не зывала к чему-то глубинному.

— Взамен я дам тебе защиту. Тебе и твоему принцу.

Джилс захотелось возмутиться. Почему они все называли Элиота ее принцем? Но Кеторин не дала ей такой возможности, продолжив говорить.

— Потому что есть лишь два варианта или же два места, не суть важно, где маленькая королева сможет жить спокойно, Шарпа — одно из них. Под защитой ковена ты будешь в безопасности.

— Пленницей, — выдохнула Джилс. Плененная королева — разве не об этом она думала? Королева-марионетка, переходящая из рук в руки — незавидная участь, как ни посмотри.

Кеторин покачала головой.

— Рычагом давления. Я более чем уверена, что Старейшины попытаются использовать тебя для давления на город Кровавых Вод.

Джилс шмыгнула носом, стараясь прогнать слезы обиды.

— Им нужна не я, а корона. Я не смогу давить на ведьм, которые отказались от меня. Им не нужна такая королева, как я.

Кеторин фыркнула.

— Конечно, не нужна. Слабый всегда подчиняется сильному. Но в глазах Демьяны сильная она, а не ты. И, чтобы город Кровавых Вод подчинился тебе, в твоих руках должна быть такая сила, такая мощь... Ты должна одним лишь взглядом вселять в них трепет. Вселять ужас. Для кровавых ведьм плачущая королева — не королева вовсе.

Джилс содрогнулась. Ломать чужую волю? Подчинять людей себе? Запугивать их?

Джилс не могла себе даже представить подобного. Все, чего она когда-либо хотела, это спокойной жизни рядом с таким мужчиной как Элиот, добрым и заботливым.

— Вижу, подобный вариант тебе не по душе, — заметила Кеторин, и Джилс коротко кивнула. — Тогда я предлагаю тебе другой вариант. Я дам тебе приют и дам тебе защиту. Место, где никто и никогда не найдет тебя, а взамен прошу найти мою сестру.

— Ты предлагаешь так много, а в замен требуешь очень мало. Почему?

На губах Кеторин заиграла улыбка, такая яркая, что даже солнце рядом с ней меркло бы.

— Потому что могу.

— Они не перестанут меня искать. Демьяне нужна корона, — Джилс покачала головой. Она уже почти не верила, что в этом мире есть хоть одно место, где она могла бы быть свободной. Не только от ведьм, но и от короны.

— Я подумаю, что можно с этим сделать, — ответила Кеторин и села на диван. — Не в обиду тебе будет сказано, но я люблю иметь дело с кровавыми ведьмами.

— Я не в обиде, — Джилс постаралась улыбнуться.

— Жесткость у них в крови. Причем чрезмерная.

Джилс не сомневалась в том, что Кеторин не гребет их под одну гребенку, но о людях чаще всего судят по их лидеру. И бабушка Джилс никогда не была образцом добродетели. Образцом жестокости? Да, конечно. Только эта жестокость никогда не обращалась к Джилс. Для нее Королева Ведьм — была бабушкой и никем другим. Но помимо жестокости в бабушке были и другие качества: она была хорошим политиком и хорошим стратегом, пока Болезнь не подточила ее. В годы ее главенства все конфликты между городом Кровавых Вод и Шарпой нивелировались. Теперь же, когда место у руля заняла Демьяна — оставалось только гадать, сколько времени пройдет, прежде чем холодное перемирие перерастет в открытое противостояние.

— Мне ведь не позволят спрятаться? Не уберут с доски, как ненужную фигуру? Ты говоришь, что можешь меня спрятать, и я хочу тебе верить. Действительно хочу. Но я не верю, что это возможно. По моему следу идут охотники, и кровавые явно не захотят от меня отступить. Поэтому я спрашиваю, где ты хочешь меня спрятать? Что это за место?

— Шарпа, — Кеторин пожалала плечами, мол, о чем ещё можно было думать.

Джилс моргнула, окончательно запутавшись в паутине, которую пыталась сплести Кеторин.

— Я не понимаю. Ты говорила, что Старейшины пытаются меня использовать, чтобы повлиять на Демьяну.

— Попытаются, — кивнула Кеторин.

— И сделают меня пленницей междумирья.

— Непременно.

— Тогда я что-то не улавливаю сути. Почему ты предлагаешь мне прятаться в Шарпе?

— Потому что когда я стану главой ковена, Шарпа станет для тебя самым безопасным местом. Тихой гаванью с карт-бланшем на вход и выход. Старейшины никогда не пойдут против своей главы после того, как признают ее.

— Но госпожа Клементина... — начала протестовать Джилс, но Кеторин перебила ее.

— Клем Глава лишь на словах, и я убедилась в этом, когда последний раз была в Шарпе. Ковеном управляют Старейшины, одна из которых вскоре отойдет от дел на длительный промежуток времени, — встретившись с полным непонимания взглядом Джилс, Кеторин пояснила. — Она беременна. А я слишком хорошо ее знаю, и с уверенностью могу

предположить, что не пройдет и месяца, как она возьмет отвод и полностью растворится с ребенком. Поэтому ситуация складывается следующая: освобождающееся место Старейшины и пустующее место Главы. Все, что мне нужно, — убедить Клем отступить от места Главы.

— И стать Старейшиной, — дополнила Джилс, которая начала понимать ход мыслей Кеторин.

— Именно. А для этого нужно ее найти.

— И для этого тебе нужна я? И ты согласна обеспечить мне полную защиту, если я помогу?

Кеторин кивнула.

— А Элиот?

— Что Элиот?

— На него твое предложение распространяется?

— Не вижу ничего зазорного в том, чтобы королева привела своего протеже в Шарпу.

— А если он не захочет там оставаться? — выдохнула Джилс, покосившись на спящего и вымотанного до нельзя мужчину.

— Сомневаюсь, что не захочет, — хмыкнула Кеторин. — Но при таком раскладе я обвешу его защитами, как елку на Рождество, и отправлю в мир.

— С возможностью вернуться, когда он пожелает, — потребовала Джилс.

Кеторин закатила глаза и нехотя ответила:

— Хорошо.

— Тогда по рукам, — ответила Джилс, ощутив под ногами твердую почву.

Возможно, план Кеторин и не был идеальным. В нем было слишком много «если» и слишком много того, что могло пойти не так. Старейшина могла не уйти на покой, госпожа Клементина могла не отказаться от места Главы. Другие Старейшины могли выступить против Кеторин.

Слишком много «но».

Но даже самый шаткий план лучше, чем его отсутствие. И Джилс охотно ухватилась за предоставленную возможность и даже умудрилась выторговать для себя и Элиота небольшие привилегии. Ведь она чувствовала себя ответственной за этого мужчину, и если не ради себя, то ради него — человека, помогающего ей практически безвозмездно, — она готова идти дальше.

— Мы можем включить в сделку пункт о бензине? — спохватилась Джилс.

— О бензине? — Кеторин удивленно посмотрела на Джилс. — О каком таком бензине?

— Я обещала Элиоту оплатить бензин, — неуверенно пробормотала Джилс. — За то, что он довез меня сюда. У меня нет денег, чтобы оплатить...

Кеторин выпучила глаза, а затем громко рассмеялась.

— Какие меркантильные нынче принцы пошли, — она покачала головой. — Ладно, оплачу я ему бензин. Только пусть чеки предоставит. Я надеюсь, лошадь ему покупать не нужно? Ну, там, для подвигов... каких-нибудь...

— Не нужно, — сконфуженно буркнула Джилс, не видя никаких поводов для веселья.

Коул чувствовал себя немного... немного злым... немного расстроенным... немного неуверенным, идя по отвратительно чищенным дорожкам к Ведьминой обители вслед за Алистером Рудбригом. Он чертовски замерз — хотя в последнее время и начинал считать

данное состояние нормой для него, — но никак не мог с этим смириться. Он тер руки в карманах, надеясь хоть немного прогнать онемение из пальцев.

Он злился на Марту. Он злился на два коротких слова — «Мегги» и «расческа» — заставивших их повернуть назад практически возле самой Ведьминой обители и вернуться домой, чтобы найти расческу — маленький розовый гребень, в котором запутались светлые длинные волосы, а потом вновь проделывать путь по снегу.

Злость.... Конечно, он испытывал злость. Но как же он скучал по тому времени, когда его эмоции были чистыми, без примеси других. Если злость — то злость, если грусть — то грусть, если счастье — то счастье. А как быть, если ты испытываешь злую грусть? Когда тебе жаль человека, но все его поступки вызывают у тебя желание взять его за плечи и хорошенько встряхнуть, чтобы аж зубы застучали, чтобы мозги встали на место.

Ему хотелось встряхнуть Марту, и при этом он жалел ее. И нынешние чувства шли в разрез с теми, что он испытывал еще месяц назад.

Поглощенный своими чувствами и попытками их проанализировать — что и раньше него получалось довольно посредственно — Коул буквально врезался в мистера Рудбрига. Тот стоял напротив входной двери и стучал по ней кулаком.

Прошло еще несколько минут, прежде чем Коул услышал из-за закрытой двери голос Марты:

— Знаете, я не удивлюсь, если волк придет сюда на своих двоих. Или же четырех? — в ее голосе даже звучали нотки тихого, скрытого под толщей отчаянья, веселья, а затем дверь открылась.

Коул стал зрителем странной сцены. Он видел Марту, которая распахнула дверь. Ее взгляд был живым, хоть и грустным, а потом, стоило ее глазам встретиться с глазами отца, их заволокло поволокой, лишившей их каких-либо эмоций. Он смотрел на нее из-за плеча мистера Рудбрига, и произошедшие изменения были мгновенными: будто раздался звук упавшего забрала шлема — секунду назад покоилось наверху, а вот уже закрывает лицо. Стой Коул чуточку дальше, он никогда бы не увидел этого.

Голос Марты был таким же безжизненным — из него на секунду пропали все краски, прежде чем смениться полным безразличием.

— А, это ты. Расческу принес?

И, удивительное дело, еще минуту назад мистер Рудбриг спешил, бежал на помощь своей «маленькой тучке», а сейчас стоял, как истукан, и даже не подумал обнять дочь, которую давно не видел и которую — Коул был в этом уверен — любил.

И голос мистера Рудбрига был таким же до смешного безэмоциональным, когда он ответил:

— Да, принес.

Коул обогнул мистера Рудбрига и стал между ним и его дочерью так, чтобы видеть обоих. Взгляд мужчины оказался зеркальным отражением пустого взгляда Марта. Вот только когда отец и дочь посмотрели на Коула — его прошиб озноб, потому что в их глазах появились эмоции.

Марта смотрела на него со смесью недовольства и, кажется, вины, а мистер Рудбриг — взглядом, полным благодарности. И Коул понял одну простую вещь — что бы между этими двумя ни происходило, Алистер знал о причинах, но, похоже, не считал нужным делиться информацией ни с Мартой, ни с кем-либо еще.

— Что, дружки-охотники не приняли тебя обратно? — не без яда в голосе спросила

Марта.

Коул растянул губы в широкой улыбке.

— Ты такая милая, как куст крапивы.

— А ты все так же просто ас в комплиментах, — копируя его улыбку, ответила Марта и отступила, пропуская их внутрь бара.

И Коул вошел. Вошёл, широко расправив плечи, словно ему здесь было самое место, словно его тут ждали. А правда была в том, что ответ Марты — эта ее подколка или же ответ на его подколку — словно ластиком стер его напряжение. Они словно бы ступили на проторенную дорожку, по которой ходили не один год, и на этой дорожке ему было спокойней. На этой дорожке он чувствовал себя уверенно, но стоило с нее сойти — и он уже не знал, что ему делать.

И пока он решил придерживаться этого пути и надеялся, что Марта не свернет с него.

— О, комплименты — это мое все, — усмехнулся Коул. — Однажды за комплимент мне вылили кружку чая на голову. А я всего лишь сказал, что у девушки красивые глаза.

— Дай угадаю, ты сравнил их с лошадиными?

— Нет, — покачал головой Коул. — Сказал, что они такие же потрясающе большие, как у коровы.

Марта коротко рассмеялась, а Коул поймал на себе еще один очередной полный благодарности взгляд Алистера, словно для того сам факт, что его дочь может смеяться из-за слов человека, возводил этого самого человека в ранг небожителя. Интересно, а если бы Марта рассмеялась громко и заразительно, до колик в животе, возвел бы мистер Рудбриг Коулу храм для поклонения?

Коулу казалось, что возвел бы.

— Даже не знаю, почему я не удивлена, — протянула девушка.

Коул послал ей еще одну полную самодовольства улыбку. Ведь эта Марта была лучше злой Марты, лучше уходящей Марты, лучше Марты, которая отказывалась его даже слушать.

Коул уже собирался выдать какую-нибудь столь же абсурдную реплику, когда заметил старушку — слепую хозяйку академии «Мария-Роза» — и закрыл рот. Вряд ли пожилая женщина оценила бы дурь, которую он мог излагать часами.

Часами? Нет! Раньше он мог излагать ее годами. До смерти Ады. В их семье он занимал позицию смешного близнеца, в то время как Аде отводилась роль разумного.

Ада.

Что ж, ему хотелось поговорить о ней, даже не смотря на то, что от этого ему было больно. Но Марта должна знать, что он не какой-то там фанатик, у которого нет причин для ненависти к ведьминому роду. Он ненавидит ведьм — хотя, возможно, уже и не всех ведьм — не потому что так надо, а потому что Ада умерла.

— Мы можем поговорить? — спросил он у Марты.

— А что мы сейчас делаем? — вопросом на вопрос ответила она.

— Без театральных постановок и хлопанья дверьми. И без того, чтобы ты применяла ко мне магию.

Марта нахмурилась.

— Я, — она облизала потрескавшиеся губы. — Сегодня я была немного не в себе. Мне жаль. Иногда я бываю чересчур резка на поворотах.

— О, я заметил. Но извинения приняты, — пожал плечами Коул. — Так что, мы можем поговорить?

Марта кивнула.

Глава 43. Кровавые жертвы

Марта предложила поговорить в кабинете Кеторин, раз уж Коул отказался выносить их разговор в массы. Сама же она не видела никакого смысла в подобной секретности. Что такого Коул может рассказать ей, чего не посмеет рассказать другим? У них не такие отношения, чтобы делиться секретиками под покровом ночи и изливать друг другу душу. Марта вообще сомневалась, что способна излить душу хоть кому-либо.

Света в кабинете Кеторин было так мало, словно главная люстра отказывалась светить в этом направлении. Да и Марта не нашла выключатель, чтобы заработали настенные светильники, зато нашла спички и зажгла свечи, которых у Кеторин было так много, что можно было осветить целый квартал в случае отключения электричества.

И при теплом свете, отбрасываемом пляшущими огоньками, обстановка стала еще интимнее, чем при полном его отсутствии. Настолько интимной, что Марте захотелось развернуться и спуститься вниз, а может даже выйти на улицу и поговорить там, где морозный ветер выдул бы всю дурь из головы.

Но она заставила себя сесть за стол и спрятала руки под скатертью, чтобы Коул не увидел, как дрожат ее пальцы.

Она не могла понять, что с ней не так. Она вроде бы извинилась, признала свою ошибку, и по всем правилам ей должно было стать легче. А нет, ее била мелкая дрожь.

«Нервы, всего лишь нервы, — попыталась мысленно успокоить себя девушка. — Это нормально — нервничать».

— О чем ты хотел поговорить? — спросила Марта, буквально ощущая, как при каждом звуке стучащие зубы цепляют язык. Да уж, не хватало еще и язык себе прикусить для полноты картины.

— Не поговорить, — поправил ее Коул, садясь напротив. — Рассказать.

«О, чудесно, мне не придется говорить, » — подумала Марта и стиснула зубы. Она кивнула, поощряя его продолжить.

Коул глубоко вздохнул и выпалил:

— Об Аде. Моей сестре-близнеце.

Он дробил слова, словно выдавливая их по капле, как сок из лимона. Из очень жесткого лимона. И кривился он так же, как если бы пытался одновременно еще и есть этот лимон.

— Так, с чего бы начать? — Коул задал вопрос сам себе, и Марта не стала вмешиваться.

Она сидела напротив него и просто ждала, пока он соберется с мыслями. Прошло еще немало времени, прежде чем он наконец начал рассказ. Сухой, без лишних подробностей, но все же задевающий за живое.

— Если честно, я не знаю, как правильно начать. Ада никогда не была идеальным человеком, да и редко о ком можно сказать, что он идеален полностью. Ада была вздорной, и ей нравилось быть любимой, ей нравилось создавать образ, который мог понравиться всем и каждому. В этом мы с ней были абсолютно разными. Я всегда любил свою сестру, но могу откровенно сказать, что она всегда была двуличной и даже чуточку лживой. Надеюсь, ты поймешь меня: членов своей семьи мы любим не из-за чего-то, а вопреки этому, — Марта кивнула, мол, да, я понимаю. — А Аду можно было любить только вопреки всему. И я никогда не мог подумать, что мою сестру можно любить так самозабвенно, принимая со всеми ее недостатками. Так я думал, пока не увидел Сэма. Такой из себя абсолютно

обычный парень, настолько далекий от Адиных стандартов правильного мужчины, насколько это вообще возможно.

А она была избирательна. И вот, когда впервые увидел Сэма, я никак не мог понять, почему моя сестра смотрит на него с таким обожанием и чуть ли не с ложечки его кормит. Собственно он от нее и не особо-то отличался в такие моменты. Знаешь, есть такие парочки, которые своей слащавостью вызывают в тебе чувство отвращения и желание облить их холодной водой? — Когда Марта кивнула, Коул продолжил. — Они были такими, и меня это очень злило. Сейчас-то я понимаю, что ревновал к нему свою сестру. Мы с Адой всегда были вдвоем. Да, между нами случались ссоры, да, мы частенько не сходились во мнениях, и да, я частенько ее ненавижу, но и она оплачивала мне той же монетой. Однако это не меняет того факта, что мы всегда были вместе.

Марта замороженно смотрела на Коула, напрочь позабыв и о трясущихся руках, и об интимности обстановки, и даже о Мегги. Коул говорил так складно, так правильно, так... Его было интересно слушать. От тембра его голоса, от того, как он ставил ударения, у Марты по коже побежали мурашки. Она и подумать не могла, что Коул умеет так говорить. Наверное, потому что никогда раньше Коул Томсон не говорил с ней так откровенно и так честно.

— Наверно, ты думаешь, что это глупо — ревновать свою сестру к мужчине, которого она любит?

— Глупо, — тихо подтвердила Марта, которая понимала его и проецировала каждое его слово на себя и Мегги.

— А я знал Аду. Знал, как никто другой. И я видел, что больше ей не нужен, потому что Сэм дополнял ее. Делал целостной, что ли? — Коул тяжело вздохнул. — И я обиделся. Как пятилетний ребенок, надул губы, забрал свои игрушки и сказал, что мы больше не увидимся.

Марта подавила улыбку умиления, представив Коула маленьким, с выпяченной нижней губ, с плюшевыми игрушками в кулачках и крупными бусинами слез на щеках. Марта всегда любила детей.

— И я сдержал свое нелепое обещание. Я не отвечал на звонки, избегал встреч, даже с матерью поругался. Ох, как она тогда разозлилась! Даже сковородкой по хребту огрела!

— Ты слишком упертый, — вторила ему Марта.

— Все верно. Непробиваемый тугодум. «Как бык, уперся рогами — и вперед!» — так мама говорила, — уголки его губ дрогнули в горькой полуулыбке. — Я избегал сестру два года. Но даже у моей упертости может истечь срок годности. Понимаешь, с одной стороны Ада устроила мне тотальную бомбардировку сообщениями — она буквально писала и слала мне фотографии по сто раз на дню. Так еще и караулила под дверью. А с другой стороны — мама и слезливые увещевания. И я даже не знаю, что из этого хуже. В итоге, когда мне пришло приглашение на свадьбу, я сдался и решил пойти. Даже подарки купил. И ей, и Сэму. Вот только опоздал на бракосочетание. Смешно, правда?

Марта не увидела ничего смешного. А от взгляда, полного боли и тоски, стало тошно. Коул немного засомневался, стоит ли продолжать, но в итоге сдался.

— В квартирном комплексе, где я снимал жилье, отключили свет, а я в этот момент был в лифте. Застрял, наверное, часа на два. Заняться было нечем, и я играл в игры на телефоне, так что к тому моменту, когда меня вызволили, он разрядился. А потом по пробкам я добирался до отеля примерно столько же, сколько сидел в лифте. И, когда я наконец достиг места назначения, мои подарки были уже никому не нужны. Хотя я вполне мог отдать их

уборщицам на чаевые за то, как оперативно они смывали кровь моей сестры с паласов.

Марта вздрогнула.

— Ей и ее новоиспеченному мужу какая-то сумасшедшая вырезала сердца, почки и желудок. Она даже оставила костную пилу, которой вскрывала грудную клетку Ады, на месте преступления.

Марта хотела что-то сказать, утешить или... Но тут раздался полный сочувствия и слез возглас Джилс:

— О ужас!

Глаза Джилс блестели и буквально сочились состраданием, на которое Марта была просто не способна. Ей казалось, что такие проявления чувств были ей не свойственны. Марта сцепила зубы, недовольная присутствием девушки.

— Подслушивать нехорошо, ваше величество, — процедила она, взглядом перебегая с Джилс, стоящей на лестнице, на Коула, сидящего вполоборота и во все глаза смотрящего на королеву кровавых ведьм.

Щеки Джилс запылали, и Марта немного отстраненно заметила, что даже зареванная ведьма выглядела эффектно. Такие, как она, всегда привлекают внимание — этакая трогательная дама в беде. И Марте не понравилось, что Коул тоже на нее смотрел.

— Я не специально, — принялась оправдываться Джилс, обильно жестикулируя руками и качая головой, словно все ее суставы были разболтанными шарнирами куклы, которые не могли надолго удержать выставленной позиции. — Кеторин попросила позвать вас поесть, и я услышала ваш разговор. Не весь.

Коул слегка нахмурился и спросил.

— Боюсь показаться невежливым, а вы кто?

— Ее высочество или же ее величество — я не сильна в терминологии — королева кровавых ведьм, — выпалила Марта, прежде чем Джилс успела что-либо сказать. А та так и застыла с открытым ртом.

Коул побелел, а затем покраснел и подскочил на ноги. А Марта испытала чувство удовлетворения, поняв, что его благосклонность распространялась не на всех ведьм. Пока он озирался по сторонам, явно ища что-то, чем можно было обороняться, Джилс смогла переступить через удивление и наконец-то закрыла рот. Но не надолго.

— Просто Джилс. Я лишь на словах королева, на самом деле чудом выжившая в день собственной коронации, — на ее губах расцвела робкая улыбка. — Так что не думаю, что заслуживаю хоть какого-то титула.

Коул на секунду замер.

— Чудом выжившая? — спросил он у Джилс, а затем посмотрел на Марту, словно ища поддержки или подтверждения.

— Угу, — кивнула Джилс.

— Сядь ты уже, — вторила ей Марта. — Опальная она. И к тому же согласилась помочь найти Мегги.

К немалому удивлению Марты, Коул сел и даже слова лишнего не сказал, хотя обычно мог выказать недовольство.

Джилс немного потупилась, а затем произнесла:

— То, о чем ты говорил. О вырезанных сердцах, желудках и почках. — Лицо Коула перекошилось, но Джилс продолжила. — Понимаю, это может показаться абсурдным. У кровавых ведьм есть одно зелье, оно очень сложное в плане поиска ингредиентов. Я даже не

знаю, варилось ли оно когда-нибудь, — она закусила губу. — Хотя, если рецепт записан, наверняка варилось — правильно же?

— О боги! — воскликнула Марта. — Джилс, пожалуйста, по существу!

— В общем... Это родовое зелье, способное снять проклятие. Любое проклятие, насколько я знаю. Его основными компонентами являются сердца, желудки и почки... пары комплементалов...

Повисла такая глубокая тишина, что Марта даже расслышала, как бьются их сердца. А на другом конце нити, связывающей ее с Коулом, — была боль. Сердечная боль. А еще...

Коул издал сдавленный, полный боли звук — что-то среднее между смешком и всхлипом.

— Я знал, что это дело ведьминых рук. Учитель мне все разложил по полочкам. Грустно, что мы так и не нашли ведьму, которая могла совершить подобное. Но ничего, жизнь у меня долгая, глядишь и отыщу.

— Учитель? — выгнула бровь Джилс.

— Он охотник, — пожала плечами Марта.

Джилс попятилась и чуть не слетела с лестницы.

— Опальный, — выпалил Коул. — Или не совсем опальный, но хотя бы не настолько категоричный, как все остальные.

Марта подавила смешок. Коул как раз таки и был категоричным. Ей вспомнилось, как он чуть ли не с пеной у рта доказывал ей, что она — недостойное жизни жестокое существо. Удивительно, но в этот момент воспоминания о прошлом не вызывали в ней страха, только капельку смеха и чувство торжества. Ведь Коул все-таки изменился и больше не желал ей смерти.

— Да? — неуверенно спросила Джилс. По ней было видно, что она готова бежать без оглядки. — Точно?

— Да, — ответил ей Коул, только от Марты не укрылась запинка перед его ответом. Все-таки ему было сложно перебороть себя.

— Только я бы на твоём месте держала свою шею подальше от его рук, — встряла Марта, за что получила недовольный взгляд Коула, мол, не мешай мне, это важно. Она только хмыкнула в ответ.

— Да, я охотился на ведьм и нисколько не стыжусь этого. Те, кто мне встречался, заслуживали смерти.

— Приятно знать, что меня к ним не причислили, — Джилс улыбнулась и поднялась на несколько ступеней вверх. — Хотя ведьмы, похоже, считают иначе. Ах да, родовые зелья... Они работают только с членами семьи комплементалов, чья жизнь была принесена в жертву. Для остальных оно бесполезно, — во взгляде Джилс, как вино, плескалась вина.

Коул онемел, собственно как и Марта. Джилс била их фактами наотмашь и каждый удар был сильнее предыдущего. В голове Марты начала складываться картина, и она ощутила боязнь от того, как на эту новость отреагирует Коул, когда все осознает и переварит.

— Подожди, — он вскинул руки. — Ты же не хочешь сказать, что кто-то из членов семьи Сэма был ведьмой? Кровавой ведьмой? Потому что, уж поверь мне, в нашей семье никого подобного не было и быть не может. Я бы знал.

— Для других оно бесполезно. Поэтому я и думала, что это зелье вряд ли кто-то варил. Я не знаю человека, который мог принести в жертву кого-то из членов своей семьи или ребен... — краска отхлынула от лица Джилс, и в ее взгляде появилось понимание. — Ты

сказал «Сэм»? Жениха твоей сестры звали Сэм? Случаем не Самуэль Страмбл?

Для Марты это имя не значило ровным счетом ничего, но, судя по тому, как округлились глаза Коула, Самуэль Страмбл был тем самым «идеально подходящим Аде» Сэмом. И, как будто имени Джилс было не достаточно, она принялась перечислять его внешние характеристики — быстро, сбивчиво, а под конец по ее щекам вновь покатались крупные слезы.

— Совсем немного выше меня, — она показала ладонью насколько выше. — Курносый нос. Глаза голубые, хотя скорее больше зеленые. Он всегда носил очки с толстыми стеклами, потому что ни черта не видел дальше собственного носа. Не знаю, как ему права вообще выдали с его-то зрением. Всегда гладко выбрит, а на подбородке шрам шириной с палец. Он когда мелким был расшиб его об острый валун. А еще... еще...

Джилс рыдала в голос, обхватив себя руками. Голосила так, что могла бы посоперничать с сиреной скорой помощи, и все повторяла «а еще. еще... а еще...».

У Марты не нашлось сил, чтобы попросить ее успокоиться. Сложившаяся ситуация выбила у нее почву из-под ног.

— А еще у него были короткие курчавые волосы, которые топорщились в разные стороны, — тихим, лишенным каких-либо эмоций голосом произнес Коул.

С первого этажа донесся возглас отца, и Марта вздрогнула:

— Да что у вас там творится?

Не прошло и минуты, как Алистер Рудбриг уже стоял за спиной Джилс. Марта уже подумала, что сейчас ее черствый отец-сухарь начнет утешать ведьму, но Джилс удивила ее. Развернувшись на сто восемьдесят градусов, она побежала вниз по лестнице, заставив Алистера посторониться, продолжая глотать слезы.

— Это что вообще такое? — удивленно спросил Алистер. Марта, пожалуй, еще ни разу не видела у отца такого ошарашенного выражения лица.

— Это Джилс, — ответила она ему и встала из-за стола. — Королева драмы.

— Марта, — не без осуждения в голосе позвал отец, слегка покачав головой. — У девочки горе.

Марта от такого высказывания даже слегка обалдела. С круглыми, как блюдца, глазами, она спросила:

— А у нас — нет? Она рыдает из-за мужика, который умер неизвестно когда! А Мегги пропала недавно. Только я почему-то не мотаю соплю на кулак, словно это единственное возможное решение проблемы.

В носу начало щипать от подступающих слез.

«Ну, отлично, — со злостью подумала она. — Джилс на меня дурно влияет!»

— У тебя эмоциональный диапазон, как у зубочистки, — буркнул Коул, поднимаясь на ноги. — Март, не говори о том, о чем потом пожалеешь. Может для нее это — единственный способ справиться с болью?

— Разрыдаться?

— Да, разрыдаться, — пожал плечами Коул.

— Я надеюсь, ты это не серьезно?

— Все мы люди разные. Ты свою боль и обиду срываешь на других. И, поверь мне, лучше бы ты рыдала.

— Ну и отлично! — всплеснула руками Марта. — Пойду поплачу в уголке. Глядишь мои волшебные слезы притянут Мегги обратно. Они же такие — работают, как телепорт.

Марта развернулась и на полных порах понеслась вниз по лестнице, минуя отца.

— Мне кажется, ты сделал что-то не то, — донесся ей в спину голос Алистера.

— Вам не кажется! — буркнул Коул и, судя по скрипу половиц, тоже пошел вниз. —

Марта, черт тебя дери, подожди!

Когда Марта была уже на первом этаже, Коул схватил ее за руку и притянул к себе. Она оказалась настолько огорошена... черт возьми, попросту обезоружена его поступком настолько, что даже не стала отбиваться. Застыла, затаив дыхание и уткнувшись носом ему в грудь. От него пахло потом. Вот только у Марты этот запах не вызывал отвращения. На секунду ей вспомнились слова Кеторин о том, что ей будет нравиться запах ее комплиментала, но они быстро потонули в голосе Коула.

— Послушай, мы не твои враги. И тебе не нужно на нас злиться и от нас защищаться, — пока он говорил, его грудь слегка вибрировала в такт словам, и было в этом нечто успокаивающее. — А Джилс... забей на нее. Пусть рыдает столько, сколько влезет. Главное, чтобы она помогла вернуть твою сестру. Может она своими слезами будет глушить охотников, как рыб ультразвуком.

— А так можно?

— Током точно можно, а вот по поводу ультразвука не уверен, — пожал плечами Коул и отстранился. — Успокоилась?

— Что-то вроде того, — ответила Марта и огляделась по сторонам.

Ее взгляд зацепился за Джилс. Проклятую Джилс, которая стояла возле Джослин и продолжала размазывать сопли по лицу. И, казалось бы утихший гнев, начал закипать в Марте снова.

— Дыши глубже, — предложил Коул, который так же смотрел на Джилс. Вот только в его взгляде не было злости, в отличие от Марты. Он смотрел на девушку, как мог бы смотреть на младшую сестру: столько покровительства и сострадания.

Неужели общее горе и правда сближает? Вот только кем был для Джилс этот Сэм?

— Дышу, — ответила Марта и сделала театральный глубокий вдох и выдох. — Достаточно глубоко?

Коул закатил глаза и покачал головой.

— Знаешь, — протянула Марта, — теперь я понимаю, почему ты так злился, когда я их закатывала.

— Не прошло и десятилетия. Так и до статуса нормального адекватного человека недалеко, — парировал Коул.

— Кто бы говорил!

И в этот момент Джилс рухнула на пол, как подкошенная. Ухватившись за колени Джослин, она продолжала рыдать, уткнув лицо в колючую ткань шерстяной юбки и, казалось, даже не замечала этого. Джослин ощупью нашла голову девушки и принялась успокаивающе гладить ее по волосам.

— Тихе, тихе, девочка. Успокойся, и я все тебе расскажу. Обещаю. Только не плачь. Я знаю, что сын Демьяны был тебе дорог, но горевать уже поздно. Слезами тут не поможешь. Не рви себе душу.

«Картина маслом, — не без зависти подумала Марта. — Хорошая бабушка и безутешная внучка».

Наблюдать за развернувшейся сценой было тяжело. Паскудно на душе становилось. Марта не могла не думать о своей бабушке, которая сейчас лежала в больничной палате

совсем одна в окружении трубок и электрических приборов, которые поддерживали в ней жизнь. Но Марта затолкала свои чувства куда поглубже. Коул был прав: от ее гнева, который она распыляла, как садовник гербициды, никому не было пользы.

Прошло еще довольно много времени, прежде чем Джилс успокоилась. К тому моменту из-за бара вышли Кеторин и Джуди с подносами в руках, на которых стояли тарелки супа и корзиночки с хлебом.

— Давайте поедим, — предложила Кеторин. — Только, пожалуйста, не роняйте слезы в мой суп. Это не подходящий гарнир для него.

Джилс поднялась с пола и, воспользовавшись носовым платком, который ей протянула Джослин, принялась вытирать лицо. Глаза у нее были настолько опухшими, а щель между век настолько маленькой, что в голове у Марты проскользнула самое нелепое сравнение со сморщенным изюмом, которое мог выдать только воспаленный мозг художника, и она постаралась от него отделаться.

Когда они расселись за столом, из-за бара вышел Рой в сопровождении этого огромного Элиота. И он явно был не при смерти, от чего истерики Джилс и слезы, которыми вполне можно было наполнить ванную, казались просто нелепыми.

Сидя за столом, Элиот чувствовал себя не то что пятым колесом в телеге. Нет. Он мысленно бронировал себе место на встрече анонимных алкоголиков. Вернее на его волшебной вариации.

«Здравствуйте, я — Элиот, и я ужинал с ведьмами. Нет, не подумайте, я не наркоман. Ведьмы — они вполне себе реальны. О чем мы говорили за ужином? О, о многом. О чем конкретно? Ну, о том, как бывшего парня девушки, которую я подобрал на дороге, расчленила собственная мать. Думаете, мне пора в дурку? Правильно думаете».

Элиот не привык к такому. Ни к ведьмам. Ни к охотникам на ведьм. Ни к пистолетам. Он огнестрельное оружие видел только в кино, и то лишь тогда, когда случайно наталкивался на боевики. Вся эта движуха вообще не про него. Он даже в самом страшном сне не мог представить, что окажется в подобной ситуации, в подобном месте, в подобной компании.

А компания была та еще... скажем так, далекая от его круга общения. Слепая старуха с жутким шрамом, разрывающим глаза. Мужчина преклонных лет, которого иначе как «интеллигентным джентльменом» не назовешь — настолько правильное впечатление он производил. Побитый жизнью бродяга, который, наверное, забыл, как правильно пользоваться бритвой; о душе он, скорее всего, тоже забыл. Миниатюрная блондинка, во взгляде которой читалось желание убивать, правда Элиот так и не понял, кого, но мурашки по спине побежали. Брюнетка... эх... красивая, но неприятная. На таких вот смотришь — и уже понятно, что с ней не светит ничего и никогда, кроме траты денег. Таких женщин Элиот избегал еще с подростковых времен.

Из всех присутствующих более-менее нормальное впечатление у Элиота было о Джилс, парне с невероятным голосом — Рое — и его младшей сестре Джуди. От них хотя бы не хотелось убежать. Ну, и интеллигентный джентльмен вроде ничего так.

Остальные же — это мрак кромешный. Как они умудрились есть суп и обсуждать расчлененку, для Элиота осталось загадкой. Ему в этот момент хотелось блевануть, прямо на стол, прямо на тарелочку с вкусным хлебом. А хлеб был действительно вкусный.

— Не знала, что у Демьяны был сын, — рассуждала красивая брюнетка, которую все

называли Кеторин. — Этим вы меня, конечно, удивили.

— Он никогда не жил в городе Кровавых Вод, — пояснила старуха со шрамом. — Когда мальчик родился, Демьяна сбагрила его отцу, как только поняла, что в нем нет никакой силы. Иногда забирала, когда хотела поиграть в мать, а потом отправляла обратно. Госпожу Гертруду это дико злило, все-таки мальчик был частью ковена, хоть и не обладал магией. Тогда-то она и приказала его забрать в город. Демьяна забрала... но мальчик не продержался и пары месяцев. Мать из Демьяны была не ахти, и в итоге мальчик оставался в городе лишь на летние месяцы, а остальное время жил с отцом.

— В голове не укладывается, — устало произнес заросший бродяга Коул. — Жених моей сестры был сыном ведьмы.

Элиот толкнул его локтем здоровой руки и спросил.

— А ты не колдун?

Коул выпучил глаза. Выглядел он, как человек, для которого простой вопрос оказался унижительным. Словно его подозревали чуть ли не в сговоре с дьяволом или кем-то подобным.

— Нет, конечно!

— А он? — Элиот кивком головы указал на джентльмена.

— Тоже нет.

— Отлично, — протянул Элиот, чувствуя себя чуточку увереннее. Все-таки он не один здесь в качестве обычного человека. — А кто вы тогда? Я бухгалтер.

— Я-то? — в голосе Коула прозвучали нотки черного юмора. — Собирался стать охотником на ведьм. Чуть-чуть не дотянул до сдачи экзамена. А мистер Рудбриг... м-м-м... отец ведьмы.

Элиот со свистом втянул воздух.

— А Рой? Он обычный?

Коул рассмеялся, привлекая к себе внимание остальных.

— Ну да, обычный... обычный ведьминский принц.

— Я не принц, — возмутился Рой.

А Элиоту почудилось, что ему очень хочется домой. Сесть в Рольф и уехать, куда глаза глядят.

— Ну да, не принц. Так, сын королевы.

Кеторин тяжело вздохнула.

— Глава Шарпы не имеет статуса королевы, да и короны у нее нет. Вот только это к делу не относится. Это зелье, о котором говорит Джилс... Я впервые о нем слышу. Да и зачем оно Демьяне? Не помню ни одного слуха, в котором говорилось бы, что кто-то из кровавых Старейшин был проклят. Она что, сделала его прозапас?

— Вполне в ее духе, — безжизненным голосом произнесла Джилс. Взгляд у нее был потухшим. — Воспользовалась подвернувшейся возможностью.

— Это неприемлемо! — возмутилась Кеторин, ударив рукой по столу так, что часть ее супа покинула тарелку.

— У нас часто убивают детей, — Джилс потеряла переносицу. Она была вымотана, устав донельзя. — Я понимаю, как это звучит. Но раньше это было для меня нормой. Дети ковена принадлежат ковену. Кровь в их жилах также принадлежит ковену.

Элиот содрогнулся. В каком жутком месте выросла Джилс, если ребенком считала, что убивать детей во имя общего блага — это норма. Элиоту было жаль ее.

— Так что нет ничего удивительного в том, что она воспользовалась этим шансом.

Элиоту показалось, что Джилс была готова разрыдаться. Но она столько плакала за последние дни, что ее слезные железы просто не могли вырабатывать такое количество слез. И потому она лишь горько вздыхала, закусывая нижнюю губу так, что не ровен час могла ее и прокусить.

— Я никогда не встречался с родителями Сэма. Ада говорила, что он не особо распространялся по поводу своей семьи. Не удивлюсь, если со своей свекровью она познакомилась лишь незадолго до смерти.

— Сомневаюсь, что даже тогда твоя сестра знала, кто именно ее убивает, — Джилс подперла подбородок ладонями, склонившись над тарелкой супа, к которой так и не притронулась.

— Это еще почему? — удивился Коул.

— Когда я видела ее в последний раз — а это было меньше недели назад — она выглядела немногим старше меня. Хотя на деле она не намного младше моей бабушки.

Слова Джилс, казалось, не удивили в этой комнате никого, кроме Элиота. Его они очень удивили. И, чувствуя себя новичком на продвинутом курсе информатики, он спросил:

— Почему?

Он думал, что ему ответит Джилс, но эту роль на себя взяла старуха. Она с невероятной точностью нашла его за столом и, обратив к нему лицо, принялась растолковывать.

— Это все магия. Для ведьмы это главный источник жизненных сил. Если ее много, то ведьма остается молодой долгое время, но, стоит той, скажем так, перестать вырабатываться или по каким-то причинам начать вырабатываться в меньшем количестве, и процесс старения продолжается, а иногда даже ускоряется.

— И сколько вам лет? — спросил Коул.

Морщинистые губы ведьмы изогнулись в улыбке.

— Столько, насколько я выгляжу, — она подняла руку и сложила большой и указательный пальцы, а потом развела их так, что между ними появился небольшой зазор. — Магии во мне самые крохи. Хватает на то, чтобы поддерживать это тело живым, да и на какие-нибудь легенькие заклятия. Только на кой оно мне? Двадцать лет в темноте отучили меня от магии и от времени. Еще, быть может, пару лет протяну, погляжу, как Маргарет третирует своих внуков, и уйду на покой.

В ее словах сквозила такая усталость, что Элиоту стало немного не по себе. Так мог говорить лишь человек, который смертельно устал от жизни и которого уже ничего толком на этом свете не держит. Марта — девушка со злым взглядом, как изначально показалось Элиоту — с тоской и сожалением смотрела на пожилую женщину и молчала. Поймав взгляд Элиота, она лишь пожала плечами и уткнулась в свою тарелку, которая тоже была наполовину полной.

Элиот внимательнее осмотрел стол и понял одну вещь: он и Коул были единственными людьми, которые действительно ели. Остальные же были в таком эмоциональном раздрае, что им кусок в горло не лез. Элиот не мог сказать, что нервничал меньше остальных. Черт возьми, за каких-то пару дней его привычная жизнь встала с ног на голову и помахала ему свободной рукой, другой тщетно пытаясь удерживать равновесие.

Да уж, сменил место жительства, ничего не скажешь.

Коул, кстати, тоже был напряжен. Только они с Элиотом явно относились к тому типу людей, кто любой стресс заедает. И брюшко над поясом джинс это подтверждало.

Волков привезли поздно вечером. Сидя на лестнице, Элиот сквозь перила наблюдал, как четверо мужчин в рабочей одежде без каких-либо опознавательных знаков тащат в Ведмину обитель клетки, накрытые брезентом. Волки оказались небольшими. То были далеко не гордые и величественные животные, которых рисуют на картинах. У Элиота сразу же перед глазами появился образ чахлах прыщавых подростков. Эти волки явно и леса-то никогда не видели. Апатичные и слабые, с намордниками. Шерсть у них была линялая и какого-то непонятного грязно-бурого цвета. Элиот никогда не был борцом за права животных, но даже он испытывал к ним жалость. И на секунду, даже на долю секунды, обрадовался, что сегодня их жизнь оборвется.

Мысль о том, что эту жизнь оборвет Джилс, его не радовала. Когда ведьмы за столом начали обсуждать поисковый обряд и все тонкости его проведения, Элиот старался не кривиться и не подавать голоса. А высказаться ему хотелось. Потому что никто из присутствующих, казалось, не замечал, как трясет Джилс от каждого их слова. Только слабое подобие улыбки, которую она ему послала, заставило его сдержаться.

— Почему они выглядят так, словно умрут, стоит их только выпустить? — возмущалась Кеторин, стоя между двумя клетками. Руки она положила на верхние прутья, нисколько не боясь, что ей могут оттяпать пальцы. Хотя волки были настолько апатичными, что и правда вряд ли могли бы голову поднять, да и намордники не дали бы им открыть пасть. Так что бояться там было нечего.

— Ты же не говорила, что тебе нужны здоровые волки в самом расцвете сил. Ты сказала, что подойдут любые, главное быстро. Так что я и искал тех, кого можно забрать быстро и привезти к тебе. Эти ребята списаны из зоопарка; по документам прошли, как умершие. Так что можешь делать с ними все, что хочешь, — ответил ей один из мужчин, которые заносили клетки. Лицо у него было настолько невыразительным, что такое сразу же забываешь, когда за ним закрывается дверь. — Надеюсь, ты не собираешься их есть? Я не вникал в список их болезней, но в случае, если надумаешь готовить из них рагу, знай, что пищевое отравление тебе обеспечено.

— Фу, нет, конечно, — послышался брезгливый ответ Кеторин.

К Элиоту подошла Джилс и села на ступеньку рядом, и он сразу же перестал следить за разговором той парочки. Джилс все еще продолжало трясти. Она обхватила себя руками, пытаясь то ли согреться, то ли успокоиться.

— Ты как? — тихо спросил Элиот, не желая, чтобы их разговор подслушали остальные.

— Нормально, — ответила Джилс и, подвинувшись, положила голову ему на колени. — Ты не возражаешь, если я полежу так? Я очень устала.

— Без проблем, — ответил Элиот на ее запоздалый вопрос. Пальцами здоровой руки он принялся перебирать ее волосы. Они были немного жесткими, но пропускать их между пальцами было даже приятно. — Не возражаешь?

— Нет, — устало вздохнула Джилс. — Я люблю, когда трогают мои волосы. Меня это успокаивает. В детстве, когда мама меня причесывала, мне казалось, что я словно впадаю в транс.

— Понятно, — протянул Элиот, накрутив прядку на палец; потом отпустил её, и та идеальным колечком упала ему на колено. Он взялся за другую прядь. — Ты уверена, что хочешь в этом участвовать? Происходящее тебе, кажется, не шибко нравится.

Элиот подбородком указал на клетки с волками, и Джилс вздрогнула всем телом.

— Не нравится. Абсолютно не нравится. Но выбора у меня нет — я должна им помочь,

чтобы они помогли мне. Баш на баш, как говорится.

— Если ты делаешь это из-за Сэма...

Джилс покачала головой.

— Нет. Не из-за него. Он был моим первым другом, моей первой любовью, и в моем сердце он занимает большое... значимое место. И это больно — узнать о случившемся таким образом, но я делаю это не из-за него. А из-за Демьяны.

— Месть? — удивился Элиот.

Джилс горько усмехнулась.

— Разве я похожа на мстительницу? Я трусиха, каких поискать. И помогаю им из страха. Демьяна от меня просто так не отступится, — Джилс повернула голову, и их глаза встретились. — Раз она использовала собственного ребенка, как разменную монету, то я для нее — лишь маленькое препятствие на пути. А умирать мне не хочется.

— И они смогут тебя защитить?

— Надеюсь. Меня и тебя.

— Меня-то им с чего защищать? Я же не ведьма.

— И не колдун, — улыбнулась Джилс. — Но я втянула тебя в это и не могу оставить теперь. Я в ответе за тебя. Поэтому попросила Кеторин защищать еще и тебя.

— Да уж, ведьмы меня еще не защищали, даже не знаю, что чувствовать по этому поводу.

— Надеюсь, тебе понравится, — усмехнулась Джилс, а Элиот лишь хмыкнул, продолжая перебирать ее волосы.

К этому времени Кеторин уже распрощалась с мужчиной и, закрыв за ним дверь, принялась ходить по бару, собирая все необходимое для обряда. Она разобрала несколько досок в полу, под которыми скрывалось выложенное в земле своеобразное кострище или же очаг. Элиоту, наверное, стоило бы удивляться, но он был морально вымотан и, пожалуй, по-настоящему хотел лишь одного — сесть в Рольф и уехать отсюда. Однако по ему самому непонятным причинам, он продолжал сидеть на ступенях и гладить Джилс по волосам.

Волков выволокли из клеток, чему они нисколько не сопротивлялись, и посадили на цепи в очаге. Элиоту стало немного не по себе, и он заметил, с каким ужасом смотрит на животных Джилс. Она глубоко дышала, пытаясь успокоиться, что у нее не особо получалось.

— Как же я это ненавижу, — пересохшими губами произнесла она, не сводя глаз с Кеторин, которая умелыми движениями продевала цепи в специальные кольца, вмонтированные в бетонные плиты, на которых раньше лежали доски пола.

Такие кольца могли удержать кого-то посущественнее, чем больные волки, и Элиот даже боялся думать, зачем этой женщине нужны такие вещи. Он даже мысленно начал анализировать все бары, в которые ходил с друзьями пропустить по кружечке пива. Вдруг их хозяйками тоже были ведьмы? Вдруг это целая подпольная организация, которая спаивает мужчин, а потом использует их слюну с кружек для каких-то своих магических целей?

От подобных мыслей Элиота всего передернуло, и он постарался отмахнуться от них. Так недолго и параноиком стать.

Кеторин подошла к ним, сжимая в руке деревянную ручку огромного старого ножа, лезвие которого было все в рывинах и ржавчине. Элиот с опаской покосился на нож. Он сомневался, что таким ножом можно резать кожу человека. Он вообще сомневался, что человека можно резать хоть чем-то, что не было предварительно простерилизовано, не боясь при этом получить столбняк.

— Сцена готова, — выпалила женщина, похоже даже не замечая, насколько нелепыми могли казаться ее высказывания. — Пора погреться в лучах рампы.

Джилс кивнула, явно не разделяя энтузиазма Кеторин, и поднялась на ноги. А Элиот остался сидеть на ступеньках лестницы, следуя указанию Кеторин — не приближаться к месту обряда. Вскоре к нему подошел Коул и занял место Джилс. Он молчал, и Элиот тоже, говорить им было совершенно не о чем.

Марта с Роем сидели на барных стульях и во все глаза смотрели за действием, разворачивающемся на земле очага. Кеторин же, скрестив ноги, разместилась на самом краю очага. В то время как Джилс, Джослин и Алистер с маленькой сестрой Роя спустились вниз к волкам. Бедные животные даже не смотрели в их сторону, положив головы на лапы и тяжело дыша.

Джилс сделала несколько глубоких вдохов и ее лицо лишилось всяких эмоций. Она словно смотрела перед собой, но при этом не видела ничего. Элиоту было странно и дико смотреть на то, как Джилс шагнула к одному из волков и, схватив того за холку, приподняла голову. Животное не успело издать и звука, прежде чем единое плавное движение старого ножа перерезало ему плотку. Второй волк протяжно завыл, воздух наполнился тошнотворным запахом сырого мяса, а шерсть на груди волка стала мокрой от крови.

Коул выругался сквозь зубы. Джилс, не теряя времени и не отпуская холку волка, схватила с пола чашу и подставила под рану на горле животного. Элиот видел, каких усилий ей стоило оставаться на месте, удерживая умирающее животное.

Наверное, Элиоту стоило бы испытывать отвращение — умом он это понимал, — но испытывал только жалость к бедной девушке и животным.

Казалось, это длилось несколько часов. Пульсирующий поток крови. Болезненный, полный страдания вой второго волка.

Но вот тело волка обмякло, а кровь больше не вырывалась толчками. Джилс отпустила животное, и то безвольно упало на пол. Не дав себе времени на раздумья и даже не обтерев нож — что уж говорить о кипячении лезвия, — Джилс полоснула себя по незабинтованной ладони. Кровь закапала в чашу, смешиваясь с волчьей.

Затем настала очередь мистера Рудбрига, и Элиот уже не удивлялся тому, что никому в голову даже не пришла идея хотя бы протереть нож спиртовыми салфетками.

Когда кровь мистера Рудбрига смешалась с кровью в чаше, Джилс положила туда несколько белых мутных кристаллов, и они вместе со слепой старухой, держа чашу между собой, принялись нараспев читать нечто вроде молитвы на незнакомом Элиоту языке. Он понимал, что сравнение с молитвой может быть неуместным, но это было единственным, что пришло ему на ум.

В какой-то момент странной песни — Элиот не запомнил, в начале, в конце или в середине, — Марта тихо воскликнула:

— Они светятся!

Кеторин шикнула на нее, приложив палец к губам. Но Элиот так и не понял, что именно светилось. Единственное, что он заметил, так это то, что, когда Джилс опрокинула чашу, кристаллы оказавшиеся на полу в луже разлившейся крови, стали красными, словно рубины, и слегка подрагивали, как стрелка компаса.

Затем все повторилось еще раз. С небольшими отличиями. Перепуганный насмерть волк ползком на животе пытался отползти от Джилс, борясь за свою жизнь, тихо поскуливая. В этот момент Джилс вновь начала плакать. Крупные слезы скатывались по ее щекам.

Перерезая горло, она судорожно всхлипывала и причитала «прости... прости... прости...». Элиоту показалось, что, будь у нее свободная рука, она принялась бы гладить животное, пытаясь хоть как-то облегчить его страдания.

Когда маленькой сестренке Роя пришлось резать ладонь, она выглядела ничуть не лучше. Бледная, чуть ли не зеленая, она хватала губами воздух, стараясь сдержать рвотные позывы.

И снова странная песня-молитва.

Когда кристаллы оказались на земле, Джилс вылетела из очага и со всех ног понеслась в сторону туалета, зажимая рот перебинтованной ладонью. С другой руки капала кровь, оставляя за ней своеобразный след.

Элиот поднялся и пошел за Джилс. Общественный туалет бара «Ведьмина обитель» был маленьким: лишь унитаз и маленькая раковина. Джилс склонилась над унитазом, выблевывая туда содержимое желудка.

Элиот приподнял ее волосы, чтобы она не испачкала их.

Через открытую дверь он краем глаза видел, как Кеторин расстилает на полу огромную карту и раскладывает на ней кристаллы. Но Элиота это ни сколько не волновало. Склонившись над Джилс, он гладил ее по спине, надеясь, что это хоть как-то ей поможет.

Вновь обернуться к двери его заставил лишь протяжный полный ужаса вопль сестры Роя:

— Что там делает мама?!

Глава 44. Все дороги ведут в лечебницу...

Воздух прорезал выстрел. Для Мегги он прозвучал, как раскат грома где-то вдалеке. Но, похоже, он был куда ближе, чем ей показалось.

Вивьена отскочила в сторону, забрав с собой и боль, которая секундой ранее прожигала Мегги вены. Ноги девочку не удержал, и она завалилась назад на утрамбованный снег, больно ударившись попой и ободрав ладони. Мегги чувствовала себя ошалелой, как человек, которого только что разбудили.

— Отойди от девчонки, иначе следующий выстрел уже не будет предупредительным, — пригрозил знакомый голос.

Вивьена зашипела, не то как испуганная кошка, не то как змея, потерявшая добычу.

Мегги вскинула голову. Перед глазами все расплывалось, но она точно смогла определить, что все еще находится во внутреннем дворе, а невдалеке возвышается колокольня. Сколько прошло времени с того момента, как Вивьена прикоснулась к ней? На улице было все также темно — значит, не так много, как ей казалось.

— Отойди, — повторил свой приказ мужской голос.

Мегги повернулась в его сторону и своим затуманенным взором смогла разглядеть Джона. Он стоял на параллельной дорожке. Из-за сугроба Мегги видела лишь верхнюю часть его тела и лицо. Холодный и злой взгляд: ни намек на улыбку, даже поддельную. И этот взгляд куда больше вязался у нее с настоящим Джоном, чем приторная фальшивая улыбочка, с которой он смотрел на Марту.

За спиной Джона маячили грозные фигуры, словно группа поддержки. Своеобразная группа. Вместо помпонов — пистолеты, и все дула направлены на Вивьену.

Если каждый нажмет на спусковой крючок, Вивьена превратится в решето. И никакая магия не поможет. Мегги на секунду представила себе эту картину и внутренне содрогнулась от того, насколько рада была увидеть ведьму ничком на красном от крови снегу. Мегги отогнала от себя эти мысли, отказываясь принимать в себе подобную жестокость по отношению к кому-либо, даже Вивьене.

Та даже не вздрогнула, спокойно стоя под дулами пистолетов, словно те были игрушечными и не могли в нее выстрелить. Лишь уголки губ подрагивали в намеке на улыбку.

— Опустите оружие, мальчики, — снисходительно предложила она. — Не думаю, что госпоже Демьяне понравится ваше обращение с ее послем доброй воли. Вы нарушаете уговор.

— Так же, как и ты, — ответил Джон, даже не думая убирать оружие в наплечную кобуру. — У тебя нет разрешения прибегать к своим... способностям в стенах Церкви.

— Разве?

— Ты не имеешь права пытаться наших пленных, — продолжал Джон. — И у тебя тем более нет права свободно расхаживать по Церкви. Тебе выделили комнату, в которой ты должна находиться. Отойди от девчонки, и мы сопроводим тебя в покои.

— Мне кажется, ты что-то пугаешь, — зло сощурилась Вивьена. — Я ваша гостья, а не ваша пленница. И я требую к себе подобающего отношения.

Они продолжали ругаться. Из Вивьены так и лилась желчь, словно ее рот был истоком водопада, а отвратительные слова — бушующей рекой. Джон же вновь спрятался за своей

улыбкой вежливого и доброго человека, как за щитом, отгораживаясь от нападков ведьмы.

Но все это не то чтобы сильно волновало Мегги, так же как не волновало ее и то, что она сидит на снегу и начинает замерзать. Разумнее было вслушиваться в слова своих пленителей, подмечать их распри и недовольство, но в этот момент она не могла поступать разумно. Ее внутренний взор, все ее нутро были сосредоточены на маленькой точке, искорке света в глубине естества.

Магия.

Марта была не права, говоря, что Мегги обычная девочка. Да, ее магия не была бездонным колодезем, из которого можно черпать, не останавливаясь, и там всегда будет полно живительной силы. Это была маленькая искорка силы, как только что разожженный огонь, в который нужно подложить поленьев, чтобы он не потух.

Хотя сравнивать ее силу с огнем было глупо — эта искорка не имела с ним ничего общего.

— Девчонка моя, а не ваша! — сощурился глаза, прошипела Вивьена. — Я могу делать с ней все, что захочу.

— Не в этих стенах, — протянул Джон, продолжая улыбаться. Кому-то другому эта улыбка могла показать обворожительной, Мегги же захотелось сжаться в комочек и спрятаться где-нибудь, где он ее не увидит.

Что будет, если они узнают о ее искорке?

Мегги боялась представить подобное развитие событий. Ее искорка была слаба. Такую силу не противопоставишь огнестрельному оружию. А потому Мегги молчала и старалась не привлекать к себе внимания, надеясь, что Вивьена уйдет и ничего не заметит.

— Тогда я заберу ее, и мы уйдем!

— Сомневаюсь, что госпоже Демьяне понравится ваше своеволие, — пожал плечами Джон и, заметив, как вздрогнула от его слов Вивьена, убрал пистолет в кобуру. — Пройдите в свои покои, а я отведу девочку туда, где ей надлежит находиться.

Мегги внутренне злило это иносказание. Покои. Туда, где надлежит находиться. Нелепо. Почему не называть вещи своими именами? Ведь и ей, и Вивьене предлагали вернуться в клетки — с той лишь разницей, что клетка ведьмы была обставлена получше и давала большее уединение.

От его слов становилось тошно. Ведь Мегги надлежало находиться лишь в одном месте — дома, вместе со своей семьей.

Вивьена то ли хмыкнула, то ли фыркнула и, развернувшись, пошла по дорожке, по которой привела сюда Мегги. Из-за спины Джона вышло двое охотников, и, не опуская оружие, направились вслед за ведьмой. Никто из них даже не взглянул на Мегги, что на секунду обрадовало ее, пока она не поняла, что осталась наедине с Джоном.

— Идти можешь? — сухо спросил он, стерев с лица все следы той притворной, даже тошнотворной улыбки.

Мегги сомневалась в своих силах, но все равно кивнула и поднялась на ноги. Несколько шагов сделали ее похожей на новорожденного олененка, мышцы била мелкая дрожь, колени, казалось, забыли свою изначальную функцию и отказывались работать, как надо. Семь шагов до Джона — и она чуть не рухнула.

Рухнула, если бы охотник не протянул руки и не подхватил ее. Мегги боялась, что сейчас он начнет глумиться над ней. Она не знала, откуда у нее вообще появились подобные мысли и подобные ожидания, но она внутренне сжалась, готовясь к витку унижений.

Возможно, из-за Вивьены, женщины, которая только и умела, что доказывать свою значимость, принижая других.

Однако Джон не произнес ни слова.

А когда, хмуро изучая ее лицо, он полез в карман своей толстовки, Мегги и вовсе испугалась. Она не знала, чего ожидать от этого человека. Вивьена и ее нестабильность были ей понятны. Вивьена была просто злобной фурией, Джон... Джон был странным.

И Мегги чувствовала себя взвинченной и когда он достал из кармана всего лишь лейкопластырь, и когда, не произнеся ни слова, заклеил ей рассеченную губу, и когда подхватил на руки, словно она ничего не весила.

Мегги напряглась. Она казалась себе натянутой тетивой. А Джон этого, казалось, вовсе не замечал. В полном молчании он нес ее по темным коридорам. Те были настолько однотипными, что Мегги не сразу поняла, что к камерам на подвальных этажах они идут другим путем. Те же бетонные стены, те же полы, те же двери. Все, что она видела, больше походило на старую лечебницу для душевнобольных — добавь лишь пациентов и врачей в белых халатах, — а не на военную базу секретного ордена охотников на ведьм.

Вскоре коридоры объединились, и Мегги узнала лестницу, по которой ей уже приходилось и спускаться, и подниматься. Возмущенные крики Клементины Мегги слышала прежде, чем Джон начал спуск. Та буквально разрывала горло, требуя вернуть девочку обратно. Истошные хриплые крики перемешивались с надсадным кашлем и лязгом цепей. Мегги очень хотелось успокоить Клементину, сказать той, что с ней все в порядке, но она сомневалась, что ведьма услышит ее, даже если Мегги будет так же истошно кричать. Да и Мегги вообще сомневалась, что способна на такой крик — для этого нужен либо талант, либо врожденное умение, хотя Мегги сомневалась, что между этими двумя понятиями есть существенная разница.

С каждой ступенькой крик Клементины становился все пронзительнее. Эта женщина была гораздо на выдумки и угрозы. Внизу их встретили все тот же коридор с камерами по одну сторону и тот же охранник, что пытался не особо рьяно отстоять Мегги у Вивьены. Он сидел на небольшом складном стуле в дальнем конце. Бледный как смерть, он затыкал уши пальцами, стараясь хоть немного прикрыться от звуковых атак.

Заметив Джона с Мегги на руках, он облегченно выдохнул и, подскочив на ноги, распахнул решетку камеры, которую Мегги уже считала своей.

— Изуверы! Вы монстры! Когда-нибудь я вас прокляну так, что вы все умрете в самых страшных муках, — надрывалась Клементина.

Ей показалось или Джон вздрогнул от слов Клементины?

Даже, если так, охотник умел держать себя в руках, ничем более не показав своего страха перед ведьмой. Проходя мимо ее камеры, он не позволил себе посмотреть в сторону Клементины. А Мегги посмотрела — и увидела в глазах женщины одновременно и ужас, и облегчение.

— Ты в порядке? — разом растеряв все силы для крика, спросила Клементина.

Мегги неуверенно кивнула, не находя в себе силы, чтобы произнести слова вслух. Потому что она была не в порядке. Далекое не в порядке.

Джон внес ее в камеру и, не произнеся ни слова, захлопнул дверь, на этот раз закрыв ее на ключ.

Марта во все глаза смотрела на светящийся красный кристалл, движущийся по карте. И

то было не равномерное сияние, как могла бы сиять обычная лампочка, нет, свет исходил из кристалла равномерными толчками, словно бьющееся сердце. И наблюдать за этим нехитрым действием было даже интересно.

— Он может отследить ее только по карте? — спросил Коул, наклонившись через плечо Марты к предмету общего интереса. Его дыхание лишь слегка задевало ее макушку, заставляя волосы едва заметно шевелиться.

— Подобного рода поисковые заклятья работают несколькими способами, — принялась разъяснять Джослин, которая сидела в отдалении на стуле и крутила в руках набалдашник трости. — Если его настроить так, как это сделала Кеторин, он будет работать с картой. Но обычная, купленная в магазине, не подойдет. Нужна такая, как у Кеторин. Я, даже не видя ее, чувствую магическую пульсацию.

Марта тоже ее чувствовала. Карта была нарисована от руки, без каких-либо чрезмерных деталей: лишь строгие линии, да названия городов, обозначенных крохотными точками.

— Ее нарисовала моя мать, — ответила Кеторин, которая в это время укладывала на карту поисковые кристаллы своей сестры. Те светились куда слабее, и их цвет был не ярко-алым, как у Мегги, а скорее грязно-алым или даже винным. С чем это было связано, Марта не знала.

Джослин благовенно вздохнула, а вторил ей страдальческий вздох Джилс из общественного туалета. Там ее выворачивало уже минут пять, не меньше. Марта не знала, как бы она себя чувствовала, если бы ей пришлось совершить нечто подобное. Поэтому в сторону мертвых волков, тела которых так и лежали возле ведьминога очага Кеторин, она старалась не смотреть. В сторону отца Марта тоже не глядела.

Алистер стоял у барной стойки и перебинтовал руку Джуди. Его движения были потечески нежными. И то, с какой добротой он относился к Джуди, заставляло Марту злиться. Так что она просто не смотрела в ту сторону. Однако ее не покидало странное чувство, что эмоции, которые она испытывает, не совсем адекватны.

— Невероятная вещь, — протянула Джослин.

Кеторин отошла в сторону от карты, следя за движением кристаллов. Она то и дело хмурилась и поджимала губы, словно ее что-то очень сильно тревожило.

— Мать сама замешивала краски и заговаривала холстину. Художник из нее был не ахти, но в заговорах она свое дело знала.

Марте показалось, что Кеторин пытается скрыть под пренебрежением то же неподдельное благоговение и преклонение перед чужим талантом, что испытывала Джослин.

— По карте мы можем отследить только город, — пояснила Джослин. — А дальше все будет зависеть от мальчика Коула и того, знает ли он местонахождение базы в этом конкретном городе. Потому что, если нет, то вам придется блуждать по городу вместе с кристаллами и искать место, куда они ползут. Это второй способ поиска. Как только кристаллы оказываются вблизи объекта поиска, они перестраиваются и начинают двигаться лишь в его направлении.

— Похоже на смесь компаса и навигатора, — хмыкнул Коул, выпрямившись. — Самоперенастраиваемая магия — такого я еще не видел.

Марта пожала плечами. Ее познания в магии по большей части были интуитивными: что-то она знала, о чем-то даже не догадывалась, а в чем-то была уверена вопреки здравому смыслу, который отчаянно сопротивлялся этому знанию.

— Я бы не стала использовать подобное слово, — ответила ему Кеторин. — Но суть ты уловил.

Алистер вернулся к карте, Джуди шла за ним. Марта старательно отгоняла от себя мысли о том, что Джуди вполне могла бы сойти за дочку Алистера.

«Ты ревнивица, — подумала Марта. — Чертова ревнивица».

Она продолжала следить за кристаллами, как и все присутствующие. И чем дальше они двигались, тем больше она хмурилась. Начав свое движения в разных углах карты, кристаллы уверенно приближались к одной точке.

А, когда они столкнулись, слегка завибрировав, Джуди, стоявшая чуть поодаль, в ужасе воскликнула:

— Что там делает мама?

Голос ее дребезжал, отчего казался еще более детским, чем обычно. Марта с Кеторин переглянулись, и по взгляду ведьмы стало понятно, что она так же шокирована, как и все присутствующие.

— Возможно, она просто находится в том же городе? — предположила она без малейшей уверенности в голосе.

— Вы же сами не верите в это! — крикнула Джуди. Она обожгла Кеторин таким полным ярости и отчаяния взглядом, каким мог смотреть только загнанный в ловушку зверь. Рой подошел к ней и, обхватив сестру за плечи, притянул к себе. То ли защищая, то ли предлагая поддержку.

— Не верю, — кивнула Кеторин. — Но ты же не хочешь, чтобы я озвучила другие причины, по которым она могла бы там оказаться.

Джуди всхлипнула.

— Мама не предательница. Мама бы никогда не...

— Я этого не говорила, — тихо осадил ее Кеторин. — Давай не делать преждевременных выводов.

Джуди развернулась и уткнулась лицом брату в грудь. Она всхлипывала, а плотный свитер гасил ее страдания.

«Похоже, Джилс заразна», — подумала Марта и покосилась на Роя, боясь, что он тоже поймает плакса-вирус. Ей казалось, что подобное поведение было полностью в его характере, но парень удивил ее. Он гладил сестру по волосам, пытаясь успокоить, а у самого во взгляде не было и намека на слезы. Он хмурился, что-то обдумывая.

Марта ткнула Коула локтем под ребра, привлекая к себе внимание. Он, вскинув бровь, посмотрел на нее вопрошающим взглядом.

— Что это за место? — спросила она, стараясь не обращать внимание на разворачивающуюся драму чужой семьи. Ей было вполне достаточно своей. — Ты бывал там? Знаешь, где находится база в этом городе?

Марта испытала невероятное облегчение, когда после небольшой заминки Коул все-таки кивнул.

— Там находится главный корпус. Что-то вроде основной базы. Там проходят смотры рекрутов и принятие в братство, — отвечал он нехотя, словно все еще решал, стоит ли рассказывать все Марте.

И оттого, как он выдавливал из себя слова об охотниках, Марта почувствовала себя самую малость уязвленной. Она постаралась отделаться от этого чувства и не дать ему пустить в ней корни. Тем более когда у нее была Мегги — щит от любых чувств, кроме

злости.

— Значит, там много охотников? — задала насущный вопрос Марта. — И мы не можем просто зайти, забрать мою сестру и выйти?

Коул горько усмехнулся.

— Отличный план. Но нежизнеспособный. Незамеченными мы туда не попадем ни под каким видом. Входов несколько: либо через парковку — но тогда нужно пройти КПП, либо через вход больницы. Что у одного, что у другого входа — охрана и камеры.

— Вход больницы? — переспросила Марта, не совсем поспевая за ходом его мысли.

— Официально главный корпус является частной клиникой для душевнобольных.

У Марты отвисла челюсть.

— Иронично, однако.

Коул хмуро посмотрел на нее.

— А кто прикидывается больными, когда приходит проверка? — не удержалась Марта. — У вас там есть врачи? Вам платят зарплаты, как медбратьям?

Коул поджал губы, недовольно пыхтя.

— Если не прекратишь ерничать...

— Назначишь мне консультацию у психиатра в клинике для душевнобольных? Надеюсь, он будет копаться в моих мозгах метафорично, а не буквально после того, как отрежет мне голову.

— Смешно, — буркнул Коул.

— Не очень, — пожалала плечами Марта.

— Можешь набросать мне план помещения? — спросила Кеторин и, не дожидаясь ответа, всучила Коулу альбом и несколько цветных карандашей. — Схематично. Там стены, двери, окна. Основные переходы. Все, что знаешь и помнишь. Сомневаюсь, что у вас есть идеи, как нам туда попасть, так что план действий остается за мной.

Коул принял листы и, кивнув, отошел к столу, где принялся рисовать. Кеторин же достала телефон из кармана своих легких брюк и присвистнула.

— Время уже позднее, друзья. Думаю, нам всем пора разойтись и хорошенько выспаться.

— Но... — попыталась протестовать Марта.

— Девочка моя, — укоризненно протянула Кеторин. — Мы с тобой не спали почти двое суток. И не поспим, если двинемся в путь сейчас. Скажи на милость, как мы ей поможем, если прибудем на место выжатые, как лимоны? Я не пытаюсь тебя нравоучать, но две ведьмы против сотни охотников — ничто. А сотня — число, взятое из воздуха. Их там может быть и тысяча. Нам нужен план. Действенный план. А не путевка в камеру с видом на бетонную стену.

Марта устало выдохнула. Умом-то она понимала, что Кеторин говорит правильные вещи. Но ум — это ум, а сердце требовало действовать немедленно.

— Кристалл связан с ней. Он светится, пока она жива и здорова. Посмотри на них, — Кеторин ткнула пальцем в ярко-алый кристалл. — Он пылает жизнью.

Марта вновь посмотрела на карту и на пульсирующие кристаллы. Ярко-алый — Мегги — и грязно-алый — Клементины. Тихо, чтобы ее не услышала Джуди, Марта спросила:

— Она умирает?

Кеторин пожалала плечами и так же тихо ответила:

— Возможно.

Бледная, как моль, Джилс с зареванными глазами и пересохшими губами похоже наконец распрощалась со всем содержимым своего желудка и теперь решила почтить их своим присутствием. Элиот внушительно возвышался за ее спиной. Для Марты, которая была ниже Джилс на целую голову, Элиот действительно был горой. Если Коул для нее был просто высоким, то Элиот, за счет массивных плеч и не менее массивных ног, казался непробиваемой стеной. Если бы на нее упала подобная туша, Марта вряд ли бы смогла сдвинуться с места.

И какой же диссонанс вызывал этот добрый лучистый взгляд. Таким бесхитростным взглядом, по мнению Марты, могли смотреть только персонажи детских мультиков. Марте отчего-то вспомнилась шайка бандитов с добрыми сердцами из любимого мультика Мегги. Вспомнилось, как каждый раз Мегги подпевала им и кружилась по всей гостиной.

«Живет мечта!»

Под эту милую песенку о мечте и счастье Марте захотелось вздернуться.

Она сомневалась, что, когда Мегги вернется домой, она будет так же кружить по гостиной, так же будет петь песни, и так же будет верить в лучшее в людях.

— ...простите, но я не пойду в логово охотников, — сиплым от слез и рвоты голосом, говорила Джилс, а Марта поняла, что что-то упустила и прислушалась. — Охотники ищут меня. И это будет верхом идиотизма — заявиться к ним.

— Я понимаю, ты боишься, — увещевала ее Кеторин. — Но и ты нас пойми: неужели ты думаешь, что две ведьмы — потому что мы не можем приплюсовать к нашему уравнению Джослин, по понятным причинам, — справятся с целой ватагой охотников? Нам нужен каждый.

— Я пойду! — воскликнула Джуди, услышавшая их.

— Никуда ты не пойдешь! — прикрикнула на нее Кеторин. Резко и грозно. Марта аж вздрогнула.

— Там мама, и я должна ей помочь, — лицо Джуди стало пунцовым. Она рванула к Кеторин, но Рой, схватив ее за запястье, удержал на месте.

— Нет, милая, ты должна включить здравый смысл и не лезть к черту на рожон. Я еще не настолько безумна, чтобы вести детей против вооруженных людей.

— Я не ребенок! — крикнула Джуди.

Марта думала вмешаться и прекратить эту нелепую свару, потому что была полностью согласна с Кеторин. Ей совесть не позволила бы взять с собой ребенка. Она уже открыла рот, когда поймала на себе взгляд отца. Алистер предостерегающе покачал головой, и Марта закрыла рот.

— Да, конечно, ты уже не ребенок. Но ты не понимаешь своей ценности и значимости. Ты будущая Глава, девочка, и я на пушечный выстрел не подпущу тебя к этому месту, — Кеторин ткнула пальцем в карту.

— Я пойду, — сквозь зубы процедила Джуди.

— Только если в спальню. Вам с Роем уже давно пора по кроваткам.

У Джуди округлились глаза. Марта была уверена, что она сейчас бросится на Кеторин и расцарапает ей лицо или и того хуже. Но тут Рой схватил сестру и, несмотря на все ее сопротивление — а Джуди рьяно брыкалась и извивалась, — уволок ее на второй этаж.

Когда за ними закрылась дверь, Кеторин облегченно вздохнула.

— Несносная девчонка. Надеюсь, Рой ее успокоит. В их дуэте он всегда был самым разумным. А ей, к сожалению, достались все худшие качества нашей семьи, — произнесла

она, буравя хмурым взглядом дверь.

— Разве ты была не такой же? — в голосе Джослин появились нотки ностальгии.

А Кеторин рассмеялась. И ее смех был настолько неуместным, что разрядил обстановку.

— Я-то? Я была еще хуже. И у меня никогда не было противовеса. Того, кто мог бы удержать меня от необдуманных поступков. Поэтому и по голове я получала гораздо чаще, чем Джуди, — в ее взгляде мелькнула тень бывшего стыда. — Ладно. Так о чем мы?

— Если Джилс не хочет помогать нам дальше, — вклинилась Марта, — мы не можем ее заставить. Она помогла нам — спасибо, — но дальше нам придется решать вопросы самим.

Она поймала полный благодарности взгляд Джилс. Кеторин же просто хмыкнула.

— Я, конечно, считаю это дуростью, но попробую что-нибудь придумать.

Коул вновь оказался в гостевой спальне на втором этаже. Да, теперь он не был пленником и мог спокойно покинуть комнату, мог покинуть дом, и его никто бы не остановил. Он чувствовал себя дураком, четыре раза проверив, не заперли ли за ним дверь. Первый раз сразу же после того, как вошел. Хотя его никто не провожал в спальню и не караулил на лестнице, чтобы повернуть ключ в замке. Второй раз он выглянул в коридор полуголым, потому что, когда раздевался, чтобы принять душ, ему послышался скрип половиц. Он мог доноситься откуда угодно. И пусть умом Коул понимал, что никто не станет подрывать шаткое доверие, выстроившиеся между ним и семейством Рудбригов, воображение подкидывало свои образы.

Он понимал, что доверие не появляется в одночасье, оно строится постепенно, а потому не считал себя параноиком и проверил дверь в третий раз сразу же как искупался.

Да, в Шарпе они с Мартой жили в одной комнате и даже иногда спали на одной кровати, и их это не особо напрягало. Вот только то была Шарпа, и там они оба были кем-то вроде пленников.

В четвертый раз Коул не просто проверил дверь — в четвертый раз он вышел в коридор и спустился по лестнице, после того как услышал гроыхание с первого этажа. Услужливое воображение подкинуло несколько картин: от охотников, разбивающих окна и врывающихся в дом, до Марты, поедающей последний йогурт из холодильника. Так что он решил не оставлять звуки без внимания и все проверить, прежде чем к нему в комнату ворвется группа вооруженных людей, и ему придется отбиваться от них подушками.

На всякий случай он захватил с собой старую деревянную художественную марионетку с отломанной рукой, которую заметил на полке в коридоре. Невесть, конечно, какое оружие, но всяко лучше, чем без него. Запоздало он подумал, что стоило бы спросить у мистера Рудбрига, куда он дел все оружие Коула, с которым тот ворвался к ним в дом.

Как давно это было.

Оружие ему не понадобилось. Марта действительно сидела на кухне. Ее лицо освещалось только тусклыми светильниками вытяжки над кухонной плитой. На столе перед ней исходила паром кружка с чаем.

— Не спится? — спросил Коул, поставив марионетку на стол и сев напротив ведьмы.

Марта покачала головой.

— Совсем. Стоит закрыть глаза, и мысли начинают буквально орать в голове. И это сводит с ума, — устало ответила она.

— А отец?

— Спит. Он всегда спит, когда происходит нечто из ряда вон выходящее. Мама

называла это защитной реакцией. Она говорила, что его организм просто отключается, когда не может справиться с накалом страстей.

— Отличная способность.

— Ага. Всяко лучше, чем не спать ночами и накручивать себя. Чай будешь?

Коул с сомнением посмотрел на ее чашку. Там у поверхности плавали листочки и какие-то веточки.

— Не смотри ты так. Нет там никакой отравы. Я же пью.

— И что там?

— Ромашка и шикша, и капелька гречишного меда, чтобы притупить горечь. Мама всегда поила меня им, когда я не могла спать. А еще подкладывала под подушку лавандовые мешочки. Ну так что?

— Это зелье? — с легкой смешинкой спросил Коул.

Марта была слишком усталой, чтобы поддаться на его провокацию, а потому лишь пожала плечами и пододвинула к нему свою кружку.

— Можешь дорассказать свою историю, — предложила Марта. — Возможно это отвлечет меня от ненужных мыслей.

— И что мне тебе дорассказать? — спросил Коул.

— О своей семье.

— Это далеко не радужная история, Март. Сомневаюсь, что она поможет тебе отвлечься.

— Можно хотя бы попытаться. Ты же знаешь все обо мне и моей семье.

«Даже больше, чем ты сама,» — подумал Коул, но вслух не произнес.

— Когда мне было около одиннадцати, мой старший брат, Чарли, разбился на машине вместе со своей женой. Насмерть.

Было так странно рассказывать ей о Чарли. Человеке, ради спасения которого она убила другого человека только ради того, чтобы несколькими часами позже он умер. Но еще страннее было то, что во взгляде Марты не мелькнуло даже намек на узнавание при звуке его имени.

— Мы с Адой у родителей были поздними детьми. Для отца Чарли был кем-то вроде путеводной звезды. Его дорогой первенец. И его смерть больно ударила по отцу. Инсульт. Так что к моим двенадцати годам мы потеряли двух членов нашей семьи. Наверное, даже трех, если считать Сьюз. Жену брата я никогда не жаловал. Как бы сказать, — Коул смочил горло горьковатым чаем, — она всегда была себе на уме.

Марта подперла щеку кулаком и просто тихо слушала его. Не задавая вопросов. А Коул вновь ощутил то же чувство, что и в Ведьминой обители. Марта была отличным слушателем, и ей было легко рассказывать.

— Мама всегда была сильнее папы. Смерть Чарли не сломила ее. Хотя я до сих пор помню, как она рыдала за стеной. Наверное, думала, что мы с Адой не услышим истошного рыдания ночью. Вот только то, что не смогли сделать Чарли с отцом, с легкостью сделала Ада.

— Она умерла? — с трепетом спросила Марта.

Коул покачал головой.

— Нет. Но и назвать жизнью ее нынешнее существование сложно, — Коул сделал паузу, прежде чем пояснить. — Кома, Март. Она в коме. Год или около того. После смерти Ады она боролась. Пыталась жить дальше. Пыталась вывести своего никчемного сына из запоя. А

потом упала с лестницы и ударилась головой.

Говорить об этой части его прошлого было тяжело.

— И ты не навещаешь ее?

— Обычно навещаю. Раз в месяц или около того. От моих приходов ей ни жарко, ни холодно. Уже примерно полгода врачи предлагают отключить ее от оборудования. Она старенькая, Март. Очень старенькая. Если мне не изменяет память, они с твоей бабушкой ровесницы.

— Почему ты не говорил об этом раньше?

— А что бы это изменило? Ты душила бы меня помягче? Или чаще приносила бы мне стейки?

— Не говори так — ты же знаешь, я не жестокая.

— Теперь знаю. А раньше не знал. Поэтому и рассказываю сейчас. В начале нашего пути я бы ни за что не раскрыл тебе свои секреты.

Марта тяжело вздохнула.

— Если хочешь, могу рассказать о чем-нибудь веселом.

— Например?

— Могу рассказать, как прятался в музее в ванной, карауля сестру на ее первом свидании. Идиот ей, конечно, тогда попался — повести такую девушку, как Ада, в музей. Моя сестра никогда не была любителем искусства. Вот сплетни, скандалы и интриги — это про нее.

— Так ты не пошутил тогда? — во взгляде Марты зажегся крохотный огонек веселья.

— Нет.

И Коул рассказал ей и о том, как прятался в ванной, и о том, как прогуливал уроки, а потом получал от матери такой нагоняй, что не мог сидеть на попе ровно еще неделю или около того. О том, как Ада воткнула ему вилку в ногу после того, как он опозорил ее перед мальчиком, который ей нравился. Наверное не стоило рассказывать о том, что у прекрасной Ады Томсон есть собственная градация вкуса козюлек. И о том, как на выпускном балу ему пришлось танцевать вальс одному, потому что ни одна одноклассница не оценила его невероятного приглашения. Видимо не стоило рассылать всем одноклассницам записки, распечатанные на принтере.

Он много чего рассказал, и иногда Марта даже смеялась. Но в какой-то момент он заметил, что она заснула. Все в той же позе, подперев щеку кулаком.

Марта была настолько вымотана, что не проснулась, когда он подхватил ее на руки, чтобы отнести в спальню. Ее комната ему попала с четвертой попытки. Сначала он натолкнулся на кабинет. Потом едва не вошел в спальню мистера Рудбрига и чуть не разбудил его. Следом на его пути оказалась детская, ну а четвертая комната наконец оказалась спальней Марты.

Коул занес девушку внутрь, положил на кровать и укрыл пледом. А потом пошел к себе, теперь уже точно уверенный, что его никто не запрет.

Глава 45. Почти святой отец

На первом этаже Ведьминой обители было не продохнуть от дыма и вони. Выбирая между расчленением волков с последующим раскладыванием их частей по пакетам и поджогом, Кеторин выбрала поджог — и, похоже, ошиблась. Она отправила всех спать на второй этаж, а сама пододвинула туши в центр очага и подожгла.

В тот момент ей казалось, что ее новая — а главное баснословно дорогая — система вентиляции, в которую она вложилась, чтобы можно было варить зелья прямо посреди зала, справится с поставленной задачей. Но нет.

Прикрывая нос и рот рукавом рубашки, Кеторин покосилась на надувную кровать, очертания которой еще можно было разглядеть через стоящий вокруг дым.

И как она будет здесь спать?

Специально ведь отдала свою спальню и мегаудобную кровать с самым мягким матрасом на свете гостям, чтобы поспать в тишине и покое.

Поспала, ничего не скажешь.

Кеторин села на надувную кровать, разложив перед собой зарисовки Коула. Откровенно корявые зарисовки. Даже пятилетний ребенок рисует лучше. Почерк у Коула Томсона был тоже не самым эстетичным: странного рода каракули, которыми он подписывал места на зарисовках, вполне могли сойти за магические символы или, скажем, вообще за знаки другого языка. Кеторин с трудом разобрала слово «тюрьма», затем определила, что нечитаемый набор завитушек после буквы «к» скорее всего был «колокольней». А вокруг колокольни находилось что-то под названием «место принятия».

Но все это мало интересовало Кеторин. Свое внимание она заострила на контрольно-пропускных пунктах и коридорах, ведущих к тюрьме. Предположим, у нее был способ попасть туда незамеченной. Но это сработало бы только будь она одна, и при этом выходить все равно пришлось бы через парадные двери, выводя с собой девочку и скорее всего Клем. Думать о предательстве сестры она отказывалась. Клементина никогда не была положительным человеком: хорошей и доброй ее можно было назвать с натяжкой, закрыв глаза на дурной характер и не менее дурной язык. Умной, по мнению Кеторин, ее сестра тоже никогда не была. Однако Клем отличала одна очень важная черта — она была преданной. Преданной семье, ковену и мужчине, которого любила. Клементина Чубоски просто не была способна на предательство. А вот по собственной дурости попасть в плен — это прямо про нее.

Значит, спасти придется двоих. Задача, мягко говоря, невыполнимая, да к тому же еще и самоубийственная. А на тот свет Кеторин пока еще не хотела, да и героем в сверкающих латах она себя не чувствовала.

Поэтому и разглядывала зарисовки, прикидывая варианты и мысленно перебирая свою кладовую с артефактами, подбирая то, что может помочь, и отсеивая бесполезное. Дым, гарь и вонь не помогали сосредоточиться, а лишь вызывали чувство злости. Злости на собственную недалекость.

Кеторин не любила быть недалекостью. Себя она считала человеком деятельным и продумывающим все наперед. Черт возьми, она переросла возраст спонтанных и необдуманных поступков! Откинула от себя ту Кеторин, как рудимент.

И что теперь?

Теперь она по ней скучала. Ведь та Кеторин была куда больше горазда на выдумки, чем нынешняя. По крайней мере нынешняя она считала именно так.

Женщина настолько погрузилась в продумывание плана, что не сразу услышала стук в парадную дверь и не сразу поняла причину мурашек, покрывающих ее руки. А когда поняла, разозлилась на себя еще больше. Последнее время она делала непозволительно много ошибок.

И не накрыть Роя покровом было, пожалуй, главной ее ошибкой.

Интересно, если она не откроет дверь, додумается ли Люциан снести ее с петель?

На секунду она даже хотела поддаться этому мелочному порыву: сделать вид, что не услышала стука, и не открывать. На ее губах даже расцвела торжествующая улыбка, когда она представила, как Люциан отмораживает свой идеальный зад в потрясающих, но не предназначенных для зимней погоды штанах, а затем его заносит снегом.

Вот только уже в следующую минуту в ее голове созрел разумный план, и, спрятав улыбку под хмурым выражением лица, она все же пошла открывать.

— Ну и вонь же у тебя здесь! — было первым, что услышала Кеторин. — Надеюсь, ты не пыталась сжечь моих детей, злая ведьма?

Удивляться не приходилось: пожалуй, Кеторин отреагировала бы так же, открой ей дверь человек, за которым, словно туман, стелются смрад и гарь. А они действительно вырывались из-за ее спины и развевались очень даже симпатичными узорами.

Люциан узоров явно не оценил — настолько не оценил, что воздух, ведомый его волей, стал чуточку плотнее, не подпуская к нему дыма и не давая ему дышать тем же смрадом, что и Кеторин. Неудивительно, что у него не слезились глаза, как у нее.

Кеторин окинула мужа придирчивым взглядом, стараясь не показать, какой дискомфорт ей доставляет ее ошибка, и никак не реагируя на его комментарий.

Насчет штанов она была права. На Люке был идеально скроенный и идеально сидящий по фигуре костюм в мелкую черно-синюю полоску. Один из тех, что изготавливала одна из швей Шарпы, заговаривая и ткань, и нитки, и даже пуговицы. Защитный заговор и морок на привлекательность. Люциан не был бы собой, если бы не приукрашивал то, что уже имел. Костюм и водолазка — и ни намека на теплую одежду.

Кеторин прищурилась, внимательно изучая плетение заговора.

— Нравится? — спросил Люк, расправив плечи, он даже крутанулся на месте для лучшего обзора. — Это новая работа Тиффи. Она научилась вплетать третью нить в заговор. Теперь в ее костюмах на улице так же тепло, как и в доме. Сейчас она работает над новой тканью, чтобы сделать ее идеальной и для зимы, и для лета.

Кеторин лишь хмыкнула. Работа Тиффи была бы проще, убери она заговор на привлекательность.

— Ну, так что? Что ты здесь делаешь? — Люциан выжидающе смотрел на нее, вскинув бровь. — Только не говори, что не собираешься со мной разговаривать.

Внутри Кеторин улыбалась. Снаружи Кеторин хмуро молчала, как может молчать человек, в дверь которого постучал крайне нахальный рекламщик. Вот только за этим молчанием обычно прятались сотни нелестных пожеланий, а за молчанием Кеторин — обиды и уязвленная гордость. А еще любовь. Любовь очень хотела выбраться наружу, но обиды и гордость были сильнее.

— Я подумал, что раз ты не накрыла Роя покровом, то это можно считать своеобразным приглашением, — уголок его губ подрагивал в кривоватой ухмылке.

Кеторин была удивлена, что ее ошибку могут воспринимать, как своеобразный стратегический ход.

— Да, — призналась Кеторин. — Ты мне нужен.

Взгляд Люка словно зажегся. Стал таким теплым и страстным, что у Кеторин внутри все сжалось, и она поспешила нанести удар и ему, и себе. Пока не произошло чего похуже.

— Клем в плену, — выдохнула она, чувствуя сопротивление собственного языка. Тот ни в какую не хотел говорить Люциану это имя, но так было правильно. Все-таки она мать его детей и лишь во вторую очередь — Глава его ковена.

На лице колдуна не появилось даже намек на удивление. Только тепла во взгляде стало чуточку меньше.

— Чего-то подобного я и ожидал. Поисковые заклятия на ней не срабатывали. Как ты узнала?

Кеторин на секунду задумалась, говорить или нет. Все-таки Люциан на выборах Главы не занял ее сторону, и старая обида все еще давила на ведьму. Слишком много душевных ран они друг другу нанесли.

«Он тебе нужен, — отмела свои сомнения Кеторин. — Без него ничего не получится».

— Джилс у меня, — коротко произнесла она, и вот теперь Люк удивился.

— Кетти, неужели ты взломала мой покров и нашла маленькую королеву? Раньше ты не могла ломать мои заклятия с расстояния, — он даже присвистнул. А его тон был полон гордости.

Кеторин стало немного не по себе. Она ведь и сейчас не могла снять покров, не приближаясь к объекту. Даже свой.

— Не поверишь, она сама пришла ко мне на порог. Мне для этого даже ничего делать не нужно было.

Люциан нахмурился.

— Она смогла пробиться через твою защиту?

Кеторин покачала головой.

— Нет. Всего лишь удачное стечение обстоятельств. Она и не знала, что я здесь.

Люциан вскинул бровь. В его позе чувствовалась напряженность, которую вряд ли бы заметил кто-то, кто знал бы его хуже. В этот момент Кеторин отдала бы многое, чтобы узнать, о чем он думал.

— Тебе это еще не надоело? — Кеторин не поняла, что именно, но Люк объяснил, развеяв двойственность вопроса: — Дым. Что именно ты там пыталась сжечь?

— Волков.

— Похоронить не вариант?

Об этом Кеторин не подумала. Ее мозг даже не предложил ей подобного решения — настолько оно было неосуществимо в нынешних условиях.

— Земля стывшая, и снега много.

Люк кивнул, соглашаясь.

— Мне убрать... это?

Кеторин пожала плечами: мол ей «это» не доставляет никаких неприятностей, но, если Люциану хочется поколдовать на досуге, она ничего не имеет против.

Ведьма посторонилась, пропуская колдуна в Ведьмину Обитель. Она старалась не думать о том, что ранее представляла, как он появляется в ее жилище. Представляла она это не единожды, а тот факт, что обстановка и сопутствующие факторы были другими, не стоит

упоминания. Как и то, что в ее мечтах квартира на втором этаже, и кровать в частности, не были заняты гостями.

Люк вошел в обитель, и Кеторин закрыла за ним дверь, краем глаза незаметно наблюдая за четкими и резкими взмахами рук. Люциан, как дирижер, собирал дым со всего помещения, сгущая его в плотный шар. Попутно он затушил огонь на тушах, которые лишь обгорели — пламени разведенного Кеторин костра явно не хватило бы, чтобы испепелить их полностью.

Кеторин даже пожалела, что у нее нет знакомого стихийника, который мог бы направлять огонь. Люк всегда тяготел только к воздуху и воде. Направлять стихии, которых в мире в избытке, куда проще, чем пытаться контролировать пламя, которое невозможно создать с нуля.

— Надеюсь, ты растратил не весь свой запас сил на этот фокус? — Кеторин добавила в голос высокомерия или же снисхождения — она никогда не могла провести для себя четкую черту между этими двумя понятиями.

— Неужели ты думаешь, что меня так легко утомить? Кетти, я копил силы последние пару дней. С коронации кровавой королевы понял, что в ближайшее время мне понадобится все, — не без гордости, пропитанной тщеславием, ответил Люк.

— Как удачно, — хмыкнула Кеторин.

Стремясь сделать хоть что-то, пряча свое напряжение, она села на надувную кровать, сделав вид, что ее безумно интересуют зарисовки Коула. Они действительно интересовали ее, но она уже успела заучить их. Теперь в обители дышалось куда легче, чем раньше, да и соображать ей явно стало легче. К сожалению, с душой было сложнее — Люк не мог теплым ветром прогнать щемящее чувство из груди.

— Милое местечко, — протянул он, подтащив деревянный стул к кровати и вальяжно развалившись на нем. — Ты всегда тяготела к старым и полным мистической атмосферы местам. Когда ты покинула Шарпу, я гадал, в каком месте ты обоснуешься. Госпожа Ева была уверена, что ты найдешь какой-нибудь старый темный особняк. Я же ставил на склеп.

— Мне приглянулся один склеп с разрушенными горгульями на входе, но хозяева не захотели мне его продать — видите ли там лежали их предки, и им нравилось их навещать. Нелепость, как по мне: мертвым все равно, принесешь ли ты им лилии или пионы, и протрешь ли ты каменную плиту во вторник или в среду.

Люк крутил головой, изучая обитель пристальным взглядом, словно пытался запомнить каждую деталь.

— Я не собираюсь вступать с тобой в полемику о вере и отношении к мертвецам. Мне вполне хватило прошлого раза, — на его губах появилась язвительная полуулыбка.

Кеторин поджала губы, сдерживая ухмылку, вспоминая их ссору, начавшуюся с банального обсуждения гравюры на урне с прахом ее матери и закончившуюся фатальным противостоянием. После рождения близнецов любое их противостояние заканчивалось скандалом.

— Клем, — перевела тему Кеторин, прежде чем они могли бы ступить на неправильную дорожку, — она не одна там.

— А с кем? — Люк медленно повернулся к ней. В его взгляде была тревога. — Я надеюсь...

— Нет, Джуди спит наверху. Как и Рой. А у них сестра Марты. Маленькая ведьмочка с непробудившейся силой. Ее похитили, когда мы были в Шарпе.

Губы Люциана сложились в тонкую линию, а ладонь непроизвольно сжалась в кулак. Легкие завихрения воздуха трепали его волосы — Кеторин не стала заострять внимания, понимая, что он делает это неосознанно, да и подобные выплески магии не исчерпают его запасов.

— Сколько ей? — мягко спросил он, и эта мягкость совершенно не вязалась с гневным взглядом.

— Восемь, — коротко ответила Кеторин.

— Гильде была старше, — рассеянно произнес Люк.

И Кеторин поняла, что он также вспомнил Брунгильду и то, что произошло с ней много лет назад. То, что он использовал ее детское прозвище, говорило о многом, но она предпочла пропустить это.

— Девочку нужно увести оттуда раньше, чем Клем, — озвучила свою мысль Кеторин.

— Есть идеи?

— В моей коллекции есть порталный камень.

Люк вскинул бровь — не удивленно, а скорее заинтересованно. Его взгляд так и говорил: «Если ты его украла, то не говори мне, у кого, но мне интересно, как он работает». Но Кеторин все же решила объяснить:

— Мамин подарок. Он очень древний и абсолютно бесполезен для дальних переходов. Но, если ты девочка-подросток и опаздываешь на занятия к очень требовательной учительнице, и тебе нужно переместиться на расстояние не более трех миль, желательно, конечно, зная точное место назначения — то вещь отличная. Нюанс один — повторное применение возможно только через час.

Люк присвистнул. По его лицу было видно, что он отчаянно хочет закурить.

— Ты предлагаешь переместиться туда или оттуда?

— Двоих он не перенесет, только одного — так что ответ очевиден, — пожала плечами Кеторин.

— Ты предлагаешь мне переместиться на базу охотников и вывести оттуда девочку, пока ты будешь пытаться спасти Клем? Все верно?

Кеторин кивнула.

— Я смотрю, ты чересчур веришь в меня и мои силы. Даже не знаю, радоваться мне или огорчаться, — театральнo всплеснул руками Люк.

Кеторин ухмыльнулась. От такого явного напрашивания на комплементы захотелось его стукнуть — если не физически, то хотя бы словесно. Она уже перебирала варианты, когда в бар спустилась Джуди.

Полностью одетая Джуди. В куртке и ботинках, с шапкой и рюкзаком. Что ж, в таком виде точно никто не спустится попить водички поздно ночью. Люк сидел спиной к бару и потому не мог видеть дочь. Он все еще улыбался Кеторин, флиртуя не словами, а взглядом — вот только для той атмосфера уже разрушалась.

— Джуди, ах ты маленькая дура! — воскликнула Кеторин, чувствуя, что начинает закипать от ярости, но не позволила себе. — И куда это ты собралась?

Джуди, не ожидавшая, что Кеторин не спит, застыла на месте. Она хлопала глазами, как рыба, выброшенная на берег. Кеторин не то чтобы удивил поступок девочки — подсознательно она чего-то подобного и ожидала, возможно поэтому и заняла сторожевой пост внизу. Кеторин была не удивлена — разочарована.

— Я...

Кеторин видела, как ее племянница — падчерица? — судорожно соображает, пытаясь оправдать собственную глупость.

Люциан запрокинул голову и просиял дочери:

— Привет, милая.

Попытки оправдаться были тут же забыты. С протяжным то ли вскриком, то ли всхлипом Джуди бросилась через весь зал к отцу, потеряв по пути шапку с шарфом. Кеторин лишь хмыкнула, когда Люк поднялся, чтобы подхватить дочь. Сказать, что в этот момент ее сердце сжалось от боли было бы преуменьшением. Именно от этого Кеторин бежала, и, о чудо, вот они здесь в ее доме.

— Папочка, — надтреснутым голосом звала его Джуди, хватаясь за лацканы пиджака так, словно они были спасательным кругом. — Мама... она...

— Я знаю, — выдохнул Люк, глядя ее по волосам. — Я знаю и все решу.

Кеторин ощутила жжение в глазах. Закусив щеку изнутри, она отвернулась, чтобы не встречаться взглядом со все понимающим Люком. В этот момент ей очень хотелось уйти и побыть немного одной. Но она осталась на месте, чувствуя себя так, словно ее пытаются.

Джуди что-то объясняла отцу, сбивчиво и торопливо, но Кеторин старалась не слушать. Ни слов, ни интонаций. Ни ответов Люка. Он любил своих детей, и Кеторин это понимала поэтому никогда не попросила бы Люка отстранить дочь. Ведь она тоже любила их. Но всех по отдельности. А не когда нити их жизней собирались вместе, образуя трос, грозивший разорвать сердце Кеторин на части.

Когда Джуди принялась кивать, все еще не прекращая плакать, Кеторин поняла, что в стремлении отгородиться от своих чувств и людей, которые их вызывали, она упустила нечто важное. Кеторин не заметила и того, как Люк вновь сел на стул и усадил дочь к себе на колени. Иногда Кеторин казалось, что ее племянница не только физически развивалась медленнее, чем ее ровесники, которые не экспериментировали с магией, но и умственно. Сейчас она выглядела, как типичная двенадцатилетка, которой срочно нужно утешение взрослых.

— Хорошо, папочка, — лепетала она, отчего еще больше походила на ребенка. — Я сделаю все, как ты сказал.

У Кеторин округлились глаза. Похоже она и правда пропустила мимо ушей нечто важное. Вскоре Люк встал и отнес девочку наверх, а Кеторин заняла выжидающую позицию, карауля его.

— Что ты ей сказал? — накинулась она на него, стоило ему спуститься.

Люциан лишь пожал плечами.

— Попросил быть разумной и оставить решение наших проблем мне.

Кеторин негодуяще фыркнула.

— Я просила ее о том же, а в итоге мне пришлось караулить ее, чтобы она не сбежала в ночь и не попала в неприятности.

Люк сложил руки на груди, словно защищаясь, и привалился к барной стойке. Кеторин не понравилось выражение, которое приняло его лицо. Тихое неодобрение.

— Почему молчишь? — спросила она с легкой ироничной улыбкой на губах, стремясь показать, что ей заранее все равно на то, что он может сказать.

— Потому что тебе не понравится то, что я думаю.

— Говори, — приказала она, чувствуя, что ее улыбка дала трещину.

— Не стоит поднимать эту тему, — покачал головой тот. — У тебя есть фото этой

девочки, Мегги? Я же должен знать, кого именно спасать? Вдруг у них там целый склад маленьких девочек.

— Люк.

— А еще нужна какая-нибудь вещь, которую я мог бы показать девочке, чтобы она поверила мне. Что-то, что убедило бы ее, что я пришел ей помочь, — не обращая внимание на испепеляющий взгляд Кеторин, продолжал рассуждать Люциан.

— Что, черт возьми, ты хотел сказать? — Кеторин не кричала, но и ее тихий голос в этот момент был таким же пугающим, как и крик.

— Кетти, не начинай, пожалуйста. Я не хочу ругаться сейчас.

— Ты сам это начал.

— И, как видишь, не хочу продолжать...

— Люк!

— Если я скажу, ты обидишься. А обиженная ты — хуже чумы!

— Я уже обиделась, — Кетрин выгнула бровь. Себя же она пыталась убедить, что она не обижена, и ей просто интересно, что надумал там себе этот...

— Хорошо, — Люциан всплеснул руками. — Ты не видишь берегов, когда дело касается Роя и Джуди. И ты это знаешь и так. С другими ты можешь быть и доброй, и ласковой, и терпимой. Но не с ними. А что до просьбы — я сомневаюсь, что ты просила Джуди. Приказывала — да! Я даже не удивлюсь, если ты высмеивала ее порыв спасти мать! Но ты определенно не просила ее.

Кеторин втянула воздух через стиснутые зубы, стараясь проглотить ком в горле вместе с обидными словами. Люк, как и всегда, сказал лишь то, что она и так знала.

— И знаешь, что самое удивительное. Они тянутся к тебе. Они любят тебя. Хотя порой ты поступаешь с ними неоправданно жестко. Черт возьми, Кеторин, их бы не существовало даже, если бы не ты! Неужели ты думаешь, что я сам пошел бы к Клем? Даже когда этого требовал весь ковен, я не поддался. Но ты попросила, и я сделал!

Люк подошел к ней и, схватив ее за плечи, встряхнул.

— Кетти, милая моя, я стерплю все, что ты мне сделаешь или скажешь. Но не выплескивай свое негодование на детей. Они ни в чем не виноваты.

Кеторин посмотрела в его полные мольбы глаза, готовая подписаться под каждым его словом. Он был прав во всем — от и до. И Кеторин не была обижена, она была задета, глубоко ранена. Не сейчас, а очень много лет назад. В день, когда рухнули все ее мечты. Она мечтала о большой и счастливой семье. Она мечтала о детях. О своих детях. Детях от любимого мужчины. Она никогда не мечтала о детях старшей сестры и своего любимого мужчины.

— Я попробую, — надтреснутым слабым голосом произнесла она и попыталась высвободиться из рук Люка, хотя единственное, чего ей хотелось больше всего на свете — прижаться к нему и возможно поплакать на его плече.

Вот только Кеторин никогда не была плаксой — в этом они с Мартой были похожи. Кеторин считала, что они с Мартой были похожи во многом. Пару раз она даже представляла, что было бы, будь у нее такая дочка, как Марта. Ничего хорошего, наверное... но Кеторин все равно представляла.

— Я устала, — буркнула она, когда Люк не захотел ее отпускать. — И хочу спать.

— Если честно, я тоже, — хмыкнул Люциан и отпустил ее. — Где мне лечь? Наверху места нет.

Кеторин махнула рукой в сторону надувной кровати, чувствуя себя разбитой. Сейчас ей хотелось побыть одной, а не проводить остаток ночи в тягостном молчании. Она сомневалась, что сможет уснуть, чувствуя тепло и дыхание Люка за спиной. Однако же все равно пошла к кровати и, забравшись в нее, укуталась одеялом с головой.

— Я так понимаю, спать мне без одеяла? — иронично спросил он, сев на край, а потом и вовсе вытянувшись на кровати. — И подушку ты мне тоже не предложишь? Не гостеприимная ты хозяйка, Кетти.

Кеторин стоило огромных сил не поддаваться на его провокацию. Больших сил ей стоило не скатиться к нему под бок. Надувная кровать, хоть и была широкой, явно не предназначалась для того, чтобы на ней удобно было лежать двоим. Она проседала либо по краям, либо по середине. Наверное, стоило бы встать и подкачать ее, но Кеторин не стала этого делать.

— Как думаешь, мы могли бы, чисто теоретически, попробовать еще раз?

Кеторин не знала, сколько времени прошло, прежде чем тихий, полный грусти вопрос прорезал воздух и заставил ее сердце пропустить удар.

— Я знаю, что ты не спишь. Слишком часто дышишь, милая, — в его голосе послышалась улыбка. — Но, если не хочешь, можешь не отвечать.

— Спаси девочку, и я подумаю, — прикрылась бравадой Кеторин. Она не позволила своему голосу дрогнуть.

— Надеюсь, ты не шутишь, — выдохнул Люк.

Кеторин не шутила.

У Люциана болела спина. Он любил спать на мягкой постели, а не на надувной кровати и уж точно не на полу. А ему пришлось перейти на пол, потому что в тот момент, когда спящая Кеторин перекадилась к нему под бок, его здравомыслие дало трещину. Ни место, ни атмосфера, ни грядущие события не располагали ни к его желаниям, ни к мыслям. Так что прежде чем сделать нечто необдуманное, Люк перелег на пол.

О чем сейчас несказанно жалел. А больная спина была лишь вершиной айсберга. У него болела голова, у него было паршивое настроение. Он чувствовал себя стариком, из которого песок сыплется. Ему хотелось буквально удушить человека, который ломился во входную дверь. И, черт возьми, для этого ему не нужно было прилагать особых усилий. Всего-то вытянуть воздух из легких. Он мог сделать это, даже не вставая со стула.

Кеторин поставила перед ним чашку с кофе.

— Выпей и не смотри на всех взглядом серийного маньяка, — сказала она и пошла открывать дверь. — Я не сгоняла тебя с кровати, так что не бузи, старикашка.

— Где ты видела стариков с таким лицом, как у меня? — спросил он, отхлебнув из чашки. Кофе был настолько горячим, что он чуть не обжег язык.

— Поверь мне, ты не настолько красив, как тебе кажется, — усмехнулась Кеторин и распахнула дверь.

— Ох, милая, я бы поверил тебе, если бы не знал, как хорошо ты умеешь врать, — Люциан наградил ее спину ироничным взглядом.

За дверью в ореоле серого дня оказалась девчонка Марта — для Люциана все, кто был близок к возрасту его дочери, были «девчонками», — которую Кеторин притащила в Шарпу. Девчонка с большим магическим резервом. Люциан так и не смог понять природу ее силы, и ему не нравилось, когда он чего-то не понимал. В лоб спросить он не мог. Кеторин, даже

если знала, не ответит — настолько сильно она любила хранить секреты. А девчонка скорее всего не знала.

— Да уж, Марта, ты хоть спала? — не поздоровавшись, спросила Кеторин, придирчиво изучая невысокую девчонку. — А где остальные? Неужели ты сбежала из дома?

— Нет, — буркнула Марта, стягивая с себя лыжную куртку. — Коул перепаковывает арендованный автомобиль. Я чуть не въехала в красное чудовище Элиота.

Кеторин присвистнула.

— Думаю, не стоит говорить Элиоту, насколько его Рольф был близок к трагическому финалу.

Марта кивнула, молча соглашаясь с ведьмой, а потом покачала головой.

— Думаю, Коул расскажет ему. Надо было слышать, как он ржал. Так что я бросила в него ключи и ушла, прежде чем он успел довести меня до ручки.

Кеторин честно пыталась сдержать смех; Люциан честно не пытался ничего сдерживать. Ему вспомнилось, как он учил Кеторин водить. И засмеялся он скорее из-за своих воспоминаний, а не из-за неумения девчонки парковаться. Но Марта все равно обожгла его таким гневным взглядом, что Люку захотелось еще больше смеяться.

— А Алистер? — Кеторин как-то странно улыбнулась, и Люк перестал смеяться. Эта улыбка ему не понравилась.

Вообще сложно улыбаться, когда твоя жена вдруг спрашивает о совершенно незнакомом тебе мужчине и еще так заговорщицки улыбается, мол, хей, а этот парень вполне себе ничего. А Люк считал Кеторин своей женой и очень хотел знать, о каком мужчине она говорит с такой вот полуулыбкой.

— Отец в машине, — буркнула Марта, но тут же опомнилась. Ее глаза округлились: она сама удивилась тому, что так запросто прокололась. Она смачно выругалась.

— А я думал, ты сирота, — Люк довольно улыбался, переводя взгляд с нее на Кеторин и обратно.

Кеторин поджала губы, предоставив Марте самой расхлебывать свою ложь. Пожав плечами, она попыталась сделать вид, что случившееся её никак не потревожило, однако глаза так и бегали.

— По матери. А с отцом у меня отношения не очень, так что, считай, круглая сирота.

— Если не считать сестры, — подмигнул ей Люк, даже не пытаясь сделать вид, что поверил.

Марта недовольно поджала губы.

— Насколько я знаю, понятие «сирота» не подразумевает отсутствие сестер.

Люк тяжело вздохнул.

— Девочки, милые мои, мне плевать, почему вы врете Старейшинам. Это меня не касается. Но когда вы втягиваете меня в свои планы — в которых я, между прочим, рад участвовать, — говорите мне хотя бы основное. Чтобы потом, когда я с пеной у рта буду защищать ваши благие намерения, я не выглядел в глазах других полным дураком. Дураком я никогда быть не хотел и не хочу.

— Я... послушайте... — Марта сконфуженно улыбнулась. — Я не хотела и не хочу иметь ничего общего с ведьмами и магией.

Люк был слегка удивлен, услышав подобное заявление от человека, из которого магия буквально извергалась лавой. Она бурлила в этой девочке так, как ни в ком, кого Люк встречал раньше.

— Я не хотела, чтобы ваши... хм... люди лезли в мою жизнь, — продолжила Марта.

— Что ж, твое право, — хмыкнул Люк, оставив для себя мысль, что от «людей», как она выразилась, зависит жизнь ее сестры.

Люк собирался задать вопрос, который мучал его еще со вчерашней ночи, но тут распахнулась дверь, и в зал ворвался муж Марты. Хотя муж ли? Люциан еще в Шарпе начал сомневаться в истории этих двоих: уж слишком мутная она была.

— Март, он утопил его! — крикнул Коул. — Не спрятал! Не продал! Не нашел ему хоть какое-то разумное применение! Он утопил его в чертовой реке! Реке, Март!

— Кого утопил? — смотря во все глаза на «мужа» спросила девушка, явно не понимая, как и все остальные, о чем так сокрушается молодой человек. — И кто этот «он»?

— Твой отец. Он утопил мое оружие в реке. Ты знаешь, сколько стоили мои ножи? А мой пистолет? Черт возьми, он утопил мой арбалет. Я сам делал гравировку на рукоятке!

— И что же там было написано? — усмехнулся Люк.

Коул может и хотел ответить, но мужчина, который зашел вслед за ним, его опередил:

— «Несокрушимый», — без тени иронии ответил он.

Это был высокий человек преклонного возраста. С тронутыми сединой волосами и правильными чертами лица, подпорченными мимическим морщинами. На свой возраст он выглядел хорошо. Если бы не магия, Люк выглядел бы, наверное, так же, как хорошее старое вино. Да и одет мужчина был, по мнению Люка, правильно. Брючный костюм, пальто и темная водолазка с высоким горлом. На фоне него Коул выглядел бездомным.

Типаж отца Марты был полностью во вкусе Кеторин. Ревность помахала ручкой из-за угла, но Люциан не захотел помахать ей в ответ.

Не сдержавшись, Марта прыснула в ладошку.

— Надеюсь, на пистолете не было написано «стреляю без промаха»? — давясь смехом, спросила она.

И опять ответил мужчина, которого Люциан без ошибки принял за ее отца.

— Нет, к счастью, там было написано всего лишь «Каратель» — с большой буквы и с вензелями, — ни в голосе, ни во взгляде Алистера не было и намека на смех. А стоило им с дочерью переглянуться, как Марта перестала смеяться, и на ее лице появилось слегка отстраненное выражение.

В голове Люциана все сложилось. Он вопросительно посмотрел на Кеторин, которая все это время сдерживалась от каких-либо комментариев, и та коротко кивнула, подтверждая его догадку.

«Бедная девочка, — подумал Люк, — кто с ней такое сотворил?»

Лицо Коула приняло такой красный цвет, что впору сравнить его с вареным раком. Волосатым вареным раком. Люк никогда бы не позволил себе выглядеть подобным образом.

— Давай, милая, смейся, смейся. Смех — дело хорошее. Как я, по-твоему, пойду к Церкви? Вооруженный чем? Ладошками?

— Ладошки побереги для другого, — осадила его Кеторин. — Я пойду разбужу остальных, а потом расскажу свой план. Что до оружия, то я тебя им обеспечу.

Марта присвистнула.

— Только не говори, что у тебя есть склад с оружием... — протянула она со смесью страха и восхищения.

Люк не удивился бы, окажись у Кеторин нечто подобное. Но та покачала головой, развенчивая подобную идею.

— Нет конечно. Откуда? Знакомых контрабандистов, занимающихся поставками оружия, у меня нет. Но есть склад магических артефактов.

— Неужели ты думаешь, что я буду ими пользоваться? — удивился Коул.

— Ну против магического огня ты же ничего не имел. Так что и сейчас, как миленький, возьмишь и будешь использовать. Конечно, если у тебя есть другие идеи, я готова тебя выслушать.

Однако выслушивать она не стала — развернулась и скрылась за баром.

— Вот же сука, — бросил ей в спину Коул, а Люциан хмыкнул.

Кеторин у многих могла вызывать как негативные эмоции, так и желание поклоняться ей, как своеобразному идеалу. Люк же с заядлой периодичностью относил себя и к тем, и к другим.

Вскоре она вернулась в сопровождении заспанной, с опухшим лицом и глазами-щелочками, королевы кровавых ведьм и огромного мужчины, которого Люк никогда прежде не видел. Ночью, когда он относил дочь наверх, он не включал свет и не особо разглядел гостей Кеторин. Компания вокруг нее собралась прелюбопытная.

— Я не стала будить Джуди и Роя, — сказала она, сев на стул рядом с Люком. Расстояние между ними было мучительным. Мучительно большим и мучительно недостаточным. Люциан хотел поддаться мальчишескому порыву и закинуть ей руку на плечо — так сказать, немножко пометить территорию — но сдержался. — Не хочу, чтобы они лезли в наши планы. Будь моя воля, я бы отправила их в Шарпу прежде, чем что-то предпринимать, но времени на это нет.

Следующий час или около того Кеторин рассказывала о своем плане. Подробно. То и дело останавливаясь на важных моментах, стараясь, чтобы все всё запомнили и смогли действовать согласно ее плану, даже если что-то пойдет не так. Марта сосредоточенно слушала и кивала, впитывая каждое слово. Коул иногда кривился и ерничал, а иногда давал вполне мудрые советы. Алистер — которого Кеторин заведомо исключила из операции, опасаясь того, что, если отец пропавшей девочки вдруг исчезнет, полиция может обратиться на них совершенно ненужное внимание, — так же помалкивал. Вот только у Люциана не создавалось впечатление, что ему нечего сказать, скорее наоборот — этот мужчина думал о слишком многом и терялся в сомнениях, о чем говорить первым. Алистер производил впечатление человека, который слишком много думает.

Кеторин приняла решение, что Алистер присмотрит за детьми Люка и за Джилс и не даст им втянуться в неприятности и расстроить план. Откуда у Кеторин было столько веры в этого человека, Люк не знал и немножко завидовал.

Когда все было более-менее оговорено, и каждый уяснил свою задачу и роль в слегка абсурдном плане Кеторин, в котором слишком много места отводилось красивому выражению «авось пронесет», Люк впервые подал голос и попросил у Марты что-то, что можно было бы показать девочке, чтобы она не просто поверила ему — доверилась.

На лице Марты появилось задумчивое выражение, а затем она достала из кармана кошелек с маленьким лисенком, болтающимся в качестве брелка. Лисенок был маленьким и явно сшитым неуверенной, но очень усердной детской рукой.

Пальцы Марты слегка подрагивали, когда она отстегивала зверька и протягивала его Люку.

— Скажи ей, что лучшего подарка и быть не могло, — в ее голосе слышались слезы, но в глазах их не было.

— Непременно, — ответил Люк и спрятал брелок во внутреннем кармане пиджака.

Вскоре Кеторин и девочки ушли собирать артефакты и готовить камень переброса. Мысленно Люциан прозвал это трио «шабаш великой, но сумасшедшей королевы», потому что они действительно были похожи на шабаш — странный, но все-таки шабаш. На его памяти он еще ни разу не встречал столь разных, но связанных единой целью ведьм.

Коул с Элиотом, тем большим мужчиной, который по своей глупости затесался в эту странную команду, вышли на улицу осмотреть Рольфа на наличие повреждений. А Люциан остался один на один с Алистером. И нельзя сказать, что находиться с ним ему было комфортно. Хотя причиной тому был не сам мужчина, а вопросы, которые роились у Люка в голове. Вопросы, которые ему хотелось задать, и в какой-то момент он не выдержал:

— Кто разорвал нить между вами и вашей дочерью? — напрямую спросил он, понимая, что с Алистером можно говорить только так. Юлить и ходить вокруг да около с ним бессмысленно.

— Как вы узнали? — Алистер не позволил удивлению отразиться на своем лице, хотя голос его все-таки немного дрогнул.

— Видел во время обряда, когда старейшины обнажили нити. Материнская нить у нее отсутствует — тогда я понял, что матери у Марты больше нет, — а вот отцовская не исчезла без следа. От нее остался лишь обрубок, — честно ответил Люк. — Очень корявый обрубок. Видно, что действовали дилетанты. Когда это произошло?

— Очень много лет назад, — уклончиво ответил Алистер. Было видно, что тема ему неприятна, но Люциан все равно продолжил.

— Вы не думали попробовать ее срастить?

— Я не думал, что такое возможно.

— Возможно, — кивнул Люциан. — Однажды я уже сращивал нить. Не родительскую, конечно, но все же. Процесс это небыстрый, я бы даже сказал медленный, но я могу попытаться позже.

Алистер тяжело выдохнул.

— Даже не знаю. Я слишком много лет живу в этом состоянии. Не представляю, что буду чувствовать, если эта пустота вдруг исчезнет. Да и Марта ничего не знает. Я не хочу травмировать ее еще больше.

— Сомневаюсь, что это травма. Скорее лечение, — хмыкнул Люк. — Подумайте над моим предложением. Я предлагаю помощь безвозмездно.

— Почему?

Люциан пожал плечами.

— Потому что я тоже отец. Потому что без лишних вопросов вы согласились присмотреть за моими детьми. Потому что в душе я альтруист, хотя по мне не видно. Причин на самом деле много.

Мистер Рудбриг хотел что-то ответить, но тут вернулась Марта с охапкой артефактов, а за ней следовала Кеторин, увлеченно объясняя принцип действия обездвиживающих ловушек. Кеторин всегда умела завораживающе и пленительно рассказывать, когда стоял вопрос магии или алкоголя — а вот о бытовых вещах она говорить не любила.

Люциан тяжело вздохнул, понимая, что момент упущен. Но по взглядам, которые Алистер бросал на него, понял, что они вернутся к этому разговору при первой же возможности, и немного побаивался, как бы благородный порыв не вышел ему боком. Обычно для него это ничем хорошим не заканчивались.

Глава 46. Раскол

Терра смотрела на Сьюзи через резную калитку, которая делила лицо когда-то лучшей подруги на квадратики и ромбики, и не знала, открывать ли калитку и свое сердце. Она была обижена на Сьюз. Обижена на все те грубые слова, которые та кричала в трубку, когда Терра сказала, что не может приехать на свадьбу. Обижена на то, что подруга избегала ее и отказывалась идти на перемирие. И на то, что Сьюз пыталась навязать свою позицию еще и Чарли.

Глупая причина для ссоры и неадекватное поведение омрачили все хорошее, что между ними было. И Терра не знала, как теперь поступить.

А Сьюз?

Жена Чарли стояла за калиткой и нервно переминалась с ноги на ногу, однако же улыбаясь, как ни в чем не бывало.

— Давно не виделись, Терра, — помахала ей рукой Сьюзи. — Что, так и будем стоять и сверлить друг друга глазами?

— Почему ты здесь? — спросила Терра, и собственный голос показался ей достаточно недоброжелательным.

Сьюз, казалось, задела ее слова, но Терра постаралась не показать, что ее это хоть как-то волнует.

— Может поговорим в доме? А не у всех на виду? — Сьюзи обвела улицу своей порядком располневшей рукой. Обручальное кольцо, казалось, было ей мало и передавливало палец.

Терра однако же не спешила деактивировать часть защитного купола, как ее учила Джослин, чтобы пропустить подругу внутрь.

— Ты приехала без Чарли? — спросила она, оттягивая время, чтобы дать себе еще немного времени подумать.

— С Чарли, — покачала головой Сьюзи. — Он поехал на работу к Алистеру, решил дать нам время, чтобы поговорить.

— Понятно...

— Мамочка, — закричала Марта, выбегая из сада и несясь к ней по дорожкам, совершенно не смотря под ноги. Ее зеленые лосины были перепачканы на коленях, а свободная туника развивалась от бега. — Я нашла клубничку. А ты говорила, что их больше не будет. А я нашла!

Лицо девочки буквально светилось гордостью, когда она раскрыла ладошку и показала маленькую спелую клубнику. Такую крохотную, какая только может быть в начале осени, когда весь урожай давно сошел.

— Молодец, — похвалила ее Терра и, потрепав дочь по волосам, подхватила ее на руки.

Волосы у Марты были короткие и вьющиеся. Да, и сама она была очень маленькой даже для своего возраста. Маленькая и прелестная куколка. Правда, очень активная и своевольная. Она буквально не могла усидеть на месте ни секунды.

— Милая девочка, — протянула Сьюзи, разглядывая малышку из-за калитки. — Мне кажется, она похожа на Алистера.

Терра окинула дочку придирчивым взглядом. Те же светлые волосы, те же глаза, даже форма носа та же, что у матери. И где, скажите на милость, Сьюзи разглядела сходство с

Алистером? Если только самое отдаленное. В изгибе губ было нечто похожее, но не сказать, что сильно.

— Может и не внешне, — понимая, что проитрафилась, Сьюзи попыталась оправдаться и сгладить ситуацию, в чем она никогда не была сильна. — Но смотрит она точно так же, как он. Толика презрения, капелька снисхождения и длинные ресницы...

— Прекрати! — резко перебила ее Терра.

За своего мужа и свою дочь Терра была готова сражаться, как львица. Даже если нападение и было словесным. С появлением в их доме Марты, Терра изменилась. Осознание, что теперь в ее руках ответственность за еще две жизни, помимо своей собственной, вначале подкосило девушку. Первый год она буквально барахталась в озере страха, не зная, в какую сторону плыть, не чувствуя дна под ногами. А потом дно нащупалось как-то само собой и оказалось, что озеро ужаса — лишь маленькая лужа, которую нужно переступить.

Марта с Алистером были ее поддержкой, ее опорой, ее спасательным кругом. И ради них она могла быть сильной. Эта сила и уверенность не появились в одночасье, но именно они звучали в голосе Терры, когда она осадила Сьюзи.

В этот момент она поняла, насколько нелепо бояться Сьюзи и переглядываться с ней через калитку, когда можно протянуть ей оливковую ветвь мира, ведь, даже если та сломает ее, для Терры ничего не изменится — у нее все еще будет ее семья.

Так что она незаметно деактивировала часть барьера и распахнула калитку вместе со своим сердцем, зная, что то уже не разобьется.

Они сидели на кухне и пили чай, хотя назвать чаем травяной сбор, который Терра приготовила сама, было сложно. Главное, что он был вкусный и приправленный толикой магии и делал их разговор чуточку радушнее. Правильные травы могли даже самого несговорчивого человека сделать более открытым. Сьюзи же никогда не была легкой в общении, а потому Терра нисколько не переживала из-за того, что использует на подруге магию. Терра вообще любила слабую бытовую магию, которая не требовала бы от нее затрат собственных магических резервов, а пользы приносила массу.

Марта бегала по дому. Подбегала к ним, хватала со стола домашнее овсяное печенье, откусывала и клала обратно, а потом опять убегала к своим плюшевым игрушкам. Марта всегда ела крайне мало, заставить ее хорошо поесть было просто невозможно.

— Вы к нам надолго? — спросила Терра, проводив дочь взглядом и вновь посмотрев на Сьюзи, которая уплетала печенье за обе щеки.

«Вот у кого никогда не будет проблем с едой, — подумала Терра, улыбнувшись. — Если бы Марта так ела, я бы, наверное, меньше нервничала.»

— У Чарли отпуск на две недели. Мы думали погостить недельку у вас, а потом у его родителей, — прожевав, ответила Сьюзи. — Если вы, конечно, не против.

Последнее она добавила, слегка сконфуженно, словно неожиданно вспомнила о приличиях, что со Сьюзи происходило крайне редко. Чаще всего она о приличиях забывала.

Терра покачала головой.

— Не против. Гостевая в вашем распоряжении. Если не ошибаюсь, там еще осталось что-то из вещей Чарли. Он постоянно что-то забывает.

— Это точно, — рассмеялась Сьюзи и улыбнулась так, как могут улыбаться только женщины, обсуждая своих мужей. Эта улыбка словно кричала: «Гляди, какой идиот, люблю его».

Алистер и Чарли приехали ближе к вечеру, под завязку нагруженные пакетами с

продуктами. Марта побежала к отцу сразу же, как заметила его в окне, нисколько не заботясь о том, что руки у него были заняты. У Терры даже не возникало сомнений, что, выбирая между пакетами и Мартой, Алистер выберет дочь. Так и случилось: переложив пакеты в одну руку, а другой подхватив Марту к себе под бок, он вошел в дом, никоим образом не показывая, как ему тяжело или как он устал. Терра уже давно перестала завидовать единению, существовавшему между эти двумя.

Они расположились в саду. Мужчины вынесли туда стол и стулья с кухни, а Терра развесила рождественские гирлянды, чтобы, даже когда окончательно стемнеет, им было светло и уютно. Вечер прошел хорошо, как может пройти только вечер в компании старых друзей, которые знают друг друга, как облупленных: знают великие и курьезные моменты, много подтрунивают и смеются. Возможно вечер прошел так хорошо во многом благодаря Чарли. Он был душой компании. Он не давал возможности повиснуть какой-нибудь неудобной паузе, тут же переключая всех на что-то другое.

Терре оставалось только удивиться тому, сколько же сил у него было, чтобы держать всех в веселом настроении. Чарли тоже обладал своего рода магией. Магией смеха.

Разошлись они уже за полночь, и то лишь потому, что Марта так и уснула на руках у отца, удобно устроившись на его коленях, а голову положив ему на предплечье. Эта идеалистическая картина заставила Терру почувствовать себя такой счастливой, что ночью она выскользнула из кровати и пошла на свой чердак, чтобы вложить этот потрясающий день в кристалл соли, чтобы даже спустя года иметь возможно пережить его еще раз.

Чарли пообещал Марте, что они вместе поедут покупать какого-то огромного плюшевого медведя, которого девочка присмотрела в витрине магазина. Терра была против. Игрушка стоила баснословно дорого, а Марта, поиграв с ней пару дней, переключиться на что-то другое. Но Чарли — используя коронную фразочку Алистера о том, что «не хочет попадать в грозу» — так они называли те моменты, когда Марта начинала истошно вопить и рыдать — убедил Терру, что медведь станет его следующим подарком на день рождения «Тучки». Терра, конечно, не поверила, но согласилась, так как игрушка, в общем-то, не ударит по их семейному бюджету.

Когда Чарли выходил из дома с Мартой на руках, Терра слышала, как он обещал ей еще заехать и поест мороженого, а девочка, задорно улыбаясь, перечисляла все свои любимые вкусы.

«Похоже, раньше вечера их ждать не стоит, » — улыбаясь, подумала Терра, а сама вернулась на кухню с великой целью приготовить потрясающий ужин. У нее было много планов, но определиться, что конкретно готовить, было все-таки сложно.

Терра провозилась весь день на кухне, иногда отвлекаясь на разговоры со Сьюзи. Та рассказывала о событиях своей жизни, о которых Терра не знала. И это было тоже весело. Сьюзи всегда умудрялась попадать в курьезные ситуации: такие, что остаются постыдными воспоминаниями еще долгие годы, а потом перерастают в веселые истории, которые рассказываешь внукам, сидя в саду на качелях, и смеешься уже вместе с ними.

Они настолько заболтались, что Терра не сразу поняла, как быстро пролетело время. Алистер пришел с работы, а ужин был все еще не готов. Терра встретила взглядом с мужем, и ее как ледяной водой окатило. Чарли с Мартой уехали больше десяти часов назад. Разве можно столько времени покупать заранее выбранную игрушку и есть мороженное?

— Чарли тебе не звонил? — дрожащим голосом спросила она у мужа.

— Нет. А должен был? — спросил он, схватив с разделочного стола кусочек мелко нарезанного для салата огурца, и отправив его в рот.

— Их с Мартой нет уже очень давно, — рассеянно ответила Терра, ощущая, как паника начинает захватывать ее. Кровь стучала в висках.

Алистер подавился огурцом и принялся откашливаться. Терра подскочила к нему и принялась стучать по спине. Она не сомневалась в Чарли ни на секунду, но никак не могла отделаться от липкого чувства страха и дурного предчувствия.

Сьюзи, однако, их паники не разделяла. Пожав плечами, она достала из кармана платья новенькую серую «раскладушку».

— Что вы так распереживались? Я ему сейчас наберу и скажу немедленно ехать обратно. Чарли иногда теряет во времени. Прямо теряет связь с реальностью иногда. Они с братом как-то раз двое суток играли в приставку и даже спать не ложились, пока мы их не разогнали, — рассказывала она, попутно набирая номер и прикладывая трубку к уху.

Вот только чем дольше она держала трубку у лица, тем более хмурым оно становилось.

— Странно, — протянула она, отнимая трубку, и начиная набирать номер повторно. — Почему-то не берет.

Алистер запил несчастный огурец водой и произнес:

— Я поеду в город — посмотрю, что их задержало. Куда они собирались?

— В магазин игрушек, а потом еще поест мороженное, — на автопилоте ответила Терра и, схватив полотенце, принялась вытирать руки. — Я с тобой.

Алистер покачал головой.

— Не стоит. Лучше жди их дома, вдруг я ними разминусь.

Терра хотела запротестовать, но промолчала, понимая, что Алистер абсолютно прав. Да и Марта может испугаться, когда они вернутся, а дома не окажется ни мамы, ни папы. Ощущая, как где-то внутри у нее начинает стягивать тугий узел из страха и отчаянья, Терра смотрела через окно, как отъезжает машина мужа.

Она надеялась, что ее дурное предчувствие не будет иметь ничего общего с реальностью. Надеялась, что у Чарли где-то по дороге прохудилось колесо, а телефон разрядился. Надеялась, что они просто потеряли счет времени и едят мороженное в кафе или все никак не выберут игрушку.

Как много надежд она питала, пытаясь заставить себя поверить, что всему есть разумное объяснение. Но часы на каминной полке показывали, что магазин игрушек уже закрылся. И что кафе с мороженым — тоже. А если у Чарли прохудилось колесо, он принес бы Марту домой, а потом пошел бы решать проблему. Рупи — маленький городок, здесь все буквально в шаговой доступности.

Сьюзи ходила вокруг нее кругами и пыталась внушить, что все хорошо. Но Сьюзи никогда не умела ничего внушать: манипулятор из нее был так себе. Нескончаемое мельтешение и нелепые попытки разрядить обстановку вызывали у Терры одно единственное желание — прикрикнуть на подругу и попросить тишины.

Алистер вернулся спустя час, что еще раз подтвердило, что Рупи — городок маленький. Он выглядел таким же подавленным, как Терра. И по его взгляду она поняла все, что он еще не успел сказать.

Терра бросилась к мужу, стараясь сдержать рыдания. Ей не хотелось, чтобы Алистеру было еще тяжелее, но она нуждалась в поддержке.

— Я позвонил в полицию, — надтреснутым голосом произнес он, глядя жене по спине. — Нужно прочесывать округу.

— Ты же не хочешь сказать, что мой муж похитил вашего ребенка? — возмутилась Сьюзи. — Это нелепо!

— Я даже мысли такой не допускаю, — холодно ответил ей Алистер, чеканя каждое слово. — Но с ними могло случиться нечто...

Алистер так и не договорил. Ему было так же тяжело, как и Терре.

Вскоре он ушел, чтобы присоединиться к бригаде добровольцев, которая прочесывала город и его окрестности наравне с полицией. А Терра и Сьюзи остались дома на случай, если Чарли с Мартой каким-то чудом вернутся назад.

То была тяжелая ночь. Терра не плакала. Она до конца не осознавала происходящее. В голове было пусто, ни единой мысли. Ее красивый полный любви мир лопнул, как воздушный шарик, и магический купол не помог.

Она просидела всю ночь, смотря на огонь в камине, пытаясь понять, что ей теперь делать. И только под утро поняла, какая же она все-таки дура. Подскочив на ноги, она опрометью понеслась в коридор к домашнему телефону. Ее руки так тряслись, когда она набирала номер Джослин, что она трижды или четырежды ошибалась. А когда наконец-то набрала верно, трубку на том конце не подняли. Терра попробовала еще дважды, но безрезультатно.

В итоге, оставив попытки дозвониться до Джослин, Терра поднялась на свой чердак и принялась собирать все необходимое для поискового заклатья.

Тщетно. Ее блокировали. Кто-то был явно сильнее ее и мог закрыть поиск.

Терра взвыла, расшвыривая баночки с травами по полу. У нее было недостаточно сил. Хоть Джослин и говорила, что Терра сильна, то были лишь слова: на практике она не могла найти собственную дочь. Лишь убедилась, что Чарли и Марта находились во власти у какой-то ведьмы. Ведьмы, которая с легкостью блокировала ее. А значит и волонтеры, которые прочесывали город, и полиция — бесполезны.

Единственным вариантом оставалась Джослин и поиск по крови. Сама Терра на подобное была не способна. Одно дело воспользоваться чужим заклатьем и совершенно другое — создавать заклатье с нуля.

Терру трясло, когда она вновь спустилась, чтобы попробовать дозвониться до Джослин, жалея, что за все эти годы так и не удосужилась узнать у начальницы, где она живет. Раньше это было неважно — сейчас стало жизненно необходимо. Она еще раз позвонила на домашний, затем еще и еще раз. Можно было остановиться и на первом, но Терра тешила себя надеждой, что Джослин сидит в ванной и из-за шума не слышит звонка, и вот сейчас она выйдет и тут же откликнется.

Не откликалась.

На часах было уже около девяти, когда Терра решила позвонить в академию «Мария-Роза» и оставить послание для бывшей начальницы. И какого было удивление вымотанной донельзя матери, когда на том конце трубки послышался сонный голос Джослин. Терра накинулась на нее с расспросами, и, как выяснилось, та просидела всю ночь в подвале академии, корпя над попавшим к ней в руки древним гримуаром. Терра попросила ее о

помощи, и Джослин, пообещав как можно быстрее собрать все необходимое, уже хотела положить трубку, когда Терра рассказала о своих догадках по поводу ведьмы.

— Не знаю, — с сомнением в голосе произнесла Джослин, — будет ли толк от меня, если там есть ведьма. Сильная кровавая сможет пережать нам все пути для поиска. Но мы все равно попытаемся.

Терра уже закончила разговор, когда из гостевой спальни спустилась Сьюзи. Осунувшаяся и потрепанная в той же одежде, что и вчера, подруга села на ступеньки и устало спросила:

— Есть новости?

— Никаких, — ответила Терра и поползла на кухню готовить завтрак. То была защитная реакция организма, больше Терра не могла ничего сделать.

Ей оставалось только ждать, а от пустого ожидания можно было сойти с ума. И она ждала. Ждала Алистера. Ждала Джослин. Ждала хоть каких-нибудь новостей. А Сьюзи подрывала и без того шаткое равновесие Терры, если хоть о каком-то равновесии могла идти речь. Сьюзи ходила кругами по дому и все причитала о том, что им не стоило приезжать в Руни. Сьюзи никого не обвиняла в открытую и даже не единожды выразила слова поддержки. Однако в каждой ее фразе, в каждом слове и взгляде чувствовался невысказанный упрек, и Терре хотелось заткнуть уши и завязать глаза, чтобы было хоть чуточку легче.

Но легче не становилось. К обеду, когда вымотанный донельзя Алистер вернулся домой, чтобы немного передохнуть, Терра была уже на пределе. Они нуждались друг в друге. Терра подошла к нему и молча обняла. Она не стала говорить, что от поисков волонтеров толка не будет, — просто не хотела отнимать у него эту, пускай крохотную, но надежду.

— Я позвонил родителям, — сказал он, гладя Терру по волосам. — Они взяли билеты на утро. Если все будет хорошо, то они вернутся к завтрашнему вечеру.

Терра старательно сдерживала слезы. Сама-то она не подумала позвонить мадам Рудбриг и рассказать о случившемся. А Алистер подумал. У него всегда была холодная голова, и он всегда умел думать наперед. Терра же терялась.

— Мы справимся, — пытался убедить ее он, и в его голосе было столько уверенности, что Терре тоже захотелось поверить в то, что они справятся.

— Может вздремнешь? — предложила она. — Ты всю ночь не спал.

Алистер кивнул. Он был настолько вымотан, что не стал сопротивляться, когда Терра принялась подталкивать его в сторону спальни. Лишь попросил разбудить его через пару часов и тут же заснул, вытянувшись на кровати и не снимая одежду. У Терры же сна не было ни в одном глазу. Уловив момент, когда Сьюзи ушла из дома, Терра вновь проскочила на чердак и попыталась еще раз воспользоваться поисковым заклинанием.

Результат тот же — полный провал. Такой сокрушительный, что хотелось завывать в голос, что собственно Терра и сделала в тишине чердака, пока ее никто не видит и не слышит. Она немного успокоилась лишь тогда, когда стало тяжело открыть опухшие глаза, а рукава кардигана можно было выжимать, настолько мокрыми они были.

Откопав на столике маленькое зеркальце, которое обычно применяла не по своему прямому назначению, а для преломления лунного света, Терра ужаснулась от своего вида и принялась наскоро варить зелье, чтобы немного убрать следы своего разбитого состояния. Благо это у нее получалось лучше, чем поисковые заклятия.

Последнее, чего в тот момент хотелось Терре — давать Алистеру еще больше поводов

для переживаний. Пропавшей дочери и лучшего друга более чем достаточно — рассыпающаяся на части жена в этом букете лишняя составляющая.

Когда Терра спускалась вниз, чтобы разбудить Алистера, выглядела она уже не так помято, но глаза щипало, и она знала, что через пару дней зелье аукнется ей неприятными последствиями, о чем она старалась даже не думать.

Проснувшись, Алистер быстро перекусил и запил все огромной кружкой кофе. Не поел, а скорее заправил бак топливом, чтобы можно было ехать дальше. Он ушел, чтобы вновь присоединиться к волонтерам. Пока ел, Алистер также рассказывал о том, что к поискам присоединились и соседние городки, и Терра была благодарна этим совершенно незнакомым людям, которые разделяли ее горе и хотели помочь. Правда сомневалась, что от их помощи будет толк. Куда больше она верила в Джослин и надеялась, что та сможет им помочь.

Но Джослин все никак не приходила. Терра звонила ей еще несколько раз и наставница объясняла, что собирает все необходимое и приедет сразу же, как только сможет. Терра понимала, что найти живого волка не так-то просто, даже невозможно. Они с Джослин решили, что если до вечера у той не получится найти волка, то возьмут большую охотничью собаку из питомника. По факту лишь полумера, но всяко лучше, чем ничего.

Сьюзи вернулась вскоре после ухода Алистера с огромной банкой мороженого и, назвав ее лекарством от нервов, уселась в гостиной на диван. Мороженое она поглощала так быстро, что Терра начала сомневаться, что той его хватит надолго. Ей же самой кусок в горло не лез, а от безделья в голову лезли такие картинки и мысли, что впору было бы напиться, чтобы хоть на пару минут отключиться. Но подобного Терра себе позволить не могла.

Так поступила бы только безответственная мать, каковой она себе не считала. Так что она молча мучилась, наблюдая за Сьюзи, которая гасила нервы мороженым и даже не думала присоединиться к волонтерам. Когда Терра спросила ее об этом, Сьюзи лишь недовольно посмотрела на нее и ответила:

— Ты меня вообще видела? Я не способна на такую физическую активность. Рухну где-нибудь в лесу, и волонтеры будут искать уже меня.

Терра нахмурилась, но промолчала. Возможно, Сьюзи и была права, но Терре ее позиция все равно не нравилась.

Промучалась она еще около часа, а потом не выдержала и все-таки присоединилась к волонтерам, которые прочесывали старые складские помещения, примыкающие к заброшенному рыбному заводу. Находиться там было невыносимо, прошедшие годы не избавили здание от душащей вони, но Терра упорно ходила по заброшенной территории, отчетливо понимая всю тщетность своего занятия.

Ушла она оттуда под вечер, когда за ней пришел недовольный Алистер. Ему рассказали о том, что делала его жена, и он, буквально схватив Терру за шиворот, поволок ее домой, всю дорогу распекая ее о том, что она должна находиться дома в безопасности, чтобы он мог делать все, что от него зависит и не переживать за нее. Алистер, конечно, не кричал, он вообще никогда не кричал. Он говорил рассудительно, подтверждая каждое слово разумным доводом. Но по его тихому, безэмоциональному тону было понятно, насколько он напряжен. И Терра не сопротивлялась и не спорила, лишь кивала и говорила, что полностью его понимает. Она действительно понимала.

Джослин они встретили у дома. Та стояла у калитки и пыталась одной рукой удержать огромную овчарку, а другой сжимая большую коробку. Алистер поспешил помочь

ей, потому что Джослин явно не справлялась с агрессивно настроенной собакой, которая рвалась с поводка и клацала пастью в наморднике.

Разговаривать на улице было нельзя, особенно когда жуткая собака привлекает к вам ненужное внимание. Терру зверюга перепугала до чертиков, и она старалась держаться от нее подальше, пока Алистер волок ее за собой через весь двор в сторону подвала. Проходя мимо дома, Терра поймала на себе вопросительный взгляд Сьюзи, но проигнорировала его. Не пойдет она разъясняться с подругой, когда каждая минута на счету.

Алистер с трудом смог загнать пса в подвал, пока они решали, где будут проводить ритуал. Вариантов было немного: двор, дом, подвал. Однако все эти варианты были паршивыми. Сьюзи спутала все карты, но Терре на нее было в общем-то сейчас все равно — тайна, которую она хранила от подруги столько лет, теперь казалась неважной. Да пусть хоть весь город знает. Все было неважным, когда на кону стояла жизнь ее дочери и жизнь Чарли.

Но Джослин была против — она не хотела раскрываться перед Сьюзи, и Терра ее понимала, хотя и была готова на все, лишь бы как можно быстрее найти дочь. В академию они животное тащить не могли, там сейчас была охрана, да и город кишел волонтерами, а Джослин не хотела привлекать внимание к своей работе. Лес для обряда тоже был не безопасен, мало ли кто их еще увидит там.

Они долго обсуждали место, где могли бы провести обряд и быть никем не замеченными. В итоге оставался только один вариант — поместье родителей Алистера. Немногочисленные слуги были отправлены в отпуск, пока родители Алистера отдыхали в попытке наладить отношения. Так что в особняке не было никого, кто мог бы их заметить или помешать.

Под очередным вопросительным взглядом Сьюзи они проволокли собаку обратно на улицу и запихнули в машину Алистера. Терра не отважилась сесть рядом со зверюгой на заднее сиденье, и эта участь досталась Джослин.

Алистер как раз заводил машину, когда через брешь в барьере, которую Терра не видела смысла закрывать, вышла Сьюзи и спросила:

— Вы куда?

— Решили пустить охотничью собаку по следу, вдруг что унюхает, — не моргнув и глазом, произнес Алистер и тронулся с места под собачий лай и рев двигателя, оставив Сьюзи недоумевающе смотреть им вслед.

Терра была в ужасе. Ей никогда не хотелось вспоминать о пережитом обряде. Только благодаря Алистеру и его твердой руке она не рухнула и выстояла, пока Джослин творила поисковые кристаллы. Алистер аккуратно сжимал ладонь Терры и перебинтовывал. Муж в отличие от нее не был ни шокирован, ни напуган обрядом, а если и был, то очень хорошо скрывал это.

Джослин опрокинула на траву походный котелок, и из него полилась кровь. Несмотря на темноту глубокой ночи, потерять три маленьких кристалла соли из виду было невозможно. Они искрились таким ярким алым светом и так сильно пульсировали магией, что даже Терра с ее слабым магическим зрением видела их очень хорошо.

— Жива, — с облегчением вздохнула Джослин, и Терра ощутила, как тяжелый и тугой узел в ее в груди немного ослаб.

Мертвое животное Алистер закопал под яблоней в старом саду Рудбригов, а Терра

стояла и светила ему фонариком. Ей было очень жалко несчастное животное, но такая была магия крови, она всегда требовала жертв — человеческих или животных. И, как бы Терре не было жалко несчастное существо, дочь для нее была важнее.

Пока они разбирались с могилой, Джослин перевязала свою полную шрамов руку и терпеливо ждала, рассматривая кристаллы, которые подобрала с земли. Те светили так ярко, что их легко можно было использовать вместо фонариков.

Похоронив животное и положив на его могилу камень, они направились к дому, в котором прошли детство и юность Терры с Алистером. Расположились они на кухне, расстелив на столе карту города и близлежащих районов, на которой еще толком не высохли чернила. Джослин пришлось рисовать ее сегодня утром, срисовывая детали с туристических карт и начитывая краски.

Вот только того, что произошло дальше, не ожидал никто. Кристаллы, которые так ярко светились в такт биению сердца ее дочери, взорвались, стоило им коснуться карты, и разлетелись по кухне мелкими осколками. Алистер мгновенно уложил Терру на пол, подминая под себя, защищая. А Терра, толком не понимая, что происходит, смотрела на его щеку, с которой капала кровь, на Джослин, которая так же сидела на полу, прикрывая голову руками. Рукава ее теплой кофты превратились в решето и уже пропитывались кровью. А в комнате отчетливо пахло гарью. Терра приподняла голову. Карта на столе медленно тлела.

Джослин подскочила на ноги и, набрав полную кружку воды, вылила ее на стол.

— Ничего не понимаю, — констатировала она, недовольно хмурясь на ошметки, оставшиеся от карты, и подперев бока израненными руками. — Такого не должно было произойти. Поисковые кристаллы с кровавой привязкой невозможно разрушить, пока предмет поиска и тот, кто ищет, живы.

Алистер помог Терре подняться и держал ее за талию, чтобы она не упала. Похоже знал, что без него она просто не устоит.

— Она умерла? — едва ворочая языком, произнесла Терра.

Джослин покачала головой и подняла с пола, наверное, самый большой осколок: все такой же красный и пульсирующий, но размером меньше, чем ноготь мизинца.

— Думаю, жива. Но это, — она махнула рукой в сторону стола, — неправильно. Нам нужен кто-то более сведущий, чем я. Я не представляю, насколько мощной должна быть ведьма, чтобы разрушить заклятие.

Терру затрясло от ужаса. Она не могла больше притворяться сильной. Уткнувшись в рубашку Алистера, она громко и надрывно разрыдалась, чувствуя, как рвется сердце у нее в груди.

Она была слабой и бесполезной и ничего не могла сделать для своей малышки.

Терра не спала. Просто не могла. Стоило закрыть глаза, и воображение подкидывало ей жуткие картинки. Чарли и Марта — только о них она и могла сейчас думать. А еще ей казалось, что она начинает сходить с ума и уже не может мыслить здраво.

Она смотрела на спящего Алистера. Волонтеры свернули свои работы на ночь, и муж тоже остался дома — наверное боялся, как бы Терра чего не отчебучила. Не зря боялся, потому что Терра сама была в ужасе от тех жестоких мыслей, которые лезли ей в голову.

Джослин ушла к себе, обещая найти другой способ: если не в своих гримуарах, то хотя бы отыскать людей, которые смогут помочь. Вот только на это нужно было время,

которого у них и не было.

А накручивать себя Терра всегда умела. То была еще одна безумная и бессонная ночь. Ближе к утру она все-таки провалилась в сон, недолгий и мутный, а проснулась она от собственного крика и ощущения, что ее трясут.

— Мы найдем ее, милая, — говорил Алистер, прижимая жену к своей груди. И Терре очень хотелось ему верить. Вот только — где искать?

Они долго сидели, обнявшись, и Алистер шептал ей всякие успокаивающие слова, которые нужно было говорить, но в которые ни один из них не верил.

А потом раздался удивленный возглас Сьюзи. Кричала та так громко, как умела только она, с недовольством, которое лишь немного смягчала тревога.

— Чарли! Где ты был? Боже мой, что с девочкой? Ты ее что, мазутой измазал или в нефти искупал?!

Терра с Алистером переглянулись, и в глазах мужа она увидела огонек надежды. Она выскочила из постели и побежала по коридору как была — в ночной сорочке, которую нацепила после душа, в который ее всеми правдами и неправдами загнал Алистер, уговаривая и уламывая.

За спиной Терра слышала его торопливые шаги, такие же гулкие как и у нее.

Чарли был выше Сьюзи, и его побитое лицо Терра увидела сразу же. Оно маячило над головой женщины. Губы разбитые и опухшие, один глаз заплыл и, похоже, ничего не видел. А правое ухо, торчащее из-под спутанных и грязных волос было... надрезано?

У Терры сперло дыхание, и она остановилась. Из-за спины Сьюзи она не могла видеть ношу, которую Чарли прижимал к груди. И боялась. О, боги, как же ей было страшно взглянуть на свою малышку.

А Алистеру либо не было страшно, либо он не позволял себе бояться. Обойдя их с Сюз, он подошел к Чарли и выхватил дочь из рук друга и прижал к себе. Послышался слабый сонный протест и причмокивание.

«Жива, «- с облегчением подумала Терра, но облегчение быстро развеялось. Малышка была завернута в клетчатый плед, и Терра разглядела черную, как смоль, ладошку, мелькнувшую над покрывалом и тут же спрятавшуюся обратно.

На ватных трясущихся ногах она подошла к мужу и аккуратно, стараясь не потревожить сонящую девочку, стянула с нее одеяло. Сердце Терры, казалось, забыло, как биться.

— Что с ней?

Терра не узнала собственного голоса, такого слабого, такого разбитого. Ее малышка, ее маленькая прекрасная куколка была покрыта черными пятнами. Ручки, щечки, губки, животик, торчащий из-под задравшейся футболки. Пятна были везде. Где-то большие, где-то меньше. Правая рука была покрыта чернотой полностью.

— Я не понимаю, — выдохнула Терра, пытаясь вспомнить хоть что-то, что она знала о проклятиях. Но мысли разбредались.

— Нас похитили, — прошепелявил Чарли из-за спины, и Терра обернулась к нему.

Передние зубы мужчины были не выбиты, а аккуратно, идеально ровно срезаны наполовину. Терра сжалась: от одного только вида ее скрутило, и ее собственные здоровые зубы заныли, словно ощущая, насколько это было больно. С ними обращались жестоко.

— Марта... она громко плакала и кричала, а потом произошло нечто странное, — морщась от боли, рассказывал Чарли. — Терра, она убила ведьму магией. Разве такое

возможно?

Чарли, похоже, даже не заметил, что раскрыл Терру и ее секрет перед Сьюзи. Терра и сама-то не обращала на нее внимания, пока та свистяще не втянула воздух и не рассмеялась:

— Дорогой, ты тронулся умом. Магии не существует. Пойду-ка я вызову врача, тебя нужно осмотреть, — она вытерла слезы в уголках глаз.

Вот только в ее сторону никто не смотрел. Чарли сейчас было не до жены.

— Она стала такой после того, как ведьма рухнула.

Терра вновь посмотрела на дочь в руках мужа.

— Со мной такого никогда не было, — произнесла она, зажав в руке черные пальчики дочери. — Она все время была без сознания?

— Нет, — Чарли покачал головой и болезненно поморщился. — Она в машине уснула недавно. Все время плакала и звала вас.

— Я отнесу ее в спальню, и потом мы обстоятельно поговорим, — отрезал Алистер и закутал дочь пледом. — Нужно обязательно во всем разобраться. Позвони Джослин, пусть прекращает корпеть над книгами, раз Марта вернулась домой. Спасибо, Чарли.

Он легонько похлопал друга по плечу и унес Марту не в детскую, а в их спальню. Терре очень хотелось пойти вслед за ним и просто сидеть рядом, держа на руках свою малышку. Но Алистер был прав, им нужно было во всем разобраться. А еще помочь Чарли...

— Есть серьезные ранения? — спросила Терра, придирчиво осматривая друга. — Чтонибудь сломано? Тебя резали? Стреляли?

Одежда на Чарли была целая, хоть и заляпанная кровью. Да и не видела Терра никаких повреждений кроме тех, что изуродовали его голову.

— Нет. Не успела, — во взгляде здорового глаза Чарли Терра увидела ужас и облегчение.

— Нужно звонить в полицию, — серьезно произнесла Сьюзи.

Терра с Чарли перевели взгляд на женщину и в унисон ответили:

— Ни в коем случае!

— Не знаю, стоит ли...

— Чарли! — глаза Сьюзи удивленно округлились. — Тебя держали в плену! Тебя пытали! И ты говоришь, что мы не должны звонить в полицию?

Терра оставила их разбираться между собой, а сама пошла на чердак собирать все необходимое. Бинты, заговоренные и ускоряющие процесс заживления мази и пасты. А еще что-то, чем можно было убрать отек с глаза. Она просидела на чердаке долго, отказываясь признаваться даже самой себе, что боится и не хочет спускаться. А крики, доносившиеся с первого этажа, несколько не помогли ей чувствовать себя храбрее.

Сьюзи буквально визжала, да и Чарли, который на памяти Терры редко повышал голос, сводя все к шуткам, тоже кричал. Сложно быть добрым весельчаком, пройдя через пытки, а Терра не сомневалась, что его пытали.

Когда снизу донесся звук удара, Терра все-таки встала и, сгребя в охапку все, что нашла, поспешила вниз. Не хватало еще, чтобы своим ором они разбудили Марту и перепугали ее еще больше. Да и вообще неправильно это как-то — ругаться, когда случилось нечто столь ужасное. В представлении Терры трагические события должны сплачивать, а не разрушать все хорошее, что было до них.

Еще на лестнице Терра увидела Алистера, оттаскивающего Сьюзи от Чарли. А та

вырывалась, брыкалась, и размахивала кулаками, а еще кричала. И в ее крике было столько злости и обвинений, что Терра опешила. Она не знала такой Сьюз, и она ее пугала.

Алистер все-таки смог оттащить Сьюзи в гостиную и закрыть дверь, а она все кричала и била по ней кулаками.

— Безумство какое-то, — выдохнул Алистер и отошел от двери, которая содрогалась под ударами. — И часто... она так?

Чарли пожал плечами, устало присев на банкетку. А Терра заметила, что Сьюз умудрилась разодрать ему ногтями предплечье.

— Сьюз не всегда видит берега, — уклончиво ответил он, забывшись потеряв лицо, и скривился от боли.

— Я слышу тебя, ублюдок! — крикнула Сьюз из-за двери. — Ты обо мне даже не подумал! Друзей он своих защищает. Ты семью свою защищать должен!

И несколько ударов, уже не таких сильных, и всхлипов, жутких, полных гнева и обиды. Похоже Сьюзи начинала выдыхаться. И как от этой какофонии не проснулась Марта?

— Пойдемте на кухню, — предложил Алистер и, не дожидаясь никого, скрылся в проходе. Чарли немного посидел, вслушиваясь в судорожные рыдания Сьюз, но не выдержал и тоже ушел на кухню.

Терра хотела было присоединиться к ним, но услышала тоненький и режущий по самому сердцу плач Марты и поспешила к дочери. Разбудили все-таки.

Малышка сидела на их с Алистером кровати и подвывала, как раненое животное, и звала их с Алистером, размазывая черными ладошками слезы по щекам.

— О, милая, — выдохнула Терра, прижимая дочь к себе. От малышки пахло солью и гнилью. Но Терре было все равно: пусть хоть навозом пахнет, главное, что она с ней, рядом. А уж как избавиться от пятен — они придумают.

Она укачивала Марту и шептала, как сильно ее любит и что все у них будет хорошо, и ловила себя на мысли, что повторяет и слова, и тон Алистера. И Марта вскоре успокоилась и уснула. Смотря на мирно спящую дочь, Терра наконец-то поняла своего отца, который отнял у нее воспоминания, и приняла точно такое же решение.

Марта не должна помнить о случившемся. Марта должна жить дальше, как обычный ребенок.

Как только Марта проснется, Терра принесет пустой кристалл и покажет дочери, как избавиться от воспоминаний, только сначала обсудит это с Алистером. Хотя она ни на секунду не сомневалась, что он согласится с ней.

Терра тихонько переговорила с Джослин и попросила ту приехать, а потом под нескончаемые, но уже негромкие вопли Сьюзи проскочила на кухню. Сьюз требовала ее выпустить, но Терра побаивалась.

— ...Грабс пришла к Рудбригу в черных пятнах, — уловила Терра обрывок разговора. — И, если правильно помню историю с провалами в памяти. Да уж... одно дело — слышать об этом, и другое видеть своего ребенка... таким...

Терра опустилась на стул рядом с мужем, чувствуя его тепло и поддержку, когда он закинул руку ей на плечо.

— Это что-то вроде магического следа, — сказала Терра. — Я не могу разглядеть его точно, но, думаю, Джослин сможет. Ты уверен, что Марта колдовала?

Чарли кивнул.

— Я не видел никаких проявлений. Но та сука... я отчетливо помню, как она выронила нож и, сипло захрипев, попыталась добраться до Марты, которую держала в клетке, и требовала прекратить. Марта все кричала и кричала, а ведьма рухнула и больше не поднималась.

— В клетке? — переспросила Терра. Ладонь Алистера на ее плече сжалась в кулак. А Терра ощутила, как по спине побежал холодок, и она вздрогнула. Всего этого было слишком много для нее.

— В какой? — удивительно спокойным голос произнес Алистер, и Терра скосила глаза на мужа. Голос-то спокойный, а вот взгляд...

Терре не хотелось бы ощутить на себе такой взгляд Алистера. От него становилось страшно.

— Али, — неуверенно произнес Чарли, тоже понимая настрой друга, — не думаю, что ты хочешь об этом узнать. Все уже в прошлом, сука мертва. Мертвее не бывает.

— Это ничего не изменит. Марта помнит об этом, — устало ответил Алистер, медленно разжимая кулак на плече жены.

— Мы можем забрать у нее воспоминания, — предложила Терра, удачно воспользовавшись образовавшейся паузой.

— Ты так можешь, ведьмочка? — удивился Чарли. — А Со Сьюз? Боюсь, она не простит нам сегодняшнего.

И словно подтверждая его слова, раздался звук битого стекла. Чарли тяжело вздохнул.

— Точно не простит. И будет методично мстить.

Терра покачала головой.

— Со взрослыми у меня такое не получится. Только с детьми.

— Что ж, тогда мне нужно брать Сьюзи и уезжать отсюда, может вдали от вас она немного успокоится.

Терра посмотрела на необработанные раны Чарли и попросила его повременить, пока не подлечит его. На что мужчина согласился и даже бросил шутку о лучшей ведьме, с которой ему куда больше нравится общаться, чем с предыдущей. И Терра вымученно улыбнулась, накладывая мазь на опухший глаз.

Пока Терра обрабатывала раны Чарли, мужчины обсуждали то, что будут говорить полиции, продумывая самую обтекаемую историю, в которой не будет ни слова об убитой ведьме. Терра же слушала их вполуха, сосредоточившись на монотонной работе и перебирая в уме все известные ей способы спрятать магический след.

Удивительно, что в ее дочери оказалось так много силы, что ее магический след виден всем и каждому. Терра бы даже гордилась ей, если бы не боялась так сильно. Даже если им удастся убрать последствия в этот раз, что будет дальше? Ее кожа будет чернеть каждый раз, когда малышка будет колдовать?

Терра с болью в сердце осознала то, что ей придется каким-то образом внушить дочери, что магия не так хороша, как может казаться, если каждый раз ответом на волшебство будет тьма, которую не получится объяснить посторонним. И Терра надеялась, что пятна пройдут и не появятся. Молилась об этом, потому что последнее, чего она желала бы для своей дочери — быть принудительно отрезанной от магии.

Чарли уехал через час, каким-то чудом умудрившись уговорить Сьюзи выйти и спокойно сесть в машину. Вот только спокойствие это было напускным. Взгляд был таким

холодным, что Терра поехала, когда теперь уже бывшая подруга посмотрела на нее. Взгляд этот красноречиво говорил, что больше ноги Сьюзи не будет на пороге их дома.

И Терре до боли хотелось, чтобы Сьюзи не придавала значения их разговорам о магии, считав их либо сумасшедшими, либо сектантами.

Когда они отъехали, Терра выдохнула с облегчением и привалилась к Алистеру спиной.

— Нужно решить вопрос с Мартой, а потом звонить в полицию и убедительно врать им, — произнес он. — А еще позвонить маме и сказать, что Марта вернулась, и они могут не торопиться.

— Мы будем рассказывать ей о пятнах? — спросила Терра.

— Да, если не получится избавиться от них навсегда, и нет, если получится. Частично, если результат будет промежуточный, — ответил Алистер, положив ей руку на живот и легко поглаживая.

— У тебя готов план на все случаи жизни? — усмехнулась Терра, чувствуя, как успокаивается от его движений.

— Не на все, милая, но очень хотелось бы. Иногда мне кажется, что ты веришь в меня куда больше, чем я в себя.

Терра запрокинула голову и недоверчиво посмотрела на него.

— Что, не получилось убедить тебя в том, что я такой невероятный только из-за тебя? — с едва уловимой смешинкой во взгляде спросил Алистер.

— Я верю в тебя, только потому что знаю тебя. А еще знаю, что, если бы не ты, то в мире не существовало бы такой потрясающей девочки, как Марта. Потому что, как показывает жизнь — я трусиха. А еще глупая...

— А еще умеешь напрашиваться на комплименты, — перебил ее Алистер, постучав указательным пальцем по носу. — А о том, что ты трусиха, я всегда знал, возможно поэтому я тебя и люблю. Не представляю, как бы я жил с такой женщиной, как Сьюзи. Или моя мать... Она слишком сильная для меня.

— А я, значит, слабая? — надулась Терра.

— Не слабая, — покачал головой Алистер. — Идеальная. Но идеальная лишь для меня. Поэтому, что бы ты ни делала и как бы ни поступила, я всегда на твоей стороне.

— Я припомню тебе это в следующий раз, когда ты будешь защищать Марту, — рассмеялась Терра и поцеловала мужа в уголок губ.

Алистер улыбнулся и ответил:

— Марта — это другое. Она моя дочь, и защищать ее я буду всегда. Если на кону ее благо, то вопрос можно даже не задавать.

— Где же вас таких идеальных выращивают?

— Спросишь у мамы, когда она придет, — ответил Алистер и повел ее в дом к их спящей дочери.

Глава 47. Разрушенный мир

Терра положила ладошки дочери на пока еще пустой кристалл. Марта уже не плакала. Когда она проснулась во второй раз, Алистер и Терра сидели рядом, и дочка, хлопая опухшими глазами и шмыгая забитым носом, бросилась к ним. Удивительное дело, Марта была куда сильнее своей матери и даже умудрилась счастливо и широко им улыбнуться, хотя во взгляде все еще мелькал огонек пережитого страха.

Они искупали дочь вместе, хотя Алистер сидел на унитаже просто для поддержки и прямого участия не принимал. Марта все время косилась на отца и улыбалась, так же, как и Терра, находя в нем поддержку и опору. Алистер был их фундаментом.

Терра самую малость надеялась, что вода сможет убрать следы магического воздействия. Как оказалось, не сможет, и Терра не позволила себе расстраиваться по этому поводу. Скоро должна была прийти Джослин, и они непременно найдут решение. Если надо, пойдут на поклон к королеве кровавых ведьм, о которой как-то раз вскользь упоминала наставница. Все что угодно, лишь бы помочь Марте.

А сейчас они сидели на полу в гостиной, и Марта была относительно спокойной, улыбалась им и, казалось, уже забыла о случившемся. Но так только казалось.

— Что это такое, мамочка? — спросила она, проводя пальчиками по граням кристалла. Свет от камина играл на нем, пуская теплые лучики по комнате.

Красивое зрелище, и Марта смотрела за ним как завороженная, а Терра внутренне содрогалась, понимая, что сейчас ей придется заставить дочь вновь пережить ужас этих нескольких дней. Пережить, чтобы забыть навсегда. Терра пыталась заставить себя поверить в то, что действует на благо. Вот только причинять своему ребенку боль ради его блага — сомнительная перспектива.

Она посмотрела на Алистера, который сидел на диване, и увидела в его глазах полное отражение своих эмоций. И вздохнула с присвистом, чем привлекла внимание Марты. Черные пятна на ее личике и ручках, казалось, поглощали свет и скрадывали текстуру кожи. Если таковыми было наследие их силы, то Терре было действительно страшно. Только вот она не помнила, чтобы отец покрывался такими пятнами, хотя полагаться на детские воспоминания глупо.

— Это магический кристалл, — все-таки ответила Терра, сдавшись пытливому взгляду Марты. — И он заберет у тебя страх. Если мы им воспользуемся. Ты же не хочешь бояться, милая?

Терра поняла, что оплошала, когда Марта всхлинула. Алистер тут же пришел на помощь, погладив дочь по голове.

— Не нужно пускать гром и молнии, Тучка, да и дождь нам не нужен. А то затопишь весь дом, и где нам тогда жить?

Марта подняла на него глаза и серьезно ответила, хотя в голосе ее все же звучали вопросительные нотки:

— Под водой?

— Мы же не рыбы, — усмехнулся Алистер. — Да и мама очень плохо плавает.

— Надо научить.

— Обязательно, — кивнул муж и сел на пол рядом с ними. — Но не сегодня. Так что давай не будем топить наш дом.

Марта кивнула так, словно они обсуждали научную теорему, а не возможность затопить дом слезами. Их маленькая, но такая взрослая девочка, на долю которой выпало уже слишком много печалей. Что ж, откладывать больше бессмысленно.

Терра вновь приложила ладошки дочери к кристаллу и тихо попросила:

— Подумай о том, что тебя пугает, и отдай это кристаллу.

И увидела в глазах дочери то же интуитивное понимание. Марта чувствовала магическую суть вещей, улавливала и понимала. На подсознательном уровне знала, что и как делать. Она сама вкладывала воспоминания, и Терра была удивлена тем, насколько легко у малышки это получается. Веки девочки трепетали, а по щекам текли одинокие слезинки, взгляд был мутным, расфокусированным.

Терра смотрела на нее завороченно, готовая вовремя остановить ту и надеясь, что ее умная малышка не отдаст соленой памяти всю себя. Еще Терра побаивалась, как бы пятен не стало больше, но те держались на своих местах. Это натолкнуло Терру на мысль, что все не так уж плохо.

Когда Марта отпустила кристалл и посмотрела на них с Алистером, ее взгляд прояснился и из него пропал глубинный затаенный страх. И ни намека на неузнавание или непонимание. Она помнила их и все еще любила.

— Пап, а мишку ты купил или нет? — спросила она. — Ты же обещал купить. Того розового с бантиком.

Терра с Алистером переглянулись. И Терра вспомнила медвежонка, которого Алистер купил с месяц назад.

— Да милая, он у тебя в спальне, — не растерявшись, ответил муж, и Терра поняла, что дочь вложила в кристалл чуть больше, чем нужно было.

«Больше ведь лучше, чем меньше,» — попыталась убедить себя Терра.

— И конфеты с яблоком? — просияла Марта.

Алистер не успел ничего ответить, потому что Марта заметила свои темные ладони и нахмурилась. А Терра, больше не теряя времени, выхватила из кармана юбки пучок трав и подсунула его под нос дочери, быстро бормоча заговор. Глаза Марты округлились, когда она вздохнула, и тут же закрылись. А девочка повалилась на колени к отцу.

— Долго она проспит? — спросил Алистер, беря дочь на руки, чтобы переложить с пола на диван. Каждое его движение было аккуратным и бережным, словно он нес хрупкую вазу. Мужчина укутывал девочку пледом так, чтобы она уж точно не замерзла, хотя в гостиной было очень тепло.

— Если не пытаться разбудить — сутки, — тихо ответила ему Терра. — Надеюсь, у нас получится избавиться от пятен, пока она спит. Не хочу чтобы она помнила хоть что-то об этих днях.

Алистер кивнул, задумчиво глядя на дочь. А Терра пошла на чердак к своей скудной коллекции гримуаров и записей, которые она делала, когда училась у Джослин, надеясь найти хоть что-то полезное в них, до того момента, как придет наставница.

На улице шел дождь. Первый за эту осень и такой сильный, что Терра буквально сбегала с чердака, захватив с собой все свои гримуары — думать под эту какофонию, которая то и резала по ушам, было невозможно. Она расположилась на полу в гостиной рядом с мирно посапывающей дочерью и ждала Джослин. Та пришла тогда, когда у Терры уже не осталось гримуаров, которые можно было шерстить. Глупо, наверное, было искать

информацию о их родовой магии в гримуарах кровавых и природных ведьм, которые отдала ей в пользование Джослин.

Терра жалела о том, что отец не оставил ей никаких подсказок, ведь он явно знал о их магии куда больше. Наверное думал, что его дочери не придется столкнуться с магией, раз она слила все, что у нее было.

А Терре и не пришлось, пришлось ее дочери. Не увидеть это ровное свечение девочки было невозможно. Запятнанное ровное свечение. Терра долго думала и сопоставляла — и то, к каким выводам она пришла, ей не нравилось.

Джослин, в руках которой не оказалось места для зонтика, зашла в их дом мокрой до нитки. Благо пластиковые коробки в ее руках защищали их содержимое от дождя. Первым делом Терра дала наставнице, во что переодеться, и напоила горячим чаем — не хватало, чтобы ее единственная надежда на помощь слегла с воспалением легких — и плевать, что иммунитет ведьм сильнее, чем у обычных людей. Терра росла в семье тех самых обычных людей и привыкла считаться с погодными условиями.

Джослин осмотрела Марту хмурым взглядом, кивая каким-то своим мыслям, которыми пока не делилась с остальными. Затем под хмурым взглядом Алистера она проткнула палец Марты иголкой и слизнула красную каплю языком.

— Сильная девочка. Очень сильная, — услышала Терра ее невнятное бормотание, пока та ходила кругами вокруг ее дочери.

Она подносила к ней артефакты: назначение некоторых Терра хорошо знала. Измерители. Раньше Джослин периодически тестировала их и на Терре с той лишь разницей, что Террины тесты выдавали минимальные значения, а покаатели Марты — зашкаливали.

Когда наставница наконец-то закончила, они расположились на кухне втроем, и Джослин рассказала о результатах своих поисков. А они были. И пока Терра ее слушала, внутри нее все холодело. Она отказывалась принимать и понимать происходящее. Алистер рядом с ней сидел прямой, как палка, и взгляд его был колючим, но решительным.

— Другого способа нет? — спросила Терра.

Джослин выдохнула и принялась объяснять повторно. Медленно и вдумчиво.

— Чернота — проклятие. В древних гримуарах писалось, что за убийство кровавой ведьмы магией — на ведьму, которая сделает это, ложится проклятие. След или же клеймо, метка для других ведьм, что эта конкретная ведьма заслуживает кары. И чем сильнее убившая ведьма — тем больше метка. А Марта — очень сильная девочка.

Терра всхлинула, закусив губу до боли, чтобы побороть страх. Второй раз услышать это было так же тяжело, как и в первый.

— Кровавые, увидев метку, все поймут, — продолжила Джослин. — У них это знание заложено на подсознательном уровне. Даже моей разбавленной крови оказалось достаточно, чтобы внутри все взбунтовалось. А так как девочка очень сильная, каждый раз, когда она будет прибегать к своей родовой магии, которой убила, метка будет расти.

— Ты же сказала, что метку можно убрать, — сквозь зубы процедил Алистер. Злой до чертиков.

— Не убрать, а только спрятать, — покачала головой Джослин. — Но, чтобы это сработало — Марту нужно ослабить. Пробить ее естественную защиту, чтобы закрепить в ней крючок для воздействия. Чтобы в дальнейшем, когда ее сила продолжит расти, метку все равно можно было выжечь. Она сможет и дальше колдовать, но после каждого раза

метку нужно будет... хм... смывать...

— И чтобы ослабить ее, вы предлагаете разорвать связь между мной и дочерью? — уточнил Алистер, и Терра сжала его руку. По голосу мужа она поняла, что он согласен. Согласен на все, лишь бы защитить дочь.

— Да, — коротко ответила Джослин.

— Когда? — тем же холодным отстраненным голосом спросил Алистер.

— Чем раньше, тем лучше. Пока метка не закрепилась полностью, и ее можно убрать.

Протянем неделю, и ничего не поможет, проклятие прикипит к ее силе.

— Тогда сегодня, — отрезал Алистер. — Сейчас.

Терра судорожно сжала руку мужа, теряясь в сомнениях. А Джослин кивнула.

— У меня все с собой, — кивнула Джослин и ушла готовиться обряду.

Алистер собирался последовать за ней, но Терра встала в проходе загоразвивая ему дверь. Она не могла смириться с тем, с какой решимостью он клал на плаху свою голову. Он был готов разрушить основу их мира ради безопасности Марты. И Терра вдруг поняла, что не может этого позволить. Нужно найти другой способ. Нужно...

— Давай порвем мою нить, — на одном дыхании выпалила она, вскинув руки.

Алистер замер напротив и с жалостью посмотрел на нее. Он никогда не смотрел на нее так. Жалость, горечь и отчаяние. Так могут смотреть на смертельно больного. А спиной Терра ощущала удивленный взгляд Джослин. Та, наверное, тоже не ожидала от бывшей ученицы подобного. Но Терра не могла позволить разорвать нить между Алистером и Мартой. Оторвать у дочери защиту, уверенность. С ним Марта ничего не боялась. С ним Марта была счастливой, чем с ней.

В носу зацепало, а глаза обожгло от непрошенных слез. И Терра принялась утирать их руками.

— Мы ведь с Мартой не так близки. Даже не заметим, что между нами что-то не так, — стараясь не разрыдаться, бормотала Терра, но голос ее срывался. — А вы... Али, она не сможет без тебя, и ты без нее.

Алистер подошел и прижал жену к себе, заставив уткнуться носом в его грудь. Он уткнулся носом ей в волосы и гладил по плечам своей теплой рукой. Он держал Терру в своих руках, пока ее сотрясали рыдания. А затем, когда она немного успокоилась, отстранил и посмотрел ей в глаза серьезным взглядом.

— Терра, ты не справишься. Не сможешь жить так. А я не смогу смотреть на то, как вы мучаетесь.

— А я разве смогу?

— Сможешь. Потому что для меня это не проблема. Главное — ваше с Мартой благополучие, и ради вас я готов на все, — в его голосе было столько уверенности, что Терра не нашлась, что ему ответить. Лишь поняла, что не сможет его переубедить. Точно не сможет.

Алистер сдвинул диван к стене и закатал ковер в рулон, обнажив деревянный пол. Терра сидела на диване, перебирая рукой мелкие кудряшки Марты, и наблюдала за тем, как Джослин елозила по полу, вычерчивая защитные магические круги белым мелком. За окном все так же барабанил дождь, и Терра отстраненно отметила, что погода как нельзя подходит к ее паршивому настроению. Себе самой она запретила плакать — не сейчас, когда Алистер готовится принести себя в жертву.

Она понимала, что это неправильно — так переживать из-за него. Ведь он делает это ради их дочери. Она мысленно пожурела себя за то, что ценит мужа больше, чем дочь. Хоть и понимала, что сама же накручивает себя. Она любила их обоих, а высшие силы — если они существовали, — поступали жестоко. Неправильно заставляя выбирать Терру между ними. Чертовски неправильно. Чертовски жестоко.

Будь у них еще время, Терра непременно нашла бы другой вариант, но времени не было. А потому она мысленно прощала себя со своей прекрасной жизнью и злилась на мертвую ведьму, которая ее разрушила. У нее даже проскочила полная бахвальства мысль, что, будь ведьма еще жива, она удушила бы ее собственными руками. От кусочка здравомыслия, которое говорило, что ей физически не хватило бы сил на это, Терра просто отмахнулась.

Джослин закончила рисовать и поднялась на ноги. Терра увидела, как мягким светом вспыхнули круги, когда их вязь закрылась. Наставница кивнула Алистеру, и он переложил все еще спящую Марту, закутанную в плед, в один из кругов, а сам занял место во втором. Свечение кругов стало еще ярче. Они переливались и искрились.

Ведьма заняла место на пятачке между ними и принялась соединять их тонкой волнообразной нитью. Терра подошла к наставнице и встала за ее плечом, чтобы помочь в случае чего.

— Ты уже рвала чью-нибудь нить? — тихо спросила она.

Джослин покачала головой, продолжая вырисовывать финальную вязь.

— Ни разу.

— Черт, — выругалась Терра, желая прекратить все немедленно. Она с надеждой посмотрела на Алистера, надеясь, что он одумается, но муж был непреклонен.

«Упертый баран», — в сердцах подумала Терра и тут же пожалела о своих мыслях.

Джослин закрыла финальную вязь, и комнату затопило фиолетовым свечением, в котором Терра разглядела толстую нить, связывающую Марту и Алистера. Зрелище было невероятным. Терра неосознанно задалась вопросом, была ли ее нить — та, что связывала ее с дочерью, — такой же сильной и толстой? И насколько разрыв между отцом и дочерью ослабит Марту?

Наставница взяла заранее приготовленный нож, на лезвии которого были выбиты рунические знаки защиты. Джослин медленно напевно читала заклинание, пропуская нить между пальцами. Та извивалась, словно пыталась вырваться из рук ведьмы, ускользнуть, не позволить себя разрушить.

Терра была напугана, но не могла отрицать, что процесс был занимательным. Для стороннего наблюдателя. А еще, сощуриив глаза, она смогла заметить тонкую нить, которая тянулась от нее к дочери, и толстую, похожую на жгут, нить, что шла от нее к мужу. Они образовывали треугольник.

Поглощенная нитями и их изучением, Терра не сразу заметила, что воздух в доме похолодел, голос наставницы стал хриплым, а напев еще медленнее, словно она выдавливала каждое слово из себя через невероятные усилия.

По лбу Джослин катились крупные бусинки пота, она хмурилась и тяжело дышала. Алистер тоже дышал хрипло, прижимая руку чуть ниже сердца.

Джослин явно не хватало сил.

— Нужно прекращать! — крикнула Терра, но ее проигнорировали.

Джослин занесла нож над нитью и попыталась разрезать. В этот момент Марта распахнула глаза и завизжала, забившись в конвульсиях. Она хваталась своими маленькими

ладошками и истошно кричала. И в ее полном ужаса и боли крике то и дело проскакивало одно единственное слово: «Папа».

Терра бросилась было к дочери, но Джослин остановила ее суровым взглядом, буквально пригвоздившим ее к месту. Этот взгляд был красноречивей любого предостерегающего крика.

Марта выбралась из пледа, в который ее закутал Алистер, и, встав на четвереньки, поползла к краю круга. Все это время она кричала и плакала, звала и всхлипывала. Сколько же силы и упорства было в столь маленьком и слабом теле.

Терру была мелкая дрожь: смотреть на происходящее и не иметь возможности вмешаться было мучительно. А Джослин продолжала резать, и у нее ничего не получалось — нить не поддавалась. Лезвие ножа треснуло в тот момент, когда на нити появился маленький разрез. Алистер закричал от боли, а Марта растянулась на полу, так и не доплез до края круга. Девочка всхлипывала и пыталась подняться, но силы ее покинули.

Терра круглыми от ужаса глазами смотрела на осыпающиеся осколки и лишь слегка поврежденную нить.

Джослин громко и неприятно выругалась, прервав напевный речитатив заклинания.

— Терра, подойди! — полным боли голосом приказала Джослин.

Терра подчинилась. Ноги казались ватными и дрожали при каждом шаге. Она не знала, куда смотреть, не знала, что делать. В голове стояли лишь крик мужа и судорожные всхлипы Марты, которые все нарастали и нарастали, разрывая Терру на части.

— Нужно заканчивать, — слова наставницы с трудом пробились через пелену ужаса, окружающую Терру. — Оставлять так нельзя.

Джослин схватилась за нить, которая связывала Терру и Марту и, на манер петли нахлестнув ее поверх другой в месте крохотного разреза, принялась перетереть. Терру бросило на пол. В груди вспыхнуло пламя, прокатившееся обжигающим огнем по всему телу. В глазах потемнело. Она судорожно хватала ртом воздух и, кажется, кричала. Хотя кричать мог кто угодно: она не определила бы, даже если бы захотела.

В какой-то момент нескончаемое пламя, выжигающее ее сердце, отхлынуло, и Терра смогла разлепить пересохшие глаза и оглядеться. Круги погасли. Алистер стоял на коленях в своем круге и смотрел на них пустым и холодным взглядом. Марта свернулась клубочком, обхватив колени темными ладошками, и беззвучно тряслась.

А Джослин...

Наставница сидела на полу в паре шагов от Терры и зажимала лицо руками. Ее пальцы были в крови. Приподнявшись на локтях, Терра подползла к ведьме. Между ее пальцев сочилась кровь, и крови было много.

— Джослин, что происходит? — каким-то не своим, похожим на карканье, голосом спросила Терра. — Ты в порядке?

— Нет, — прохрипела наставница.

Вокруг ее пальцев распространялось едва уловимое свечение. Она лечит себя — поняла Терра.

— У тебя не было защитного круга, — сквозь сиплое дыхание пояснила Джослин. — Нить, перерезав отцовскую, высвободилась и стеганула меня по глазам. Кажется...

Терра отняла одну из рук, чтобы посмотреть и помочь, и тихо всхлинула. От глаз наставницы не осталось ничего — лишь ошметки кожи, мяса и кровь. Много крови. Терра не могла даже представить, как Джослин держится. Сама бы она уже давно рыдала. Вот

только чем? Слезных желез у Джослин не осталось.

— Я могу попробовать помочь... — неуверенно произнесла Терра, пытаясь собраться с мыслями и структурировать задачи.

Как бы ее сердце ни рвалось к семье, к Алистеру и Марте, Джослин вполне могла умереть от кровопотери, и Терра не могла допустить этого. Она потянулась к своему ослабевшему и практически вычерпнотому до дна источнику, своему магическому нутру, и попыталась направить эту силу к Джослин. Она надеялась, что ей хватит сил на то, чтобы исцелить наставницу. Но их совместных сил хватило лишь на то, чтобы немного стянуть кожу и заставить рану зарубцеваться.

Возможно Марта и могла бы помочь, но была явно не в том состоянии, да и Терра не хотела, чтобы та когда-нибудь колдовала. Не после того, что им пришлось пережить сегодня.

Алистер подошел к ней и положил ладони на плечи.

— Ты как, милая? — в его голосе было столько усталости и нежности, что Терра готова была разрыдаться, но сейчас было не время.

— Я в порядке, — ответила Терра, прижавшись спиной к его ногам. — А ты?

Она запрокинула голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Но Алистер смотрел на Марту. Малышка каким-то образом умудрилась уснуть, пока Терра пыталась лечить Джослин. И, о боги, как же хорошо, что Марта спала и не видела, каким пустым, лишенным эмоций взглядом смотрит на нее любимый папа. Так могут смотреть разве что на незнакомца.

Неужели такой теперь будет их жизнь?

Терре хотелось уткнуться мужу в колени и рыдать. Рыдать от жалости к ним и к себе. Их прекрасный и счастливый мир был разрушен.

Джослин нацупала руку Терры, привлекая к себе ее внимание.

— Тебе нужно закончить. От меня теперь толку мало. Рецепт в коробке, — она мотнула головой, словно пытаясь показать направление. Вот только показывала она в сторону окна. — Собери все в нужных пропорциях. Девочку нужно будет медленно погрузить с головой, пары секунд под водой достаточно.

— Хорошо, — мертвым голосом ответила Терра. Кошмар еще не закончился.

Следующие полчаса она готовила ванну для дочери. Насыпала травы по рецепту. Действия ее были чисто механическими. Пропал тот запал, та бесконечная любовь к магии, тот детский восторг. Остались лишь пустота и усталость. Теперь она знала, насколько неприглядной, опасной и жестокой может быть магия, и какую боль та может причинить.

Марта была без сознания, когда Терра опускала малышку под воду. Но даже в этом состоянии она морщилась от боли. И Терра не испытала счастья и радости, когда тьма покинула маленькие ладошки и щечки. Она была оглушена, разбита и растерзана.

Той ночью она так и не смогла уснуть. Она поднялась на чердак, чтобы поделиться этими событиями с соленой памятью. Закрепить их. Сделать воспоминанием. Чтобы, когда боль и пустота сегодняшнего дня ослабнут, смягчатся под воздействием времени, у нее осталось яркое и болезненно острое напоминание.

Напоминание и причина.

И когда последнее воспоминание закрепилось в кристалле, Терра ощутила, что слабая искорка ее силы начала угасать. И где-то глубоко внутри поняла, что начался ее обратный отсчет — и она смирилась с этим знанием.

Глава 48. Ведьмы спасают ведьм

Мегги таки залезла в тайник. Ей было скучно, грустно и одиноко. Удивительное дело, но страх отступил, хоть ей и казалось, что теперь он станет неотъемлемой частью ее жизни. Мегги читала о такой особенности человеческой психики. Человек просто не может все время бояться, и в какой-то момент на него накатывает эмоциональное отупение.

Вот и сейчас она переживала за Клементину, но страха как такового не испытывала. Даже умудрялась читать по-детски наивный фэнтезийный роман. Явно зачитанный до дыр — настолько засаленным был корешок и страницы. Только приключения, и не капли любви и романтики. Ни тебе косых взглядов, ни задумчивых улыбок, ни многогранных злодеев. Хотя к злодеям Мегги теперь относилась не так, как раньше.

Потому что в ее жизни был один очень странный злодей, и она никак не могла его понять. Джон определенно был злодеем ее истории, но в то же время в его взгляде нередко проскальзывало сочувствие и вина. Мегги ни в коем случае не оправдывала его, но он был интересен ей как феномен.

Примерно так же ей был интересен и Коул. И если Коул был легкой математической задачей, для решения которой и напрягаться-то не пришлось, то Джон оказался головоломкой, и, чтобы разгадать ее, нужно очень постараться. И Мегги старалась несмотря на то, что у нее никак не получалось прийти к однозначному ответу.

К примеру, принесет ли закаменелый злодей своей пленнице заживляющую мазь и новый пластырь? При том, что от этого не зависит жизнь пленника. Умереть от лопнувшей и кровоточащей губы практически невозможно.

А еще он добился запрета для Вивьены на контакты с девочкой. Был какой-то огромный скандал с участием главы Церкви и Джона. Мегги узнала об этом от охранников, которые тихо перешептывались во время пересменки. Те так красочно и ехидно обсуждали крики ведьмы, что становилось понятно, какое удовольствие они получили, просто слушая, как зарвавшуюся ведьму ставят на место. Из их же разговора Мегги узнала, что скоро сюда должна прибыть делегация ведьм, и они собираются выставить условия. Какие условия, Мегги так и не узнала, потому что в этот момент один из охранников заметил ее интерес и зло шикнул на девочку.

Теперь их сторожили двое и никогда не оставляли одних. Так что с Клементиной Мегги поговорить больше не удавалось. А поговорить нужно было.

О многом.

В первую очередь об искре магии, которая разгоралась в Мегги. Она была прохладной и успокаивающей, и так манила к себе прикоснуться, что приходилось отчаянно сопротивляться. Бороться с собой, с желанием дотронуться, попробовать.

Поэтому-то она и залезла в тайник Джона, чтобы хоть немного отвлечься. И у нее получилось. Правда ненадолго. На особо скучных моментах пытливым ум соскальзывал с текста и возвращался к магии. И через некоторое время Мегги ловила себя на бессознательном перелистывании страниц и неосознанном ощущении, тянущем ее вглубь, к магии.

Она мысленно ругала себя и била по рукам, как котенка, за шкуру оттаскивала от источника и заставляла сосредоточиться на книге. Была бы та интересной, не пришлось бы так мучиться.

Мимо прошел охранник, и Мегги пришлось быстро спрятать книгу под тюфяк, чтобы не заметили и не отобрали. Без нее она точно сорвется. Но охранник не смотрел в ее сторону, что было неудивительно. Они ведь, как бы абсурдно это ни звучало, не сторожили ее, а охраняли. Исполняли свою прямую функцию.

Только защищенной Мегги себя не чувствовала. Вивьена могла прийти в любой момент, если бы захотела. И не удержал бы ее ни запрет начальства, ни двое охранников, которым на самом-то деле все равно, жива Мегги или мертва: столько ненависти и презрения было в их взгляде. Они смотрели на нее так, словно она была жестоким монстром, а не восьмилетней девочкой, которая не может даже защититься.

Мегги мысленно ворчала, строя аргументы, с помощью которых могла бы вразумить охотников, если бы решила на разговор с ними, когда четко увидела колебание воздуха. Он кружился, образуя вихри и кольца. Уплотнялся и становился непрозрачным. А дышать в камере стало тяжело.

Девочка придушено всхлипнула, когда в том месте, где секунду назад странным образом клубился воздух, появился высокий и статный мужчина. Появился из ниоткуда, словно соткался из воздуха. Мужчина выглядел здесь неуместно в своем помятом, но все еще элегантном костюме. Костюме, который странным образом светился. Не сильно, самую малость. Мегги и не заметила бы этого свечения, если бы не смотрела на мужчину во все глаза, ловя каждое его движение и пытаясь понять, не мерещится ли он ей. В руке он сжимал камень размером с перепелиное лицо. Только камень, казалось, поглощал свет, а не излучал его, как костюм.

— Заткнись, девчонка, — крикнул ей охранник.

— Я... — Мегги была настолько шокирована, что неосознанно пыталась оправдаться.

Мужчина приложил палец к губам, требуя от Мегги тишины, и девочка замолчала. Не столько от шока, сколько из-за лисенка, которого мужчина достал из кармана пиджака после того, как спрятал туда камень. Лисенка Мегги тут же узнала, сложно было бы не узнать свою первую попытку шитья.

Мужчина подбросил лисенка, и тот словно поплыл по воздуху. И Мегги уставилась уже не на зверька, а на воздушную подушку, удерживающую его над полом. Воздух под лисенком был плотнее чем над ним. А когда брелок Марты без единого звука опустился к Мегги на колени, воздушная подушка, просто растворилась, словно ее и не было.

Мегги сжала зверька, испытав облегчение — тот был материальным, а не пригрезился ей, — и, поднеся его к лицу, вдохнула запах, не в силах поверить лишь зрению и осязанию. Ей нужно было ощутить его всеми возможными способами, чтобы быть точно уверенной. Лисенок пах домом, семьей, безопасностью. Мартой.

Глаза обожгло слезами, и Мегги тихонько всхлипнула. За ней пришли. Ее спасут. Мегги еще не знала, кем был этот мужчина. Явно не охотник, и на том спасибо.

Колдун скорее всего.

Мегги так удивилась, что даже слезы высохли, и во все глаза уставилась на мужчину. Тот, заметив ее взгляд, хмыкнул и направился к двери. Он не прикасался к ней, но Мегги слышала щелчок замка, и решетчатая створка сама распахнулась. Мужчина вышел из камеры, а Мегги сжалась на тюфяке, не зная, что делать — следовать за ним или прятаться. Все-таки у охранников были пистолеты, а Мегги слишком хорошо помнила и то, как они работают, и то, сколько крови может вытечь из человека.

Из коридора не раздалось ни выстрелов, ни звуков борьбы, ни криков — лишь сильные

стоны и хрипы, которые длились так недолго, что Мегги и не поняла толком, что происходит. Когда хрипы прекратились, колдун рукой поманил Мегги к себе и вкрадчиво, словно разговаривал с напуганным бельчонком, произнес:

— Можешь выходить, девочка. Тут тебе уже никто не навредит.

Несмотря на приятный тон, Мегги сомневалась. Тут — это в коридоре? Может в этом конкретном коридоре ей никто и не навредит, но вот в других коридорах тоже есть охранники. Да и не только в коридорах.

— А мы не можем уйти так же, как вы здесь появились? — задала резонный вопрос Мегги.

Колдун покачал головой, слегка склонив ее, словно извиняясь.

— К сожалению, нет. Придется пробиваться через все здание наружу.

Мегги тяжело вздохнула и таки поднялась на ноги.

— Вы с Джуди не очень похожи, — протянула она, засовывая руки в куртку. Застегивать ее она пока не стала. А Мартин брелок спрятала в кармане джинсового комбинезона, рядом с кристаллами.

— Да, Джуди посимпатичней меня будет, — хмыкнул колдун и излишне манерно смахнул волосы со лба.

— Вы тоже купались в зелье, и потому не стареете? — спросила Мегги, вдруг смекнув, что мужчина слишком молодо выглядит для человека, у которого могут быть взрослая дочь и сын.

— Нет, — усмехнулся он. — Правда для своего возраста я выгляжу молодо и, если тебе интересно, маленькая ведьмочка, расскажу, почему, но только после того, как мы выберемся отсюда.

— Интересно, — подтвердила Мегги, с опаской выглянув в коридор.

Охранники валялись на полу, как марионетки с обрезанными нитями. Жуткие марионетки. Глаза закатанные, языки высунутые, слюни стекают по щекам. Руками они сжимали ворота своих рубаш, словно пытались растянуть их или оттянуть. И пахло от них неприятно.

— Вы их убили? — спросила Мегги, покосившись на колдуна.

Тот по-отечески широко улыбнулся. Мегги его улыбке не поверила.

— Нет, конечно. Всего лишь усыпил. Поспят немного — и будут, как новенькие.

— Я же не дура, мистер...

— Просто Люк, — ответил он. — И я тоже не дурак, так что давай представим, что они действительно спят, и будем выбираться отсюда.

— Спят мертвым сном, — кивнула Мегги. — И даже поцелуй принцессы им не поможет.

— Если только очень сильной кровавой принцессы. Раньше, когда у них еще было много сил, они могли воскрешать мертвых до того момента, пока их кровь не свернулась. Правда, оживить они могли только тело, заставляя кровь двигаться по венам, и на небольшой срок, — подхватил и развил ее размышления Люк. Он быстро оглядывал оставшиеся клетки. — Здесь были еще ведьмы?

— Только мама Джуди. Ее держали в соседней камере, — ответила Мегги, следя за своим спасителем. — Ее пытали. Не знаю, где, но ее часто забирали и приводили назад измученную.

Люк со свистом втянул ртом воздух, и в коридоре стало заметно холоднее. Настолько

холоднее, что Мегги застегнула на себе куртку. Было немного странно наблюдать за тем, как расслабленное и располагающее к себе лицо, вдруг становится грозным и внушающим страх, а наигранная манерность и смешинка пропадает без следа.

— Мы должны найти ее, — неуверенно предложила девочка.

— Похвальный порыв, ведьмочка. Но мы не будем ее искать. Моя задача вывести тебя отсюда, а о Клем позаботятся другие.

— Но...

— Никаких «но». Ребенку не место на поле боя, — отрезал Люк и, подхватив одного из охранников, втащил его в бывшую камеру Мегги. — Благо здесь нет камер, а то встречали бы нас уже с распростертыми объятиями.

— Почему вы не перенесли их по воздуху? — спросила Мегги, когда Люк схватил второго охранника за ноги и потащил его в камеру.

— Слишком много сил затрачивается на поддержание в воздухе больших объектов. Облегчу задачу себе сейчас — и в следующий раз не смогу защитить нас. Мои запасы не резиновые, девочка.

Люк захлопнул решетчатую дверь, но не стал закрывать замок.

— Вы тогда замок ветром открыли? — задала мучивший ее вопрос Мегги.

— Им самым. Когда у меня закончатся средства к существованию, пойду работать домушником. Если будешь послушной, даже возьму тебя в помощники, — предложил он и протянул ей руку.

В домушники Мегги не хотела, а вот выбраться отсюда очень даже, о чем и сказала колдуну. Тот лишь рассмеялся и повел ее к лестнице и свободе. Было в отце Джуди что-то, что заставляло в него верить. Наверное, так же Мегги ощущала себя рядом со своим отцом. Тот тоже давал ей ощущение спокойствия и защищенности. И сейчас девочке очень хотелось вернуться к нему.

Марта никогда не могла представить себя в наручниках. Проблем с законом у нее никогда не было, а мазохистических склонностей она за собой не замечала. Так что даже в самом страшном сне ей не могло привидеться, что она наденет на себя наручники. Да и не просто наденет, а сама же застегнет их. Откуда у Кеторин могли взяться наручники, Марта старалась не думать. Она вообще старалась не думать о многом, но мысли сами приходили к ней, и отмахиваться от них было тяжело.

Ей было тревожно и противно одновременно. Тревожно за сестру, противно от себя самой. Марта и подумать не могла, что будет так сильно бояться. И не спасал ни ключ от наручников в кармане куртки, ни тот факт, что со связанными руками она могла колдовать точно так же, как если бы они были свободны. Коул на водительском сиденье тоже не помогал. Он хмурился и смотрел только на контрольно-пропускной пункт впереди.

— Скажи, что ты на моей стороне, и это не твой нелепый план, чтобы заманить меня в ловушку и принести мою голову в качестве членского взноса, — попросила она, нервно сжимая и разжимая пальцы. Перчатки спасали от натирания кожи, но то, что ее заковали, заставляло Марту нервничать. Даже не так. Она не нервничала — она чувствовала себя истеричкой.

«Просто не смотри на них!» — мысленно приказала она себе. Ах, если бы мысленные приказы работали!

Коул покосился на нее. И в этом взгляде было столько сочувствия, что Марта

устыдилась. Сидит, подначивает его, а ведь он тоже нервничает, потому что от него в этой миссии зависит куда больше, чем от нее.

— Ты же понимаешь, что, если бы у меня был такой план, я бы не сознался? — спросил он.

— Просто скажи! — буркнула Марта.

— Это не мой дурацкий план, — монотонно процедил он. — Это дурацкий план Кеторин.

— Спасибо, — искренне поблагодарила его Марта. Последнее время его голос действовал на нее успокаивающе. Марта считала это каким-то странным побочным действием заклятия, связывающего их.

Но сейчас оно было на благо, ведь ей стало капельку легче. Самую малость. Хотя план Кеторин ей совсем не нравился, в компании Коула было проще. Марта, конечно, пыталась себе внушить, что радуется его присутствию рядом лишь потому, что сможет следить за ним и проконтролировать в случае чего, чтобы он даже и подумать не смел предать их. Но правда была другой, и спорить с этим было бессмысленно. Рядом с Коулом ей легче дышалось и казалось, что гнев не так сильно застилает глаза. Рядом с ним «истеричка-Марта» превращалась в «Марту на грани истерики».

Да и он словно чувствовал, когда она начинает закипать, и смотрел на нее этим своим взглядом, который предлагал попить водички и подышать. И Марта действительно успокаивалась — ненадолго, но успокаивалась.

Как они и условились, Кеторин высадили в черте города. Она сказала, что сможет пробраться в Церковь сама, найдет свою сестру и выведет ее к главному выходу и комнате с системой видеонаблюдения, которую должны будут занять Марта с Коулом. Люциан же переместился прямо из машины пару минут назад, и Марте оставалось только надеяться, что тот окажется рядом с ее сестрой и сможет вывести ту к нужному месту. Кеторин верила в Люциана, и Марта тоже хотела в него верить.

У нее до сих пор в голове не укладывалось, как люди, живущие в городке, окружающем базу охотников, могут не знать, что творится за стенами псевдо-лечебницы для душевнобольных.

— Все еще не могу поверить, что мистер Рудбриг так надо мной подшутил, — произнес Коул, отвлекая Марту от тревожных мыслей, пока они ждали. — Я ведь поверил ему, когда он сказал про реку.

Марта покосилась на арбалет на заднем сидении. Самое непрактичное на свете оружие, по ее скромным представлениям. Непрактичное и тяжелое. Когда Коул попросил ее подержать треклятое оружие, пока они грузились в машину, ей показалось, что у нее руки отвалятся. Умом-то она понимала, что арбалет не весил больше семи килограмм, но ведь его нужно держать, перезаряжать, так еще и каким-то образом стрелять из него. Так что нет, Марта не понимала привязанности Коула к неудобному оружию и совершенно не расстроилась, если бы отец его действительно утопил.

— Может он тебя так проверял? — предположила она, все еще помня то, как Коул влетел в Ведьмину обитель, обиженный до глубины души, как ребенок, любимую игрушку которого отобрали.

— Проверял на что?

Марта пожала плечами. У нее не было идей, почему отец поступил именно так. Хотя сама сцена была забавной. Если он так хотел поднять всем настроение, то у него получилось.

— Не знаю. Я не всегда могу понять, о чем думает отец. Он из тех людей, которые мало кому объясняют причины своих поступков.

— Мне кажется, он просто пытался меня проучить, — без иронии ответил Коул.

Марта задумалась над его словами и решила:

— Вполне может быть.

Таймер на телефоне Марты сработал, и она вздрогнула. Время, отведенное Люциану на переброс, закончилось.

— Пора, — решительно произнес Коул и вдавил педаль газа. Внедорожник Кеторин резко сорвался с места, гораздо резче, чем когда за рулем была его хозяйка. Марта тихонько радовалась тому, что ведьма не видит, как обращаются с машиной.

Марта набрала полную грудь воздуха и опустила голову. Как раз вовремя, потому что Коул уже остановился у шлагбаума. Рядом с заграждением стояла небольшая контрольная будка — первое их препятствие, через которое нужно пройти, не поднимая шумихи. Марта из-под завесы волос смотрела на мужчину в форме с нашивками, вышедшего из будки. Пистолет в поясной кобуре заставил Марту вздрогнуть. Сможет ли она так же взорвать пистолет, как тогда арбалет?

С арбалетом все было так быстро и спонтанно: она и сама-то не до конца понимала, как у нее получилось. В тот момент она была так чертовски зла и напугана и так сильно хотела защитить сестру, что потянулась к магии раньше, чем успела бы себя отдернуть. Уловить бы сейчас то состояние.

Охранник постучал в стекло с водительской стороны, и звук показался Марте таким громким, что захотелось зажать уши. Чего она, конечно же, сделать не могла, и потому все, что ей оставалось — это прятать лицо за волосами и надеяться, что все пройдет хорошо.

— Это частная территория, — прошепелявил охотник. — Въезд только по пропускам.

— Я в курсе, — уверенно ответил Коул, на охранника он смотрел с толикой снисхождения. Так похожий сейчас на того мужчину из подвала, и так непохожий на Коула, рассказывающего о своем детстве и юности, сидя ночью на кухне. — Да горят же ведьмы так же ярко, как наши пылкие сердца!

Марта подавилась воздухом и зашлась в нещадном кашле. То, как он это произнес — так впечатляюще, с такой филигранной расстановкой ударений, словно годами готовился к тому, чтобы произнести эту фразу — не оставило охранника равнодушным.

— Костры не погаснут, пока мы живы! — вторил ему охранник, ударив себя кулаком в грудь.

Марта сложилась пополам, зажимая рот кулаками. Она пыталась задавить в себе смех и кашель, а слезы текли из глаз.

— Что это с ней? — удивился охранник.

— Боится, — с теми же поставленными интонациями истинно верующего отчеканил Коул.

— Кто она?

— Ведьма! — в его ответе было столько отвращения и злости, что Марта перестала смеяться. Она пискнула от ужаса, что из-за нее все полетит к чертям, и вжалась лицом в колени. Ремень безопасности больно пережимал грудь.

— Сильная?

— Не особо, — брезгливо поморщившись ответил Коул. — Потому и привез, думаю, ее можно будет использовать.

Марта попыталась сделать вид, что плачет. Надрывно, с душой. Как Джилс.

— Безумная она какая-то, — протянул охранник.

— Ты даже не представляешь, насколько, — поддержал его Коул. — Она всю дорогу то смеётся, то плачет. И кляп не помогает.

— Снотворное пробовал давать? — со знанием дела спросил мужчина.

— У меня оно закончилось. Надо побыстрее ее с рук сбagrить. Спать хочу безумно.

— Да, да, конечно. Сейчас открою шлагбаум, и можете заезжать.

Марта услышала тихое жужжание, с которым поднялось стекло в водительской двери, и покосилась на Коула. Тот смотрел только перед собой.

— Март, я тебя удушу, — практически не разжимая губ, процедил он.

— Я не специально, — шепотом ответила она. — Это нервное.

— Ты хоть понимаешь, как нам повезло? Если бы здесь был кто-то из охотников, кто знает меня в лицо, проблемы начались бы уже сейчас. И нас не пропустили бы внутрь. Я всего лишь послушник, а не полноценный член ордена. Я не имею права привозить сюда ведьм, да и охотиться на них в одиночку тоже. Поэтому держи себя в руках. Мне казалось, ты отлично умеешь собой владеть, — ругался Коул, даже не смотря в ее сторону.

— Извини.

— Держи себя в руках. Ты же не ребенок уже.

Марта потупилась. Ей никогда не нравилось, когда ее отчитывали. Но сейчас отповедь была явно заслуженной.

Заграждение поднялось, и они въехали на дворовую территорию комплекса. Оттуда им нужно было попасть на уличную парковку. На подземную заезжать им было нельзя. По словам Коула ворота могли принудительно закрыть и отрезать им пути к отступлению. Поэтому бывший охотник, нарушая весь установленный порядок, припарковался на «больничных» местах, где для отвода глаз иногда ставили машины с медицинской символикой. Они стояли здесь и сейчас. Коул припарковался аккуратно между двух машин скорой помощи.

Через лобовое стекло Марта во все глаза смотрела на внушительное квадратное здание и понимала, что, не зная она всей правды, тоже приняла бы его за лечебницу для душевнобольных. Металлические решетки на редких и узких окнах, серый бетон. Жуткое и неприятное место. По своей воле она ни за чтобы не вошла бы сюда, если бы не Мегги.

Марта вновь посмотрела на свои наручники, ощутив, как ее захлестывает паника. Им нужно отвлечь на себя внимание, пока Кеторин и Люк спасают остальных. Отвлечь внимание и отключить камеры. Коул говорил, что их в Церкви немного. Над охотниками проводили качественную промывку мозгов, и они, будучи исконно верующими в свою правоту, не видели смысла в том, чтобы следить за собой же. Но даже малое количество камер могло разрушить их план, если Кеторин или Люциан на них попадутся.

Поэтому Марта и была закована в наручники. У главного входа были камеры, и на них должна засветиться бедная и несчастная ведьма, взятая в плен сильным и могучим охотником, а никак не маленький спасательный отряд. Марта надеялась, что ее театральные способности не откажут ей сегодня, как и магия, которую она гасила в себе годами.

«Хоть бы все получилось,» — мысленно взмолилась она, и на долю секунды ей показалось, что Луна следит за ней с ночного неба.

Что ж... она окончательно тронулась умом... Истеричка и шизофреничка — не женщина, а мечта!

Плавить металлические решетки Кеторин умела и любила. В детстве она даже с гордостью окрестила это занятие красивым эпитетом «хобби». Родители тогда отчаялись в попытках противостоять взбалмошному гению и поставили решетки на двери библиотеки Шарпы. В саму библиотеку Кеторин пускали, но вот ее желание изучать магию «не по возрасту» не поощрялось. Разговоры и попытки вразумления ни к чему не приводили, Кеторин улыбалась, обещала так больше не делать, а потом шла и заговаривала замок. Когда мать застукала дочь за очередным неподходящим гримуаром, замок сняли, а дверь заменили на новую из заговоренного дуба. Но Кеторин и с ним справилась, блестяще применив на практике заклинание старения. Она была упорной и потратила много сил на то, чтобы развеять древесину в труху. Родители магических талантов дочери не оценили и понадеялись, что металл ее остановит. Но что металл, когда человек тянется к запретным знаниям.

Методом проб и ошибок, опаленных волос на руках и обожженных ногтей, Кеторин таки разработала плавильный состав. И сейчас, наблюдая за тем, как решетка стекает вниз, словно вода, была благодарна матери за постоянную постановку задач, требующих решения. Если бы не эта потрясающая женщина, мир не увидел бы столь невероятной и гениальной ведьмы, как Кеторин Чубоски.

Ну а то, что вместе с металлом плавится еще и стекло, так это отличное стечение обстоятельств.

Но, если быть откровенной, зелье нужно было еще доработать. В условиях свободного времени оно работало просто потрясающе, а вот с ограниченным запасом были проблемы. Зелье, к сожалению, не работало на раз-два, по щелчку пальцев. Кеторин поклялась себе, что займется исправлением недостатка, как только появится свободное время.

Подождав, пока ручейки металла и стекла до конца стекут на землю, Кеторин закинув рюкзак с магическим оружием в окно (понадеявшись, что склянки не разобьются), ухватила руками за подоконник и, подтянувшись, перевалилась через него. Она немного не подрасчитала траекторию и все же приложилась плечом об пол. Болезненно поморщившись и выпрямившись, подобрала рюкзак и проверила его содержимое.

Все цело.

Закинув рюкзак на плечо и рассовав по карманам спортивного костюма все необходимое, Кеторин огляделась по сторонам. Она оказалась в небольшом кабинетике, который в глазах обычного обывателя мог выглядеть, как приемная психолога. Тут тебе и удобный диванчик, и стол, и симпатичный торшер, и заумные книжки по психологии на полках.

Кеторин провела пальчиком в перчатке по корешку одной из книг и брезгливо поморщилась. К книгам никто не прикасался годами, настолько толстым был слой пыли. Сама идея прикрывать штаб охотников больницей для душевнобольных показалась Кеторин заманчивой и даже интересной. Но судя по тому, что в кабинет явно никто не заходил последние пару лет, — идея бессмысленная. Охотников явно никто не проверял, и они расслабились.

Замок на двери Кеторин вскрыла тем же легким заклинанием, выученным еще в юном возрасте по не самой законопослушной причине. И она еще смеет осуждать Джуди?

«За глупость, — поправила себя Кеторин. — Порыв-то был хороший, а исполнение — глупое».

Кеторин в ее возрасте никогда бы не попала в взрослые. Когда была моложе — ее ловили, но она быстро училась на своих ошибках и искала способы не попадаться. Годы ночных вылазок научили ее ступать тихо и постоянно смотреть по сторонам. Вот и сейчас, выскользнув в просторный серый коридор, она ни на секунду не теряла бдительность.

Кеторин никогда не бывала в местах обитания охотников, но она представляла себе точно не безликие серые коридоры. Освещены они были лишь тусклыми потолочными светильниками. Неудивительно, что охотники все такие хмурые. Поживешь в таком месте пару лет — и сам с ума сойдешь от отсутствия цвета и света. Ни тебе фресок с сексуальными и опасными ведьмами, призывающих охотников отдаться греху. Ни даже изображений злых ведьм, поедающих детей.

Как они возвращают в своих новобранцах ненависть к ведьмам, если у них нет никаких наглядных примеров?

Кеторин отчего-то вспомнился Люцио — то, каким он был, когда они познакомились. Уверенный в своей правоте и готовый сжигать на кострах младенцев, если те были способны колдовать.

А за этим образом гармонично потянулся и другой — Люцио, перебинтованный по рукам и ногам и обвешанный трубками. О его смерти она не жалела. Стоило тому выкарабкаться — и он сам бы привел к дверям ее обители маленький отряд зачистки и глазом не моргнул бы, отрубая Кеторин голову. Следующей в очереди оказалась бы Марта и ее сестра. Хотя возможно Люцио сначала расправился бы с девочками, положившими его на больничную койку, и лишь затем — с бывшей соратницей. Так что она действовала на опережение, убирая возможные последствия.

Однако, червячок сомнения все равно грыз ее. Она просто не могла поверить, что он никому ничего не рассказал. Люцио никогда не был дураком. На ее памяти он был, пожалуй, самым умным охотником. Да и Мегги умыкнули именно в тот момент, когда ни Марты, ни Кеторин не было в городе, что наталкивало на мысль: за ними следили — и довольно давно.

Кеторин шла по коридору и продолжала рассуждать, попутно следя за обстановкой. Она снова выпила зелье для отвода глаз — оно работает с людьми, а вот с камерами нет. Конечно, камеры не станут проблемой, если Марта с Коулом выполняют свою часть миссии. Кеторин видела свою машину въезжающей на парковку, когда только собиралась полить решетку плавильным зельем. Так что у них было достаточно времени, а если они еще не успели захватить пункт видеонаблюдения — ничего страшного. Благо в том коридоре, по которому она шла, камер не было. Да и ночью охотники спали... скорее всего...

Петляя по коридорам, Кеторин начинала переживать, потому что кристалл Клементины в ее кармане до сих пор не резонировал с сестрой. Это наталкивало на неприятные мысли, но Кеторин все равно продолжала пробираться к лестницам, ведущим к тюремным камерам. Если Клементину и Мегги держали в одном месте, то те уже вместе с Люком выбирают к свободе, и все, что остается Кеторин, встретиться с ними и помочь. Если же нет...

Спрятавшись между двух колонн, держащих на себе потолочные балки, Кеторин выглянула в соседний коридор, проверяя его. Попутно расставляя пазлики в головоломке. Она всегда лучше соображала в критических ситуациях.

Барьер над домом Рудбригов снесли подчистую. И Кеторин достаточно знала о магии крови, чтобы понимать: какой бы сильной ни была ведьма, ей все же нужна исходная кровь, чтобы взломать барьер. А если не исходная, то хотя бы кровь кого-то близкого по родовой линии, матери или отца.

А откуда у кровавой ведьмы могла взяться кровь отца Марты?

Кеторин выругалась про себя, когда кубики заняли свои места. В больнице Рупи был либо охотник, либо ведьма. Гадать, кто именно из них, бессмысленно, но чувство, что она не заметила чего-то под собственным носом, ей очень не нравилось.

Ведьма уже приближалась к лестницам, когда кристалл в кармане начал слегка подрагивать, наконец-то срезонировав с биополем сестры. Вот только вибрация была слабой и едва ощутимой и вела в противоположную сторону. Кеторин достигла очередной развилки. Если бы с Клем было все в порядке, вибрация была бы ярко-выраженной и равномерной и усиливалась по мере приближения.

Как бы Кеторин не злилась на сестру, как бы не негодовала, но злиться на живого человека проще, чем на мертвого. А кристалл Клем буквально вопил о том, что сестра нет-нет да перейдет в мир иной.

И осознание этого заставляло Кеторин уже не переживать, а злиться и мысленно костерить сестру на чем свет стоит. О, стоит им только увидеться — и она выскажет ей все, что о ней думает. Дура, какая же Клем все-таки дура. Неудивительно, что и дочь у нее умом не блещет.

Злая, как черт, Кеторин чуть не вылетела в коридор, где на посту у дверей стояли двое охранников, чем немало удивили ее, ведь ранее ей не встретилось ни одного. Ведьма вовремя опомнилась и успела спрятаться за поворотом раньше, чем ее заметили. Гнев — худшая из эмоций, так что быстренько взяв себя в руки, Кеторин отстранилась от всего, что ей мешало, и сосредоточилась на охранниках в коридоре, ведущем ее к Клем. Кристалл лишь слегка усилил свою вибрацию, словно из последних сил давая понять, что ей нужно туда — в этот коридор и, похоже, к охраняемой двери.

Ведь кого еще посреди ночи могут сторожить охотники, как не главу ковена?

Кеторин очень хотелось верить в правильность своей догадки. Достав из кармана склянку с удушающим зельем, она зашвырнула ее к ногам охранников. Те даже толком и не успели осознать происходящее, как склянка разбилась, и из нее повалил дым, поднимающийся вверх вместе с теплым воздухом.

Охранники пытались отмахнуться от дыма, закрыть рты и носы руками, но было поздно — сначала захрипел один, потом и второй, и, скорчившись, оба рухнули на пол. Дверь распахнулась, и из-за нее выбежал старик: невысокий и скрученный, в белом халате, заляпанном кровью. Он возмущенно причитал и требовал объяснить, что происходит. Даже не замечая этого, он глотал дым своим широко распахнутым ртом, каждым вопросом приближая свой конец.

Кеторин встретилась с ним взглядом и заметила ужас, охвативший его, а потом старикашка тоже скорчился. Прежде чем подойти к двери, Кеторин подождала, пока дым осядет и развеется. У удушающего зелья время действия было ограниченным — всего-то даже меньше минуты.

Она достала пистолет из нагрудной кобуры одного из охранников, прежде чем войти в кабинет. Стрелять Кеторин умела, но очень плохо. Обычно из десяти выстрелов она попадала один раз и то с натяжкой. Магическое воздействие ей было ближе и родней, но иметь при себе оружие она не отказалась бы.

— Твою мать! — выругалась она, осматривая комнату.

Это был не кабинет и не камера. Это была лаборатория. Пыточная лаборатория, если быть точной. Компьютеры, научные аппараты, колбы, склянки, много стекла и металла,

холодильники. Высокотехнологичное оборудование перемежалось с типичными пыточными инструментами: пассатижи, ломы, кляпы, она даже заметила плетку.

Кеторин показалось, что она начинает задыхаться, потому что посреди всего этого великолепия на кушетке, отдаленно напоминающей кресло дантиста, связанная по рукам и ногам лежала Клем. Изуродованная и доведенная до предела Клем. Как бы Кеторин не была на нее зла, но представить сестру такой она не могла.

Злость на сестру лопнула, как мыльный пузырь, сменившись злостью на людей, сотворивших с ней такое.

На полу у двери скорчился молодой охотник или же доктор. Он был в таком же белом халате, что и старик, перегородивший проход. Кеторин пришлось переступить через него, чтобы войти. Она заметила молодую девушку, съежившуюся на полу в углу комнаты. Медсестра смотрела на Кеторин так, словно та бы монстром из ночных кошмаров. И Кеторин даже рассмеялась бы злодейским смехом, если бы у нее остались силы на эпатирование.

— Сиди смирно, — приказала она девчонке. — Двинешься с места — и я тебя убью.

Девчонка пискнула и закивала головой, как болванчик.

А Клементина, услышав голос сестры, повернула к ней свою изуродованную щеку и окинула ее мутным от боли взглядом.

— Я окончательно двинулась умом, и теперь у меня галлюцинации? — сорванным голосом спросила она.

— Нет, — ответила Кеторин и, не сводя сурового взгляда с медсестры, приблизилась к сестре. Теперь уже окончательно убедившись в том, что вывести ту по-тихому не получится. Она вообще может еще ходить?

— Кетти, ты пришла меня добить? — уголки ее губ дрогнули в слабом подобии на улыбку. Улыбку, больно резанувшую по Кеторин.

— Конечно, — подтвердила Кеторин в своей обычной манере, пряча за ней ужас мыслей о том, через что пришлось пройти Клем. — Что выберешь — пистолет или нож?

Сестра коротко болезненно хохотнула:

— Конечно же нож. Сколько раз ты обещала меня прирезать при следующей встрече? А теперь предлагаешь выбор?

— Выбор есть всегда. На всякий случай у меня приготовлен еще и яд. Для разнообразия.

Сейчас перекидываться привычными колкостями было проще, чем говорить серьезно.

Кеторин только принялась проворно отстегивать ремешки, удерживающие сестру, и успела освободить одну руку, как осмелевшая медсестричка, вооружившись скальпелем, попыталась напасть на нее. С реакцией у Кеторин никогда проблем не было. Развернувшись, она ударила ребром ладони девчонку по запястью, обезоружив, и отшвырнула ту от себя. Та не удержалась на ногах и упала на пол, приложившись головой о металлический столик на колесиках. Тот откатился в сторону, а все, что находилось на нем, с противным лязгом посыпалось на пол.

— Слон в посудной лавке, — устало усмехнулась Клем и зашла в кашле.

Кеторин нагнулась, чтобы проверить состояние девчонки. В обморок та упала скорее от страха, чем от удара. Но заниматься медсестрой у Кеторин времени не было. Да и Клем, которая продолжала кашлять, будто намереваясь свои легкие вместе со слюной в полет отправить, была куда большим поводом для беспокойства.

— Что с тобой? — спросила Кеторин.

— Ничего... кxxx... кх... страшного... кxxx... — ее ответ потонул в приступе удушающего кашля. Клем извивалась на кушетке, свободной рукой сжимая горло. То ли пытаюсь облегчить себе муки, то ли удушить себя.

Кеторин отшатнулась и отошла на пару шагов, пережидая приступ. Она никогда не видела кашляющую ведьму. И это было страшно.

— Клем, ты заразна? — спросила она, когда сестра успокоилась.

— Нет, не заразна, — ответила она, приподнявшись. Она попыталась сама освободить вторую руку. Но в ее пальцах не было сил, они соскальзывали с кожаных ремешков. А ее запястья, торчавшие из-под грязного балахона, который и одеждой-то назвать было нельзя, представляли собой кровавое месиво.

Тяжело вздохнув, Кеторин все же подошла к ней и, освободив ее руку, принялась за ноги. Что бы с ней ни было, оставить сестру здесь она не могла.

— Что с тобой? — с нажимом повторила свой вопрос она, освобождая изувеченную щиколотку от ремешка. На лицо сестры Кеторин старалась не смотреть. То, что они сотворили с красивой женщиной, поднимало в Кеторин такую глубинную ярость, которую она в себе и не подозревала. Что бы их с Клем ни разделяло, но позволить обращаться так с членом своей семьи она не могла. Кеторин порадовалась, что не взяла с собой Джуди. Не стоит девочке видеть мать в таком состоянии.

— Болезнь, Кетти, — устало ответила Клементина, сев на кушетки, что получилось у нее лишь с третьей попытки. — Они пытаются создать вещество, которое способно вызвать болезнь у ведьм.

Кеторин вскинула голову и встретилась с усталым взглядом Клем.

— Они ставили на тебе опыты? — сквозь стиснутые зубы процедила она и новым взглядом осмотрела колбы с различными реагентами. Теперь они были опасными. — У них это получилось?

— Нет, — покачала головой Клем, и длинные сальные пряди волос упали ей на лицо, скрыв обезображенную щеку с заплывшим глазом и переломанным носом. — Пока нет. Они смогли заразить меня, используя кровь королевы Гертруды. Но дальше пока не продвинулись. Он, — она кивком показала на мертвого старика, болезненно поморщившись, — очень хотел добиться результата. Им помогают кровавые. Вивьена сейчас здесь. Может кто и еще, но видела я только ее.

Кеторин выругалась и принялась опрокидывать на пол склянки, прекрасно понимая, что толка от этого мало. Чертову базу нужно было сжечь дотла вместе со всеми ее обитателями.

— Кетти, — тихо позвала ее сестра, — на это нет времени. Девочка, Мегги, ее держат в камерах на подвальных этажах. Ее нужно спасать. Она нужна кровавым. И ты не можешь позволить им забрать ее.

Сестра согнулась пополам в очередном приступе. Требование было разумным, но оставить лабораторию целой — непозволительная роскошь.

— Я знаю, — ответила Кеторин, перевернув очередную подставку с реагентами. — Ее выведет Люк.

— Люк? — взволнованно переспросила Клем, и Кеторин покосилась на сестру. Та даже кашлять перестала от удивления. Клем всегда была образцом сильной женщины, мечтающей о принце на белом коне. — Вы помирились?

— Нет, — буркнула Кеторин, стараясь не замечать восторженного огонька во взгляде Клем. Сейчас было не время и не место обсуждать их камень преткновения. А то Кеторин

могла вспылить и бросить сестру здесь или бросить здесь Люка, чтобы избавиться от одного лишнего звена в уравнении, которое она все никак не могла решить.

Кеторин методично разрушала лабораторию, вымещая на ней весь запал своей злости. Скрепки, банки — все полетело на пол. Системные блоки компьютеров она залила зельем для плавки. Была бы она стихийником — без сомнения сожгла бы все здесь к чертям. К спиртовому душку лаборатории теперь примешивалась вонь паленых проводов и пластика. Остановилась ведьма лишь тогда, когда в комнате не осталось ничего целого.

Клем все это время лишь наблюдала за бушеванием сестры и иногда кашляла. Подобное спокойствие было настолько не в характере Клементины, что Кеторин только диву давалась. Обычно она была тем человеком, которого слишком много. И то, что сейчас ее было слишком мало, не нравилось Кеторин. С громкой и грубоватой Клем было как-то спокойней, чем с тихой и подавленной.

— Ты сможешь идти? — спросила она, с сомнением поглядывая на распухшие и разодранные в мясо лодыжки сестры. Думать о том, что скрывается под балахоном не хотелось.

— Постараюсь, — выдохнула Клем и попыталась встать с кушетки, что получилось у нее с большим трудом. Пройти сама она не смогла, и Кеторин поспешила к ней на помощь, поднырнув сестре под руку и приняв на себя большую часть веса. Как жаль, что в этой лаборатории не было каталки.

Обходя осколки, она вывела Клем из разрушенного помещения. Не на это она надеялась, когда шла вызволять ее. Клем лишала ее мобильности: вместе с ней передвигаться по пустынным коридором незамеченными было крайне сложно.

Кеторин удачно миновала треть пути, сверяясь с корявой картой Коула, и уже поверила, что все получилось, и они выберутся из этой передраги, отделавшись малой кровью... Взвыла сирена. Противная такая, надрывная, режущая и по ушам, и по нервам.

Кеторин выругалась, осознавая, что ее простой план, похоже, рухнул и ей оставалось только гадать, что именно пошло не так.

Глава 49. Ничто не предвещало беды...

Из-за Марты Коул не переживал: еще свежи были воспоминания о ее театральных подвигах в лесу — как лихо она тогда обвела Роя. Но то был Рой — мальчик-простак, девизом которого было: «Не обманывайте меня, я сам обманываться рад». А тут целый орден. Спящий, конечно, но ведь целый.

И Коул чувствовал себя подлецом, потому что предавал людей, которым клялся в верности. От себя самого было противно. Его внутренние терзания скрашивало лишь то, что теперь он знал имя своего врага.

Демьяна.

И тот факт, что люди, которых он считал братьями, заключили сделку с его врагом, не уравнивал их с ней — не они же убили его сестру, — но явно поднимал Коула из клоаки самобичевания, в которую он сам же себя периодически загонял.

И за себя, в отличие от Марты, он переживал. Однако из-за недавней вспышки в машине чего-то отдаленно похожего на нервный срыв теперь Коул хотя бы знал: Марта не железная и тоже может переживать. Просто ее переживания выливаются не в той же форме, что у знакомых ему женщин. Но Марта могла импровизировать — что, собственно, и сделала тогда, подавив смех истеричными слезами и кашлем.

Коул сомневался, что был способен на такую импровизацию. Чтобы врать мистеру Рудбригу в самом начале их пути, Коулу пришлось продумывать сценарий, как себя вести и что говорить. Сейчас сценария у него не было, и он надеялся, что у него получится вести себя так, как если бы ничего в нем не изменилось. Как если бы он не знал, кто такая Марта Рудбриг. Не знал малышки Мегги — невероятной маленькой леди. Даже Кеторин не была так уж плоха. А Джилс? Коул явно не так представлял себе королеву ведьм. Это бедная зареванная девочка, которую так и хочется обнять и плакать вместе с ней, а никакая не жестокая душегубка, пьющая кровь младенцев.

Так что Коул чувствовал себя мерзавцем, тащя Марту за шиворот через парковку к крыльцу. Та демонстративно вырывалась и даже пыталась укусить. Вот только в физическом плане Марта была не сильнее ребенка и, даже если бы приложила максимум усилий, все равно не справилась бы с ним. Было в этом странное равновесие. С магией Марта могла уложить его на лопатки с той же легкостью, с которой Коул мог скрутить ее без магии.

Дверь Церкви распахнулась раньше, чем Коул доволоч Марту до ступеней, и оттуда выбежал охотник в помятой одежде и с заспанным лицом. Вот только взгляд у него был злой, и, кажется, этого охотника Коул раньше встречал. Имя, правда, вспомнить не мог.

— Ты что творишь?! А если ее кто-то заметит? Сказано же — всех заводить только через парковку!

Да, Коул определенно встречал его раньше. Такой гнусавый голос забыть невозможно. Именно благодаря голосу Коул смог вспомнить имя. Гюнтер — вот как звали охранника.

— Да помню я, — крикнул ему в ответ Коул. — Но эта бешеная в руль вцепилась, пришлось срочно тормозить и выволакивать ее из машины, пока она ее не разбила. Гюнтер, дружище, она мне всю кровь выпила за эти несколько дней. Знал бы, сколько раз я уже пожалел, что в живых ее оставил!

Коул говорил, одновременно заволакивая Марту на ступеньки.

— Ублюдок! — завизжала она. Коул даже опешил и на секунду замер. На его памяти

Марта не визжала. Кричать, ругаться — это она умела. Но визжать?

— Да заткнись ты уже, сука! — прикрикнул на нее Коул, у которого чуть ушные перепонки не лопнули.

Наверное для видимости ее нужно было ударить, чтобы создать полностью правдоподобную картину. Но у Коула на Марту рука не поднималась. Физически не поднималась — и это было странно. Настолько странно, что Коул так и замер на ступенях. И даже понимая, что нелепо ломать над этим голову сейчас, попытался вспомнить, что именно Марта говорила в ту ночь, после которой он не смог больше ей врать и стал подчиняться.

— Эй, ты что замер? — возмутился Гюнтер и потрепал Коула за плечо. — Тащи ее быстрее! Если завтра здесь соберутся журналисты, чтобы узнать, какую сумасшедшую ты привез, глава с тобой кокетничать не станет!

— Да, да, конечно, — ответил Коул и втолкнул недоумевающую Марту в холл. Она посмотрела на него с вопросом во взгляде, и Коул покачал головой — мол, не забивай себе голову. — Гюнтер, куда ее вести?

Охотник как раз запер за ними дверь, а Коул осматривал единственный ухоженный коридор с коврами и лавочками. По одну стену располагалась гардеробная для мнимых клиентов, по другую — что-то вроде регистратуры для них же. И ни одной камеры. Все, как он помнил. Камеры были только уличные и на парковках, а еще в комнатах для допроса и лишь в некоторых коридорах. Почему именно так, а не иначе, Коул не знал. Все-таки он не был полноценным членом ордена.

— Подожди-ка, — опомнился Гюнтер, и Коул порадовался, что это случилось внутри, а не снаружи, где они могли засветиться на камерах, — а ты вообще кто?

Коул развернулся и со всего маху ударил его ручкой арбалета по голове. Бил он так, чтоб наверняка — не хватало еще, чтобы тот очнулся и пошел поднимать тревогу. Мужчина рухнул лицом вниз, а Марта тихонько пискнула от неожиданности.

Сотрясение бывшему товарищу он обеспечил. Коулу хотелось верить, что только сотрясение и ничего кроме.

Пока Марта возилась с наручниками, Коул заволок тело Гюнтера в гардеробную и закидал его хранящейся там одеждой, предварительно связав того найденными тут же рубашками и затолкав в рот оторванный рукав на манер кляпа.

Проникать на базу ночью было определено верным решением, днем так легко бы не получилось. Когда Коул вернулся, Марта уже разобралась с наручниками и выглядела чуть спокойнее, чем раньше, и дышала она явно ровнее.

— Что это было? — спросила она. — Ты замер тогда. А если бы он нас не пустил?

Коул поднял арбалет с лавки, на которую положил его после того, как ударил Гюнтера, и покачал головой.

— Просто задумался. Давай мы обсудим это позже?

— Ладно, — неуверенно ответила Марта и последовала за ним.

Они шли медленно и не разговаривали между собой, чтобы не привлечь к себе внимания полных гуляк, если такие попадутся. Благо спальне комнаты находились на третьих и четвертых этажах, и полуночников им не попало, пока они пробирались к камере с системой видеонаблюдения.

Но все не могло пройти так хорошо и так бесппроблемно.

Коул открыл дверь и увидел своего старого знакомого Тоби. Тот сидел в офисном кресле на колесиках позевывая и глядя в потолок. А на экранах перед ним мерцали серые

картинки уличных и дворовых камер. На нескольких больших экранах под разными углами просматривались темные кадры внутреннего двора с колокольней. Камеры звук не писали, и потому в камерке было относительно тихо, если не считать монотонного гудения компьютеров и бурления водного кулера.

Так что звук открывшейся двери стал невероятно громким и тут же привлек внимание Тоби. Тот смачно зевнул еще раз и, посмотрев на них, так и замер с открытым ртом. В других обстоятельствах это могло быть даже забавно. Широко раззявленный рот, круглые, как блюдца, глаза и вскинутые брови. У Тоби всегда была выразительная мимика.

Справившись с секундным шоком, бывший товарищ захлопнул рот и открыл его вновь, чтобы спросить:

— Коул, откуда ты здесь? Черт, дружище, мы думали ты умер. Вы с Люцио нарвались на сильную ведьму? После того, как Джон попросил забрать тело Люцио, мы посчитали, что ты не смог... — тут он заметил Марту, которая ранее стояла за спиной Коула. Она была настолько маленькой, что заметить ее было сложно. — А это еще кто такая?

Тоби потянулся к пистолету, лежащему на консоли. Возможно движение и было неосознанным, но Тоби всегда был смекалистым парнем и действовал быстро и точно. Вот только Марта была нервной и напуганной и действовала быстрее и необдуманно. Пальцы бывшего товарища еще не успели даже сжаться на рукоятке, как его глаза округлились, и он начал хлопать губами, хватая воздух, а руки его тут же потянулись к шее. Он словно пытался отцепить что-то от своего горла, да только пальцы хватались за пустоту.

Ощущение душной паники, когда не понимаешь, что именно с тобой происходит и как это остановить, было знакомо Коулу. Он обернулся и тихо попросил:

— Март, хватит. Ты сделала достаточно.

Взгляд девушки был затуманенным, стеклянным. Она уставилась на Тоби из-за предплечья Коула и смотрела только на него. Хрипящего мужчину, которого вполне могла убить. Ее тонкие губы были поджаты, а на щеке цветком распустилось черное пятно.

Коул дотронулся до ее плеча и с нажимом позвал:

— Март!

Марта вздрогнула и подняла на Коула взгляд. Шокированный, загнанный. Взгляд жертвы, а не победительницы. А Тоби съехал вниз, перестав хрипеть. Коул подошел к нему, чтобы проверить пульс.

Что ж, бывший товарищ был жив — и это хорошо. Коул знал, что Марта своей силой может убить. Убить, даже не двигаясь с места, и его это пугало. Он был бы дураком, если бы не боялся.

— Март, дай мне наручники, — попросил он и протянул к ней руку. Марта покосилась на Тоби и нехотя достала наручники из кармана.

Пока Коул оттаскивал потерявшего сознание мужчину к стене, заводил его руки за спину, чтобы лишить возможности двигаться, когда тот проснется, и искал, чем бы заткнуть ему рот, Марта во все глаза смотрела на экраны.

— Что это за колокольня? — спросила Марта, ткнув пальцем в экран.

Коул оторвался от своего интереснейшего занятия — поиска альтернативного кляпа, — и вскинул голову. Кляп все никак не находился.

— Это колокольня, оставшаяся от старой Церкви, — пояснил он, заметив небольшое полотенчико для рук и решив, что, если его порвать, получится отличный кляп. — Раньше там находилась обитель. Учитель рассказывал, что к колокольне примыкало несколько

деревянных зданий — там и собирались первые охотники. Потом случился пожар, и уцелела только башня и подвалы под ней. А это здание, — Коул махнул рукой, подразумевая псевдо-лечебницу, — возвели лет тридцать назад.

— То есть ваша шайка не такая уж и древняя, — хмыкнула она, переведя свое внимание на другие экраны. Она подалась вперед, оперевшись руками на столешницу с множеством кнопок и тумблеров. Техника в помещении была устаревшей. У охотников не было постоянного и достаточного финансирования.

— Древняя, — буркнул Коул, разрывая полотенце. — Но не такая централизованная, как тебе могло показаться.

Коул затолкал ткань в рот Тоби и подошел к Марте, заняв место в офисном кресле на колесиках.

— Не централизованная? — спросила она, переведя взгляд с экранов на него. Коулу очень не нравилось темное пятно на ее щеке. То больше не разрасталось, но и меньше не становилось.

— Каждая база подчиняется своему... хм... главнокомандующему, наверное так его можно назвать... — пальцы застучали по клавишам. — А они не всегда между собой ладят.

— Ты точно сможешь удалить видео, если наши на него попадут? — с сомнением спросила Марта.

— Я, конечно, не гений, — слегка уязвлено ответил Коул, — но нажать кнопку «удалить» могу. Дождемся их здесь, удалим записи, выключим камеры и уйдем восвояси. Главное, КПП во второй раз пройти без вопросов. Если успеем до пересменки, то тот парень нас точно выпустит.

Марта тяжело вздохнула и кивнула:

— Надеюсь.

Выглядела она чертовски усталой. Не сильной и не надменной, какой она казалась Коулу раньше. Просто усталой. Марта отошла подальше от консоли с кнопками и привалилась к стене, старательно не смотря в сторону Тоби, который бессознательной кучей лежал на полу.

— Я думала, будет тяжелее, — неожиданно произнесла она. — Прорываться с боем, устраивать феерическое шоу. Я думала, будет нечто подобное, а здесь почти никого нет.

— Может получили наводку на какую-нибудь ведьму и разъехали по местам, — предположил Коул, рассматривая кадры с уличных камер. — Они же не сидят здесь целыми днями. Охотники должны охотиться. Логично?

— Да... наверное, ты прав... Думаешь Кеторин уже забралась сюда? — перевела тему Марта. Она достала маленький красный кристалл соли и принялась разглядывать его. Тот подрагивал и пульсировал, словно рвался к своему источнику. И Марта тоже рвалась. Коулу оставалось только гадать, скольких сил ей стоило оставаться на месте.

— Если хочешь, можем посмотреть ее по камерам, вдруг она где попала, заодно и удалим сразу? — предложил Коул в попытке отвлечь ее, и Марта, кивнув, подошла.

Она склонилась над его плечом, что получилось у нее только потому, что Коул сидел, и принялась разглядывать экран. Она была настолько близко, что Коул мог чувствовать аромат трав. Запах бабулочки, а не молодой девушки. Пряди светлых волос касались его щеки и шеи, едва уловимо, но приятно. Коулу всегда нравилось ощущение от прикосновения к женским волосам. И вместо того, чтобы рассматривать камеры и искать Кеторин, Коул заметил другую деталь, которая от него ранее ускользала. Нелепая деталь, не имеющая никакого

смысла, но он ее заметил.

Кончики волос Марты завивались.

— Я думал, они прямые, — брякнул он, и Марта повернула к нему голову так, что их взгляды встретились.

— Ты это о чем?

— Волосы, — ответил он, смотря за тем, как Марта пропускает прядь через затянутые перчаткой пальцы.

— Они прямые, пока короткие, а если отрастают — начинают виться. И это не та красивая волна, которую можно не укладывать. Либо выпрямлять, либо завивать, — пояснила Марта. — А я не то чтобы люблю тратить на это время. Проще обрезать.

Коул кивнул, вспомнив, как долго Ада могла сидеть в ванной и возиться с волосами и лицом. Той всегда нужно было выглядеть хорошо. Марта же на памяти Коула красилась лишь раз, она тогда еще и прическу сделала ради свидания с каким-то парнем. Коул не помнил, называла ли она тогда его имя.

И черт возьми, в тот день Марта была если не красивой в общепринятом смысле, то уж точно эффектной. Такой, к которой не грешно и на улице подойти, если вдруг заметил. И номер спросить тоже не грешно.

Если бы не все случившееся, Марта могла бы быть ему интересной. И осознание этого стало такой неожиданностью, что Коул не сразу понял, что Марта уже не смотрит на него. А во все глаза уставилась на экран, и ее бьет мелкая дрожь.

Коул проследил за ее взглядом. На одном из экранов, на котором отобразилась колокольня и прилегающая к ней территория, были люди. Видео было мутным и темным, так что Коул не сразу разглядел женщину в длинном платье или мантии, несколько мужчин и девочку — маленькую, светловолосую и в пуховичке.

Девочкой могла быть только Мегги, и как она оказалась там — вопрос хороший, потому что внутренний двор находился далеко от парадного выхода и каморки, где их ждали Коул с Мартой.

— Я иду туда, — отстраненно выдала Марта, не сводя взгляда с экрана и мужчины, выхватившего пистолет.

— Мне кажется, не стоит, — неуверенно произнес Коул, пытаясь понять, был ли мужчина, стоящий рядом с Мегги, Люцианом или же нет. — Если колдун там, он справится.

— Конечно, справится, — саркастично буркнула Марта. — Против него же семеро мужчин с пистолетами и еще одна женщина.

Девушка выскочила в коридор раньше, чем Коул успел ее остановить. Вариантов у него все равно не было, и бывший охотник побежал за ней. Понимая, что весь их относительно сносный план полетел к черту. Вот только если во внутреннем дворе завяжется перестрелка, туда сбегутся все — и прощай их возможность на спасение.

Нужно было что-то, чем можно было отвлечь остальных охотников.

Пробегая мимо кнопки пожарной тревоги, Коул не задумываясь ударил по ней, и все здание содрогнулось от противного режущего по ушам звука. А через минуту включились и автоматические разбрызгиватели воды.

Оставалось надеяться, что угрозы пожара достаточно, чтобы все бежали на улицу, а не во внутренний двор.

Люк не страдал топографическим кретинизмом. Он вообще был уверен, что хорошо

ориентируется на местности. В лесу он чувствовал себя, как рыба в воде. Когда в детстве единственное место, куда можно уйти от взрослых, чтобы погулять, а в подростковом возрасте — утащить девчонку, чтобы урвать поцелуй, — это лес, глупо не научиться в нем ориентироваться. А вот в большом современном здании, в котором ты никогда не был ранее, а единственным способом не потеряться в котором была криво нарисованная от руки карта, Люк ориентироваться не умел. Коридоры одинаковые, а карта, надо сказать, убогая.

Они разок повернули не туда, чтобы избежать встречи с охотниками, но нашли путь обратно с горем по полам. Потом что-то пошло не так, и они чуть не вышли на подземную парковку — оказалось, не на том лестничном пролете свернули. На четвертом коридоре, который завел их в тупик, Люк начал злиться и всерьез подумывал о том, чтобы уйти с помпой, разнеся какое-нибудь окно. Вот только в коридорах окон не было, а лезть в кабинеты Люк не решался — мало ли кто находится за закрытой дверью.

От маленькой ведьмочки толку было мало — она могла только смотреть на него преданным и доверчивым взглядом и молчать. А у Люциана язык не поворачивался сказать ей, что он потерялся. Поэтому он по-доброму ей улыбался и ободряюще говорил: «Не переживай, милая! Мы справимся! Осталось совсем чуть-чуть!». Благо врать и притворяться он умел хорошо. Так сказать, с огоньком. Еще бы — за столько лет не научиться-то.

Почему нельзя построить одно прямое здание? С одним коридором, настолько прямым, что в нем просто невозможно потеряться. Люк понял, что он любит ангары, такие большие, просторные и, главное, без единой перегородки.

В какой-то момент они нарвались на троих охотников, те шли и о чем-то переговаривались. Люк в этот момент как раз изучал убогую карту первого этажа и на сразу заметил, что в коридорчик, в котором они стояли, вышло это трио. На первый взгляд невооруженное трио. Люк действовал на автопилоте: толкнул девочку себе за спину, параллельно вытягивая воздух из легких охотников. На это казалось бы нехитрое действие сил ушло много. Когда те рухнули на пол — слишком громко рухнули — Люк понял, что его хватит еще на пять-шесть таких же охотничков, и потом он не сможет поднять в воздух ничего тяжелее листа. А значит нужно убираться отсюда — и как можно быстрее.

Вооружившись картой, они побежали, оставив тела за собой. Прятать их все равно было негде, да и тратить на это время Люку не хотелось.

Поворот за поворотом. Пятна тусклого света сменяются промежутками черноты. Они еще дважды чуть не нарвались на охотников. Люк и сам не понял, как, прячась от одних, они влетели в неприметную дверь и нарвались на других.

«Да, Кеторин, перехвалила ты меня, любимая,» — пронеслось у него в голове.

А потом он увидел Вивьену. В лунном свете на фоне башни. И мысли о Кеторин как ветром сдуло. Кровавую ведьму окружили семеро мужчин, и один из них истошно орал на ведьму. Крыл ее таким красочным матом, что можно было построить целый дом, собирая слова по кирпичику.

Маленькая ведьмочка за спиной Люка тихо пискнула от ужаса, но Люциан был так заморожен вырыванием фактов из словесного потока, что не сразу обратил внимание на Мегги. Собственно охотники тоже были при деле: слушали гневную тираду молодого мужчины и сверлили взглядами Вивьену. Ведьма была занята и тоже не обращала внимания на Люка. Она прикладывала очень много усилий, чтобы не показать своего страха, и скалилась, как гиена.

Из той самой тирады Люк и узнал, что тела убитых им охотников нашли и обвиняют в

этом Вивьену. Удачное стечение обстоятельств — не иначе. Один из охотников даже пистолет выхватил — наверняка хотел пристрелить Вивьену.

У Люка с Мегги были все шансы на то, чтобы сбежать, аккуратно выскользнув за дверь, пока их не заметили. Вот только неожиданно взывшая сирена поставила крест на всем, чем можно. Все резко вздрогнули и принялись озираться по сторонам. Тут-то они и заметили беглецов.

Бежать бессмысленно — остается тянуть время и думать.

— Здравствуй, Виви! — самым нежным, добрым и радостным голос произнес Люк. Так могут говорить со старыми друзьями. — Давно не виделись!

Вивьена все еще скалилась. Вот только в глазах был страх и удивление. Похоже воспоминания об их последней встрече были свежи, как и раны. Ведьма подволакивала за собой увечную ногу, когда сделала шаг в их сторону.

— Надеюсь, ты не в обиде? — тем же елейным голоском продолжил Люк. — Я ведь не специально тебя в полет отправил... так, чуть-чуть силу не подрасчитал... не злись, милая. Тебе не идет.

Люциан встал так, чтобы защитить ведьмочку, если кто-то из охотников решит выстрелить. Пока он нес эту чушь и тянул время, в его мозгу шел быстрый мысленный процесс. Его предел — шесть человек. А их семь, да еще и ведьма.

— Что ты здесь делаешь? — Вивьена не смогла скрыть страха в голосе.

Люк понимал: ведьма боится не его. Демьяны. Конечно, хозяйка-то по головке не погладит за нарушенные планы. А уж как Демьяна проходится против шерсти все давно в курсе. В Шарпе уже много лет ходят слухи о личной то ли горничной, то ли служанке Старейшины. Разные слухи. Такие, что волосы на руках дыбом встают.

— Да вот, прогуливался, — ответил ей Люк. — Я так соскучился по тебе, моя дорогая подруга, и решил навестить.

Мегги вцепилась в его пиджак сзади, и Люк спиной ощутил, как девочка дрожит. Дрожит от ужаса. Что они успели ей сделать? Видимых травм на ведьмочке не было, разве что лейкопластырь на губе.

— Прекратите этот фарс, господин Толчен! — крикнула Вивьена. — Вы меня обвиняли в убийстве ваших ребят? А я говорила, что это не я! Но вы мне верили! А теперь смотрите: в вашу хваленую Церковь проник колдун, а вы ни слухом ни духом.

Ее голос так и сочился ядом.

— Ну почему же? — приторно сладко возмутился Люк, стягивая воздушные потоки вокруг них. — Они же меня сейчас слышат. Хотя сирена и не лучший аккомпанемент для моего голоса. Его лучше воспринимать акапелла.

— И девчонка тоже у него, — Вивьена, ослепленная своим праведным гневом, не обращала внимания ни на что. — Что бы вы делали, если бы он ее увел?

Четверо охотников за спиной Вивьены рухнули, даже пискнуть не успели. Вивьена дернулась и речь прекратилась. Наверное, стоило выводить ее из строя первой, но кровавая магия не была мгновенной, для нее нужна подготовка, а пистолет нужно всего лишь снять с предохранителя. Так что выбор был очевиден.

— Да что вы стоите? Хватайте его! — взывала Вивьена не хуже сирены.

От девочки за спиной Люка исходило странное невиданное ранее завихрение, не имеющее ничего общего со знакомыми ему стихийными потоками. Он ощущал пульсацию чужой силы затылком, но не позволил себе отвлекаться. Толчком воздуха он выбил из рук

охотников оружие и отправил то в полет. Это было проще, чем душить их.

Однако душить он их тоже продолжил: избавился еще от двух, и если не убил, то чувств лишил однозначно. Люк разделался с ними быстро, но магических сил у него почти не осталось.

И вот их уже осталось трое: Люк, Вивьена и последний охотник. Тот, что с упоением кричал на Вивьену, обвиняя ту во всех смертных грехах.

Когда мужчина бросился на Люка, тот едва успел оттолкнуть Мегги подальше. Люциан умел драться и считал, что неплохо обучен, так что парировать удары мужчины у него получалось легко.

Вот только уметь и любить — вещи разные. Люк любил решать вопросы либо миром и хитростью, либо магией. А его противник явно любил драться и делал это с упоением, настолько отдаваясь процессу, что в какой-то момент смог повалить Люка на снег. Люциан не знал, была ли улыбка охотника нервной или же он просто наслаждался адреналином от драки, но одно Люк знал точно — улыбка этого парня ему не нравилась.

Пока мужчины сражались, Вивьена попыталась обогнуть их по широкой дуге, чтобы схватить девочку. Но Люк вовремя заметил ее маневр и, собрав остатки своей силы в кулак, толкнул ведьму в сугроб, попутно прикрываясь от кулаков, которые градом сыпались на него.

Вылезти из сугроба со своей покалеченной ногой Вивьена благо не могла, и Люк сосредоточился на парне.

— Джон! Нет! — взвизгнула девочка, когда охотник-таки смог достать Люка и вскользь задеть его глаз.

Охотник на секунду опешил, и этого оказалось достаточно для Люка, чтобы сбросить того с себя и подняться на ноги. Передышка была короткой, но ее оказалось достаточно, чтобы заметить одну вещь. Девочка, стоящая на коленях в снегу, светилась холодным лунным светом. А энергетические вихри вокруг нее заставляли воздух пульсировать и искажать восприятие.

Не раздумывая ни секунды, Люк бросился к девочке. Та была на грани мощнейшего энергетического выплеска. Ее нужно было как-то остановить и успокоить. Но Люк не успел.

Все вокруг затопило холодным светом.

Последним, что он увидел, была Марта. Ведьма стояла в дверном проеме и с ужасом взирала на них, а с ее руки капала кровь. И Люк понял, что скоро их ждет еще один выплеск.

Кристалл соли разлетелся вдребезги, и один из осколков попал в бокал, из которого Алистер пил. Бокал тоже разбился, порезав ему и губы, и подбородок, и руку. Чудом осколки не попали в глаза. Но Алистер об этом уже не думал.

Он думал о дочерях. И единственная мысль, которая толчками билась в его голове, полностью соответствуя биению сердца, была лаконичной: что, черт возьми, произошло?

Нет, не так. Красочно, большими буквами.

ЧТО, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ПРОИЗОШЛО?

Воспоминания о том, как в прошлый раз точно так же разлетелся поисковой кристалл были еще свежи, как бы Алистер не пытался убедить себя в обратном. Такое не забывается, от такого больно даже спустя столетия.

Алистер отбросил осколки, которые все еще сжимал в руке, в раковину и отстраненно подумал о том, что нужно обработать раны. Вот только вместо свежей раны на ладони была

лишь запекаясь корочка. Он провел языком по губе, которая тоже уже почти зажила.

— Вот только какой ценой? — устало спросил он у самого себя и сам же ответил: — Огромной.

Его девочки опять платили непомерную цену, а он ничего не мог поделать. По сравнению с тем, что выпало на их долю, пустота в его сердце — так, пшик на воде, и не более. И Алистеру было тошно от того, что он ничего не может сделать.

Кто он? Жалкий старик.

И как такой старик может защитить ведьм? Сильных ведьм. Его ведьм.

А ведь ему так хотелось обезопасить их, защитить, быть для них опорой. А судьба раз за разом тыкает его в собственную слабость, от которой хочется волком выть.

Он не смог защитить Марту. Не смог защитить Терру. Не смог защитить Мегги. Даже мать свою, такого же обычного человека, как и он сам, не смог уберечь.

— Ты жалок, — укорил себя он.

За окном мела метель, а Алистер сидел на кухне и думал о своих девочках. Красные осколки на столе давали ему надежду на то, что Мегги еще жива, а значит не все потеряно. Главное, чтобы вернулась домой, а там будь что будет. Главное, чтобы была здорова, а Алистер... он выдержит... всегда выдерживал, и сейчас выдержит. Если нужно будет порвать еще одну нить — он порвет и даже глазом не моргнет. Главное, чтобы девочки были дома. И все. Остальное не важно.

В кармане завибрировал телефон и высветился незнакомый номер. Алистер ответил.

— Алистер, — старческий, но все еще слишком высокий голос Джослин донесся из трубки, — я тебе из больницы звоню, попросила медсестру набрать твой номер. Маргарет очнулась.

— Хорошо, — устало ответил он. — Я приеду.

— Не нужно. Отоспись. Все равно сейчас ночь, да и врачи говорят, что с ней все хорошо. Они в шоке, что она так резко пошла на поправку. Это девочки?

— Думаю, да, — ответил он, прекрасно понимая суть вопроса.

— Надеюсь, у них все хорошо, и они скоро вернуться.

— Я тоже, — выдохнул он и отключился, потирая глаза, в которые словно песка насыпали.

Алистеру очень хотелось верить, что магия, которую они используют, идет и на благо девочкам. Ведь они тоже Рудбриги.

Он так и просидел на кухне до самого утра, а когда на небе забрезжил рассвет, на телефон пришло сообщение с номера старшей дочери.

«Все пошло не по плану. Везу Марту в Шарпу. Вернусь через пару дней и все объясню. Проследите, чтобы Джилс никуда не делась».

Глава 50. Гори, гори ясно

Коул вряд ли когда-нибудь привыкнет к магии. Нет, он уже не считал ее абсолютным злом — все зависит от рук ее использующих. Магия как пистолет, может быть использована для грабежа, а может пригодиться и для защиты. Он смирился с этой мыслью, пусть той и было сложно закрепиться в его упрямой голове.

Вот только смириться и привыкнуть — вещи разные. Коул смирился с тем фактом, что магия теперь является неотъемлемой частью его жизни, но принять и понять все, что произошло этим вечером, он отказывался.

Сначала они бежали по коридорам под вой сирены и в сопровождении дождя. Система тушения сработала автоматически, потому что охотники явно не раскошелились на датчики дыма. И потому Коул бежал за Мартой мокрый донельзя и мысленно чертыхался — девчонка бежала быстро, словно за ней разгоралось пламя.

Раз пять или шесть им навстречу выходили охотники. Сонные, только выбравшиеся из кроватей охотники. И зрелище они из себя представляли не боеспособное. Марта, даже не замедляясь, сшибала их, как кегли в боулинге, и те падали как подкошенные. Что именно она с ними делала, Коул так и не понял: они просто падали. Видели ее и теряли сознание. Этой ночью выражение «сногсшибательная женщина» заиграло для Коула новыми красками.

Первый раз, когда это произошло, Коул остановился, чтобы проверить их. Парни дышали, глубоко и умиротворенно, словно погрузились в глубокий сон. Некоторые даже причмокивали во сне.

Взгляд Марты после каждого такого раза становился все более напряженным, а пятно на лице увеличилось, захватив и щеку, и ухо, и даже затронуло лоб. Возможно, по телу у нее так же расцветали чернеющие провалы, но рассмотреть Коул мог только лицо. И это все ему не нравилось. Ни Марта, которая неслась, не замечая препятствий, чудом не врезаясь в углы, ни пятна на ее лице. Он словно пятой точкой чувствовал, что с пятнами что-то не так, и с Мартой тоже что-то не так.

Наверное уже в тот момент он понимал, что ни к чему хорошему ее состояние не приведет. Вот только думать и анализировать, когда со всех ног пытаешься угнаться за явно обезумевшей ведьмой, сложно. А Коул и в лучшие свои дни соображал туго.

Марта вылетела за дверь, ведущую во двор, и замерла, а Коул, не успев замедлиться, чуть не врезался в нее, умудрившись еще и поскользнуться и упасть. Уже растянувшись на снегу, он смотрел на Мегги. От девочки шло холодное сияние. Она искрилась, словно снег под лунным светом.

Люк, успевший отбиться от охотника, бросился к девочке, и в этот момент все затопило этим холодным светом. Коул услышал, как ойкнула Марта, и зажмурился, чтобы не ослепнуть. А когда открыл глаза, Марта уже не стояла рядом с ним — она отошла туда, где секунды или же минуты назад была Мегги.

Девочка, Люциан, охотник, которого Коул лишь смутно помнил, женщина, копошившаяся в сугробе, и тела охотников, чьи лица Коул не разглядел, исчезли, а вместо них остался лишь лужа растаявшего снега.

Марта ходила кругами, а вода плескалась у ее ног, промолив ботинки и брюки. Мокрые волосы липли к почерневшим щекам. А взгляд был таким затравленным, испуганным и непонимающим, что у Коула сжалось сердце. Сейчас перед ним стояла не та Марта, главной

реакцией которой была агрессия. Сейчас она походила на маленькую потерявшуюся в лесу девочку. Ее нижняя губа подрагивала, а в уголках глаз начали собираться слезы.

— Я не понимаю, — надломленным, полным ужаса голосом произнесла она.

Коул поднялся на ноги. В мокрой одежде во внутреннем дворе Церкви ему было чертовски холодно. Но он не позволил себе обращать внимания на это неудобство, хоть его зубы уже стучали друг об друга.

— Не понимаю! — возвысила голос Марта. Ее трясло. — Где она?

Марта всплеснула руками, и Коул заметил разодранную и окровавленную перчатку, а еще черную кожу в прорехах ткани.

— Д-джон... он же б-был здесь... я не понимаю... От-ткуда?

Ее зубы отбивали чечетку. Губы дрожали. Из глаз катились слезы. А от знакомой Коулу манеры речи — с легкой издевкой и превосходством — не осталось и следа. Он бросился к ней и прижал к себе, толком не зная, чего хочет добиться подобными действиями.

Успокоить? Да черта с два ее успокоят хоть какие-нибудь объятия в подобной ситуации. Что-то сказать ей? Что тут скажешь?

Он ведь не понимал, что происходит. А как успокаивать человека, когда тебе самому нужен кто-то, кто успокоит и даст ответы?

Уткнувшись ему в грудь, Марта взывала. Надрывно, задыхаясь от боли. То был вой раненого зверя. Она била его кулаком в грудь, и эти движения были неосознанными. А Коул стоял рядом и всего лишь прижимал ее к себе за плечи, понимая, что любое его неверное слово вызовет в ней агрессию, а злая Марта способна на многое.

Они так и стояли некоторое время в болезненном оцепенении. И Коул не знал, что ему делать, но одно понимал точно: Марту нужно выводить отсюда, пока не случилось то, чего потом будет уже не исправить. Он обдумывал, как ему поступить — взять девушку на руки и просто унести отсюда или же, попытаться ее вразумить, — когда отключилась сирена, и в образовавшейся тишине стал отчетливо слышен топот десятка ног.

Охотники спешили сюда. К ним.

И Коул не мог, физически не мог, противопоставить ничего одному или паре десятков человек с огнестрельным оружием. Да и Марта, похоже, была не в том состоянии, чтобы вырубать их пачками.

Но Коул ошибся.

Он толком и не понял, что произошло. Марта неожиданно напряглась в его руках, и он ощутил нечто темное и пугающее в глубине себя, там, где ощущалась связь с ней. А затем Марта обмякла, а шаги оборвались гулкими ударами.

Марта в его руках стала черной. Не осталось ни клочка светлой кожи, а волосы словно облили мазутой.

Кеторин злилась и волокла на себе сестру, а сверху на них лилась вода. Сначала Кеторин испугалась, подумав, что их засекли. Затем, когда с потолка полилась вода, испуг сменился недоумением. А недоумение быстро перешло в злость. Их не раскрыли, но план улетел в трубу. И что теперь делать, она не знала, но уверенно тащила сестру за собой. И это отнимало очень много сил и нервов. Мокрая одежда липла к телу и мешала идти.

— Клем, в следующий раз когда соберешься попадать в плен, выбери место поприятнее, — причитала Кеторин. — Плен у пиратов. Бутылка рома и атмосферный корабль. Сексуальное рабство на пляже с пальмами. Все, что угодно, но не охотники!

Клементина коротко хохотнула ей в ухо.

— Не проецируй на меня свои мечты.

— Ну да, ты же у нас только о принце на белом коне мечтать и можешь.

— Почему сразу на белом. Может быть мне черные нравятся?

— С каких пор они тебе вообще нравятся? С того раза, как ты упала с лошади, и та чуть не заехала тебе копытом в глаз? — тихая перебранка помогала Кеторин выпустить пар.

— Это была не лошадь, а пони, и упала я с него из-за тебя.

— Нет, не из-за меня. Но я не буду пытаться тебя переубедить. Ты мне тогда не поверила, и сейчас тоже не поверишь, — Кеторин, конечно, не кричала, но из-за sireны их бы все равно никто не услышал.

Клем как раз хотела что-то ответить, когда их накрыло мощной энергетической волной. Они так и замерли посреди коридора, обомлев. А затем Кеторин вскрикнула от боли в ноге и повалилась на пол. Клем, потеряв точку опоры, рухнула поверх нее.

Кеторин столкнула с себя сестру и полезла в карман, где лежал поисковой кристалл Мегги, и смачно выругалась, нащупав мокрые и мелкие осколки. Она вытащила горстку окровавленных кусочков и выругалась еще раз.

Конкретно в этот момент Кеторин не обрадовалась, что ее догадки оправдались. Девочка была сильной, очень сильной. Но Кеторин предпочла бы, чтобы ее способности проявились где-нибудь в другом месте. Скажем, на пляже под лучами закатного солнца.

Она прощупала рану на ноге и выдохнула. Ничего серьезного — больно, конечно, но обработать можно и попозже. Кеторин встала и помогла Клем подняться. Теперь они были слишком ошарашены, чтобы разговаривать, а потому продолжили свой путь в тишине. Если можно назвать тишиной вой sireны с аккомпанементом из стука воды и сиплого дыхания женщин.

Однако уйти далеко у них не получилось. На следующей же развилке путь им перегородили пятеро охотников. И как по мановению волшебной палочки с потолка перестала литься вода. То ли закончилась, то ли ее кто-то отключил — Кеторин это не волновало. Она мысленно строила план того, что ей делать с охотниками, а они изучали их с Клем внимательными взглядами, словно диковинки в музее.

Конечно, переглядки длились всего пару секунд, но для Кеторин момент растянулся в маленькую вечность. Она успела изучить их. Подметить, что один выше, другой ниже, у третьего подбит глаз, четвертый явно самый старый. Ну а пятый хоть и был самым симпатичным, но агрессией от него несло, как тухлыми яйцами от мусорного ведра. Собственно, пятый первым выхватил пистолет и навел дуло на них.

И, если бы не неожиданно отключившаяся sireна и зычный голос старика, заполнивший образовавшуюся тишину, выстрел бы прогремел.

— Одно движение, и вы трупы, — коротко и по факту.

— Конечно, куда мне двигаться. Я так устала, что руки не поднимаются, — обворожительно улыбнулась она старику, а затем послала такие же лучики добра каждому из присутствующих. Тот, что повыше, даже покраснел от смущения, а агрессивный разозлился еще больше. Он так стиснул свою челюсть, что того и гляди стер бы зубы в порошок.

А пытливый ум Кеторин в это время дотошно анализировал старика. Было в нем что-то неуловимо знакомое. Нет, конечно, этого конкретного старика она не встречала ни разу, но вот кого-то из его родственников видела точно.

Тем временем к ним приблизился охотник с подбитым глазом и стащил Клем с плеча

Кеторин. Та как всегда начала кричать, визжать и отбиваться, даже умудрилась укусить охотника. И где только силы нашла?

— Спасибо, милый, — с толикой нежности в голосе поблагодарила Кеторин, гадая, успеет ли она выхватить удушающее зелье из кармана и швырнуть его под ноги старикашки так, чтобы они с Клем сами не надышались зелья. — Она такая тяжелая, думала, у меня плечо отвалится.

— Прекратите паясничать, девушка, — все тем же зычным басом приказал старик. — В наручники их — и в камеры. Будем разбираться с ними потом.

— А почему не сейчас? — с пискляво просительными интонациями поинтересовалась Кеторин. Она намеренно строила из себя дуру — от дуры не ждут подвоха. Даже руки протянула, чтобы им было удобнее застегивать наручники.

Только тем было не суждено застегнуться на ее запястьях. Вновь налетевшая энергетическая волна снесла охотников своей мощью. Те просто попадали, даже не успев понять, что произошло. Клем, подпоркой для которой служил охотник с подбитым глазом, тоже упала. Кеторин даже на секунду забеспокоилась — не захватила ли волна и ее сестру, — но стоило Клем перевернуться на спину и ошалело посмотреть на сестру, как та успокоилась.

— Что это было? — первое, что спросила Клем.

— У меня есть теория, но ее нужно проверить, — ответила Кеторин

Клем подставила ладонь под нос охотника и нахмурилась.

— Не дышит, — констатировала она и на всякий случай проверила еще и пульс. — Мертвое не бывает.

Кеторин проверила оставшихся — тоже мертвый, — прежде чем помочь Клем подняться. И они продолжили свой путь, но только уже не к выходу. Теперь они искали Марту. Кеторин была уверена, что вторая волна, убившая охотников, исходила от Марты. Колдовство девочки было отмечено тьмой, которую было невозможно не заметить.

А еще десяток-другой мертвых тел стал не только доказательством теории, но и чем-то вроде путеводной звезды.

«Иди по дороге, усеянной трупами, и в конце пути тебя будет ждать сама госпожа Смерть, » — усмехнулась про себя Кеторин, вспомнив присказку матери. Та всегда так говорила, когда кто-то предлагал открытую конфронтацию с кровавыми ведьмами.

Кеторин вела мысленный учет убитым охотникам и дивилась тому, насколько сильной оказалась Марта. Природа ее способностей была все еще непонятна Кеторин, но в одном она была уверена точно: Марта и ее сестра — источники первостихии. Первозданная магия в чистом виде, не иначе. И если Марта была оскверненной, то Мегги являла собой живительный источник, который необходимо защищать.

Марту они нашли минут через двадцать, а то и больше. Волочь на себе Клем было задачей нелегкой, но и бросить ее было нельзя: вдруг кто-то из охотников все-таки выжил. Хотя Кеторин в это слабо верилось.

Марта нашлась вместе с Коулом. Он сидел на полу в коридоре, держа девушку на коленях и хлопая ее по щекам, а невдалеке Кеторин заметила еще несколько бывших охотников. По ним она лишь проскользнула взглядом, всецело сосредоточившись на Марте. Вернее на том, что стало с Мартой.

— О Боги! — воскликнула Клем и присоединила одно из своих бранных словечек. — Она проклята!

— Какая ты наблюдательная, сестренка, — присвистнула Кеторин. — Какое счастье, что у тебя остался хотя бы один глаз, а то что бы мы без тебя делали.

И этот здоровый глаз обжег ее такой раскаленной злобой, что Кеторин на секундочку показалось, что она вернулась домой.

— Ирония, милая, и-ро-ни-я.

— У тебя всегда было отвратительное чувство юмора, — буркнула Клементина и, оттолкнувшись от плеча Кеторин, неуклюже опустилась на колени перед Коулом.

— Нет, у нас просто разное чувство юмора, — пожалала плечами Кеторин. — Где Мегги? Люк?

— Исчезли, — устало ответил Коул, прекратив попытки привести Марту в чувства.

— Как исчезли?

— Просто исчезли. Были, а потом исчезли, — невразумительно ответил Коул. Настолько невразумительно, что Кеторин захотелось подойти к нему и хорошенько потрясти, может, что-то в его голове встанет на месте.

— Исчезли, как при перебросе? — аккуратно спросила Кеторин, подталкивая мужчину к нужным ответам. — Как когда Люк перемещался из машины?

Хотя сомнительно, что Люк смог бы активировать порталный камень так скоро. Разве что Мегги с ним что-то сделала. Но это тоже сомнительная теория: двоих камень перенести не смог бы.

— Нет, — покачал головой Коул. — Там вдруг все залило светом, а потом Люк и Мегги исчезли, а вместе с ними женщина и кто-то из охотников. Не знаю, живые они были или мертвые. С ними еще и кусок снега улетел.

Кеторин со свистом втянула воздух и неосознанно потянулась к своей комплементарной нити. Та была там же, где и должна быть — тянулась от ее сердца к сердцу Люка и пульсация от нее исходила все та же, уверенная и сильная. Значит, по крайней мере, он жив, а вот с тем, что с ними произошло, еще предстоит разобраться. Ясно одно: они переместились, но не с помощью порталного камня. Того и на двух человек бы не хватило, что уж говорить о трех и более.

— ... то ли Джон, то ли Джош... я так понял, Марта знала этого охотника, — поглощенная своими мыслями Кеторин упустила часть разговора. — Марта... она в порядке?

Но стоило ей услышать нужное имя, как кусочки мозаики заняли свои места. Джон. Вот на кого был похож тот старикашка. Ну или это Джон был на него похож. Одно лицо с разницей в несколько десятилетий. А тот, если ей не изменяет память, работал в больнице и вполне мог взять кровь мистера Рудбрига для взлома барьера.

Клем приподняла веки Марты. У девушки даже белки глаз почернели. Единственное, что осталось неизменным — зеленые радужки, которые дико смотрелись в контрасте с черными белками и расширенными зрачками.

— Ей нужно в Шарпу, Кетти. Она убила кого-то из кровавых. И не единожды. — Клем отпустила ее веки и откинулась назад, привалившись к спине.

— У меня есть с собой немного зелья Евы, — ответила Кеторин, доставая из рюкзака несколько склянок, которые захватила с собой специально для Марты.

Когда-то давно, когда вся заварушка еще только начиналась, Марта что-то говорила о темных пятнах, которые нужно сжигать, и Кеторин сначала не поняла, о чем говорила девушка. Магический след так не проявляется, он не меняет суть вещей. А потом, когда Кеторин искала способы помочь Коулу, ей на глаза попался гримуар с проклятиями. Старый

гримуар, который она утащила с собой из Шарпы, штучка из личной коллекции госпожи Евы с пометками на страницах. Там-то Кеторин и нашла рецепт зелья, аккуратно выведенный рядом с теорией кровавого проклятия. Зелье не снимало проклятие, но было способно убрать визуальные проявления. И уже в Шарпе, когда на девушке сработало зелье, Кеторин убедилась в двух вещах: Марта проклята, зелье работает.

Клем лишь покачала головой, когда Кеторин протянула ей склянки.

— Сейчас от них толку мало. Нужен полноценный обряд очищения. А такая доза зелья даже не ослабит воздействия на девчонке.

— Все равно влейте в нее. Даже слабая помощь лучше, чем никакая.

Клем пожала плечами и открыла первый пузырек. Коул держал Марте голову, чтобы та не захлебнулась, пока Клементина вливала в нее пузырьки один за одним. Однако единственное, чего они добились — ее белки перестали быть черными.

— В машину ее, — признавая свое поражение, приказала Кеторин.

Коул кивнул и неуклюже поднялся вместе с девушкой на руках. Рядом с ним Марта казалась подростком — такая же маленькая и худосочная. А в бессознательном состоянии ее вечно напряженные губы расслабились, и лицо утратило свою хмурость. Вот только черная кожа и такие же черные волосы портили всю картину.

Клем тоже поднялась на ноги, опираясь на стену.

— Подожди здесь, — попросила Кеторин и махнула рукой в сторону лежащих на полу людей и открытой двери. — Я пойду проверю, что там. Может смогу понять, куда они исчезли.

— Нить? — с надеждой в голосе спросила Клементина и приложила руку ко рту, когда на нее напал очередной приступ кашля.

— На месте, — сквозь стиснутые зубы процедила Кеторин. Она понимала, что ее злость не совсем правильная, но ничего не могла с собой поделать. И разум, внушающий, что Клем имеет полное право переживать за Люка, отца ее детей и друга детства, не мог перебороть сердце, которому хотелось придушить Клем за одно лишь упоминание его имени. Кеторин была ревнивецей и не желала делиться своим.

И Клем это понимала. Осознание шаткости их отношений всегда светило в ее глазах.

— Иди, я подожду, — кивнула Клем. — В моем состоянии выход на мороз в мокрой одежде сродни безумию.

Кеторин окинула сестру еще одним взглядом, и ревность, вытесненная жалостью, немного поутихла.

— Хорошо, — буркнула она и поспешила во внутренний двор, к эпицентру магического следа.

Вот только понять что-либо и найти хоть один намек на то, куда исчезли Люк и Мегги, Кеторин не смогла. Магическая волна, вызванная Мартой, была сильнее и перекрывала собой то, что осталась от выплеска Мегги. И это было плохо, потому что, как бы Кеторин не напрягала свое зрение, она не могла пробиться через удушающую зеленовато-черную ненависть Марты, которая пропитала все вокруг.

В одно мгновение ей показалось, что она уловила отголосок чего-то иного, светлого и напуганного, но стоило ей повернуть голову — и отголосок исчез. Марта по своей дурости уничтожила возможность понять, что произошло с маленькой ведьмочкой, сила которой пробудилась под давлением негативных эмоций.

К сестре Кеторин вернулась ни с чем, если не считать воды, залившей ей в ботинки. И

они пошли к выходу, попутно обсуждая, что делать с Церковью. Оставлять все, как есть, было нельзя. Место нужно сравнять с землей. И способ они выбрали самый что ни на есть банальный: газ, огонь, взрыв. Главное уйти вовремя и подальше.

Она проводила Клем к выходу и оставила ее на лавочке, а сама вышла к машине, где их уже ждал Коул с охапкой сухих мужских вещей, за которую Кеторин была ему безмерно благодарна. Сам Коул уже успел переодеться, а, заглянув на заднее сиденье машины, ведьма убедилась, что и Марту он успел переодеть. На лице мужчины не было ни намека на стеснение, что позабавило Кеторин.

Похлопав Коула по плечу и лучезарно улыбнувшись, она спросила:

— Свыкаешься с ролью мужа?

— Что-то вроде того, — хмуро буркнул Коул, забираясь на заднее сиденье к Марте.

— Ты только не переусердствуй, — посоветовала ему Кеторин, прижимая охапку вещей к груди. — Понимаешь, грань между отличным мужем, который решает вопросы жены, и маленьким комнатным тираном — очень тонкая.

— И? — Коул выгнул бровь, укладывая голову Марты к себе на колени. Девушка в себя не приходила и вряд ли придет в ближайшее время. — Ты заделалась в семейные психологи?

Кеторин всплеснула бы руками, если бы они не были заняты.

— Нет, что ты... это была просто шутка. Мои советы по отношениям нужно либо пропускать мимо ушей, либо делать что-то противоположное.

— Запомню, — устало ответил Коул и захлопнул дверцу, а Кеторин вернулась к сестре.

Кеторин пришлось помогать Клем переодеться, сама сестра явно не справилась бы. И то, что Кеторин увидела под грязным балахоном, заставило все внутри нее сжаться. Тело сестры представляло один сплошной синяк с разной степенью окраски: где-то фиолетовый, где-то уже пожелтевший, а где-то ярко-красный.

— О Боги, — выдохнула она, натягивая через голову сестры огромный мужской свитер, стремясь как можно быстрее скрыть от глаз наглядное пособие для изуверов. Ей было тошно и противно, и тот факт, что люди, надругавшиеся над ее сестрой, мертвы, не делал ситуацию легче.

Все тайны этого места еще не были раскрыты, но Кеторин прекрасно понимала, что ответы на ее вопросы спрятаны в Городе Кровавых Вод. Здесь, в Церкви, находилась рука чудовища, и Марта ее сломала, а у Кеторин руки чесались свернуть шею этому самому чудовищу.

А Кеторин привыкла добиваться того, чего хочет.

Она с удовольствием, полностью отдаваясь процессу, подготовила все для взрыва, благо никто ей не мешал. Она даже великодушно пожертвовала своим огненным кругом — алмазом в ее коллекции артефактов, — чтобы вспыхнувшее пламя невозможно было потушить, пока оно само не прогорит.

Уезжая, она еще долго смотрела через зеркало заднего вида на полыхающий, словно солнце, костер ее ненависти. Небо окрашивалось красным и розовым, а искры летели в разные стороны. Костер был красивым и своего рода символичным, потому что в этот момент на костре в Церкви охотников не горела ни одна ведьма.

Кеторин всегда любила символизм и пафос. Но пафоса нужно немного, как приправы в супе, чтобы тот заиграл новыми красками. Поэтому для себя Кеторин мысленно окрестила этот день завершением арки «Охотники и Неудачи». И этому потрясающему названию она могла дать десятки объяснений, но остановилась на одном: охотники в ближайшее время не

станут их главной проблемой, а неудачи Кеторин собиралась вырвать с корнем.

Уже отъехав на приличное расстояние от полыхающей обители охотников, Кеторин вспомнила о мистере Рудбриге. Его кристалл скорее всего тоже разлетелся. Ведьма написала ему несколько строк с телефона Марты, пообещав в ближайшее время приехать и все объяснить. На телефонный разговор с этим человеком она пока что была не готова. Уж больно легко ей было представить Алистера на коне и с мечом: такой бравый воин, который отсекает ей голову за то, что она не уберегла его детей.

Кеторин надеялась, что пары дней в Шарпе ей хватит, чтобы подготовиться к разговору.

Глава 51. Молчаливая служанка

Фини стояла за стулом своей госпожи по правую руку от нее и улыбалась. Фини всегда улыбалась. Она не могла не улыбаться. Даже когда хотелось плакать от боли. Даже когда хотелось кричать от ужаса. Даже когда спала.

Уголки ее губ всегда тянулись вверх. Причина была в нитях. В толстеньких жгутиках, которые всегда тянули уголки ее рта вверх. Она могла нащупать их языком во рту, но не делала этого, потому что госпожа замечала любое изменение на ее лице. А госпожа не любила, когда Фини хмурится.

Госпожа самолично, своими белыми руками, вшила Фини жгутики, потому что та была хмурым ребенком, а госпоже не нравились хмурые дети.

Фини помнила день, когда стала горничной госпожи. Ей было семь. И помнила день, когда ей вшили жгутики. Ей было семь с половиной. В тот день госпожу очень расстроил ее сын. Но королева Гертруда запретила госпоже наказывать своего мальчика, и потому госпожа наказала Фини.

Фини помнила боль. Фини помнила, как кричала. Фини помнила, как вырывалась. Фини помнила, что никто ей не помог. Фини помнила, с каким благоговением и восторгом госпожа лицемерила результат своих трудов. Она ласково похлопала Фини по щеке, запустив очередную волну боли и ужаса, и нежно произнесла:

— Теперь у тебя такая милая улыбка. Мне нравится.

Все это было так давно, но Фини все помнила. Теперь жгутики не причиняли боль, как раньше. Лишь легкий дискомфорт и страшные сны по ночам. С тех пор как ей исполнилось восемь, Фини ни одной ночи не спала крепким сном.

Иногда Фини хотелось умереть. Вот только если бы госпожа нашла Фини до того, как та переступила черту, ее положение стало бы еще хуже. Да и Фини тешила себя надеждой, что однажды все это прекратится, госпожа найдет себе новую служанку или же умрет, а Фини заживет хорошей жизнью. Маленькая надежда — единственное, что заставляло ее держаться.

А сейчас Фини стояла за стулом своей госпожи и улыбалась, слушая, как госпожа обсуждает свои планы с другими Старейшинами. То был старинный зал с каменными стенами и деревянными сводами, которые не рассыпались в труху от времени только благодаря древней магии, что держала их. На стенах горел магический хрусталь, наследие мирных лет. Ведьмы Шарпы продавали им свои творения, пока сохранялось хрупкое равновесие. В обеденном зале стены были голыми — только одна единственная фреска занимала дальнюю стену. Такая же древняя, как и замок, она изображала женщину, по телу которой, как шелковое одеяние, струилась кровь, а лысую голову, словно корона, украшал жуткий шрам, как от ожога. В руках женщина держала лук и нож. Мало кто видел фреску Охотницы, ведь в обеденную залу Старейшин не пускали посторонних.

На дубовом столе среди тарелок плавилась свеча, примешивая нотки пчелиного воска к сочному, манящему и пряному аромату мяса. За поздним ужином собралось лишь трое Старейшин. Госпожа Вивьена уже неделю не посещала собрания. Фини знала причину. От Фини ничего и никогда не скрывали, ведь она не могла предать свою госпожу. Потому что расправа никогда не будет соразмерна предательству. Жгутики во рту покажутся Фини наслаждением, если госпожа узнает, что служанка ее предала. Госпожа сама так сказала. В

тот день, когда Фини, всхлипывая, пыталась понять, в чем провинилась и почему должна платить болю за несносного мальчишку, госпожа разъяснила ей все, сопроводив свои слова еще одной доброй улыбкой. Улыбкой, которая, в отличие от всех остальных, не делала ее лицо уродливым, но от которой волосы на затылке вставали дыбом.

— Финниган, подай хлеб, — приказала госпожа Демьяна, и ее служанка обошла стол и взяла два кусочка полотенцем, чтобы преподнести их своей госпоже. Та приняла хлеб и положила его на тарелку, не отвлекаясь от разговора. — Думаю, перерыва в пять дней более чем достаточно. Грабс уже скорее всего вернулась в свое захолустье. Все, что нам нужно — это сыграть на ее эмоциях и заставить помогать под угрозой жизни сестры, конечно. Так что навещу малышку и прихвачу какой-нибудь сувенирчик для ее старшей сестры.

Улыбка госпожи была полна триумфа. Так улыбается человек, достигший вершины. Фини была не знакома такая улыбка. И Фини хотелось плакать от жалости к девочкам, которые уже много лет являются темой для разговоров на поздних ужинах Старейшин. Этих девочек было три: Марта и Магдалина Рудбриг и Джульетта Морт. И ни одной из девочек на собрании не уготовили доброй судьбы. Фини чувствовала родство с каждой из них, хотя в лицо знала только Джилс. Они даже играли вместе в песочнице, пока Фини не исполнилось семь.

— Не боишься, что она применит свои способности против нас? — тихо, но не без вызова в голосе спросила Юнифа.

Рыжеволосая и веснушчатая в молодости, сейчас она представляла жуткое зрелище. Кожа была покрыта таким количеством старческих пятен и бородавок, что невозможно было узнать, какого цвета она была раньше. Мешки под глазами были обвисшими и синюшными, а раздутый зоб делал шею непропорционально большой. Юнифа, хоть и была Старейшиной, но магии в ее крови было мало, и потому старела она, как обычный человек: некрасиво и мучительно. В последние годы Юнифа не появлялась на публике, а в те дни, когда ее присутствие было необходимым, прятала лицо, идя на различные ухищрения от шляп с широкими полями, по кругу которых были пришиты своеобразные шторки, до мантий с такими глубокими капюшонами, в которых невозможно было что-либо разглядеть. Артефакты из Шарпы, которые изготавливали, чтобы прятать не только лица, но даже фигуру за мороком, на кровавых ведьмах либо вовсе не срабатывали, либо срабатывали не так, как надо.

Фини скорее всего единственная ведьма во всем Городе, кроме Старейшин, которая видела лицо Юнифы с тех пор, как та начала стареть.

— Не думаю, — процедила госпожа Демьяна, улыбаясь и мелко кроша хлеб, вымещая на нем свой гнев, вызванный словами Юнифы.

Старейшины Кровавых Вод давно уже делились на два лагеря: лагерь Юнифы и лагерь Демьяны. Отсутствующая Вивьена подчинялась госпоже, а молчаливая Изард — по лицу которой редко можно было понять, о чем она думает, настолько невыразительными были его черты, — чаще поддерживала Юнифу, хотя временами, когда ей было выгодно, занимала нейтралитет. И в такие моменты Фини казалось, что, будь старейшин больше — и лагерей оказалось бы уже три.

— Мы все видели, что стало с Морфеной, — таким же невыразительным, как и лицо, голосом произнесла Изард, немного разрядив обстановку между двумя другими Старейшинами.

— Морфена была дурой! — в сердцах выпалила Юнифа, а госпожа Демьяна лишь

улыбнулась.

— Она просто не знала, с чем столкнулась, — улыбка госпожи стала еще шире, разрушив статическую красоту лица. Возможно, если бы в улыбке госпожи было бы чуть больше доброты, она не походила бы так сильно на волчий оскал. — Если бы знала, привезла бы девочку сюда раньше, чем та успела бы воспользоваться своими способностями.

— И тогда девчонка убила бы нас всех, — Юнифа откинулась на спинку мягкого обитого бархатом кресла и скрестила руки на своем раздутом животе, который невозможно было спрятать ни под одним балахоном. Из-за своего лишнего веса Юнифу нередко сравнивали с древней Старейшиной Шарпы. Лишний вес, пожалуй, единственное, что их роднило. — И искать замену пришлось бы не одной Старейшине, а сразу четверем.

— Не убила бы, — качнула головой Изард, и ее мышинного цвета волосы разметались по плечам. — У четырехлетнего ребенка не хватило бы сил, чтобы убить сразу столько ведьм.

— Смысл рассуждать, что было бы, а чего не было бы? — госпожа Демьяна всплеснула руками и взяла полотенце, чтобы стереть с них крошки. — Воды, Финниган. Единственное, что изменилось бы: мы не потратили бы столько времени впустую, а уже тогда начали бы действовать.

Она сделала большой глоток из бокала, поднесенного служанкой и, покрутив тот в руке, отставила. Юнифа усмехнулась, и в этой усмешке так и сквозило отвращение к госпоже Демьяне. Отношения между Старейшинами Города Кровавых Вод всегда были натянутыми, каждая словно тянула край одеда на себя, и Фини никак не могла понять, как эти четверо все же смогли сговориться против Гертруды и Джульеты. Наверное, правы те люди, что говорят: даже враги объединяются, когда цель хороша.

— По Джилс новости есть? — неожиданно сменила тему разговора Юнифа, и госпожа Демьяна обожгла ее злым взглядом.

Все Старейшины знали, по чьей вине королева сбежала — и не просто сбежала, а еще и прихватила с собой корону. Все понимали, что госпожа Демьяна и Вивьена были слишком самоуверенны и не взяли в расчет Люциана Томбела. Да и госпожа сама понимала свой просчет и злилась на тех, кто упрекал ее в ошибке. А страдала Фини. В тот день на ее спине живого места не осталось, да и сейчас Фини было больно ходить и двигать руками. Даже обезболивающие повязки, пропитанные кровью и ромашкой, не помогали. Идти к лекарям госпожа запретила, мол, зачем тратить магию на служанку, если та все равно не умрет от своих ран, да заразу не подхватит: ведьма же как-никак. Слабая, но ведьма.

— Никаких, — сквозь стиснутые зубы процедила госпожа Демьяна. — С тех пор, как она оглушила охотников в том городке, о девчонке ни слуху ни духу. На заправках она больше не появлялась. Думаю, затаилась в каком-нибудь городке и сидит, боясь выйти на улицу.

— А парень, который ей помогает? — все в той же безэмоциональной манере спросила Изард, и только по тому, как была наклонена ее голова, Фини поняла, что Старейшине действительно интересно. Иногда Фини казалось, что госпожа Изард лишь прячет свои эмоции от окружающих, чтобы у тех не было возможности давить на нее. — Он из Шарпы?

Госпожа Демьяна покачала головой.

— Нет, его смогли пробить по полицейской базе. Элиот, кажется. Просто случайный мужчина, которому наша маленькая королева вскружила голову. Она всегда была такой — умело выставляла на показ свою слабость, а они и ведутся. Как же — принцесса в беде! — ее слова так и сочились ядом. — Но недолго ей осталось, найдут и притащат сюда.

— Я бы не рассчитывала, что все выйдет так просто, — не согласилась Изард.

Юнифа рассмеялась.

— Не драматизируй, она всего лишь девчонка, которая собственной силы боится. Что она может? Плакать и молить о пощаде? Даже поверить не могу, что у Гертруды выросла такая бесхребетная внучка. Согласись мы ей подчиниться, и уже собирали бы цветочки в полях вместе с Шарпскими суками, пока магия окончательно покидает этот мир.

— Бесхребетная, — кивнула госпожа Демьяна. — Но усилителем смогла воспользоваться. Хотя ее никто этому не учил.

— Конечно, смогла. Ведь корона выбрала ее. Если бы Джилс не смогла ей воспользоваться, я бы навсегда разочаровалась в Гертруде и ее потомстве, — Юнифа ехидно посмеивалась, и живот ходил ходуном под мантией, словно студень. — Что мать, что дочь... Если бы не болезнь, Гертруда бы вернула бы нас назад. Домой. Но болезнь сделала ее слабой.

Госпожа Демьяна недовольно поджала губы, а Изард уткнулась в свою тарелку. Обе красноречиво и без слов давали понять, что не разделяют точку зрения Юнифы, которая единственная еще относилась к мертвой королеве с почтением. Фини бывшую королеву тоже не любила, потому что та отдала ее госпоже. Гертруда прекрасно знала, на что обрекает маленькую сиротку, и не испытывала угрызений совести. Она подарила госпоже Демьяне девочку для битья, чтобы та не срывалась на других. Теперь-то Фини понимала, что так королева контролировала свою Старейшину.

«Клубок змей, — с тоской подумала она, — они лишь клубок змей. Гадюк».

Фини хотелось убежать, закрыться в своей маленькой клетушке и возможно поспать, но ее желания не брались в расчет. Старейшины как всегда засиделись допоздна: они все разговаривали, спорили, обменивались колкими замечаниями, а Фини слушала их в пол уха. Ничего нового она не узнала. От их встреч не было никакого толку, ведь большая часть их разговоров повторялась изо дня в день, по десятому и по сотому кругу, и лишь изредко проскакивало что-то новое.

Уставшая за день Фини клевала носом и не сразу заметила тот момент, когда Юнифа вдруг захрипела и принялась хватать ртом воздух так, словно ей сжимали горло. Сильно так сжимали. У Изард удивленно округлились глаза, а в следующую секунду она тоже захрипела. Госпожа Демьяна подскочила с кресла и, чуть не сбив Фини с ног, понеслась прочь из зала. Фини же, как и положено верной служанке, поспешила за ней, толком не понимая, что происходит. Выбегая вслед за госпожой, стараясь не морщиться от боли в спине, она заметила две вещи. Юнифа уже не хрипела. Да и не дышала. Ее безвольная голова была запрокинута на спинку кресла, а из сморщенного рта торчал кончик языка и капала слюна. Изард же пила что-то из маленькой склянки, с потугами пытаясь протолкнуть жидкость через судорожно сжимающееся горло. С ее лба градом тек пот, а в глазах стоял ужас. И, пожалуй, это был единственный раз, когда Фини видела столько эмоций на лице Старейшины.

Но в следующее мгновение дверь захлопнулась, и Фини не увидела развязки событий, потому что бежала вслед за своей госпожой на второй этаж — туда, где располагались спальни Старейшин. А перед глазами все это время стояла запрокинутая голова Юнифы и тоненькая ниточка надежды вилась, заставляя Фини улыбаться еще сильнее.

А что если?..

Госпожа скрючилась на коленях возле шкафа, когда запыхавшаяся Фини вбежала в

комнату. Она сжимала горло одной рукой, а другой пыталась дотянуться до чего-то на полке. Она хрипела и стонала.

Фини застыла в дверях: перепуганная и не знающая, что делать. Правильная и верная служанка должна помочь своей госпоже. Измученная девочка хотела не вмешиваться и просто подождать, когда все как-то само разрешится. Но Фини знала, что, если госпожа справится сама, а потом узнает, что ее служанка просто стояла и смотрела, когда должна была помогать...

Фини передернуло от одной лишь мысли о том, как госпожа отыграется на ней. Понимая, что своими же руками обрывает тоненькую ниточку надежды, Фини подошла к госпоже и тихо произнесла:

— Вам помочь? — голос ее был очень нежным, хотя в сердце не было ничего даже отдаленно напоминающего это чувство.

— Коробка, — выдохнула госпожа. — Коробка с сердцами.

Фини сразу же поняла, о чем речь. Перегнувшись через госпожу, она достала нужную коробку и, опустившись на колени рядом со Старейшиной, раскрыла хитроумный замочек, откинув крышку. Внутри обычной деревянной скорее шкатулки, нежели коробки, на бархатной подложке лежало два полных крови и зелья сердца. Сердца сына госпожи Демьяны и его жены.

Трясущейся рукой Старейшина выхватила одно из сердец и впиалась в него зубами. Кровь вперемешку с фиолетовыми струйками зелья стекала по лицу, шее и пальцам ведьмы, а та с упоением продолжала вгрызаться в плоть. И с каждым укусом ее лицо разглаживалось, а мокрые пальцы переставали так судорожно сжимать горло.

Фини захлопнула крышку и вернула на место замок, а затем убрала шкатулку на место, прежде чем помочь своей госпоже подняться.

Дверь тихо открылась, и в комнату проскользнула Изард. Бледная и измученная, словно человек, перенесший тяжелую болезнь. Волосы ее были все еще мокрыми от пота, а из глаз так и не пропал отголосок затаенного страха.

— Девчонка прокляла нас, Демьяна, ты понимаешь? — с губ Старейшины сорвался тихий смешок. — Прокляла, даже не видя! Даже не зная, кто мы! А ты хотела угрожать ей младшей сестрой! Да она расплыла бы тебя, только заикнись ты о «благополучии» девочки.

Госпожа Демьяна промолчала, взглядом показав Фини на ванную комнату. Приняв на себя большую часть веса госпожи, Фини помогла ей дойти до ванной. Изард последовала за ними.

— Юнифа мертва. И мы не знаем, что теперь с Вивьеной, возможно она тоже не успела защититься, — говорила она об этом таким спокойным голосом, словно обсуждала перечень блюд на ужин, а не чужие жизни.

Фини подвела госпожу к раковине и открыла краны.

— Мы ее недооценили, — констатировала госпожа Демьяна и плеснула водой себе на лицо. Фини подала госпоже узорчатое полотенце, и та промокнула им лицо и руки. На светлой ткани остались красно-фиолетовые пятна, но госпожу это не волновало.

Госпожа вернулась в спальню и полулежа устроилась на мягком диванчике возле неразожженного камина. В Городе Кровавых Вод никогда не жгли костров, чтобы согреться — здесь всегда стоял один и тот же теплый день.

Изард устроилась в кресле напротив, закинув ногу на ногу и сцепив пальцы в замок на колене. Обе Старейшины выглядели слабыми и измученными, а еще явно напуганными, хоть

и старались этого не показывать. Фини прикрыла дверь ванной и встала возле нее. Все, чего ей хотелось — скрыться в своей манящей каморке и немного поспать, лежа на животе, чтобы не тревожить спину. Вот только ее не отпускали, а спросить дозволения уйти самой она боялась. Сейчас одно лишнее движение или неверно брошенное слово могли оказаться для нее фатальными.

— Мы скажем, что магия оставила Юнифу, — начала госпожа Демьяна. — И покажем ее тело. Оно как нельзя лучше докажет, что Юнифа умерла по естественным причинам, а не потому, что ее прокляли.

Изард кивнула, соглашаясь со Старейшиной.

— И мы не станем объявлять о смерти Вивьены, — продолжила госпожа. — Скажем, что она в миру с важной миссией.

— Да, не за чем пугать ведьм, — снова кивнула Изард. — И не стоит пока что искать новую Старейшину. Отложим ее выбор до возвращения королевы. Скажем всем, что не можем принимать такое важное решение без Вивьены и Джульетты.

Госпожа Демьяна склонила голову на бок, обдумывая предложения.

— Да, так будет правильно. Не стоит посвящать посторонних в наши планы, пока не понятно, что именно произошло, — согласилась она. — Я уеду к охотникам после того, как тело сожгут. Нельзя затягивать с этими девчонками.

Страх и смерть сделали их едиными во мнении, как никогда прежде.

— Мы сделаем вид, что не знаем, как умерла Юнифа.

Обе Старейшины посмотрели на Фини — у них были планы на нее, и девушка мысленно содрогнулась под алчным взглядами. Однако на лице служанки не отразилось ничего, кроме извечной подобострастной улыбки.

— Финниган, завтра с утра ты поднимешь шумиху вокруг мертвой Старейшины. Распахнешь дверь залы и будешь рыдать в коридоре так, словно потеряла мать. Понятно?

— Да, моя госпожа.

— А сейчас спустись и запри залу, чтобы никто случайно не нашел Юнифу раньше времени.

— Да, моя госпожа.

Стоило дверям спальни госпожи захлопнуться за Фини, как она испустила вздох облегчения и поспешила к зале Старейшин. Она понимала, что никто из посторонних не зайдет туда, но приказ была обязана выполнить. А, так как госпожа Демьяна не сказала ей вернуться после, следующим местом назначения Фини стала ее маленькая клетушка, где она смогла сменить повязки и наконец-то вытянуть гудящие ноги.

Больше книг на сайте - Knigoed.net